

МАРИЯ ВАСИЛЬЧИКОВА

МАРИЯ
ВАСИЛЬЧИКОВА

БЕРЛИНСКИЙ
ДНЕВНИК
1940–1945

*Перевод с английского
Е. В. Маевского, Г. И. Васильчикова*

Комментарии Н. Л. Елисеева

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ | 2024

УДК 94(430) «1939/1945»-94 = 161.1 = 03.111

ББК 63.3 (4Гем) 62-49-021*83.3

В 19

*Издано при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития,
связи и массовых коммуникаций Российской Федерации*

Васильчикова М. И. Берлинский дневник: 1940–1945 / Пер. с англ. Е. В. Маевского, Г. И. Васильчикова; Предисл. и послесл. Г. И. Васильчикова; Комментар. Н. Л. Елисеева. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2024. — 648 с., ил.

ISBN 978-5-89059-545-4

Дневник княжны Марии Илларионовны Васильчиковой (1917–1978), впервые изданный в Великобритании в 1984 г., сразу стал бестселлером и переведен на множество языков. Дочь русских аристократов-эмигрантов, с 1940 г. сотрудница Министерства иностранных дел Германии, она была подругой высокопоставленных офицеров и дипломатов, участников заговора 20 июля 1944 г., закончившегося неудачным покушением на Гитлера, совершенным полковником Клаусом фон Штауффенбергом. После провала заговора Васильчикова вела записи при помощи особого скорописного шифра. Это один из редких уцелевших документов, дающих точную социально-психологическую картину аристократической оппозиции. Дневник мужественной и умной, талантливой и наблюдательной русской аристократки, верной и своему Отечеству и своей культуре, в сложнейшей исторической ситуации сохранившей порядочность и честь, совершенно необходим современному российскому читателю.

Фото на обложке: Мария Васильчикова. 1941 год

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

© The Estate of Marie Vassiltchikov, 1985

© Е. В. Маевский, Г. И. Васильчиков, перевод, 1994

© Г. И. Васильчиков, предисловие, послесловие, комментарии, 1994

© Н. Л. Елисеев, комментарии, 2024

© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2024

© Издательство Ивана Лимбаха, 2024

Бывают времена, когда торжествует безумие.
Тогда головы секут самым благородным...

Альбрехт Хаусхофер.
Сонеты из Моабита. Спутники

Предисловие

Автор этого дневника, Мария Илларионовна Васильчикова (домашнее имя Мисси) родилась 11 января 1917 года в Петербурге и скончалась от лейкемии 12 августа 1978 года в Лондоне.

Она была четвертым ребенком в семье с пятью детьми и третьей дочерью бывшего члена Государственной думы IV созыва князя Иллариона Сергеевича Васильчикова¹ и его супруги Лидии Леонидовны, урожденной княжны Вяземской².

Род Васильчиковых происходит от Толстых, он отделился в XV веке. По преданию, родоначальником их был некий Индрис, прибывший на Русь с сыновьями и дружиной «из Земли кесаревой» в середине XIV века и ставший боярином князей Черниговских. Его потомки переселились в Москву и были боярами сперва у великих князей, а потом у царей московских; последующие поколения Васильчиковых стали дипломатами, военачальниками, общественными деятелями и государственными людьми у императоров российских.

Весной 1919 года Мисси покинула Россию вместе с семьей и росла в Германии, во Франции и в Литве, тогда еще независимой. Русские беженцы рассеялись по всему миру, но Франция, где Мисси провела свою молодость и училась, была перед последней войной, несомненно, центром

общественной и культурной жизни русской эмиграции. И несмотря на материальные лишения вследствие мирового экономического кризиса и массовой безработицы (первыми жертвами которых неизбежно становились иностранцы), эта жизнь была ключом. А так как в Советском Союзе, где царило большевистское лихолетье, бушевало культурное варварство, русская эмиграция имела основание считать себя носителем и хранителем того лучшего, что в прошлом дала их Родина.

Хотя, как и большинство русских беженцев, Мисси искренно полюбила культуру тех стран, куда ее бросала судьба и хотя у нее был всю жизнь обширный круг друзей всех национальностей и она подолгу проживала то тут, то там, никогда она и не помышляла об ассимиляции и не отреклась от семейных традиций, так тесно связанных с Россией и русской культурой.

Сначала в Баден-Бадене, а затем в Париже она немедленно находила русских родственников и друзей, слышала русскую речь, молилась в русских православных храмах, справляла русские праздники, посещала русские спектакли и концерты и, позже, собрания, участвовала в русских любительских вечерах. Иными словами, она постоянно подвергалась влиянию той «русскости», проявление которой даже у тех, кто родился и вырос за рубежом, так поражает многих. В итоге всю свою жизнь и в любых условиях Мисси оставалась русской православной женщиной. Эта особенность ее существа проявляется и по ходу ее дневника.

В 1932 году семья покинула Францию и поселилась в Каунасе, тогдашней столице Литвы. Проездом оказавшись в Германии, они стали свидетелями прихода к власти Гитлера и первых бесчинств нацистов. Воспоминания об этом были неизгладимы. Впоследствии — когда она стала вести свой дневник — этическому неприятию любого

тоталитарного режима суждено было выявиться с особой силой.

В Литве, где перед революцией находилось любимое имение Васильчиковых и где ее отец начал государственную службу как губернский предводитель дворянства, а затем как член IV Государственной думы, Мисси впервые познакомилась с природой и специфическим образом жизни и атмосферой Восточной Европы, столь отличными от Запада. В Литве и Мисси начала свою трудовую жизнь, поступив секретаршей в английское посольство.

Но уже в 1938 году ей пришлось уехать в Швейцарию, ухаживать за смертельно больным туберкулезом старшим братом Александром³. Когда осенью 1939 года разразилась Вторая мировая война, 22-летняя Мисси и ее 24-летняя сестра Татьяна⁴ (ныне вдовствующая княгиня Меттерних) находились в Германии, где они проводили лето у приятельницы матери, графини Ольги Пюклер⁵, в Силезии. Остальные члены семьи были разбросаны кто где: родители и младший брат, 20-летний Георгий⁶ (домашнее имя Джорджи) проживали в Каунасе, где вскоре Красная армия начала занимать стратегические позиции; а старшая сестра, 30-летняя Ирина⁷, — в Италии.

В те годы в результате массовой безработицы иностранцу было практически невозможно найти какую-либо работу в западных демократических странах. Только в фашистской Италии и в гитлеровской Германии экономический кризис был более или менее преодолен вследствие развертывания крупномасштабных строительных работ и интенсивного вооружения. Поэтому только там, обладая желанными квалификациями, литовские гражданки, сестры Васильчиковы, могли найти работу.

В январе 1940 года они переехали в Берлин. Дневник Мисси начинается с прибытия сестер в столицу Третьего

рейха, где жизнь в эту первую зиму войны, если не считать затемнения и строгой карточной системы, была еще сравнительно нормальной. Поэтому начало дневника удивляет своей «светскостью». Лишь с апреля 1940 года и с немецким наступлением на Скандинавские и западные страны сама война, со всеми ее ужасами и последующими нравственно-этическими конфликтами, понемногу начинает занимать в дневнике все большее место, с тем чтобы под конец вытеснить все другое. И параллельно читатель замечает, как сама Мисси зреет — от умной и наблюдательной, веселой, но слегка наивной и беспечной молодой девушки к бесстрашной, но уже вполне все осознающей, все понимающей и глубоко переживающей молодой женщине.

Хотя Мисси не являлась гражданкой Германии, со своим знанием пяти европейских языков и секретарским опытом она довольно быстро устроилась на службу — сперва в Бюро радиовещания, а затем в Информационный отдел Министерства иностранных дел. Там она вскоре подружилась с маленькой группой убежденных противников гитлеризма, которые впоследствии стали активными участниками заговора 20 июля 1944 года⁸. В те времена мало кто вел дневник — из элементарной предосторожности, — а после провала заговора и немногие существующие записи, естественно были, авторами уничтожены. Таким образом, чудом уцелевшая хроника Мисси, с ее тщательным описанием день за днем, а иногда час за часом безуспешной попытки графа фон Штауффенберга⁹ убить Гитлера и свергнуть его режим и последовавшей за провалом оргии террора, во время которой погибло много ее близких друзей и сотрудников, является чуть ли не единственным известным нам очным свидетельством этих страшных недель.

Спасшись чудом из пылающих развалин разрушенного бомбами союзников Берлина, Мисси провела последние месяцы войны, работая медсестрой в военном госпитале в Вене. Затем она вместе с госпиталем эвакуировалась в Западную Австрию, где ее и застал конец войны. Год спустя она вышла замуж за американского офицера П. Харндена¹⁰, ставшего впоследствии известным архитектором, и жила во Франции и Испании. После смерти мужа в 1971 году Мисси переехала в Лондон. Там она и скончалась.

За полтора года до своей кончины, будучи уже смертельно больной, Мисси вернулась в Россию, в тогдашний Ленинград, туристом. Там, войдя в здание ДОСААФ на Фонтанке¹¹, где наша семья жила перед революцией и откуда ее увезли восьмимесячным ребенком осенью 1917 года, она была тепло принята ветераном адмиралом, который провел ее по всему зданию, и она даже посетила комнату, где родилась. Этому посещению суждено было стать ее прощанием с родиной.

Кроме дневника, Мисси больше ничего в своей жизни не написала. Ее служебные обязанности не представляли, собственно говоря, за редкими исключениями, большого исторического интереса. Но ей случилось быть там, где совершалась история, и точно к моменту, когда она совершалась, знать многих непосредственных видных участников событий и дружить с людьми, сыгравшими значительную историческую роль в Европе того времени. Более того, пользоваться их доверием. И как она сама говорила, потребность в дневнике в те критические годы была для нее почти физической — не фиксировать то, что происходило вокруг, было выше ее сил. Мисси вела записи систематически, отстукивая на своей машинке в министерстве впечатления о случившемся накануне. Лишь более длинные отрывки были написаны несколькими днями позже.

Дневник велся на английском языке, которым она владела с детства. Написанные страницы прятались среди официальных бумаг, хранившихся в ее служебном кабинете. Когда их накапливалось чересчур много, Мисси их забирала и прятала или у себя дома, или же в загородных домах друзей, где ей случалось гостить. Сначала она писала так открыто, что не раз ее начальники выговаривали ей: «Послушайте, Мисси, отложите свой дневник и давайте немного поработаем!» Лишь после провала заговора 20 июля она стала более осторожной — эта часть дневника писалась изобретенной ею самой скорописью.

Хотя бомбардировками были разрушены многие дома, в которых она поочередно проживала, и хотя к концу войны ей пришлось бежать из осажденной советскими войсками Вены, большая часть дневника уцелела.

Вскоре после войны Мисси расшифровала и отпечата-ла написанное скорописью и перепечатала начисто все остальное. Дневник оставался нетронутым более четверти века — до 1976 года, когда под упорным давлением брата и друзей и в свете некоторых других обстоятельств она наконец решила его опубликовать. Но и тогда она ничего не изменила по существу, внеся лишь кое-какие стилистические поправки и заменив кое-где звездочки именами. Мисси была твердо убеждена, что если дневник и заинтересует кого-то, то лишь потому, что, написанный для себя, он был абсолютно спонтанным, откровенным и честным и отражал то, что она пережила. Изменяя что-либо в свете того, что стало известно впоследствии, или же с целью защитить чью-то репутацию или даже свои собственные, возможно неправильные, суждения, она бы нанесла дневнику непоправимый урон. Мисси закончила подготовку дневника к печати буквально за несколько недель до своей кончины. Впервые он был издан в Англии в 1984 году¹², к 1993 году вышел на девяти языках и стал во многих странах бестселлером.

Мисси была очень скромна. Никогда в жизни она не смогла бы предвидеть триумфального успеха своего дневника (например, в США он является обязательным чтением на исторических факультетах нескольких наиболее известных университетов). Восторженные рецензии авторитетных обозревателей ее удивили бы и даже смутили, но и обрадовали бы. Действительно, согласившись наконец на издание дневника, она меньше всего искала личной славы. Главным ее побудительным мотивом было, с одной стороны, желание показать на живых примерах, что даже в условиях полного беззакония, безнравственности и тотального террора любой человек, независимо от своего социального происхождения и политических убеждений, может, лишь бы он этого хотел, жить бесстрашно, с достоинством, честно; а с другой стороны, рассказать о тех многочисленных мужчинах и женщинах, которые в гитлеровской Германии и в занятой немцами Европе нашли в себе мужество сказать «Нет!» преступному тоталитаризму и, во многих случаях, заплатились за это жизнью.

Русского читателя, возможно, несколько удивит неоднозначное отношение Мисси к войне, к воюющим сторонам, к немцам, к союзникам, к России, к Советскому Союзу, к русским — советским — соотечественникам, которых, кстати, она никогда не переставала таковыми считать. Но, будучи, как и все мы, искренней *русской* патриоткой, она никогда не поддавалась искушению отождествлять Россию и русских с СССР, с большевистско-советским режимом и его официальными представителями. Равно как она решительно отвергала нацизм, так же решительно она отвергала коммунизм, и по тем же причинам.

Так, когда идет речь о страданиях русского народа или о его героизме, она инстинктивно пишет слово «русский». Так же инстинктивно она пишет «советский», когда идет речь о постыдных действиях СССР! Причем ее неприятие

обеих систем было не только политическим. Оно носило нравственно-этический характер. Поэтому то, что творили нацисты в России, вызывало ее возмущение как у русской патриотки, но в не большей мере, чем преследования евреев теми же нацистами в самой Германии или их местными приспешниками в оккупированных странах или, под конец войны, зверства и насилия, учиненные Красной армией и НКВД в Восточной Европе и занятой ими части Германии. Повешенный впоследствии нацистами, ее шеф в Министерстве иностранных дел Адам фон Тротт¹³ в письме к жене как-то писал о Мисси: «В ней есть что-то... позволяющее ей парить высоко-высоко над всем и вся. Конечно, это отдает трагизмом, чуть ли не зловеще таинственным...» Тротт верно уловил дилемму Мисси в последнюю войну: несмотря на ее привязанность ко всему русскому, для нее, прожившей уже во многих странах, дружившей с людьми самых различных национальностей, не существовало родового понятия «немцы», «русские», «союзники». Для нее существовали только люди, отдельные личности. И их она делила на порядочных и достойных уважения и непорядочных и недостойных уважения. Доверяла, дружила она исключительно с первыми. И они же искали ее дружбы и ей доверяли. Чем, конечно, объясняется тот факт, что, не будучи немкой, она оказалась в курсе такого сверхсекретного предприятия, как подготовка покушения на жизнь Гитлера в июле 1944 года. По-видимому, именно это и объясняет сегодня успех ее книги во всех странах, где она издавалась, и у всех ее читателей, как и продолжающееся обаяние ее личности еще теперь, полвека спустя после описываемых ею событий.

1940

ЗАМОК ФРИДЛАНД¹⁴. Понедельник, 1 января. Ольга Пюклер, Татьяна и я тихо встретили Новый год в их замке Фридланд. Мы зажгли елку и гадали, выливая расплавленный воск и свинец в чашу с водой. Вот-вот ожидаем Мама́ и Джорджи из Литвы. Они повторно сообщали, что приезжают. В полночь зазвенели все колокола деревни. Мы высунулись из окон и слушали: первый Новый год этой новой мировой войны.

Когда 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, Литва (где жили родители Мисси и ее брат Георгий) еще была независимой республикой. Однако по секретному протоколу к Германско-советскому договору о дружбе и границе от 28 сентября (дополнившему пакт Молотова — Риббентропа о ненападении от 23 августа) она включалась в зону влияния СССР, и после 10 октября ряд стратегически важных городов и аэродромов заняли гарнизоны Красной Армии. С этого момента семья Мисси готовилась бежать на Запад. Существование этого тайного протокола, о котором на Западе знали с конца войны, долго отрицалось советской стороной. Только с приходом гласности и под давлением общественного мнения в Прибалтике, дымовая завеса очередного обмана распалась и летом 1989 года его существование было наконец официально признано Москвой.*

* Здесь и далее курсивом комментарии Г. И. Васильчикова. Ред.

БЕРЛИН. Среда, 3 января. Мы выехали в Берлин с одиннадцатью местами багажа, включая граммофон. Отправились в путь в пять утра. Стояла полная темнота. Управляющий имением отвез нас в Оппельн¹⁵. Ольга Пюклер дала нам займы денег на три недели; за это время мы должны найти работу. Татьяна написала Джейку Биму¹⁶, одному из молодых людей, служащих в американском посольстве, с которыми она познакомилась весной этого года; не исключено, что там пригодится наш опыт работы в британском представительстве в Каунасе.

Посольство США в Берлине функционировало до 11 декабря 1941 года, когда вслед за нападением Японии на Перл-Харбор Гитлер объявил США войну.

Джейкобу (Джейку) Биму (скончался в 1993 г.) предстояла блестящая карьера, которую он закончил в должности посла США в СССР.

Поезд был переполнен, и мы простояли в коридоре. К счастью, двое солдат помогли нам погрузить багаж, иначе мы ни за что не втиснулись бы. Мы прибыли в Берлин с опозданием на три часа. Не успели мы добраться до квартиры, которую нам на время любезно предоставили Пюклеры, как Татьяна принялась звонить друзьям: когда звонишь, становится не так одиноко. Квартира находится на Литценбургерштрассе¹⁷ — это улица, параллельная Курфюрстендамму¹⁸. Квартира очень большая, но Ольга попросила нас обойтись без прислуги, опасаясь за ценные вещи, и поэтому мы пользуемся только одной спальней, ванной и кухней. Все остальное стоит в чехлах.

Четверг, 4 января. Большую часть дня мы устраивали затемнение на окнах, так как здесь никого не было с начала войны в сентябре.

Суббота, 6 января. Одевшись, мы осторожно спустились во тьму и, к счастью, нашли на Курфюрстендам такси, на котором и поехали на бал в чилийское посольство возле Тиргартена¹⁹. Принимал нас посол Морла²⁰, который был послом в Мадриде, когда началась Гражданская война²¹. Хотя их правительство поддерживало республиканцев²², они предоставили убежище более чем 3000 человек, которых в противном случае расстреляли бы красные и которые укрывались в чилийском посольстве три года, спали на полу, на лестницах, всюду, где только находилось место; и несмотря на сильное давление со стороны республиканского правительства, супруги Морла не выдали ни одного человека²³. Это особенно поразительно, если учесть, что брату герцога Альбы, потомку шотландских Стюартов, искавшему убежища в британском посольстве, было вежливо отказано; вскоре его арестовали и расстреляли²⁴.

Бал был чудесный, совсем как в довоенные годы. Сначала меня пугало, что я мало кого буду знать, но потом я сообразила, что знаю довольно многих с прошлой зимы. (*Мисси навещала сестру в Берлине зимой 1938/39 г.*)

Среди новых знакомых были сестры Вильчек²⁵, обе очень красивые и изумительно одетые. Их отец был последним германским послом в Париже²⁶. Присутствовал также их брат Ханзи²⁷ со своей прелестной невестой Зиги фон Лаферт²⁸ и еще много других друзей, в том числе наш дальний родственник Ронни Клари²⁹, который очень хорош собой; он только что окончил Лувенский университет и прекрасно говорит по-английски — что было для меня большим облегчением, так как мой немецкий пока еще не на высоте. Большая часть присутствовавших молодых людей — курсанты Крампница³⁰, офицерского броневого училища под Берлином. Потом пела Росита Серрано³¹ (*популярная чилийская певица*), называя юного Эдди Вреде³², которому девятнадцать

лет, «Bel Ami»³³ (намекая на известный роман Мопассана), что ему невероятно льстило. Мы сто лет не танцевали и вернулись домой в пять утра, набившись всей компанией в машину Картье³⁴, бельгийского дипломата, который дружен с Вильчеками.

Воскресенье, 7 января. По-прежнему отчаянно ищем работу. Мы решили не просить о помощи друзей, а обращаться непосредственно к деловым знакомым.

Понедельник, 8 января. Сегодня днем в американском посольстве у нас была встреча с консулом. Он был дружелюбен и сразу же подверг нас испытанию, которое нас обескуражило, так как мы не были внутренне к нему готовы. Нас усадили за пишущие машинки, вручили нам также стенографические блокноты, и консул стал диктовать в таком темпе и с таким сильным американским акцентом, что мы не все понимали; и что совсем плохо, напечатанные нами два варианта письма, которое он диктовал, оказались неодинаковыми. Он сказал, что позвонит нам, как только появятся вакансии. Однако мы не можем долго ждать, и если тем временем подвернется что-нибудь другое, нам придется согласиться. К сожалению, значительная часть международного бизнеса свернута и нет больше фирм, которые нуждались бы в секретаршах со знанием французского или английского языков.

Четверг, 11 января. Мой двадцать третий день рождения. К нам пришла на чай Зиги Лаферт, невеста Ханзи Вильчека. Она удивительно хороша собой, многие называют ее «прототипом немецкой красавицы»³⁵. Вечером Райнхард Шпици³⁶ водил нас в кино, а потом в ночной клуб «Сиро», где мы пили шампанское и слушали музыку: танцы в общественных местах теперь запрещены.

Суббота, 13 января. На рассвете появились Мама́ и Джорджи. Я не видела Джорджи больше года. Он не изменился, такой же очаровательный и очень заботится о Мама́,

которая выглядит совсем больной и изнуренной. В Литве, которая постепенно советизируется, им пришлось пережить много волнительного. Им всем давно следовало уехать. Но Папа пока остался; у него намечена крупная сделка.

Когда осенью 1939 г. в Литве появились первые советские военные базы, западные друзья-дипломаты сказали семье Мисси, что, пока идет речь о Красной армии, бояться им нечего; когда же появятся части НКВД, следует немедленно уехать. Еще тогда они выхлопотали себе въездные визы в Германию (куда было ближе всего, в случае необходимости, бежать) и закупили железнодорожные билеты. Как-то ночью, в середине января 1940 г., зазвонил телефон и знакомый голос сказал: «Эти господа прибыли». Утром на заре мать и брат тронулись в путь. Отец задержался еще на шесть месяцев и бежал уже, как увидим, пешком, «через зеленую границу»³⁷.

Воскресенье, 14 января. Мы устроили Мама́ и Джорджи в квартире Пюклеров, чтобы им не пришлось платить за гостиницу. Тем более что у них всего сорок долларов на двоих. Поскольку работы у нас все еще нет, финансовое положение катастрофическое. Они подумывают остаться здесь. Это было бы ошибкой. Здесь очень холодно, есть нечего, политическая ситуация более чем шаткая. Мы пытаемся уговорить их ехать в Рим, где у Мама́ много друзей и где есть большая колония русских беженцев. Тут ей будет одиноко, так как за исключением иностранных посольств, число которых быстро сокращается по мере того, как война все ширится, в городе не осталось почти никакого круга общения. Теперь Берлин — город холостяков, здесь одни наши сверстники, которые либо служат в вооруженных силах, либо весь день работают в учреждениях, а вечера проводят в ночных клубах. В Риме Ирина уже неплохо устроилась; жизнь будет легче, хотя бы уже из-за климата,

а как только мы начнем работать, мы сможем регулярно посылать им деньги.

Понедельник, 15 января. Новый правительственный указ: ванна только по субботам и воскресеньям. Это порядочный удар: в большом городе на удивление быстро делаешься грязной, и потом это был один из немногих способов согреться.

Среда, 17 января. Мы много времени проводим дома — чтобы побольше быть с родными. У Мама́ сильно расстроены нервы: сказывается все то, что она пережила со времени смерти (скончавшегося в апреле 1939 года брата) Александра.

Четверг, 18 января. У Джорджи огромный аппетит, а наши продовольственные запасы — мы привезли масло и колбасу из Фридланда — быстро тают. Это еще один довод в пользу того, чтобы они ехали в Рим. Здесь Джорджи очень скоро начнет страдать от недоедания, а Италия, к счастью, пока в войне не участвует, и там нет продовольственных карточек.

Пятница, 19 января. Катя Клейнмихель³⁸ работает в английском отделе ДД. Не исключено, что она сможет устроить туда на работу и меня.

Клейнмихель — русский графский род. В российской истории наиболее известен П. А. Клейнмихель (1793–1869), государственный деятель, приближенный к Аракчееву, а затем к Николаю I, главный управляющий путями сообщения и публичными зданиями.

Мы просто не знаем, как быть, потому что из посольства США молчат, а мы их беспокоить не смеем. Мы едва сводим концы с концами, а с приездом родных наши небольшие сбережения быстро тают. Мы говорили с кем-то из концерна «И. Г. Фарбен»³⁹, но им нужны люди, умеющие

хорошо стенографировать по-немецки, а с этим у нас неважно.

ДД (*Drahtlose Dienst*, т. е. служба радиовещания⁴⁰) — отдел новостей в «Рейхс-рундфунк гезельшафт», или РРГ. На некоторое время одним из начальников Мисси станет будущий западно-германский канцлер д-р К. Г. Кизингер⁴¹.

Понедельник, 22 января. Сегодня пошла в бюро к Кате Клейнмихель на Фридрихштрассе и все утро печатала на машинке под диктовку по-английски; это было мое первое испытание, и оно не могло быть легче. Испытание было на скорость; мне сказали, что меня вызовут позже. Учреждение напоминает сумасшедший дом: все делается в спешке, потому что надо уложиться в расписание радиопередач. Среди возможных будущих сослуживцев наткнулась на родившегося в Чехословакии Родериха Менцеля⁴², бывшего международного чемпиона по теннису.

Суббота, 27 января. У двойняшек Вреде⁴³ (потомки известного баварского фельдмаршала наполеоновских времен князя фон Вреде⁴⁴) Татьяна познакомилась с одним человеком, который предложил ей работу в его учреждении, представляющем собой подразделение немецкого Министерства иностранных дел. Им нужны люди с хорошим знанием французского⁴⁵. Большинство наших друзей не советуют нам идти работать в американское посольство, так как, будучи иностранцами, мы, должно быть, уже находимся под бдительным оком гестапо. Учитывая нынешнюю дружбу Германии с Советским Союзом, плохо еще и то, что мы «белые» русские. Более того, мы обе работали в британском представительстве. Но так или иначе, мы сейчас в таком бедственном положении, что первое же предложение мы примем, от кого бы оно ни исходило. Американское посольство все молчит.

На днях у друзей меня представили госпоже фон Дирксен⁴⁶, одной из здешних весьма высокопоставленных дам. Она потрепала меня по волосам — что меня возмутило — и спросила, какие мы русские: «белые» или «красные», ибо в последнем случае «вы наши враги», — довольно неожиданное высказывание, если учесть, в каких приятельских отношениях сейчас Германия с Советской Россией⁴⁷!

Понедельник, 29 января. Сегодня мы обе приступили к работе: я в ДД, а Татьяна в Министерстве иностранных дел, более известном как АА (*Auswärtiges Amt*). В моем учреждении никому, кажется, не ясно, кто наш главный босс, так как командуют все и одновременно. Хотя говорят, что последнее слово принадлежит министру пропаганды рейха д-ру Йозефу Геббельсу. Мы получаем каждая по 300 марок; 110 вычитается в виде налогов, так что остается 190, на которые и надо жить. Что ж, придется.

Вторник, 30 января. Первое мое служебное задание состояло в том, чтобы напечатать под диктовку длинный материал о Ронни Кроссе⁴⁸: он британский министр экономической войны. Татьяна гостила у них⁴⁹, когда до войны была в Англии. У моего непосредственного начальника герра Э.⁵⁰ большие свисающие усы, как у моржа; кажется, он провел в Англии большую часть жизни. Его жена работает в одной комнате с нами. Они оба уже немолоды и явно скоро сделаются невыносимыми. Целый день он диктует бесконечно длинные статьи, по большей части хулительные и такие туманные, что часто в них ничего нельзя понять. С немцами это часто бывает, когда они чересчур хорошо знают чужой язык. Я сижу за машинкой с 7 утра до 5 вечера. Как только бумага вынимается из машинки, фрау Э. тут же набрасывается на нее, чтобы исправить возможные ошибки. Эта работа идет посменно круглые сутки.

В редких случаях Мисси пользовалась при упоминании имен инициалами — чтобы не задеть чувства данных лиц или их родных, но это она делала лишь тогда, когда эти лица были политически безобидны.

Сегодня позвонили из американского посольства и предложили нам места, обеим с гораздо более высоким окладом, чем наши теперешние. Но уже поздно.

Вторник, 13 февраля. Сегодня утром Мамá и Джорджи уехали к Ольге Пюклер в Силезию. Мы надеемся, что они пробудут там достаточно долго и смогут немного поправить здоровье, прежде чем ехать дальше в Рим.

Среда, 14 февраля. С Татьяной в последнее время вижусь мало, так как встаю в 5.30 утра и прихожу домой около 6 вечера. Путь бесконечно долгий. Татьяна работает с 10 утра до 8 вечера, но часто возвращается и позже.

Четверг, 22 февраля. Сегодня получила почтовый перевод в оплату двух испытательных дней. Это тем более кстати, так как нам не выплатили аванса.

Суббота, 2 марта. Сегодня вечером был большой коктейль у бразильцев. Посол живет недалеко за городом⁵¹. Мне не понравилось, что у него над граммофоном висит красивая русская икона. Эта страсть иностранцев к иконам и манера развешивать их где угодно нас, православных, порядочно шокирует. Я ушла рано и по дороге домой заблудилась.

Неожиданно появился с линии Зигфрида Ашвин цур Липпе-Бистерфельд⁵². (Так союзники называли построенный в 1938–1940 годах «западный вал»⁵³ — немецкие укрепления, тянувшиеся приблизительно параллельно прославленной французской линии Мажино⁵⁴; они стали широко известны благодаря британской мюзик-холльной песенке «Мы повесим наше белье сушиться на линию Зигфрида»⁵⁵.)

Воскресенье, 3 марта. Сегодня утром в русской церкви⁵⁶ замечательно пели. Обычно я работаю и по воскресеньям. Остаток дня провела дома и, в окружении похожей на привидения зачехленной мебели Ольги Пюклер, упражнялась на фортепьяно.

Понедельник, 4 марта. Сильно простудилась и несколько вечеров буду сидеть дома. Татьяна каждый вечер куда-то ходит и ведет обширную переписку с разными молодыми людьми на Западном фронте.

Вторник, 12 марта. Мамá (она сейчас направляется из Силезии в Рим) звонила из Вены и сообщила, что Джорджи пропал. Когда поезд остановился на какой-то маленькой станции, он пошел проверить багаж и не заметил, как багажный вагон отцепили от их состава и прицепили к другому. Теперь он несется по направлению к Варшаве. У него оба их билета, но нет паспорта, и у него всего пять марок. Мамá ждет, чтобы он ее догнал в Вене.

Среда, 13 марта. Вечер у Вреде. Сестры-двойняшки Эдда (Дики) и Кармен (Сита) были еще одни, когда я приехала, и болтали со мной в ванной комнате, пока я приводила в порядок прическу.

Обе с гордостью продемонстрировали письма от генералов Яге⁵⁷ и Москардо⁵⁸ (относящиеся к тому времени, когда Дики и Сита служили медсестрами в немецком легионе «Кондор»⁵⁹ в Испании в Гражданскую войну). Они знакомы со знаменитостями со всего света, включая папу римского. У них это что-то вроде хобби.

Легион «Кондор», состоявший из подразделения люфтваффе и кое-каких наземных войск, был организован в 1936 г. для помощи националистам в Гражданской войне в Испании. В его составе был и медицинский персонал.

Четверг, 14 марта. Сегодня после работы я пошла с Элой Пюклер⁶⁰ к Елене Бенаццо⁶¹. Она по рождению русская, но по-русски не знает ни слова, хотя ее родители — они оба там были — выглядят стопроцентными русскими. Ее муж Агостиньо⁶² здесь при итальянском посольстве. Позже пришло много итальянок. Все они вяжут распашонки для младенца Геринга⁶³. По-моему, перебарщивают.

Суббота, 16 марта. К нам на чай приходила Елена Бирон⁶⁴, а также Карл Фридрих Пюклер, наш домохозяин во Фридланде, да и здесь. Он, как всегда, настроен оптимистически и считает, что война кончится к Троице. Хотя он добр к нам и не глуп, мне с ним всегда как-то неуютно⁶⁵.

Бироны оставили в русской истории краткую, но яркую страницу в XVIII в. Эрнест Иоганн Бирон (1690–1772), курляндский дворянин, впоследствии герцог, стал российским регентом при императрице Анне Иоанновне, был ее фаворитом. С «бирановщиной» связывали господство иностранцев и непомерное казнокрадство.

Позже мы зашли к нашей соседке Аге Фюрстенберг⁶⁶, у которой рекой лилось шампанское.

Понедельник, 18 марта. Сегодня у меня выходной. Спала до одиннадцати. Зашла за Татьяной к ней на работу, чтобы вместе пообедать. Погуляли по Тиргартену, который выглядит еще очень по-зимнему. Позже был большой вечер у голландского посла де Вита⁶⁷.

Среда, 20 марта. Сегодня мы обе легли спать рано. Во Франции ушел в отставку Даладьё⁶⁸.

Трижды премьер-министр Франции (в последний раз в 1938–1940 гг. он совмещал эту должность с постом военного министра), Эдуард Даладьё (1884–1970) сыграл видную роль

в Мюнхенском соглашении. На смену ему пришел его министр финансов и политический соперник Поль Рейно⁶⁹ (1878–1966).

Пятница, 22 марта. Сегодня наша Страстная пятница, но мне все равно пришлось работать как проклятой. Печатала девять часов без перерыва⁷⁰. Когда мой начальник, герр Э., видит, что я сейчас упаду без чувств, он достает шнапс — это разновидность коньяка; он слегка подкрепляет, но на вкус ужасен. Герр Э. все время пререкается с женой. Когда я вижу и слышу их, то прихожу к твердому убеждению, что муж и жена не должны работать вместе. Я его не выношу, и когда он после очередной перебранки высовывается из окна подышать воздухом, меня так и тянет его выпихнуть. Точно так же настроена и Катя Клейнмихель. Я сейчас с нею много вижусь, так как она работает со мной в одну смену, и часто, когда у меня нет больше сил терпеть эту парочку, она заменяет меня за машинкой. Наше бюро переехало в другое здание на Шарлоттенштрассе. Так наше начальство будет меньше подвергаться постоянным придиркам Геббельса. Раньше, когда наши учреждения соседствовали друг с другом, «герр министр» вызывал их к себе чуть ли не каждый час. Теперь ему придется покрикивать на них только по телефону.

Домой пришла смертельно усталая.

Понедельник, 25 марта. Была свободна целый день. Ездили с Татьяной в Потсдам. Погода была чудесная. Я ни разу там раньше не бывала — прелестный гарнизонный городок, полный очарования, которого Берлин совершенно лишен. Вернулись в Берлин как раз к началу концерта русских белых «черноморских» казаков⁷¹. Огромный успех. Немцы такое любят⁷².

Вторник, 26 марта. Обедала с Катей Клейнмихель. Она бывает очень остроумной; хорошо, что мы вместе работаем.

На улице и в ресторанах мы обычно говорим по-английски, но никто не возражает⁷³.

Четверг, 28 марта. Пришло письмо из Рима: Мама́ и Джорджи благополучно добрались, если не считать того, что в Венеции их обокрали. Пропали многие произведения искусства, сохранившиеся у Мама́ еще с российских времен, эмалевые рамки работы Фаберже и т. п., а у Джорджи украли чемодан со всем его небогатым гардеробом, вместо него обнаружился чей-то чужой чемодан без гардероба. У них постоянно какие-то приключения.

Пятница, 29 марта. Ужин у Шаумбург-Липпе⁷⁴ в Кладове⁷⁵. Гостей было немного. После ужина у камина принц Август-Вильгельм Прусский⁷⁶ (четвертый сын бывшего кайзера — сейчас ему за шестьдесят) рассказывал много забавного о прежних временах.

Воскресенье, 31 марта. Ужин в ресторане «Рома» с друзьями. Итальянские рестораны сейчас очень популярны: в них подаются очень питательные макаронные блюда, на которые не требуются продовольственные карточки.

Понедельник, 1 апреля. Мой выходной день. Ходила по магазинам. «Ходить по магазинам» теперь означает главным образом покупать продовольствие. Все продается по карточкам, и на это уходит много времени, так как в большинстве магазинов длинные очереди. Вечером ужинали с Татьяной у Ханса фон Флотова⁷⁷. Как владелец фабрики, работающей на оборону, Ханс еще не призван.

Вторник, 2 апреля. Была в кино с Марио Гаспери⁷⁸, итальянским военно-воздушным атташе, а потом в ресторане «Рома». У него новый «фиат» размером с радиоприемник, называется «Тополино»⁷⁹. Странное ощущение — снова ехать на автомобиле.

Среда, 3 апреля. Пошла на работу только в десять часов. Работа становится несколько менее напряженной, так как теперь смены у нас короче. Сегодня мне впервые поручили

самостоятельный перевод, наверное, потому, что начальник в отпуске. Тема была экономическая. Утренняя смена состоит из Кати Клейнмихель, меня и одного молодого человека из АА. Он славный, но плохо говорит по-английски, так что он полностью от нас зависит. Он это знает, держится с нами соответственно, и мы живем в согласии. Благодаря этому я все яснее понимаю, как тяжело работать с этими Э. Слышала, что герр Э. хочет, чтобы я стала его личной секретаршей, так как по возвращении из отпуска он станет главным редактором новостей. Я лучше уволюсь!

Четверг, 4 апреля. Ежедневно мы получаем записанные слово в слово тексты последних известий Би-би-си и других иностранных радиопередач. Все они с грифом *streng geheim* [совершенно секретно], причем цвет бумаги определяется степенью «секретности», самый секретный — розовый. Читать это весьма интересно. В Германии никому не полагается знать о происходящих в остальном мире событиях, помимо того, что сообщается в ежедневных газетах, а это немного. Наше ДД — одно из исключений. Сегодня наш коллега из Министерства иностранных дел появился после обеда бледный от страха. Оказалось, что он забыл один из этих томиков в ресторане. Это серьезнейшее преступление, и ему уже видится смертная казнь — посредством секиры (последнее изобретение наших правителей!). Он умчался к себе в министерство «сознаваться».

Общепринятым способом казни в нацистской Германии было обезглавливание посредством миниатюрной гильотины⁸⁰. Однако для некоторых случаев (например, в случае государственной измены) по приказу Гитлера предусматривалось применение средневековой секиры⁸¹.

Вторник, 9 апреля. Сегодня немецкие войска оккупировали Данию и вторглись в Норвегию. Из-за этого мы

работали как проклятые, поскольку все эти «сюрпризы» должны оправдываться в глазах мировой общественности и происходит круговой обмен меморандумами относительно того, как лучше это сделать. Я пришла домой вся в жару. Звонил Марио Гаспери; он только что вернулся с линии Зигфрида, которую инспектировал вместе с другими военными атташе.

Завоевание Дании и Норвегии, да и вообще война на Западе, не входило в первоначальные планы Гитлера. Но для Германии было жизненно важным свободное поступление шведской железной руды, которую доставляли через северо-норвежский порт Нарвик; кроме того, после вступления союзников в войну Германии нужен был контроль над этими двумя странами, чтобы открыть Атлантический океан для немецкого флота и чтобы предотвратить экономическую блокаду со стороны союзников по образцу той, которая задушила Германию в Первую мировую войну.

Именно поэтому начиная с осени 1939 г. в лагере союзников много поговаривали о возможности превентивного вторжения в Скандинавию якобы с тем, чтобы помочь Финляндии, на которую напал СССР. Более того, союзная эскадра уже находилась в пути, когда немцы их опередили.

Дания была оккупирована в первый же день и стала немецким протекторатом до самого конца войны. Сопrotивление норвежцев продолжалось до июня месяца, и за это время союзники предприняли ряд неудачных попыток удержаться хотя бы в северной части страны. Но когда началось немецкое наступление на Западе, повлекшее за собой эвакуацию союзных десантных частей, Норвегия капитулировала, и король Гаакон улетел в Англию, где скоро было образовано норвежское правительство в изгнании.

Гитлер этим одержал свою вторую, после Польши, крупную победу. Доступ к шведскому железу был обеспечен почти до

самого конца войны; Балтийское море стало вроде бы немецким озером; и немецкие воинские силы заняли наступательные позиции от Северного мыса до Альпийских гор.

Среда, 10 апреля. Сегодня у меня вдруг подскочила температура — 39.5.

Четверг, 11 апреля. Теперь и Татьяна захворала. Она вернулась из своего бюро уже к полудню, после продолжительного интервью в гестапо (где интересуются нашей перепиской с Римом), и немедленно слегла. Наши бюро постоянно звонят — озабоченные, взволнованные, раздраженные.

Пятница, 12 апреля. Мы продолжаем хворать. Чувствуем себя очень слабыми.

Суббота, 13 апреля. Доктор настаивает на пятидневном отдыхе. Какая радость! По-видимому, когда мы так расслаблены от недоедания, этот грипп ложится на сердце.

Воскресенье, 14 апреля. Английские войска высадились в Норвегии⁸².

Вторник, 16 апреля. Ужин у Люца Гардегена. Как часто теперь бывает, было много больше мужчин, нежели женщин. Неожиданно появился Ветти Шаффготш⁸³. Он направлялся (через Сибирь) в США, но гестапо противилось его дипломатическому назначению, и он был отозван, уже доехав до Москвы. Теперь он решил поступить в армию.

Среда, 17 апреля. Ходила за пасхальными покупками и купила для Джорджи красочный галстук — без талонов.

Познакомилась с Хассо фон Эцдорфом⁸⁴, который считается очень умным и надежным человеком. Мне он показался очень уж формальным; но пруссакам требуется время, чтобы заговорить «по душам». Он занимает должность представителя АА при Генеральном штабе.

Будучи тяжело раненным в годы Первой мировой войны, д-р Хас-со фон Эцдорф поступил на дипломатическую службу своей страны в 1928 г. и работал сперва в Токио, а затем в Риме. Когда Мисси с ним познакомилась, он, в чине советника посольства, состоял при начальнике Генерального штаба Сухопутных сил, генерал-полковнике Франце Гальдере, который был противником агрессивных планов Гитлера. Имея тесные контакты со многими высшими немецкими военачальниками, делившими опасения Гальдера, Эцдорф тщетно пытался их убедить в необходимости активно выступить против Гитлера. Но примиренческая политика, проводимая западными странами перед началом войны, и военные успехи вермахта, когда она разразилась, свели на нет все его попытки⁸⁵.

Вербное воскресенье, 20 апреля. Сегодня мы отправились с полуофициальным визитом к Кире⁸⁶, супруге принца Луи Фердинанда Прусского⁸⁷. Он старший сын бывшего кронпринца, а она вторая дочь великого князя Кирилла Владимировича⁸⁸, одного из немногих уцелевших членов семьи Романовых, который теперь является главой Российского Императорского дома. У них двое маленьких детей.

Понедельник, 22 апреля. У Мама́ тромбоз ноги. Это очень тревожно. Мы довольно усердно постимся. Наша православная церковь разрешает нам этого не делать в военное время из-за всеобщего недоедания. Но мы едим все равно мало, ибо стремимся сэкономить возможно большее число талонов.

Вторник, 23 апреля. Церковь.

Среда, 24 апреля. Церковь.

Четверг, 25 апреля. Сегодня вечером в церкви традиционное чтение «Двенадцати Евангелий»⁸⁹.

Пятница, 26 апреля. Мы так добросовестно постимся, что совсем оголодали.

Суббота, 27 апреля. Оба наши бюро отпустили нас исповедоваться и причаститься. Литургия продолжалась до 2 часов пополудни. Заутреня в большом русском соборе вызвала такое стечение народа, что нас буквально выперли на улицу. Затем мы догнали группу друзей у Дики Эльца⁹⁰ и остались там до 5 утра. Мы давно уже не выезжали.

У австрийских братьев Эльц имения в Югославии⁹¹. Дики единственный из них, который еще не забран в армию.

Воскресенье, 28 апреля. Русская Пасха. Мы поехали в Потсдам и наткнулись на отца Бурхарда Прусского⁹², князя Оскара⁹³, одного из сыновей бывшего кайзера — пожилого господина в великолепном красно-золотом мундире.

Нам удалось сделать настоящую русскую пасху, чем мы очень гордимся, ведь продукты для нее так трудно достать. Вкусно было необыкновенно.

Практическое исчезновение с началом войны многих предметов первой необходимости имело у нас в министерстве комические последствия: наше начальство уже некоторое время жалуется на необъяснимый гигантский рост потребления туалетной бумаги. Сначала они предположили, что сотрудники страдают какой-то новой формой массового поноса, но шли недели, а поборы с туалетов не прекращались, и тогда они наконец сообразили, что все попросту отрывают вдесятеро больше, чем необходимо, и тащат к себе домой. Теперь издано распоряжение: все сотрудники обязаны являться на центральный раздаточный пункт, где им торжественно выдают ровно столько, сколько сочтено достаточно для их однодневных нужд!

Четверг, 3 мая. Чемберлен объявил, что британцы оставляют Норвегию⁹⁴. Здесь это неожиданное отступление всех поразило. Многие немцы все еще втайне восхищаются англичанами.

Суббота, 4 мая. Пошла на большой дипломатический прием. Сотрудники Министерства иностранных дел обязаны

теперь носить нелепую форму: темно-синюю с широким белым поясом. Был большой буфет, но никто не осмеливался подойти к нему со сколько-нибудь заметной стремительностью.

У нас в ДД работает странный человек. Его зовут Илион⁹⁵. Он разгуливает в лохмотьях, носит толстые очки, имеет американский паспорт, родился в Финляндии, а большую часть жизни провел в Тибете, где был близок к далай-ламе и, как он хвастается, никогда не мылся. Хотя жалование у него вполне приличное, не моется он и сейчас, что для нас, окружающих, не слишком приятно. Время от времени он обучает нас с Катей Клейнмихель коротким фразам по-тибетски.

Вторник, 7 мая. Только что прочла секретное сообщение: Молотов попросил правительство Германии не оказывать поддержки Русской церкви в Берлине, так как ее руководители враждебно относятся к Советам!

Ужин был довольно бестолковый: булочки, простокваша, подогретый чай и джем. Простокваша продается без карточек, и когда мы питаемся дома, она составляет наше главное блюдо, иногда дополняемое сваренной на воде овсяной кашей. Нам позволена примерно одна банка джема в месяц на человека; а так как и масла тоже очень мало, этого хватает ненадолго. Татьяна предлагает вешать над кухонным столом надписи: «завтрак», «обед» и «ужин», в соответствии с временем суток, поскольку меню в общем и целом не меняется. Я подружилась с голландским молочником, который время от времени придерживал для меня бутылку молока, оставшуюся от запаса для «будущих матерей». К сожалению, теперь он возвращается к себе в Голландию. Иногда я просто прихожу в отчаяние: после работы приходится выстаивать очередь за каким-нибудь кусочком сыра в палец толщиной. Но люди в магазинах по-прежнему дружелюбны и еще воспринимают все это с улыбкой.

Четверг, 9 мая. Работала допоздна, а затем пошла с одним знакомым, г-ном фон Пфулем (которого мы все называем Ц.-Ц.)⁹⁶, к Аге Фюрстенберг. У нее была вечеринка в честь красавицы Нини де Вит⁹⁷, жены голландского посла.

Пятница, 10 мая. Германия вступила в Бельгию и Голландию. А лишь вчера на вечеринке Нини де Вит держалась так, словно она ничего не знала! Я позвонила Татьяне из министерства, и мы решили вместе пообедать и все обсудить. Новость ошеломляет, так как она означает конец «странной войны». Немцы бомбили Антверпен, а союзники — Фрайбург-им-Брайсгау.

После войны выяснилось, что в действительности Фрайбург-им-Брайсгау бомбили не союзники, а люфтваффе, перепутавшие его с французским городом на другом берегу Рейна.

Гитлер никогда не верил, что Франция и особенно Англия станут воевать за Польшу. Месяцы «странной войны» (так союзники называли относительно бедную событиями первую зиму на Западном фронте), отсутствие сколько-нибудь ясных заявлений о военных целях союзников (что объяснялось франко-британскими разногласиями по поводу того, что делать дальше), неоправданные надежды в широких кругах немецкого населения (которое и так никогда не хотело войны) — все это породило в Германии иллюзию (заметную и у Мисси), что, пока не пролито слишком много крови, мир на основе переговоров еще возможен. И действительно, в течение зимы 1939/40 г. влиятельные, хоть и неофициальные круги с обеих сторон неоднократно предпринимали зондаж с целью найти взаимоприемлемый способ положить конец конфликту.

Немецкое наступление началось в ночь с 9 на 10 мая массированным воздушным налетом на нейтральные Голландию и Бельгию. 15 мая основная часть немецких бронетанковых

дивизий прошла сквозь Арденнский лес в Южную Бельгию. Прорвав французские позиции, они стремительно двинулись на запад к морю, расчленив силы союзников надвое и вытеснив северные армии (в том числе и британский экспедиционный корпус) из Бельгии обратно к Ламанишу. Голландская армия капитулирует 15 мая, бельгийская — 27 мая. 3 июня последнее британское судно покинет Дюнкерк. Париж падет 14 июня, а 25 июня Франция подпишет перемирие, по которому две трети территории страны отойдут под немецкий контроль, а остальное, под управлением маршала Филиппа Петена⁹⁸, составит то, что станет в обиходе называться «вишистской Францией».

И там и там было много жертв. Париж эвакуируют, Чемберлен подал в отставку, и Черчилль теперь премьер-министр. По-видимому, это уничтожает всякую надежду на заключение мира с союзниками.

Вечером прощальный прием у Аттолико⁹⁹ (отъезжающего итальянского посла). Все стоят с унылыми лицами.

Суббота, 11 мая. Зашли навестить нас Антуанетт и Лулу фон Крой¹⁰⁰. Их мать наполовину датчанка, наполовину американка¹⁰¹, отец — герцог, частью француз, частью бельгиец, частью немец¹⁰². Не очень-то удобная родословная по нынешним временам!

Понедельник, 13 мая. Я уже несколько недель работаю без выходных и коплю дни причитающегося мне за это отпуска, чтобы навестить семейство Клари в Теплице, в Богемии¹⁰³. Я не видалась с ними с прошлого лета в Венеции и хочу, чтобы Татьяна тоже с ними познакомилась.

Бурхард Прусский написал ей из Кёльна; он едет на фронт.

Четверг, 16 мая. Со вчерашнего дня идет большое наступление. От этого не спится.

Пятница, 17 мая. Я постоянно напоминаю моему временному начальнику о своем намерении поехать в Теплиц. Как вода, капающая на голову китайцу, надеюсь, что эта идея в него все-таки просочится.

Воскресенье, 19 мая. Ужин-пикник со спагетти на кухне у сестер Вреде. Тино Солдати¹⁰⁴, новый швейцарский атташе, все время подбегает к телефону. Он говорит, что в Швейцарии тоже ожидают вторжения с минуты на минуту¹⁰⁵.

Понедельник, 20 мая. Сегодня вернулся мой начальник герр Э., загорелый, но разозленный. Он рыщет повсюду кругами и рывкает: «Мерзавцы! Сволочи!» — надо полагать, имея в виду нас. Дело в том, что в его отсутствие мы устроили нечто вроде дворцового переворота. Меня даже вызвал вышестоящий начальник, герр фон Вицлебен¹⁰⁶, который спросил, правда ли, что я всем «швыряю в лицо ультиматумы». К счастью, герра Э. не любят, и пока что победа осталась за «нами».

Татьяне прибавили жалованья. Я злюсь, так как мое, по-видимому, заморожено.

Среда, 22 мая. Новый итальянский посол Альфиери¹⁰⁷ дал прием. Неожиданно появился Макс Шаумбург-Липпе¹⁰⁸, только что из Намюра — наконец-то я слышала из первых уст, что происходит на фронте. Говорят, что убит Фридрих фон Штумм¹⁰⁹. Его мать¹¹⁰ была на приеме у итальянцев, но никто не осмелился ей сообщить.

Видный ветеран фашистской партии, занимавший одно время пост министра культуры в правительстве Муссолини, Дино Альфьери (1886–1966) проголосовал против своего дуче на пленуме Правящего совета фашистской партии в июле 1943 г., что вызвало падение фашизма в Италии и ее последовавший за этим переход на сторону союзников. Укрывшийся в Швейцарии, он был заочно приговорен к смертной казни, но, вернувшись после войны на родину, был полностью реабилитирован.

Суббота, 25 мая. В 7 часов утра мы с Татьяной выехали в Теплиц, замок семьи Клари в Богемии. В такси у меня вдруг промелькнула мысль: выключила я электроутюг в кухне или нет? Но вскоре я об этом забыла. Нас приветствовали Альфи Клари¹¹¹ (он, через близкую к Пушкину известную графиню Долли Фикельмон, отдаленный родственник Мамá¹¹²) и его сестра Элизалекс де Байе-Латур¹¹³; ее муж, бельгиец — президент Международного Олимпийского комитета¹¹⁴. Сейчас она живет по большей части здесь. Мы нанесли визит матери Альфи, Терезе¹¹⁵, очень красивой пожилой даме, которую когда-то писал Сарджент¹¹⁶. Портрет висел у нее над головой.

Т Е П Л И Ц. Воскресенье, 26 мая. Праздник тела Христова. Все мы ходили в церковь, Альфи Клари возглавлял процессию, шагая вслед за священником. Мы смотрели из окна. Пока у них нет никаких сведений от двоих старших сыновей, Ронни¹¹⁷ и Маркуса¹¹⁸, сражающихся во Франции. Дома только младший, Чарли¹¹⁹, ему шестнадцать. Он выглядит в точности как Гарольд Ллойд¹²⁰; отвернув ковер, он очень ловко отбивал чечетку. (Позже Чарли Клари, в свой черед, был призван в армию; он погиб в 1944 г., сражаясь с югославскими партизанами.)

Понедельник, 27 мая. Лиди Клари¹²¹ никогда не говорит о мальчиках, хотя вчера в церкви она плакала. Альфи выглядит до смерти встревоженным. Сегодня мы играли в бридж, а вечером Татьяна уехала. Я побуду здесь еще некоторое время. Мы побывали в городе. Однажды сюда приезжал Петр Великий (Теплиц — известный курорт)¹²², есть много памятных мест, связанных с его пребыванием.

Сегодня в каком-то брюссельском госпитале скончался старший сын кронпринца, принц Вильгельм Прусский¹²³; 13-го он получил ранения в легкие и желудок.

Вторник, 28 мая. Леопольд, король бельгийцев, сдался. Элизалекс Байе-Латур рада: она считает, что это может спасти жизнь многим бельгийцам.

Прибыли наконец письма от обоих мальчиков Клари. Полк Ронни взял в плен их юного двоюродного брата, француза¹²⁴. Альфи не знает, как сообщить об этом его семье. У него представления идеалиста-патриота девятнадцатого века; он плохо разбирается в реальностях сегодняшнего дня.

Сегодня в кинохронике мы видели, как бомбят Роттердам¹²⁵. Зрелище ужасающее. Содрогаешься за Париж.

Бомбардировка Роттердама, предпринятая люфтваффе в то время, когда уже шли переговоры о капитуляции¹²⁶, была одним из наиболее дорогостоящих психологических просчетов Германии за всю войну. Пилоты бомбардировщиков не заметили световых сигналов немецких наземных войск, предписывавших им повернуть обратно¹²⁷. Большая часть города была разрушена до основания, но число жертв, которое пропаганда союзников оценивала в 25–30 тысяч, составило на деле 814 человек. Тем не менее бомбардировка Роттердама вошла в историю как типичный пример бессмысленной жестокости нацистов и, наряду с последующей бомбардировкой английских городов, во многом способствовала тому, что британское общественное мнение склонилось в пользу массированных бомбардировок городов Германии, повлекших за собой значительно большее количество жертв.

БЕРЛИН. Среда, 29 мая. Когда вернулась Татьяна, я была уже в постели. Она выругала меня на чем свет стоит: оказалось, что, когда она приехала из Теплица, утюг был включен. Он прожег полку, на которой стоял на металлической подставке, и грохнулся, слава богу, на плитку. Но когда через три дня Татьяна вошла в кухню, по стене уже ползло пламя. Не знаю, что бы я делала, если бы квартира Пюклеров сгорела¹²⁸.

Сегодня в Потсдаме хоронили принца Вильгельма. Говорят, что монархисты устроили настоящую демонстрацию.

Четверг, 30 мая. Приятно, тихо поужинала в доме Бенаццо. Агостиньо настроен крайне антифашистски и, в отличие от многих его коллег, весьма откровенен. Он рассказывает всей Европе ужасную участь.

Воскресенье, 2 июня. Вчера мы ходили по магазинам, так как был день выдачи жалованья. К концу месяца у нас, как правило, не остается ни гроша, что неудивительно, принимая во внимание наши оклады. Сейчас мы вдвоем зарабатываем (после вычета налогов) 450 марок, из которых 100 идут родным в Риме, еще 100 — на уплату долгов и еще примерно 200 — на еду, транспорт и т. п. Остается около 50 марок на личные нужды, одежду, почтовые расходы и т. п. Но на этот раз я кое-что скопила и смогла купить платье, которое примерила еще несколько месяцев назад. Приходилось откладывать еще и талоны на одежду, но в магазине у меня забыли их спросить!

Вечером принимала ванну. Ванны теперь тоже лимитируются, так что брать ванну — целое событие.

Понедельник, 3 июня. Сегодня в первый раз бомбили Париж¹²⁹. Немцы официально объявили свои потери на Западе на сегодняшний день: 10 тыс. убитых, 8 тыс. пропавших без вести и, вероятно, также погибших. На сегодня взято в плен 1200 тыс. солдат и офицеров союзников¹³⁰.

Четверг, 6 июня. Гофи, брат Аги Фюрстенберг, получил специальный отпуск за храбрость. Его посылают в офицерское училище. Говорят, что, хотя он даже не прошел действительной военной службы, он вел себя как настоящий герой и награжден Железным крестом и *Panzersturmabzeichen* [нагрудным знаком за танковую атаку]. Тем не менее войну он ненавидит. Перед войной он по большей части жил в Париже.

Воскресенье, 9 июня. П. Дж. Вудхаус¹³¹ был взят в плен возле Аббевиля во время игры в гольф. Немецкое Верховное

главнокомандование хочет, чтобы он издавал газету для британских военнопленных, так что его доставили в Берлин.

К началу войны Вудхаус (британский подданный, живший, однако, долгое время в Америке) жил с женой в своем доме в Ле Туке, где немцы их и взяли как раз в тот момент, когда они собирались бежать на Запад. Интернированный как представитель враждебного государства, он был вскоре освобожден по просьбе США (которые в то время еще не находились в состоянии войны). В Берлине представитель Американской радиовещательной системы¹³² уговорил его сделать пять передач для американских слушателей с описанием его приключений. Эти передачи — остроумные, слегка подсмеивающиеся над немцами — были совершенно аполитичными. Но поскольку он воспользовался для проведения этих передач немецким радиовещательным оборудованием, то формально он оказался виновным в сотрудничестве с противником. В Англии это произвело большой скандал, и после войны многие годы писателю не разрешали возвращаться на родину.

Понедельник, 10 июня. Бурхард Прусский кипит от злости, потому что после гибели его кузена Вильгельма всех немецких «принцев крови» отстранили от службы на фронте и в лучшем случае «терпят» в штабах. Адольф (Гитлер) не хочет, чтобы они имели возможность отличиться и тем самым приобрести «нездоровую популярность» — ибо все они проявили себя как хорошие солдаты.

Вчера союзники оставили Нарвик, и Норвегия капитулировала¹³³. Сегодня во второй половине дня Муссолини объявил, что Италия вступает в войну. Это не только глупо, но и не очень-то красиво — с «триумфом» занимать юг Франции под самый конец французской кампании¹³⁴.

Среда, 12 июня. Прошел слух, что Париж будут оборонять. Надеюсь, что не будут; да это все равно ничего не изменит.

Четверг, 13 июня. Ходила с Ц.-Ц. Пфулем в театр на «Фиеско»¹³⁵ с Густафом Грюнгенсом¹³⁶. Это было баловство: билетов сейчас не достать, они почти всегда все распроданы или забронированы для находящихся в отпуске военнослужащих. После спектакля мы перекусили в ресторанчике и поговорили о войне. Ц.-Ц. — а он умен — говорит, что это надолго, и в целом настроен пессимистически.

Пятница, 14 июня. Сегодня Париж пал. Странно, какая здесь вялая реакция. Абсолютно никакого энтузиазма.

Суббота, 15 июня. Слухи о капитуляции Франции¹³⁷. Мы провели вечер с Зиги Лаферт и друзьями в Грюневальде¹³⁸, катались на лодках и сидели в саду. Внезапно появился Агостиньо Бенаццо, он отвел нас в сторону и прошептал: «Русские только что аннексировали Литву!»¹³⁹ А Папá все еще там! Мы тут же пошли домой и всю ночь пытались связаться с теми в АА, кто мог бы помочь. Все откликаются более чем уклончиво, опасаясь нарушить «сердечное согласие» с Советской Россией.

Воскресенье, 16 июня. Пока Татьяна предпринимала очередную попытку в АА, Бурхард Прусский ходил со мной в церковь. Он тоже пытается найти способ вызволить Папá, пока еще не поздно.

Понедельник, 17 июня. В последние дни почти не спала. Ходят слухи, что литовский президент Сметона¹⁴⁰ и большая часть министров его кабинета бежали, перейдя немецкую границу.

Президент Антанас Сметона, правивший Литвой как умеренный диктатор с 1926 г., благополучно добрался до США, где и умер в 1944 г. Советские власти немедленно приступили к чисткам: тысячи были тут же расстреляны; десятки тысяч сосланы в ГУЛАГ.

Хотя по секретному протоколу от 28 сентября 1939 г. Литва стала частью «сферы влияния» СССР, Гитлер не давал

согласия на ее прямое присоединение к Советскому Союзу. А так как вслед за этим Москва отняла у Румынии Бессарабию и Северную Буковину — теперешнюю Молдавию, — что позволило советским военно-воздушным силам приблизиться на расстоянии удара к нефтяным месторождениям в Плоешти — основному немецкому источнику горючего, то аннексия была истолкована Гитлером как вероломство, которое послужило дополнительным предлогом для осуществления его давнишней мечты — завоевать СССР.

Только что позвонил Альберт Эльц¹⁴¹ и сообщил, что маршал Петен капитулировал от имени Франции. Французский кабинет, похоже, разбежался кто куда. Все это, после каких-нибудь только двух месяцев военных действий, кажется невероятным!

Вторник, 18 июня. Францию стремительно оккупируют. Ц.-Ц. Пфуль и Бурхард Прусский начали наводить справки о Папá с помощью некоего полковника Остера из абвера (военной разведки). Пока никаких новостей.

Лихой офицер исключительных дарований и страстный антинацист, эльзасец по происхождению, полковник (впоследствии генерал-майор) Ханс Остер (1883–1945), будучи начальником штаба адмирала Канариса, превратил Абвер в убежище для членов антигитлеровского Сопротивления. В самом начале войны он, возможно, с ведома самого Канариса, устроил утечку гитлеровских планов вторжения к разведкам Дании, Норвегии, Нидерландов и Бельгии. Но к 1943 г. несколько его протеже было арестовано, и вскоре он был снят с должности, а военное антинацистское Сопротивление перегруппировалось вокруг генерала Ольбрихта и полковника фон Штауффенберга. Арестованный после неудачного переворота 20 июля, Остер погиб из-за немецкой мании хранить записи. Как только его шофер выдал местонахождение его тайного архива, гестапо

не замедлило расправиться с ним. Он был повешен вместе со своим шефом Канарисом 9 апреля 1945 г. в концлагере Флосенбург.

Среда, 19 июня. Из Литвы прибыло семейство Тильманс. Происходя из русских немцев, они были там крупными промышленниками. За два часа до вторжения Советов как немецкий посланник д-р Цехлин¹⁴², так и мой бывший шеф британский посланник г-н Томас Престон¹⁴³ предупредили их и посоветовали бежать. Остался их сын — в надежде, что со своим немецким паспортом он сумеет спасти что-либо из их имущества.

Четверг, 20 июня. Вернувшись сегодня вечером домой, обнаружила телеграмму от Папá. Она была отправлена из Тильзита¹⁴⁴ (в Восточной Пруссии) и гласила: «Glücklich angekommen» [«Прибыл благополучно»], кроме того, он просит денег, чтоб приехать к нам.

Пятница, 21 июня. Ужин с раками у Ц.-Ц. Пфуля с Луизой Вильчек и Бурхардом Прусским; последний привез нас домой на своей машине, что строго запрещено. Мы как раз ложились спать, когда завывли сирены воздушной тревоги. Мы уселись на лестнице и стали беседовать с привратником, который одновременно является и уполномоченным гражданской обороны. Позже мы узнали, что бомбили в районе Потсдама, на Берлин ни одна бомба не упала.

Суббота, 22 июня. Провела вечер у Тино Солдати. Было объявлено о перемирии на Западе, по радио пели «Wir treten zum Beten...» [«Сойдемся на молитву...»]. Все присутствовавшие язвительно говорили об итальянцах, которые напали на Францию только после того, как каштаны уже были вытащены для них из огня.

Понедельник, 24 июня. Ужинала в Гатове¹⁴⁵ на озере с группой друзей-итальянцев. Ушла домой рано, так как другие отправились на вечер к жене одного из здешних итальянских

дипломатов, американке. Не понимаю, как можно так весело проводить время, зная, что происходит во Франции.

Вторник, 25 июня. Вернувшись домой, застала Папá исключительно бодрым, если учесть, сколько ему пришлось пережить. Теперь все его имущество на этой земле состоит из бритвенных принадлежностей, двух грязных носовых платков и одной рубашки. Когда он добрался до немецкой территории, пограничники отнеслись к нему очень хорошо — благодаря вмешательству полковника Остера. Ему даже предложили денег, чтобы доехать до нас. Но зато перед этим он набрался страху, прячась в лесах бывшего собственного имения и пересекая границу глубокой ночью с помощью контрабандиста. Это оказалось нелегким делом, так как в разгаре лета подлесок пересох и трещал под ногами.

Когда советские войска заняли Литву, отец Мисси находился в Вильнюсе, древней столице страны, возвращенной Литве Советами осенью предыдущего года вслед за расчленением Польши. Сев на первый же поезд обратно в Каунас — где он жил, — он переночевал у друзей, после чего, не заходя домой, поехал паромом по реке Неман в Юрбург (по-литовски Юрбаркас), где находилось бывшее имение Васильчиковых. Вскоре нашлись проводники, взявшиеся переправить его тайком через границу. Они оказались браконьерами, некогда «промышлявшими» в его лесах, и когда он добрался до немецкой стороны и готовился их наградить, они отказались, сказав: «Мы с вас уже получили, и притом во много раз больше — когда вы еще жили среди нас...»

Семья Васильчиковых проживала в Литве (тогда Ковенская губерния) с середины XIX в., когда прадеду Мисси, князю Иллариону Васильевичу были дарованы там обширные земли в награду за службу Отечеству на военном и государственном поприщах¹⁴⁶. Перед революцией ее отец служил там губернским предводителем дворянства, а затем членом Государственной думы IV Созыва от русского населения. Потому, и до и после

становления самостоятельной Литовской Республики, у семьи были с местным населением и властями прекрасные отношения, — что в июне 1940 г., очевидно, спасло отцу жизнь.

Понедельник, 1 июля. После работы навестила Луизу Вильчек и Татьяну в их бюро, в бывшей чехословацкой миссии на Раухштрассе. Начальник Луизы — очень приятный дипломат Йозиаас фон Ранцау¹⁴⁷, занимавший прежде посты в Дании и Соединенных Штатах. У него прекрасное чувство юмора, что весьма кстати, так как Луиза сочиняет презабавные шуточные стихи о своих сослуживцах и все время поддразнивает его. Нас угостили крепким напитком, и атмосфера вообще была очень непринужденной.

Вторник, 2 июля. Ужин с Отто фон Бисмарком¹⁴⁸, четой Бенаццо, Еленой Бирон и молодым фон Хельговым из шведской миссии в Берлине. Остаток вечера мы провели в его квартире неподалеку от Тиргартена, набитой безделушками веджвудовского фарфора. По нынешним временам это небезопасно.

Старший из внуков «железного канцлера», князь Отто фон Бисмарк (1897–1975) начал карьеру как правый депутат рейхстага (в котором его младший брат Готфрид впоследствии представлял нацистскую партию). В дальнейшем он перешел на дипломатическую службу и занимал должности в Стокгольме и Лондоне. Вершиной его карьеры был пост министра-советника немецкого посольства в Риме, который он занимал с 1940 по 1943 г. После войны он снова занялся политикой и некоторое время был депутатом боннского бундестага.

Воскресенье, 7 июля. Татьяна, Луиза Вильчек и я были приглашены в резиденцию итальянского посла¹⁴⁹ в Ванзее¹⁵⁰ «спокойно покупаться». Оказалось, что это было устроено в честь министра иностранных дел Чиано¹⁵¹, который

приехал сюда на заупокойную службу по маршалу Итало Бальбо¹⁵², только что погибшему в авиакатастрофе в Ливии.

По этому случаю посольство пригласило, кажется, всех самых хорошеньких девушек Берлина, но ни одного из знакомых нам мужчин. Собственное окружение Чиано оказалось малопривлекательным, единственное исключение — Бласко д'Айета¹⁵³, его *chef de cabinet* [заведующий канцелярией]. Вся эта затея показалась довольно сомнительной. Нас катали кругами по озеру Ванзее в многочисленных моторных лодках под проливным дождем. По возвращении мы трое решили сразу же отправиться домой, как только найдем машину. Но когда подошла пора прощаться и благодарить хозяина, мы обнаружили его и Чиано в затемненной комнате танцующими щека к щеке с двумя самыми легкомысленными дамочками, каких только может предложить Берлин. И это в день, официально считающийся траурным! Мы отбыли возмущенные, а Луиза даже пожаловалась своему отцу.

Четверг, 11 июля. Мой молодой сослуживец по АА устраивает вечеринку и пригласил Катю Клейнмихель и меня. Катя говорит, что он, кажется, пригласил и Бейли-Стюарта¹⁵⁴. Последний — британский офицер, который несколько лет назад передал какие-то планы Германии, некоторое время был заключен в Тауэре, а теперь находится здесь. Я попросила Катю передать нашему коллеге, что предпочла бы не приходить, так как не хочу встречаться с этим человеком. Наш друг воспринял это крайне отрицательно, сказав, что Бейли-Стюарт — «самый порядочный англичанин, какого ему приходилось встречать». Я не могла удержаться и ответила, что он, должно быть, встречал их не так уж много и что если он прав, то «Боже, храни короля!»¹⁵⁵. Он пригрозил совсем отменить вечеринку — «и все из-за вашей глупости». Так что в конце концов я все-таки согласилась прийти и большую часть вечера смотрела, как другие

играют в покер. В остальном у нас вполне радушные отношения.

Нашему начальнику, герру Э., отвели собственную берлогу, из которой он не показывается.

Пятница, 12 июля. Сегодня у Биленбергов в Далеме¹⁵⁶ был небольшой вечер. Петер Биленберг¹⁵⁷ — юрист из Гамбурга. Более чем двухметрового роста, на редкость красивый, смуглый, как индийский раджа, он женат на очаровательной англичанке Кристобел, кажется племяннице лорда Нортклиффа¹⁵⁸. У них двое сыновей¹⁵⁹. Старший, семи лет, был исключен из школы за то, что выразил протест, когда учитель назвал англичан Schweine [негодяями]. Во избежание новых инцидентов родители решили, что мать отвезет детей в Тироль, чтобы переждать там войну¹⁶⁰. Они очень симпатичная пара. Там был также Адам фон Тротт цу Зольц, старый друг Петера с университетских времен. Я уже видела его однажды в кабинете у Йозиаса Ранцау. У него удивительные глаза.

Сын бывшего прусского министра образования, Адам фон Тротт цу Зольц (1909–1944) имел американскую бабушку, которая была правнучкой Джона Джея, первого верховного судьи Соединенных Штатов. Он учился в университетах Мюнхена, Геттингена и Берлина, а затем получил стипендию Родса в Бэллхолл-колледже в Оксфорде. Проработав некоторое время в Германии юристом, он жил в 1937–1938 гг. в США и много путешествовал по Китаю. В 1939 г. он снова приехал в Англию, где благодаря содействию семьи Астор¹⁶¹ и лорда Лотиана¹⁶² был принят премьер-министром Невиллом Чемберленом¹⁶³ и министром иностранных дел лордом Галифаксом¹⁶⁴. В сентябре 1939 г. (война в Европе к этому моменту уже началась) он снова оказался в США по приглашению Института тихоокеанских отношений. Куда бы он теперь ни ехал и с какими бы иностранными политическими деятелями ни встречался, он

всюду выступал с двойным — а по мнению некоторых, двусмысленным — призывом: противодействовать Гитлеру и поддерживать антинацистскую оппозицию, но уважать национальные интересы Германии¹⁶⁵. К тому времени любое проявление немецкого патриотизма (а Тротт, как и все участники антинацистского Сопротивления, был прежде всего пламенным патриотом¹⁶⁶) воспринималось с подозрением¹⁶⁷, и в некоторых союзнических кругах к Тротту стали относиться с недоверием. Он вернулся в Германию в 1940 г. через Сибирь. Став для прикрытия членом нацистской партии, он поступил на службу в Министерство иностранных дел, где формировалась активная антинацистская группа во главе с двумя высшими чиновниками, братьями Эрихом и Теодором Кордтами¹⁶⁸. Вскоре его коллега Ханс Бернд фон Хафтен¹⁶⁹ ввел его в крайзауский кружок¹⁷⁰ графа Хельмута фон Мольтке¹⁷¹, мозговой центр Сопротивления, занимавшийся разработкой планов будущего Германии после падения нацизма. По поручению этого кружка он пользовался каждой своей зарубежной поездкой — а путешествовал он много — для поддержания контактов со своими друзьями в лагере союзников.

Сама Кристабел Биленберг описала пережитые ею события в своей нашумевшей книге «Прошлое — это я» (Chatto and Windus. London, 1968).

Суббота, 13 июля. Ходила с Татьяной в гестапо¹⁷², где нас принимал на редкость омерзительный тип. Наше юридическое положение осложняется. С точки зрения немцев, наши литовские паспорта больше не годны, так как Советы аннексировали прибалтийские государства и требуют теперь, чтобы все прежние граждане этих государств брали советское гражданство. Мы, разумеется, этого делать не собираемся.

Воскресенье, 14 июля. Вечером приходили друг Папа́ барон Клодт¹⁷³, георгиевский кавалер, герой русского флота

в Русско-японскую войну 1904–1905 годов, и Миша Бутенев¹⁷⁴. Последний — очень умный русский юноша, целую зиму проживший со своими братьями и сестрами в каком-то подвале в Варшаве после бегства из оккупированной Советами Восточной Польши. Его отца, старого графа¹⁷⁵, сослали в СССР. Какая ирония судьбы: двадцать лет назад он бежал из России во время революции, с тем чтобы теперь попасть туда же! С Мишей его семилетние племянницы-двойняшки¹⁷⁶. Относятся к ним прилично, благо они родились в Соединенных Штатах.

Вторник, 16 июля. Только что над Бельгией сбит Пауль Мерц¹⁷⁷. Молодой офицер люфтваффе, мы познакомились с ним прошлым летом в Силезии; уходя на фронт, он оставил нам своего терьера Шерри, но мы не могли взять собачку с собой в Берлин и отдали ее знакомым.

Сегодня на работе я по ошибке получила пустой бланк с желтой поперечной полосой. Такие используются только для особо важных новостей. От нечего делать я напечатала на нем сообщение о том, что в Лондоне, по слухам, имел место мятеж и король повешен у ворот Букингемского дворца. Я передала этот текст дуре-переводнице, она тут же перевела его и включила в последние известия для вещания на Южную Африку. Шеф, которому полагается просматривать все исходящие новости, догадался, что текст мой, по некоторым грамматическим ошибкам в немецком языке. Сегодня он был в добродушном настроении, и это сошло мне с рук.

Среда, 17 июля. Сегодня вечером у Тино Солдати я долго разговаривала с Хассо Эцдорфом о Франции. У него репутация очень порядочного человека, но это, вместо открытой критики, вечное «да ну их», которого ради самозащиты придерживаются в обществе даже самые лучшие немцы, отмежевываясь от нынешних лидеров и поступков собственной страны, нередко меня просто пугает. Если они

не будут отстаивать свои убеждения, то чем все это кончится?

Лишь после провала заговора 20 июля Мисси узнала о ведущей роли Хассо фон Эндорфа в антинацистском Сопротивлении¹⁷⁸ и поняла, что проявлявшаяся им сдержанность в разговорах о политике была всего-навсего элементарной мерой предосторожности.

Понедельник, 22 июля. Слушала дома по радио замечательный концерт в Берлинской филармонии¹⁷⁹.

Даруся Горчакова¹⁸⁰ только что прислала нам из Швейцарии список молодых людей из белых беженцев, которые, сражаясь во французской армии, пропали без вести по окончании французской кампании; там числятся среди прочих наш двоюродный брат Иван (Джим) Вяземский¹⁸¹, Миша Кантакузен¹⁸² и Алеша Татищев¹⁸³. Пока что никого из них отыскать не удалось.

Когда началась война 1941–1945 гг., все русские беженцы военного возраста были призваны во французские вооруженные силы — независимо, были ли они французские подданные или нет. А после капитуляции Франции многие из них участвовали в Сопротивлении.

Вторник, 23 июля. Миша Кантакузен нашелся, но мы беспокоимся за Джима Вяземского, которого в последний раз видели во Фландрии. Нет никаких вестей и от наших двоюродных сестер Щербатовых¹⁸⁴ из Парижа.

Четверг, 25 июля. Обед у Хорстманов по случаю дня рождения Фредди¹⁸⁵. В первый раз после бала у чилийцев мы были в длинных платьях. Разговор шел в основном о противогазах. У нас противогазов нет, что вызвало

некоторое удивление, так как прошел слух, что в обломках недавно сбитого британского самолета были обнаружены газовые бомбы.

Страстный коллекционер, достаточно состоятельный, чтобы предаваться этому увлечению, Фредди Хорстман был одной из самых ярких личностей Берлина в годы войны. В прошлом дипломат, он с приходом Гитлера к власти был вынужден уйти с дипломатической службы в связи с еврейским происхождением его жены Лалли¹⁸⁶. В период, о котором пишет Мисси, маленькая, но изысканная квартира Хорстманов на площади Штайнплац была островком цивилизации в надвигающемся море варварства. Там, среди собранных Фредди произведений искусства, периодически встречалась тщательно подобранная группа друзей (неизменно включавшая некоторых наиболее прославленных красавиц Европы!) в атмосфере непринужденной утонченности и одухотворенности. Хотя о политике здесь не было принято говорить, само существование салона Хорстманов, обитатели которого ценили и ненавидели одно и то же, было в какой-то мере вызовом всему тому, что олицетворял нацизм.

Пятница, 26 июля. Сегодня вечером заходил Альберт Эльц. Он принес нам торт и зубную пасту «Колинос»¹⁸⁷ — ценнейший предмет, который теперь можно достать только в Сименсштадте¹⁸⁸. Он зенитчик на крыше тамошнего завода; недавно его посадили под арест за то, что вместо выслеживания в небе английских самолетов он читал английский роман.

Понедельник, 29 июля. В последнее время я стараюсь по понедельникам сидеть дома, потому что в этот день еженедельно транслируют по радио концерты из филармонии.

Татьяне снова повысили жалованье. Мне всё нет. Уныло плетусь в хвосте.

Четверг, 1 августа. Все ближе знакомлюсь с начальником Татьяны Йозиасом Ранцау¹⁸⁹, и он все больше мне нравится. Ленивый сыскной пес с отличным чувством юмора.

Суббота, 3 августа. Через нейтральную страну получили наконец-то весточку от Мары Щербатовой. Все двоюродные сестры снова в Париже, но сидят без работы. Их старый друг Андрей Игнатьев остался без ноги, воюя в рядах французской армии.

Воскресенье, 4 августа. После церкви присоединились к друзьям в отеле «Эден»¹⁹⁰, где Луиза Вильчек обедала с молодым человеком по имени Пауль Меттерних¹⁹¹, правнуком знаменитого канцлера¹⁹², он наполовину испанец¹⁹³. После этого все мы были приглашены к Шаумбургам в Кладов и поехали туда в нескольких машинах; Пауль Меттерних сидел на заднем сиденье с Татьяной, Надем¹⁹⁴ (из венгерского посольства) и мною. Он, бедняжка, ходит стриженным наголо, так как служит где-то рядовым солдатом. Из-за этого необъявленного вторжения Бурхарду Прусскому пришлось ехать поездом. Совершенно очевидно, что Паулю понравилась Татьяна.

Четверг, 8 августа. Кофе с Луизой Вильчек и Йозиасом Ранцау у нее в бюро. Позже к нам присоединился Адам Тротт, поразивший меня, как и в первый раз, интенсивностью зора и всей своей манерой. Обедала с Татьяной, Бурхардом Прусским и Ранцау у Луизы в ее отеле на Штайн-платц. Соответственно переодевшись, Луиза танцевала фламенко. У нее это превосходно получается.

Вторник, 13 августа. Сегодня вечером Ц.-Ц. Пфуль, еще двое гостей и я умудрились съесть 120 раков. В 11 вечера позвонила Татьяна и сказала, что Папа поскользнулся

в темноте, упал на тротуар и поранил голову. У него сильно текла кровь, а бинтов дома не было, поэтому мы отправились на поиски открытой аптеки. Едва мы привели Папá в порядок, как начался воздушный налет¹⁹⁵. Нам стоило больших трудов уговорить его спуститься в подвал (наша квартира на четвертом этаже) — он боялся, что соседи подумают, будто он с кем-то подрался! Много стреляли, отбой дали только в три часа утра. В последнее время сильно бомбят Англию; должно быть, это в отместку.

После падения Франции Гитлер, в надежде, что Англия запросит мира, сделал передышку и 19 июля в триумфальном обращении к своему марионеточному рейхстагу выступил с формальным предложением начать мирные переговоры. Уинстон Черчилль ответил требованием возвращения Германии к границам 1938 г. На это Гитлер прореагировал развертыванием первой стадии операции «Морской лев» — таково было кодовое наименование завоевания Британии: 15 августа люфтваффе начала генеральное наступление с целью покорить британское небо. Впоследствии эта операция стала известной как «сражение за Англию».

Пятница, 16 августа. Йозиас Ранцау подарил нам, четырем девушкам, хорошие французские духи с разнообразными экзотическими и соблазнительными названиями: «Mitsukuo» (японское женское имя)¹⁹⁶, «Ma Griffe» [«Мой кого-ток»]¹⁹⁷, «Je Reviens» [«Я вернусь»]¹⁹⁸ и тому подобное, о которых я раньше не слышала.

Вторник, 20 августа. Татьяна и я беседовали с некоторыми сотрудниками шведской миссии с целью выяснить, как нам связаться с нашим двоюродным братом Джимом Вяземским. Теперь мы знаем, что он цел и невредим и находится в лагере для военнопленных где-то в Германии.

Воскресенье, 25 августа. Сегодня ночью снова был налет. Татьяны не было дома. Я поначалу оставалась в постели, но стреляли так сильно, что временами заливало светом всю нашу комнату. Пришлось спуститься в подвал и заставить Папá спуститься вместе со мной.

Хотя такие города, как Варшава и Роттердам, были подвергнуты немцами бомбардировке уже в самом начале войны, как немцы, так и британцы долго не хотели начинать массированную бомбардировку гражданских целей противника. Даже «сражение за Англию» первоначально было, по существу, серией поединков за господство в воздухе. Однако ночью 24 августа немецкие самолеты по ошибке сбросили несколько бомб на Лондон¹⁹⁹. В следующую же ночь — ту самую, о которой говорит здесь Мисси, — Британские военно-воздушные силы ответили на это налетом на Берлин, в котором принимало участие 80 бомбардировщиков. Тогда взбешенный Гитлер приказал люфтваффе прекратить бомбежку наземных баз британской авиации и сосредоточиться на Лондоне. В результате он проиграл «сражение за Англию», так как в этот, самый трудный, момент, когда британская противовоздушная оборона была почти преодолена и победа немцев в воздухе представлялась неминуемой, британская авиация получила возможность перевести дух и пополнить свои силы²⁰⁰. Но с того времени был дан зеленый свет бомбардировкам всех гражданских объектов без всякого разбора на всех фронтах войны²⁰¹.

Понедельник, 26 августа. Опять налет. Мы оставались в постели, хотя теперь во всех домах привратники получили приказ заставлять всех спускаться в подвалы. Наш привратник тоже приходил и стучал кастрюлей, чтобы нас разбудить. Но на этот раз грохот продолжался всего полчаса.

Вторник, 27 августа. После работы зашла на службу к Татьяне. Слышно было, как в соседней комнате — в ван-

ной — плескались. Ее начальник явно пользовался тем обстоятельством, что в государственных учреждениях пока еще есть горячая вода.

Обедала с друзьями, в числе которых были двое братьев Кикебуш²⁰². Оба были тяжело ранены во Франции. Мэксхен три месяца лежал парализованный. У Клауса загорелся танк, его выбросило, сильно обожгло лицо, но он поправился, и теперь почти ничего не заметно. Ему повезло: он так гордится своей внешностью! Но двое из его экипажа погибли.

Среда, 28 августа. Сегодня, когда я ехала на автобусе мимо церкви памяти кайзера Вильгельма²⁰³, заревели сирены. Автобус остановился, и всех затолкали в подвал универмага KDW²⁰⁴. Ярко светило солнце, и больше ничего не произошло. Но сегодня вечером, когда мы ужинали в Грюневальде, дело было посерьезнее. Мы стояли в саду и смотрели, как на город падает множество зелено-красных «рождественских елок»²⁰⁵. Вскоре пришлось укрыться в доме: отовсюду сыпались осколки зенитных снарядов. Говорят, что на этот раз было довольно много жертв. Мы добрались домой только в пятом часу утра.

Понедельник, 2 сентября. Хотя ожидался налет, мы оставались дома в надежде хотя бы немного поспать. Наш подвал неплохо оборудован. Маленькие дети лежат в люльках, сосут пальчики. Мы с Татьяной обычно играем в шахматы. Она регулярно выигрывает.

Вторник, 3 сентября. В полночь был налет, но у Татьяны поднялась температура, и в подвал мы не пошли. Наши кровати стоят в разных углах комнаты, и Татьяна боится, что в случае прямого попадания я взлечу на воздух, а она вдруг останется повисшей над разломом дома, поэтому я забралась к ней в постель, и мы лежали целых два часа, обняв друг дружку. Шум стоял ужасный. Комната все время освещалась вспышками прожекторов. Самолеты летели

так низко, что временами казалось, что они прямо у нас над головой. Очень неприятное ощущение. Даже Папá слегка встревожился и зашел перекинуться словечком.

Пятница, 6 сентября. Эти ночные налеты изматывают: спишь всего три-четыре часа. На следующей неделе мы едем в отпуск в Рейнланд к Хатцфельдтам²⁰⁶. Нас дразнят: нашли куда ехать «спасаться от бомб» — в Рейнскую область²⁰⁷, но там в сельской местности пока еще относительно спокойно, а соседний Рур — главная мишень союзнических бомбардировщиков — оттуда далеко²⁰⁸.

Суббота, 7 сентября. Сегодня мы переехали от Пюклеров в квартирку Дитти Мандельсло²⁰⁹. Он находится на фронте и не хочет, чтобы она пустовала, а то ее реквизирует какой-нибудь партиец²¹⁰. Она расположена на улице Харденбергштрассе, около станции метро «Цоо» — в случае налета местоположение неблагоприятное, — но квартира маленькая и, следовательно, практичная. Нет даже прихожей, есть только небольшая гостиная, спальня, чудесная ванная (хотя горячая вода бывает редко), крошечная кухня и задний коридор по всей длине квартиры. Один его конец мы переоборудуем в комнату для Папá. Квартира выходит окнами в темный двор и представляет собой часть большого казенного учреждения, так что по ночам здесь никого нет, кроме сторожихи, которая будет помогать нам с уборкой.

Воскресенье, 8 сентября. Заходила к Лалли Хорстман, которая живет совсем рядом, и мы спрашивали себя, что теперь с нашими английскими и французскими друзьями. Возобновились налеты на Англию, и в Лондоне, говорят, страшные пожары.

Понедельник, 9 сентября. Снова налет. Я все проспала, не слышала ни сирен, ни бомб, ни отбоя. Это показывает, насколько я измотана.

Вторник, 10 сентября. Легла спать рано. В полночь опять тревога. На этот раз попало в больницу Св. Хедвиг²¹¹; от одной из бомб загорелась палата, где лежит Антуанетт Крой (ее только что оперировали). К счастью, ее успели вовремя перенести в подвал. Загорелся также рейхстаг; несколько бомб упало в саду американского посольства.

Среда, 11 сентября. Налет. Друг-американец Дик Мец²¹² повел меня к Антуанетт Крой. Она весела и не без гордости демонстрирует разрушения в своей палате. Он неофициально помолвлен с ее сестрой Лулу.

Завтра мы уезжаем на десять дней к Хатцфельдтам.

КРОТТОРФ²¹³. Четверг, 12 сентября. Сели на ночной поезд до Кёльна. Поезд шел на огромной скорости, я все время ожидала крушения. Во многих местах, которые мы проезжали, небо было красное, а один город горел. В Кёльне позавтракали с Балли Хатцфельдт²¹⁴, к которой мы как раз едем гостить, почему-то разминувшись с ней в поезде. Потом посетили собор²¹⁵. Многие из его знаменитых витражей²¹⁶ вывезены в безопасное место. Нам хотелось что-нибудь купить, все равно что, купили носовые платки. В полдень сели на невыносимо медленный поезд до Виссена, где нас ждала машина Хатцфельдтов.

Суббота, 14 сентября. Замок Кротторф — чудесен. Как многие замки в Вестфалии, он окружен двумя рвами, заполненными водой, и снаружи выглядит довольно негостеприимным, но жить в нем весьма уютно: множество прекрасных картин, хорошей мебели и масса книг. Замок окружен лесистыми холмами; сейчас здесь живут Лалла²¹⁷ (старшая дочь Хатцфельдтов) и ее родители. Единственный сын Бюбхен²¹⁸, которому девятнадцать лет, призван в армию.

Четверг, 19 сентября. Погружаемся в ничто. Встаем в 10 утра, завтракаем с девушками, до обеда пишем письма,

потом сидим с княгиней — хозяйкой, с трех до пяти удаляемся каждый в свою комнату читать и спать. В пять часов чай. Весь день идет дождь, но к вечеру облака обычно расходятся, и мы подолгу гуляем, собирая грибы. Где та Балли, которую мы знали в Берлине, — настоящая красавица? Здесь она бродит в толстых сапогах и шоферских защитных очках, но все равно у нее самые длинные и выгнутые ресницы, какие мне когда-либо приходилось видеть. Иногда мы играем в детские игры, но только если мы чувствуем себя особенно энергичными. В семь вечера принимаем ванну и переодеваемся в вечерние платья. После этого все сидят у камина до 10 вечера, когда мы, «изнуренные», уходим спать. После ужина князь Хатцфельдт приходит в себя и бывает остроумен, хотя он очень стар. Кормят всегда восхитительно, и мы с унынием думаем о возвращении к обычной берлинской диете.

Пятница, 20 сентября. Джим Вяземский написал нам по-немецки из лагеря военнопленных. Он просит прислать еды, табака и одежды. Сообщает, что оставил все свои пожитки в своем автомобиле перед полуразрушенной ратушей города Бове²¹⁹. По-видимому, он надеется, что нам еще удастся разыскать там его машину. В том же лагере находится несколько его друзей, и ему разрешают совершать долгие прогулки.

Понедельник, 23 сентября. Татьяна часто плохо себя чувствует. Мы опасаемся, не аппендицит ли это. У нее вообще довольно хрупкое здоровье.

Вторник, 24 сентября. Татьяна была у врача в Виссене; он сказал, что у нее аппендицит и начинающееся заражение крови. Он хочет оперировать немедленно! Мы договорились на четверг, так как в пятницу я должна буду уехать и хочу, чтобы операция прошла еще при мне.

Четверг, 26 сентября. Операция прошла благополучно. Врач доволен, но Татьяна расстроена. Ей придется пробыть

в больнице десять дней, а потом вернуться в Кротторф и там выздоравливать. Я провела с ней весь день. Еду ночным поездом Кёльн–Берлин.

БЕРЛИН. Пятница, 27 сентября. Приехав, застала Папá за завтраком. По его словам, налеты теперь каждую ночь.

Сегодня объявили о подписании Пакта трех держав: Германии, Италии и Японии.

Хотя в ноябре 1936 г. Япония присоединилась, наряду с Германией и Италией, к Антикоминтерновскому пакту, она не торопилась вступать с этими странами в более тесные отношения. Успехи Гитлера на Западе способствовали тому, что Япония все же отбросила благоразумие и связала свою судьбу с европейскими агрессорами. По этому соглашению, более известному как Трехсторонний пакт, Япония признавала главенство Германии и Италии в установлении «нового порядка» в Европе, а те, со своей стороны, признавали особую роль Японии в «Великой Восточной Азии». Стороны также договорились прийти друг другу на помощь в случае нападения третьей державы (имелись в виду США)²²⁰.

Воскресенье, 29 сентября. Налет. Поскольку мы живем на первом этаже, мы больше не спускаемся в подвал, и я осталась в постели. Вообще теперь на подвалы не очень надеются. Несколько дней назад бомба попала в один дом поблизости, причем сбоку. Сам дом остался стоять, а в подвале разорвались трубы, и все, кто там был, утонули.

Понедельник, 30 сентября. Густо Бирон²²¹ вылетел бомбить Англию и не вернулся. Его сестра Елена²²² неутешна.

Сегодняшний налет продолжался с 11 вечера до 4 утра. Я оставалась в постели и почти все это время читала, заснув незадолго до отбоя.

Вторник, 1 октября. Ужинала у друзей в Далеме, сирены застали меня у выхода на станции «Цоо»²²³. Я успела ускользнуть

и добежала до дома. Ненавижу, когда во время налета тебя заталкивают в какой-нибудь совершенно чужой подвал. Но рано или поздно это неизбежно произойдет, так как с началом сигнала воздушной тревоги запрещается находиться на улице.

Среда, 2 октября. Когда мы обедаем дома, готовит Папá; он неплохой повар, но он все переперчивает. Он начал давать уроки русского языка.

Была лишь короткая воздушная тревога.

Воскресенье, 6 октября. Ужин с Константином Баварским²²⁴ и Бюбхеном Хатцфельдтом. Последний получил разнос от сидевшего за соседним столиком полковника, которому он не отдал честь. Кому это нужно? Это только ставит всех в неловкое положение.

Вторник, 8 октября. Сегодняшний налет был самым длинным за все это время: он продолжался пять часов, много стреляли, были попадания и пожары. Мы оставались в постели.

Четверг, 10 октября. В Лондоне погибла тетя Катя Голицына²²⁵: бомба попала в автобус, на котором она ехала. Сегодня утром здесь, в Берлине, по ней, убитой немецкой бомбой, отслужили панихиду²²⁶.

Читаю пророчества Владимира Соловьева, что не слишком-то подбадривает.

Владимир Соловьев (1853–1900) был другом и последователем Достоевского²²⁷ и выдающимся поэтом, философом и мистиком. Здесь Мисси ссылается на соловьевскую «Повесть об Антихристе»²²⁸, апокалиптическое видение его прихода, — который Соловьев полагал неминуемым, — где с поразительной точностью предсказаны ужасы современного тоталитаризма, равно как левого, так и правого.

Сегодня вечером я была в гостях, когда началась тревога. Стрельба была очень громкая, и несчастный Мэкс-хен Кикебуш, у которого после полученного во Франции ранения в позвоночник совершенно расстроены нервы, катался по полу и не переставая стонал: «Ich kann das nicht mehr hören» [«Не могу больше этого слышать»]. Я ушла домой, а остальные продолжали веселиться, и один пьяный швейцарец стал стрелять и чуть было не попал в Мэксхена.

Пятница, 18 октября. Приехала Татьяна, бледная и ослабленная.

Суббота, 20 октября. Проездом появился Ронни Клари. Он, безусловно, один из самых привлекательных и одаренных молодых людей нашего поколения. Он только что помолвлен.

Вечер у Волли Зальдерна²²⁹ в Грюневальде. Он в отпуске и живет со своими. Дом полон хороших книг и хорошей музыки. Едва мы выехали домой на машине Зичи²³⁰ (из венгерского посольства), как началась воздушная тревога. Так как после сирены на улице позволяет находиться только дипломатам, Зичи повернул обратно к Волли, где мы слушали пластинки до двух ночи. Затем я отправилась домой пешком с Константином Баварским — около пяти километров. Когда мы перешли через мост Халлензее²³¹, снова завывли сирены. Нас никто не останавливал, и мы пошли дальше, но вскоре стрельба усилилась, и на Курфюрстендам полицейский толкнул нас в подвал. Мы три часа сидели там на полу, дрожа от холода. Пальто у меня не было, и мы вместе укрылись плащом Константина. Большую часть времени мы дремали или слушали чужие разговоры. В тяжелые времена берлинцы всегда на высоте и бывают очень остроумны. В шесть утра прозвучал отбой. Разумеется, не было ни трамваев, ни такси, так что мы

спустились по Курфюрстендам бегом, чтобы согреться, пока наконец не нашли такси, которое и доставило нас домой. Около моего дома пришлось делать объезд: столкнулись две машины скорой помощи, куда только что погрузили раненых из соседнего с нашим дома, разнесенного в прах, и при столкновении погибли три человека, благополучно пережившие бомбежку.

Дома Татьяна очень беспокоилась за меня, поскольку та бомба чуть было не попала в наше здание. Я надела свитер, полежала полчаса и пошла на работу: было уже пора. Но работать я так и не могла, я так устала. По совету Кати Клейнмихель я прилегла на раскладушку (которую мы там храним на всякий случай), проснулась только через три часа и обнаружила, что меня с неодобрением разглядывает мой шеф. Весь день приходили люди, интересовались, живы ли мы: весь наш район сильно пострадал, несколько бомб упало между нашим домом и отелем Луизы Вильчек за углом.

Суббота, 26 октября. После работы поехала с Татьяной на машине Тино Солдати в деревню к Ц.-Ц. Пфулю. Сидели у камина, принимали ванну, отсыпались и старались забыть про бомбежки.

Понедельник, 28 октября. Сегодня итальянцы напали на Грецию. Гитлер встречается с Муссолини. На радио большой шум.

Несмотря на то что Муссолини был уже втянут в военные действия в Абиссинии и Ливии, он не мог дать Гитлеру в одиночку перекраивать карту Европы. Окрыленный успехом летом во Франции, в результате чего Италии достались Ницца и Корсика²³², он повернул взор на Восток — на Балканы, где уже в апреле 1939 г. Италия аннексировала Албанию. Гитлер не был поставлен заранее об этом в известность; более того,

он недвусмысленно советовал Муссолини не предпринимать подобную операцию, поскольку у него не было иллюзий относительно боеспособности итальянской армии. Кроме того, он теперь готовился к самому грандиозному из своих замыслов — к завоеванию России. И его совершенно не устраивало вызывать британское вмешательство на южном фланге немецких армий, начинавших сосредотачиваться на Востоке, — а это непременно должно было произойти, если бы Греция обратилась к Англии за помощью. Более того, тогдашний греческий диктатор генерал Метаксас²³³ придерживался прогерманской ориентации. Поэтому подготовка итальянского наступления велась в полной тайне от немецких союзников; и когда Гитлер встретился с Муссолини во Флоренции 28 октября, ему оставалось лишь примириться с совершившимся фактом.

Вторник, 29 октября. Англичане высадились на Крите²³⁴.

Пятница, 1 ноября. Сегодня было два налета, один с 9.30 вечера до часу ночи, второй с 2.30 до шести утра. Какое счастье, что у нас квартира на нижнем этаже.

Воскресенье, 3 ноября. Английские войска высадились на греческом материке²³⁵.

Понедельник, 4 ноября. Мне не хватает физического движения, и потому я стала брать уроки гимнастики и уже чувствую себя значительно лучше, хотя и несколько скованно. Преподавательнице кажется, что она сделает из меня спортсменку — лишь потому, что я высокая и худая.

Среда, 6 ноября. Последние шесть дней здесь находится Пауль Меттерних, и Татьяна все свободное время проводит с ним.

Пятница, 8 ноября. Сегодня Пауль Меттерних уехал, и Татьяна ради разнообразия осталась дома.

Понедельник, 11 ноября. Сидеравичюс²³⁶ — бывший начальник литовской полиции, которого Папá знал в Каунасе

и который живет в соседнем доме, — рассказал, как он стоял в очереди у мясной лавки и вдруг увидел, как через задний ход вносят ослиную тушу: он узнал ослиные копыта и уши, торчавшие из-под брезента. Так вот откуда, возможно, берутся наши еженедельные шницеля!

Воскресенье, 10 ноября. Ездил с Луизой Вильчек, Татьяной и Йозиасом Ранцау в Далем к Адаму Тротту. Он недавно женился на Кларите Тифенбах²³⁷. Он учился в Оксфорде в качестве стипендиата Родса, и в нем есть что-то совершенно особенное. Там же был личный секретарь Гитлера и его представитель в Министерстве иностранных дел, посланник Вальтер Хевель²³⁸. Тот как-то раз поставил в затруднительное положение бельгийца Картье, спросив его, как Луиза и ее друзья относятся к нацистскому режиму. Он неотесан, но, говорят, относительно безвреден, и это единственный человек из «непосредственного окружения» (как говорится), который время от времени появляется в обществе. Некоторые, видимо, надеются оказать через него какое-то положительное влияние на происходящее.

Четверг, 14 ноября. Пауль Меттерних вернулся. Татьяна видится с ним постоянно.

Среда, 27 ноября. Обедала с Татьяной, Паулем Меттернихом и Дики Эльцем у «Саварена»²³⁹. Ели омары и прочие ненормированные «плутократические деликатесы». Когда Татьяна приходит домой, проведя с Паулем весь вечер, он обычно звонит ей посреди ночи и они болтают без перерыва. К счастью, у телефона длинный провод, так что я могу выгнать ее в гостиную, иначе я глаз бы не смогла сомкнуть.

Как и некоторые другие стороны повседневной жизни в оккупированной немцами Европе и самой Германии, система распределения продовольствия была не лишена забавных странностей.

Так, хотя продукты моря были либо недоступны, либо строго нормированы, поскольку глубоководный рыболовный флот исчез вследствие минирования прибрежных вод и подводной войны, моллюски и ракообразные, включая такие «плутократические деликатесы» былых времен, как омары и устрицы, имелись в продаже в изобилии до самой высадки союзников в 1944 г. Точно так же, хотя приличного пива очень скоро не стало даже в Германии, французское вино и шампанское, в самой Франции распределявшееся по карточкам, быстро наводнили рейх²⁴⁰.

Воскресенье, 1 декабря. Константин Баварский ходил со мной в русскую церковь, которая очень его интересует. Потом мы обошли Цоо и Аквариум²⁴¹; там плавало множество отвратительных водяных змей и прочих гадов. Странно, что их все еще держат: налеты становятся все более опасными.

Понедельник, 2 декабря. О Пауле Меттернихе и Татьяне начинают нескромно болтать, и мне надоело постоянно опровергать слухи об их помолвке, но они пока не хотят о ней объявлять, так как собираются пожениться только в конце будущего лета.

Греки вышвыривают итальянцев из Албании. Итальянцы все еще удерживают Дураццо и Валону. Последний берлинский анекдот: французы вывесили на Ривьере объявление: «Греки, стойте! Здесь уже Франция».

Вторник, 3 декабря. Бывший префект полиции Парижа Кьяпп сбит на Ближнем Востоке во время полета в Сирию²⁴². Недавно та же участь постигла двоих министров египетского правительства. Немецкая пропаганда подняла страшный шум по поводу «коварного Альбиона», расправляющегося с «нежелательными» англичанам иностранными государственными деятелями.

Жан Кьяпп (1878–1940), правый политический деятель и бывший начальник полиции Парижа²⁴³, получил от маршала Петтена назначение Верховным комиссаром в Сирию, в которую вот-вот должны были вторгнуться объединенные войска Англии и части генерала де Голля.

Четверг, 5 декабря. Мы уже некоторое время не имеем никаких вестей из Рима. Ушел в отставку маршал Бадольо²⁴⁴; он был Верховным командующим итальянских вооруженных сил. Ушел и адмирал Каваньяри²⁴⁵, командовавший итальянским флотом. Итальянцы явно не были готовы к своей греческой кампании; их потери чудовищны.

Итальянское вторжение в Грецию почти сразу же обернулось катастрофой. Под умелым командованием генерала Александра Папагоса²⁴⁶ греки проявили твердость и за несколько недель не только отбросили противника, но и заняли, в свою очередь, Албанию. Тем временем, как и опасался Гитлер, на греческий материк и окружающие его острова хлынули британские войска и оружие²⁴⁷.

Суббота, 7 декабря. Вечерня. По пути в театр Татьяна и Пауль Меттерних оставили меня в нашей церкви. Потом я отправилась в оперу послушать Караяна²⁴⁸. Он в большой моде, и некоторые даже склонны считать, что он лучше Фуртвенглера²⁴⁹, но это чушь. Он, безусловно, талантлив и пылок, но очень себе на уме.

Воскресенье, 8 декабря. Обедала в отеле «Адлон»²⁵⁰ с Татьяной, Паулем Меттернихом и четой Оярсбал²⁵¹ (из испанского посольства). Мы надеялись вкусно поесть, но оказалось, что сегодня *Eintopftag* [день одного блюда]²⁵², в который все рестораны обязаны подавать одну и ту же безвкусную похлебку²⁵³. Мы поехали к Ц.-Ц. Пфулю сильно раздраженные.

Среда, 11 декабря. Теперь итальянцев бьют также и в Африке. Там перешли в наступление англичане²⁵⁴. Убит уже один итальянский генерал²⁵⁵.

Четверг, 12 декабря. Англичане только что объявили, что взяли Сиди-Эль-Баррани. Итальянцев продолжают методично выдворять из Албании. Что тут ни говори, но нельзя не посочувствовать многим прекрасным людям — горячим патриотам Италии.

В Северной Африке итальянцы начали наступление 12 сентября и менее чем через неделю взяли Соллум и Сиди-Эль-Баррани, но их наступление захлебнулось. 9 декабря англичане пошли в контратаку, изгнали итальянцев из Западной пустыни, взяли Тобрук, заняли большую часть Киренаики и захватили в плен около 12 тыс. итальянцев. К началу февраля 1941 г. генерал Арчибалд Уэйвелл²⁵⁶ достигнет Эль Аггейла. Но через шесть недель после этого немецкий генерал Эрвин Роммель²⁵⁷ начнет свое легендарное контрнаступление, приведшее силы «Оси» к воротам Александрии.

Понедельник, 16 декабря. Вчера ночью бомбы обрушились на Тауэнтцинштрассе²⁵⁸, главную берлинскую торговую артерию, уничтожив большую часть витрин. Вся улица усыпана битым стеклом.

Вторник, 17 декабря. Вчера обедала у четы Сан-Мартино²⁵⁹. Большинство присутствовавших там итальянцев танцевали как безумные. Похоже, что их военные неудачи не очень-то их смущают²⁶⁰.

Среда, 18 декабря. Адам Тротт предложил Татьяне, чтобы я перешла на работу к нему в АА в качестве личного секретаря. Он человек блестящего ума, и мне придется очень стараться, чтобы быть на высоте его требований, но атмосфера в АА гораздо более подходящая, чем у нас

в ДД. Большинство его коллег провели часть жизни за границей и видели не один лишь Третий рейх. К тому же моя теперешняя работа становится невыносимо рутинной. Однако срок моего контракта истекает только в марте. Придется искать уважительную причину для увольнения. Во время войны менять работу трудно.

Долгое время после прихода к власти Гитлера Министерство иностранных дел Германии оставалось очагом антинацистских настроений. Это продолжалось даже после лета 1938 г., когда министром стал рьяный нацист, пресловутый фон Риббентроп, и эсэсовцев стали назначать и на дипломатические посты. Многие высшие чиновники стали активными заговорщиками и после провала покушения на жизнь Гитлера 20 июля 1944 г. заплатили за это жизнью. Адам фон Тротт цу Зольц, о котором так много пишет Мисси, был из их числа.

На днях мы с Катей Клейнмихель составили список блюд, подаваемых в нашей служебной столовой. Меню краткое и не слишком разнообразное.

Понедельник — красная капуста с мясным соусом.

Вторник — день без мяса. Треска в горчичном соусе.

Среда — пирожки с каменной рыбой²⁶¹ (на вкус совершенно такие же, как на слух).

Четверг — ассорти из овощей (красная капуста, белая капуста, картошка, красная капуста, белая капуста...).

Пятница — моллюски в винном соусе (это «особое блюдо», которое расхватывают мгновенно, так что обычно приходится довольствоваться картофельными котлетами с соусом).

Суббота — что-либо из вышеперечисленного.

Воскресенье — что-либо еще из перечисленного. Десерт всю неделю один и тот же: ванильный пудинг с малиновой подливкой.

Понедельник, 23 декабря. Сегодня говорила с Адамом Троттом. Предлагаемая им работа кажется интересной, хотя и трудно определимой. Видимо, он хотел бы сделать из меня нечто вроде своего доверенного лица. Он занимается одновременно многим, и все это — под официальным прикрытием «Свободной Индии»²⁶².

Незадолго до начала Второй мировой войны в индийском националистическом движении произошел раскол: более экстремистское крыло, которое возглавлял Субхас Чандра Бозе (1897–1945)²⁶³, стояло за насильственное свержение британского владычества в Индии, в то время как Ганди и Неру придерживались политики ненасилия. Бозе рассматривал нацистскую Германию как естественного союзника и в январе 1941 г. бежал через СССР в Берлин, где был взят под опеку Специальным Индийским отделом (Sonderreferat Indien) Министерства иностранных дел. Номинально возглавляемым нацистским аппаратчиком, заместителем государственного секретаря Вильгельмом Кеплером²⁶⁴, этим отделом фактически руководили двое стойких антинацистов: сам Адам фон Тротт цу Зольц и его верный друг — д-р Александр Верт²⁶⁵.

Со временем Бозе получил разрешение создать «Центр Свободная Индия», пользовавшийся дипломатическим статусом, и вести антибританские пропагандистские радиопередачи на различных индийских языках. Он даже объявил Англии войну «от имени свободной Индии». Но выдвинутая им идея «Индийского легиона», который предполагалось формировать из индийских военнопленных, захваченных в Северной Африке, потерпела крах из-за отсутствия добровольцев²⁶⁶. По иронии судьбы главным камнем преткновения на пути осуществления замыслов Бозе оказался сам Гитлер, испытывавший физиологическое отвращение ко всем цветным расам и всегда тайно восхищавшийся имперской ролью Англии²⁶⁷.

В феврале 1943 г. у берегов Мадагаскара немецкая подводная лодка переправила Бозе на борт японской лодки. С помощью японцев был создан Индийский легион, сражавшийся с британцами в Бирме до поражения Японии в августе 1945 г.²⁶⁸ Бозе летел в Манчжурию просить помощи у Советского Союза, когда 18 августа его самолет потерпел крушение и упал в Восточно-Китайское море.

Среда, 25 декабря. Полуночная месса с Паулем Меттернихом. Когда сквозь снег мы добрались до церкви, оказалось, что служба отложена до завтрашнего утра ввиду возможности налетов.

Понедельник, 30 декабря. Сегодня утром Пауль Меттерних уехал в свой полк.

Вторник, 31 декабря. Обедала в отдельном кабинете ресторана «Хорхер»²⁶⁹ с Тино Солдати²⁷⁰ и другими друзьями. Потом мы пошли к Тино, где собралось множество людей на встречу Нового года. Был очень хороший оркестр, который в полночь, ко всеобщему ужасу, грянул государственный гимн «Deutschland über alles». К счастью, Тино в этот момент как раз поехал в швейцарскую миссию поздравлять своего шефа.

1941

ЯНВАРЬ—ИЮНЬ

К началу 1941 г., казалось, Гитлер почти уже победил. Половина Скандинавии, вся Западная Европа были им завоеваны. Влияние Германии распространилось на всю Центральную Европу и на Балканы. Только в Греции и в Северной Африке его союзник Муссолини потерпел ряд поражений, и Гитлеру пришлось его выручать и тем еще более распылить свои силы. Зато, верный роковому соглашению от 23 августа 1939 г., Сталин продолжал добросовестно ему поставлять нужное сырье, включая горючее, при помощи которого немецкие самолеты систематически бомбили единственного оставшегося противника — Англию.

БЕРЛИН. Четверг, 2 января. Сегодня утром подала заявление об уходе из ДД. Меня согласились отпустить при условии, что я найду себе замену. Это может оказаться не так легко.

Воскресенье, 5 января. Фредди Хорстман повел нас с Татьяной на концерт Караяна. Страшно холодно. Болею третий раз за эту зиму.

Вторник, 7 января. Русское Рождество. Ходили вчера к вечерне. Чудесно.

Пятница, 17 января. Почти все утро прощалась с сослуживцами: меня все-таки отпустили. Очень рада, что ухожу из ДД: там вокруг все серо и уныло. Татьяна простудилась и не встает.

Суббота, 18 января. Прескучный вечеру Хорстманов. Иногда я недоумеваю: почему мы так часто ходим куда-то вечерами. Должно быть, это проявление какого-то внутреннего беспокойства.

Понедельник, 20 января. Ужин у Балли и Бюбхена Хатцфельдт. У них огромная квартира близ Тиргартена. Я зашла в комнату Бюбхена привести в порядок прическу, а там был открыт шкаф, и меня поразило, сколько там висит костюмов, а к ним столько же обуви. Я не могла удержаться от мысли, что наши Джорджи и Александр²⁷¹ дали бы, чтобы иметь хотя бы несколько таких пар. Наше безденежье достигло своего апогея, как раз когда они вошли в возраст, когда юноши, как и девушки, обращают внимание на свою внешность.

Среда, 22 января. Первый день на новой работе в отделе информации Министерства иностранных дел. Мне не по себе: все кругом незнакомое. Адам Тротт временно пристроил меня в своего рода научно-исследовательский институт при его индийском бюро, так как его начальство могло бы насторожиться, если бы мы не просто имели сходные политические взгляды, но и вместе работали. Моя непосредственная начальница — пожилая журналистка, специалист по индийским делам. Кажется, Адам надеется, что, когда я войду в курс дела, я смогу влиять на нее в нужном ему направлении; боюсь, однако, что он переоценивает мои способности. С немками, занимающими высокие должности, бывает трудно иметь дело, так как их женственность как-то отступает на задний план.

Тобрук взят австралийцами²⁷². Итальянцы понесли большие потери.

Пятница, 24 января. Обедала с Адамом Троттом, который меня обвораживает. Он полон конструктивных идей и планов, в то время как я абсолютно растеряна. Но я не смею дать ему это почувствовать.

Суббота, 25 января. Мы получили в подарок фазана, а Папа — два костюма.

Воскресенье, 26 января. Ходила с Татьяной в церковь, потом долго гуляли. Осматривали новые посольства в Тиргартене²⁷³; они выстроены в том претенциозном монументальном стиле, который так характерен для нового нацистского Берлина. Все в мраморе и колоннах, они выглядят ненормально огромными, совершенно нечеловеческих масштабов. Начали даже строить новое британское посольство, так как считается, что старое, возле Бранденбургских ворот, слишком мало²⁷⁴. Неужели они в самом деле верят, что Англия когда-нибудь сдастся?²⁷⁵

Пятница, 31 января. На новой работе мною как будто довольны.

Суббота, 1 февраля. Обед у четы Рокамор²⁷⁶ (он испанский военный атташе в Берлине). Они живут как раз напротив моего нового бюро. К нему я постепенно привыкаю; если бы только там не было так холодно! Кроме того, там очень мало света, и мы работаем при электричестве, занимаясь научно-исследовательской работой, а приходится иметь дело с мелким шрифтом, и это утомительно для глаз. Заходил Адам Тротт со своим другом, д-ром Алексом Вертом. У них было небольшое совещание, на котором они попросили меня присутствовать. Я сидела и слушала их возвышенные рассуждения.

Близкий друг Адама фон Тротта со студенческих лет в Геттингенском университете, д-р Александр Верт в 1934 г. пробыл некоторое время в нацистском концлагере. Впоследствии он занимался юридической практикой в Лондоне и вернулся в Германию лишь накануне войны. После краткой службы в армии он был переведен в АА.

Воскресенье, 2 февраля. Сегодня забегал Маркус Клари²⁷⁷. Он второй сын Альфи²⁷⁸, на которого он очень похож. Ему до смерти хочется развлечений — любых: все это время он был на фронте и к тому же еще получил серьезное ранение в руку. Сейчас он в офицерском училище под Берлином. Мы взяли его с собой в Тости²⁷⁹.

Лулу Крой сбежала в Португалию, чтобы выйти замуж вопреки желанию отца за своего друга-американца Дика Метца.

Вторник, 11 февраля. На чае у Хорстманов познакомилась с Лулу де Вильморен²⁸⁰. Сейчас она жена венгерского магната графа Томми Эстерхази²⁸¹. Уже немолода, но очень привлекательна и элегантна.

Понедельник, 17 февраля. На прошлой неделе Адам Тротт взял меня к себе в отдел. Я очень рада, так как там атмосфера гораздо приятнее. У Адама свой кабинет; затем комната для меня и двух секретарш; и еще большая комната, где работают Алекс Верт и человек по имени Ханс Рихтер²⁸², которого все зовут Джаджи (английский перевод немецкого слова «Richter», т. е. судья); и, наконец, есть еще крохотный закуток, в котором сидят герр Вольф (известный всем как Вёльфхен²⁸³) и его секретарша Лоре Вольф. Вельфхен часто бывает слегка навеселе, но он умный и славный, хотя и состоит эсэсовцем. Татьяна работает внизу, в переоборудованном гараже, с Йозиясом Ранцау и Луизеттой Квадт²⁸⁴. Только что насовсем уехала Луиза Вильчек: ее семья, опасаясь воздушных налетов, решила переехать в Вену. Нам ее очень недостает. Пока что Адам завалил меня переводами и рефератами книг. Сейчас как раз делаю одну такую работу, на которую дано всего два дня. Иногда приходится печатать под диктовку по-немецки. Привожу окружающих в ужас своими грамматическими ошибками.

Четверг, 18 февраля. Все эти новые филиалы АА размещаются в зданиях различных иностранных миссий, ныне

отбывших из Берлина; поэтому в них есть ваннные комнаты, кухни и т. п. Мне нравится здешняя атмосфера, она мне гораздо приятнее. Однако рабочие часы у нас в высшей степени нерегулярные. По регламенту мы начинаем работу с 9 утра и работаем примерно до 6 вечера. Но в обеденное время начальство улетучивается; мы тоже, хотя официально это не позволено. Возвращаются мужчины обычно часам к четырем, а то и позже; поэтому нам приходится наверстывать упущенное, и иногда мы задерживаемся до десяти вечера. Главным начальником у нас был посланник Альтенбург²⁸⁵, очень приятный человек, которого все уважали; но теперь вместо него нечто совсем иное — молодой и агрессивный бригадефюрер СС по фамилии Шталекер²⁸⁶, расхаживающий в сапогах, помахивающий хлыстом и сопровождаемый немецкой овчаркой. Эта перемена всех настораживает.

Вместе с печально знаменитым Адольфом Эйхманом бригадефюрер СС Франц Шталекер принимал участие в разработке ранних нацистских планов «окончательного решения» еврейского вопроса, предполагавших на первых порах не физическое уничтожение, а лишь депортацию евреев на Восток²⁸⁷. Несмотря на то что он был противником Райнхарда Гейдриха²⁸⁸, всемогущего шефа РСХА (Главной службы безопасности рейха), он в начале войны с Россией возглавил «айнзацгруппе А» (оперативную группу А), действовавшую в Прибалтике. На эти «части спецназначения», формировавшиеся из эсэсовцев, гестаповцев и немецких либо местных полицейских и насчитывавшие 500–1000 человек каждая, возлагалась задача ликвидации всех евреев, коммунистов и любых подозреваемых в принадлежности к партизанам. Позже Шталекер хвастался, что за первые четыре месяца кампании его часть уничтожила 13 500 человек. Он погиб в марте 1942 г. в партизанской засаде в Эстонии²⁸⁹.

Четверг, 20 февраля. У Татьяны жар. Ужинала у Хорстманов, которые празднуют помолвку Ц.-Ц. Пфуля с Бланш Гейр фон Швеппенбург²⁹⁰; она дочь известного генерала танковых войск²⁹¹ и очень хорошенькая.

Только что вернулись из Рима Рокаморы, они привезли кипу писем от родных, которые очень взволнованы помолвкой Татьяны с Паулем Меттернихом: она только сейчас сообщила им об этом, и для них это было сюрпризом.

Суббота, 22 февраля. Свадьба Ц.-Ц. Пфуля. Он попросил меня быть подружкой невесты. Все было очень элегантно, устроили прием в отеле «Кайзерхоф»²⁹². Нам пришлось нелегко: нужно было представлять всех присутствующих родителям жениха и невесты, которые только что приехали из провинции и никого не знали. Ц.-Ц. выглядел измотанным. Я так устала, что под конец пожала руку шоферу такси, который привез меня домой. В ответ он поцеловал мне руку.

Вторник, 25 февраля. Ужинала с Йозиасом Ранцау и обсуждала с ним помолвку Татьяны, которую он одобряет. Он для всех нас что-то вроде ангела-хранителя и наставника.

Среда, 26 февраля. Мы с Татьяной обедали с графом Адельманом²⁹³, другом Папá. Он только что вернулся из Литвы, где был советником-посланником немецкой миссии. Он помог многим немцам бежать от Советов, просто-напросто выдал им немецкие паспорта.

Согласно второму секретному протоколу к Германо-советскому договору о дружбе и границе от 29 сентября 1939 г. (который освящал раздел Польши и включал Литву в сферу влияния СССР), лица немецкого этнического происхождения, проживающие на ставшей теперь советской территории, подлежали репатриации в Германию. Хотя теоретически этим условиям отвечали только настоящие «фольксдойче» (т. е. люди немецкой крови) и всей операцией по репатриации руководили СС, позже насильно зачислившие многих репатриантов в свои ряды,

немецкие дипломатические представители на местах нередко применяли менее строгие критерии. Благодаря этому около 750 000 человек, в том числе тысячи немцев, были спасены от расстрела или ГУЛАГа.

По слухам, умер король Испании Альфонс XIII²⁹⁴. Он крестный отец Пауля Меттерниха; если это так, то это будет большим ударом для Пауля и его матери. После своего отречения в 1931 году король подолгу бывал в Кенигсварте²⁹⁵ — имении Меттернихов в Чехословакии.

После победы республиканцев на выборах 1931 г. король Альфонс XIII, не отрекаясь от престола, уехал из Испании и провел остаток дней в изгнании.

Четверг, 27 февраля. Пауль Меттерних, Йозиас Ранцау, Татьяна и я пообедали у Хорхера и просто объелись. Это лучший ресторан в городе, и там знать не желают никаких продовольственных карточек²⁹⁶.

Среда, 5 марта. Приходил ужинать пан Медекша²⁹⁷, польский помещик из Литвы, старый друг нашей семьи. Недавно он бежал, бросив все имущество. Его большой, старый деревянный барский дом был типичным «дворянским гнездом» — щедрое гостеприимство, обильное угощение, огромный запущенный сад, заросший пруд, портретная галерея... Бедняга, трудно, должно быть, после шестидесяти лет начинать жизнь с нуля.

Немецкие войска вступили в Болгарию.

Вторжение Италии в Грецию и последовавшая за этим британская интервенция привели к тому, что в пределах досяжимости британской авиации оказались румынские нефтяные промыслы в Плоешти — главный немецкий источник горючего. Гитлер принял решение завоевать Грецию, для чего ему

необходимо было заручиться согласием Венгрии, Румынии и Болгарии на проход немецких войск по территории этих стран. С этой целью он предложил им присоединиться к Пакту трех держав²⁹⁸. Венгрия и Румыния сделали это 23 ноября 1940 г.

Болгарский царь Борис III²⁹⁹ сперва уклонялся. Но после того как в июне 1940 г. Румынию принудили отдать СССР Бессарабию и Северную Буковину³⁰⁰ и Болгария тоже предъявила территориальные претензии³⁰¹, Германия предложила «посредничество». В августе 1940 г. решением так называемого Венского арбитража Румыния уступила Болгарии Южную Добруджу³⁰². С тех пор немецкое давление — и влияние — на Болгарию все возрастало, и 1 марта 1941 г. Болгария тоже присоединилась к пакту. На следующий же день в страну вступила двенадцатая армия фельдмаршала Зигмунда Листа³⁰³, на которую была возложена задача покорения Греции.

Четверг, 6 марта. Теперь у нас накопилось немного денег, и мы подумываем поехать в отпуск в Италию. Было бы замечательно увидеться с родными. Пауль Меттерних поехал в Кицбюэль³⁰⁴ кататься на лыжах. Сейчас многие разъехались по лыжным курортам, и жизнь в Берлине по-притихла³⁰⁵.

Судя по всему, надвигается кризис с Сербией³⁰⁶.

Воскресенье, 9 марта. Вечером заглянули Альберт Эльц, Ага Фюрстенберг и Клаус Алефельдт³⁰⁷, а с ними Бурхард Прусский. Папа был шокирован, увидев, как Клаус сидит в обнимку с Агой. «В мое время...»

11 марта 1941 года Соединенные Штаты приняли закон о ленд-лизе³⁰⁸, благодаря которому еще до того, как страны Оси вынудили американцев к активным военным действиям, Америка стала «арсеналом демократии». К концу войны различным союзникам было доставлено примерно на 50 миллиардов долларов оружия и припасов³⁰⁹.

Суббота, 15 марта. В последнее время мы большей частью сидим дома и ведем очень тихую жизнь. Особенно устала Татьяна; мы ждем не дождемся предстоящей поездки в Италию.

Понедельник, 24 марта. Нас всех впрягли в особую, очень срочную работу, связанную с какой-то японской выставкой³¹⁰. Адам Тротт — единственный, кого не тревожат; он в восторге и посмеивается над нами, пока мы корпим над своими машинками до поздней ночи³¹¹. Вельфхен — наш спаситель: он поддерживает более или менее приличные отношения с нашим новым отвратительным начальником Шталекером и тем самым предохраняет нас от возможных неприятностей. Остальные стараются держаться от Шталекера как можно дальше. В нем есть что-то зловещее.

У нас ужинал отец Шаховской³¹².

Один из наиболее выдающихся священнослужителей Русской зарубежной церкви отец (князь) Иоанн Шаховской стал после войны архиепископом Сан-Францисским.

Четверг, 27 марта. Всеобщее смятение оттого, что по возвращении в Белград югославские министры, недавно подписавшие в Вене пакт с Германией, арестованы группой просоюзнически настроенных военных. Создано временное правительство, принц-регент Павел бежал в Грецию. Это означает, что может начаться война и с Югославией. Ну и дела!

Югославия также долго подвергалась немецкому давлению, но успешный отпор Греции итальянскому вторжению и появление на Балканах англичан, вкупе с успехами последних в Северной Африке, побуждали ее сопротивляться, и она присоединилась к Пакту трех держав только 25 марта 1941 г. Два дня спустя в Белграде произошел военный переворот, в результате

которого принц-регент Павел был низложен, семнадцатилетний наследный принц Петр провозглашен королем и сформировано просоюзническое правительство.

К этому времени в Германии уже полным ходом шла подготовка к нападению на СССР; обнаружив у себя на южном фланге неожиданно возникший греко-югославский блок, поддерживаемый Англией, Гитлер приказал разгромить Югославию «с беспощадной жестокостью».

Суббота, 29 марта. Вместе с Паулем Меттернихом мы посетили испанского дипломата Эспинозу³¹³ и слушали его прекрасные русские пластинки. У Пауля новый костюм, который он немножко стесняется носить, хотя его гардероб определенно нуждается в обновлении. День за днем он носит тоненький черный вязаный галстук, изношенную зеленую спортивную куртку и фланелевые штаны — ничего другого, кроме формы, я на нем не видела, да и та тоже вся изношена. Ведь с восемнадцати лет он видел только войну, начиная с Гражданской в Испании, куда он поступил добровольцем к националистам Франко.

Дики Эльц повез меня в Потсдам познакомиться с графом Готфридом Бисмарком³¹⁴, братом Отто, занимающим там должность регирунгс-президента (гражданского губернатора округа). Он женат на Мелани Хойос³¹⁵, полуавстрийке-полуфранцуженке; там была и его австрийская кузина Лоремари Шёнбург³¹⁶. Мы вернулись в Берлин все вместе поздно вечером.

Младший внук «железного канцлера», граф Готфрид фон Бисмарк-Шенхаузен (1901–1949), как многие немецкие патриоты, поначалу сочувствовал нацистскому движению, полагая, что оно обеспечит «национальное возрождение» Германии. Он даже имел почетное звание штандартенфюрера (полковника) СС³¹⁷ и в течение многих лет был депутатом национал-социалистической

партии в марионеточном гитлеровском рейхстаге, совмещающая эту должность с обязанностями регирунгс-президента Потсдама. Но к 1941 г. он стал убежденным противником Гитлера и с самого начала был одним из активнейших штатских участников того заговора, который стал известен как заговор 20 июля.

Четверг, 3 апреля. Ужинала с Йозиясом Ранцау в Далеме у Троттов. Там был профессор Преториус³¹⁸, искусствовед, театральный художник и большой знаток Китая. Адам Тротт горячо интересуется Китаем, где он провел некоторое время и подружился с Питером Флемингом³¹⁹. Беседа шла в основном о Дальнем Востоке.

Рассказывают, будто покончил с собой граф Телеки³²⁰, премьер-министр Венгрии.

Премьер-министр с 1939 г. граф Пал Телеки безуспешно пытался предотвратить полное подчинение Венгрии немецкому диктату. В частности, он отказался удовлетворить требование Германии о выдаче польских военнослужащих и гражданских лиц, нашедших убежище в Венгрии после разгрома Польши. Переворот в Югославии вызвал усиление давления со стороны Германии. Телеки предпочел застрелиться, нежели уступить.

Пятница, 4 апреля. Ужин у Хако Чернина³²¹. Были только австрийцы, в том числе Дики Эльц и Йозеф Шварценберг³²². Они ностальгически вздыхали о «старых добрых временах», в Вене и Зальцбурге, рассказывая поразительные истории из жизни золотой молодежи двадцатых годов.

Воскресенье, 6 апреля. Сегодня утром немецкая армия вторглась в Югославию и Грецию³²³.

Пятница, 11 апреля. Вчера после работы я помчалась на Штеттинский вокзал, где мы договорились встретиться с Дики Эльцем, чтобы поехать в Райнфельд³²⁴ — имение

Готфрида Бисмарка в Померании³²⁵ — на пасхальные выходные. Ехали мы не три часа, как обычно, а семь. На станции нас встретил конный экипаж Бисмарков, который повез нас в Райнфельд при луне. Мы прибыли в три часа утра. Готфрид ожидал нас с легким ужином и вдоволь напоил свежим молоком. Блаженство!

А сегодня утром — завтрак, настоящий завтрак, а потом горячая ванна. Райнфельд — прелестная помесь маленькой фермы и загородного дома: все выбелено, удобная мебель, много книг. Мы гуляли по лесу, и Дики Эльц подстрелил сойку. После обеда ездили кататься верхом. Я села на лошадь впервые в жизни, но мышцы, к счастью, потом не болели — вероятно, благодаря гимнастике.

РАЙНФЕЛЬД. Суббота, 12 апреля. Снова ездила верхом с Готфридом Бисмарком, а потом мы охотились на оленей.

Сегодня был взят Белград; Хорватия объявила себя независимой³²⁶.

Пасхальное воскресенье (по западному стилю), 13 апреля. После чая стреляли в мишень из окна гостиной. Мишень была прибита к дереву. Я раньше никогда в жизни не стреляла и начала с того, что зажмурила не тот глаз. Тем не менее мой результат был лучше всех — новичкам везет. Но потом мы сменили ружья на пистолеты, и тут у меня ничего не вышло. Пистолет был чересчур тяжел и с очень сильной отдачей. Мы прятали пасхальные яйца для детей, но они еще маленькие и ничего не понимают. Они явно хорошо питаются, я бы даже сказала, что они слишком упитанны; малыш Андреас, хотя ему и года, наверное, нет — уже личность: рыжий и голубоглазый, как его прадед — «железный канцлер»³²⁷.

Понедельник, 14 апреля. Погода испортилась: тепло, но пасмурно. Дики Эльц уехал обратно в Берлин. Он работает в банке «Риттер»³²⁸, и пока что эта работа спасает его от призыва. Я побуду здесь еще один день. Сегодня днем мы

опять ездили верхом. Несколько раз начинался сильный дождь. По дороге домой Готфрид Бисмарк заметил, что какие-то дети воруют солому с крыши амбара. Он погнался за ними галопом, моя лошадь пустилась вдогонку, а я вцепилась ей в гриву и не знала, как быть.

БЕРЛИН. Четверг, 17 апреля. Чтение «Двенадцати евангелий» в русской церкви. Это наша Страстная неделя, и у меня начинают болеть ноги от выстаивания долгих служб. Татьяна собирается ехать в Рим 6 мая. Увы, я не смогу поехать вместе с ней, так как я только начинаю осваивать новую работу.

Югославия капитулировала.

Суббота, 19 апреля. Два часа на работе, потом церковь и причастие. Здесь проездом Пауль Меттерних, направляющийся в Испанию, а затем в Рим. Вся эта поездка — какая-то официальная миссия — устроена Вельфхеном, который питает слабость к нему и Татьяне. Из-за воздушных налетов наша всенощная началась в семь вечера. Служили в лютеранской церкви, поскольку наша слишком мала для той массы прихожан, которая неизменно собирается на эту службу. Мы взяли с собой Пауля Меттерниха и Лоремари Шёнбург.

Воскресенье, 20 апреля. Русская Пасха. Папа настоял, чтобы мы сопровождали его во всех визитах, которые он по традиции наносит членам здешней русской колонии.

Только что нам рассказали, что во время белградского переворота юного короля Югославии Петра вытащили ночью из постели, чтобы он присутствовал при казни своего наставника-генерала³²⁹. (Впоследствии оказалось, что этот слух был ложным.)

Вторник, 22 апреля. Я по-прежнему тружусь над переводами. Адам Тротт хочет, чтобы я взяла на себя всю его рутинную работу, с тем чтобы он пребывал на олимпийских высотах и не заботился обо всякой писанине. Я начала

с того, что попыталась навести порядок у него в письменном столе, пока он обедал. Я сидела на полу, вычищала один ящик стола за другим и чуть не плакала — такой там был беспорядок. Вошла его маленькая секретарша, очень ему преданная, и утешила меня: «Герр фон Тротт — гений, а от гения нельзя требовать еще и аккуратности!» Когда он возвратился, я передала ему эти слова, и он был явно тронут. Он провел несколько лет в Англии в качестве Родсовского стипендиата, а также в США, и между собой мы обычно говорим по-английски. Мне с ним так легче. Когда он говорит по-немецки, то выражается столь высокопарно, что я перестаю его понимать — во всяком случае, так бывает, когда он диктует. Он бросает в воздух начало предложения, на секунду замолкает, а потом обрушивает на меня все остальное. Позже, когда я разбираю свои каракули, то оказывается, что я половину пропустила. Я попросту пока еще недостаточно хорошо знаю немецкий. Джаджи Рихтер и Алекс Верт тоже часто говорят со мной по-английски — Джаджи довольно долго жил в Австралии. Иногда нас называют «Палатой лордов».

Среда, 23 апреля. Инее Вильчек работает в качестве *Landjahr-Mädchen* (имеется в виду обязательное привлечение молодых женщин к сельскохозяйственным работам)³³⁰ у Ханны фон Бредов³³¹ в Потсдаме. Ханна — сестра Бисмарков, у нее восьмеро детей³³². За троими самыми маленькими сейчас присматривает Инее. Она их умывает, одевает и водит в школу. В общем, ей повезло: могла бы работать в поле или доить коров. Сегодня мы отмечали день ее рождения в «Ателье». Неподалеку в этом же зале сидел Пауль Меттерних с испанским послом³³³, он все время нам подмигивал.

Пятница, 25 апреля. Ужинала с Татьяной у Хойосов³³⁴. Хозяин дома Жан-Жорж — брат Мелани Бисмарк³³⁵. Присутствовали Готфрид Бисмарк, Елена Бирон и Чернины³³⁶. Мы постепенно перестаем ходить на большие приемы и видимся

в основном с одними и теми же немногочисленными людьми в их собственных, довольно тесных жилищах.

Сегодня ночью опять был налет. Наша квартира находится недалеко от бункера Цоо³³⁷, только что построенного из толстеного бетона. Он очень высокий и весь оцетинился зенитными орудиями; считается, что это самое надежное бомбоубежище в этой части города. Когда зенитки начинают стрелять, дрожит земля, и даже у нас в квартире стоит нестерпимый грохот.

Суббота, 26 апреля. Вчера были сброшены только две бомбы, но зато каждая весила 500 килограммов. Мы обнаружили дверь, ведущую в сад позади дома. Она может послужить запасным выходом на случай пожара. Но сад, разумеется, со всех сторон огорожен стеной. Мои занятия гимнастикой могут оказаться очень полезными, если придется через нее перелезть.

Ходила в Итальянскую оперу, приехавшую на гастроли из Рима: «Джульетта и Ромео»³³⁸ Дзандонай³³⁹. Никогда прежде не слышала об этой вещи. Пели отлично.

Воскресенье, 27 апреля. После церкви обедала со Стеенсен-Летом³⁴⁰, датским поверенным в делах, пожилым человеком, у которого пятеро маленьких детей и очаровательная жена³⁴¹. Война в Греции практически окончилась.

Завоевание Балкан было последней крупной победой Гитлера. Она была ознаменована еще одним умышленным зверством: разрушением Белграда силами люфтваффе, в ходе которого погибло 17 000 человек. После капитуляции югославской армии 17 апреля это государство перестало существовать: Хорватия получила независимость, Далмация была аннексирована Италией, а тем, что оставалось от Сербии, правил немецкая марионетка генерал Недич³⁴². Только в центральных горных районах до конца войны продолжалось сопротивление — сначала монархистов-«четников» генерала Дражи Михайловича³⁴³,

потом коммунистов-партизан Иосипа Тито³⁴⁴. Греция держалась до 29 апреля, когда остатки ее армии и большая часть британского экспедиционного корпуса были эвакуированы на Крит. При всей своей недолговечности героическая стойкость Югославии и Греции имела для Гитлера роковые последствия: впервые за восемнадцать месяцев войны его встретил отпор³⁴⁵; в Европе, уже молчаливо признавшей его «новый порядок», две маленькие страны посмели бросить ему вызов; и, что еще важнее, балканская кампания вынудила его направить свои танки против СССР на шесть недель позже намеченного срока³⁴⁶.

Четверг, 1 мая. С момента прихода Гитлера к власти это национальный праздник — «похищенный» у коммунистов³⁴⁷. Сидела в Тиргартене, читала письма от родных.

Воскресенье, 4 мая. Ходила в новую маленькую русскую церковь на Фазаненштрассе³⁴⁸. Певчие пели прекрасно, тон задавал бывший советский оперный бас.

Понедельник, 5 мая. Сегодня, после лихорадочных сборов, Татьяна уехала в Рим. Елена Бирон сказала мне по телефону, что она оставит у портье своего дома письмо, чтобы Татьяна отвезла его в Рим. Когда я пришла за письмом, мне сказали, что за ним только что приходил от моего имени какой-то мужчина, и портье отдал письмо ему. Я перепугалась, так как знала, что в письме содержатся важные сведения о местонахождении польских военнопленных, которые Елена незаконно раздобыла через Красный Крест, где она работает. Мы слишком часто забываем, что телефоны могут прослушиваться даже у нас на работе. Теперь я внутренне готовлюсь к вызову в гестапо. На дворе ливень.

Четверг, 8 мая. Воздушный налет. Я стала их бояться. Теперь каждый раз, как завоет сирена, у меня начинает учащенно биться сердце. Йозиас Ранцау поддразнивает меня этим.

Пятница, 9 мая. Ко мне заходил на работу Альберт Эльц. Он провалился на экзамене на офицера и довольно расстроен.

Понедельник, 12 мая. Сегодня днем ходила примерять шляпки. Теперь на любую одежду нужны карточки, а на головные уборы — нет, так что шляпки приобрели особое значение. Мы развлекаемся, приобретая их, и накопили уже порядочное число. По крайней мере, они позволяют хоть немного разнообразить внешний вид.

Вечером за ужином услышали по Би-би-си, что Рудольф Гесс прилетел в Англию! Все гадают, почему он это сделал, и у каждого собственное объяснение³⁴⁹.

Член нацистской партии с самых ранних дней, Рудольф Гесс был одним из наиболее доверенных соратников Гитлера, его заместителем на посту фюрера партии и назначенным им преемником (после Геринга) на посту рейхсканцлера. Подготовка к нападению на СССР близилась к завершению, когда 10 мая 1941 года Гесс в одиночку тайно поднялся в воздух на своем личном «мессершмите-110» и спустя несколько часов приземлился в Шотландии. По его словам, цель этого полета, принятого будто бы без ведома Гитлера, — убедить Англию заключить мир с Германией и этим развязать ей руки для намеченного похода на СССР. Гесс был немедленно интернирован и содержался как военнопленный, покуда он, когда война кончилась, не предстал перед союзным трибуналом в Нюрнберге. Приговоренный к пожизненному заключению, он был водворен в берлинскую тюрьму Шпандау, где покончил с собой в 1987 г. То, как этот странный эпизод освещался в Германии, а также и в Англии, где некоторые связанные с ним документы до сих пор засекречены³⁵⁰, немедленно породило подозрения, разделявшиеся в то время и Рузвельтом, и Сталиным, что обе стороны тайно готовятся к компромиссному миру.

Вторник, 13 мая. На вечере у Ланза (из итальянского посольства) я сидела в уголке с Хассо Эцдорфом. Мы говорили о Гессе и о том, что из всего этого выйдет. Все находят эту историю довольно-таки смешотворной.

Среда, 14 мая. Обедала с Паулем Меттернихом в «Ателье». Он только что из Рима. Представил мне в лицах, как встречался с «семьей». Рассказывал он об этом шутливо, но представляю, какое это для него было испытание.

После обеда мы попытались купить открытку с портретом Гесса, но похоже, что их уже успели изъять, и теперь их не купишь ни за какие деньги. В одном магазине женщина даже набросилась на нас: «Wozu brauchen sie ihn denn? Er ist ja wahnsinnig geworden!» [«Да зачем он вам? Он же сошел с ума!»] — такова официальная версия³⁵¹. Чтобы успокоить ее, мы притворились, что нас интересует весь «зверинец», и купили оба по карточке Геббельса и Геринга.

В отсутствие Татьяны Пауль все время торчит у нас. Он терпеть не может Берлин, и у него нет здесь близких друзей. Как и в ДД, мы ежедневно получаем кипы розовых бумаг с грифом «совершенно секретно», содержащих последние международные известия и материалы из иностранной печати. Читать их не полагается никому, кроме немногих избранных, однако курьер приносит их незапечатанными. Пауль, изголодавшийся по информации, все это пожирает, поскольку в немецких газетах сейчас нет буквально ничего. Если кто-нибудь войдет, это может нам очень дорого обойтись, но так как бюро Татьяны (где я временно работаю) находится в гараже, то мы обычно сносимся с остальным отделом по телефону. Единственное исключение — Ранцау и Луизетта Квадт, которые работают рядом, но им наплевать.

После обеда познакомилась с Эдгаром фон Икскулем³⁵², пожилым остзейским бароном, который до 1914 года состоял на российской дипломатической службе. Он очень

тепло говорил о Папá, сказав, что он был одним из самых одаренных молодых людей в России и что со временем он непременно стал бы премьер-министром. Бедный Папá!

Прошел слух, что Сталин согласился уступить Украину немцам на девяносто девять лет. Я вне себя от возмущения!

Это был ложный слух, родившийся, видимо, из надежд многих немцев, что надвигающийся конфликт с СССР, которого все так боялись, удастся предотвратить с помощью состряпанной в последнюю минуту «сделки». Однако недавно стало известно из советских источников, что осенью 1941 г., когда немецкие войска подступали к самой Москве, Сталин действительно искал примирения с Гитлером и был готов для этого пожертвовать значительной территорией.

Воскресенье, 18 мая. Берлинцы, известные своим остроумием, уже сочиняют острооты по поводу бегства Гесса. Например:

«Аутсбург (город, откуда он вылетел) — город немецкого подъема».

«Би-би-си» сообщает: в ночь на воскресенье немецкие министры больше не прилетали».

«Сообщение ОКБ³⁵³ [Верховного командования]: Геринг и Геббельс все еще прочно находятся в немецких руках».

«Тысячелетний рейх превратился в столетний: одним нулем стало меньше».

«Что наше правительство сбрендило, это мы давно знаем, но что оно это признало — это нечто новенькое».

«Черчилль спрашивает Гесса: „Так это вы сумасшедший?“ — „Нет, лишь его заместитель“»³⁵⁴.

Ко всему этому Ага Фюрстенберг, известная своим снобизмом и острословием, на днях добавила: «Если так пойдет и дальше, то скоро мы снова окажемся исключительно среди своих».

Суббота, 24 мая. Пауль Меттерних отозван обратно в Берлин, где он будет работать в ОКБ; нам от этого спокойнее. Говорят, что на русской границе сосредотачиваются все новые и новые силы. Почти всех знакомых мужчин переводят с запада на восток. Это означает только одно.

Завоевание и колонизация Восточной Европы и СССР были одним из лейтмотивов Гитлера со времен «Майн кампф»; все прочие его политические шаги служили лишь промежуточными этапами для осуществления этой главной цели. Еще в начале августа 1939 г. Гитлер в беседе со швейцарским Верховным комиссаром Лиги Наций в Данциге, д-ром Карлом Буркхардтом³⁵⁵, открыл свои карты: «Все то, что я предпринимаю, направлено против России; если Запад слишком глуп и слеп, чтобы это понять, мне придется пойти на сговор с русскими и затем, победив на Западе, повернуться со всеми имеющимися силами против СССР. Мне нужна Украина, с тем чтобы никогда более нас не смогли заморить, как во время последней войны». («Моя миссия в Данциг. 1937–1939». Мюнхен, 1960.)

Не успела закончиться кампания на Западе, как 21 июля 1940 г. — на следующий день после того, как Сталин аннексировал прибалтийские государства, — Гитлер сообщил своим генералам о своем намерении уничтожить СССР, «чем скорее, тем лучше». Никто из них не выдвинул каких-либо возражений. Тем же летом первые немецкие дивизии были переброшены на восток. 18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил окончательный план кампании. Операцию, получившую кодовое наименование «Барбаросса», предполагалось начать в мае 1941 г. и завершить всего за четыре-пять недель. Она затянулась на четыре года и закончилась полным разгромом нацистской Германии.

Произошло крупное морское сражение между «Худом»³⁵⁶ и «Бисмарком»³⁵⁷. «Худ» был потоплен единственным залпом, попавшим в главный склад боеприпасов, и почти

вся команда погибла³⁵⁸. Какой ужас! «Бисмарку» удалось скрыться, но ему придется нелегко, так как его преследует весь британский флот³⁵⁹.

Понедельник, 26 мая. На обеде у Хойосов познакомилась с американцем Джорджем Кеннаном³⁶⁰ и его женой. Он много лет служил при американском посольстве в России. Сейчас он временно прикомандирован к здешнему американскому посольству. У него умные, понимающие глаза, но он высказывается сдержанно, что, впрочем, не удивительно: ведь ситуация двусмысленная, немцы все еще являются союзниками Советской России. Поэтому вместо серьезного разговора Клаус Алефельдт и Винци Виндиш-Грец³⁶¹ демонстрировали нам благозвучие соответственно венгерского и датского языков. Мы единодушно отдали предпочтение венгерскому, но, строго говоря, ни тот ни другой особенно слух не ласкают.

Вторник, 27 мая. Сегодня «Бисмарк» затонул. Вместе с ним пошел на дно немецкий адмирал Лютьенс³⁶².

Спущенный на воду в 1941 г. 42-тысячетонный «Бисмарк» был одним из самых крупных, быстроходных, мощных и усовершенствованных военных кораблей Второй мировой войны. 18 мая он вышел в плавание вместе с тяжелым крейсером «Принц Ойген» с целью нападения на британские суда в Атлантике. Британские разведывательные самолеты быстро обнаружили корабли противника, и Адмиралтейство выслало на их перехват крупные силы. Первая встреча произошла у берегов Исландии, и за считанные минуты крейсер «Худ», краса и гордость британского флота, флагманский корабль вице-адмирала Ланселота Холланда, взорвался и пошел ко дну вместе со всем экипажем, насчитывавшим 400 человек, — спаслось всего трое. «Бисмарк», однако, тоже получил повреждения. Теперь немецкие корабли разделились. «Принц Ойген» благополучно добрался до Бреста, а подбитый «Бисмарк» бесследно исчез на тридцать

один час. Лондонское Адмиралтейство разослало всем военным кораблям, от Ньюфаундленда до Гибралтара, ставший легендарным приказ: «Вытравить „Бисмарка“». В результате грандиозной погони, в которой принял участие практически весь наличный британский флот, «Бисмарк» был наконец обнаружен в Бискайском заливе, и торпедные самолеты с авианосца «Арк Ройял» нанесли ему новые значительные повреждения. На следующий день после героической битвы с превосходящими силами противника «Бисмарк» затонул вместе со всем — кроме одного человека — экипажем³⁶³.

Пятница, 30 мая. Сидела дома: стирала, гладила, штопала и тому подобное. На это уходит масса времени, а отдать некуда. Настоящего мыла нет и в помине, приходится пользоваться вонючими синтетическими эрзацами, и те выдаются только по карточкам.

Вторник, 3 июня. Адам Тротт поручил мне прочесть целую гору книг. Если они представляют для него интерес, я передаю их ему, если же нет, они отправляются куда-то в архив, и никто никогда их больше не видит. Он получает большую часть книг, только что опубликованных в Англии и Соединенных Штатах. Иногда читать их легко; таков, например, «Визит на лету» Питера Флеминга³⁶⁴, который передается с рук на руки и доставляет нам всем много веселых минут. Все рвутся заполучить новейшую книгу первыми, но обычно первой читаю все-таки я.

Четверг, 5 июня. Бывший кайзер Вильгельм II³⁶⁵ скончался в Доорне, в Голландии, где он находился в изгнании с 1918 года. Сообщение это средактировано на удивление сдержанно.

Воскресенье, 8 июня. Русская Троица. Пауль Меттерних и я ездили на вокзал на машине, которую нам одолжили испанцы, встречать Татьяну. Она появилась нагруженная множеством новых вещей, сияющая и, видимо,

отдохнувшая. На нее было приятно смотреть. Мы вместе поужинали.

Понедельник, 9 июня. Пауль Меттерних и Татьяна наконец решили формально объявить о своей помолвке. Это ни для кого не будет сюрпризом. Папá хочет, чтобы Пауль принес ему официальный визит и просил руки Татьяны. Мы дразним Пауля, напоминая, что по такому случаю ему придется надеть белые лайковые перчатки. Татьяну мысль об этом визите беспокоит много больше, чем Пауля.

Вторник, 10 июня. Ужин с Йозиасом Ранцау, Луизеттой Квадт и г-ном Ульрихом фон Хасселем³⁶⁶, который десять лет был немецким послом в Риме. Это обаятельнейший и эрудированный человек.

Позже мы заехали к Аге Фюрстенберг, которая давала прощальный вечер в честь Альберта Эльца по случаю его отъезда в Грецию.

Судя по всему, бо́льшая часть немецкой армии сосредоточивается на русской границе.

Ветеран дипломатической службы, Ульрих фон Хассель (1881–1944) был тяжело ранен на Западном фронте в Первую мировую войну. Возвратившись в Министерство иностранных дел в 1919 году, он дослужился до посла в Италии, пробыв на этой должности с 1932 по 1938 г. Либеральный консерватор старой школы, он был убежденным антинацистом и одним из самых активных гражданских участников заговора с целью свержения Гитлера. К тому времени, когда Мисси с ним познакомилась, он занимал ученую должность, которая позволяла ему, невзирая на условия военного времени, часто ездить за границу, используя каждую такую поездку для поддержания многочисленных связей с влиятельными союзническими и нейтральными кругами.

Среда, 11 июня. Заходили Альберт и Дики Эльц. Уйдя от нас, они по дороге домой наткнулись на улице на мертвого

человека. Должно быть, его сшибло автобусом, но из-за затемнения никто ничего не заметил. Надо же, чтобы такое приключилось именно с Альбертом.

Суббота, 14 июня. Заходила Лоремари Шёнбург — заниматься платьем для вечеринки. Она учится актерскому искусству. Ей предстояло дебютировать в какой-то шекспировской пьесе, но исполнитель главной роли во время репетиции упал с лестницы, и пришлось все отменить. Как знать? Вдруг этим загублена блестящая карьера!

Пятница, 20 июня. Звонил Адам Тротт. Он один из немногих знакомых мне мужчин, кто любит подолгу говорить по телефону. Он приготовил мне какую-то работу, «которая меня отвлечет от всего прочего» — то есть, очевидно, от войны с Россией, которая, похоже, на носу.

Воскресенье, 22 июня. Немецкая армия ведет наступление на всем протяжении восточной границы. Хако Чернин разбудил меня на рассвете, чтобы сообщить эту новость. Начинается новая фаза войны. Мы знали, что это случится. И все же мы потрясены!

Примечание Мисси [датировано сентябрем 1945 года]:

Начиная с этого дня почти два года моего дневника отсутствуют, хотя я продолжала свои записи почти ежедневно. Некоторые страницы я уничтожила сама. Другие же я спрятала в одной усадьбе на территории одной из восточноевропейских стран, находящейся за железным занавесом. Возможно, они и сейчас там находятся, а может быть, их нашли и отправили в какой-нибудь местный архив или же, что еще вероятнее, сожгли за ненадобностью.

Но больше всего меня удивляет не то, что часть моего дневника пропала, а то, что столько из него уцелело...

1941–1943

Приписка Мисси весной 1978 года (в год ее смерти):

Я делала записи в своем дневнике почти ежедневно, и вспомнить теперь все подробности моей жизни между 22 июня 1941 года и 20 июля 1943-го практически невозможно. Но я постараюсь кратко рассказать о событиях, сыгравших в нашей жизни большую роль, и о том, что произошло за этот период со мной, моими родными, кое-кем из друзей.

К этому времени силы оставляли Мисси так быстро, что она сумела описать только два эпизода: бракосочетание сестры Татьяны и деятельность матери по оказанию помощи советским военнопленным. К счастью, в семье Васильчиковых постоянно переписывались. Многие из этих писем — написанные рукой Мисси или адресованные ей — сохранились. По этим письмам, а также по случайным фрагментам дневника, найденным в ее бумагах после ее смерти, удалось в какой-то степени воссоздать ход ее жизни с июня 1941-го по июль 1943 г.

В остальном же комментатор ограничился кратким упоминанием о главных событиях в жизни Мисси и ее родных на протяжении этого периода и об исторической обстановке, в которой они происходили.

Нападение Гитлера на СССР было крупнейшим военным вторжением в истории: в нем участвовало 153 немецких дивизии, то есть около трех четвертей сил вермахта, к которым в дальнейшем присоединились 18 финских, 16 румынских, 3 итальянских, 3 словацких и 1 испанская дивизия, 3 венгерских бригады, хорватская часть, а позже и многочисленные свеженабранные войска СС со всей оккупированной Европы — в общей сложности около 3 миллионов человек. Противостояли им в начале кампании 170 советских дивизий. Однако в то время как резервы Германии вскоре были исчерпаны, СССР мог мобилизовать еще 12 миллионов. Таким образом, все зависело от того, сумеет ли Германия провести еще один победоносный блицкриг. Гитлер был совершенно уверен, что сумеет: «Нам нужно только взломать дверь, и все прогнившее здание рухнет». То же самое предсказывали и многие квалифицированные западные эксперты. И поначалу даже Сталин впал в панику.

План «Барбаросса» предусматривал одновременный удар по трем направлениям: на Москву, Ленинград и Киев; предполагалось, что советские силы будут разгромлены в самом начале кампании посредством обычного немецкого метода глубоко проникающих бронетанковых клещевых ударов; конечным рубежом, который намечалось занять до наступления зимы, была линия от Архангельска до Астрахани. После парада победы на Красной площади предполагалось сровнять Москву с землей, чтобы ею никогда больше не пятнать взор «цивилизованного человека». Кампания была провозглашена «крестовым походом против большевизма», но на самом деле ее единственной целью был беззастенчивый захват российских земель, разграбление национальных ресурсов России и массовое истребление ее населения с изгнанием оставшихся в живых за Урал или превращением их в рабов немецких поселенцев, которые пришли бы на их место.

Гитлер недвусмысленно заявил своим генералам накануне кампании, что это будет особая война: поскольку русские от роду «Untermenschen», т. е. недочеловеки, то и речи не может идти о каких-либо проявлениях солдатского рыцарства по отношению к ним. И потому даже самые тяжкие преступления, совершенные немцами в России, не повлекут за собой каких-либо судебных разбирательств со стороны немецких властей, а тем более кары. Для начала же, объявил Гитлер, всех попавших в плен политических комиссаров и членов коммунистической партии надлежит расстреливать на месте. Иными словами, не только все позволялось, но и предписывалось наихудшее. Хотя втайне кое-кто из генералов ужаснулся, никто из них не повел и бровью. Но надо сказать, что, когда дошло до дела, все-таки немалое число немецких военных пренебрегли этими преступными приказами. Именно из их рядов вышли впоследствии многие участники заговора 20 июля 1944 года...

И сначала все пошло по плану. Несмотря на масштабные немецкие приготовления, продолжавшиеся уже много месяцев, и на многочисленные предупреждения из различных источников, Сталин дал себя застать врасплох. Дислоцированные вдоль всей западной границы войска даже не были закамуфлированы. Большая часть вооружения или устарела, или только начиналась его замена более современным; старший командный состав был почти весь перебит продолжающимися сталинскими чистками. За несколько недель немцы проникли глубоко на советскую территорию и в ряде сражений-«котлов» вывели из строя или захватили в плен сотни тысяч красноармейцев³⁶⁷. И все же то и дело, несмотря на большое число советских дезертиров и сдавшихся в плен (по крайней мере, в начале кампании), немецкое продвижение постоянно тормозилось чрезвычайно упорным сопротивлением многих русских частей и бойцов. Ставшие чересчур уверенными в себе сравнительно бескровными победами в Польше, на Западе и на Балканах, немцы среагировали сперва с удивлением, затем с возмущением, которое заменила,

нехотя, доля восхищения, а под конец — уже нескрываемый страх. Приводимые ниже слова принца Бурхарда Прусского ясно отражают их первоначальную реакцию.

Из письма Мисси из Берлина брату Джорджи в Рим, 1 июля 1941 года:

«...Только что с Восточного фронта появился Бурхард Прусский. Он отозван, потому что он „из королевских“³⁶⁸. Он рассказывает, что там царит абсолютный ужас. Почти не берут пленных ни с той ни с другой стороны. Русские дерутся не как солдаты, а как преступники, подымая руки вверх, делая вид, что сдаются, и когда немцы приближаются вплотную, открывают по ним огонь в упор; они даже стреляют в спину немецких санитаров, присматривающих за их же ранеными. Но они очень храбры, и везде идут тяжелые бои. Там сейчас все три брата Клари. Бедные родители!

Встретила сестер Вреде, которые только что узнали, что их брат Эдди³⁶⁹ убит. Ему было только двадцать лет, и он был всегда душой общества. Вообще-то, потери на этот раз во многом превосходят потери предыдущих кампаний. И все же немцы успешно продвигаются, как этого можно было ожидать...»

Из воспоминаний Мисси 1978 года:

Татьяна вышла замуж за Пауля Меттерниха 6 сентября 1941 года. Свадьбу отпраздновали весело, присутствовали почти все наши друзья, за исключением, разумеется, тех, кто был на фронте или кого уже убили либо тяжело ранили. Даже Мама́, Ирина и Джорджи прибыли из Рима. Прием происходил в доме четы Рокамора; продукты Пауль и его мать несколько месяцев копили у себя в Кенигсварте.

В ту ночь Берлин пережил один из самых тяжелых на тот момент воздушных налетов. К счастью, бо́льшая часть бомб упала на пригороды.

Татьяна и Пауль в эти часы уже направлялись в Вену, откуда они позже переехали в Испанию, где пробыли до весны следующего года. Ирина сразу же вернулась в Рим, но Мамá и Джорджи решили пробыть в Берлине еще месяц-другой. Это решение оказалось роковым, так как вскоре, с ухудшением ситуации на Восточном фронте, немецкие власти наложили запрет на свободный въезд и выезд иностранцев, а у всех членов семьи паспорта были еще литовские, и оба застряли в Германии — Мамá до конца войны, а Джорджи до следующей осени, когда ему удалось вырваться в Париж.

Я очень скучала по Татьяне, ведь мы с ней были неразлучны с младенчества и вместе пережили самые трудные в нашей жизни времена. К счастью, Джорджи переехал ко мне в квартиру на Харденбергштрассе³⁷⁰ и жил там до весны следующего года... (На этом воспоминания Мисси обрываются.)

В ноябре 1941 г. Мисси удалось провести несколько недель на отдыхе в Италии. Сохранились три письма, которые она написала матери во время этой поездки.

Мисси из Рима — матери в Берлин, 10 ноября 1941 года:

«Еда здесь довольно приличная, несравненно более разнообразная, чем в Берлине. После серости наших берлинских улиц очень радует глаз зеленая листва деревьев.

Виа Венето³⁷¹, полная развлекающейся молодежи, просто потрясла меня — разве в Германии сейчас такое увидишь!

Завтра пойду делать покупки, но ни на что особенно не рассчитываю, так как то, на что не требуются карточки (а их выдают очень мало), продается только по предъявлении удостоверения личности. Такого удостоверения нет даже у Ирины, хотя она здесь живет уже три года, так что нетрудно представить себе, как мало шансов у меня. Хожу и облизываюсь, не имея возможности потратить ни гроша...»

Мисси из Рима — матери в Берлин, 13 ноября 1941 года:

«Здесьняя русская колония чрезвычайно встревожена. В прошлом месяце в одной из местных газет появилась статья, подписанная псевдонимом, где автор высказывал удивление и возмущение по поводу того, что столько белых русских не выражают ни малейшего восторга в связи с войной в России: не следует ли в таком случае, говорит он, попросить их избрать себе какое-либо другое место жительства? Немедленно прошел слух, что статья продиктована «сверху», и это, разумеется, еще сильнее взбудоражило наших соотечественников, причем некоторые из них сели сочинять уничтожающий ответ, а другие занялись выяснением личности автора.

Два дня назад Лони Арривабене³⁷² пригласил Ирину и меня на обед в «Чирколо делла Качиа»³⁷³ вместе с одним из своих кузенов, который оказался журналистом, и вскоре зашел разговор о пресловутой статье. Тут кузен признался, что написал ее он, что никто «в верхах» не заставлял его это делать и что это просто крик души, вырвавшийся у него после разговора с одним здешним русским. Ну, тут я ему показала! Бедняга Лони, ему все это было так неприятно...»

Мисси с Капри — матери в Берлин, 20 ноября 1941 года:

«...В понедельник в Риме ужинала с Гуго Виндиш-Грецем³⁷⁴ и его другом князем Сериньяно³⁷⁵, который, узнав, что я собираюсь сюда, предложил мне остановиться в его доме, так как сам он будет отсутствовать еще несколько недель и дом все равно будет пустовать. В этом доме я сейчас и нахожусь.

Это крошечное бунгало, выкрашенное белой краской, с террасой, откуда открывается вид на весь остров и на море. Оно одиноко стоит на холме в отдалении от больших вилл. В нем две комнаты, чудесная, выложенная зеленым кафелем ванная, воду для которой, правда, приходится накачивать часами, и кухня. Все это окружено виноград-

никами и кипарисами. Я живу одна, если не считать прислуги-итальяночки по имени Беттина, которая каждое утро приходит из деревни прибирать дом, готовить мне завтрак и ванну. Собираюсь много читать, много спать, гулять и купаться, если будет солнечно, и ни с кем не видаться. Отто Бисмарк (он советник здешнего немецкого посольства) одолжил мне массу книг. Сегодня предполагаю закупить съестные припасы и после этого предамся одиночеству.

Везувий проявляет небывалую в последние годы активность, и все говорят, что если бы не война, то люди начали бы беспокоиться³⁷⁶. По ночам видно, как вырывается из кратера и стекает по склонам красная лава. Поразительное зрелище! Можно также наблюдать, как бомбят Неаполь, но отсюда налеты выглядят вполне безобидными. Тем не менее на Капри повсюду гасят свет; в первый раз я просто не знала, как быть, — купить свечи я не успела, а налет начался рано...»

К этому времени немецкое наступление на Восточном фронте, после впечатляющих первых успехов, начало сталкиваться с трудностями. Чем дальше в глубь России продвигались наступающие войска, тем шире они развертывались, тем протяженнее становился их фронт, а значит, длиннее (и уязвимее, поскольку начиналась партизанская война) становились и коммуникации. Мало того, на смену каждой уничтоженной или взятой в плен советской дивизии неведомо откуда появлялись новые, лучшие обученные, лучшие вооруженные. Постепенно немцы сообразили, что их засасывают просторы России, причем их главная цель — разгром всех советских вооруженных сил — делается все более призрачно-неуловимой, а собственные их потери оказываются более значительными, чем во всех предыдущих кампаниях. Из числа друзей Мисси, помимо Эдди Вреде (о гибели которого она сообщает в одной из своих последних записей за 1941 год), в первые же недели кампании

погибло еще трое — Ронни Клари, Бюбхен Хатицфельдт и Гофи Фюрстенберг.

Тем не менее Гитлер не терял уверенности в успехе и 25 октября, после новой серии впечатляющих операций по окружению советских соединений, провозгласил, что «Россия уже разгромлена!». Действительно, к этому времени СССР потерял треть своей промышленности и половину сельскохозяйственных угодий. Однако многие заводы были эвакуированы за Урал (где скоро возобновили производство), а безжалостная тактика выжженной земли, к которой прибегали русские при отступлении, начала причинять ощутимый ущерб и немцам. А теперь, как это часто бывало и в прошлом, на помощь России пришел «генерал Зима». В ожидании горячего, 4 декабря немецкие танки застряли под сильным снегопадом уже в предместьях Москвы. На следующий день свежие дивизии из Сибири начали первое с начала кампании крупное контрнаступление, в ходе которого отбили у немцев обширную территорию. К весне 1942 года немецкие потери достигали уже миллиона человек. И хотя потери русских были гораздо более значительны (около 5 миллионов убитых и раненых, около 2,5 миллиона взятых в плен), многим высокопоставленным немецким военачальникам война на Востоке уже представлялась проигранной.

7 декабря японцы напали на Перл-Харбор, и Соединенные Штаты вступили в войну³⁷⁷; и, хотя в ту зиму союзники понесли серьезный урон на Тихом океане и большая часть Юго-Восточной Азии была захвачена японцами, Америка обеспечивала лагерю союзников все более и более ощутимое материальное превосходство.

К весне 1942 года Меттернихи вернулись в Германию, и Пауль поступил в военное училище, по окончании которого был назначен офицером связи в испанскую Голубую дивизию³⁷⁸, воевавшую на Ленинградском фронте; Татьяна же по большей части жила в Кенигсварте — имении Меттернихов в Северной Богемии,

где время от времени ее навещали родные. Сохранились два относящиеся к этому периоду письма Мисси к матери, а также обширный фрагмент дневника.

Мисси из Берлина — матери в замок Кенигсварт, 17 июля 1942 года:

«Вчера мы с Джорджи были приглашены на ужин в чилийское посольство. В числе гостей были актриса Дженни Джуго³⁷⁹ и Виктор де Кова (это тоже известный актер и режиссер) со своей женой-японкой³⁸⁰. Прием продолжался допоздна, очень много танцевали. *(К этому времени танцевать в публичных местах категорически запрещалось, нарушители строго наказывались. Единственное исключение составлял дипломатический мир.)*

У меня был продолжительный разговор с Виктором де Кова (по которому я так вздыхала девочкой в Литве!). Теперь он ходит в огромных очках, потому что близорук. Оказалось, что он человек очень застенчивый, но остроумный. Когда я пожаловалась, что сейчас практически невозможно достать билеты в театр, он сказал, что мне достаточно только позвонить ему и в моем распоряжении окажется целая ложа, но только уж тогда мне придется непременно досидеть до конца, даже если надоест, потому что он будет на меня поглядывать. Хотя он категорически отказался танцевать, заявив, что не умеет, я все-таки вытащила его в круг танцующих, и он заколесил по залу с видом мученика. Потом он и Дженни Джуго вступили в острую перепалку с сестрами Вреде, которые снова ополчились на меня за то, что я-де не проявляю «должного восторга» по поводу понятно чего *(имеется в виду кампания в России)*.

Джорджи сейчас носит такие длинные волосы, что меня все призывают уговорить его подстричься. Он приобрел репутацию лучшего танцора в Берлине — к огорчению Ханса Флотова...»

Хотя в то время Мисси этого не знала, Виктор де Кова (1904–1973) был не только одним из самых популярных театральных и киноактеров в Германии, но с 1940 г. и активным участником Сопротивления. После войны он получил также и международную известность в качестве режиссера-постановщика и преподавателя, сочетая профессиональную деятельность с организацией различных общественных движений этической направленности, таких как «Моральное перевооружение».

Мисси из Берлина — матери в замок Кенигсварт, 30 июля 1942 года:

«За последние три недели я выхожу почти каждый вечер, и я совершенно изнурена. Но только так можно рассчитывать по крайней мере раз в сутки прилично поесть. В нашей столовке кормят прямо ужасно.

Антуанетт Крой потеряла свою парижскую работу: ее уволили с предупреждением всего за несколько дней и выслали обратно в Германию — все из-за ее княжеского титула и знакомств с иностранцами. В качестве особой любезности посол Абец³⁸¹ (представляющий Германию в оккупированной зоне Франции) позволил ей остаться на несколько лишних недель, чтобы попрощаться с матерью.

В воскресенье мы с ней были у Альфьери (итальянского посла), где подавали изумительный чай, после чего мы отдыхали на террасе, откуда открывается вид на озеро. Вчера он пригласил меня снова, но я отказалась. Тогда он пригласил меня на ужин сегодня. На этот раз я согласилась, поскольку там будет чета Эмо»³⁸².

Отрывки из дневника Мисси, обнаруженные после ее смерти:

БЕРЛИН. Вторник, 11 августа 1942 года. Этот мерзкий кадровик отказал мне в отпуске на четыре недели, как я того

просила, и отпускает меня всего на шестнадцать дней. Я попрошу нашего врача из АА дать мне четыре недели отпуска зимой и поеду в горы. Ездила поездом в Потсдам с Джорджи на обед к Готфриду Бисмарку.

КЕНИГСВАРТ. *Среда, 12 августа.* Отправилась вечерним поездом в Эгер³⁸³, куда приехала в час ночи. Меня встречал секретарь Пауля Меттерниха Танхофер, он отвез меня в Кенигсварт. В доме все спали. Не ложилась одна Татьяна, она слегка подремывала сидя, а рядом на столе меня ожидал холодный ужин. Я наскоро приняла ванну, но зато долго с ней болтала. Легла только в три.

Четверг, 13 августа. Сегодня утром Мамá слышала в деревне, будто Рейнскую область сильно бомбят. Практически уничтожен Майнц: 80 процентов города в развалинах. Позже пришла телеграмма от Пауля Меттерниха: он сообщает, что собирается привезти сюда свою мать³⁸⁴. Как это понимать? Ведь замок Йоханнисберг³⁸⁵, где она живет, довольно далеко от Майнца.

Воскресенье, 16 августа. По возвращении из церкви Татьяне звонили из Берлина. Разговор продолжался целый час. Все это время я сидела в саду и штопала чулки. Когда она наконец появилась, на ней не было лица. «Йоханнисберга больше нет!» — сказала она с комком в горле.

Выяснилось, что ночью в четверг мать Пауля Меттерниха Изабель была разбужена чудовищным грохотом: на замок упала бомба. Она и ее польская кузина Мариша Борковска, едва одевшись в халаты и тапочки, побежали вместе с горничной вниз и через двор в подвал. К этому времени бомбы уже сыпались одна за другой — на дом, церковь и окружающие строения. В общей сложности было сброшено около 300 бомб всех видов: так называемые воздушные торпеды, фугасные бомбы, зажигательные бомбы и т. д. Одна из торпед попала в церковь, которая тут же

загорелась; какой-то молодой человек вбежал внутрь, схватил гостью и вынес ее, сильно при этом обжегшись. В налете участвовало пятьдесят самолетов, и длился он два часа. У одного летчика, сбитого над Майнцем, нашли карту, на которой были четко обозначены три цели: сам Майнц, замок Йоханнисберг и соседний замок Асмансхаузен³⁸⁶. Вот все три объекта и уничтожены. Когда прибыли пожарные, им уже нечего было делать. Служащие имения, в том числе управляющий, герр Лабонте, вели себя безупречно, они то и дело вбегали в дом, стараясь спасти хоть что-нибудь из картин, фарфора, серебра, белья и т. п. Соседи, семья Мумм³⁸⁷, увидели пламя пожара и прибежали на помощь. Олили Мумм³⁸⁸, в лихо надетой стальной каске, вскакивала на стулья и ножницами вырезывала картины из рам. Удалось спасти довольно много вещей с первого этажа, но все, что находилось наверху, погибло, в том числе все платья, меха и личные вещи Изабель. В свое время, желая облегчить жизнь Татьяне, она тактично настояла на том, чтобы все ее имущество было перевезено из Кенигсварта в Йоханнисберг, где ей теперь предстояло жить. Последние два ящика были отправлены всего две недели назад, и мы надеемся, что они еще в пути. К счастью, она отдала в починку в деревне пару туфель: их она сейчас и носит. На следующий день Пауль, поднимаясь пешком к себе из Рюдесхайма³⁸⁹, заметил разбросанные по виноградникам кусочки меха, которыми взрывная волна усыпала все окрестности. За исключением одного из павильонов у въезда в замок, не осталось ничего, кроме внешних стен сооружений: все крыши и верхние этажи обрушились. Большая часть коров и лошадей разбежались по полям, но двенадцать животных погибло. Говорят, что пять лет назад между всеми комнатами были установлены противопожарные двери, но против воздушного налета они, разумеется, оказались бессильны.

Вторник, 18 августа. Сегодня утром ездила с Танхофером в Мариенбад³⁹⁰ в поисках косметических средств, которых нигде больше нельзя достать.

Мама́ то полна кипучей энергии, то впадает в глубокое уныние.

БЕРЛИН. Среда, 19 августа. Сегодня утром мы с Татьяной вернулись в Берлин. Танхофер и шофер довезли нас до Эгера и устроили торжественные проводы. Как приятно сделаться на краткий миг «плутократом», чтобы тебе упаковывали вещи и даже несли их за тобой!

В Берлине мы час или два ожидали на вокзале такси, поскольку Джорджи приехал нас встречать без машины. Ужинала с ним у «Шлихтера»³⁹¹, где он рассказал мне о своей нынешней приятельнице; он жалуется, что она не дает ему покоя признаниями в любви. На днях, придя домой, я обнаружила телеграмму и, распечатав ее по ошибке, прочла: «Все еще сердисься? Целую...»

Завтра отправляюсь в замок Дюльмен³⁹² в Вестфалии погостить несколько дней у Антуанетты Крой. Оттуда, возможно, поеду в Зигмаринген³⁹³ на свадьбу Константина Баварского³⁹⁴, который женится на девушке из рода Гогенцоллернов.

ДЮЛЬМЕН. Четверг, 20 августа. Встретилась с Антуанеттой Крой на вокзале Цоо. Поезд, как обычно, был переполнен, так что до Оснабрюка³⁹⁵ мы стояли в коридоре, сняв чулки, поскольку было невыносимо жарко. Оснабрюк мы проехали черепашьям шагом, так как пути серьезно пострадали от недавней бомбардировки. Город выглядит ужасно: одни дома стерты в пыль, другие разворочены. В Дюльмене нас встретил экипаж, запряженный только что обьежженными дикими лошадьми³⁹⁶ (это одно из хобби герцога Крой³⁹⁷), который и довез нас до замка с бешеной скоростью. Герцог поджидал нас с холодным ужином, после которого мы мгновенно заснули, едва добравшись до постели.

Пятница, 21 августа. Спали до 11 утра; завтракали в халатах в комнате Антуанетт и сошли вниз только к обеду. Герцог замкнут до резкости, и дети³⁹⁸ явно его безумно боятся. Тем не менее видно, что он к ним привязан, хотя и держит в ежовых рукавицах. Он настоящий французский *grand Seigneur* [вельможа] старой школы³⁹⁹.

После изумительного обеда мы некоторое время сидели и беседовали в библиотеке, а потом поехали кататься на велосипедах, вернувшись как раз вовремя к роскошному чаю на террасе. Затем герцог прокатил нас по парку-зверинцу⁴⁰⁰, где, помимо своих знаменитых диких лошадей, он держит разные виды оленей и редкую породу черных как смоль диких овец⁴⁰¹. Потом ванна. Потом восхитительный ужин. Потом опять беседа в библиотеке; спать легли рано.

Суббота, 22 августа. Безмятежная жизнь продолжается. Сегодня осматривали фруктовый сад, где досыта наелись чудесного винограда, абрикосов, персиков, слив и ягод всех сортов.

Воскресенье, 23 августа. В 11 утра отправились в церковь, где герцог, герцогиня, Антуанетт и я торжественно восседали на семейной скамье. После чая нас повезли знакомиться с нутриевой фермой, оборудованной на специальном грязевом поле.

Понедельник, 24 августа. Осматривали гараж, где обнаружили примерно двадцать пять автомобилей разных видов; более половины их принадлежит семье Крой.

НОРДКИРХЕН. *Среда, 26 августа.* После обеда герцог отвез нас в Нордкирхен⁴⁰², имение князей Аренбергов⁴⁰³ — кузенов герцогов Крой, у которых мы некоторое время погостим.

Нордкирхен больше похож на дворец, чем на замок в сельской местности. Его окружают красивые искусственные водоемы и французские сады. Сейчас семья занимает только одно крыло; оно очаровательно устроено — в нем

вольеры, крытый плавательный бассейн, специальный застекленный сад для солнечных ванн и всевозможные прочие роскошества. Кормят здесь даже лучше, чем в Дюльмене. За чаем я от души напилась молока, а потом мы сидели и беседовали с хозяйкой дома — Валери, пока герцог и князь охотились. У меня прелестная комната и общая с Антуанетт Крой ванная.

Четверг, 27 августа. Встала в 9 утра; после изумительного завтрака Энкар и Валери Аренберг повели нас на долгую прогулку по поместью. После обеда мы переоделись в шорты и загорали в саду, время от времени окунаясь в бассейн, чтобы остыть.

Вечером, после ужина, я лежала в постели и читала, как вдруг над головой раздался гул множества самолетов, заработали зенитки в близлежащем городке, и началось! Полная луна озаряла крепостные рвы, лучи прожекторов обшаривали небо, и когда я выглянула из окна, меня на мгновение захватила довольно-таки зловещая красота этого зрелища. Впрочем, помня, что произошло в Йоханнисберге, я выбежала в коридор, где столкнулась с остальными членами семьи, как раз спешившими за мной. Мы всей компанией спустились в главный двор, уселись на ведущих в подвал ступеньках и стали есть персики и пить молоко, пока Энкар ходил по дому и открывал все окна (чтобы их не выбило взрывной волной). Примерно через час все утихло, и мы вернулись к себе в комнаты. Антуанетта Крой и я стояли у окна и разговаривали, когда внезапно раздался страшный грохот, и нас швырнуло в глубь комнаты, как будто прямо у нас перед носом хлопнули дверью. Позже мы узнали, что это была ударная волна от бомбы, разорвавшейся в двадцати километрах от нас. А между тем удар был такой силы, что нас практически сбilo с ног. Поразительное ощущение! Во время этого налета был разрушен соседний замок⁴⁰⁴.

Пятница, 28 августа 1942 года. Никак не могла решить, идти на свадьбу или нет, но тут позвонил из Зигмарингена Константин Баварский и сказал, что я должна быть непременно, что будет очень неудобно, если я не приду, что все будет очень торжественно, что заранее расписано, кто с кем, за каким столом будет сидеть и в каком порядке пойдет в церковь и обратно, что уже назначено, кто составит мне пару при такой-то и такой-то церемонии, и так далее. Пришлось провести остаток вечера с Энкаротом Аренбергом и экономкой за изучением расписаний. Из-за недавних воздушных налетов многие железнодорожные линии перерезаны или повреждены; поезда часто едва ползут, если вообще ходят, а я должна быть там не позже воскресенья.

ЗИГМАРИНГЕН. Суббота, 29 августа. Большую часть своего багажа я оставила в Дюльмене, так что сначала нам пришлось позвонить герцогу Кроу и попросить его послать кого-нибудь за ним на станцию. Аренберги подарили мне множество книг, провизии, вина, зажигалку-будильник Энкара (у меня куда-то запропастились часы) и розу (которую я позже обнаружила у себя в чемодане). Нагруженная всем этим, я доехала до станции Дюльмен, сошла, забрала у водителя герцога свой багаж, а с ним и свою почту, и отправилась в долгий путь на юг.

Одно из писем было от Лоремари Шёнбург: она между прочим писала, что убит Гуго Виндиш-Грец — погиб в авиакатастрофе (он был офицером итальянской авиации). Мы были дружны с детства и много виделись перед войной в Венеции. Я горевала всю дорогу, думая о его матери Лотти⁴⁰⁵ и брате-близнеце Мукки⁴⁰⁶, с которым они не разлучались. Лоремари сообщала и о других смертях: убиты Ветти Шафготш и Фриц Дернберг⁴⁰⁷. А совсем недавно в Шотландии разбился насмерть герцог Кентский⁴⁰⁸; его жена Марина⁴⁰⁹ только что родила. (Мать ее, наша русская великая княжна Елена Владимировна⁴¹⁰, была подругой детства отца Мисси.) Такой же

смертью погиб и сын венгерского регента адмирала Хорти⁴¹¹. Впору задуматься, не объясняется ли эта полоса авиакатастроф поспешностью самолетостроения в военное время. А может быть, это проклятие, ниспосланное человечеству в наказание за изобретение всех этих мерзких штук⁴¹²?

Сначала поездка была довольно приятной, в вагоне, как ни странно, было почти пусто. Мы проехали через Рурскую область, средоточие немецкой индустрии, где многие города превращены теперь в мили и мили сплошных развалин. В Кёльне стоял неразрушенным один лишь собор. Дальше мы ехали по долине Рейна мимо всех этих знаменитых средневековых замков, которые даже в руинах кажутся прекрасными в сравнении с ужасным разорением, которое теперь всюду творит человек. Кто-то указал мне на замок Йоханнисберг (я еще никогда там не была); издали он выглядел почти неповрежденным, только крыши нет. На самом же деле от него, разумеется, ничего не осталось. Потом был Майнц, который, говорят, разрушен на 80 процентов⁴¹³. Во Франкфурте я опять пересела на другой поезд. На этот раз ехать было не так удобно: пришлось разместиться вместе с тремя другими девушками в туалете первого класса, зато двое студентов-итальянцев угощали нас сливами, орешками и английскими сигаретами. После еще двух пересадок я наконец прибыла в Зигмаринген сегодня в 8.30 утра.

Воскресенье, 30 августа. Я заранее позвонила Константину Баварскому, и они послали на станцию человека помочь мне с багажом. Мы с ним дошли пешком до замка, который стоит на вершине скалы в самом центре маленького городка, и весь в крышах, фронтонах и башенках — совершенно как у пряничных замков из немецких волшебных сказок. Мы вошли в лифт у подножия скалы и поднялись этажей на девять. Экономка провела меня в мою комнату и принесла вареные яйца и персик. Я поспешно приняла

ванну и прилегла, надеясь немного поспать, пока семья слушает мессу в часовне замка. Но орган играл так громко, что я не могла сомкнуть глаз, поэтому я занялась чтением списка гостей, в котором, похоже, целый сонм разных Гогенцоллернов и Виттельсбахов, по большей части пожилых⁴¹⁴.

В полдень я встала, оделась и, открыв дверь, увидела Константина, завязывающего галстук: его комната как раз напротив моей. Мы мило побеседовали, после чего он повел меня по бесконечным коридорам, вверх по лестнице, вниз по лестнице, снова вверх, пока мы наконец не оказались в так называемом детском флигеле, где он собирался познакомить меня со своей невестой⁴¹⁵ (я ее раньше не знала). Отовсюду появлялись жаждавшие быть представленными молодые люди, выглядевшие как маленькие эрцгерцоги из детских книжек, — стройные, белокурые и прекрасно воспитанные братья и кузены невесты. С этой свитой мы дошли до ее гостиной. Оттуда мы все вместе проследовали в одну из зал, где собрались обе семьи. По дороге мы встретились с матерью невесты — хозяйкой дома⁴¹⁶; как мне показалось, она была одновременно и удивлена и обрадована, что я все-таки подросла. Среди гостей, проживающих в замке, — принц Луи Фердинанд Прусский (*старший внук покойного кайзера*) и его русская жена Кира Кирилловна, бывший саксонский царствующий дом в полном составе⁴¹⁷, Диди Толстой⁴¹⁸ (наш отдаленный кузен) и его сводные брат и сестра, Джорджи и Лелла Мекленбург⁴¹⁹, Хассели⁴²⁰, Шницлеры⁴²¹, румынский посланник Босси⁴²² и Макс Фюрстенберг с женой⁴²³.

Нас пригласили к столу в так называемом зале Предков. Я сидела рядом с Бобби Гогенцоллерном⁴²⁴, старшим сыном брата-близнеца хозяина дома⁴²⁵. С тех пор этот юный солдат двадцати одного года от роду, белокурый, голубоглазый, говорливый и трогательный, не отставал от меня. За нашим столиком сидел еще брат Константина Саша⁴²⁶,

очень застенчивый и «благопристойный» — точная копия императора Австрийского Франца Иосифа в молодые годы (что не удивительно, поскольку он его праправнук)⁴²⁷.

Некий принц Альберт Гогенцоллерн⁴²⁸, служащий в румынской армии офицером связи, долго беседовал со мной о Крыме, где он только что был. Он побывал в Алупке, Гаспре и других тамошних бывших усадьбах наших родственников и застал их в прекрасном состоянии. Он восхищался русскими, и особенно русскими женщинами, которые, по его словам, проявляют поразительную храбрость, достоинство и стойкость. Как приятно это слышать!

После обеда мы прошли по террасам на крышах, а потом Бобби устроил мне экскурсию по замку, в котором, похоже, подвалов и чердаков не меньше, чем комнат. Поскольку из каждой двери то и дело кто-то появляется, замок похож на гигантский отель, превосходно обслуживаемый множеством слуг в нарядных разукрашенных ливреях и кишащий гостями, с которыми я постепенно знаколюсь. Довольно-таки необычная атмосфера, если учесть, что уже третий год идет война!.. У нашего хозяина, принца Гогенцоллерна-Зигмарингена, и у его брата-близнеца Франца Иосифа по три сына, четверо из шестерых более или менее взрослые⁴²⁹; еще двое, прелестно выглядящие в итонских воротничках, будут нести шлейф невесты. Пока что они занимаются тем, что провожают меня в мою комнату и обратно. «Вы только позвоните на детский этаж и вызовите нас, мы мигом примчимся за вами!» Что я и делаю, поскольку тут немудрено заблудиться.

Потом мы пошли осматривать свадебные подарки. После чая мы, младшее поколение, схватили купальные принадлежности и помчались через город и поля к Дунаю, который в этих местах еще совсем узок и вода едва доходит до плеч. Там уже купался герцог Луитпольд Баварский⁴³⁰ (и Байерн, чтобы не путать с царствующим домом

фон Байерн) — пожилой спортсмен, «последний в роде»; мы лежали в траве и болтали с ним, пока не настало время бежать обратно переодеваться к ужину.

Последовала жестокая борьба за ванную комнату (на нашем этаже есть только одна). Пока мы одевались, то и дело заходили мужчины, чтобы мы помогли им завязать галстук или напудрить свежевыбритый подбородок — все очень по-семейному и *gemütlich* [уютно]. В конце концов мы выпроводили Константина и смогли закончить собственные приготовления. Старшее поколение застали уже в одной из гостиных, дамы были все в драгоценностях, большинство мужчин в форме, некоторые времен до Первой мировой войны, и те и другие в орденах. Брат хозяина дома был в адмиральском мундире, Луи Фердинанд Прусский — в форме офицера люфтваффе с желтой лентой ордена Черного орла⁴³¹. Все выглядели весьма внушительно!

По данному сигналу мы встали парами с назначенными нам кавалерами и торжественно направились в обеденные залы: новобрачные, их ближайшие родственники и «знать» разместились за длинным столом в зале Предков, а остальные за столиками в соседнем Королевском зале. Я сидела между братом Бобби Майнрадом и послом фон Хасселем. В разгар ужина Луи Фердинанд встал и произнес речь от имени своего отца, кронпринца. Он говорил о тесных узах, всегда связывавших две ветви дома Гогенцоллернов — Северную и Южную⁴³², — и, повернувшись к молодежи в нашем зале, сказал, что «все эти прекрасные молодые люди — живая гарантия того, что Южная ветвь будет по-прежнему процветать, как процветает Северная»⁴³³.

После ужина мы собрались в другом зале послушать, как местный церковный хор поет здравицу новобрачным. Во время исполнения многие гости потихоньку ушли. Я осталась, так как пели очень хорошо, и все это показалось мне очень трогательным. Константин выступил с краткой

благодарственной речью, и мы, молодое поколение, отправились в другой, более отдаленный, зал потанцевать (хотя ввиду войны хозяева дома нам запретили это делать). Но мы рано разошлись, так как завтрашний день обещает быть долгим и утомительным.

Понедельник, 31 августа. Константин Баварский разбудил меня в семь, а потом ушел исповедоваться и причаститься. После торопливого завтрака мы помчались обратно наверх надеть шляпки. Мы были в коротких платьях, я — в своем зеленом, с прелестной шляпкой. Мужчины были в белых галстуках или в форме, со всеми своими орденами и лентами. Ровно в 10 утра мы двинулись в путь, опять парами, я под руку с Диди Толстым. Медленно и торжественно процессия — впереди гости, позади новобрачные и ближайшие родственники — проследовала сначала по территории замка, через многочисленные дворы, затем вниз по широкому наклонному спуску, через городок к церкви. На улицах выстроилась, должно быть, вся округа: всем хотелось посмотреть. Полно было и фотографов с кинохроникерами. Церемония продолжалась почти два часа, из-за нескончаемой речи епископа⁴³⁴, посвященной главным образом восхвалению христианских добродетелей прошлых поколений обоих семейств. Была зачитана телеграмма от папы Пия XII⁴³⁵, после чего началась очень красивая торжественная месса с прекрасным пением и токкатой Баха. Когда она закончилась, мы отправились обратно в замок, на этот раз в противоположном порядке: новобрачные и родные впереди, гости позади — и тут всерьез принялись за работу фотографы и кинооператоры. Я вышла из процессии и тоже сделала несколько снимков.

Когда мы прибыли обратно в замок, то увидели, что главная приемная полна народа, пришедшего поздравить новобрачных, причем каждая комната была отведена той или иной группе в зависимости от статуса, т. е. местные

официальные лица — в одной комнате, персонал — в другой, посторонние гости — в третьей, мы, проживающие в замке, — в четвертой. Завтрак — настоящий банкет — давался в так называемой Португальской комнате (получившей свое название за великолепные гобелены). Меню было изумительное: крабовый коктейль, волованы с икрой, вина совершенно сказочные. Я сидела между Франци Зеефридом⁴³⁶ (кузеном Константина) и румынским посланником Босси, причем последний был в полной дипломатической форме с золотым галуном, а под стулом у него красовалась шляпа с перьями. Отец невесты выступил с речью; в ответ взял слово отец Константина, принц Адальберт Баварский⁴³⁷ (у него чудесный голос, и он очень просто держится), а затем встал старший сын хозяина дома⁴³⁸, которому восемнадцать лет, и сказал: «Хотя ты больше не одна из нас, мы, молодые, всегда будем с тобой (подразумевая свою сестру)!» — после чего он стал зачитывать телеграммы, которых пришли десятки. Потом началось подписание индивидуальных меню; мое испещрено такими именами, как Бобби, Фрици, Саша, Вилли, Дядя Альберт и т. п. и вдруг — написанное детским почерком огромное одинокое Гогенцоллерн. Как потом оказалось, это был самый младший брат невесты, которому девять лет⁴³⁹!

После обеда мы улизнули купаться. Ужин опять давался за маленькими столиками, но на сей раз в коротких платьях и без новобрачных, которые к тому времени уже уехали в краткое свадебное путешествие на Вертерзее⁴⁴⁰. Я ушла к себе очень рано, так как страшно устала.

Не успела я лечь в постель, как в дверь постучали и явились так называемый наследный принц Саксонский⁴⁴¹ и второй сын хозяина дома⁴⁴². Они забрались в кресла и попросили разрешения посидеть поболтать: «*So gemütlich!*» [«Так уютно!»]. Первый, шестнадцатилетний Мария Эммануил, попросил меня найти ему невесту, поскольку он считает,

что его династические обязательства (хотя саксонская династия была низвергнута в 1918 году!)⁴⁴³ настоятельно требуют от него завести семью заблаговременно. Я высказала мнение, что большинство его потенциальных невест, должно быть, пока еще лепят пирожки из песка; он с грустью согласился, и вскоре они ушли восвояси.

БЕРЛИН. Вторник, 1 сентября. Так как к этому времени большинство из гостивших в доме уже уехали, мы обедали за одним длинным столом. Я сидела рядом с Луи Фердинандом Прусским, который очень хорошо расположен ко всему русскому и мило говорил о нашей стране. Он живой и умен. Накануне я долго беседовала с его женой Кирой; ее отец, великий князь Кирилл Владимирович, его братья и сестра⁴⁴⁴ выросли вместе с нашим Папá.

После чая был еще один раунд фотографирования, после чего хозяева дома проводили нас до станции, где Диди Толстой, Джорджи Мекленбург, Франци Зеефрид и я сели на ночной поезд до Берлина.

Поскольку эта свадьба, возможно, последнее событие такого рода до конца войны (а Бог весть, как Европа будет выглядеть после этого!), я берегу программу. Она гласит:

Церемония бракосочетания

Ее Высочества принцессы Марии-Адельгунде Гогенцоллерн
с Его Королевским Высочеством принцем
Константином Баварским
Замок Зигмаринген, 31 августа 1942 года

Воскресенье, 30 августа 1942 года:

День рождения Его Королевского высочества князя
и Его Высочества Принца Франца Йозефа Гогенцоллерна

8.15: Святое причастие в часовне замка.

8.30: Поздравления в Королевской комнате, затем завтрак в зале Предков.

9.30: Торжественная месса в городской церкви, затем поздравления официальных лиц двора и мэрии в гостиной Е.К.В., от персонала — в Акварельной комнате.

13.00: Обед в зале Предков и Королевской комнате.

16.00: Гражданское бракосочетание в Красной гостиной.

16.30: Чай в Старонемецком зале.

20.00: Ужин в зале Предков и Королевской комнате. Гости собираются в Зеленой и Черной гостиных.

Мужчины — в белых галстуках или в полной парадной форме с орденами и лентами; дамы — с ювелиями и орденами, без лент, без тиар.

21.00: Прием по случаю кануна бракосочетания.

21.30: Здравница церковного хора во Французском зале.

Понедельник, 31 августа — день бракосочетания:

8.15: Святое причастие в часовне замка.

8.30: Завтрак в зале Предков и Королевской комнате.

10.00: Гости собираются в Зеленой и Черной гостиных.

10.15: Шествие в городскую церковь.

10.30: Церемония венчания и торжественная месса в городской церкви.

После церемонии — поздравления:

1. Персонал — Королевская комната;

2. Официальные лица — зал Предков;

3. Посторонние гости — Французская гостиная;

4. Родственники и гости, проживающие в замке, — Зеленая и Черная гостиные.

13.30: Свадебный обед в Португальской галерее. Гости собираются в Зеленой и Черной гостиных.

Мужчины — в белом галстуке или полной парадной форме с орденами и лентами; дамы — короткие платья со шляпкой, с ювелиями и орденами, без лент.

16.30: Чай в Старонемецком зале.

17.30: Отъезд новобрачных.

Зигмаринген приобрел на краткий период в конце войны сомнительную известность как «Временное местопребывание французского правительства». Здесь, после освобождения Франции, отсиживались в последние месяцы схватки маршал Петен и кучка дискредитировавших себя коллаборационистов.

Среда, 2 сентября. Наскоро позавтракав с Татьяной, я отправилась на работу; я слегка побаивалась, так как просрочила свой отпуск на трое суток. Но теперь, когда все время бомбят железные дороги, на такое обычно смотрят сквозь пальцы.

Пятница, 4 сентября. После обеда — в столовке — ходила с Татьяной на фильм «ГПУ»⁴⁴⁵. Он очень неплох. Но показывали еще и длинную хронику о недавней попытке морского десанта союзников в Дьеппе⁴⁴⁶, и тут нам чуть дурно не сделалось: час и другой подряд сплошные крупные планы развороченных, искромсанных тел. Как только встречу кого-нибудь из тех, кто занимается немецкой кинохроникой, я им откровенно выскажу все, что я об этом думаю. В стольких странах почти каждый уже потерял брата, или сына, или отца, или возлюбленного, а они все показывают эти ужасы — якобы для того, чтобы поднять боевой дух своих граждан. Это не только отвратительно, это просто глупо: ведь эффект получается прямо противоположный⁴⁴⁷. А уж за границей показ таких фильмов будет и вовсе позором. И поделом!

Чтобы испытать немецкую оборону вдоль Атлантического вала⁴⁴⁸, а заодно и собственную тактику высадки, союзники предприняли 19 августа 1942 г. морской десант на город Дьепп. В десанте участвовало около 6000 человек, в основном канадцев, и закончился он полной катастрофой. Почти ни одной из целей достичь не удалось, три четверти десантников было убито, ранено или взято в плен. Неудача этой операции обернулась

легким пропагандистским триумфом для немцев. Однако горькие уроки Дьеппа были надлежащим образом учтены союзниками при планировании высадки в Нормандии в июне 1944 г.

Мы сильно проголодались и из кино отправились в отель «Эден», где застали Бурхарда Прусского, Георга-Вильгельма Ганноверского⁴⁴⁹ и Вильчеков. Мы с ними поужинали и пошли пить кофе к сестрам Вреде.

Немецкое наступление на юге России наращивает темпы. Похоже, что они хотят отрезать Кавказ.

Немецким войскам понадобилось шесть месяцев, чтобы оправиться от поражений, которые они потерпели предшествующей зимой. Но в июне 1942 г. они возобновили наступление с новой силой с целью овладеть нефтепромыслами Северного Кавказа и достичь Волги. К середине сентября они подошли к Кавказу (впрочем, так и не сумев захватить отчаянно обороняемые нефтепромыслы), а 6-я армия генерала Паулюса взяла в кольцо Сталинград. Эти успехи ознаменовали момент наивысшего могущества нацистского режима.

Однако с каждым месяцем сопротивление русских нарастало. Теперь они не просто храбро сражались, как всегда; они научились умело отступать. Ушли в прошлое глубокие прорывы немцев, крупномасштабные окружения с миллионами пленных; отныне немцы одерживали лишь местные тактические успехи все более и более оборонительного характера в борьбе со все более сильным, все лучше руководимым, все более уверенным в себе противником. В тылу немцам не давали покоя партизаны. Массовая гибель от голода и жестокого обращения заключенных в немецких лагерях (к марту 1942 года погибло более 2,5 миллиона военнопленных!), зверства завоевателей на оккупированных территориях и бессмысленное истребление гражданского населения, — в то время, как Сталин апеллировал к патриотическим чувствам населения во имя защиты

Российской Отчизны (но заодно усиливалась и беспощадная расправа с колеблющимися и с дезертирами Красной армии); многовековая ненависть россиян к любому завоевателю и традиционные добродетели российских воинов — терпение, стойкость, выносливость и безграничное мужество — все это вместе взятое начинало спланивать россиян вокруг их вождей, независимо от того, как они относились к коммунистической власти. Более того, менялись чувства и у многих зарубежных русских беженцев, в том числе и у матери Мисси.

Суббота, 5 сентября. Мама читала мне письмо, только что полученное из Рима от Ирины, которая рассказывает, как погиб Гуго Виндиш-Грец. Он испытывал новый самолет, а тот неожиданно распался в воздухе, и его выбросило. Нашли его совершенно изуродованным, без одной ноги. Его мать Лотти едва успела приехать на похороны. Хорошо, что тут же был Карло Робилант⁴⁵⁰, поддержавший Мукки, брата-близнеца покойного, который в полном отчаянии: всю свою недолгую жизнь они были самыми близкими друзьями, и я опасаюсь, как бы теперь, когда Гуго нет, Мукки что-нибудь с собой не сделал. На похоронах, пишет Ирина, он в течение всей службы стоял на коленях у гроба, гладил его и как бы разговаривал с усопшим. Сердце просто разрывается... Весь остаток дня я проплакала и пришла домой совершенно измотанная.

Вечером мы ужинали у Шаумбургов — теплый, неприжженный вечер в обществе всех наших ближайших друзей. Но сердцем я просто не могла быть с ними. Как мало радости осталось сейчас в душе! Почти ежедневно слышишь: то этот убит, то тот. Список становится все длиннее и длиннее...

В конце сентября брат Мисси Джорджи уехал из Берлина в Париж. В октябре 1942 г. удалось поехать в Париж и самой

Мисси: формально с целью изучения находящихся там немецких фотоархивов, а на самом деле ради того, чтобы присмотреть за Джорджи и провести живущих там кузенов. В двух письмах к матери она делится впечатлениями от поездки и сообщает, чем встретил ее Берлин по возвращении.

Мисси из Берлина — матери в замок Кенигсварт, 30 октября 1942 года:

«В Париже было чудесно, на улице гораздо теплее, чем здесь. Но нигде нет отопления, и в результате я слегла с предгадким кашлем, который до сих пор не прошел, а у Джорджи начался сорокоградусный жар на следующий же день после того, как я устроила его к себе в отель (без этого мы не могли бы видаться).

Город, как всегда, прекрасен: листья желтеют, осень едва начинается. Я всюду ходила пешком, чтобы вдоволь налюбоваться. Жизнь пока еще очень хороша, если на то есть средства. Не то чтобы все было так уж дорого; но за приличный обед (скажем, с устрицами, вином, сыром и фруктами плюс чаевые) приходится выложить примерно по сто франков с человека; впрочем, это ведь всего пять марок... Много превосходных спектаклей, мы с Джорджи много ходили в театр, и вообще там все гораздо живее, веселее и оптимистичнее, чем в Берлине.

У Джорджи неплохая комната в пансионе вблизи рю де л'Юниверсите⁴⁵¹, зимой там будут топить — редкое преимущество. Похоже, он вполне устроился...

На днях мы с ним ездили в Сен-Жермен-ан-Ле⁴⁵² выяснить, что стало с сундуками, которые мы оставили у Бойдов [английских друзей] до войны и в которых среди прочего находилась часть семейной библиотеки XVIII века, вывезенной из Литвы. Сейчас дом реквизирован расположенным по соседству немецким военным госпиталем, так что принимал нас некий д-р Зоннтаг, обаятельный баварец,

возглавляющий все медицинские службы в оккупированной Франции. Оказалось, что он и сам коллекционер-любитель. Он держался с нами в высшей степени любезно и предупредительно, выдал нам перчатки и фартуки, чтобы мы не перепачкались, распаковывая наши вещи, и назначил нам в помощь ординарца. А когда мы закончили, он угостил нас превосходным чаем у пылающего камина и провел нас по дому (который находится в безупречном состоянии), чтобы Джорджи мог успокоить старого мистера Бойда, пребывающего, как выяснилось, неподалеку в доме для престарелых.

После того как Джорджи заново упаковал сундуки, перевязав их веревками и запечатав фамильной печатью, д-р Зоннтаг обещал взять чердак, где они стоят, «под покровительство немецкого вермахта»; и как только Джорджи найдет в Париже место для их хранения, их перевезут туда на немецком военном грузовике.

Кстати, Джорджи настоятельно просит, чтобы мы получили у берлинских властей документ, удостоверяющий, что перед отъездом ему не выдавали продуктовых карточек; без такого документа ему не дают их в Париже, и он вынужден все покупать на черном рынке; а это, разумеется, вдесятеро дороже».

Мисси и Джорджи суждено было больше не видаться вплоть до самого конца войны.

Мисси из Берлина — матери в замок Кенигсварт, 3 ноября 1942 года:

«Пренеприятный сюрприз: мне сократили жалованье. Теперь я получаю, после всех вычетов, всего 310 марок. Поскольку в таком же положении оказались и все остальные, я не вправе протестовать. Но новая квартира стоит 100 марок, еще 100 уйдет на мебель, а сколько еще платить

за отопление, телефон, электричество, стирку, еду и прочее! Придется подыскать жилья».

19 ноября, т. е. через две недели после этой последней записи Мисси за 1942 г., русские защитники Сталинграда перешли в наступление и через пять дней успешно отрезали двадцать дивизий 6-й армии генерала Паулюса. 2 февраля 1943 г., после одного из самых продолжительных и кровопролитных сражений в современной военной истории, остатки армии Паулюса — около 91 тыс. человек — сдались. Из них лишь около 6 тыс. со временем вернулись на родину. Сталинградская победа стала поворотным пунктом войны в Европе. С этого момента, под предводительством плеяды преимущественно новых, молодых, талантливых военачальников, российская армия практически все время сохраняла за собой наступательную инициативу, пока в мае 1945 г. Германия не капитулировала.

Но ситуация менялась также и на Дальнем Востоке, и на Западе. 4 июня 1942 г. вблизи острова Мидуэй японский флот потерпел первое крупное поражение, утратив тем самым господство над Тихим океаном. В Северной Африке сражение при Эль-Аламейне (октябрь – ноябрь 1942 г.) закончилось разгромом прославленного «африканского корпуса» фельдмаршала Роммеля; в мае его остатки сложили оружие в Тунисе. 8 ноября, т. е. как раз когда началось контрнаступление российских войск под Сталинградом, союзники высадились уже во французской Северной Африке, на что немцы отреагировали оккупацией вишистской Франции. А в июле 1943 г. союзные войска начали военные действия в Сицилии, положив начало процессу освобождения Западной Европы, кульминацией которого стала высадка во Франции в июне 1944 г.

На протяжении первых двух лет войны английская авиация не могла ни численно, ни технически вести крупные операции

в воздушном пространстве противника. Более того, дневные бомбардировки военных целей без эскорта истребителей, — а дальние истребители появились лишь значительно позже в ходе войны, — оказались столь дорогостоящими, что в ноябре 1941 г. их прекратили, заменив спорадическими ночными налетами, губительными главным образом для гражданского населения. Однако в феврале 1942 г. командиром бомбардировочной авиации британского Королевского военно-воздушного флота (РАФ) был назначен маршал авиации Артур Харрис⁴⁵³, получивший от Кабинета приказ начать систематические операции против городов Германии, «имея в виду прежде всего устрашение гражданского населения и особенно персонала промышленных предприятий». Харрис полагал (как выяснилось, ошибочно), что если на один и тот же город ночь за ночью, целыми неделями, сбрасывать новые мощные бомбы, от 4 тысяч до 8 тысяч фунтов весом каждая, с многих сотен самолетов, то враг будет буквально ошеломлен и попросит пощады⁴⁵⁴. В следующие два года все крупные города Германии и Австрии, а также многие города в других странах оккупированной Европы были превращены в пепелища. Потери гражданского населения составили около 600 тыс. человек (против 62 тыс. в самой Англии!). Вскоре ужасы бомбежек начнут все чаще упоминаться в дневнике Мисси, пока они не станут одной из главных его тем.

Германия отреагировала на радикально изменившуюся ситуацию рядом мер, в результате которых последние остатки порядочности постепенно уступили место грубой силе.

1 сентября 1941 г. появился декрет, предписывающий всем евреям носить желтую звезду. 20 января 1942 г. на сверхсекретном совещании в Ванзее были выработаны основные положения так называемого окончательного решения еврейского вопроса, после чего уничтожение евреев, а позже цыган и представителей других национальностей, объявленных «недочеловеками», из беспорядочно-случайного сделалось последовательным,

методическим, научным, и значительная часть немецких ресурсов и организационных умений переключилась с ведения войны на истребление невинных людей. 26 августа 1942 г. маринеточный рейхстаг проголосовал за предоставление Гитлеру дискреционных полномочий по осуществлению правосудия. В преамбуле к закону говорилось: «В настоящее время в Германии нет больше прав, есть только обязанности...» Через несколько дней в своем еженедельнике «Дас рейх» Геббельс разъяснил, что теперь будет: «Буржуазная эра, с ее ложным и дезориентирующим понятием гуманности, закончилась...» Впредь двери в варварство распахнутся настежь.

К тому времени радикально изменилась и повседневная жизнь в Берлине. За вступлением США в войну последовал массовый выезд латиноамериканских дипломатических миссий, служивших до тех пор последним бастионом светской жизни в столице рейха. А так как на Восточном фронте немецкие войска несли тяжёлые потери, коснувшиеся практически каждой немецкой семьи, для беспечного веселья и подавно не оставалось места. Отныне каждодневные усилия Мисси и ее друзей — по крайней мере, тех из них, кто не находился на фронте, — сосредоточатся главным образом на выживании — физическом, но также и нравственном, на том, чтобы устоять перед голодом, бомбами союзников, но в дальнейшем и перед все усугубляющейся политической тиранией и преследованиями.

Совершенно неожиданным (принимая во внимание происходившее вокруг) может показаться одно из писем Мисси, отправленное из Кицбюэля матери, где описывается короткий отпуск, проведенный ею с Татьяной в начале 1943 г.

Мисси из Кицбюэля — матери в замок Кенигсварт, 8 февраля 1943 года:

«Мы с Татьяной здесь уже неделю и чувствуем себя прекрасно отдохнувшими. Мы ведем здоровый образ жизни —

ложимся спать в 9 вечера, встаем в 8.30 утра. У нас прекрасная комната, с горячей и холодной водой, хотя без ванны. Мы должны сами покупать себе продукты на завтрак, так что обычно питаемся в городе в чудесном ресторанчике под названием «Чиццо»⁴⁵⁵. Еда очень питательная (шницели, изумительный сыр, различные фруктовые торты и т. п.) и подается большими порциями. Город фактически представляет собой большую деревню с разноцветными домами, черепичными крышами и единственной главной улицей, где много прелестных кафе и магазинов.

Высота здесь всего 800 метров, но в хорошую погоду мы поднимаемся по канатной дороге еще на 900 метров. Там мы лежим на солнце на большой террасе, откуда остальные спускаются в долину на лыжах (мы этого не делаем). С лыжниками все время происходят несчастные случаи — обычно они попадают лыжными палками друг другу в лицо. И я учусь кататься на лыжах и делаю успехи. То и дело падаю, но без особого вреда для себя.

Мы почти ничего не знаем о политической ситуации, так как сюда доходят лишь немногие газеты, да и те мгновенно раскупаются. Если бы не сестры Вреде, которые систематически посылают нам газетные вырезки, мы и не знали бы, что происходит...»

Пару месяцев спустя, в апреле 1943 г., немцы объявили об обнаружении в лесу близ Катыни, под Смоленском, массового захоронения, содержащего останки примерно 4400 польских офицеров, взятых в плен Советами в ходе краткой польской кампании осенью 1939 г. Все были убиты выстрелом в затылок. Впоследствии дневник Мисси прольет новый свет на этот эпизод.

Происходили, однако, и другие события — уже в самой Германии, — которым предстояло самым драматическим образом

сказаться на жизни Мисси и жизни ее ближайших друзей: набирало ход движение антинацистского Сопротивления.

Уже весной 1939 г., когда Гитлер объявил о своем намерении начать войну, влиятельные круги в самих вооруженных силах, но также и за пределами их стали подумывать о том, как положить конец тому, что они считали и преступлением, и безумием, — путем свержения фюрера и даже его физического устранения. Но по мере того как Германия одерживала победу за победой, ряды заговорщиков редели — за счет предательств, смещений, арестов и даже казней⁴⁵⁶. Сам Гитлер, казалось, был заговорен от гибели: все попытки убить его кончались ничем⁴⁵⁷. И не помогло участникам Сопротивления требование о безоговорочной капитуляции Германии, выдвинутое союзниками на Касабланкской конференции в январе 1943 г.⁴⁵⁸ Лишь постоянные уже немецкие поражения на Восточном фронте и следовавшая вскоре высадка союзников в Италии, а затем во Франции, вкупе с неуклонным ростом власти СС и непрерывным ужесточением нацистской политики и методов ведения войны (что возмущало самых благородных представителей Вооруженных сил Германии), придали весомость и срочность планам новой группы заговорщиков, со многими из которых Мисси почти ежедневно общалась.

И теперь ее регулярный дневник возобновляется.

1943

ИЮЛЬ—ДЕКАБРЬ

БЕРЛИН. Вторник, 20 июля. Только что виделась с сестрами Вреде, они решили переехать в Байрёйт⁴⁵⁹. Они не одиноки в своем желании покинуть столицу. К тому же после того, как их единственный брат Эдди был убит в самом начале русской кампании, они стали метаться. Обе — медсестры Красного Креста и легко могут устроиться на работу в другом городе.

Из Москвы начал передачи некий Комитет свободной Германии. Реакция некоторых моих здешних друзей: «Вот что мы должны были делать в России с самого начала!»⁴⁶⁰

12 июля 1943 г. в лагере военнопленных в Красногорске (возле Москвы) был создан Национальный комитет за свободную Германию. Его первый манифест, обнародованный неделей спустя, призывал немецкий народ и вермахт восстать против Гитлера. Помимо нескольких ветеранов-коммунистов (например, Вильгельма Пика⁴⁶¹ и Вальтера Ульбрихта⁴⁶²), в него входил ряд генералов, взятых в плен под Сталинградом, в том числе фельдмаршал Паулюс⁴⁶³ и генерал фон Зейдлиц-Курицбах⁴⁶⁴. Но ввиду страха немецких солдат перед советским пленом успех призывов комитета был относительно низким, и хотя его члены-коммунисты оказались в числе основателей будущей Германской Демократической Республики, он не сыграл никакой роли в послевоенной организации советской зоны оккупации Германии.

Четверг, 21 июля. Обедала с Бурхардом Прусским, он теперь штатский: его, как и всех принцев королевской крови, вышвырнули из армии. Он надеется получить работу в промышленности, но это будет нелегко. Он типичный представитель порядочного немецкого офицерства «старой школы», и его обучали только в расчете на военную карьеру.

После того как в 1940 г. в ходе кампании на Западе был смертельно ранен принц Вильгельм Прусский, старший сын кронпринца, все члены бывших правящих домов Германии были отозваны с фронта. Позже их вообще уволили из вермахта. Эти меры, принятые нацистами с целью предотвратить взлет монархических настроений, который мог бы последовать за гибелью «на поле брани» столь заметных лиц, сыграли в действительности прямо противоположную роль: они спасли жизнь одной из наиболее ненавидимых нацистами общественных групп.

Воскресенье, 25 июля. Сегодня по дороге в Потсдам встретила Анри (Дуду) де Вандевра, одного из многих молодых французов, работающих теперь в Германии. Его брат Филипп был отправлен сюда насильно вишистским STO, а Дуду поехал вслед за ним, чтобы не расставаться. Здесь они половину своего времени тратят на подметание коридоров «Дойчер ферлаг» (крупного немецкого издательства), а в остальное время «изучают» жизнь в Германии вообще. Оба исключительно умны и считают все это дурацкой, но и забавной затеей.

4 сентября 1942 г. вишистское правительство учредило так называемую Service du Travail Obligatoire, сокращенно STO (обязательную трудовую повинность). После этого все французы призывного возраста (некоторое число из которых ранее по системе «relève» («смены») добровольно вызвались работать в Германии, чтобы дать тем самым возможность вернуться

домой части уже немолодых военнопленных) были принуждены это делать в обязательном порядке. Эта мера, которой, естественно, воспротивились тысячи юношей, более чем что-либо способствовала распространению так называемых *maquis* (*маки*) — центров партизанского сопротивления в сравнительно отдаленных районах страны.

Ночевала в отеле «Эден» с Татьяной, которая приехала на несколько дней. Звонила Мамá, сообщили ей об отставке и аресте Муссолини. Теперь в Италии у власти Бадольо.

10 июля союзники высадились в Сицилии. Спустя две недели, 24–25 июля, Высший фашистский совет Италии предложил королю Виктору Эммануилу III вновь взять на себя всю полноту власти, после чего Муссолини подал в отставку и был незамедлительно арестован по приказу короля и интернирован в горах Абруцци. Сформировать правительство было поручено маршалу Бадольо, бывшему начальнику Генерального штаба и вице-королю Эфиопии⁴⁶⁵.

Вторник, 27 июля. Татьяна поехала в Дрезден лечиться вместе с Марией-Пилар Оярсабаль⁴⁶⁶. Идя обедать, мы обнаружили, что за нами следует какой-то мужчина, он пересел с трамвая на автобус и не отставал от нас. Мы встретились и попытались было избавиться от него, войдя в какой-то дом, но он ожидал нас снаружи, когда мы вышли. В конце концов он пристал ко мне и заявил, что ему не нравится, что мы говорим по-французски. Раньше такого не случалось, но усиливающиеся бомбежки всех ожесточили.

Среда, 28 июля. Гамбург бомбят каждый день⁴⁶⁷. Очень много жертв, разрушений уже так много, что практически весь город эвакуируется. Рассказывают про маленьких детей, которые бродят по улицам, разыскивая пропавших

родителей. Матери, по всей видимости, погибли, отцы на фронте, и опознать детишек некому. Кажется, за это взялась НСФ⁴⁶⁸, но трудности огромные.

Во время налетов 24, 25, 26, 27, 29 июля и 2 августа на Гамбург было сброшено почти 9000 тонн бомб, которые оставили без крова более миллиона человек и убили, по разным оценкам, от 25 тыс. до 50 тыс. (во время столь шумевшего немецкого блиц-налета на Ковентри погибло 554 человека!). В ходе налетов на Гамбург произошло множество «премьер»: впервые было применено круглосуточное бомбометание, когда американцы прилетали днем, а британцы ночью; впервые зажигательные бомбы использовались в таких масштабах, что создавали «огненные бури» — ураганные ветры, начинавшиеся спустя несколько часов после окончания налета и причинявшие больший ущерб, чем сами бомбы; и, наконец, в первый раз союзники применили «окна» — металлические ленточки, которые сбрасывались связками, чтобы нейтрализовать радары и зенитки противника.

Четверг, 29 июля. Пытаюсь уговорить Мамá уехать к Татьяне в Кенигсварт, но она отказывается, говоря, что может понадобиться мне здесь. Мне по нынешним временам было бы гораздо легче знать, что родители в безопасности, и не беспокоиться за них — особенно за Мамá, которой здесь угрожает вполне реальная личная опасность.

Из воспоминаний Мисси, записанных незадолго перед кончиной в 1978 году:

Осенью 1942 года Мамá провела некоторое время у своей приятельницы Ольги Пюклер в Силезии, где оказался ее муж Карл Фридрих, приехавший с русского фронта в отпуск. Союзники только что высадились в Северной Африке, и Мамá, как всегда, не стеснялась предсказывать то, что станет с Германией, если будет продолжаться ее теперешняя политика в России.

Через две недели в мою комнату в министерстве вошел Йозиас Ранцау, закрыл дверь и молча вручил мне копию письма, подписанного графом Пюклером и адресованного гестапо. В нем было сказано примерно следующее: «Княгиня Васильчикова — подруга детства моей жены — настроена против нашей политики в России и критически отзывается о нашем отношении к военнопленным. У нее много влиятельных знакомых в лагере союзников, и сведения, которыми она может их снабдить, представляли бы опасность для Германии. Ее не следует выпускать из страны». Гестапо направило письмо в Министерство иностранных дел с указанием не выдавать Мамá выездную визу, если она ее запросит.

Во время войны в Германии подобный донос обычно приводил жертву в концлагерь. Йозиас сказал мне, что Мамá ни в коем случае не должна пытаться уехать из Германии; самое разумное для нее было бы на некоторое время исчезнуть из виду, например погостить у Татьяны в Кенигсварте, тем более что она уже начинала привлекать к себе «недоброжелательное внимание» своими усилиями по организации помощи советским военнопленным.

Мамá всегда была яркой антикоммунисткой — что неудивительно, если принять во внимание, что двое ее братьев погибли в самом начале революции. Она придерживалась этой нестигаемой позиции двадцать лет, и дело дошло до того, что даже Гитлер виделся ей в благоприятном свете, согласно принципу «враги моих врагов — мои друзья». Когда она приехала в Берлин на свадьбу Татьяны в сентябре 1941 года, она еще надеялась, что немецкое вторжение в Россию приведет к массовому народному восстанию против коммунистической системы; после чего с немцами, в свою очередь, разделается возрожденная Россия. Так как она не жила в Германии сколько-нибудь длительное время при нацистах, ее было нелегко убедить, что Гитлер — не

меньший злодей, чем Сталин. Мы же с Татьяной, успевшие уже некоторое время прожить в Германии, были свидетелями гнусного сговора между Гитлером и Сталиным с целью уничтожения Польши и из первых рук знали о немецких зверствах в этой стране; поэтому у нас не было подобных иллюзий.

Но по мере того как становилось известно о тупой жестокости немецкой политики на оккупированных территориях СССР и множилось количество жертв как там, так и в лагерях русских военнопленных, любовь Мама́ к своей стране, усугубленная ее скрытой изначальной германофобией, восходящей к годам ее работы медсестрой на фронтах Первой мировой войны, пересилила ее прежние бескомпромиссные антисоветские чувства, и она решила принять посильное участие в облегчении страданий ее соотечественников, и прежде всего русских военнопленных.

С помощью друзей она связалась с соответствующими учреждениями немецкого Верховного командования; она также установила контакт с Международным Красным Крестом в Женеве через представителя этой организации в Берлине д-ра Марта⁴⁶⁹. В отличие от дореволюционной России, советское правительство отказалось от предложенной помощи Международного Красного Креста. Это означало, что русские пленные, будучи в глазах своего правительства изменниками родины, предоставлялись собственной судьбе — в большинстве случаев голодной смерти.

Мама́ обратилась и к своей тетушке, а моей крестной, графине Софье Владимировне Паниной⁴⁷⁰, которая работала в Толстовском фонде⁴⁷¹ в Нью-Йорке. Кроме того, она втянула в эту деятельность двоих всемирно известных американских авиаконструкторов русского происхождения: Сикорского⁴⁷² и Северского⁴⁷³, а также русские православные церкви Северной и Южной Америки. Вскоре была создана специальная организация для помощи пленным,

которой удалось собрать столько продуктов, одеял, одежды, лекарств и т. п., что для перевозки этого груза понадобилось несколько кораблей. К тому времени США вступили в войну, так что все это пришлось закупать в нейтральной Аргентине. Суда уже готовы были выйти в долгий рейс через кишашую немецкими подлодками Атлантику, как вдруг вся операция чуть было не сорвалась: дарители поставили одно лишь условие, а именно: чтобы распределение помощи в лагерях проводилось под надзором Международного Красного Креста. Немецкие военные власти дали на это согласие. Оставалось последнее: получить личное разрешение Гитлера. Когда Мама́ в очередной раз навестила своего знакомого в Верховном командовании армии, он повел ее в близлежащий парк Тиргартен и там, вдали от любопытствующих ушей, сказал: «Мне стыдно в этом сознаться, но фюрер сказал: „Нет! Никогда!“» Однако Мама́ не сдалась: «Хорошо, тогда я напишу маршалу Маннергейму. Он-то не скажет «Нет!». Что она незамедлительно и сделала. Барон Маннергейм⁴⁷⁴, освободивший Финляндию от красных в 1918 году и командовавший ныне финской армией, в прошлом был российским офицером-кавалергардом и хорошо знал нашу семью. Благодаря его влиянию финские войска (в отличие от немецких) всегда воевали с Советами благородно; со взятыми ими пленными обращались в строгом соответствии с Женевской конвенцией, и в результате большинство их выжило. Почти сразу же Мама́ получила от Маннергейма сочувственный ответ, и суда с грузом помощи направились в Швецию, откуда груз был быстро доставлен, под наблюдением Международного Красного Креста, военнопленным финских лагерей.

Воскресенье, 1 августа. Судьба Гамбурга вызывает здесь большое беспокойство. Прошлой ночью самолеты союзников разбросали листовки, призывающие всех берлинских

женщин и детей немедленно покинуть город, — а так было и в Гамбурге перед началом налетов. Это звучит зловеще. Весьма возможно, теперь очередь за Берлином.

Вчера я работала в ночную смену. Всю вторую половину дня я ездила верхом в Потсдаме и появилась в конторе лишь в 11 вечера. Мои сослуживцы перед уходом пришли торжественно попрощаться со мной: они слышали, что ожидается налет. Однако же я проспала на диване до 9 утра. Потом я отправилась домой принимать ванну и завтракать. Но завтра я переезжаю к Бисмаркам в Потсдам, чтобы не находиться в городе по ночам.

Понедельник, 2 августа. Во всех домах появились наклейки, приказывающие жителям немедленно эвакуировать всех детей и тех женщин, которые не работают в военной промышленности. Все вокзалы кишат народом, и царит большой беспорядок, тем более что через Берлин сейчас проезжает множество беженцев из почти полностью разрушенного Гамбурга. Ходит еще слух, что правительственные учреждения будут также полностью эвакуированы, и нам велели укладываться, но я отношусь к этому не очень серьезно. Мама́ ночует теперь за городом у своей родственницы Ванды Блюхер⁴⁷⁵; она наконец согласилась скоро уехать к Татьяне.

Обедала с послом фон Хасселем. Он рассказывал много интересного про Муссолини, которого он хорошо знал. Он сейчас на пенсии и пишет статьи на экономические темы, которые мне постоянно дает читать. Признаюсь, я в них мало что понимаю.

Затем я перетасила один чемодан в Потсдам, к Бисмаркам, и собиралась рано лечь спать. К сожалению, этому помешало внезапное появление хозяина дома, Готфрида, в сопровождении Лоремари Шёнбург и графа Хелльдорфа⁴⁷⁶ — главы берлинской полиции. Последний часто бывает у Готфрида, и они тут совещаются до поздней ночи.

Все это очень шито-крыто, но Лоремари (которая также переселилась к Бисмаркам) держит меня в курсе того, что я окрестила «заговором». Она развивает бешеную активность, стараясь наладить связь между различными элементами оппозиции, причем часто действует опрометчиво и неосторожно. Готфрид же никогда не роняет ни слова.

Хелльдорф сомневается, что налеты на Берлин начнутся в скором будущем.

Здесь Мисси впервые намекает на то, что стало потом известно как заговор 20 июля 1944 года.

В отличие от многих будущих его товарищей по заговору, граф Вольф-Генрих фон Хелльдорф (1896–1944) был смолоду убежденным и деятельным членом нацистской партии. Когда кончилась Первая мировая война (в которой он в качестве младшего офицера очень отличился), он вступил в пресловутый «Фрайкор Россбах», состоявший из удальцов-головорезов из среды ветеранов-фронтовиков, которые посвятили себя борьбе с левыми элементами в начальный период Веймарской республики. По возвращении из временной эмиграции он вступил в нацистскую партию, где быстро продвинулся, стал генералом СА, был избран членом рейхстага и с 1935 г. состоял главой берлинской полиции. Несмотря на это прошлое, у Хелльдорфа, по-видимому, были серьезные сомнения насчет ряда мероприятий Гитлера, в частности по поводу гонений на евреев, и это постепенно отдалило его от большинства товарищей по партии. Когда с ним познакомилась Мисси, он был уже одним из вождей антигитлеровского заговора.

Вторник, 3 августа. Сегодня к нам в Потсдам приезжали на ужин Вельфи⁴⁷⁷ и Георг-Вильгельм Ганноверские. Их мать — единственная дочь покойного кайзера⁴⁷⁸. Готфрид Бисмарк настаивает на том, чтобы мы приглашали своих друзей сюда — частью, подозреваю, для того, чтобы он мог

составить о них мнение, но также и потому, что он не хочет, чтобы мы допоздна оставались в городе. Поскольку было очень жарко, мы сидели, окунув ноги в фонтан.

КЕНИГСВАРТ. *Понедельник, 9 августа.* У меня был тяжелый день. Я собралась провести несколько дней у Татьяны в Кенигсварте, куда, слава Богу, наконец-то перебралась Мама́. Но без специального пропуска из столицы выезжать не разрешается, и мне пришлось сначала сесть на пригородный поезд, сойти на маленькой станции Нойштадт и уже там купить билет в Мариенбад. Лоремари Шёнбург помогала мне тащить огромный чемодан с вещами, которые я хотела вывезти, — главным образом фотоальбомы. Поезд был полон гамбургцев, ехавших в своих обгоревших лохмотьях домой, так как они готовы скорей перебиваться кое-как в своих собственных развалинах, чем давать помыкать собой жителям тех городов, где они нашли временное убежище и где многие настроены по отношению к ним отнюдь не дружелюбно. Они выглядели как дикари и говорили без всякого стеснения. В поездах люди теперь вообще часто говорят вслух все, что они думают о нынешнем режиме. В Нойштадте я едва успела купить билет и сесть на обратный поезд в Берлин, где опять пришлось пересаживаться. И снова бо́льшая часть пассажиров оказалась из Гамбурга. У одной девочки была сильно обожжена рука, и она все время истерически смеялась. Я приехала в Кенигсварт в два часа ночи.

Вторник, 10 августа. Бо́льшую часть времени мы проводим в поездках по окрестным лесам и рассуждениях о том, что нам следует делать, «если и когда».

Суббота, 14 августа. Погода отвратительная, дождь льет не переставая. Татьяна уехала продолжать лечение в Дрездене. Пока Мама́ совершает длительные прогулки, я отдыхаю. Когда живешь в деревне, совсем не знаешь, что происходит.

Разузнав, после долгих поисков, в каком лагере военнопленных находится двоюродный брат Мисси, молодой князь Иван (Джим) Вяземский, ее семье удалось выхлопотать у военного коменданта Берлина, генерал-лейтенанта фон Хазе⁴⁷⁹ (с семьей которого они дружили) разрешение время от времени посещать его в лагере. Здесь Мисси описывает один из этих визитов, причем читателя поразит, очевидно, почти рыцарское отношение немцев к своим западным пленным, по сравнению с ужасами, царившими в лагерях для советских пленных.

ДРЕЗДЕН. Воскресенье, 15 августа. После обеда я тоже поехала в Дрезден повидать Татьяну и навестить моего кузена Джима Вяземского, который находится в лагере для военнопленных неподалеку. Я захватила с собой немного вина для поддержания бодрости во время утомительной поездки, которая заняла больше десяти часов. Татьяна обещала выслать к станции автомобиль, но, когда я приехала, было уже за полночь и автомобиля не оказалось, так что пришлось идти в клинику пешком через весь город. Недавно была объявлена воздушная тревога, и к тому же было полнолуние — все казалось зловещим. Я никогда раньше не бывала в Дрездене и страшно боялась попасть в какой-нибудь безымянный подвал, но в конце концов благополучно добралась до клиники. Татьяна выглядела скверно, за ней смотрела ночная сиделка. Меня положили на рахитичную кушетку, удлиненную с помощью двух стульев, которые все время разъезжались, но я так устала, что быстро уснула.

Понедельник, 16 августа. На рассвете отправилась в лагерь Джима Вяземского. Сперва меня не пускали на автобус: необходимы специальные путевые документы, но потом все уладилось. В случае нужды я предъявляю пропуск, подписанный нашим другом генералом фон Хазе, военным комендантом Берлина. На самом деле у него нет

никакой власти над лагерями для военнопленных, но пока что его пропуск срабатывает на всю семью: мы ведь навещаем Джима по очереди.

Сойдя в какой-то деревне, я с полчаса шла полями. Лагерь Джима окружен колючей проволокой. У главного входа я вновь предъявила свой документ. Все прошло гладко. К сожалению, комендант лагеря, по-видимому, скучал и почти час болтал со мной, прежде чем вызвать Джима, а я ничего не могла делать, боясь его обидеть. Но он, по-видимому, неплохой человек, и Джим подтвердил, что он всегда относится к нему прилично. Фактически он военный врач, а лагерь — что-то вроде полевого госпиталя, где пленные всех национальностей содержатся временно, в ожидании перевода в постоянные лагеря.

Пока его денщик готовил для нас пикник, мы с Джимом сидели в кабинете коменданта, который тот любезно предоставил нам на время моего визита. Потом мы вышли из лагеря и пешком отправились к месту нашего пикника. Мимо проезжали машины с немецкими военными, но никто не обращал внимания на женщину, гуляющую по лесу с французским офицером в форме. Это показалось нам в высшей степени курьезным.

Джим с головой ушел в работу, он выполняет обязанности переводчика с английского, русского, немецкого, французского, польского и сербского. Чувство, что он здесь нужен, не дает ему особенно думать о побеге. Всю жизнь у него некрасиво торчали уши, а теперь он решил воспользоваться вынужденным досугом, чтобы подвергнуться операции и выправить их. Выглядит он хорошо, и у него прекрасное настроение. У них есть потайной радиоприемник, так что они хорошо информированы. Оказывается, каждую ночь в бараках вслух читаются военные сводки союзников.

Наш пикник состоял из тушенки, сардин, горошка, масла и кофе — всего этого мы, штатские, не видели уже

очень давно. Я принесла с собой жареного цыпленка и шампанское от Татьяны, а Джим подарил мне чай и пластинку с записью симфонии Чайковского «Манфред»⁴⁸⁰. На остановке автобуса он меня на прощание поцеловал, что вызвало у одного пассажира вопрос: не невеста ли я французского офицера?

Провела еще одну ночь у Татьяны в клинике. Она поправляется, но каждый раз, когда я говорю ей что-нибудь ободряющее, она плачет от боли. Говорят, что ночью я так кричала, что сиделке пришлось дать мне успокоительное. Она говорит, что это все берлинские воздушные налеты...

БЕРЛИН. Вторник, 17 августа. На обратном пути в Берлин и Потсдам поезд был так переполнен, что я всю дорогу стояла.

Среда, 18 августа. Сегодня вечером у Бисмарков я долго разговаривала с Генрихом Сайн-Витгенштейном⁴⁸¹, которого отозвали из России, чтобы оборонять Берлин. На его счету уже шестьдесят три сбитых вражеских бомбардировщика; по своим боевым успехам он второй в Германии ночной летчик-истребитель. Но из-за того, что он князь и не разделяет их идеологии (он потомок знаменитого русского фельдмаршала Витгенштейна⁴⁸² эпохи Наполеоновских войн), власти не дают ему ходу и его подвиги замалчиваются. Я давно не встречала такого симпатичного и чуткого человека. Мы познакомились два года назад, и он стал одним из моих самых близких друзей. Он вырос в Швейцарии и совсем не знал Германии⁴⁸³; я всюду брала его с собой, и все мои друзья были от него в восторге.

Пятница, 20 августа. Ужасно жарко, поэтому после работы мы поехали в гольф-клуб, где Лоремари Шёнбург, Генрих Витгенштейн и я сидели на площадке и строили планы на будущее. Мы обсуждали, что мы станем делать, когда все рухнет и «власти» начнут расправляться с «несочувствующими» — например, залезем к Генриху в самолет

и полетим куда-нибудь в Колумбию. Вопрос о том, хватит ли у нас горючего для перелета через Атлантику, остался нерешенным. У Лоремари в Боготе есть двоюродный брат, за которого она подумывает когда-нибудь выйти замуж⁴⁸⁴. Так что она убила бы одним выстрелом двух зайцев.

Понедельник, 23 августа. Лоремари Шёнбург не пошла на работу под видом того, что перегрелась на солнце, а поскольку и я чувствовала себя неважно, мы решили отправиться на велосипедах в Вердер⁴⁸⁵ и попробовать купить фруктов. Взяли с собой рюкзак. Когда мы приехали, к нам присоединился какой-то тип с корзиной; он сказал, что тоже хочет купить фруктов. В конце концов мы достучались до одного фермера, который согласился продать нам пятнадцать фунтов яблок. Пока я сокрушалась, что пятьдесят пфеннигов за фунт — это дороговато, наш спутник помогал мне укрепить рюкзак на велосипеде. К нашему изумлению, когда мы вышли из фруктового сада и пробирались через посадки помидоров, он предъявил документ, удостоверяющий, что он служит в бюро по контролю над ценами⁴⁸⁶, и объявил, что нас надули, что он сообщит об этом куда следует и что нам придется свидетельствовать против фермера в суде. После этого он велел нам назваться. Мы отказались, говоря, что беднягу надо оставить в покое. Он настаивал. Я опять отказалась, а Лоремари, не моргнув глазом, назвала фамилию Ханса Флотова, а заодно и его адрес. Я не удержалась от улыбки, и тип насторожился, но у нас при себе не было удостоверений личности, и он ничего не мог проверить. Тогда он предложил нам работать у полицейских подсадными утками: они будут привозить нас на машине на разные фермы, а потом... Тут мы сказали ему, что мы о нем думаем.

У Лоремари постоянно неприятности с полицией. В Потсдаме она оскорбила какого-то полицейского, и теперь ее вызывают для разбора.

Вторник, 24 августа. Вчера был сильный налет. Готфрида Бисмарка не было дома. Его шурин, Жан-Жорж Хойос⁴⁸⁷, все от начала до конца проспал. Я одна почуяла неладное и, несмотря на их отчаянные протесты, разбудила его и Лоремари Шёнбург. Над Берлином стояло красное зарево, а сегодня утром Жан-Жорж позвонил мне и сказал, что добирался до города три часа (вместо обычных двадцати минут), так как в развалинах лежат целые улицы.

В 6 вечера мы сами отправились в город — отвезти Готфрида и взглянуть, как там наши квартиры. Кухарка Герсдорфов⁴⁸⁸ Марта разрыдалась у меня в объятиях. Она напугалась до смерти, но с домом все в порядке. А вот у Лоремари в потолке прямо над кроватью зияет дыра. На нее это сильно подействовало, и она объявила, что судьба явно бережет ее для более высокого и прекрасного предназначения. Мы заглянули к Аге Фюрстенберг, которая никак не может прийти в себя, потому что сгорели все верхние этажи в домах на Курфюрстендам и поблизости, где она живет. Погибла и квартира Пюклеров на Литценбургерштрассе, где мы жили, когда впервые приехали в Берлин три года назад. После налета Геббельс объехал наиболее сильно пострадавшие районы, но когда он сказал, что нужны тридцать добровольцев для борьбы с пожаром, это было встречено, как говорят, без энтузиазма.

К тому времени Мисси и ее отец, уже несколько раз остававшиеся без крова из-за бомбардировок, снимали часть виллы у своих друзей — Герсдорфов. Женищина редкого обаяния, теплоты, утонченного ума и порядочности, баронесса Мария фон Герсдорф превратила свой дом на Войршиштрассе⁴⁸⁹ в настоящий политический и интеллектуальный салон (насколько это было возможно в условиях разрушаемого постоянными налетами города), где люди схожего образа мыслей могли общаться в атмосфере полной терпимости, доверия и взаимопонимания. Благодаря

родственным связям ее мужа с могущественной промышленной династией Сименс и его службе в берлинской военной комендатуре, в этом салоне были представлены все сферы немецкого общества — от землевладельческой аристократии (к которой принадлежала сама Мария) до деловых, научных, дипломатических и военных кругов.

Среда, 25 августа. Сегодня ночью снова был налет, но ущерб нанесен незначительный и поезда в Потсдам ходят нормально.

Четверг, 26 августа. Татьяна звонила из Кенигсварта: она говорит, что разбомбили линию Берлин — Лейпциг и железнодорожное сообщение с ними прервано.

Ужинала с Лоремари Шёнбург и ее гамбургским другом Ханни Йеншем⁴⁹⁰, который сейчас уволен с военной службы, так как оба его старших брата убиты. Он разъезжает в элегантном «мерседесе», не имея водительских прав; полицейские не верят своим глазам, но оставляют его в покое.

Пятница, 27 августа. Вчера из-за налета остались без крова Алекс Верт и еще один человек из нашего учреждения — профессор Х. Последний в придачу потерял еще и зрение, вытаскивая женщину из горящего дома. Но его увечья, слава Богу, лишь временные. Он родом из Бадена, ненавидит нацистский режим и все время повторяет, что всему виной немецкие женщины, так как это они проголосовали за приход Гитлера к власти. Он говорит, что раз навсегда следует запретить все игрушки с военной окраской вроде горнов, мечей, барабанов, оловянных солдатиков и т. д.

Суббота, 28 августа. Познакомилась с женой Виктора де Кова, японкой Мичико. Виктор — не только один из самых талантливых и привлекательных актеров Германии, он еще и известный режиссер. Мы были на репетиции его очередного спектакля.

Воскресенье, 29 августа. Ездил за город с Готфридом Бисмарком и Лоремари Шёнбург к его матери, очаровательной пожилой даме, наполовину англичанке, хорошо помнящей своего свекра — великого Бисмарка⁴⁹¹. На обратном пути Лоремари захотела непременно сама вести машину, а между тем шел проливной дождь. Она совсем неопытная, и мы сильно нервничали.

Среда, 1 сентября. Четыре года назад началась война. В это трудно поверить. Вчера ночью союзники решили «отметить» годовщину; в результате сильно пострадал торговый район Берлина.

Сегодня вечером ходила на премьеру «Филины»⁴⁹² — новой постановки Виктора де Кова. После спектакля мы поехали к нему домой, и я долго разговаривала с Тео Макебеном⁴⁹³, композитором, оказавшимся большим почитателем России.

Пятница, 3 сентября. Союзники высадились на итальянском материке.

К 17 августа завершилось освобождение Сицилии, и союзники готовы были начать вторжение в континентальную часть страны. Между тем после отставки и ареста Муссолини 23 июля Италия стала быстро сближаться с союзниками, и 19 августа маршал Бадольо начал секретные мирные переговоры. Высадка союзников в южной части страны, начавшаяся 2 сентября, ускорила выход Италии из Оси.

Суббота, 4 сентября. Сегодня ужинала с Надем (из венгерского посольства) и четой де Кова. Виктор страшно нервничает. Со слезами на глазах говорит, что не может больше этого выносить: вчера ночью разбомбили весь его район (он живет неподалеку от аэропорта Темпельхоф⁴⁹⁴). Вчерашний налет был очень мощным. Даже у себя в Потсдаме, вдали от города, мы спустились вниз. Со времени

гамбургских бомбежек Мелани одержима страхом перед зажигательными бомбами: там целые улицы превращались в огненные реки. Теперь, когда начинается налет, она появляется с головой, обмотанной мокрым полотенцем.

Понедельник, 6 сентября. Говорят, будто что-то случилось с Хорстманами. Недавно они для большей безопасности переехали за город. Вчера вечером пропал Тино Солдати, который у них живет: он не пришел на какой-то официальный ужин, на котором его ждали, и не дал о себе знать, что для аккуратного молодого дипломата весьма странно.

Вторник, 7 сентября. Сегодня утром мы с Лоремари Шёнбург впервые взяли с собой в город велосипеды⁴⁹⁵. Велосипеды не наши, они принадлежат Бисмаркам. Поначалу мы едва успевали увертываться от трамваев и автобусов. Один раз Лоремари перекувырнулась через руль. Вот было зрелище!

У нас обеих был назначен прием у главы берлинской полиции графа Хелльдорфа — Лоремари по своим «конспиративным» делам⁴⁹⁶, а я по служебному. Мне поручили составить фотоархив для АА, а так как все фотографии вызванных бомбардировками разрушений ныне подлежат цензуре, то я хотела добиться у Хелльдорфа разрешения на публикацию некоторых из них. Он обещал его дать.

Как мы и опасались два дня назад, Керцендорф⁴⁹⁷, загородное имение Хорстманов, сильно пострадал. У Герсдорфов Фиа Хеншель⁴⁹⁸ рассказала нам с Готфридом фон Крамом⁴⁹⁹ о том, как это произошло: она как раз там гостила. К счастью, никто не погиб, но Фредди, только что закончивший размещение бесценных старинных вещей, вывезенных из их дома в Берлине, потерял практически все⁵⁰⁰. Представляю себе, как Тино Солдати — швейцарский дипломат — мчался по лужайке в пижаме в два часа ночи под градом бомб.

Барону Готфриду фон Крамму, одному из самых прославленных чемпионов тенниса, суждено было всю жизнь страдать от невезения: он несколько раз выходил в финал Уимблдонского турнира, но всякий раз кубок ускользал от него. Он рано навлек на себя ненависть нацистов, даже пробыл некоторое время в концлагере, и до войны жил по большей части за границей.

Послеобеденное время провела в основном в кабинете Адама Тротта. Заходил поговорить наш начальник отдела кадров Ханс Бернд фон Хафтен. Он близкий друг Адама. Своим мертвенно-бледным непроницаемым лицом он напоминает мне какое-то средневековое надгробие.

Рано ставший воинствующим антинацистом и еще в 1933 г. говоривший, что у Гитлера «ментальность главаря шайки разбойников», Ханс Бернд фон Хафтен (1905–1944), как и Адам Тротт, учился в Англии. В 1933 г. он поступил на дипломатическую службу и к тому времени, когда Мисси с ним познакомилась, был в ранге советника посольства. Однако, в отличие от многих своих товарищей по заговору, он никогда не был членом нацистской партии — по соображениям христианской этики. Одним из первых вступив в крайзауский кружок графа фон Мольтке, он вовлек в него еще нескольких видных участников Сопротивления, в том числе и самого Адама фон Тротта.

Мы обсуждали общую ситуацию, а также последние мобилизационные мероприятия. Похоже, что власти намеренно призывают на военную службу последние остатки оппозиции, сохранившиеся в системе Министерства иностранных дел, заменяя их всюду, где удастся, своими людьми, главным образом из СС, каким был наш Шталекер. И не позволяют уходить по собственному желанию иначе, как добровольцем на фронт. Это, конечно, сильно затрудняет подпольную деятельность, которая теперь, как

я слышу, началась. Говорят, что министр иностранных дел фон Риббентроп никогда не покидает своего логова в Фушле⁵⁰¹, близ Зальцбурга. Возникла какая-то внутренняя распря между ним и заместителем министра Лютером⁵⁰² — тоже негодяем, каких мало. Все это, конечно, никогда не обсуждается открыто в моем присутствии, но я о многом догадываюсь. Во всяком случае, в результате всего этого АА в настоящее время не имеет настоящего руководителя. Если бы люди знали, как неэффективно работает эта машина, внешне выглядящая прекрасно налаженным бюрократическим механизмом, они бы поразились. Да ведь это доказывается уже самим фактом существования нашей маленькой группы заговорщиков.

Вечером ужинала у Ханса Флотова. Потом мы четверо поехали на станцию Потсдам на двух велосипедах без фар — это, пожалуй, не каждый сумеет.

В дневнике Ханса Георга фон Штудница⁵⁰³ под этой датой говорится следующее: «Ханс Флотов давал небольшой ужин, на котором присутствовали Мисси Васильчикова, Лоремари Шёнбург, Ага Фюрстенберг и Бернд Мумм⁵⁰⁴. Говорили исключительно о налетах. Все это показалось мне похожим на собрание преследуемых христиан в римских катакомбах!» (Из книги «Пока Берлин горит. Дневники 1943–45 гг.». Лондон, 1963).

Среда, 8 сентября. Мы снова взяли свои велосипеды в Берлин, где я забрала шляпку известной парижской модельерши Роз Валуа⁵⁰⁵ — большое ярко-зеленое сомбреро с черными лентами, которое кто-то прислал Татьяне из Парижа. После работы Готфрид Бисмарк отвез нас с Лоремари Шёнбург к французскому послу Скапини⁵⁰⁶. Во время ужина вдруг ворвался секретарь и сообщил, что Италия капитулировала. Мы извинились и помчались предупредить Отто Бисмарка, старшего брата Готфрида, только что

приехавшего из Рима (он долго был министром-советником немецкого посольства в Италии) и обедавшего у Хорхера с Хелльдорфом и Готфридом. Все трое сидели в отдельном кабинете, и когда мы с Лоремари вбежали с этой новостью, их как громом поразило. Оторопел перед тем и Скапини. Он находится здесь в качестве исполняющего обязанности посла Франции для переговоров о возвращении французских военнопленных в обмен на «добровольную» рабочую силу. Это несчастный человек: в прошлую войну он потерял зрение, и его постоянно сопровождает слуга-араб, служащий ему глазами и описывающий ему все, что происходит вокруг.

Четверг, 9 сентября. По дороге в город купила газету, и меня весьма позабавило выражение лица у человека, сидевшего напротив: он впервые увидел в газете известие о капитуляции Италии. Принеся столько жертв, итальянцы все-таки так и не заставили себя уважать!

Пятница, 10 сентября. Незадолго до окончания рабочего дня ко мне на работу пришли Альберт Эльц и Ага Фюрстенберг, и мы поспешили в итальянское посольство, где я надеялась найти кого-нибудь, кто скоро уедет и согласится взять с собой письмо для Ирины, а то теперь мы будем отрезаны друг от друга до самого конца войны. Беденькая девочка, она будет так тревожиться...

Застала всю итальянскую колонию сидящей на чомоданах возле здания, а кругом множество ожидающих автомобилей и машин скорой помощи. Альберт предположил, что их, вероятно, сначала где-нибудь хорошенько выпорют, прежде чем отправлять на вокзал. В конце концов я заприметила Орландо Коллалто⁵⁰⁷, и он обещал передать Ирине все, что нужно, на словах, но отказался брать что-либо писаное.

После этого я отправилась в Потсдам, прихватив с собой ценный ковер и того же Альберта, который хотя и служит

в люфтваффе, но испытывает здоровое уважение к авиации союзников и предпочитает ночевать за городом. Вечером наш Адольф разразился длинным обличением по адресу итальянцев, «вонзивших Германии нож в спину»⁵⁰⁸.

Суббота, 11 сентября. Немцы оккупировали Рим. Будем надеяться, это не означает, что город теперь начнут бомбить союзники⁵⁰⁹.

Сегодня вечером Лоремари Шёнбург пригласила на ужин Хелльдорфа, чтобы поговорить о политике. Альберт Эльц тоже захотел с ним познакомиться. Поскольку у Хелльдорфа не самая безупречная репутация (как у давнишнего члена партии и обер-группенфюрера СА), то нынешнее его участие в заговоре воспринимается кое-кем из непримиримых антинацистов с сомнением⁵¹⁰. Лоремари и Альберт оба принимали ванну, когда явилась без предупреждения Ага Фюрстенберг. Она известная сплетница, и мы все попрятались, сделав вид, что никого нет дома. Когда она ушла восвояси, я пошла искать остальных и обнаружила их сгрудившимися в подвале без всякой одежды, кроме ванн-ных полотенец. К сожалению, все эти приготовления оказались напрасными, так как когда Хелльдорф приехал, он был крайне немногословен. Альберт изо всех сил старался у него «выудить», но тот явно был начеку. Я пошла спать.

Воскресенье, 12 сентября. Сегодня по радио неожиданно грянул итальянский фашистский гимн «Джовинецца»⁵¹¹, а затем было сообщено, что немецкие парашютисты освободили Муссолини из места его заключения — Гран-Сассо-д'Италия — в горах Аbruцци, и сейчас он на пути в Германию. От этой новости мы просто онемели.

Эсэсовские парашютисты под командованием старшего лейтенанта Отто Скорцени⁵¹² совершили дерзкий налет, приземлившись на планере на пик Гран-Сассо-д'Италия, освободили Муссолини и самолетом перевезли его в Германию. Позже он

учредил марионеточную неофашистскую администрацию — так называемую Итальянскую социальную республику — в Северной Италии, со столицей в городке Сало.

Среда, 15 сентября. Ужинала одна с Отто и Готфридом Бисмарками. Отто рассказал много интересного о жизни в Риме. Оказывается, Анфузо⁵¹³ выступил на стороне Муссолини (он был главой кабинета при Чиано), но большинство прочих фашистских главарей теперь, когда дуче проигрывает, переметнулись в лагерь его противников.

Четверг, 16 сентября. Только что пришло письмо из Парижа от Джорджи; к письму приложен уникальный предмет: белая шелкообразная кисточка — все, что осталось от стекла одного из его окон после того, как вблизи упала бомба. (Воздушный налет союзников на Париж 3 сентября стоил жизни приблизительно 110 жителям.)

Позже поехала на велосипеде на Ванзее к д-ру Марти, представителю швейцарского Красного Креста, с которым Мама́ работала над организацией помощи советским военнопленным. Я едва успела: завтра он уезжает в Швейцарию.

Муссолини выступил с длинной речью по радио. Я почти все поняла.

Воскресенье, 19 сентября. Какой-то Союз немецких офицеров⁵¹⁴ передал по радио обращение из Москвы. Обращение подписано несколькими немецкими генералами, взятыми в плен в Сталинграде.

КЕНИГСВАРТ. Вторник, 28 сентября. Взяла короткий отпуск, чтобы повидаться с родителями и Татьяной. Последняя выглядит чуть-чуть лучше. Я подолгу гуляла с Мама́. Она настаивает, чтобы я ушла с работы и поселилась с ними за городом. Она не понимает, что это невозможно и что меня немедленно отправят на военный завод. Обе ночи спала с Татьяной, что дало нам возможность наговориться.

БЕРЛИН. Понедельник, 4 октября. Обедала с Йозиасом Ранцау, послом фон Хасселем и сыном последнего⁵¹⁵. По возвращении в контору Йозиасу дали понять «сверху», что на такие встречи в нерабочее время смотрят неодобрительно.

Вторник, 5 октября. Ходила на концерт венгерских музыкантов с Филиппом де Вандевром и еще одним французом, Юбером Ноэлем, который был отправлен на работу в Германию, но сумел раздобыть медицинское свидетельство о том, что он наполовину глух; теперь он возвращается во Францию.

Четверг, 7 октября. Обедала в гольф-клубе с друзьями, но пришлось уйти рано, так как у меня было назначено свидание с Филиппом де Вандевром. Мы договорились, что я пойду с ним в штаб-квартиру СД⁵¹⁶, в которую гестапо входит как составная часть. Он только что узнал, что один из его лучших друзей, сын французского банкира по имени Жан Гайяр⁵¹⁷, арестован близ Перпиньяна⁵¹⁸ при попытке перейти границу с Испанией. Его отправили в лагерь в Компьене⁵¹⁹ прямо в тенниске и шортах, в которых его схватили. Ему удалось сообщить о своем положении невесте. Но с тех пор от него нет больше никаких вестей, кроме сообщения, что его погрузили в товарный вагон, направляющийся в Ораниенбург, страшный концлагерь неподалеку от Берлина⁵²⁰. Запланированная нами стратегия состояла в том, чтобы притворяться идиотами, делать наивные расспросы и разговаривать с офицерами СД как со служащими нормального учреждения. Я собиралась — о ирония! — отрекомендоваться как сотрудница АА. Мы даже предполагали просить разрешения послать Гайяру еду и одежду. На тот случай, если я не вернусь, я предупредила Лоремари Шёнбург о том, куда иду.

После того как мы попали в здание — огромный корпус, окруженный колючей проволокой, в некотором отдалении от города⁵²¹, — и у меня отобрали фотоаппарат, который

я по какому-то недомыслию прихватила с собой, нас поручили цепочке чиновников, которые перебрасывали нас от одного к другому, как теннисные мячи. Каждый раз требовалось все заново рассказывать о себе. Когда меня спросили, почему я проявляю заинтересованность в этом деле, я сказала, что я двоюродная сестра Филиппа. Мы провели там три часа, ничего не добившись. Они даже были настолько любезны, что проверили по документам всех вновь прибывших в Ораниенбург; Гайяра среди них не было. В конце концов они предложили Филиппу самому поехать в Ораниенбург и навести справки на месте. Позже я умоляла его не ехать, а то его самого посадят. Они записывали всевозможные касающиеся нас подробности, когда меня внезапно позвали к телефону — звонила Лоремари: «Lebst du noch?» [«Ты еще жива?»] Я поспешно дала утвердительный ответ и положила трубку. Мы ушли без всяких надежд, еле смея поднять глаза: всюду черная форма, оружие и мрачные лица. Было облегчением снова оказаться на разбомбленной улице.

Впоследствии Филипп де Вандевр узнал, что его друг попал не в Ораниенбург, а в Бухенвальд, и, невзирая на предупреждения Мисси, поехал и туда — однако безуспешно. В 1945 г. молодой Гайяр был освобожден наступающими американскими войсками, но так как у них не было лишнего транспорта, оставшиеся в живых были отправлены в тыл наступающих войск пешком. Многие из них, в том числе и Гайяр, по пути погибли. Труп его так и не нашли.

Воскресенье, 10 октября. Большую часть дня ожидала звонка дяди Валериана Бибикова⁵²² — пожилого родственника из Парижа, который в начале русской кампании пошел добровольцем в немецкий флот в качестве переводчика. Думал ли он тогда, во что ввязывается! Сейчас он едет

к себе в Париж в отпуск. Я собиралась дать ему письма: одно для Джорджи, другое от Филиппа де Вандевра. Филипп настаивал, чтобы я прочла его письмо, а я вначале отказывалась. Но когда он ушел, я прочла. Какой ужас! Оказалось, что это подробный отчет, направляемый архиепископу Муленскому⁵²³ участником Сопротивления — священником, работающим в немецком концлагере. Я пережила ужасные муки совести: с одной стороны, нельзя подводить Филиппа, а с другой — понятно, чем это может кончиться для бедного Валериана. В конце концов я положила все это в запечатанный конверт, адресованный Джорджи, с просьбой, чтобы он сам отправил это письмо из Парижа в Мулен, и вручила Валериану сей прощальный подарочек. До самого его ухода мы топили наши горести в водке. Молюсь, чтобы все прошло хорошо.

Письмо благополучно достигло Джорджи, и тот переправил его адресату. Автор письма, аббат Жирарде⁵²⁴, погиб.

Понедельник, 11 октября. Провела вечер с Зигрид Герц. Гестапо арестовало ее мать — еврейку — и преспокойно объявило ей, что она высылается в гетто в Терезиенштадт⁵²⁵ (это в Чехословакии). Отец Зигрид (не еврей) погиб в Первую мировую войну, а сама она — красивая высокая блондинка. Пока что ей удалось добиться отсрочки, и сейчас она рассылает сигнал 308⁵²⁶ во всех направлениях, но шансов на успех мало. В штабе СД ей сказали: «Жаль, что вашего отца нет в живых. Тогда в этом не было бы нужды. Не повезло вам!»

Вторник, 12 октября. Мы с Лоремари Шёнбург собираем гостей на коктейль в ее городской квартире и перетаскиваем туда вещи, чтобы придать помещению жилой вид. У нас имеются две бутылки вина и полбутылки вермута, но мы оптимистически надеемся, что гости кое-что принесут с собой.

Среда, 13 октября. Вечер прошел удачно, хотя Гретель Роан⁵²⁷, тетушка Лоремари Шёнбург, выдула одну из бутылок вина, воспользовавшись тем, что я пошла купить что-нибудь на бутерброды. Это был довольно неприятный сюрприз, но все обошлось: гости принесли лед и шампанское, мы слили все вместе, смесь была кошмарная, но все пили и не жаловались. Пытаюсь свозить братьев Вандевр на выходные к Татьяне, но пока что французам не разрешают уезжать из тех мест, где им предписано работать. После того как большая часть гостей разошлись, мы размышляли, пока жарили картошку, как бы нам обойти это правило.

Новое итальянское правительство Бадольо объявило войну Германии.

Провозгласив перемирие, Бадольо приказал итальянским вооруженным силам прекратить все военные действия против «сил противника», но давать отпор любым другим враждебным акциям, от кого бы они ни исходили (подразумевая немцев). Хотя союз с Германией никогда не пользовался у итальянцев популярностью, а война тем более, этот неожиданный поворот, предполагавший измену недавним товарищам по оружию, вызвал у многих итальянских военных мучительный нравственный кризис, и некоторые отказались подчиниться этому приказу.

Четверг, 14 октября. Зашла повидать графа фон дер Шуленбурга⁵²⁸. Он последний немецкий посол в Москве — обаятельный старик, очень доброжелательно относящийся ко всему русскому и весьма откровенный. Я пытаюсь устроить Катю Клейнмихель к нему на службу, так как она сейчас без работы.

Дипломат старой школы и убежденный сторонник традиционной бисмарковской политики дружбы между Германией

и Россией⁵²⁹ — любой Россией — граф Вернер фон дер Шуленбург (1875–1944), будучи послом в Москве с 1934 г., неустанно способствовал поддержанию нормальных отношений между двумя диктаторами. Нападение Гитлера на Россию в июне 1941 г. было для него предвестником национальной катастрофы (он не сомневался, что в конечном итоге Германия потерпит поражение), а это еще более отвернуло его от системы, которая всегда вызывала у него отвращение. Из советских источников недавно стало известно, что он даже предупредил Сталина о точной дате нападения, но Сталин ему не поверил⁵³⁰.

Понедельник, 18 октября. Сегодня у меня было ночное дежурство. Приехала в 7 вечера. Две девушки, которым полагалось дежурить вместе со мной, пошли на какой-то концерт. Я написала несколько писем и решила ненадолго отлучиться, чтобы заглянуть к живущей по соседству Дики Вреде. Швейцар предупредил меня, что будто бы ожидается воздушный налет. Я сказала, что лишь на минутку.

Не успела я дойти до подъезда Дики, как трижды сильно громыхнуло. Я звонила и звонила, но никто не отвечал, тогда я помчалась обратно на работу, и там оказалось, что в непосредственной близости от нас упали три бомбы. Было слышно, как над головой громыхают самолеты, но тревога прозвучала лишь через несколько минут. После отбоя я вернулась к Дики, она к этому времени уже пришла домой, и мы попили кофе. Ночевать на работе было малопривлекательно; спала под пледом на кровати, твердой, как доска.

Воскресенье, 24 октября. День рождения Марии Герсдорф. Было трудно найти подарок. Подарила ей духи. У нее было много гостей, в том числе Адам Тротт, который позже пришел вместе с Папá к Лоремари Шёнбург. Мы накормили наших гостей хлебом, вином, жареной картошкой и кофе.

Я получила новое срочное задание: перевести заголовки под большим количеством фотографий останков около

4 тыс. польских офицеров, расстрелянных Советами и найденных в Катынском лесу под Смоленском нынешней весной. Такой ужас, просто не укладывается в сознании.

Все это сверхсекретно. Я видела конфиденциальный доклад фон Папена⁵³¹, немецкого посла в Анкаре. Он поручил одному из своих сотрудников подружиться с польским дипломатическим представителем в Турции⁵³², который, в свою очередь, дружен с Джорджем Эрлеем⁵³³, специальным представителем президента Рузвельта по вопросам Балканских стран. Рузвельт потребовал полную, неискаженную информацию; говорят, будто у себя в Штатах он ее не может получить, потому что его окружение (Моргентау?)⁵³⁴ перехватывает и изымает все, что неблагоприятно для Советского Союза⁵³⁵.

После краткого пребывания на посту канцлера Германии в 1932 г., Франц фон Папен (1879–1969) был в 1933 г., чтобы усовестить консервативную общественность, назначен вице-канцлером при Гитлере. В 1934–1938 гг., будучи немецким послом в Австрии, он во многом способствовал осуществлению аншлюса, а в 1939–1944 гг., в качестве посла в Анкаре, немало сделал для того, чтобы удержать Турцию от присоединения к союзникам. Привлеченный к суду как военный преступник в Нюрнберге в 1946 г., он был полностью оправдан, но в 1947 г. немецкий суд приговорил его к восьми годам каторжных работ и конфискации имущества. Освобожденный спустя два года, он прожил остаток дней в относительной безвестности.

Переводы должны быть готовы через два дня. Я ощущаю что-то странное, когда думаю, что моя проза менее чем через неделю окажется на столе у президента Рузвельта. Какая ответственность! К тому же это тяжелая работа. Но самое главное — ставшие теперь известными жуткие детали обнаружения останков просто потрясают.

За шесть месяцев до этого, 13 апреля 1943 г., немецкое радио сообщило, что в массовой могиле в Катынском лесу, близ Смоленска, на оккупированной Германией территории СССР, обнаружены тела многих тысяч поляков, главным образом офицеров. Все были убиты выстрелом в затылок — традиционная чекистская техника казни. Немцы немедленно обвинили Москву в этом преступлении и назначили комиссию по расследованию, состоявшую из врачей из 12 нейтральных или оккупированных Германией стран. Вторая комиссия, из занятой немцами Польши, включала агентов польского подполья. 17 апреля, без консультаций с британским правительством, польское лондонское правительство в изгнании (давно подозревавшее правду) объявило, что попросило и Международный Красный Крест принять расследование. Последний заявил, что не может действовать без согласия советского правительства, которое, разумеется, в этом отказало. Вместо этого Москва порвала отношения с лондонскими поляками, обвинив их в «сговоре с врагом»; эти отношения в дальнейшем так и не были восстановлены.

Обе комиссии пришли к единодушному заключению, что 4400 с чем-то жертв — все офицеры — являлись частью 230 тыс. польских военнослужащих, взятых в плен советскими войсками при их вторжении в Польшу осенью 1939 г. Из них около 148 тыс. — в том числе от 12 до 15 тыс. офицеров — исчезли без следа, причем на все запросы польского правительства в изгнании до обнаружения Катынского захоронения давался, даже самим Сталиным, один и тот же ответ: «все польские пленные освобождены» или «бежали». Только Меркулов, заместитель Берии, однажды, говорят, пробормотал: «Тут мы крупно просчитались...» Все вещественные улики доказывали, что несчастные были расстреляны весной 1940 г., т. е. почти за год до того, как немцы заняли эти места. В довершение всего все они были из одного и того же советского лагеря для пленных

польских офицеров — бывшего православного монастыря Оптина Пустынь под Козельском, откуда вся переписка с родственниками неожиданно прекратилась в апреле 1940 г.

Вновь заняв эту территорию, Москва назначила свою собственную комиссию по расследованию, так называемую Комиссию Бурденко (знаменитый академик ее возглавлял), которая свалила вину на немцев, и Катынь была включена в первоначальное обвинительное заключение, предъявленное союзниками главным нацистским военным преступникам на Нюрнбергском процессе. Однако окончательный приговор обошел этот пункт молчанием, не оставив тем самым сомнений относительно того, кто действительные убийцы.

Обнаружение катынского могильника, разумеется, поставило западных союзников в весьма затруднительное положение. СССР нес на себе основное бремя военных действий в Европе, и было необходимо продолжать с ним сотрудничать. Кроме того, многочисленные влиятельные слои, сочувствующие «доблестным советским союзникам», не допускали, что Москва способна на такое злодеяние. И таким образом круговая порука молчания, в которой участвовали решительно все лидеры союзников, заглушила всякое упоминание этой темы до конца войны.

По восточноевропейским источникам, после XX съезда КПСС в 1956 г. Никита Хрущев будто бы пытался убедить своего польского коллегу Владислава Гомулку обнародовать истину, но тот побоялся, что это надолго испортит отношения между двумя странами. С середины 1980-х гг. не только в самой Польше, но даже в наиболее смелых советских органах печати стали открыто говорить об ответственности СССР за это злодеяние, но Горбачев всячески увиливал от такого признания — покуда оно у него не было буквально вырвано польским президентом генералом Ярузельским при его посещении Москвы 13 апреля 1990 г. Но даже тогда вину валили на сталинизм и НКВД, но не на КПСС и ее руководство в целом.

Пришлось ждать октября 1992 г. и развала СССР, чтобы по личному приказу Ельцина почти полная правда была оглашена и соответствующие документы формально переданы польскому правительству. При этом выяснилось, что число расстрелянных поляков было значительно больше ранее признанного, а именно 21 857 человек, и что решение их умерщвлять было принято не где-то в НКВД, а, по предложению Бери, на самом высшем партийном уровне, формальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) под № 144 от 5 марта 1940 г. за подписью Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна, Калинина и Кагановича.

Тем временем были найдены еще другие массовые захоронения расстрелянных поляков — в Виннице, в Калинин (ныне Тверь), под Харьковом... Более того, на экранах русского телевидения дали интервью двое из непосредственных палачей из старших чинов НКВД, со слов которых выяснилось, что, например, в Калинин расстреливали по 250 человек каждую ночь в течение целого месяца, причем каждая такая «операция» завершалась выпивкой, а конец всего «предприятия» был отпразднован банкетом!

Поскольку среди жертв одной Катыни насчитывались 21 университетский профессор, более 300 врачей, более 200 адвокатов, более 300 инженеров, несколько сотен школьных учителей, много журналистов, писателей и предпринимателей, это чудовищное злодеяние, подобного которому, пожалуй, нет в истории человечества, рассматривается с полным основанием как попытка тогдашнего советского руководства обезглавить польскую некоммунистическую интеллигенцию и тем облегчить включение «освобожденной» Польши в состав СССР по примеру балтийских стран.

Знаменательно, что, несмотря на все преступления, совершенные советской стороной против поляков как в самой Польше, так и в других местах, Польша вместе с Грецией и Югославией была почти единственной страной, оккупированной

немцами, которая не поставила ни одного добровольца немецкой армии, сражающейся в СССР.

Лоремари вдруг стала ужасно бояться воздушных налетов. Прошлой ночью она спала у меня дома и во сне стукнула меня в глаз.

Большинство южноамериканских дипломатов покидают Берлин.

Четверг, 28 октября. Налеты теперь бывают каждую ночь, но вреда от них как будто немного. Обычно они застают меня в ванне.

КЕНИГСВАРТ. *Суббота, 30 октября.* Ага Фюрстенберг и я приехали в Кенигсварт на выходные. Вандеврам так и отказали в разрешении нас сопроводить. Поездка была изматывающая: половину пути мы ехали стоя, потому что вагоны были набиты эвакуирующимися по категории *Mutter und Kind* [мать и дитя]. Было также много раненых. Остальную часть дороги мы провели в коридоре, сидя на своих чемоданах. Здесь я подолгу гуляю с Мама́ и стараюсь отдохнуть и набраться сил.

Воскресенье, 31 октября. Вчера мы еще спали, когда внезапно раздался громкий удар. В нашем лесу упал самолет. Летчик, летевший в Нюрнберг, хотел махнуть крылом своей семье, которая живет в ближней деревне; что-то испортилось, и самолет камнем рухнул на землю. Летчик погиб мгновенно, но его товарищ прожил еще несколько часов. Все местные жители были мобилизованы тушить пожар, так как вокруг очень сухо и огонь быстро распространялся.

БЕРЛИН. *Понедельник, 1 ноября.* Возвращение было еще хуже. Меня оттеснили от Аги Фюрстенберг, которая споткнулась и упала. Я слышала, как она кричит и стонет в другом конце вагона, где ее чуть ли не затоптали. Хотя Татьяна щедро снабдила нас бутербродами и вином, мы приехали совершенно измотанными.

Суббота, 6 ноября. Русские освободили Киев.

Среда, 10 ноября. В доме Бисмарков в Потсдаме становится тесно, и мы с Лоремари Шёнбург переезжаем обратно в Берлин: мы и так уже слишком долго злоупотребляли гостеприимством Готфрида и Мелани. А теперь, с наступлением осенней непогоды, налеты, скорее всего, будут не такими опасными. Но я все-таки беру с собой лишь самое необходимое, так как по нынешним временам, похоже, путешествовать лучше налегке.

Четверг, 11 ноября. Ужин у Герсдорфов, затем очередной безобидный налет. Спала тринадцать часов не просыпаясь.

Суббота, 13 ноября. Кофе у сестер Вреде. Были: Зиги Вильчек, автогонщик Манфред фон Браухич⁵³⁶ и кинозвезда Дженни Джуго.

Все в ужасе: казнен известный молодой артист⁵³⁷ за «подрывные» высказывания — он заявил, что Германия, возможно, потерпит поражение. У Манфреда фон Браухича (он племянник бывшего главнокомандующего сухопутными силами⁵³⁸) тоже неприятности: его обвинили в весьма сходном «грехе».

«Известным молодым артистом», о котором пишет Мисси, был двадцатисемилетний пианист-виртуоз Карл Крайтен. На него донесли две подружки его матери⁵³⁹, и он был повешен в тюрьме Плётцензее 7 октября, причем его семье послали счет на 639,20 марки — «для покрытия расходов, связанных с его казнью».

Была на концерте под управлением Фуртвенглера, потом дома играла на фортепиано. Повариха Марта настроилась на музыкальный лад и захотела во что бы то ни стало спеть все ее любимые куплеты «развеселых девяностых годов»⁵⁴⁰. Марии Герсдорф и Папа́ не было дома. Опять был налет. Я уложила небольшую сумку, но все утихло, и мы остались у себя.

Вторник, 16 ноября. Ночное дежурство. Наутро всегда чувствуешь себя ужасно — какое-то мышечное истощение. Сходила на полчаса домой, приняв в конторе ванну (только там время от времени еще бывает горячая вода). К сожалению, меня вместе с моим фотоархивом перевели в бывшую чешскую миссию на Раухштрассе.

Все ошеломлены тем, что тамошний начальник уволен. В руках гестапо оказалось его письмо, адресованное его бывшей жене в Рур, где он предупреждает ее о грозящих налетах. Донес на него второй муж жены. Ну и шайка!

Ужинала сегодня у Годфрида Бисмарка в Потсдаме с Адамом Троттом, Хасселями и Фуртвенглером. Последний в панике при одной мысли о возможном приходе русских⁵⁴¹. Этим он меня разочаровал. Все-таки от музыкального гения я ожидала большего «класса»!

Рассказывая об этом ужине в письме жене, Адам Тротт добавлял: «Ехал обратно с Мисси, и она снова меня поразила... В ней есть что-то от благородной жар-птицы из легенд, что-то такое, что так и не удастся до конца осознать... что-то свободное, позволяющее ей парить высоко-высоко над всем и вся. Конечно, это отдает трагизмом, чуть ли не зловецю таинственным».

Среда, 17 ноября. Нас в полном составе вызвали знакомиться с новым нашим шефом на Раухштрассе — молодым человеком по фамилии Бютнер⁵⁴². Он только что «из окопов», хромает, с перебинтованным лбом. Он прочел нам проповедь о героизме фронтовиков и о том, как полагается вести себя нам, тыловикам.

Вечером я повела Адама Тротта к Хорстманам. Они переехали обратно в город, в крошечную квартирку: в ней буквально три комнаты, но они, как всегда, прекрасно обставлены, и Хорстманы по-прежнему гостеприимны.

Ночевала у Лоремари Шёнбург, так как опять был налет, а домой на Войршштрассе добираться было далеко. У нее серьезные неприятности: она оставила «совершенно секретную» американскую книгу «Гитлеровские девки, оружие и гангстеры»⁵⁴³ в туалете отеля «Эден», где обедала с приятелем. Ей полагалось ее прочитать и отрецензировать. В довершение всего на книге имеется официальная печать АА. Она не решается признаться и отчаянно пытается ее найти, и одновременно поднять на ноги влиятельных друзей на тот случай, если ее внезапно схватят. Она даже рискнула позвонить одному человеку, которого видела всего два раза, — он работает в берлоге министра иностранных дел фон Риббентропа в Фушле. А когда наконец дали Фушль по междугородней связи, ее нельзя было разыскать, и мне пришлось делать вид, что я ничего не знаю.

Четверг, 18 ноября. Постепенно приучаюсь обходиться без обеда. Наша столовая совершенно отвратительна, хотя за тамошнее варево, именуемое *Mittagessen* [обед], у нас отбирают значительную часть наших талонов.

Готфрид Бисмарк возил меня по городу в связи с каким-то поручением. Он чувствует себя несколько неловко: наши родные — мои и Лоремари Шёнбург — по-прежнему благодарят его в письмах за предоставление нам крова в Потсдаме: за исключением Папá, живущего вместе со мной у Герсдорфов, они еще не знают, что мы переехали обратно в Берлин.

Большую часть послеобеденного времени занималась просмотром иностранных газет и журналов. Их подшивки имеются в моем прежнем бюро на Шарлоттенштрассе, и я туда регулярно хожу под разными благовидными предлогами.

Ужинала дома с Марией и Хайнцем Герсдорф; посреди ужина внезапно началась сильная стрельба. Подвала в доме нет, и мы поспешили укрыться в кухне, которая

представляет собой полуподвальное помещение с окнами, выходящими в маленький сад во дворе. Там мы просидели два часа. Поблизости загорелось несколько домов; было много грохота. Позже мы узнали, что до предместий Берлина долетело несколько сотен самолетов, но сквозь зенитный огонь прорвалось лишь около пятидесяти.

Попытка британского маршала авиации Харриса «поставить Германию на колени» состояла из нескольких крупных воздушных сражений, названных по их главным целям. Первым было «Рурское» весной 1943 г., сровнявшее с землей индустриальное сердце Германии, а заодно и такие города, как Кёльн, Майнц и Франкфурт. За этим в июле и августе последовало «Гамбургское». К осени 1943 г. бомбардировщики Харриса были готовы обрушиться на свою призовую мишень — столицу рейха. Того не подозревая, Мисси описала здесь первые залпы «сражения за Берлин».

Пятница, 19 ноября. Ужинала с Рюдгером фон Эссенем⁵⁴⁴ (из шведской миссии) и его женой Хермине. Они только что закончили отделку своей очаровательной квартиры неподалеку от нашего дома; у них там множество стекла и фарфора из Дании. По-моему, это несколько опрометчиво. Подали устрицы — угощение поистине царское! Пришла домой поздно, так как трамваи ходят лишь спорадически.

Воскресенье, 21 ноября. Ходила с Папá на литургию в большой русский собор около Темпельхофа. Пели прекрасно. С нами пошли Лоремари Шёнбург и ее раненый друг-офицер Тони Заурма⁵⁴⁵. На них служба тоже произвела большое впечатление, хотя Тони все время отвлекался, разглядывая русских женщин, которых в церкви было очень много. Некоторые из них прямо тут же кормили грудью детей. Их вывозят из оккупированных немцами областей России,

и их становится все больше. Некоторые работают в сельском хозяйстве, другие на военных заводах. Церковь по воскресеньям у них любимое место сбора — подозреваю, что это не столько от набожности, сколько оттого, что церковь напоминает им родину.

К этому времени немцы, с целью возместить свои огромные потери на Восточном фронте и освободить для боевой службы как можно больше лиц немецкой национальности, заманили ложными обещаниями, а чаще просто депортировали в Германию миллионы мужчин и женщин из всех оккупированных стран Европы, заставляя их работать в сельском хозяйстве, на шахтах и заводах, восстанавливать разбомбленные предприятия, железные дороги, строить береговые укрепления и т. п. К 1944 г. таких людей насчитывалось около 7,6 миллиона, что составляло четверть всей рабочей силы рейха. По меньшей мере одна треть была из Советского Союза — военнопленные (которых в противном случае ожидала голодная смерть в лагерях) или гражданские лица, так называемые ост'ы — от «ост-арбайтер» (то есть «восточные рабочие»), поскольку употребление слов «Россия» и «русский» запрещалось.

В церкви Лоремари заметила русского пианиста Огуза⁵⁴⁶, знакомого ей по Вене, и позвала его с нами в Потсдам к Бисмаркам. Мы отправились в двух машинах. (У Тони, как у раненого офицера, своя.) После нескольких рюмок коньяка Огуз стал играть — в основном русскую музыку. Он хороший пианист, но не очень приятный человек.

Незадолго до полуночи мне удалось убедить Тони и Лоремари поехать домой. Погода была прескверная. Тони заблудился и въехал на магистраль не там, где надо. Проехав порядочное расстояние, он понял, что ошибся, развернулся и тут же проколол шину. В довершение всего у него кончился бензин. Пока он менял колесо, мы с Лоремари пытались

позвать кого-нибудь на помощь. Пришлось ждать довольно долго, пока не появился встречный автомобиль. Мы замахали руками. Из машины вышли человек в штатском и шофер-эсэсовец; они согласились дать нам бензина, и, пока горючее переливалось в наш бак, мы посидели у них в машине и послушали радио. Человек в штатском поинтересовался, не артистки ли мы и из какой мы страны. Мы попробовали выяснить, кому возвращать бензин. Он сказал, что в этом нет нужды; что они едут из *Führerhauptquartier* [ставки фюрера]⁵⁴⁷, но себя так и не назвал.

Понедельник, 22 ноября. Я так устала после вчерашнего приключения, что сегодня собираюсь лечь спать в семь вечера. Ушла работать не позавтракав и сейчас сижу в бюро позже обычного, поскольку у нас назначено какое-то скучное совещание. Дождь льет как из ведра.

Сегодня день рождения Джорджи.

Вторник, 23 ноября. Вчера ночью была разрушена большая часть центра Берлина.

После обеда пошел сильный дождь. Меня послали за одним необходимым для совещания документом. У нашего нового начальника Бютнера мания устраивать совещания; он их созывает почти ежедневно. Вероятно, он любит просто «провести смотр своим войскам». По-моему, это пустая трата времени. По дороге я промокла и опоздала; совещание продолжалось до начала восьмого. Я бежала по лестнице, чтобы скорее попасть домой, когда швейцар остановил меня зловещими словами: «*Luftgefahr 15*» [«Угроза воздушного налета 15»]. Это означало, что приближаются крупные вражеские соединения. Я помчалась обратно, перескакивая через две ступеньки: предупредить тех, кто далеко живет, чтобы оставались на месте, не то попадут под бомбежку по дороге. Сирены завывали как раз в тот момент, когда я опять выходила на улицу. По-прежнему шел сильный дождь; я все же решила пойти пешком домой,

так как автобусы вот-вот должны были остановиться. По пути я бросила в почтовый ящик только что написанное длинное письмо Татьяне.

На улицах было полно народу. Многие просто стояли на месте, поскольку из-за дождя видимость была такая плохая, что никто не рассчитывал, что налет будет долгим или разрушительным. Дома меня ждала Мария Герсдорф, она сказала мне, что ее муж Хайнц только что звонил из *Stadtskommandatur* [штаба берлинского гарнизона], где он служит, и предупредил, что приближающиеся воздушные силы противника крупнее, чем обычно, так что налет может быть серьезным и он остается ночевать у себя в бюро. Я не успела поесть и умирала от голода. Мария попросила старую кухарку Марту разогреть суп, а я пошла наверх переодеться в брюки и свитер. Я также собрала кое-какие вещи в маленький чемодан, как теперь принято делать в подобных случаях. Папá был у себя, давал урок языка двоим молодым людям. Он сказал, что не желает, чтобы его беспокоили.

Я едва уложила вещи, как послышалась стрельба зениток. Они палили с самого начала очень яростно. Папá со своими учениками все-таки вышел, и все мы поспешно отправились в полуподвал за кухней, где мы обычно пережидаем налеты. Не успели мы туда добраться, как услышали гудение первых приближающихся самолетов. Они летели очень низко, и стрельба зениток вдруг потонула в другом звуке — разрыв бомб, сперва вдаль, а потом все ближе и ближе, пока не возникло ощущение, что бомбы падают буквально на нас. При каждом разрыве дом содрогался. Давление воздушной волны было невыносимо, шум — оглушающий. Я впервые поняла, что означает выражение *Bombenteppich* [бомбовый ковер]⁵⁴⁸, — союзники называют это «насыщенной» бомбардировкой. В какой-то момент посыпались осколки оконных стекол, и все три двери подвала

грохнулись на пол, сорванные с петель. Мы поставили их на место и прислонились к ним, чтобы они держались. Мое пальто осталось в прихожей, но я не решалась выйти за ним. У входа с шипением упала зажигательная бомба, и мужчины осторожно выбрались ее погасить. Неожиданно мы сообразили, что у нас нет под рукой воды на случай пожара, и спешно открыли все краны в кухне. Это на несколько минут приглушило шум, но ненадолго... Самолеты пролетали не волнами, как обычно, а непрерывно гудели над головой, и это продолжалось больше часа.

Тут пришла кухарка с моим супом. Я почувствовала, что если я его съем, то меня вырвет. Я не могла даже спокойно сидеть: вскакивала на ноги при каждом разрыве. Папá, как всегда невозмутимый, все это время сидел в плетеном кресле. Однажды, когда я вскочила после особенно оглушительного взрыва, он спокойно заметил: «Сядь! Сидя ты будешь дальше от потолка, если он обвалится». Но разрывы так быстро следовали один за другим и так нестерпимо оглушали, что в самые отчаянные мгновения я становилась у него за спиной и держалась за его плечи, как будто ища в этом спасения. Ну и буйабес⁵⁴⁹ же семейный вышел бы из нас! (*Bouillabaisse* — похлебка из нескольких сортов рыбы, распространенная на юге Франции.) Его ученики съежились в углу, а Мария стояла, прислонившись к стене, молилась за мужа и выглядела совершенно потерянной. Она все советовала мне держаться подальше от мебели, так как та может разлететься в щепки. Бомбы все сыпались, и когда рухнул соседний дом, Папá пробормотал по-русски: «Воля Божья!» И действительно, казалось, что нам нет спасения. Через час стало поспокойнее, Папá достал бутылку шнапса, и все мы сделали по несколько крупных глотков. Но тут же все началось снова... Гудение самолетов над нами прекратилось лишь около 9.30 вечера. Должно быть, их было несколько сотен.

В этот момент — чудо из чудес — раздался звонок телефона. Звонил Готфрид Бисмарк из Потсдама, спрашивая, все ли у нас в порядке. Они слышали, как тысячи самолетов летели прямо над головой, но из-за плохой видимости были не в состоянии сказать, причинен ли большой ущерб. Когда я сказала: «Это было ужасно!» — он вызвался приехать и забрать меня, но я ответила, что не стоит, так как худшее, видимо, позади. Он обещал выяснить, где находится Лоремари Шёнбург, и перезвонить.

Отбой дали лишь через полчаса после того, как улетел последний самолет, но задолго до этого нас убедил выйти из дома незнакомый морской офицер. Он сказал, что все это время ветра не было, а теперь поднялся сильный ветер, и пожары распространяются. Мы вышли на наш маленький скверик и увидели, что небо с трех сторон действительно кроваво-красное. Офицер объяснил нам, что это только начало; главная опасность наступит через несколько часов, когда пламя разгорится по-настоящему. Мария дала каждому из нас по мокрому полотенцу — защитить лицо, прежде чем выйти из дома. Разумная предосторожность: наша площадь была уже вся в дыму, трудно было дышать.

Мы вернулись в дом, и ученики Папá залезли на крышу разведать, где горит. Явился наш сосед, датский поверенный в делах Стеенсен-Лет, с бутылкой бренди. Когда мы стояли в гостиной, беседуя и время от времени подкрепляя себя глотком-другим, снова зазвонил телефон. Это был опять Готфрид, страшно встревоженный. Он позвонил домой к Берндту Мумму, у которого Лоремари обедала с Агой Фюрстенберг, но ему сообщили, что Лоремари ушла сразу же после отбоя, — куда, никто не знает. Готфрид думал, что она, возможно, пытается добраться до меня, но поскольку мы находимся в огневом кольце, то я сомневалась, что ей удастся пробиться.

Странно, но как только он повесил трубку, наш телефон забуксовал; то есть нам звонить можно было, а от нас — нельзя. Кроме того, отключились электричество, газ и вода, так что нам приходилось пробираться по комнатам чуть ли не на ощупь, с фонариками и свечами. Хорошо еще, что мы успели наполнить водой все имевшиеся в доме ванны, раковины и ведра. Ветер теперь уже угрожающе усилился и ревел, как шквал на море. Выглядывая в окна, мы видели непрекращающийся поток искр, падающий на наш и соседние дома; воздух становился все удушливее и горячее, в зияющие оконные проемы валил дым. Мы прошли по всему дому, и к облегчению своему, обнаружили, что, кроме разбитых окон и сорванных с петель дверей, ничто серьезно не пострадало.

Мы решили было перекусить бутербродами, но тут опять завывли сирены. Примерно полчаса мы стояли у окон в полном молчании. Казалось совершенно очевидным, что сейчас все начнется заново. Потом снова дали отбой. Видимо, прилетали разведывательные самолеты противника оценить масштабы разрушений. Мария, все это время молчавшая как бревно, вдруг расплакалась: ее муж все еще не давал о себе знать. Мне ужасно хотелось спать, но решили, что я буду дежурить у телефона. Я завернулась в одеяло и устроилась на диване, поставив аппарат на пол рядом с собой. Около часа ночи из Потсдама позвонили Готфрид и Лоремари. Нас тут же разъединили, но теперь, по крайней мере, мы могли больше за нее не беспокоиться.

К двум часам ночи я решила немного поспать. Пришел Папа и светил мне фонариком, пока я разувалась и пыталась мыться. К трем часам легла и Мария. Вскоре я услышала звонок телефона, а потом ее восторженный возглас: «Liebling!» [«Душка!»], означавший, что и с Хайнцем все в порядке. После этого она тоже заснула. Время от времени меня будил грохот рухнувшего по соседству здания или

взрыв бомбы замедленного действия; я вскакивала и сидела с бешено колотящимся сердцем. Пожар к этому времени уже разбушевался вовсю, и за окнами стоял рев, словно в поезде, идущем по туннелю.

Среда, 24 ноября. Сегодня рано утром я слышала, как Мария Герсдорф с большим беспокойством что-то говорит Папá. Загорелся соседний дом. Но я так устала, что снова заснула и проснулась только часов в восемь.

К этому времени ученики Папá, проведя ночь у нас на крыше, ушли, а Мария пошла за хлебом. Вскоре она вернулась, поддерживая пожилую женщину, закутанную в белый платок. Она столкнулась с ней на углу и, всмотревшись в перемазанное копотью лицо, узнала собственную восьмидесятилетнюю мать, которая всю ночь пробиралась к ней по горящему городу. Ее квартира сгорела дотла, пожарные прибыли слишком поздно и бросились спасать расположенную по соседству больницу (что им, слава Богу, удалось); но все остальные дома на улице выгорели. Скоро появился сам Хайнц Герсдорф. Он сказал, что поспешил домой, не заходя никуда по дороге, и потому результаты налета видел лишь краем глаза, но, насколько он может судить, район Унтер ден Линден (где расположено его бюро) пострадал не менее сильно, чем наш: французское и британское посольства, отель «Бристоль», Цейхгауз (арсенал), а также Вильгельмштрассе и Фридрихштрассе — везде большие разрушения.

К 11 часам утра я решила выйти и попробовать добратсья до своего министерства в надежде — как выяснилось, смехотворно оптимистической — броситься в горячую ванну. Надев брюки, обмотав голову шарфом и нацепив отороченные мехом защитные очки Хайнца, я пустилась в путь. Чуть только я вышла из дома, как меня окутал дым, на голову посыпался пепел. Я могла дышать только сквозь носовой платок и благословляла Хайнца за его очки.

Поначалу наша Войршштрассе выглядела еще ничего, но в одном квартале от нас, на углу Лютцовштрассе, выгорели все дома без исключения. Я пошла дальше по Лютцовштрассе и увидела, что там еще хуже; многие дома еще горели, и мне приходилось держаться середины улицы, что было не так легко из-за множества искореженных трамваев. На улицах было много народу, большинство куталось в шарфы и кашляло, осторожно пробираясь сквозь то, что осталось от каменных стен. В конце Лютцовштрассе, кварталах в четырех от моего министерства, рухнули все дома по обеим сторонам улицы, и мне пришлось перебираться на другую сторону через груды дымящегося камня, протекающих водопроводных труб и прочего мусора. До тех пор пожарных почти не было видно, но тут они работали молодцами — деловито вызволяя людей из подвалов. На площади Лютцовплац все дома сгорели. Мост через Шпрее стоял невредимый, но на другом берегу реки все дома были разрушены, стояли только наружные стены. Сквозь развалины пробиралось много автомобилей, отчаянно гудя. Какая-то женщина схватила меня за руку, крикнула, что стена шатается, и мы обе кинулись бежать. Я обратила внимание на тот самый почтовый ящик, куда я накануне бросила свое длинное письмо Татьяне; ящик стоял, но был смят в лепешку. Потом я увидела мой продовольственный магазин Краузе⁵⁵⁰, вернее, то, что от него осталось. Мария попросила меня на обратном пути купить продуктов, поскольку тот магазин, в котором были зарегистрированы ее карточки, был разрушен. Но теперь и от бедного Краузе уже не было и следа. *(Согласно немецкой системе карточного распределения продуктов каждый регистрировал свои карточки в определенном магазине и получал продукты только там.)*

Я все еще не могла представить себе, что мое министерство тоже, возможно, пострадало, но, завернув за угол,

увидела, что будка швейцара и прекрасный мраморный вход весело пылают. У ворот стояли Штремпель⁵⁵¹ (видный чиновник АА) и румынский советник Вальяну, окруженные кучкой его смуглых соотечественников. Вальяну бросился мне на шею, воскликнув: *«Tout a péri, aussi l'appartement des jumelles! J'emmène mon petit troupeau à la campagne, à Buckow»* [«Все погибло, и квартира двойняшек тоже! Увожу мою стаю в деревню, в Буков!»⁵⁵²]. У всех иностранных миссий теперь есть резервные резиденции за городом. Румынская миссия, чуть дальше по той же улице, действительно лежала в развалинах, как и финская. Я спросила Штремпеля, что нам делать. Он рявкнул на меня: «Вы разве не получили распоряжений на случай чрезвычайных обстоятельств?» «Разумеется, получила, — с показной смиренностью ответила я. — Нам предписано: кавычки — не впадать в панику и собираться у Зигесзойле⁵⁵³ (Колонна Победы на Оси Восток–Запад⁵⁵⁴), где нас погрузят на автотранспорт и вывезут из города — закрыть кавычки!» Он сердито пожал плечами и повернулся ко мне спиной. Я решила пойти домой.

Зрелище бесконечных рядов сгоревших или все еще горящих зданий наконец проняло меня: мне сделалось жутко. Целый район, где я хорошо знала многие дома, уничтожен за одну ночь! Я пустилась бежать и бежала не останавливаясь, пока опять не очутилась на Лютцовштрассе, где рухнуло здание как раз в тот момент, когда я пробегала мимо. Пожарный что-то крикнул мне и другим прохожим, оказавшимся поблизости, я не разобрала что, мы бросились наземь, я прикрыла голову руками, а когда стих грохот очередной рушащейся стены и нас покрыло известкой и пылью, я увидела на другой стороне лужи перепачканную физиономию графа К.-К. Хотя мы с Татьяной вот уже четыре года старательно отваживали его (он неравнодушен к хорошеньким девушкам и не всегда прилично

себя ведет), я, сказав себе, что в такие времена, как сейчас, «все люди братья», постаралась приветливо улыбнуться и воскликнула по-английски: «Hallo!» Он взглянул на меня холодно и спросил: «Кеппен wir uns?» [«Разве мы знакомы?»] Я решила, что теперь не время для формальных представлений, встала и пошла.

Дома меня ждал горячий суп. Папá взял мои защитные очки и тоже вышел на улицу поглядеть. Тут позвонил Готфрид Бисмарк и сказал, что заедет за мной в три часа. Я сказала ему, по каким улицам ехать, чтобы не застрять. Приехала на велосипеде сестра Марии, графиня Шуленбург⁵⁵⁵ (она замужем за двоюродным братом посла)⁵⁵⁶. Она живет на другом конце города, и они там, судя по всему, пострадали меньше нас. Утром к ней пришли трое рабочих вставлять новые окна взамен тех, что вылетели во время налета в августе, и хотя прошлой ночью без окон остался весь центральный Берлин, ее окна они починили.

У меня пока всего лишь одна материальная потеря: мой месячный рацион гарцского сыра. Я купила его вчера, и поскольку как запах, так и вид у него мерзкий, я выставила его за окно на наружный подоконник; утром его там не оказалось; должно быть, воздушная волна унесла его на какую-нибудь соседнюю крышу.

Когда Папá вернулся, я взяла опять очки и отправилась в наше другое бюро на Курфюрстенштрассе. Бывшее польское консульство на углу, где мы долго работали с Татьяной и Луизой Вильчек, ярко пылало, но стоящее рядом здание самого посольства выглядело нетронутым. Я проскочила мимо первого и вошла в подъезд второго, где собралась растерянная кучка людей. На лестнице сидели Адам Тротт и Лейпольдт, оба с перемазанными сажей лицами. Они провели там всю ночь, так как налет застал их на работе. Мы договорились снова встретиться там же на следующее утро в одиннадцать.

В три часа дня явился Готфрид на своей машине. Мы погрузили в багажник мои вещи, а также одеяла и подушку. Он объяснил, что его дом в Потсдаме уже переполнен друзьями, оставшимися без крова, и нам придется потесниться. Помимо Лоремари Шёнбург, там сейчас еще Эссены, которые явились посреди ночи мокрые, растрепанные и изнуренные.

Когда начался налет, Рюдгер Эссен был у себя на работе, на той же улице, что и наше министерство. Хермине была дома (она вскоре ожидает ребенка). Он позвонил ей и велел немедленно прибыть в посольство, под зданием которого шведские рабочие только что построили бетонный бункер со стенами два с половиной метра толщиной. До прошлой ночи не пострадала ни одна дипломатическая миссия и ни один жилой дом дипломатов, так что они, должно быть, вообразили, что их «дипломатическая неприкосновенность» оберегает их также и от бомб! Хермине благополучно добралась до бункера, но когда после отбоя они вылезли наружу, то посольство пылало, как факел. Несколько часов они спасали самые ценные архивы, а потом вскочили в машину и помчались домой. Дома, однако, уже и спасать было нечего, тогда они снова сели в машину и поехали по горящему городу прямо к Бисмаркам в Потсдам.

Мы заехали за Рюдгером и отправились ко все тлеющей шведской миссии за теми его вещами, которые там оставались. Пока Рюдгер находился в здании, мы с Готфридом вышли из машины, чтобы заново уложить вещи в багажнике. И тут я увидела, что к нам нетвердой походкой приближается закутанная в дорожную меховую шубку Урсула Гогенлоэ⁵⁵⁷, знаменитая берлинская красавица. Прическа ее была в полном беспорядке, косметика потекла. Она остановилась возле нас и зарыдала: «Я все потеряла! Все!» Она пыталась теперь добраться до каких-то испанских друзей, обещавших вывезти ее за город. Мы сообщили ей, что

испанское посольство тоже разрушено. Она повернулась, не сказав ни слова, и заковыляла прочь в направлении дымящегося Тиргартена. Сзади из ее шубки был выдран большой кусок меха.

Скоро вернулся Рюдгер, и мы стали пробираться по Будапештерштрассе между группами людей, тащивших детские коляски, матрацы, всяческую мебель и тому подобное. Татьянин любимый антикварный магазин «Брандл» еще горел; внутри языки пламени вились по занавескам и на хрустальных люстрах. Поскольку большую часть товаров в этом магазине составляли шелк и парча, розовое пламя выглядело очень нарядно, даже роскошно. Вся Будапештерштрассе была опустошена, за исключением отеля «Эден»; в нем мы и условились всем встретиться на следующий день. Потом мы повернули на Ось Восток-Запад. Там мы глазам своим не поверили: по обеим сторонам улицы не осталось ни одного дома.

Когда мы добрались до Потсдама, то в первый момент от свежего, холодного воздуха у меня закружилась голова. В «Регирунге» (маленьком дворце, где расположена и канцелярия и официальная резиденция Бисмарков)⁵⁵⁸ хлопотала жена Готфрида Мелани, стелившая постели. Хермине Эссен сидела в своей постели со свежeweымытыми волосами, всклокоченными, как у маленькой девочки. Я тоже приняла ванну. Лоремари оттирала меня, и вода сделалась черная! Мелани совершенно выведена из себя сажей и грязью, которые с каждым новоприбывшим поступают в их доселе безукоризненно чистый дом.

Мы только кончили ужинать, как дали заказанный нами междугородный разговор с Кенигсвартом, и мы смогли успокоить Татьяну и Мамá; они весь день пытались с нами связаться, но безуспешно. Сразу же после этого Готфриду сообщили, что к Берлину опять направляются мощные воздушные силы противника. Я позвонила Герсдорфам

и Папа предупредить их. Мне было немного стыдно передавать эту дурную весть в то время, как сама я нахожусь в безопасности, но, по крайней мере, они успеют одеться. И действительно, через некоторое время завывли сирены. Другие остались в гостиной, но мы с Лоремари, все еще не оправившиеся от событий прошлой ночи, пошли наверх в комнату брата Мелани Жана-Жоржа, откуда лучше видно. Самолеты летели над Потсдамом волна за волной, но на этот раз они направлялись дальше на запад, в сторону Шпандау, и мы немного успокоились. Налет продолжался около часа, после чего мы, безмерно уставшие, легли спать.

Четверг, 25 ноября. Сегодня утром мы с Лоремари Шёнбург встали рано. Эссены обещали подвезти нас в город на своей разбитой машине, так как Хермине вылетала к себе домой в Стокгольм. Дверцы машины заклинило, пришлось забираться через окна. Ветровые стекла тоже были разбиты, по краям оставалось много осколков, и по дороге они то и дело летели нам в лицо, но мы закутали головы как могли. Нам надо было быть на работе к 11 утра, но поскольку Рюдгер хотел сменить свой автомобиль на более исправный в каком-то гараже близ Халлензее, мы сделали крюк в этом направлении.

Скоро мы поняли, что вчерашний налет все-таки причинил городу новые разрушения. Мост Халлензее, правда, был цел, но все дома вокруг выгорели. Гараж Рюдгера был весь разбит и пуст. Мы поехали по Паризерштрассе. Эта часть города выглядела немного лучше, хотя и запущенно. Но когда мы добрались до отеля «Эден», то с изумлением увидели, что он сильно изменился за прошедшие 24 часа. Стены пока стояли, но окон уже не было, а оконные проемы были заткнуты матрацами, кусками мебели и прочими обломками. Позже мы узнали, что в крышу угодили три фугаса, разрушив все внутри и оставив одну коробку. Уцелел только бар, служивший по совместительству

и бомбоубежищем — к счастью, поскольку во время налета он был полон народу. Зоопарк на другой стороне улицы сильно пострадал. Бомба попала в аквариум, уничтожив всех рыб и змей. Сегодня рано утром застрелили всех диких зверей, так как их клетки были повреждены и побоялись, что они разбегутся. Впрочем, крокодилы так и сделали, они пытались нырнуть в Шпрее, но их вовремя поймали и тоже застрелили⁵⁵⁹. Представляю, что это было за зрелище! Покинув «Эден», мы условились встретиться в пять часов пополудни у шведского посольства, чтобы вернуться в Потсдам всем вместе.

Нас высадили на Лютцовплац, и, кутая лица в большие мокрые полотенца (многие здания все еще горели, и дышать было нечем), мы отправились в министерство. Там мы застали тот же хаос; никто не знал, что будет с нами дальше; кто-то говорил, что мы немедленно выедем в наши *Ausweichquartier* [загородные убежища]. Говорили, что министр иностранных дел фон Риббентроп в городе; он даже посетил некоторые дипломатические миссии, когда они горели. Прошел слух, что он лично участвует в обсуждении вопроса «Куда теперь отсюда» на совещании в том, что осталось от комплекса Министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе. Побеседовав немного с разными коллегами, которые всё подходили и подходили, одетые в самые несуразные наряды, так как большая их часть потеряли все свое имущество, я подстерегла начальника нашего технического отдела, присутствовавшего на нашем последнем совещании в день первого налета. Он сказал мне, что спас мой велосипед, обнаружив его стоящим во дворе, но что он пока оставит его себе, потому что ему больше не на чем добираться. Я нашла, что это вполне справедливо, поскольку я уже все равно смирилась с мыслью, что велосипед пропал, но интересно, что скажет Готфрид: велосипед-то его! В конце концов нам сказали

снова собраться завтра в 11 утра, когда, возможно, что-то наладится.

Когда мы уже собрались расходиться, неожиданно появился Папá. Выглядел он ужасно, волосы растрепаны, лицо серое. Он явно сердился, что я не сочла нужным сперва заехать к Герсдорфам. Я же не подумала, что наш дом мог опять пострадать от бомбежки, и собиралась зайти туда просто так, мимоходом. Оказалось, на этот раз одна бомба упала прямо за домом Герсдорфов; все двери и окна вылетели, крыша и частично стены обвалились, и они все это время тушили пожар. Но на сей раз с меньшим успехом; а дом напротив, на той стороне нашего маленького скверика, сгорел дотла.

Затем Папá, Лоремари и я вернулись на Войршштрасе. Зрелище было поистине ужасающее. Так как большинство берлинских булочных было разрушено или закрылось, я закупила в Потсдаме несколько буханок белого хлеба, и мы наскоро поели супа. Потом Лоремари отправилась на поиски каких-то своих пропавших друзей, а я до вечера занималась тем, что забивала оконные проемы картоном и коврами для защиты от холода и дыма. Восьмидесятилетняя мать Марии⁵⁶⁰, как всегда бесстрашная, настояла на том, чтобы мне помочь: я взгромоздилась на лестницу, а она подавала гвозди. Еще мне помогала англичанка, которой принадлежал сгоревший напротив дом. Ей не удалось спасти ничего, и она в скором времени уезжала за город.

Со вчерашнего дня постоянно заглядывают люди с других концов города, как правило — пешком, для того, чтобы узнать, как мы тут. Почти все сходятся на том, что хотя бомбили весь Берлин, но наш район, дипломатический сектор у Тиргартена и Унтер ден Линден пострадали больше всего. Приезжал на военной машине с ординарцем подполковник фон Герсдорф⁵⁶¹ (родственник Хайнца), они смогли устроить временную крышу, забив дыры досками.

Хотя в то время Мисси, конечно, этого не знала, подполковник (впоследствии генерал-майор)⁵⁶² барон фон Герсдорф был в числе военных, рано примкнувших к заговору против нацизма. В марте 1943 г. на церемонии в берлинском Арсенале он сам готовился убить Гитлера. Он оказался одним из немногих выживших видных участников заговора.

Потом я отправилась искать Дики Вреде. Вчера, когда мы проезжали по Раухштрассе, я видела, что ее дом сгорел, а когда я заглянула туда сегодня, там не было ни души. Я все же вошла. Ее квартира находилась на первом этаже, и я подумала: вдруг остались какие-нибудь вещи, я бы их взяла и сберегла. Но когда я стояла в холле и смотрела на разрушенную лестницу, раздался грохот, и сверху обрушилась обгоревшая балка. Я отскочила и выбежала на улицу. После этого я зашла к Альбертам, их соседний дом уцелел.

Госпожа Альберт⁵⁶³ — американка, вышедшая замуж за немецкого промышленника, владельца химических заводов в Рейнланде⁵⁶⁴. Когда началась война, их сын⁵⁶⁵ приехал из США и вступил в немецкую армию, оставив в Калифорнии жену и детей. Есть еще дочь, Ирена⁵⁶⁶, одаренная гитаристка и певица, с которой мы давно дружим.

Я застала мать и дочь в подъезде. Они бросились обниматься и объявили, что надеются выехать в Мариенбад, знаменитый курорт в Судетской области (расположенный, кстати, неподалеку от меттерниховского Кенигсварта), и что Папа следовало бы поехать с ними. У них была машина и кое-какой запас бензина, но не было водителя. Однако поскольку их дом заняли оставшиеся без крова шведы, то они надеялись, что в знак благодарности шведы дадут им шофера. Они уговаривали ехать и меня, но меня вряд ли отпустят. По иронии судьбы они только вчера приехали из Рейнланда, и тут же налет, который они просидели у себя в подвале.

Я вернулась на Войршштрассе и сообщила Папá об этом новом плане, но он отказывается ехать без меня, а так как у него нет иных причин оставаться в Берлине, то я решила выпросить отпуск на несколько дней. Потом я взяла Папá с собой в шведское посольство, откуда мы все с Рюдгером Эссеном поехали обратно в Потсдам. Папá не спал две ночи и был совершенно изнурен. Бисмарки приняли его весьма радушно; мы приготовили ему постель, и он с наслаждением принял горячую ванну.

Не успели мы пообедать, как завывли сирены. Но это были опять разведывательные самолеты, высматривающие разрушения вчерашнего налета.

Пятница, 26 ноября. Сегодня в восемь утра Папá, Лоремари Шёнбург и я возвратились в Берлин. Поскольку мы предполагали, что, возможно, поедem с Альбертами в Мариенбад, то уложили чемоданы. Я постаралась взять с собой минимум вещей, упаковав все остальное в два больших чемодана, которые я оставила в подвале у Бисмарков. Машина Рюдгера Эссена была набита шведами, так что мы сели на электричку, так называемую С-бан⁵⁶⁷, сделали пересадку в Ванзее и вышли на Потсдамер Плац. Электричка была полна пассажиров, на каждой станции с боем врывались все новые и новые, так как это была, кажется, единственная еще работающая линия. Станция Потсдамер Плац — подземная, там было все еще безукоризненно чисто, белый кафель и тому подобное. Тем заметнее был контраст, когда мы вышли на улицу: весь район представлял собой одну огромную массу дымящихся развалин, сгорели все большие здания, окружающие площадь, за исключением отеля «Эспланад»⁵⁶⁸, который выглядел помятым, но все-таки сравнительно целым, хотя, разумеется, без единого оконного стекла.

Мы пошли к Альбертам, таща свой багаж по грязи и пеплу Тиргартена. Дома со всех сторон были черные и дымилась. Парк выглядел как поле битвы во Франции в войну

1914–1918 годов, деревья стояли голые и мрачные, всюду валялись обломанные сучья, через которые приходилось перешагивать. Что, интересно, произошло со знаменитыми рододендронами, подумала я, и что со всем этим будет весной? Общественного транспорта не было никакого, так что весь путь пришлось проделать пешком.

Как это ни странно, за последние два дня вновь появились выросшие вдруг, как грибы, частные машины. До сих пор их прятали — несомненно, в предвидении именно подобных обстоятельств. Большая их часть без номеров, но никого не останавливают. Напротив, издано распоряжение о том, что все наличные средства передвижения должны подвозить всех, кого могут, так что, несмотря на повсеместные разрушения, берлинское уличное движение постепенно приобретает почти довоенный облик. К сожалению, нам не везло: все попадавшиеся машины были уже полны. В одном месте нас остановил необыкновенной наружности солдат — должно быть, только что призванный: нечто среднее между декадентствующим эстетом и комиком из кабаре. Изящно жестикулируя, он посоветовал нам не идти дальше, так как перед шведским посольством упало пять бомб замедленного действия. Мы повернули на Бендлерштрассе, где расположено ОКХ (Главное командование сухопутных сил)⁵⁶⁹. Вернее, располагалось, так как их тоже разбомбили, и теперь десятки офицеров и солдат в серо-зеленой армейской форме копошились среди обломков, спасая архивы. Дойдя до Военно-морского министерства, расположенного несколько дальше на той же улице, мы увидели совершенно ту же картину, с той разницей, что всей этой акробатикой в развалинах занимались офицеры и матросы в темно-синем. Забавно, что единственные иностранные миссии, не слишком пострадавшие от бомб союзников, — это посольства их противников, японцев и итальянцев! А между тем, будучи недавно построены

и к тому же гигантского размера, они представляют собой идеальные мишени.

В рамках своего плана превратить Берлин в образцовую столицу своего «тысячелетнего рейха»⁵⁷⁰, Гитлер избрал район Тиргартена, некогда место охоты прусских королей, для нового дипломатического квартала. В 1938 г. началось строительство ансамбля новых посольств, выдержанных в безличном монументальном стиле, столь любимом самим Гитлером и его главным архитектором Альбертом Шпеером. Самыми большими были итальянское и японское посольства, как и подобало главным союзникам Германии. Законченные лишь в 1942 г., оба все же тоже сильно пострадали — в последние недели войны — от бомб союзников и от уличных боев.

Почти через час ходьбы мы добрались до Альбертов, где узнали, что в последний момент все застопорилось: шофера шведы нашли, но он не ел чуть ли не четыре дня; они попытались взбодрить его, дав ему не только еды, но также и коньяк, и теперь он был мертвецки пьян и ни на что не годен. Мы сказали, что вернемся после обеда, как только я получу официальное разрешение уехать.

После этого мы с Лоремари прошли по Ландграфенштрассе, поскольку нам сказали, что разбомбило дом Кикера Штумма. Хотя его единственный брат был убит во Франции, Кикер сейчас в России. На его улице не осталось ни одного целого дома, и когда мы дошли до его здания, мы побоялись самого худшего, так как на этом месте торчали одни наружные стены. Мы спросили каких-то пожарных, живы ли жильцы. Кажется, да, сказали они, но вот их соседей завалило в подвале, и их все никак не удастся откопать. «А вон те, — показали они на большое шестиэтажное здание на другой стороне улицы, — те все погибли, все триста!» Прямое попадание в подвал. Мы прошли

на Курфюрстенштрассе, где у нас друзья почти в каждом доме; большую их часть тоже разбомбило. Огромный гранитный многоквартирный дом Оярсабаей превратился в кучу камня. Угол Неттельбекштрассе (включая наш любимый ресторанчик «Таверна») был буквально стерт в порошок, оставались лишь небольшие кучки мусора. Всюду, куда ни посмотри, пожарные и военнопленные, в основном так называемые итальянцы Бадольо, занимались накачкой воздуха в развалины, что означало, что в засыпанных подвалах кто-то еще жив.

После капитуляции Италии в сентябре 1943 г. всех итальянских военнослужащих на оккупированных немцами территориях поставили перед выбором: либо служить муссолиниевской «республике Сало», либо быть интернированными и выполнять тяжелые работы. Последние были известны как «итальянцы Бадольо».

Перед одним из разрушенных зданий собралась толпа: все смотрели на девушку лет шестнадцати. Она стояла на куче камня, поднимала кирпичи один за другим, тщательно вытирала с них пыль и снова выбрасывала. Нам сказали, что вся ее семья погибла под развалинами и она сошла с ума... Эта часть города выглядела просто кошмарно. В некоторых местах нельзя было даже сказать, где проходили улицы, и мы перестали понимать, где мы находимся. Но в конце концов мы добрались до Раухштрассе и до своего бюро.

Оно чудом уцелело. Внизу я встретила одного из наших кадровиков. Я сказала ему, что у меня есть пожилой отец и я имею возможность вывезти его из города. Сначала он не хотел давать мне разрешение, но, услышав, что мы *Bombengeschädigte* [пострадавшие от бомбардировки] — спасительный термин в подобные времена! — согласился. Я заверила его, что вернусь, как только понадобится, и, дав ему

адрес и телефон Татьяны, поспешила уйти, пока он не передумал.

Пообедав горячим супом рядом у Герсдорфов, мы с Лоремари продолжили наш обход, обследуя город улица за улицей в поисках пропавших друзей.

В эти последние дни на почерневших стенах разрушенных домов появились бесчисленные надписи мелом: «Liebste Frau B, wo sind Sie? Ich suche Sie überall! Kommen Sie zu mir. Ich habe Platz für Sie» [«Дорогая фрау Б., где вы? Я ищу вас повсюду. Переселяйтесь ко мне. У меня есть для вас место»], или «Alle aus diesem Keller gerettet» [«Из этого подвала всех спасли!»], или «Mein Engelein, wo bleibst Du? Ich bin in grosser Sorge. Dein Fritz» [«Ангелочек мой, куда ты пропала? Я страшно беспокоюсь. Твой Фриц»] и т. п. Постепенно, по мере того как люди возвращаются к себе домой и читают эти надписи, появляются под ними ответы — тоже мелом. Таким путем мы узнали о местонахождении нескольких наших друзей. Когда же мы добрались до развалин нашего бюро, то, найдя в куче камня мел, мы написали большими печатными буквами на столбе у самого входа: «Missie und Loremarie gesund, befinden sich in Potsdam bei B.» [«Мисси и Лоремари здоровы, находятся в Потсдаме у Б<исмарков>»]. Нашему начальству это, несомненно, не понравилось бы, но мы думали прежде всего о всевозможных наших поклонниках, имеющих привычку звонить нам в любое время дня и которые, быть может, будут нас разыскивать.

Внезапно появился на своей машине Мойно из испанского посольства. Он рассказал мне, что его посол и многие другие испанцы в ту первую ночь обедали в отеле «Эден» и что, к счастью, Мария-Пилар Оярсаль и ее муж не успели побежать домой, потому что, когда их дом обрушился, все в подвале дома погибли, включая и их слуг. Федерико Диес (другой испанский дипломат) находился дома, и когда

его дом загорелся, как и соседние здания, и люди повалили на улицу, он вытащил свой фамильный коньяк (они известные виноделы) и начал всех угощать.

Около 4 часов пополудни я вернулась к Альбертам ожидать развития событий. Дом Альбертов был как ледник, поскольку стеклянная крыша и окна разлетелись вдребезги и все двери слетели с петель. Мы сидели на кухне в пальто и мерзли, а грузинский друг Альбертов, князь Андронников, собиравшийся ехать с нами в Мариенбад, сидел в гостиной, закутанный в шарфы, в низко надвинутой на глаза шляпе, и весь вечер превосходно играл на рояле. Во время первого налета бедняге удалось спастись из горящего отеля вместе со всеми вещами и найти комнату в «Эдене». Но на следующий день «Эден» разбомбило и князь остался в чем был. Он особенно сокрушался об утрате четырех пар новехоньких ботинок.

Пока мы сидели и ждали, в комнату ворвалась Ага Фюрстенберг, бросилась мне на шею и завопила: «Missie, ich dachte Du bist tot!» [«Мисси, а я думала, ты погибла!»] После первого налета, вернувшись домой, она обнаружила вместо дома, где они с Дики Вреде жили, груды развалин. Целые сутки она думала, что потеряла все, но потом случайно встретила брата Мелани Бисмарк Жана-Жоржа Хойоса, который сообщил ей, что кое-что из ее вещей удалось спасти, и теперь она воспрянула духом.

Не успела уйти Ага, как приехала на машине киноактриса Дженни Джуго. Она обняла меня и сообщила, что Дики Вреде теперь живет у нее в Кладове и что она приехала за ее вещами. Так постепенно начинаешь узнавать, кто из друзей где находится, но прогресс весьма медленный; и часто новости ужасающие.

После первого налета Папá пошел провести одних русских друзей, Дерфельденов⁵⁷¹. Их дом рухнул. Мужа вытащили из подвала живым, но ее откопали лишь спустя

много часов — без головы. Бедная женщина всегда страшно боялась воздушных налетов и каждый раз непременно тащила с собой в подвал большое Евангелие. Хотя мне делается все страшнее и страшнее, я почему-то думаю, что меня такой финал не ожидает.

После того как мы прождали, казалось, многие часы, шведы сообщили нам, что наш отъезд откладывается еще на сутки.

Папá вернулся в Потсдам ночевать, а я пошла к Герсдорфам выпить чаю. У них был теннисный чемпион Готфрид фон Крамм. Он только что прибыл из Швеции и при виде города, по его словам, чуть не разрыдался. Потом на военной машине приехал старый барон Икскуль⁵⁷² в пальто своего швейцара (он служит в абвере⁵⁷³). Он сражался с огнем на крыше своего дома до рассвета — безуспешно. Его квартира находилась на верхнем этаже; у него было замечательное собрание книг, но ничего спасти не удалось. Куда там: одна женщина в здании сторела заживо. Я разминулась с Рюдгером Эссеном, и пришлось возвращаться в Потсдам поездом. К счастью, Икскуль подвез меня до станции Шарлоттенбург. По дороге, совершенно невозмутимый, он предложил мне билеты на концерт Караяна в следующее воскресенье. Бисмарки не особенно удивились моему появлению.

Ночью опять была тревога, но ничего серьезного.

Суббота, 27 ноября. Утром Лоремари Шёнбург, Папá, Готфрид Крамм (приехавший ночевать в Потсдам) и я снова залезли в машину Рюдгера Эссена. Эссен уезжал в Швецию.

По всему городу продолжают пожары на задворках, и, судя по всему, потушить их не удастся. Горят только что доставленные на зиму запасы угля! Мы часто останавливаемся возле них погреть руки, потому что в эти дни в домах холоднее, чем на улице.

Около полудня, прихватив свою обычную теперь поклажу — белый хлеб из Потсдама, я зашла к Герсдорфам и застала там Готфрида Бисмарка. Мы, как всегда, пообедали супом. Дом Герсдорфов — единственный теперь, где, несмотря на холод и сквозняки, можно немного передохнуть.

В разгар «обеда» появились Лоремари и Тони Заурма. Бедный юноша никак не может прийти в себя. Накануне он вывозил свою роту в небольшую деревню, куда их эвакуировали. Во время ночного налета (о котором я написала «ничего серьезного») убило его водителя, а его самого завалило в подвале рухнувшего дома; ему удалось выбраться только на следующее утро. Он теперь объявил — это так типично для нашего времени! — что только что купил сотню устриц; мы с Лоремари тут же вскочили к нему в машину и все вместе поехали к нему на квартиру за устрицами.

Мы проезжали Виттенбергплац, которую я не видела с начала налетов. Вся огромная площадь была усеяна останками сожженных трамваев и автобусов — это крупный транспортный узел. Бомбы падали везде, даже на станцию метро, а от KDW — большого универмага — остался один скелет. По пути мы увидели на велосипеде Зигрид Герц. Я поздравила ее, так как ее дом был одним из немногих, еще уцелевших, но она рассказала, что в ее спальню на верхнем этаже угодила фосфорная зажигалка и вся ее одежда сгорела. Она теперь переехала к друзьям в Грюневальд. Я припомнила, какие у нее были чудные меховые шубки! Дальше по пути нас остановил пожарный и попросил подвезти какую-то женщину со множеством узелков до станции Шарлоттенбург. Мы это сделали и потому к Тони попали не скоро. Немного устриц мы съели тут же, запивая их коньяком. Я не представляла себе, как трудно их открывать, и порезалась. Остальное, вместе с кое-каким вином,

мы увезли к Марии, где пир продолжался, причем все время кто-нибудь заходил и присоединялся. Так продолжалось допоздна с множеством порезанных пальцев, так как никто не умел вскрывать устриц.

На утро после первого налета у меня была назначена примерка шляпки в магазинчике неподалеку. Кругом все горело, но мне была очень нужна эта шляпка, и вот теперь я пошла и позвонила в дверь. Чудо из чудес: меня встретила улыбающаяся продавщица. «Durchlaucht können anprobieren!» [«Ваше сиятельство могут примерить!»] Я примерила, но, поскольку я была в перепачканных брюках, эффект было трудно оценить. Затем Тони и Лоремари отвезли меня к Альбертам, где, наконец-то, в 4 часа пополудни у дверей появился грузовик. Он вез за город мебель и чемоданы членов шведской колонии, и посланник разрешил и нам уехать с ним. Нас должны были посадить на ближайшей железнодорожной станции за городской чертой, откуда мы должны были сами добираться, объезжая Берлин до железнодорожной магистрали, идущей на юг. Г-жа Альберт села впереди рядом с двумя шведами-водителями в касках, а остальные — Папá, князь Андронников, Ирена Альберт и я — устроились сзади. Мы сидели на вещах, посреди чемоданов и корзин, с моей новой шляпкой в картонке; не хватало только пресловутой канарейки! Третий швед сел с нами, брезент застегнули, погрузив нас в полную темноту, и мы тронулись.

Мы ничего не видели и поэтому не знали, куда едем, но по истечении часа тряски по скверной дороге прибыли в деревню под названием Тойпиц⁵⁷⁴, в 63 километрах от Берлина, где нас пригласили сойти.

Так как у нас у всех были бирки с надписью *Bombengeschädigte* и благодаря нашим водителям все принимали нас за шведов, то в чистеньком местном «гастхаузе» (гостинице) согласились предоставить нам ночлег. Окруженные

своим багажом, мы собрались в пивном зале. Пока нам готовили комнаты, мы получили на ужин настоящего чаю и съели предусмотрительно взятые с собой бутерброды с тунцом, запив их шампанским из большой бутылки. В разгар этого «ужина» раздался сигнал воздушной тревоги — во дворе заиграл на своего рода горне сын хозяина гостиницы. Мы намеревались, несмотря ни на что, пойти наверх спать, но местные жители, явно относящиеся к налетам серьезно, так неодобрительно на нас посмотрели, что мы остались на месте. Вообще-то, они, вероятно, были правы, так как в конце концов мы находились совсем недалеко от Берлина, а опыт Тони Заурма показывает, что даже в отдаленных деревнях отнюдь не безопасно. Очень скоро началась стрельба, а потом мы услышали уже столь знакомое теперь гудение самолетов над головой. Самолеты сбросили поблизости несколько бомб, после чего все мы спустились в весьма жуткого вида подвал со множеством труб отопления и котлов. Г-жа Альберт выбрала момент, когда стрельба была особенно интенсивной, чтобы произнести по-английски с сильным американским акцентом: «Одним можем гордиться... Мы только что были свидетелями одного из величайших бедствий в современной истории!»⁵⁷⁵ Бесспорно!

Должна признаться, что за эти последние ночи я сделалась довольно пугливой, и даже на этом расстоянии чувствовалось, что налет опять крупный. Позже мы узнали, что бомба попала в дом с аркой, сквозь которую проходят на наш маленький скверик. Мария и Хайнц Герсдорф укрылись как раз в подвале этого дома: им показалось, что там безопаснее, чем в их собственном полуподвале. Тем не менее дом рухнул, и их завалило. Правда, утром их, к счастью, откопали невредимыми.

После отбоя нас провели в наши комнаты — одну для нас, трех женщин, другую для Папа и Андронникова. Постели были сырые, но удобные, с толстыми пуховыми

одеялами, а г-жа Альберт почти всю ночь громко храпела. Вообще-то, это был рай, так как мы уже смирились с перспективой спать на полу до самого Кенигсварта.

Воскресенье, 28 ноября. Встали рано, чтобы успеть на автобус до ближайшей железнодорожной станции. Автобус был так набит, что мы едва втиснулись. Однако мы все-таки успели к поезду и через два часа были на станции Коттбус (крупный железнодорожный узел к югу от Берлина). Скорый на Лейпциг ушел у нас буквально перед носом, потому что мы замешкались, перетаскивая наш багаж через пути. К счастью, нам помогли какие-то ребята из гитлерюгенда⁵⁷⁶. Они понесли все вещи и отвели нас в специальный зал ожидания для *Bombengeschädigte*, где мы несколько часов прождали следующего поезда и где нам предложили изумительные бутерброды с колбасой и толстым слоем масла, а также наваристый суп, и все бесплатно! Это работа NSV [*Nationalsozialistische Volkswohlfahrt*⁵⁷⁷, национал-социалистическая организация «народного благосостояния»], которая показала себя весьма эффективной в данных чрезвычайных обстоятельствах. В Берлине эта NSV в первый же день налетов организовала на каждой разбомбленной улице полевые кухни, где в любое время дня любой прохожий мог получить вкусный суп, настоящий крепкий кофе и сигареты, тогда как в магазинах ничего этого не достать.

Наконец, в час дня мы сели в еле ползущий поезд до Лейпцига. Большую часть пути мы стояли и прибыли в шесть. К этому времени мы ехали уже 24 часа (вместо обычных двух!). Всю дорогу нас постоянно смущали Альберты, которые никак не могли отказаться от привычки переговариваться по-английски, громко крича с одного конца вагона на другой: «Honey!» — «Yes, lovey!» — «Are you all right?» [«Лапочка!» — «Да, душечка!» — «Как ты там?»] Папá был в холодном поту, но остальным пассажирам это было, по-видимому, все равно, и неприятностей не было.

В Лейпциге мы пошли прямо в вокзальный ресторан, где смогли немного привести себя в порядок и очень прилично поужинать венскими шницелями, запив их вином. Был даже оркестр, игравший Шуберта! Когда получасом позже подошел берлинский экспресс, он был, разумеется, полон, и нам пришлось буквально кулаками пробиваться в вагон. Прямо передо мной какую-то женщину толкнули на рельсы и вытащили обратно за волосы. Было довольно досадно слышать, что некоторые пассажиры преспокойно сели на этот поезд в Берлине каких-нибудь два часа назад. Правда, Геббельс недавно издал распоряжение, предписывавшее всем молодым людям оставаться в Берлине⁵⁷⁸, и мы с Иреной опасались, что нас не пропустят на вокзал.

Мы надеялись, что в Эгере нас встретит машина Меттернихов, но ее не оказалось, и пришлось еще два часа ждать местную электричку, которая доставила нас в Кенигсварт только в пять утра. Нас ждал холодный ужин. Потом я легла в Татьянину постель, и мы болтали почти до рассвета.

Приписка Мисси, сделанная ею тогда же:

«Я воспользовалась передышкой после нашего приезда в Кенигсварт, чтобы описать происшедшее за последние дни, а то все забудется. Но, спустившись как-то поужинать, я по рассеянности оставила единственный свеженапечатанный экземпляр поверх корзины с дровами рядом с письменным столом. Когда я вернулась, рукописи уже не было. Оказывается, добросовестная горничная, прибирая комнату, выбросила ее в печь: я тут же села и все переписала заново, зная прекрасно, что, если отложу на потом, я этого никогда уже не сделаю».

Между первым массированным налетом на Берлин 18 ноября 1943 г. и завершением регулярных воздушных атак в марте 1944 г. (хотя город время от времени продолжали бомбить

вплоть до взятия его Красной армией в апреле 1945 г.) Берлин бомбили 24 раза. К концу этого периода в каждом налете участвовало около тысячи самолетов, сбрасывавших от одной до двух тысяч бомб. Итог? Большая часть зданий превратилась в груду кирпича и камня; десятки тысяч жителей были убиты или искалечены, а без крова осталось около 1,5 миллиона (причем эта цифра не включает многих тысяч военнопленных и иностранных рабочих, учета потерь которых никогда не вели)⁵⁷⁹. И все же немецкая противовоздушная оборона — тщательно разработанное сочетание мощной зенитной артиллерии с действиями ночных истребителей, снабженных радарам, — оказалась столь эффективной, что, по словам британского историка Макса Хейстингса⁵⁸⁰, «воздушное сражение за Берлин было не просто безуспешным. Оно оказалось проигранным... Берлин победил. Это был слишком крепкий орешек» («Бомбер команд», Лондон, 1979). Действительно, разработанная маршалом Харрисом «насыщенная бомбардировка» целых районов (официальный термин союзников), она же «террористическая бомбардировка» (как ее не без основания окрестила нацистская пропаганда) нигде не достигла намеченных целей. Несмотря на все причиненные материальные разрушения, включая уничтожение многочисленных сокровищ мировой цивилизации (отсюда еще одно ехидное выражение немецкой пропаганды — «бомбардировка по Бедкеру»⁵⁸¹ (намек на известный путеводитель!), несмотря на все потери гражданского населения (причем очень часто погибшие были стариками или детьми, не работавшими на производстве), многие важнейшие объекты налетов, как, например, военные заводы (к тому времени преимущественно передислоцированные или укрытые под землю) и железнодорожные линии (восстанавливавшиеся за несколько часов), функционировали практически до самого конца. Что же до боевого духа населения, то, несмотря на горе, бессонницу, физическое истощение и недоедание, он так и не был сломен⁵⁸². Чтобы поставить Германию на колени, понадобились традиционные

наземные военные действия, включая оккупацию всей территории противника сошедшимися на реке Эльбе союзниками и русскими армиями.

Вторник, 30 ноября. Телеграмма из бюро: «Erwarten sofortige Rückkehr» [«Ожидаем немедленного возвращения»]. Меж тем и у Папá, и у меня начался сильный кашель. Врач считает, что это разновидность бронхита — результат берлинских сквозняков в сочетании со всем этим дымом, которого мы невольно наглоотались. В Мариенбаде супруги Альберт тоже слегли.

Среда, 1 декабря. Лежу в постели — предосторожность ввиду прошлогоднего плеврита. Врач выписал мне справку о болезни.

2, 3, 4, 5, 6, 7 декабря. Все эти дни провела в постели, соблюдая весьма спокойный, балующий режим.

Среда, 8 декабря. Князь Андронников уехал в Мюнхен. Он типичный грузин, в нем много восточного. Мы говорили об одном человеке, который женился на вдове своего брата, погибшего на войне, и вдруг он говорит: «Такое бывает только в Европе — правда, дикари». (Последние два слова приведены в тексте Мисси по-русски.)

На прошлой неделе был еще один массированный налет на Берлин — это уже четвертый. В пятницу (3 декабря) я проснулась среди ночи — на дворе с небольшими промежутками раздавались траурные звуки какого-то странного горна. Татьяна объяснила, что это их воздушная тревога. Вдалеке слышалась сильная стрельба. Позже мы узнали, что это был налет на Лейпциг (где мы еще недавно в пути так вкусно обедали). Город практически уничтожен.

Сегодня во второй половине дня из Потсдама от Бисмарков звонил Пауль Меттерних. Он сообщил, что прибывает завтра со своим полковником. Татьяна на седьмом небе!

Пятница, 10 декабря. Пауль Меттерних совершенно сокрушен увиденным в Берлине.

Пришли письма от Ирины из Рима; она очень тоскует, что отрезана от нас. Продолжаем спорить о том, как ей поступать. Папá и Мама́ придерживаются на этот счет разных мнений: Мама́ хочет, чтобы она оставалась в Италии, а Папá считает, что она должна приехать к нам, чтобы встретить окончательное крушение всей семьей.

Понедельник, 13 декабря. Подолгу гуляем по заснеженным окрестностям. Полковник Пауль Меттерних оказался славным человеком; его весьма лестные замечания о России и русских пришлись по душе родителям.

Вторник, 14 декабря. Пауль Меттерних и полковник уехали. Хотя эта поездка отпуском не считается, Пауль боится, что не сможет вернуться на Рождество. Однако он, возможно, заедет на день-другой на обратном пути на фронт.

Четверг, 16 декабря. Получила телеграмму от Лоремари Шёнбург, которая сейчас в Вене: она предлагает мне занять вакансию личной секретарши у главы берлинской полиции графа Хельддорфа (все это в завуалированных выражениях). Это, конечно, дело ее рук: ведь он меня почти не знает. Но мне кое-что известно о его заговорщической деятельности, а ему, вероятно, нужен человек, которому он мог бы доверять. Я должна посоветоваться с Адамом Троттом; пока не посоветуюсь, ответа не дам.

После обеда были с Татьяной в Мариенбаде, нанесли визит Альбертам. Они собираются возвращаться в Берлин!

Понедельник, 20 декабря. Снова ездили в Мариенбад, где Татьяна сделала себе перманент, а я прическу попроще — более подходящую для воздушных налетов.

Вторник, 21 декабря. В прошлую пятницу опять был сильный налет на Берлин; мы пытались дозвониться до Марии Герсдорф, но не получилось, тогда мы отправили ей телеграмму. Сегодня пришел ответ: «Alle unversehrt».

Schreckliche Nacht. Brief folgt» [«Никто не пострадал. Ужасная ночь. Подробности письмом»].

Я попросила разрешения бюро остаться здесь на Рождество.

Среда, 22 декабря. Играем весь день в пинг-понг. Читаю низкопробные книжонки — к негодованию родителей. Ни на чем другом не могу сосредоточиться, хотя Мама постоянно подсовывает мне, например, воспоминания современников о Венском конгрессе и Наполеоновских войнах. Но мне хватает и *этой* войны, которая пока что заслоняет собой все остальное.

Неоднократно бомбили Инсбрук, так что надежда австрийцев на то, что Вену пощадят, выглядит весьма наивной. Наступление союзников в Италии разворачивается не слишком быстро. Судя по всему, эти жуткие налеты рассчитаны на то, чтобы подорвать боевой дух немцев, но, по-моему, этим ничего не добьешься. Эффект скорее противоположный. Ведь при таких страданиях и трудностях политические соображения отступают на второй план, и все озабочены только тем, как залатать крышу, подпереть стену, поджарить картошку на перевернутом электрическом утюге (я сама так жарила яичницу!), растопить снег, чтобы умыться, и т. д. Более того, в такие моменты побеждает героическая сторона человеческой натуры, и люди становятся исключительно доброжелательными, стараются помогать друг другу — *compagnons de malheur* [товарищи по несчастью].

Пятница, 24 декабря. Сочельник. Опять идет снег, и на дворе очень холодно. Мы с Татьяной целый день делали бумажные цепи для елки, так как никаких других украшений у нас нет. Гретель Роан, тетушка Лоремари Шёнбург, послала нам из Богемии две посылки со стеклянными украшениями, но в пути все разбилось вдребезги. Мы сделали тоже кучу звезд, и еще у нас есть так называемые волосы

ангела, так что елка выглядит вполне прилично. Экономка Лизетт даже ухитрилась раздобыть в деревне двенадцать свечей. Вечерами мы теперь играем в бридж. Ходила ко всеошной в часовню, там очень холодно, но красиво. Потом пили шампанское и закусывали бисквитами.

Воскресенье, 26 декабря. Получила несколько писем из бюро, одно из них без подписи: в нем сообщается, что мы эвакуируемся в горы; неудивительно, поскольку все наши помещения разрушены. Еще там говорится, что это будет полезно для моего здоровья и поэтому они рассчитывают на мое скорейшее возвращение. Я решила не говорить об этом родным, так как хочу отложить свое решение, пока не вернусь в Берлин. Возможно, я захочу остаться «там, где все происходит» — а «все происходит», разумеется, в Берлине.

Письмо и от Марии Герсдорф. Она пишет, что в сочельник опять был налет, в нашем районе было много попаданий и он вновь сильно пострадал. Какое бесстыдство! Даже в прошлую мировую войну, уже достаточно жестокую, боевые действия в этот день приостанавливались. Герсдорфы теперь живут в нашем полуподвале, они устроили спальню рядом с кухней, поставив там ту самую знаменитую двухспальную кровать, в которой все мы спали по очереди.

Пятница, 31 декабря. Звонил Пауль Меттерних сообщить, что приезжает сегодня в два часа ночи. Я рада, что увижусь с ним до своего отъезда в Берлин. Уезжаю завтра.

1944

1 ЯНВАРЯ—18 ИЮЛЯ

КЕНИГСВАРТ. *Суббота, 1 января 1944 года.* Пауль Меттерних приехал только на рассвете. В комнате у Татьяны была зажжена елка. Мы отпраздновали Новый год и ее день рождения шампанским и слойками с вареньем, сожгли кусочки бумаги с написанными на них желаниями и накормили разными лакомствами скотч-терьера Шерри — с катастрофическими последствиями.

Сейчас я укладываюсь: спешу на полуночный поезд на Берлин

БЕРЛИН. *Воскресенье, 2 января.* Мама проводила меня на машине до вокзала в Мариенбаде. Шел сильный снег. Поезд, как обычно, опаздывал. Мы целый час сидели на насквозь промерзшем вокзале. Когда поезд все-таки подошел, завывли сирены. Я надеялась, что, сев на ночной поезд и прибывая в Берлин рано утром, я не попаду под налет (который бывает теперь почти каждую ночь). Погас свет, и я села не в тот вагон; он был полон спящих солдат, возвращающихся с Балкан в растрепанном виде, большинство с бородой многонедельной давности⁵⁸³. Они немедленно начали причесываться и натягивать на себя одежду. Через некоторое время проводница велела мне перейти в другой вагон, но, поскольку над головой все еще гудели самолеты, я предпочла остаться под защитой тех, кого Мама иронически именует в своих письмах *the brave boys in blue* [бравыми

ребятами в форме], — наверное, она подцепила это выражение в каком-нибудь пошлом романе. Я беспокоилась за нее: ведь обратно в Кенигсварт ей пришлось ехать во время налета. Беспокоилась я и за себя: на снегу наш поезд гораздо лучше был виден сверху. Но оказалось, что самолеты союзников направляются к более важной цели, и мы прибыли в Лейпциг благополучно, вовремя успев на пересадку.

Мы уже были в предместьях Берлина, когда поезд остановился и простоял четыре с половиной часа. Многие пути разворочены, и поездам приходится ждать очереди. Некоторые пассажиры, впав в истерику, вылезали через окна и шли пешком. Я осталась и прибыла на Ангальтский вокзал⁵⁸⁴ в три часа дня. Автобусы пока еще ходят; я села на автобус и добралась до Вайрштрассе.

Насколько я могу судить, Берлин не очень изменился со времени моего отъезда пять недель назад, но стало чище, улицы освобождены от завалов. Наш район выглядит хуже, чем другие, через которые я проезжала: две фугасные бомбы упали по обеим сторонам Лютцовштрассе, а еще одна — у входа в наш скверик, и все особняки по соседству с нашим разрушены. Я прошла по дому с кухаркой Мартой. Зрелище жуткое: зияют выбитые окна, дождь заливает фортепиано... Я выгрузила индейку и вино, привезенные из Кенигсварта, слегка подкрепилась супом и отправилась на поезде в Потсдам.

Там все было тихо. Кухарка подала мне кофе (Рюдгер Эссен оставил немного кофе в качестве рождественского подарка прислуге). Хотя экономка как-то раз пожаловалась Лоремари Шёнбург, что когда мы с ней в доме, то «все идет кувырком, прямо как на Диком Западе», она тем не менее как будто бы рада была меня видеть.

После ужина я распаковала небольшую часть вещей, так как долго пробыть здесь я не собираюсь, и легла спать. В два часа ночи взвыли сирены. В Потсдаме и окрестностях

началась сильная стрельба, и поскольку я была в доме одна с прислугой, мы из предосторожности спустились в подвал. Нервы у меня не окрепли, и я порядком перепугалась, когда поблизости с воем упало несколько бомб. Очень изматывает также необходимость сидеть без сна каждую ночь, иногда часами.

Понедельник, 3 января. Ровно в девять была на работе. Теперь от нашего некогда просторного Отдела информации осталось одно лишь здание бывшего польского посольства, и работы почти нет: уходят все в четыре часа, чтобы успеть домой к ночи, когда начинаются налеты. У некоторых путь до города занимает несколько часов; одной из секретарш требуется целых семь часов, чтобы проехать сюда и обратно, так что на работе она проводит всего час. Я на ее месте вообще не приходила бы.

Мы работаем восьмером в одной комнате — бывшей гостиной польского посла Липского⁵⁸⁵. В ней роскошные шкафы, зеркала и красивый ковер, но для бюро она мало пригодна. Нервы у всех напряжены до предела; на днях две секретарши на первом этаже буквально подрались. На меня изнуренные лица наводят еще большее уныние, чем картина разрушений на улицах города. Должно быть, все это из-за постоянного недосыпания: оно не позволяет хотя бы немного прийти в себя.

Джаджи Рихтер неистовствует: во время последних двух налетов несколько бомб упало на деревню Вердер, где в доме без подвала живут его жена и двое детей, года и двух лет. Поскольку он собирается на полтора месяца уехать в Италию к послу Рану⁵⁸⁶, я предложила ему отвезти их на это время к Татьяне. Теперь она принимает беженцев из многих разбомбленных городов и, несомненно, будет рада их приютить.

Мой непосредственный начальник Бютнер очень суетлив и раздражителен — возможно, из-за своего ранения

в голову; однако он принял на работу в наше подразделение Лоремари Шёнбург и Уш фон дер Гребен, так что мне теперь гораздо веселее. Я рада, что практически все самые приятные люди нашего отдела (за исключением, разумеется, его самого) пока еще находятся в Берлине, хотя ходят слухи, что мы вот-вот переедем в Круммхюбель⁵⁸⁷ — лыжный курорт на силезско-чехословацкой границе, куда передислоцировалось все министерство и где мне будет поручено создать новый фотоархив (старый погиб во время ноябрьского налета). Это совершенно новое для меня дело, к тому же нелегкое, если учесть скудость материала.

Провела все утро в разговорах с сослуживцами. Потом Лоремари, Адам Тротт и я отправились к Марии Герсдорф перекусить. Как всегда, мы застали там кучу народа.

Вторник, 4 января. Как-то Лоремари Шёнбург получила от Бютнера задание составить список всех, кто вчера не явился на работу. Она представила ему список, куда входили все сотрудники нашего отдела без исключения. Это привело его в бешенство, что вполне понятно.

К счастью, теперь у нас работает еще один молодой человек — адъютант нашего главного кадровика Ханса-Бернда фон Хафтена (сам Хафтен — один из лучших людей в АА); он человечен, добрый и сглаживает многие конфликты. Это нам очень кстати.

В другой раз сам Хафтен попросил Лоремари быстро раздобыть ему двадцатипфенниковых марок. Таких она не нашла и пришла к нему, волоча за собой змеящуюся ленту однопфенниковых марок. Что было встречено улыбкой.

Среда, 5 января. Наткнулась на д-ра Сикса⁵⁸⁸, недавно назначенного нового начальника всего нашего Отдела информации, он хочет видеть меня завтра в час дня. Помимо того, что мы насколько возможно избегаем его, потому что он полковник СС⁵⁸⁹ и подонок, это еще очень некстати

потому, что я собираюсь пойти в церковь: завтра наше православное Рождество.

По мере того как недоверие нацистов к «бывшей» Германии, а следовательно, и влияние эссовцев Гимmlера росли, некоторые их высших чинов стали назначать на ответственные должности и в Министерство иностранных дел. Из таких был д-р Сикс, которого Мисси тут же возненавидела и о котором много будет впереди. «Нацистский интеллектual», в то время 36-летний штандартенфюрер (т. е. полковник) СС, профессор, доктор Франц Сикс возглавлял факультет международных экономических отношений Берлинского университета и одновременно руководил сначала отделом Научных исследований, а затем отделом Идеологических исследований и анализа в РСХА, Главном ведомстве государственной безопасности. В 1940 г. он был назначен руководителем группы СД, которая должна была заниматься «чисткой» Великобритании после ее оккупации Германией. Когда от плана завоевания Великобритании Гитлер отказался и вместо того напал на СССР, Сикс возглавил группу, которой предписывалось захватить советские государственные архивы после взятия Москвы. Но Москва тоже оказалась нелегкой добычей, и в ожидании ее взятия Сикса и его команду отправили в Смоленск охотиться на евреев, комиссаров и партизан. Неизменно предусмотрительный, он через некоторое время добился перевода обратно в Берлин, в АА, куда эссовцы интенсивно внедрялись — сначала в Отдел культуры, а затем возглавлять Отдел информации, где работала Мисси.

Приходила Катя Клейнмихель за туфлями: она потеряла весь свой гардероб во время очередного налета. К счастью, моя обувь ей подходит.

Четверг, 6 января. Наш русский сочельник. Сбегали с Лоремари Шёнбург в церковь. Служба была изумительная,

но народу очень мало. Едва успели вернуться на работу, где мне предстоял малоприятный разговор с д-ром Сиксом. Он проявил ехидную заботу о моем здоровье и посоветовал мне «принимать лекарство, которое спасло Черчилля» (последний прошлой зимой в Касабланке заболел пневмонией)⁵⁹⁰. После этого, перейдя к более серьезным вопросам, он заговорил о том, что теперь от каждого требуются самые напряженные усилия во имя победы и что все «уклоняющиеся» будут отправлены работать на военные заводы, кондукторами трамваев и тому подобное. В заключение он приказал мне как можно скорее отправляться в Крумхюбель. О, какая это мерзкая личность!

Никак не могу решить, устраивает это меня или нет. Почему-то мне кажется, что теперь любое мое решение может иметь роковые последствия и что лучше не плыть против течения. С другой стороны, мне хотелось бы остаться там, где находятся мои друзья.

Пятница, 7 января. Та часть Берлина, в которой до недавнего времени жило большинство из нас, так страшно изменилась, что этого и словами не выразить. Ночью нигде ни огонька, одни остовы сгоревших домов — улица за улицей. Татьяна говорит, что в Мадриде после Гражданской войны в развалинах прятались хулиганы, нападавшие на прохожих по ночам; здесь такое вряд ли будет, но эта безмолвная пустота производит зловещее впечатление.

Сегодня во второй половине дня ко мне на работу зашли Клаус Кикебуш и Клеменс Кагенек⁵⁹¹ — у последнего поверх мехового воротника красовался рыцарский Железный крест. Он едет обратно в Россию. Глядя на них, красивых и смеющихся, я испугалась, как бы на нас не набросился д-р Сикс, но они объявили, что не сдвинутся с места. Тогда я усадила их на деревянную скамью у лестницы, и Клеменс достал бутылку коньяка, из которой мы и стали

пить по очереди. Тут появился Джаджи Рихтер и присоединился к нам, благо с Клаусом он знаком.

Позже я зашла к Хансу Флотову — он пригласил друзей на коктейль. Его квартира чудом уцелела. После этого Клаус отвез меня на вокзал на одолженном ему «мерседесе» и подарил мне бутылку вермута, так как у меня скоро день рождения. Через два дня он едет в Париж, а оттуда на месяц кататься на лыжах — якобы чтобы учить этому искусству новобранцев. Как он это делает — для всех загадка, но ему все сходит с рук. После того как во Франции взорвался его танк и он получил тяжелые ожоги, а его младший брат Мэксхен погиб в России, он воспринимает все это как причитающееся ему должное.

Ужинала у Альбертов, которые вернулись в Берлин и почти всегда дома. Там был брат Ирены, приехавший в отпуск с острова Гернси⁵⁹²; он сказал, что погиб Чарли Блюхер⁵⁹³, служивший в британской армии в Тунисе. Татьяна расстроится: она жила у Блюхеров до войны⁵⁹⁴.

Братья Блюхер⁵⁹⁵, по отцовской линии — потомки знаменитого прусского фельдмаршала эпохи Наполеоновских войн⁵⁹⁶, а по линии матери, дальней кузины матери Мисси, из польских Радзивиллов, получили образование в Англии, стали британскими подданными, а когда началась война, пошли служить в британские вооруженные силы.

Суббота, 8 января. Сегодня вечером в Потсдаме я была одна с Готфридом Бисмарком, когда зашел на ужин Генрих Витгенштейн⁵⁹⁷. Он выглядит бледным и усталым. Газеты внезапно зашумели о его подвигах. На днях за полчаса он сбил шесть бомбардировщиков. Ему всего двадцать семь лет, но он уже майор, и его назначили командиром целой группы ночных истребителей. Он кажется таким хрупким!

Я упрашивала его хотя бы ненадолго взять отпуск, но он собирается сделать это только в конце месяца. Он остался у нас ночевать. К счастью, воздушной тревоги не было.

Вторник, 11 января. Мой день рождения. Провела утро с сослуживицей в подземном туннеле на станции метро «Фридрихштрассе». Налет застал нас на пути в фотоархив, принадлежащий издательству «Шерль»⁵⁹⁸ в районе Тегель. Туннель был переполнен, поскольку время было обеденное. Кто-то пошутил, что все обойдется, лишь бы кто-нибудь не вздумал неожиданно рожать. Мы выбрали ту часть туннеля, которая показалась нам наиболее безопасной — под толстыми железными балками, способными, как мы надеялись, выдержать все удары. После отбоя, за которым последовала сильная стрельба — это теперь случается часто, — мы отправились дальше, но скоро поняли, что это бессмысленно, так как к фотоархиву мы добрались бы часа еще через четыре. Мы вернулись в бюро с пустыми руками и предстали перед отнюдь не обрадованным начальством. Д-р Сикс требует результатов, а как они будут получены, его не интересует.

В Потсдам я попала в семь вечера и обнаружила, что Мелани Бисмарк самым трогательным образом приготовила для меня праздничный ужин — с сигаретами «Честерфилд»⁵⁹⁹ от Рюдгера Эссена, большим количеством шампанского и настоящим пирогом со свечами.

Среда, 12 января. Сегодня я опять ходила в полицейский президиум за фотографиями разрушений от бомбежек. Поскольку вид искромсанных тел считается наиболее деморализующим зрелищем, эти фотографии широкой публике не показываются.

Пришлось препираться с адъютантом графа Хелльдорфа, красивым, но нахальным молодым человеком, который не давал мне на них посмотреть, заявив, что необходимо разрешение его начальника. Я сказала ему с беззаботным

видом, что встречаю его шефа завтра и тогда обсужу с ним эту проблему лично. Он вытаращил глаза, и я вышла.

Четверг, 13 января. Граф Хельддорф несколько раз менял время нашей встречи. Наконец он появился в дверях и пригласил меня в «святая святых». Мы долго говорили о том и о сем, а также о его сделанном мне некоторое время назад предложении стать его личной секретаршей. Подозреваю, что он не доверяет своему окружению и хочет взять кого-нибудь, на кого он мог бы положиться. Видит Бог, ему это действительно нужно! Я попросила дать мне время подумать. Я должна посоветоваться с Адамом Троттом, так как такая перспектива меня пугает. Многие не доверяют ему из-за его видного нацистского прошлого, и тем не менее Готфрид Бисмарк относится к нему с симпатией и уважением; они явно очень дружат⁶⁰⁰. У меня было много вопросов относительно того, что он называет моим *Speisezettel* [меню]. Он дал мне ряд разумных советов, особенно по поводу доноса графа Пюклера в гестапо на Мамá. Он ничуть этому не удивился. Это черствый народ, их редко что удивляет. Мне кажется, что он всегда поможет мне в случае необходимости, но думаю, что не следует менять лошадей посередине переправы, вернее, на середине бурного потока. Когда он любезно провожал меня к выходу, мы наткнулись на его адъютанта, который остолбенел.

Пятница, 14 января. Провела все утро в издательстве «Шерль» в Тегеле — на этот раз мы с сослуживицей успешно добрались — в поисках фотографий. Я нашла несколько старинных снимков русской революции, которые пополнят мою личную коллекцию, а также хорошие, незнакомые мне доселе портреты последнего российского императора и его семьи, которые я тоже позволила себе «реквизировать»: возможно, немногие оставшиеся в живых Романовы захотят получить копии. Здание не отапливалось, и мы совершенно продрогли. Обратно в город ехали на попутных

частных машинах, а часть пути проделали на ярко-красном почтовом грузовичке.

Сегодня в Берлин приехал Пауль Меттерних. Мы вместе пообедали у Герсдорфов. Потом он поехал в Потсдам. Он выглядит здоровым и отдохнувшим. Какой ужас, что теперь он должен вернуться в Россию на несколько месяцев.

Шла домой с вокзала в Потсдаме, когда поблизости внезапно разорвалось несколько бомб. Я побежала что было сил и бежала так по меньшей мере мило, пока не достигла «Регирунга», и только тут, с изрядным опозданием, завывли сирены. Мы с Лоремари Шёнбург, как всегда, нервничали, но мужчины отказались спуститься в подвал, и вместо этого мы сели ужинать. На этот раз налет оказался коротким, и должна сказать, что в присутствии Готфрида и Пауля мы чувствовали себя гораздо менее беспомощными.

Суббота, 15 января. Встала в шесть утра, чтобы приготовить Паулю Меттерниху бутерброды. К моему удивлению, когда я приехала к Герсдорфам обедать, он оказался там: у его самолета испортился двигатель и он вернулся. Там был также Адам Тротт.

В бюро я начала битву за то, чтобы остаться здесь еще на несколько дней. Честно говоря, это погружение в совершенно новую атмосферу внушает мне страх. Пока что мой начальник Бютнер совершенно непреклонен и даже вступил в конфликт по этому поводу с прочим нашим начальством.

По дороге домой мне удалось сделать прическу в одной из немногочисленных еще работающих парикмахерских. Я также прихватила всю косметику, какую смогла там найти, поскольку в Крумхюбеле ее вряд ли достанешь.

Позже Лоремари Шёнбург, Пауль, Тони Заурма и я погрузились в машину Тони и объехали еще действующие рестораны в поисках устриц — это один из немногих видов удовольствия, которые пока продаются без карточек. Вот

во что превратилась ночная жизнь Берлина в 1944 году — в такие вот вечерние странствия! Мы поехали было в «Хорхер» в надежде достать вина, но оказалось, что он закрыт⁶⁰¹. В конце концов нас с Лоремари оставили в полуразрушенном баре отеля «Эден», а мужчины отправились продолжать поиски. Через вестибюль мы пробрались в передний зал — там царил развал и запустение: люстры на полу, повсюду куски развороченной мебели, щепки и обломки. Все эти годы мы так часто там бывали, что теперь нам казалось, будто мы превратились в свои собственные призраки. И тем не менее все это собираются восстановить!

Воскресенье, 16 января. Встала в пять утра, чтобы во второй раз проводить Пауля Меттерниха, потом снова легла и встала в девять. Надеялась поездить верхом с Рюдгером Эссеном (который снова в Берлине) — других физических упражнений у нас теперь не бывает, — но, приехав в конюшни, мы никого там не обнаружили. Удрученные, мы вернулись в «Регирунг» — позавтракать. И там опять застали Пауля! На этот раз самолет улетел у него из-под носа, так что он остается еще на день. Рюдгер вызвался достать ему место на шведском самолете, отправляющемся в Ригу, но, как мудро заметила Лоремари Шёнбург, бои на Ленинградском фронте тяжелее, чем когда бы то ни было, и чем медленнее он будет туда добираться, тем лучше⁶⁰².

Я проиграла свою битву с Бютнером и завтра уезжаю в Круммхюбель.

Большую часть утра укладывалась и разговаривала с Паулем и Лоремари. Позже приехал Анфузо, чтобы отвезти нас на чай в свою загородную резиденцию. Он теперь посол Муссолини в Германии. Пока Лоремари спала — она неважно себя чувствовала, — Анфузо и я долго гуляли по берегу озера. Я познакомилась с ним до войны в Венеции. На него сильно повлияла недавняя казнь Чиано и еще одиннадцати высокопоставленных фашистов⁶⁰³. Чиано был

его близким другом. Анфузо сам один из немногих высших итальянских дипломатов, оставшихся верными Муссолини. Много крыс сбежало с его тонущего корабля. Возможно, Анфузо поступает не слишком разумно, но я уважаю его за это. Он умный человек, но ему очень трудно, тем более что он не испытывает к немцам подлинной симпатии. Он одолжил мне несколько книг почитать в Круммхюбеле.

Профессиональный дипломат, Филиппо Анфузо (род. в 1910) с 1937 по 1941 г. возглавлял канцелярию министра иностранных дел Чиано. Затем он был назначен итальянским посланником в Венгрию, а после перехода Италии в стан союзников в сентябре 1943 г. стал послом муссолиниевской Республики Сало в Германии. Конец войны застал его в плену у французов, которые обвинили его в соучастии в убийстве в 1934 г. югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Луи Барту. Позже обвинения были сняты, и он вернулся в Италию, где снова занялся политикой и стал неофашистским депутатом итальянского парламента.

Граф Галеаццо Чиано (1903–1944), женатый на дочери Муссолини Эдде, всегда противился вступлению Италии в войну. Хотя он ушел с поста министра иностранных дел еще в начале 1943 г., он остался членом Большого фашистского совета и в этом качестве голосовал против Муссолини 25 июля 1943 г. Обвиненный правительством Бадольо в коррупции, он бежал на север, где немцы выдали его неофашистскому правительству в Сало. 11 января 1944 г. он и еще 11 высших фашистских сановников⁶⁰⁴, которые в июле 1943 г. также голосовали против Муссолини, были осуждены на смертную казнь и расстреляны — с неохотного согласия самого дуче⁶⁰⁵.

Потом я встретила с Паулем у Адама Тротта. Так как я попала туда уже к шести часам, мы совместили чай

с коктейлями и затем супом. К нам присоединился Петер Биленберг. Позже вечером Адам позвонил графу фон Шуленбургу в Круммхюбель, чтобы обсудить, где я буду там жить. Граф, который был последним немецким послом в Москве, является чем-то вроде дуайена⁶⁰⁶ Министерства иностранных дел в Круммхюбеле. К тому же мы с ним в дружбе. Он занимает большой дом и предложил приютить меня у себя, но, возможно, мне не следует отделяться от коллег, по крайней мере первое время, так что я пока побуду с ними. Адам также позвонил еще одному своему другу, с которым я пока незнакома, Герберту Бланкенхорну⁶⁰⁷. Последний заведует протоколом и размещением иностранных миссий; поэтому в его распоряжении находится много домов.

КРУММХЮБЕЛЬ. *Понедельник, 17 января.* Сегодня наш отдел был эвакуирован в Круммхюбель. Мы с Рюдгером Эссеном поехали в Берлин на машине одни, так как Пауль Меттерних решил ехать обратно на фронт поездом. Было еще совсем темно. Рюдгер помог мне дотащить два моих очень тяжелых чемодана до поджидавшего грузовика. Я отказалась посылать что-либо вперед, опасаясь, как бы вещи не пропали: ведь это все, что у меня есть.

К моему большому облегчению, начальником нашей маленькой группы оказался некто г-н Бец⁶⁰⁸. Он будет главным кадровиком в Круммхюбеле; он очень славный, доброжелательный человек. Вместе с багажом нас доставили на Гёрлицский вокзал⁶⁰⁹, где уже находилась другая группа из тридцати человек во главе с нашим главным боссом Бютнером, бледным и еле вежливым. Как сообщила мне его секретарша, он думал, что я не явлюсь. Между нами явное взаимное отвращение. Я с облегчением заметила, что Ильзе Блюм, очень хорошенькая девушка, прозванная за очаровательный облик Мадонной, взяла с собой еще больше багажа, чем я. На нас обеих посмотрели весьма

неодобрительно, но мы с помощью водителя автобуса невозмутимо помогли друг другу дотащить свой багаж. Стали сверяться со списками, выкликать фамилии, в общем, прямо как на школьной экскурсии. Бец, зажав под мышкой зонтик и тросточку с костяной рукояткой, помог нам забраться в вагон. Разозленные той кислой миной, с которой меня приветствовал Бютнер, мы с Мадонной заняли отдельное купе — к сожалению, третьего класса и с очень жесткими сиденьями (а среди нас по нынешним временам никто не отличается особой упитанностью).

В три часа дня мы прибыли в Хиршберг⁶¹⁰, куда идет ветка на Круммхюбель. Там нас встретил наш местный квартирмейстер. Он был в лыжном костюме — здешнее «служебное» одеяние! Мы пересели на маленькую электричку и через полчаса были в Круммхюбеле.

Там нас приветствовала половина личного состава министерства; в толпе встречающих я заметила графа Шуленбурга в элегантной каракулевой шапке — должно быть, сувенир из Москвы. Он пришел меня встретить. Мне было неловко, что я так обращаю на себя внимание. Это был совсем не тот анонимный дебют, на который я рассчитывала. Мы разыскали «Хаус Криста» — шале, в который меня определили на постой. Оставив там мой багаж, мы вернулись в шале графа, чтобы отведать изумительного кофе и бутербродов с сардинками. Потом помощник Шуленбурга г-н Ш. доставил меня обратно в мое собственное шале.

Деревня Круммхюбель прелестна: она расположена на крутом холме, домики-шале стоят на большом расстоянии друг от друга и окружены садами, в которых много елей. Все рабочие помещения находятся у подножия холма, так что почти все спускаются на работу на санках, а вечерами тащат их обратно домой. Насколько я могу судить, чем выше должность, занимаемая человеком, тем ближе к вершине холма он живет. Наш Отдел информации,

похоже, сочли неизбалованным — мы ведь приехали позже всех, — и поэтому наши шале не такие привлекательные, как у остальных.

По свидетельству очевидца, побывавшего тогда в Круммхюбеле, «министерство эвакуировало в Круммхюбель пятьсот человек... Пансионы и гостиницы лишены всяких удобств... (Граф) Шуленбург живет в таких стесненных условиях, что вынужден раз в неделю ходить к Мисси Васильчиковой принимать ванну. Поскольку вся прислуга в деревне чешская, а все рабочие на лесопилках — сербы и „итальянцы Бадольо“, то Круммхюбель превратился в рай для шпионов. В качестве запасной штаб-квартиры он совершенно непригоден, так как не только хорошо заметен с воздуха и в силу этого крайне уязвим, но еще и потому, что его сделало географически небезопасным быстрое продвижение русских». (Х. Г. фон Штудниц, цит. соч.)

Я не высказала пожеланий относительно того, с кем мне хотелось бы делить жилье, и поэтому меня поселили с фрейлейн д-ром К., добродушной девицей, с которой мы почти незнакомы. Когда я вошла, она удрученно оглядывала огромную нетопленую комнату с верандой. Освещение ужасное, нечего поставить у изголовья, чтобы читать на сон грядущий; в довершение всего нам объявили, что ввиду большой площади нашей комнаты к нам, возможно, поделят кого-то еще. В таком случае я подниму скандал и приму предложение графа, обещавшего мне комнату в его шале. В остальном «Хаус Криста» очень неплох. Нас здесь одиннадцать, семь женщин и четверо мужчин, под началом герра В., с которым у всех у нас в Берлине отношения были хуже некуда. Но здесь он, похоже, решил начать новую жизнь: ведет себя как добрый папочка и произносит благожелательные речи про *Hausgemeinschaft* [«домашний коллектив»]. Нас даже кормят вполне сносным ужином,

после чего мы расходимся. Я решила, что буду неуживчивой сожительницей, чтобы никто не возражал, если я вздумаю переселиться. В качестве первого шага в этом направлении я потребовала, чтобы окна нашей спальни всегда были распахнуты настежь. Фрейлейн д-р К. тоже не остается в долгу: она храпит. Мы просыпаемся посиневшими от холода.

Вторник, 18 января. После завтрака мы отправились вниз в наш временный офис — гостиницу «Танненхоф», расположенную неподалеку от станции. Дорога очень скользкая, так как наши санки мгновенно накатывают свежевыпавший снег.

У меня неожиданно появился еще один вариант жилья: переехать к фрау Жаннетт С., которая не только здесь работает, но и имеет собственное шале. Она готова взять меня к себе. Г-н Бец считает, что такое решение предпочтительнее, чем если бы я воспользовалась гостеприимством графа Шуленбурга. Хотя он не говорит этого впрямую, но, видимо, считает, что «общественное мнение» может отрицательно отреагировать на такое «содружество аристократов». В любом случае я решила переселиться завтра же.

Среда, 19 января. АА заняло все гастхаусы (гостиницы) в окрестности, и «Танненхоф» будет одним из его офисов. Когда мы собрались, Бютнер попытался произнести речь, которая потерпела полный провал, так как кругом было полно солдат, пришедших выпить пива. Уходить они и не собирались, напротив, с интересом слушали.

Местное население не проявляет особого восторга по поводу нашего приезда, поскольку боится, что из-за нас Круммхюбель начнут бомбить. К тому же наше прибытие положило конец туризму.

Сегодня днем я привязала свои чемоданы к санкам и потащила их в маленькое шале Жаннетт С., расположенное в лесу. После этого я встретилась с графом Шуленбургом

у Типпельскирхов⁶¹¹ — они были его подчиненными в Москве, — и мы все вместе поехали поездом в ближайший городок в театр. Спектакль был отличный. Выступала известная труппа из Рейнской области, которая переселилась сюда, потому что ее театр разбомбили.

Пятница, 21 января. Мы с Мадонной Блюм решили серьезно заняться в свободное время лыжным спортом, а также научиться как следует играть на аккордеоне. Этот инструмент есть и у нее, и у меня.

Большинство наших берлинских сослуживцев выглядят здесь довольно комично. Все привыкли видеть их уткнувшимися носом в письменный стол, такими канцелярскими крысами. А тут они расхаживают в мешковатых брюках, ярких шарфах, вязаных шапочках и со смущенным видом тащат за собой санки.

В России развертываются ожесточенные бои на Северном фронте⁶¹². Я беспокоюсь за Пауля Меттерниха. Татьяна шлет полные отчаяния письма.

Вторник, 25 января. В работе царит полная неразбериха. Сидим восьмером в одной маленькой комнатухе. Мне дали секретаршу, чтобы помочь создать новый фотоархив. Фотографии присылаются из Берлина большими партиями. Каждая фотография требует подписи; об этом в основном заботится она, в то время как я подбираю фотографии и формирую папки. Я завоевала ее сердце, позволив ей печатать дома. От этого нам просторнее.

Сегодня вечером ужинала с графом Шуленбургом (или «послом», как его все называют, хотя послов здесь несколько). Посреди обеда он случайно упомянул, что убит Генрих Витгенштейн. Я застыла от ужаса. Он удивленно на меня взглянул, так как не знал, что мы были дружны. Всего несколько дней назад, в Берлине, Генрих позвонил мне на работу. Он только что был в ставке Гитлера, где получал из рук «всевышнего» дубовые листья к своему

рыцарскому Железному кресту. Он сказал по телефону: «*Ich war bei unserem Liebling*» [«Я был у нашего душки»]. И добавил, что, к его удивлению, у него не отобрали пистолет, прежде чем допустить в «Присутствие» (как теперь обычно делается), так что можно было «пристукнуть» его прямо тут же. Он продолжал развивать эту тему, пока я не заметила, что, возможно, желательнее было бы продолжить этот разговор где-нибудь в другом месте. Когда мы встретились немного позже, он начал рассуждать о возможности взорвать себя вместе с Гитлером в следующий раз, когда они будут обмениваться рукопожатием. Бедняга, он и не подозревал, что ему осталось жить всего несколько дней! Но он выглядел таким хрупким, что я всегда боялась за него. Он сделался лучшим ночным летчиком-истребителем Германии, постоянно вылетал и был явно измотан. Он часто говорил о том, как мучительно ему убивать людей и как при малейшей возможности он старается сбить самолет противника так, чтобы экипаж мог спрыгнуть.

Прямой потомок русского фельдмаршала наполеоновских времен, майор принц Генрих фон Сайн-Витгенштейн к моменту своей гибели уже сбил 83 самолета союзников, из них шесть в один памятный вылет. В ночь своей смерти он сбил еще пять, перед тем как самому быть сбитым английским истребителем⁶¹³.

Четверг, 27 января. Одна девушка из числа моих сослуживцев, ненадолго приезжавшая сюда из Берлина, привезла мне несколько фотографий Генриха Витгенштейна. Она много раз видела его, когда он заходил ко мне на работу. Она также пыталась разузнать об обстоятельствах его гибели, но пока что никаких подробностей не сообщает. Сначала нужно уведомить его родителей, а они живут в Швейцарии.

Пятница, 28 января. Вчера опять был сильный налет на Берлин. Но подробности пока неизвестны, так как всякая связь прервана.

Наконец-то познакомилась с Бланкенхорном. Мы встретились под фонарем одной здешней гостиницы. Шел проливной дождь. Мы отправились вверх по склону к нему домой и долго беседовали в гостиной за бытылкой вина и шоколадными конфетами. Этот рейнландец наделен поразительно острым умом. Мало сказать, что он предвидит крушение Германии. Похоже, что он его ждет не дожидается и имеет весьма конкретные идеи относительно ее будущего после поражения — разделение страны, создание отдельных автономных *Länder* [областей] и т. п.!

Именно на этих принципах и сложилось впоследствии конституционное устройство послевоенной Федеративной Республики Германии, в которой д-р Бланкенхорн стал одним из ближайших советников канцлера Аденауэра.

Русские прорвались в Ленинград; блокада длилась почти три года.

Блокада продолжалась 872 дня — с 8 сентября 1941 г. Отрезанный от своих коммуникаций с юга немцами и испанской Голубой дивизией, а с севера финнами, город поддерживал связь с внешним миром только по Ладожскому озеру. Хотя этим маршрутом было эвакуировано более 500 тысяч человек, свыше миллиона ленинградцев погибло — главным образом от голода и холода⁶¹⁴. Наряду со Сталинградом, Ленинград стал одним из героических символов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Воскресенье, 30 января. Я приобрела пару белых лыж, которые первоначально предназначались для солдат, воюющих в России, но так к ним и не попали.

Днем граф Шуленбург взял меня с собой к барону фон Рихтхофену, бывшему посланнику в Софии, женатому на очаровательной венгерке⁶¹⁵. Они живут в загородном доме довольно далеко отсюда. Очень приятная, успокаивающая атмосфера и весьма откровенные разговоры.

Я совсем упала духом: у Татьяны по-прежнему нет никаких известий от Пауля Меттерниха, а Генрих Витгенштейн погиб.

Понедельник, 31 января. Вчера был еще один сильный налет на Берлин — как утверждают, самый страшный со времени ноябрьских налетов. Всякий раз, как это происходит, мы здесь, в горах, оказываемся полностью отрезанными от столицы. Непонятно, каким образом министерство вообще ухитряется работать.

Снег растаял, погода совсем весенняя. Ходила в другую деревню повидаться с одной девушкой, наполовину американкой, знакомой по Берлину. Она тоже заведует архивом, только другим. Застала ее в постели. Тут на все смотрят как-то сквозь пальцы. Она дала мне почитать много английских и американских журналов.

Среда, 2 февраля. Вернулся Бютнер, ездивший в Берлин на два дня. У него разбомбили дом, и теперь он срывает свою злость на всех, кто попадется под руку.

Четверг, 3 февраля. Сегодня под проливным дождем появился граф Шуленбург с рюкзаком, полным напитков. Он прекрасно ладит с Жаннетт С., щебечущей красоткой. Та любит пожилых солидных мужчин. Она без ума также и от Папá: засыпает его письмами. Мы напекли печенья и от души полакомились.

Пятница, 4 февраля. Я печатала срочный материал в соседней комнате, как вдруг меня позвали к телефону. Звонила из Берлина секретарша Адама Тротта. Наш дом на Войршштрассе разбомбило вдребезги, и я должна немедленно ехать приводить все в порядок. Сюда уже послана

девушка мне на замену. Подозреваю, что для этого срочного вызова есть и другие причины. Бютнер опять уехал, но заместитель главного кадровика согласился меня отпустить.

БЕРЛИН. *Суббота, 5 февраля.* Встала в пять утра, кое-как дотасовалась до станции. Тут выяснилось, что тем же поездом в Берлин едет Бланкенхорн. Он тоже улизнул со службы. Существует идиотское правило: никто не может выехать из нашей деревни без особых на то документов, но мы все равно то и дело сбегает, потому что тут просто не выдержишь — взаперти, вдали от друзей, находящихся в постоянной опасности. Поезд на Берлин был переполнен, большую часть пути мы стояли, но зато Бланкенхорна ожидала машина, и он подвез меня до нашего бюро. Там я застала Адама Тротта и Алекса Верта.

Алекс умный и исключительно порядочный человек; к счастью для нас, после того как его дом разбомбили, его подсадили к нашему главному начальнику, д-ру Сиксу, и хотя последнего мы все ненавидим и презираем, Алекс может время от времени использовать свое особое положение при нем в благих целях. В результате атмосфера уже не так неприятна, как раньше. Алекс очень недоволен работой Бютнера, что меня крайне обрадовало.

То немногое, что я успела увидеть в Берлине, произвело на меня самое гнетущее впечатление... Похоже, что после налета 30 января все уже окончательно перестало работать.

Потом мы с Адамом отправились на Войршштрассе к Марии Герсдорф. Хотя улица сильно пострадала и раньше, сейчас она разрушена практически целиком; мы постояли в толпе, наблюдающей за тем, как крушат единственную уцелевшую стену. Наш скверик полностью выгорел, за единственным исключением — дома Герсдорфов.

Пообедав с Адамом, я провела с ним остаток дня. Выглядит он совсем нехорошо. Мне так хотелось бы, чтобы

он был вместе с нами там, в Круммхюбеле, но я знаю, что он ни за что не согласится уехать из Берлина в такой момент. Он дал мне кое-какие книги и отвез меня на вокзал, где я села на поезд до Потсдама. Готфрид и Мелани Бисмарк были одни. Я словно вернулась к себе домой.

Воскресенье, 6 февраля. Вернулась в Берлин и пошла в церковь, пройдя полгорода пешком. Разрушена значительная часть Курфюрстендамм. Попыталась разыскать Зигрид Герц, которая жила совсем рядом. Ее дом был единственным уцелевшим. Я стала подниматься по лестнице, но лестница обрывалась на полпути, а ее квартиры не было вообще. Никто не знает, где она теперь. Обедала с Хансом Флотовом, которого тоже наконец сильно потрепало. Он очистил свою квартиру от всей оставшейся мебели, чем-то подпер заваливающиеся стены и живет там в палатке, как бедуин. Потом я вернулась к Марии Герсдорф, и она рассказала мне ужасную вещь. 26 декабря наш старый почтальон, которому она позволила воспользоваться моей разбитой комнатой под карнизом, заболел воспалением легких. Его семью эвакуировали, так что Мария и Хайнц перенесли старика вниз и устроили в кухне импровизированную постель. Врача так и не нашли, и старик умер 28-го. В течение трех дней никто не приходил за телом, и он лежал на кухонном столе, окруженный зажженными свечами. В конце концов к Марии заглянул профессор Гербрандт и, в ужасе от этого зрелища, дал знать властям. Но за телом по-прежнему никто не являлся. 30-го на наш скверик опять посыпались бомбы, и загорелись окружающие дома. Наш тоже загорелся, но был спасен усилиями Кикера Штумма и нескольких его друзей. Когда они носили воду заливать крышу, они много раз задевали труп, а Мария сидела у его ног и делала бутерброды для проголодавшихся мужчин. Какие-то соседи вызвались подбросить тело в развалины горящего дома; Мария предпочитала вырыть яму в так называемом

саду, который теперь превратился в груды обломков. Бедняга почтальон оставался в доме еще два дня, и только после этого его наконец увезли.

Готфрид и Мелани Бисмарк вернулись из загородного имения его матери⁶¹⁶, Шенхаузена⁶¹⁷. Именно там сбили самолет Генриха Витгенштейна⁶¹⁸. Мелани привезла немного земли и какие-то куски самолета — ветровое стекло, части мотора. Она подумала, что его родителям⁶¹⁹ в Швейцарии захочется иметь что-нибудь на память. Я сомневаюсь. От этого только хуже. Если бы только, когда началась война, они не отправили своих троих мальчиков обратно в Германию⁶²⁰! Они, по существу, даже и не немцы. Предки у них русские и французские⁶²¹. Полагают, что Генрих был без сознания, когда ударился о землю, так как его парашют был не раскрыт и его нашли без обуви на довольно большом расстоянии от самолета. Обычно он ходил в легких ботинках и в одном пальто поверх неформенной одежды. Я помню, как он один раз вылетел в плаще поверх смокинга. Он стал таким асом, что делал все что вздумается. Остальные члены его экипажа остались живы, потому что он приказал им прыгать, когда самолет подбили. Либо он повредил голову, когда прыгал последним, либо был ранен и не смог раскрыть парашют. Мелани дала мне на память несколько кусочков металла. Может быть, это заставит меня наконец осознать, что мы действительно потеряли его.

Понедельник, 7 февраля. Татьяна получила телеграмму, в которой сообщается, что Пауль Меттерних опасно болен на фронте под Ленинградом. Здесь невозможно получить какие бы то ни было сведения. Поскольку испанский военный атташе Хуан Луис Рокамора уехал, никто не знает, что вообще происходит с испанской Голубой дивизией, к которой Пауль прикомандирован в качестве офицера связи.

Объявился Фердл Кибург⁶²² из Вены, где, судя по всему, живут пока еще довольно беззаботно. Его поразил контраст

с Берлином. С тех пор как его, члена фамилии Габсбургов, вышвырнули из флота, жизнь для него утратила смысл. Он служил на крейсере «Принц Евгений»⁶²³ в том самом легендарном сражении, в котором были потоплены и «Худ» и «Бисмарк». Сейчас он учится в Венском университете.

Позже — чудесный ужин у Бисмарков в Потсдаме.

Вернулся из Швеции Рюдгер Эссен, привез омаров, американский журнал «Вог»⁶²⁴ и т. п. Другой совсем мир!

Ночью — звонок от Лоремари Шёнбург из Вены: она просрочила свой отпуск и у нее опять неприятности. Потом еще один звонок — от графа Шуленбурга из Круммхюбеля. Не пугайтесь, сказал он; в мое отсутствие он вскрыл адресованное мне официальное письмо, из которого явствует, что Бютнер увольняет меня за отъезд в Берлин без его разрешения. Хорошо, что я попросила его вскрывать мою почту на случай новостей от Пауля. Теперь я смогу обсудить создавшееся положение с Адамом Троттом и Алексом Вертом. Милый старый граф был искренне встревожен и весьма обрадовался, услышав, как спокойно я приняла эту новость.

Вторник, 8 февраля. Лоремари Шёнбург вернулась из Вены. Услышав о моем увольнении, Алекс Верт сильно на Бютнера разозлился за злоупотребление властью и так далее. Я в шутку сказала ему, что была бы совсем не прочь получить небольшой отпуск, пока этот вопрос выясняется, но, как мне сообщили, главное начальство в лице д-ра Сикса и слышать о моем увольнении не хочет.

Решив воспользоваться ситуацией, я отправилась к парикмахеру. Возможно, раз уж так все сложилось, я просто уйду. Но сейчас, если ты не работаешь в государственном учреждении, тебя немедленно отправляют на военный завод, а то и куда похуже. *Qui vivra — verra* [Поживем — увидим].

Среда, 9 февраля. Сегодня мы с Лоремари Шёнбург появились на работе с самым смиренным видом. Мое увольнение пока не отменено, а она три недели отсутствовала

без позволения. Забавно, что я всегда предостерегала Лоремари от легкомысленного отношения к «тотальной войне»⁶²⁵, а тут ей хоть бы что, а меня вроде увольняют.

Алекс Верт отправил меня прямехонько в самое логово д-ра Сикса. Результат разговора: мне надлежит ни на что не обращать внимания, ехать обратно в Круммхюбель, а затем 21-го вернуться в Берлин за дополнительными материалами. С Бютнером поговорят здесь.

На обратном пути в Потсдам купила тюльпанов. Несколько раз меня останавливали и спрашивали, где я их достала. Все так трогательно стараются поддерживать хоть какое-то подобие цивилизованной жизни.

Вечер провела с Готфридом Бисмарком. Звонили в аппарат адмирала Канариса, так как Хассо Эцдорф сообщил мне, что один полковник абвера только что вернулся с того участка фронта, где находится Пауль Меттерних и, возможно, что-либо знает о его состоянии. Когда благодаря Хассо я в конце концов дозвонилась до этого полковника, он вначале принял меня за Татьяну и был весьма сдержан. Это напугало меня, особенно когда, узнав, что я скоро уезжаю из Берлина, он настоял на личной встрече. Мы договорились встретиться завтра в отеле «Адлон». Готфрид попытался приободрить меня, сказав, что он, наверное, просто хочет познакомиться с красивой девушкой. Но мне все равно страшно.

Четверг, 10 февраля. Рюдгер Эссен отвез нас в город. Полковник из абвера был очень доброжелателен и рассказал мне все, что знал: у Пауля Меттерниха двусторонняя пневмония, он лежит в тыловом госпитале в Риге и будет отправлен обратно в Германию, как только станет транспортабельным. Но пока сделать ничего нельзя, так как состояние его очень тяжелое. Полковник старался внушить мне оптимизм. Не исключено, что это как раз к лучшему, потому что полк Пауля понес большие потери во время

недавнего наступления русских, и Пауль сам говорил нам, что это только начало.

Позже у меня был долгий разговор с Хансом-Берндом фон Хафтенем, нашим берлинским старшим кадровиком. Он уже получил все документы относительно моего увольнения. Повел он себя очень порядочно. Похоже, что все улажено, но он хочет, чтобы я извинилась перед Бютнером: «В конце концов, вы же поставили его в трудное положение... уехали без его разрешения... он тяжело травмирован... он нервно расстроен...» Уходя, я столкнулась на лестнице с самим Бютнером и, желая поскорее с этим разделаться, начала было извиняться. Но тут завывла сирена, он пробормотал «nicht jetzt, nicht jetzt» [«потом, потом»], и на том все кончилось.

Адам Тротт отвез меня на вокзал; по дороге мы заблудились. Теперь, когда кругом сплошные развалины, это немудрено. Он оставался со мной, пока поезд не тронулся. Поезд, как всегда, был битком набит. Я оставалась стоять в коридоре, и даже там было тесно. В Хиршберге я упустила пересадку и доехала до Круммхюбеля только к полуночи, совершенно разбитая.

Мисси не разъясняет, в сущности, почему Адам Тротт именно в этот момент вызвал ее в Берлин. Ведь названная им причина, а именно, что разрушен дом Герсдорфов (где она проживала), не соответствовала истине: именно их дом уцелел. Как будет видно дальше, он ее вызывал каждый раз, когда готовилось покушение на жизнь Гитлера. Готовилось ли такое покушение и в начале февраля 1944 года? Исторически это не документировано.

КРУММХЮБЕЛЬ. Пятница, 11 февраля. Снега нанесло на метр в высоту. Ненадолго заглянув в наш главный штаб в «Танненхофе», я зашла к графу Шуленбургу и с его помощью попыталась дозвониться Татьяне, которая опять лежит в больнице в Дрездене. Поеду к ней туда на уик-энд.

Какой он чудесный старик, как хорошо, что он здесь! Мы вместе пообедали, и я вернулась на работу. Там меня ожидала телеграмма от Хассо Эцдорфа, адресованная Татьяне. Он подтверждает, что Пауль Меттерних серьезно болен, но добавляет: «äusser Gefahr» [«вне опасности»]. Слава Господу!

Татьяна прислала мне свежих яиц. Жаннетт С. на седьмом небе.

Суббота, 12 февраля. Работала все утро и отправилась на станцию в два часа дня. Хорошо, что у меня было с собой немного бутербродов, так как поездка в Дрезден оказалась прямо жуткой. Я упустила все пересадки. Потом села не на тот трамвай и добралась до больницы только к полуночи. Бедная Татьяна спала; когда я разбудила ее, она разревелась. Она всего-навсего проходит безобидное обследование, но она очень слаба. Новости о Пауле Меттернихе не помогают.

Воскресенье, 13 февраля. Весь день провела с Татьяной. Я привезла ей захваченные на работе несколько выпусков лондонского «Татлера»⁶²⁶, она узнала там нескольких довоенных друзей. Ее начинает немного раздражать постоянное и довольно тягостное присутствие обоих родителей, и я ее не виню. Я предложила погостить у меня в Круммхюбеле. Ей будет полезно на время сменить обстановку.

Понедельник, 14 февраля. Сегодня утром обратное путешествие из Дрездена снова безумно затянулось. Наши офисы перевели из «Танненхофа» в новые, наспех состряпанные помещения, куда я сразу же и направилась. Хотя они еще не полностью готовы, мы тем не менее уже перевезли туда всю документацию и даже обставились вполне приличной мебелью. Когда я к ним приблизилась, что-то показалось мне странным; внезапно я поняла, что одного ряда домиков не хватает — он весь сгорел до основания. Наш домик тоже исчез. Выяснилось, что дома загорелись в субботу ночью и сгорели за один час. Ребята из *Reichsarbeitsdienst*⁶²⁷ [трудовой службы], у которых тут неподалеку лагерь, спасли

много мебели, но бóльшая часть моего драгоценного фотоархива погибла во второй раз. Погибли и все досье Бютнера (невелика потеря!), а также принадлежащая д-ру Сиксу ценная картина, конторское оборудование и копировальные машины, стоящие 100 тысяч марок штука. Должно быть, это дело рук враждебно настроенных военнопленных. Таким образом, нам придется начинать все сначала. Говорят, что когда д-р Сикс услышал об этом в Берлине, он расхохотался: подумать только, ведь нас послали сюда для того, чтобы уберечь от «превратностей войны!».

Поскольку я пока что ничем не могу помочь, я отправилась домой и рано легла спать. Здесь быстро начинает клонить ко сну; должно быть, это горный воздух.

Вторник, 15 февраля. Мы переехали обратно в «Танненхоф». Вместе с одним сослуживцем я перетащила остатки нашего хозяйства в комнату на верхнем этаже, где я устроила себе кабинет. Оттуда превосходный вид, к тому же окна выходят прямо на крышу, и значит там можно будет загорать. Двое русских пленных помогли нам внести наверх мебель; я дала им карточки на хлеб и сигареты.

Мой фотоархив находится в самом плачевном состоянии: бóльшая часть фотографий размокла и уже непригодна, остальные слиплись. Я потратила много времени, стараясь разлепить их, просушивая их на кровати, а затем раскладывая пачки фотографий под сиденьями моих сослуживцев, чтобы разровнять их.

Телеграмма от Мамá: «SOS. Татьяна хочет ехать к Паулю в Ригу. Отговори ее», и так далее. Поскольку Татьяна приезжает сюда в четверг, я предпочитаю подождать и спокойно с ней все обсудить при встрече. Граф Шуленбург откладывает поездку к себе домой ради того, чтобы увидеться с ней.

Среда, 16 февраля. После обеда мы с Мадонной Блюм в первый раз брали урок игры на аккордеоне у музыканта-чеха по фамилии Холинко, который замечательно играет.

Четверг, 17 февраля. Сегодня приехала Татьяна. Узнала, что союзники разбомбили в Италии знаменитый монастырь Монте-Кассино⁶²⁸.

Пятница, 18 февраля. Начальник Мадонны Блюм, симпатичный пожилой мужчина, некогда генеральный консул в Стамбуле, не знает, как ему быть: ему некуда пристроить семью, потерявшую кров во время бомбежки. Я предложила Татьяне взять их к себе в Кенигсварт. Частные дома не могут оставаться не полностью занятыми, а эти люди все же лучше, чем кто-то совершенно незнакомый.

Суббота, 19 февраля. Обедала с Татьяной, затем отправилась с Мадонной Блюм кататься на лыжах с крутого склона позади большого роскошного дома, в котором, по слухам, должен поселиться сам министр иностранных дел фон Риббентроп. По возвращении мы застали Татьяну и Жаннетт С. за лихорадочным приготовлением бутербродов, так как на ужин назвался граф Шуленбург со своим помощником Ш., у которого день рождения. Жаннетт даже испекла торт, а из Кенигсварта только что прибыл запас вина, так что все прошло очень весело. Мадонна играла на аккордеоне, но потом она улеглась: должно быть, от сытной еды и еще оттого, что утром, катаясь на лыжах, неудачно упала и ушибла голову.

Воскресенье, 20 февраля. После обеда, воспользовавшись на редкость хорошей погодой, мы впятером отправились на длительную прогулку: мы с Мадонной Блюм на лыжах, остальные на санках. Пришлось много подниматься пешком, так как лыжных подъемников, разумеется, нет.

На горе мы слышали, как далеко внизу, в долине, завывала сирена воздушной тревоги. Это прозвучало совершенно нереально. Здесь порой трудно поверить, что идет война.

Татьяна получила очень тоскливое письмо от Пауля, который жалуется на бессонницу, на сильные боли в груди

и т. п. Граф Шуленбург обещал, что если Пауля в скором времени не отправят в Германию, то он попыбует помочь ей поехать к нему в Ригу. Я против этого, потому что на железных дорогах сейчас царит полный хаос, особенно на Востоке.

Новости с русского фронта крайне противоречивые — как всегда, обе стороны трубят о своих успехах.

К этому моменту русские уже отвоевывали прибалтийские государства и достигли границ довоенной Польши. Южнее только что были уничтожены десять немецких дивизий, окруженных под Черкассами. Хотя даже после Сталинграда немцы еще смогли развернуть несколько крупных наступлений, после Курской битвы (июль—август 1943 г.) — крупнейшего сражения броневых войск в истории, в котором немцы потеряли почти 3000 танков! — их успехи были сугубо тактическими и инициатива повсюду сохранялась за русскими. К октябрю они достигли Днепра и освободили Киев, а в конце марта 1944 г. перешли границу с Румынией.

Понедельник, 21 февраля. Предполагалось, что сегодня я поеду в Берлин показывать д-ру Сиксу свой план создания нового фотоархива. Но мою поездку отложили, так как его там нет.

Сегодня вечером мы видели «Ochsenkrieg» [«Войну волов»]⁶²⁹ — фильм о войне в Средние века. Особенно успокоительно было видеть, как люди колотят друг друга деревянными дубинками. После пяти или шести часов «бойни» на поле битвы осталось семь трупов!

Среда, 23 февраля. Сегодня в ресторане «Гольденер Фриден» нам подали на обед микроскопические кусочки несъедобного мяса, несмотря на то что мы отдали им наши карточки. Татьяна пожаловалась, и вместо мяса нам принесли маленькую колбаску.

Вечером пришел и остался ужинать Бланкенхорн. Он обещал позвонить врачу Пауля Меттерниха в Ригу. Это очень кстати, так как граф Шуленбург на неделю уехал домой, а с его помощником у нас не такие близкие отношения. Увы: человек, обещавший устроить Татьяне эсэсовский пропуск в Ригу, только что погиб в автомобильной катастрофе.

15-го опять был сильный налет на Берлин. Большая бомба попала в отель «Бристоль»⁶³⁰, один из немногих еще действующих столичных отелей, во время многолюдного официального банкета. Завалило шестьдесят человек, в том числе несколько крупных генералов⁶³¹. Откопали их только через пятьдесят часов, к этому времени большинство уже умерло. (Как будет видно в дальнейшем, разрушению гостиницы «Бристоль» суждено было оказать роковые последствия для многих участников заговора 20 июля.)⁶³²

Четверг, 24 февраля. Бланкенхорн все не может дозвониться до Риги.

Пятница, 25 февраля. Сегодня утром Бланкенхорн наконец дозвонился до Риги. Сообщают, что Пауль Меттерних вне опасности, но еще недостаточно окреп, чтобы путешествовать.

Днем у меня поднялась температура, и я, к ликованию Бютнера, пошла домой и легла в постель. Говорят, что он носился по «Танненхофу», потирая руки и приговаривая: «Jetzt habe ich sie, jetzt habe ich sie!» [«Ну, теперь я ей покажу! Теперь я ей покажу!»] Жуть!

Суббота, 26 февраля. Теперь слегла Татьяна.

Воскресенье, 27 февраля. Наконец-то бодрое письмо от Пауля Меттерниха.

Понедельник, 28 февраля. Сегодня утром опять не пошла на работу: чувствую себя прескверно. Бланкенхорн пришел в ужас, узнав о нашем состоянии, и обещал найти врача. Врач прибыл днем — молодой и, как говорят немцы, «спортивный». Жаннетт С. тут же им заинтересовалась, он явно

ответил ей тем же и в скором времени придет опять, теперь уже к ней. Узнав от Бланкенхорна, что у Пауля Меттерниха нарыв в легком, он сказал, что это очень опасная вещь, которая крайне редко встречается.

Вторник, 29 февраля. Вышла на работу. Луизетт и Йозиас Ранцау только что прислали мне из Бухареста изумительную ветчину. Некоторое время назад Йозиас получил назначение в тамошнее посольство. Это чрезвычайно кстати, потому что у нас кончились продовольственные карточки и неизвестно, чем кормить Татьяну, которая пока не в состоянии выходить.

Вчера вернулся граф Шуленбург. Какое облегчение!

Суббота, 4 марта. У Лоремари Шёнбург снова неприятности. Я только что получила письмо от Ханса-Бернда фон Хафтена (нашего берлинского старшего кадровика). Он хотел бы, чтобы я на нее повлияла и, может быть, уговорила уйти с работы: политическая ситуация становится все более рискованной, и ее неосторожность внушает им всем большие опасения. Она как раз только что написала мне из Вены, что собирается обратно в Берлин, так что это будет для нее неприятным сюрпризом.

Воскресенье, 5 марта. Сегодня утром уехала Татьяна. Бланкенхорн подавлен последней речью Черчилля и вообще позицией союзников⁶³³. Он надеялся, что Германия сможет прийти с ними к взаимопониманию «при определенных обстоятельствах», но теперь это представляется маловероятным. Они согласны только на «безоговорочную капитуляцию». Безумие!

Имеется в виду выступление Уинстона Черчилля в палате общин 22 февраля, в котором он выдвинул положение, что после победы необходимо будет обеспечить Польше компенсацию на Западе (т. е. за счет Германии) за все территории, которые ей, возможно, придется уступить СССР.

Понедельник, 6 марта. Опять сильный налет на Берлин, на сей раз среди бела дня. Теперь бомбят еще и американцы, а их самолеты способны лететь выше, чем британские. Дневные налеты еще хуже ночных, так как все люди находятся в городе или в дороге. Говорят, что разрушена киностудия УФА в Бабельсберге⁶³⁴. Боюсь, как бы не задело Потсдам, это ведь близко.

Строго говоря, круглосуточные налеты на Германию, когда днем бомбила американская авиация, а ночью — британская, начались еще в 1943 г. Первый налет американцев на Берлин, в котором участвовало 29 «летающих крепостей» Б-17, состоялся двумя днями ранее. Тот налет, о котором здесь пишет Мисси, обошелся американскому воздушному флоту дороже, чем какой-либо иной вылет бомбардировочной авиации за всю войну в Европе: из 658 вылетевших самолетов погибло 69.

Набирается все больше фотографий монте-кассинского сражения. Какой ужас, что уничтожен такой прекрасный монастырь. Что будет с Флоренцией, Венецией, Римом? Уцелеют ли они? Как странно: мы и представить себе не могли, что эта война будет такой кровавой и разрушительной, какой она теперь становится⁶³⁵...

Вторник, 7 марта. Звонила в Вену в надежде отговорить Лоремари Шёнбург возвращаться в Берлин, но она уже уехала.

Среда, 8 марта. Опять сильный дневной налет на Берлин. Нельзя туда дозвониться.

Мы с Жаннетт С. обе ждем посылок: я с вином, она с маслом; но пока ничего нет.

Татьяна прислала целую пачку писем, многие из них — от Пауля Меттерниха. Он пишет о том, как ему живется в Риге. Его хорошо кормят: гоголь-моголь, яичница, настоящий кофе и тому подобное. Прямо слюнки текут. Ему

гораздо лучше, но он все еще слаб. Его обследовала медицинская комиссия, на которую его случай произвел глубокое впечатление: дело в том, что у него был нарыв в левом легком, распространившийся вширь и окруживший сердце. Его нельзя было оперировать, и он выжил только потому, что нарыв вскрылся сам.

Антуанетт Крой написала Татьяне из Парижа о том, что некоторое время назад Джорджи вызывали в гестапо по поводу некоторых «советов», полученных им в письмах от Папá. Право, иногда хотелось бы, чтобы родители поменьше вмешивались в нашу жизнь и вели себя поосторожнее, особенно если учесть, что мы не всегда сообщаем им, чем занимаемся.

В Гестапо брату Мисси предъявили письма — разумеется, вскрытые цензорами, — в которых его отец выражал беспокойство по поводу слухов о его «деятельности». Подразумевалась, естественно, политическая деятельность, то есть Сопротивление. Не без труда Джорджи удалось обратить оплошность отца в забавное недоразумение, уверяя, что тот, скорее всего, имел в виду торговлю на черном рынке, которой в то время занимались многие французы.

Суббота, 11 марта. Ходила на лыжах с Мадонной в надежде достать овощей к подаренному ей зайцу, которого она готовит у себя дома для всех нас.

Воскресенье, 12 марта. Жизнь в Круммхюбеле организована исключительно плохо. Почти нет угля (хотя мы находимся в Силезии, а это угледобывающий район); а когда уголь есть, наши помещения превращаются в топки. Так что мы попеременно замерзаем и потеем.

Заяц Мадонны Блюм был восхитителен, и гости оставались допоздна. А я снова должна быть на ногах в пять

утра, поскольку еду в Бреслау⁶³⁶ за фотографиями для пополнения моего архива.

Понедельник, 13 марта. Одевалась в темноте; было очень странно снова оказаться в юбке.

К счастью, железнодорожное сообщение с Бреслау еще действует, и я была там к десяти часам. Город показался мне унылым, хотя разрушений в нем пока нет. С работой я справилась быстро, наскоро осмотрела рыночную площадь и собор, а затем решила подкрепиться в местном ресторане, но кормили там так скверно, что я через силу выхлебала какой-то омерзительный суп и поспешила обратно на вокзал.

В купе вместе со мной ехали несколько женщин. Одна старуха все время мотала головой из стороны в сторону: никак не могла оправиться от шока после налета. Другая потеряла полруки, но выглядела вполне бодрой. Она направлялась в какую-то сельскую больницу. Почему-то я испытала непонятную брезгливость, и вдруг, словно угадав мои мысли, кто-то достал одеколон и опрыскал им купе. В Хиршберге к нам подседа одна девушка из нашего министерства. Она ехала из Берлина. Она виделась с Лоремари Шёнбург, которая теперь хочет приехать ко мне в Круммхюбель.

Вторник, 14 марта. Письмо от Мамá. У нее давно нет никаких вестей от Ирины. В Италии царит хаос. Мне вдруг стало очень тоскливо, я пошла в церковь и некоторое время сидела там, пытаясь все это как следует обдумать. Судя по всему, Ирина у себя в Риме совсем затосковала от одиночества и хочет присоединиться к нам еще перед концом войны. Какая это была бы ошибка!

Среда, 15 марта. Письмо от Лоремари Шёнбург, подтверждающее ее намерение приехать сюда. Мы пошлем ей официальное письмо с приглашением войти в состав нашей группы на постоянных началах. В Берлине она

чересчур суетится и тем подвергает опасности жизнь очень нужных людей.

Ужин в ресторане «Пройсишер хоф». Там только что закололи свинью, и все набросились на потроха. Я стойко держалась сыра.

Телеграфная служба вконец расстроилась по всей Германии. Отправить сообщение телеграфом — вернейший способ сделать так, чтобы оно не дошло. Что, впрочем, теперь порой бывает к стати.

Четверг, 16 марта. Посылка с едой все нет, так что сегодня мы ели на ужин сухарики, смоченные в растопленном жире от индейки.

Вчера вечером генерал Дитмар⁶³⁷ (официальный военный радиокomentатор) признал, что дела на Востоке плохи, так как русским благоприятствует *Schlammperiode* [сезон грязи]. Нам следует быть готовыми к серьезным поражениям, сказал он.

Что же касается союзников, то они бомбили Рим, а также Штутгарт. Берлин в последнее время не трогают.

Пятница, 17 марта. Ничто не нарушает монотонность нашего серого существования — вот разве то, что граф Шуленбург прислал нам индейку.

Суббота, 18 марта. Целый день каталась с Мадонной Блюм на лыжах под сильным снегом, а когда пришла домой, то застала Жаннетт С. за попытками справиться с ящиком вина от Меттернихов, который только что доставили на санках помощник посла Ш. и шофер. Мы тотчас же откупорили бутылку и устроили себе тихий пир. Я подарила Жаннетт пол-ящика в благодарность за гостеприимство.

Воскресенье, 19 марта. Опять катались на лыжах.

Дома нас ожидал граф Шуленбург. Он только что получил посылку с орехами, изюмом и сушеным инжиром из Турции. Еще он принес кофе и коньяк, так что у нас был настоящий пир.

Жаннетт С. хочет на неделю вернуться в Берлин. Поскольку налетов там в последнее время не было, она даже собирается взять с собой свою маленькую дочку, которая здесь с ней живет. По-моему, это крайне неблагоприятно.

Вторник, 21 марта. Сегодня днем у нас было первое совещание с Бютнером после того, как он меня уволил. Он пытался быть любезным. Видимо, решил помириться.

Помощник графа Шуленбурга сказал Жаннетт С., что немецкая армия оккупировала Венгрию⁶³⁸, а русские занимают Румынию⁶³⁹. Официально об этом пока не сообщается. Приятные же нас ожидают перспективы!

Среда, 22 марта. Встали ни свет ни заря. После завтрака с настоящим кофе Жаннетт С. с ребенком отправились в путь. Мела метель. Сопровождал их помощник графа Шуленбурга Ш., явно за ней ухаживающий. Я рада, что немного побуду одна. Займусь починкой одежды и вообще приведу все в порядок.

В некоторых отношениях у Круммхюбеля, безусловно, есть свое сельское очарование: сегодня утром я пошла за покупками, и вдруг меня окликнул почтальон — он видел меня в булочной и после этого обошел все гостиницы (так меня и не отыскав), потому что у него было для меня заказное письмо. Трогательно!

Работала допоздна, так как из Бреслау прибыли кипы фотографий и канцелярские принадлежности; сейчас мы ищем тележку, чтобы доставить их к себе в бюро вверх по склону. У министерства есть специальный фонд сигарет — чтобы подкупать местное население переносить нам тяжести: ведь транспорта здесь практически нет.

Приглашаю гостей, пока есть вино. По-прежнему нет угля. В доме все холоднее и холоднее; когда приходят гости, я включаю два жужжащих электрических вентилятора.

Четверг, 23 марта. Теперь это уже официально: Венгрия оккупирована «нашими» войсками. Новым премьер-министром стал бывший посланник в Берлине — Штояи⁶⁴⁰, которого я несколько раз встречала на ужинах у Валери Аренберг: она ведь тоже венгерка. От Макиавелли в нем, насколько я помню, очень немного.

Хотя Венгрия немало поживилась за счет дружественных отношений с нацистской Германией, возвратив себе значительную часть территории, утраченной после Первой мировой войны, ее приверженность этому союзу была, мягко говоря, относительной, а участие в военных действиях Гитлера на Востоке — скромным. После того как во время Сталинградской битвы венгерские вооруженные силы были практически уничтожены, вероломный регент Венгрии адмирал Хорти⁶⁴¹ вступил тайно в контакт с союзниками. Это стало известно Гитлеру; 17 марта он вызвал Хорти в Берхтесгаден. В его отсутствие немецкие войска заняли страну и объявили премьером фельдмаршала Дёме Стояи.

Пятница, 24 марта. Мои продовольственные запасы тают на глазах.

Вечером зашла к графу Шуленбургу, он показал мне телеграмму из Мадрида: ночью 17-го французское Соппротивление пустило под откос экспресс Париж–Андэ; погибли оба Оярсабалы. Подробности не сообщались, говорилось только, что похороны состоялись в Мадриде. Они ехали домой в отпуск: Мария Пилар только что вернулась из Швейцарии, куда она ездила навестить их маленького сына⁶⁴² — он учится в школе Ле Розе⁶⁴³. На свадьбе Татьяны он нес за ней шлейф. Это трагическая утрата для всех нас, ведь они были одними из самых дорогих наших друзей. Провела вечер дома абсолютно подавленная.

Суббота, 25 марта. Закончила работу в полдень; затем, переодевшись, присоединилась к графу Шуленбургу и его

помощнику, и мы отправились в санях, запряженных лошадьми министерства, на Пфаффенберг⁶⁴⁴ — лесистый холм посредине нашей долины. У министерства тут целый конный завод. Кучер с азиатской внешностью оказался бывшим советским военнопленным из Азербайджана. Их тут довольно много, так как немцы не хотят использовать их на Восточном фронте. Одетые в немецкую форму не по росту и очень странно в ней выглядящие, они, в общем, добродушны.

К немалому удивлению немцев, практически с самого начала кампании на Востоке значительное число русских пленных добровольно вызывалось служить захватчикам. Среди этих людей были жители самых различных регионов Советского Союза, но особенно охотно шли на сотрудничество представители нерусских национальных меньшинств (таких, как упоминаемые Мисси азербайджанцы), чьи земли вошли в состав Российской империи относительно недавно и у которых были свои националистические и (у мусульман) религиозные счеты с их атеистическими московскими правителями. Кто-то шел на это лишь для того, чтобы не умереть голодной смертью в немецком лагере, но многие по идеологическим мотивам, придя к выводу, что Сталин (чьи чистки совсем недавно опустошили страну) — это враг еще хуже Гитлера. К концу войны таких перебежчиков насчитывалось от 1,5 до 2,5 миллиона, чего никогда еще не бывало за всю многовековую историю России!

Уже в начале кампании кое-кто из немецкого командования понял, что единственный шанс на победу на Востоке заключается для немцев в том, чтобы заручиться поддержкой русского народа в борьбе с его коммунистическими правителями, и вскоре появились воинские части, состоящие из бывших красноармейцев в немецкой форме — сначала на вспомогательной службе в тылу, а затем и в качестве регулярных боевых частей, призванных служить также и центром притяжения для новых перебежчиков. В 1942 г. был взят в плен на Волховском фронте

заслуженный советский генерал, один из любимцев Сталина, Андрей Власов, отличившийся предыдущей зимой при обороне Москвы. Вместе с еще несколькими советскими генералами он взялся создать Русское освободительное движение, которое, по их расчетам, разделившись со Сталиным, повернулось бы и прогнало в свою очередь и немцев. Хотя это движение получило поддержку у многих высших немецких военачальников и даже у некоторых высших чинов СС (под конец и у самого Гиммлера!), оно так и не развернулось из-за непреклонной позиции Гитлера, не желавшего об этом и слышать. В его планах для русских, даже антикоммунистически настроенных, места не было никогда — разве что в качестве рабов. Только в ноябре 1944 г. (когда советские войска уже готовились к конечному удару) Власову было позволено учредить Комитет за освобождение народов России и Русскую освободительную армию, состоящую из двух плохо экипированных дивизий, успевших лишь освободить Прагу от эсэсовских частей до того, как туда вошли советские войска. После этого они отступили на Запад и сдались союзникам, которые, выполняя Ялтинские соглашения, выдали их на милость Сталина. Многие из этих «жертв Ялты» предпочли возвращению на родину самоубийство. Другие были либо расстреляны на месте, либо отправлены в ГУЛАГ, откуда мало кто вернулся. Сам Власов вместе со своим генералитетом был повешен в Москве в августе 1946 г.

На вершине холма есть небольшой замок, принадлежащий какому-то барону Х.⁶⁴⁵, который сдает там комнаты, и по предварительной договоренности там можно пообедать. Нас любезно приняли хозяин и хозяйка⁶⁴⁶, но когда гостей пригласили к столу, они ретировались. Нас проводили в очаровательную небольшую столовую, отделанную ситцем бледно-голубых и белых тонов, с мягким освещением — словом, в такую обстановку, о которой мы у себя в деревне давно и думать забыли. Подали восхитительный

обед, завершившийся персиками со взбитыми сливками. Мы радовались, как дети на празднике. Позже хозяева дома снова вышли к нам и провели нас по замку. У них есть даже небольшая оранжерея, и они с гордостью показали нам свою первую розу. Потом подали коньяк, после чего за нами заехали сани, и мы отправились обратно в Круммхюбель.

Понедельник, 27 марта. Еще одна ветчина от Йозиаса Ранцау — дай ему Бог здоровья!

Вторник, 28 марта. В прошлую пятницу опять был сильный налет на Берлин. Я беспокоюсь, так как Жаннетт С. со времени своего отъезда не подает признаков жизни.

Ужин у Мадонны Блюм. Позже зашел карикатурист Брунс⁶⁴⁷, и мы играли на трех аккордеонах. Он приехал сюда на две недели; обычно он работает ночью, а днем бегаёт на лыжах или играет нам на аккордеоне, пока работаем мы. Он исключительно одарен, у него неисчерпаемый репертуар, и он многому нас научил. Он крошечного роста, очень талантливый художник и, подозреваю, тайный коммунист. У него весьма «оригинальные» взгляды на нынешнюю Германию.

Среда, 29 марта. Все снег и снег.

Ханс Бернд фон Хафтен позвонил мне из Берлина узнать, не сможет ли Татьяна приютить у себя в Кенигсварте семью Джаджи Рихтера — их дом тоже разбомбили. Во время дневного налета, когда Джаджи сидел в бункере на работе, в его дом попала фугасная бомба, разбросав членов семьи во все стороны. Слава Богу, никто не пострадал, но теперь им некуда деться. Пытаюсь дозвониться до Татьяны, но междугородняя связь, как обычно, не действует.

Четверг, 30 марта. Письмо из Берлина: меня просят приехать после пасхи. Я в восторге: очень трудно так долго находиться вдали от «центра событий». Наше здешнее малоподвижное существование полезно лишь для физического восстановления сил.

Сегодня вечером мы с Мадонной Блюм готовили картошку на ужин, и вдруг, едва держась на ногах, появляется Жаннетт С. со своей девочкой и тащит огромный чемодан. Не успела она приехать в Берлин, как в первую же ночь в ее тамошний дом попала одна из самых мощных бомб. Подвал обрушился, похоронив заживо одиннадцать человек. Сами они каким-то чудом спаслись, но ее матери теперь некуда деться, мне придется отсюда выехать, чтобы освободить ей место. Судя по всему, в Берлине сейчас сплошной ужас: нет воды (семья получает по два ведра в день, их разносят солдаты), нет света, нет газа... Жаннетт С. несколько раз возбуждала на улице неудовольствие прохожих своей «вызывающей» косметикой: теперь это считается «непатриотичным». Шляп больше не носят — в лучшем случае закутываются в шарф, чтобы не задохнуться в дыму.

Пятница, 31 марта. Весь отдел окунулся в бурную деятельность. Завтра приезжает д-р Сикс с Джаджи Рихтером и другими высшими начальниками, и они зайдут во все шале и все гастхаусы по очереди. По случаю столь важного события откуда ни возьмись вдруг появился уголь, и наше жилье отапливается практически в первый раз за зиму. Более того, «Танненхоф» заново покрасили и выстелили коврами. Бютнер в смятении издал «Приказ дня»: в воскресенье всем быть на своих рабочих местах от девяти до двенадцати. Можно подумать, что ожидается визит папы римского!

Погода наконец-то начала улучшаться, и поэтому мы особенно ворчим.

Суббота, 1 апреля. Намеренно пришла на работу поздно — из-за завтрашнего дня. Бютнер уже рыскал по территории. Он подчеркнуто объявил, что находится там с восьми утра. Нынешний объект его придинок — после того, как он оставил в покое меня, — это профессор Михель, который,

когда его отчитывают, обычно замечает: «Das kostet mir nur ein müdes Lächeln» [«Это обходится мне всего-навсего в усталую улыбку»].

Воскресенье, 2 апреля. Пришла на работу чуть позже девяти. Погода была ясная и солнечная. Аккордеон Брунса на время спрятали, на каждом столе поставили табличку, удостоверяющую, какой именно областью нашей деятельности здесь занимаются: *Bildarchiv* [фотоархив], *Schrift und Wort* [письменное слово] и т. п.; все напряженно стояли в ожидании явления Великого Могола. Я сидела на веранде и грелась на солнышке с Брунсом и сослуживицей из Берлина, когда меня срочно вызвали: Бютнеру требовалось обсудить какие-то тексты и заголовки.

Этим мы и занимались, когда появилась процессия, возглавляемая д-ром Сиксом, за которым следовали Джаджи Рихтер, выглядевший так, словно у него болел живот, Бем, Блант и секретарша Сикса фрау Зойстер, плюс власти предержащие Круммхюбеля, то есть Бец и прочие. Господа из Берлина были в несколько растрепанном виде: с непривычки к скользкому льду и снегу они явно спотыкались и падали по дороге к нам наверх. После этого все собрались на веранде, где, к нашему всеобщему изумлению, Бютнер разразился нескончаемой речью о нашей «исключительно важной» деятельности. Что за фарс! Сикс молча устремил на него взгляд, он сбился и стал запинаться. Я стояла сзади, прислонившись к двери. Когда речь Бютнера кончилась, Сикс сказал несколько слов о необходимости обеспечить больше места для фотоархива (следовательно, для меня!) и т. п., и они заковыляли обратно вниз по склону, а мы пошли бегать на лыжах.

В течение следующих трех дней Сикс будет занят где-то в другом месте, так что нас не будут беспокоить, но он объявил, что нанесет нам еще один инспекционный визит в среду.

Вчера его секретарша фрау Зойстер неожиданно пришла ко мне и умоляла явиться сегодня утром на работу. Как я поняла, они боялись, что я вместо этого пойду бегать на лыжах! Что они, с ума сошли: это в присутствии Тигра-то? Он слишком опасный для меня человек, чтобы я позволила себе легкомысленно относиться к своим обязанностям, пока он здесь. Да и вообще с моей стороны было бы непростительной глупостью настраивать его против себя по такому пустяковому поводу, зная, что нам предстоит. (Здесь Мисси явно опять намекает на готовящееся покушение на жизнь Гитлера.)

Фрау Зойстер обещала Джаджи и еще двоим господам из Берлина, помогавшим ей в дороге справиться с ее тяжелым багажом, чашку кофе. Я предложила ей принять их в нашем доме, так как больше ей сделать это негде. Мы с Мадонной Блюм едва успели дойти до дома, снять боты и предупредить Жаннетт С., как появились Джаджи, Бем и Блант. Фрау Зойстер обеспечила кофе, а я вино. Мы очень мило побеседовали: ведь эти трое — одни из последних оставшихся в отделе порядочных людей. Они не знают, как быть с Сиксом, и спросили у нас, не могут ли они привести его к нам с собой после ужина. Что же, возможно, это будет с нашей стороны умной политикой. Вечером они действительно привели его с собой, и мы принимали гостей допоздна, причем ноту веселости в наше общение вносила одна лишь Жаннетт.

Понедельник, 3 апреля. Семейство Ранцау переправляет все свои ценные вещи из Бухареста сюда, к родственнице Йозиаса. Судя по всему, они там очень встревожены, ведь фронт приближается с каждым днем.

Вторник, 4 апреля. Погода быстро портится, и я, воспользовавшись присутствием Джаджи Рихтера, решила поехать с ним тайком в Кенигсварт на уик-энд. Он наконец решил отправить свою семью к Татьяне, и не исключено,

что мне удастся даже выхлопотать официальное разрешение его сопровождать. Ехать поездом будет тяжело: теперь поездка занимает восемнадцать часов вместо пяти.

Среда, 5 апреля. Джаджи Рихтер не только добился у д-ра Сикса разрешения для меня сопровождать его в Кеннингсварт, но и устроил так, что мы выезжаем уже в пятницу (обосновав это тем, что должен переговорить со мной еще по ряду служебных вопросов).

Сегодня такое жаркое солнце, что мы с фрау Зойстер забрались на крышу нашей веранды. Там мы говорили о делах, и скоро к нам присоединились Джаджи и профессор Михель, а рядом в уголке, сняв рубашку, загорал Брунс. Джаджи неожиданно сообразил, что ранее Брунс ни в каких совещаниях участия не принимал. Поскольку здесь все немедленно получает гриф *streng geheim* [«совершенно секретно»], то было решено, что, как только мы спустимся с крыши, Брунс принесет присягу секретности.

Четверг, 6 апреля. Сегодня утром меня попросили явиться к д-ру Сиксу после кофе, так как он захотел поговорить со мной наедине. Я не вполне поняла, что означает «после кофе». К счастью, по дороге на обед я наткнулась на самого Сикса. Он многозначительно взглянул на свои часы. Означало ли это, что я ухожу слишком рано, или же что-то другое? Трудно сказать. С таким человеком очень непросто найти верный тон и скрывать свое отвращение и страх под маской бравады: мне, мол, наплевать. Позже зашел Джаджи Рихтер и сообщил, что нас обоих ожидают в пять. Как хорошо, что мне не пришлось идти одной! В «Танненхофе» нас встретил лично Сикс. Нам были предложены булочки, кофе и коньяк; обсуждались общие вопросы — если только можно назвать это обсуждением. Любой спор он неизменно завершает напоминанием, что является наиболее высокооплачиваемым сотрудником нашего учреждения и, следовательно, за ним должно оставаться последнее слово.

КЕНИГСВАРТ. *Западная Страстная пятница*⁶⁴⁸, 7 апреля. Сегодня утром встала в пять. На станцию успела как раз к тому моменту, когда д-р Сикс и Джаджи Рихтер сели в поезд, а местные кrummhübelские власти в лице Беца и иже с ним стояли на платформе, провожая «нас». К счастью, в Гёрлице наши пути разошлись. Поезд, на котором мы с Джаджи предполагали сесть, пришел настолько переполненным, что мы не смогли на него попасть даже через окна, так что пришлось три часа ждать следующего поезда и в Мариенбад мы прибыли в одиннадцать ночи, проведя в пути почти двадцать часов; но Джаджи был в хорошем настроении, и время прошло быстро.

Добравшись до дома, я немедленно разделась и поужинала. Потом появилась Мама́. Я была рада видеть ее, ведь я не была здесь с Рождества. Между нами тут же разгорелся политический спор. Такая вынужденно бездеятельная жизнь плохо сказывается на динамичных натурах. Вчера из Риги приехал Пауль Меттерних. Он выглядит очень усталым, но совсем не таким исхудавшим, как я ожидала, и настроение у него бодрое.

Суббота, 8 апреля. Погода чудесная. Здесь гораздо меньше снега, чем в Кrummhüбеле. Мы с Мама́ ходили в деревню и встретили гуляющую семью Рихтер. После сытного обеда — что значит по нынешним временам быть владельцами имения! — долго каталась по окрестностям. У Пауля Меттерниха сильная одышка, но в остальном он держится бодро. Как жаль, что Кrummhüбель так далеко и я не могу приезжать сюда чаще! Меттернихи надеются летом поехать в Испанию — у Пауля отпуск по болезни. Он даже собирается ехать туда на автомобиле своей матери, который спрятан здесь в сарае с самого начала войны. Его эта идея чрезвычайно воодушевляет: ведь сейчас пользование частным транспортом запрещено.

Западное Пасхальное воскресенье, 9 апреля. Приходили обедать Рихтеры. Джаджи умница. Как хорошо, что в министерстве еще есть кто-то, кому можно доверять.

КРУММХЮБЕЛЬ. Вторник, 11 апреля. Встали в 4.30 утра. Поезд был переполнен, и всю дорогу нас преследовал вой сирен воздушной тревоги. Приехала в Круммхюбель в 7 вечера и немедленно направилась домой, где нашла много писем и несколько посылок.

Среда, 12 апреля. Посылки были от Ханни Йенша: он прислал масло, бекон и колбасу. Я растрогалась. Мы тут же организовали пиршество, завершив его чашкой кофе.

Днем было общее собрание, на котором объявили о недостатках, обнаруженных д-ром Сиксом во время его визита: среди прочего он отметил, что мы недостаточно аккуратно отбываем свое рабочее время. С другой стороны, было объявлено, что если здесь будет воздушный налет, то мы имеем право разойтись куда хотим. Разумный совет, тем более что иной альтернативы нет! Ужинала с графом Шуленбургом, потом ходила в кино.

Хотя в то время Мисси этого не знала, д-р Сикс, находясь в Круммхюбеле 3–4 апреля, выступал на семинаре «экспертов по еврейскому вопросу», прикомандированных к немецким дипломатическим миссиям в Европе. Он сделал доклад на тему «Политические структуры мирового еврейства», в котором заявил, что «физическое истребление европейских евреев лишает еврейство его биологических резервов».

Четверг, 13 апреля. Сегодня утром позвонил Ханс Георг фон Штудниц. Он находится здесь вместе с полномочным посланником Шмидтом⁶⁴⁹, начальником Отдела иностранной прессы АА. Они совещаются с Тидо Гаспаром⁶⁵⁰, занимающим аналогичный пост в Словакии, а заодно и пост

министра пропаганды. Позже Ханс Георг зашел ко мне на работу, и мы посидели на скамье, греясь на солнце. Он переполнен новейшими берлинскими сплетнями. По-моему, он многое выдумывает, но он превосходный рассказчик.

В обеденное время мы пошли с ним вверх по склону посмотреть на комнату, которую граф Шуленбург нашел для меня в другом шале, так как Жаннетт С. просит меня освободить мою теперешнюю комнату, где поселится ее мать. Новая комната более чем скромна, но снабжена проточной водой, а это теперь большой плюс. На днях приедет Лоремари Шёнбург. мы будем жить там вместе и, думаю, устроимся уютно. На мосту над водопадом мы столкнулись с самим посланником Шмидтом; он оказался, к моему удивлению, совсем молодым человеком. Он устраивал *Kameradschaftsabend*, то есть вечеринку своих сослуживцев, в отделе прессы в гостинице «Тайхманнбауде» и пригласил и меня. Вместе с Мадонной Блюм и еще несколькими приглашенными мы отправились туда в конном экипаже.

За исключением нас, все девушки были из Отдела прессы. Мы сидели за длинными столами, моим соседом был Штудниц, продолжавший рассказывать свои берлинские саги. В ходе вечера посланник Шмидт опрокинул стакан вина на юбку Мадонне. Его словацкий гость Тидо Гаспар пригласил нас к себе в Словакию и обещал мне свою последнюю книгу — «*Mille et une femmes*» [«Тысяча и одна женщина»]⁶⁵¹: он поэт и драматург. Напитки подавались в изобилии — коньяк, всевозможные вина, шампанское; были также превосходные бутерброды. Присутствовал и бургомистр Круммхюбеля; он недвусмысленно шепнул мне, что крайне мной заинтригован — *qu' est-ce que jefichais dans cettsgalere?* [что побудило меня оказаться в такой компании?]. Вечеринке не было видно конца, но в два часа ночи я предложила нашей группе откланяться.

Пятница, 14 апреля. Весна: повсюду вырастают крокусы.

Мы с Мадонной Блюм решили съездить в Берлин на автобусе Ханса-Георга Штудница, который возвращается туда завтра. У Мадонны отпуск. А я — зайцем!

Суббота, 15 апреля. Встала в пять утра и встретилась с Мадонной Блюм в условленном месте. Появилось огромное белое чудище на угольной тяге, управляемое жизнерадостным австрийцем. Остальные трое пассажиров тоже были австрийцы. Вообще-то, в автобусе тридцать мест. Часть пути проходила по *Autobahn* [автомагистрали], и нам все время приходилось останавливаться, чтобы водитель мог заправить топку. В Кёнигс-Вустерхаузене⁶⁵², где сошел один из наших пассажиров, был в разгаре воздушный налет; над головами кружилось много истребителей, а близ дороги было несколько воронок. Но вскоре дали отбой, и мы поехали дальше. В Берлине нас высадили на площади Инсбрюкер Плац.

У Герсдорфов я застала Марию и барона Корфа. Мария принялась варить мне яйца, как вдруг вошел Папá. Он приехал в Берлин на русскую Пасху. Я позвонила Готфриду Бисмарку, который сообщил мне, что Лоремари Шёнбург живет в отеле «Централь»⁶⁵³, возле железнодорожной станции Фридрихштрассе. Поскольку получить комнату в отеле сейчас очень трудно, это, несомненно, дело рук графа Хелльдорфа. Я позвонила ей и попросила забронировать комнату и мне. Большую часть дня провела с Марией, потом пошла в отель. Путь пролегал через Тиргартен, представляющий сейчас грустное зрелище. Вообще запущенный вид Берлина поражает и удручает.

На Унтер ден Линден прошла мимо отеля «Бристоль». На первый взгляд он выглядел не так уж плохо: фасад сохранился, с балконами и всем остальным. Но внутри все разворочено: там и сям валяются телефонные трубки, кафель, люстры, обрывки ковров, осколки зеркал, битые статуи и осыпавшаяся штукатурка.

В отеле «Централь» меня встретили с подчеркнутой вежливостью и немедленно дали комнату. Я заказала ужин и прилегла поспать. Через два часа появились Лоремари, Тони Заурма, Александра фон Бредов⁶⁵⁴ (племянница Готфрида), Кикер Штумм и еще один приятель; мы сидели, пили коньяк и болтали до полуночи.

Несмотря на все усилия ее спрятать и попытки ее очень способного адвоката д-ра Лангбена⁶⁵⁵ (который в то время сам имел неприятности и сейчас находится в тюрьме), мать-еврейку Зигрид Герц опять арестовали — теперь уже окончательно. Помочь больше ничем нельзя, и мне страшно ее жаль. Все это напомнило мне, как года два назад мы сидели с Зигрид и с Лоремари на кухне у Лейндорфов, обсуждая эти возмутительные преследования евреев. Кто-то подарил мне тогда бутылку бенедиктина, и мы, разлив его в пивные стаканы, запивали им наш «ужин», состоявший из сухой колбасы.

Д-р Карл Лангбен был давно уже близок к группе антинацистских сопротивленцев из окружения бывшего посла фон Хасселя и бывшего прусского министра финансов д-ра И. Попица⁶⁵⁶. Пользуясь своими поездками в Швейцарию, он также служил контактом с союзниками. Но одновременно он же имел контакты и с Гиммлером, которого он старался убедить порвать с Гитлером. В сентябре 1943 г. его арестовали, долго пытали и под конец казнили. Его дочь, кстати, автор немецкого перевода книги Мисси.

Воскресенье, 16 апреля. На пустой желудок отправилась в русскую церковь причаститься, к сожалению безуспешно. Там была такая давка из-за множества беженцев и депортированных «остов» из Советской России, что я даже не могла пробиться ко входу. После настоящей кулачной драки с каким-то скотиной, который ворвался в телефонную будку и пытался меня оттуда вытеснить, я дозвонилась до

Лоремари Шёнбург и вернулась к себе в гостиницу. Скоро появился Тони Заурма на своей машине, и мы поехали в гостиницу «Эден» пообедать. Так как фасадной части здания еще нет, доступ туда теперь с заднего входа. Но уже восстановили пятьдесят комнат. Мы легко получили стол, и нам подали удивительный обед, состоящий из рёд-диски с маслом и котлет из дичи (дичь не рациионирована). Мы начали с коктейлей, затем несколько сортов вина, затем шампанское и завершили все это бутылкой коньяка из погреба Тони. Мы уже долгие месяцы так хорошо не ели.

Завернув часть обеда в бумажные салфетки, мы понесли это Марии Герсдорф, где нашли Готфрида Крамма и Папá. Готфрид сейчас очень расстроен, так как Швеция попросила его больше не приезжать. Он часто бывал там благодаря дружбе со старым королем — оба большие любители тенниса⁶⁵⁷. Может быть, то интрига англичан?

Мы пробыли у Марии почти весь день; потом Тони ушел, а я одна отправилась в отель, так как должна была вернуться в Круммхюбель завтра же утром, и мне никак нельзя будет опаздывать на поезд.

Вторник, 18 апреля. Переехала из шале Жаннетт С. в свою новую комнату, которая находится в получасе ходьбы от работы; в этом немало преимуществ. Комната имеет балкон с чудным видом.

В Круммхюбеле сразу же наткнулась на Беца, которому и призналась, где провела уик-энд, но моей вылазки никто, похоже, и не заметил.

Потом приехала Лоремари с огромным чемоданом. Мы вместе втащили его вверх по склону. Живописные окрестности ей понравились, но она твердо намерена пробыть здесь минимум времени.

Суббота, 22 апреля. Постепенно начинаю понимать, как трудно работать с Лоремари Шёнбург — именно потому, что мы такие близкие подруги.

Понедельник, 24 апреля. Долгий разговор с Лоремари Шёнбург: она дуется, так как винит *меня* в том, что ее перевели в Круммхюбель. Не могу же я сказать ей, что истинная причина заключается в том, что из-за ее безрассудного поведения само ее присутствие в Берлине ставит под угрозу людей, которые (хотя она этого не знает) в гораздо большей степени, чем она, вовлечены в то, что предстоит. (Опять намек на предстоящее покушение на Гитлера!) За ужином у нас был еще один долгий разговор, и это несколько разрядило атмосферу.

Завтра я возвращаюсь в Берлин недели на две.

БЕРЛИН. Вторник, 25 апреля. Лоремари Шёнбург проводила меня до станции и помогла донести чемодан. До Гёрлица — это в двух часах езды — ехать было довольно удобно: я даже сидела. Но в Гёрлице наш вагон по неизвестной причине отцепили, и всем пришлось выйти и искать места в других вагонах: дальше стояла всю дорогу до Берлина.

Была очень рада снова увидеть Алекса Верта и Адама Тротта. Все как в былые времена. Мы долго говорили, прежде чем я отправилась в кабинет к Джаджи Рихтеру. Все возмущены, поскольку их переводят в новое помещение в соседнем доме, где условия не отвечают самым элементарным требованиям: там нет даже телефона. Поэтому они решили перебраться в отель «Карлсбадехоф», где еще есть свободное место. Адам привез меня к себе на чай, а потом отвез на станцию Шарлоттенбург.

В Потсдам я приехала довольно поздно; к ужину меня ожидали Готфрид Бисмарк, Рюдгер Эссен и Жан-Жорж Хойос. Мелани за городом. Переводчик Гитлера посол Пауль Шмидт⁶⁵⁸ попал в тяжелую автомобильную катастрофу — два перелома черепа. Надеюсь, что он поправится: он приятный, порядочный человек. Была также тяжелая авиакатастрофа, в которой погиб генерал-полковник Хубе⁶⁵⁹. Он

только что получил алмазы к своему рыцарскому Железному кресту с дубовыми листьями.

Среда, 26 апреля. Тружусь над макетом нового журнала, который задумал выпускать д-р Сикс.

Вечер провела с Марией Герсдорф. Я так редко вижу их обоих, а они всегда такие душки и так добры ко мне! Они более или менее привели в порядок первый этаж, теперь там можно сидеть, но по-прежнему очень холодно. Скверик перед домом тоже выглядит лучше: среди развалин цветут персиковые деревья и гиацинты — маленький оазис.

Четверг, 27 апреля. Сегодня утром была у графа Хелльдорфа. Какой-то грубый чиновник попытался было меня остановить, но я все-таки к нему прошла. Принял он меня, как всегда, обаятельно, что никак не дает мне разобраться, каков же он на самом деле: ведь очень многие мои друзья ему не доверяют. Однако мнение Готфрида Бисмарка я ставлю очень высоко, а потому твердо намерена и впредь относиться к нему хорошо. Он подвез меня к отелю «Адлон». Я сидела рядом с ним впереди; позади ехали два крупных полицейских чина. Я чувствовала себя в полнейшей «безопасности»: это же самые высокопоставленные лица в берлинской полиции!

Обедала с Тютю Штуммом. «Адлон» — Вавилонская башня, где собираются последние из могикан. Устраивать коктейли теперь не принято, так что все и каждый, кого я когда-либо встречала на подобных приемах и кто уцелел, заглядывают сюда по меньшей мере раз в день. Сегодня, например, там были Франц Эгон Фюрстенберг⁶⁶⁰, Хельга Неринг, Лалли Хорстман, Фрици Шуленбург⁶⁶¹ (бывший вице-президент берлинской полиции, заместитель Хелльдорфа), сестры Лоренц, Карл Залм⁶⁶²... Есть что-то зловещее в этой атмосфере обреченной обороняющейся крепости.

После обеда заглянула в швейцарскую миссию к Перси Фрею⁶⁶³. Приятно время от времени чувствовать под ногами

нейтральную почву! Потом поехала к художнику Лео Ма-
линовскому, который живет в Николасзее⁶⁶⁴, — этот бер-
линский пригород так хорош в это время года, когда по-
всюду цветут крокусы и миндаль.

Попили с Лео кофе в его квартире. У него очарова-
тельная старушка-мать, которая живет с ним; чудесная,
типично русская интеллектуальная атмосфера. Лео сильно
хандрит: только что покончил с собой в тюрьме один из
его ближайших друзей⁶⁶⁵, работавший в геббельсовском
листке «Дас Рейх»⁶⁶⁶ и часто бывавший у нас в Отделе ин-
формации. Лео подозревает, что его заставили это сделать.
Художникам сейчас приходится особенно трудно. Моло-
дые все мобилизованы, если еще не погибли; а те, кто по-
старше, судя по всему, ушли в подполье, поскольку, нечего
и говорить, взгляды у них по большей части в высшей
степени нонконформистские; так что в обоих случаях им
нелегко выжить.

Я выпила так много кофе, что весь остаток дня у меня
все плыло перед глазами. Кофе — единственный напиток,
который я пью в огромных количествах, как только пре-
доставляется возможность: похоже, что он заменяет все
то, чего мы лишены. Курить я практически бросила.

После этого я направились прямо в Потсдам. Готфрид
Бисмарк был один. С ним можно разговаривать о чем угод-
но, он так хорошо все понимает; но стоит ему оказаться
в окружении людей, его раздражающих, как он нервнича-
ет и ведет себя, как необъезженная лошадь.

Пятница, 28 апреля. По утрам Рюдгер Эссен отвозит меня
в Берлин. К сожалению, скоро он навсегда уезжает в Сток-
гольм. Нам будет очень его не хватать; он спокоен, как
скала в бушующем море, и никогда не выпускает трубки
из рта. Сейчас его сослуживцы один за другим устраи-
вают в его честь прощальные вечеринки, с которых он воз-
вращается лишь к утру сильно подвыпившим.

На работе застала всеобщую суматоху: «*Luftgefahr 15 — höchste Alarmstufe*». Это означает, что вот-вот будет крупнейший налет. Однако, на наше удивление, ничего не произошло. В два часа дня д-р Сикс и Алекс Верт предложили мне пойти с ними в Клуб иностранной прессы обсудить за обедом некоторые деловые вопросы. Клуб сейчас находится в пригороде, так как красивое здание в центре города, где он размещался прежде, полностью разрушено. Мы проезжали по районам Берлина, где не осталось ни одного стоящего здания. В клубе мы встретили Адама Тротта: он как раз собирался пообедать с двумя друзьями. Нам достался столик в середине комнаты, окруженный немецкими газетчиками и людьми из АА. Был там и посланник Шмидт, начальник Ханса-Георга Штудница. Он в плохих отношениях с Сиксом (а кто в хороших?) и, чтобы позлить его, подошел ко мне пожать руку и громким шепотом сказал: «Не говорите ему, о чем мы разговаривали в Круммхюбеле...»

Стараниями Алекса Верта обед прошел удовлетворительно. Мы говорили о кадровых вопросах Круммхюбеля: у некоторых девушек там растет нервозность. Судя по всему, Сикс привыкает к тому, что я время от времени появляюсь здесь, иногда неожиданно. Он лишь интересуется, что я делаю и когда собираюсь уезжать, а других вопросов больше не задает.

Ужин у Штудница с Берндтом Муммом и Фольратом Вацтдорфом⁶⁶⁷. Ханс Флотов одолжил ему для этого свою квартиру. Я была единственной девушкой. Штудниц — мастер вести застолье. Он остроумен и беспощаден, любит производить эффект и не щадит ради этого никого. На этот раз мы столько смеялись, что меня прямо-таки свело судорогой. Такое бывает нечасто и очень полезно.

Я Н С Ф Е Л Ь Д Е⁶⁶⁸. Суббота, 29 апреля. Утро началось прекрасно. Рюдгер Эссен высадил меня у киностудии УФА⁶⁶⁹ на Лейпцигерштрассе, в самом центре города: я должна

была взять там фотографии немецких актрис. Не успела я начать просматривать материал, как завывли сирены. Нас немедленно согнали в глубокий просторный подвал. Там находилось около 500 человек, все они были сотрудниками УФА. Две девушки, с которыми я сидела у входа, учили наизусть стихи, а я погрузилась в автобиографию мадам Табуи⁶⁷⁰ «*Ils l'ont appelée Cassandre*» [«Ее называли Кассандрой»], но тут раздался грохот и погас свет. Немедленно заработали резервные генераторы. Несмотря на то что здесь все вроде бы прекрасно организовано, я подумала, что могу оказаться заваленной и никто не узнает, где я; эта мысль не подбодрила. Зенитки палили без отдыха, бомбы то и дело разрывались совсем близко. Крутом носились медсестры с пакетами первой помощи. Каждые десять минут нужно было отправлять двоих мужчин-добровольцев качать в подвал свежий воздух.

Через час все кончилось. Я поспешно закончила отбирать фотографии хорошеньких женщин и пошла в издательство «Дойчер ферлаг», то самое, где в свое время подметали полы брата Вандевр; несколько месяцев назад в него попало несколько бомб, и теперь там хаос.

Воздух был насыщен дымом, и мне больно щипало глаза. Я надеялась добраться обратно на работу трамваем, но поняла, когда увидела огромную воронку на перекрестке Лейпцигерштрассе и Мауэрштрассе, что не получится. Там только что разорвалась фугасная бомба, разворотив пути. Яма была метра четыре в глубину и столько же в ширину, а по обе стороны от нее ярко пылали дома. Но поскольку дело происходило посреди дня, зрелище было не такое уж и страшное.

Дорога обратно в бюро пешком заняла у меня больше часа. На сей раз бомбили в основном административный центр города. Проходя мимо отеля «Карлсбадэрхоф», куда планировалось перевести наше министерство, я увидела

большое оживление. Здания больше не существовало: в него угодило три бомбы. Я наткнулась на фрау фон Карнап, которая никак не могла оправиться от потрясения. Она и Ханнеле Унгельтер укрывались в подвале справа от коридора, когда левый подвал был разрушен прямым попаданием. Там погибли две девушки и многие были ранены. Позже я слышала, что откопали их всех только через двое суток. Ханнеле сказала, что все произошло так быстро, что они даже не успели испугаться. Соседний дом, в котором находились военнослужащие, обрушился на людей, стоявших на улице со шлангом. Один человек еще много часов стонал внутри здания: «Wenn ich nur bewusstlos wäre!» [«Если бы я только был без сознания!»] До него так и не добрались.

Я ненадолго зашла на работу, а потом отправилась обедать к Марии Герсдорф, где застала Готфрида Крамма, чету Багге⁶⁷¹ и других. К нам присоединился и Ханс Георг Штудниц; он сказал, что на Вильгельмштрассе нас ожидает машина, которая отвезет нас к Пфулям: у них мы проведем уик-энд.

Мы поехали на Вильгельмштрассе на метро, но на пути пришлось выйти и идти дальше пешком, так как впереди были разрушены пути. Ангальтский вокзал выглядел просто ужасно. Сегодня утром во время налета в него врезался скорый поезд, пылающий, как факел. Еще три поезда готовились в путь; два из них отошли до того, как упала бомба, но третий застрял.

Добравшись наконец до Вильгельмштрассе, мы узнали, что машины нет. Некоторое время мы ждали: а вдруг все-таки. Потом решили ехать поездом.

На вокзале мы встретили Бланкенхорна с рюкзаком за плечами. Он был в счастливейшем настроении: только что вернулся из Италии. Теперь он направлялся в Швейцарию каким-то таинственным маршрутом. В суматохе я забыла книгу мадам Табуи у билетной кассы. Мгновенно

пришла в ужас: ведь книга в Германии запрещена! В конце концов я получила ее обратно у кассира — ее передал ему какой-то пассажир. Но за это время мы упустили два поезда.

Женевьева Табуи — одна из самых авторитетных журналистов Франции предвоенного, военного и послевоенного времени. Племянница двух видных дипломатов-политиков Третьей республики, братьев Камбон, она долго являлась главным политическим обозревателем левоцентристской ежедневной газеты «Эвр».

Ханс Георг начал обзванивать своих друзей, прося о помощи, и в конце концов один добрый самаритянин приехал за нами и отвез нас к Ц.-Ц., где нас накормили до отвала и напоили кофе, сваренным на спиртовке, заправленной одеколоном, поскольку никакого другого горячего нет.

Дом Ц.-Ц. окружен усадьбами, которые арендуют иностранные дипломаты, лишившиеся своих разрушенных городских домов. Мы располагаемся на чердаке, так как большая часть дома занята испанцами и румынами.

Воскресенье, 30 апреля. Долго разговаривала с двумя русскими горничными — прислугой у Ц.-Ц. Пфуля. Одна из них, двадцати четырех лет, потеряв мужа и единственного ребенка во время воздушного налета, осталась на свете одна-одинешенька; милая, приветливая девушка, очень обрадовавшаяся возможности поговорить по-русски, она весьма реалистически оценивает свое положение и относится к будущему со спокойным безразличием. Другой девушке всего восемнадцать. Одета в черное, в белом переднике, она неизменно приседает, когда к ней обращаются, очень хороша собой и могла бы быть французской субреткой из пьесы. Она только что из Киева, и мы говорим с ней на смеси русского, польского и украинского, но прекрасно друг друга понимаем. Прислуга в Янсфельде очень пестрая: эти русские девушки, немцы — кухарка

и няня, множество испанцев, обслуживающих дипломатов, и француз-дворецкий, предводительствующий этим курятником и именуемый при обращении «мусью».

После обеда слушали официальное коммюнике: вчерашний воздушный налет был назван *Terrorangriff* [террористическим налетом]. Боюсь, что родители снова будут сильно волноваться, так как я не могу позвонить и успокоить их. Позже Тони Заурма отвез нас в Бухов на чай к Хорстманам. Там были испанский посол Видаль и Федерико Диез. Последний сообщил мне подробности о смерти Марии-Пилар и Игнасио Оярсабаль. Его посылали опознавать трупы. Свои спальные места они выиграли в карты у другой испанской супружеской четы; проигравшие остались живы. Единственное утешение — в том, что они скончались мгновенно. Видаль подробно расспрашивал о Круммхюбеле, так как в скором времени туда будут эвакуированы все иностранные миссии. Не знаю, успеют ли. Лалли Хорстман сказала, что Элизабет Чавчавадзе сейчас возглавляет медицинское подразделение союзников в Марокко. До войны мы все были такими близкими друзьями...

Вечером в Янсфельде мы сидели у камина и говорили о Распутине⁶⁷².

БЕРЛИН. Понедельник, 1 мая. Вернулась в Берлин. Погода по-прежнему плохая. Рассказывают, что английские летчики сбросили венок над могилой Генриха Витгенштейна; тем более бессмысленной выглядит вся эта бойня.

После работы долго сидела у Марии Герсдорф с Готфридом Краммом; мы с ним постепенно подружились. Поначалу он держался замкнуто, но теперь все больше поражает меня своей редкостной душевностью. Он показал мне рамку красной кожи с тремя фотографиями одной и той же девушки. Я узнала Барбару Хаттон⁶⁷³.

Вечером — «Похищение из сераля» Моцарта с Перси Фреем. Потом легкий ужин в «Адлоне». С Перси чувствуешь

себя так хорошо; он ненавязчив, но в то же время понимает многое с полуслова, напоминая этим скорее англо-сакса, чем швейцарца. Он проводил меня пешком через Тиргартен и обомлел, увидев развалины вокруг нашего дома. Нам пришлось перебираться через нагромождения обломков, и это его поразило. Меня нет. Мы уже больно долго живем, как кролики в загоне.

В описываемое время д-р Ханс (Перси) Фрей возглавлял Отдел швейцарской миссии в Берлине, занимавшийся защитой интересов ряда стран, с которыми Германия находилась в состоянии войны.

Вторник, 2 мая. Сегодня утром мне удалось обменять просроченные мясные карточки Перси Фрея на большую колбасу. Затем на работе я устроила небольшой аукцион, и одна девушка купила ее у меня за несколько меньшую сумму, чем она мне стоила, но зато заплатила за нее действующими карточками, которые я теперь отдам Перси. Я очень горжусь собой!

Оставалась на работе допоздна; затем поехала с Адамом Троттом к нему домой и поужинала там с ним. Наша дружба меня несколько ошеломляет, и до сих пор я сознательно избегала этого. Он совершенно необыкновенный человек. Все его мысли и старания сосредоточены на вещах и ценностях высшего порядка, которым не отвечает умонастроение ни в этой стране, ни у союзников. Он принадлежит к более цивилизованному миру — а этого, увы, нельзя сказать ни о той ни о другой стороне. Поздно ночью он отвез меня домой.

Среда, 3 мая. Ужинала у Ханны Бредов, сестры Готфрида Бисмарка, в Потсдаме. Дочь Ханны, Филиппа, была во время субботнего налета в Министерстве авиации. Несмотря на то что швейцар пытался ее остановить, она вырвалась

оттуда, так как в отеле «Эспланад» у нее был припрятан чемодан, который она хотела спасти. В здание министерства попало восемнадцать бомб, причем некоторые прошли через все семь его этажей. В подвале (где ей полагалось укрываться) было убито пятьдесят человек, а ранено гораздо больше. Я сама в тот момент была поблизости и вполне могла бы оказаться в этом же убежище. Так что и впрямь дело только в везении.

Пятнадцатилетнего сына четы Бредов, Герберта, призывают в войска противовоздушной обороны. У него красивые глаза. Если он останется жив, то будет сердцеедом. Поразительно, как зрело он судит о вещах и как ненавидит нынешний режим. В прошлом году его мать гадала мне по руке и предсказала, что я уеду из Германии и больше не вернусь. Теперь я попросила ее снова погадать мне. Она погадала и подтвердила свое предсказание.

Четверг, 4 мая. Днем, прежде чем вернуться в Потсдам, мы с Адамом Троттом долго гуляли по Грюневальду. Идут сильные дожди, но все же весна и, несмотря на холод, повсюду цветы. Адам рассказал мне о своей первой любви и о жизни в Англии и Китае. Всякий раз узнаешь его с неожиданной стороны.

Воскресенье, 7 мая. Встала рано, чтобы пойти в маленькую русскую православную церковь, что неподалеку от зоопарка. Там нет подвала. Ждала в очереди исповедоваться, когда заревели сирены. Народу было немного, главным образом остарбайтеры (русские), некоторые сосредоточенно молились. Никто не двинулся с места, певчие продолжали петь. Насколько приятнее было находиться там, чем прятаться в каком-нибудь безымянном убежище! Все свечи вокруг икон были зажжены, и пение звучало поистине вдохновенно. Я исповедалась незнакомому священнику, говорившему: «люби ближнего своего», «когда возвратишься домой» и все прочее — все это под завывание сирен.

Снаружи сперва стояла полная тишина, и я начала уже думать, что самолеты улетели, как вдруг они все сразу оказались прямо над головой. Их было множество, они летели волна за волной. Была сильная облачность, зенитки стрелять не могли, и они летели очень низко. Гул их моторов был такой же громкий, как разрывы бомб, одно невозможно было отличить от другого. Казалось, что ты стоишь под железнодорожным мостом, по которому мчится экспресс. Внезапно хор замолк. Прихожане попытались было продолжить пение, но пели нестройно. В какой-то момент ноги попросту отказали мне, я доковыляла до паперти и села там на ступеньки. Рядом со мной стояла красивая монашка, и мне было как-то легче возле нее. Она наклонилась и прошептала: «Не надо бояться, с нами Бог и все святые!» — а когда на моем лице отразилось сомнение, она добавила: «Во время литургии ничто не может случиться». Уверенность ее была так тверда, что я сразу приободрилась. Отец Михаил продолжал молиться вслух, словно и не слышал шума снаружи, и к моменту причастия стало потише. Когда служба кончилась, я ощущала себя на пятьдесят лет старше и совершенно без сил.

Позже я слышала, что в это утро над Берлином пролетело тысяча пятьсот самолетов. В начале войны нам казалось, что тридцать самолетов — это уже достаточно опасно. Странно, что хотя теоретически я полностью смирилась с возможностью погибнуть под бомбами, но стоит только начаться гулу бомбардировщиков и грохоту разрывов, как меня физически парализует страх, и с каждым налетом этот страх делается, похоже, все сильнее.

Пообедала у Герсдорфов, где нашла одну Марию с Готфридом Краммом. Загнанный в подвал в Вильмерсдорфе, он пытался читать Шопенгауэра, но не смог сохранить серьезное лицо, так как очутился посреди старушек, у которых подбородки были подвязаны полотенцами, и из

них, словно бороды, торчали мокрые губки; считается, что это предохраняет от фосфорных ожогов.

Потом мы прошли по центру города. Унтер ден Линден, Вильгельмштрассе, Фридрихштрассе сильно пострадали. Было много дыма и множество новых воронок, но американские бомбы — американцы прилетают днем⁶⁷⁴, англичане ночью — причиняют, кажется, меньше ущерба, чем английские. Последние взрываются горизонтально, тогда как первые уходят вглубь, отчего соседние здания не так легко рушатся.

Понедельник, 8 мая. Пришла на работу рано. Никого еще не было. Снова объявили «люфтгефар 15», высшую степень опасности. Я попыталась взять некоторые «важные» документы, но секретарша мне их не дала, так как все документы должны оставаться внизу в сейфе, пока опасность не минует. Тогда я прочитала в «Лайфе»⁶⁷⁵ очерк про то, как хорошо работает наш отдел по сравнению с аналогичными информационными службами в Соединенных Штатах.

Алекс Верт только что откуда-то приехал и привез большую банку кофе «Нескафе»⁶⁷⁶. Мы устроили второй завтрак и перекур.

Вскоре нам сообщили, что самолеты полетели куда-то в другое место. Но не успели мы приняться за работу, как завывли сирены и нас отправили в бункер на площади, смешную маленькую бетонную коробку с лестницей, ведущей в самую глубь земли на станцию метро «Ноллендорфплац». На этой станции бесконечные подземные коридоры, а наверху лишь тонкий слой грунта. По всей длине коридоров в разных направлениях торчат низенькие стены; их наскоро возвели на половину человеческого роста, очевидно, чтобы пресечь воздушную волну «в случае чего...»

Мы старались не стоять под домами, а находиться там, где, по нашим представлениям, сверху было открытое пространство и ничто не могло обрушиться на нас, помимо

бомб. Народу все прибывало. Джаджи Рихтер и я старались держаться вместе. По мере приближения разрывов Джаджи начал нервничать; он вообще в плохом состоянии, беспокоится о семье и т. п. Я старалась развлекать его разговором, но он прервал меня: «Если потолок рухнет, падайте на живот и прячьте голову под согнутым локтем...» Другой коллега не нашел ничего лучшего, как рассказать нам в самых кровавых подробностях, как его дом прошлой ночью был разрушен прямым попаданием. Наш налет был, судя по всему, крупный, но скоро дали отбой.

Вернувшись в бюро, мы обнаружили, что прорвало водопровод. Я пошла на улицу принести ведро воды с колонки на углу, так как мы собирались еще раз подбодрить себя Алексовым кофе.

Появился Перси Фрей, с которым мы договорились вместе пообедать, и мы пошли в отель «Эден». Здесь во двор упало три бомбы, и все внутри снова разлетелось вдребезги, хотя стены уцелели. Метрдотель и официанты со своими салфетками под мышкой сновали там и тут, пытаясь без особого успеха расчистить груды кирпича и штукатурки. Посреди улицы зияла большая воронка от бомбы, упавшей рядом со входом в подвал. Так как все водопроводные трубы лопнули, то сейчас те, кто находился в подвале, выплывали оттуда по залитой воронке. В Берлине снова упало столько бомб, что улицы наполовину затоплены. Кроме того, в городе стоит сильный запах газа.

Мы отправились дальше в отель на Штайнплац⁶⁷⁷, пообедали там и под дождем пошли обратно в бюро. Возможно, на Троицу Перси приедет в Кенигсварт.

Вечером Клаус Б. завез меня к Марии Герсдорф, а после ужина отвез обратно в Потсдам. В такие времена, как сейчас, чувствуешь, что «все люди братья», и я постепенно начинаю разговаривать с ним, хотя избегала его не один год. В свое время он начал с того, что ходил за мной по

улицам, затем как-то раз явился ко мне на работу — вот прямо так. Меня поразило его нахальство. Я никогда не понимала, кто он такой и чем занимается. Внешность у него эффектная, но странно, как человеку его возраста удается так свободно разъезжать по Европе, не нося военной формы. Он снова и снова пытался со мной подружиться и даже вызвался стать «семейным почтальоном» между нами и Джорджи, а также нашими кухнями в Париже, куда он часто ездит. Все это я вежливо, но твердо отклоняла. С другой стороны, он все же ухитрился встретиться с парижскими кухнями и привез мне от них письмо. Он также знаком с Антуанетт Крой. Но чем он занимается, остается вопросительным знаком.

Вторник, 9 мая. Завтра еду обратно в Круммхюбель. Адам Тротт возил меня к себе домой ужинать. Я забираю с собой в Круммхюбель много книг, и он помог мне их нести. Позже пришел его молодой друг Вернер фон Хафтен⁶⁷⁸ (брат нашего старшего кадровика, который служит здесь в Резервной армии⁶⁷⁹), и они долго разговаривали в соседней комнате. Вскоре после того, как Адам отвез меня обратно в Потсдам, завывли сирены. Это снова был *Störflug* [нецеле-направленный налет], когда над головой кружит много самолетов, сбрасывающих бомбы куда придется. Я уложила вещи и не ложилась спать, пока они не улетели.

КРУММХЮБЕЛЬ. *Среда, 10 мая.* Встала в шесть и после обильного завтрака отправилась в путь, обремененная тяжелым чемоданом. Поскольку у меня не было официального разрешения на поездку, я опасалась, что придется всю дорогу стоять, но добродушный проводник согласился пустить меня в особое купе, бронированное для *Reichsbahndirektion* [железнодорожного правления]; он запер меня там, и таким образом я ехала совершенно одна, вытянувшись в полный рост на мягком сиденье, при радостном свете солнца.

В Круммхюбель я прибыла в три. Лоремари Шёнбург была по-прежнему там, еще в постели и очень удрученная.

Она намерена во что бы то ни стало вернуться в Берлин; для нее все остальное не имеет никакого значения; она даже этого не скрывает. Я, конечно, ее понимаю: когда находишься подолгу здесь, все становится уж слишком нереальным и далеким. К счастью, что касается меня, я теперь должна буду проводить в Берлине по меньшей мере десять дней в месяц.

Русские отбили Севастополь⁶⁸⁰. Кажется, немцы его особенно и не защищали.

Пятница, 12 мая. Граф Шуленбург вернулся из Парижа и привез нам много маленьких подарков. Гретель Роан, тетушка Лоремари Шёнбург, пригласила нас на уик-энд в Сихров⁶⁸¹ — их имение в Богемии. Граф тоже согласился туда ехать, но нам очень хотелось бы избавиться от его помощника. Может быть, он для того и существует, чтобы следить за ним?

СИХРОВ. Суббота, 13 мая. Полакомившись за обедом превосходным гусем, мы поехали в Сихров. После того как немцы заняли страну в марте 1939 года, в Протекторат (как ныне именуют Чехословакию⁶⁸²) ехать можно только по особым пропускам⁶⁸³. Граф Шуленбург достал мне такой пропуск; он действителен на несколько месяцев. Мы ехали по горным дорогам, кругом было так красиво: бескрайние пустынные леса, покрытые снегом вершины. Пограничники на чешской границе очень придирчиво проверяли нашего водителя. Он солдат, а в Протекторате сейчас скрывается много дезертиров. Власти нередко прочесывают деревни, стремясь их выгнать.

Приехав в Сихров, мы застали дома только одну из дочерей (всего их шесть): вся семья отправилась в близлежащий городок Турнау, где младшей из сестер только что удалили аппендикс. Мы очутились в несколько неловком

положении, так как оказалось, что нас вовсе и не ждали. К счастью, князь Роан и граф Шуленбург немедленно сошлись. Я только что воспользовалась редкостной роскошью — настоящей горячей ванной.

Воскресенье, 14 мая. Церковь, с красивым пением по-чешски, а потом осмотр имения. Погода теплая, но знаменитые азалии и рододендроны еще не расцвели, хотя весна здесь наступает раньше, чем в Круммхюбеле. Повсюду выглядывают из травы тюльпаны и нарциссы. За обедом к нам присоединилась наша хозяйка Гретель Роан. Перед этим я ходила смотреть, как доят коров. Одна из дочерей, Мари-Жанна, раздавала молоко арендаторам, и я тоже потихоньку довольна напилась.

После превосходного обеда, состоявшегося главным образом из дичи с клюквенным желе, мы все вышли на лужайку полежать на солнце и даже сумели неплохо загореть. Завтра рано утром мы уезжаем обратно.

КРУММХЮБЕЛЬ. Понедельник, 15 мая. Дети Роанов пришли попрощаться с нами до начала своих занятий. Они учатся с восьми до часа, а потом еще после обеда. В доме живет много домашних учителей, а также беженцы из различных разбомбленных городов.

Наш завтрак затянулся, и в Круммхюбель мы добрались только к одиннадцати вечера. На работе у нас не знали о нашем отъезде, но кто-то видел, как мы выходим из машины графа Шуленбурга, и это немедленно вызвало завистливое раздражение. На нашу дружбу с ним явно смотрят неодобрительно.

Вторник, 16 мая. Вторжение союзников в Европу начнется вот-вот, и газеты только и пишут, что о «нашей готовности»⁶⁸⁴. Совсем не работается; заботишься только о том, как бы прожить день. Служивцы то и дело исчезают «по семейным обстоятельствам», что обычно означает разрушение бомбами их жилья.

Среда, 17 мая. Я делаю успехи в игре на аккордеоне.

Четверг, 18 мая. Обнаружила, что, пока я была в Берлине, кто-то влез ко мне в шкаф и украл мой крестильный крест с цепочкой, а также мой запас кофе. Потеря креста вывела меня из себя. Поговорила с нашей экономкой, и та вызвала полицию. Вечером мы ожидали Бланкенхорна, и вдруг явился усатый вахтмайстер (сержант), которого моя игра на аккордеоне заинтересовала гораздо больше, чем кража. Он составил протокол и обыскал наши две комнаты без всякого успеха. Тут вошел Бланкенхорн и решил, что меня пришли арестовывать.

Пятница, 19 мая. Бланкенхорн предложил нам с Лоремари Шёнбург перебраться в так называемый гастхаус — красивое большое шале в глубине небольшого леса, зарезервированное для высокопоставленных посетителей, каковые до сих пор ни разу не появлялись.

КЕНИГСВАРТ. *Пятница, 26 мая.* На уик-энд поехала с Лоремари Шёнбург в Кенигсварт. Нас подвез граф Шуленбург: он ехал в свое собственное имение, расположенное неподалеку от имения Меттернихов, — чудный способ избежать кошмарного путешествия на поезде. Хотя я и уведомила начальство о нашем отъезде, мы встретились, словно заговорщики, позади станции, причем Лоремари и я шли разными дорогами, чтобы не привлекать внимания. Даже одежду мы несли в свертках, чтобы нас не видели с чемоданами.

Погода была неважная, но вокруг все так красиво: цветут сирень и яблони. Мы перекусили у дороги. Наше движение несколько задерживала Лоремари: время от времени, заприметив замок очередного из своих многочисленных родственников, она предлагала, к негодованию нашего водителя, заехать *zum Jausen* [на чайк]. В конце концов мы действительно заехали в Теплиц⁶⁸⁵ и заглянули на чай к Альфи Клари и его сестре Элизалекс Байе-Латур. Было чудесно снова

увидеться с ними. В последний раз я была там в 1940 году, во время французской кампании. Уже тогда они так беспокоились за своих мальчиков. Теперь Ронни, старший и самый многообещающий, погиб в России, а Маркус и Чарли оба на фронте. Бедный Альфи сильно изменился. Граф высадил нас в Мариенбаде. Он приедет в Кенигсварт в воскресенье.

Прибыли мы изголодавшимися; за столом нам составили компанию родители и Ханс Георг Штудниц (и он приехал из Берлина на уик-энд). Потом приехали из Вены сами Пауль Меттерних и Татьяна. Татьяна привезла с собой множество новой одежды. Мы не ложились до пяти утра. Пауль все еще очень худ и нервозен, но настроение у него уже гораздо лучше.

Суббота, 27 мая. Встала очень поздно и до обеда ничего не делала. Нас становится все больше: сегодня вечером приезжают Мели Кевенхюллер⁶⁸⁶ и Мариетта Штудниц⁶⁸⁷, жена Ханса-Георга. Погода сейчас изумительная.

Имела долгие и трудные разговоры с обоими родителями. Похоже, что их больше занимает прошлое, чем то, как теперешние события могут повлиять на наши индивидуальные судьбы в ближайшем будущем; кроме того, они все беспокоятся, как там в Париже Джорджи, положение которого весьма шаткое: учится в университете, сидит без денег и к тому же, говорят, ввязан во что-то рискованное.

Вскоре после того, как брат Мисси переехал во Францию осенью 1942 г., он стал заниматься подпольной сопротивленческой деятельностью, которая продолжалась до самого освобождения Парижа в августе 1944 г.

После ужина приехал Перси Фрей. Им занялись Пауль Меттерних и Татьяна. И Мама́, и Папа́ неизменно реагируют на каждого моего нового приятеля мужского пола недоуменным поднятием бровей.

Воскресенье, 28 мая. После ранней мессы все мы лежали в саду на одеялах, греясь на солнце. К обеду приехали Ханс Берхем и граф Шуленбург. Это развлекло родителей, в то время как мы уложили еду в корзину и отправились в экипаже на пикник.

Гостей все больше и больше, а места в доме все меньше и меньше. Я устроилась ночевать в Татьяниной гостиной. Джаджи Рихтер тоже тут: гуляет со своими детишками в саду.

Понедельник, 29 мая. Опять провела весь день на воздухе. Папá и Мамá оба очень огорчены тем, что я уделяю им так мало времени. Они не понимают, что после всех ужасов нашей повседневной жизни любой краткий момент отдыха и веселья — это дар богов, который необходимо использовать как можно полнее.

Мариетти Штудниц рассказывала жуткие вещи о том, как гадко повели себя люди, которых она приютила после того, как их собственный дом разбомбили. Эта война начинает превращать многих людей в озлобленных животных.

КРУММХЮБЕЛЬ. Суббота, 3 июня. Сегодня утром Лоремари Шёнбург уехала в Берлин — на сей раз окончательно. Она была счастлива, ей здесь было противно, но мне теперь тоскливо; мы с ней не всегда ладили, но я знаю, что мне будет ее не хватать.

Посланник Шлейер⁶⁸⁸, бывший доньне ближайшим помощником Абеца — немецкого посла в Париже, назначен нашим кадровиком. Он заменит Ханса-Бернда фон Хафтена, который в последнее время часто болеет. Боюсь, что по сравнению с порядками при Хафтене и его предшественнике Йозиасе Ранцау нам придется худо. Говорят, что Шлайер — мерзавец; своей деятельностью в Париже он составил себе гадкую репутацию. У него и внешность соответствующая: толстый морж с гитлеровскими усиками и в черепаховых очках. Сейчас он в Круммухубеле, изучает нас. Сегодня нам повелели собраться в «Танненхофе» —

знакомиться с ним. Он произнес громогласную патристическую речь.

Бывший бизнесмен, д-р Р. Шлайер после падения Франции возглавил нацистскую партийную организацию в этой стране⁶⁸⁹ и был назначен заместителем посла Абеца, то есть фактически надсмотрщиком при нем⁶⁹⁰ (Абец нередко не соглашался с политикой Берлина). Позже, в ходе войны, Риббентроп поручил ему подготовку антиеврейских акций за рубежом. Одним из следствий этого явилось уничтожение венгерских евреев летом 1944 г.

Сегодня вечером был *Kameradschaftsabend* [товарищеский ужин] в отеле «Гольденер Фриден», на котором нас всех обязали присутствовать. К счастью, кое у кого здесь все-таки есть чувство юмора, и время от времени мы понимающе подмигивали друг другу, особенно когда началось хоровое пение. Мадонну заставили играть на аккордеоне; я играть отказалась, чем всех разочаровала.

Воскресенье, 4 июня. Сегодня союзные войска заняли Рим. Беспokoюсь, как там Ирина: осталась она или уехала в Венецию. Что ж, по крайней мере, для нее война теперь окончена.

Вторник, 6 июня. Наконец-то: долгожданный «День Д!»⁶⁹¹ Союзники высадились в Нормандии. Нам столько твердили про пресловутый *Atlantikwall* [Атлантический вал] и про то, как якобы несокрушима оборона; что ж, теперь посмотрим! Но страшно подумать, сколько еще жизней унесет этот последний раунд. (Потребовались, действительно, еще восемь месяцев и многие миллионы жизней, чтобы закончилась война в Европе.) Мы ведем очень тихую жизнь, ходим друг к другу пить чай. Кажется, я тут единственная, кто более или менее доволен. Так хорошо знать, что можно всю ночь проспять спокойно. Конечно, мне легче, чем другим,

потому что, когда в этих стенах становится совсем уж душно, я получаю телеграмму из Берлина от Адама Тротта или сама придумываю какое-нибудь мнимое там совещание и сажусь на поезд, ни у кого уже не спрашивая разрешения. Теоретически это запрещено, но все так привыкли к тому, что я периодически исчезаю на несколько дней, что даже Бютнер больше не протестует.

БЕРЛИН. Среда, 14 июня. Придя сегодня утром на работу, я узнала, что меня вызывают в Берлин на совещание у д-ра Сикса, которое состоится завтра. Я села на дневной поезд и приехала в Берлин к ночи; здесь обнаружилось, что Лоремари Шёнбург отослана обратно в Круммхюбель, так что мы разминулись.

Четверг, 15 июня. Живу у Герсдорфов. Теперь, когда я приезжаю в Берлин, каждый раз всего на несколько дней, я предпочитаю жить в городе, а не ездить ночевать к Бисмаркам в Потсдам.

Завтракала и ужинала с Марией. Сегодня вечером мы были одни, так как Хайнц дежурит в комендатуре. Только что начался воздушный налет. Всегдашние фугасы, которых я боюсь гораздо больше, чем обычных бомб, хотя их каждый раз сбрасывают всего около восьмидесяти.

Пятница, 16 июня. Д-р Сикс сейчас в Стокгольме, и я должна дожидаться его возвращения. Так бывает часто: придя в ярость, он вызывает меня из Круммхюбеля, а к моменту моего приезда обычно уже забывает, чего он от меня хотел, и тогда я могу несколько дней пожить спокойно.

К этому моменту даже Гиммлер разуверился в победе Германии и предпринимал попытки установить тайные контакты с союзниками. Поездка д-ра Сикса в Стокгольм в июне 1944 г. (в которой его сопровождал Алекс Верт) как раз и была одной из таких попыток. Она оказалась безуспешной, так как англичане отказались иметь с ним дело.

Джаджи Рихтер возмущается тем, что Сикс все время к нам придирается, но Адам Тротт считает, что наши проблемы — сущие пустяки по сравнению с его собственными теперешними заботами, и он совершенно прав. Мне часто бывает стыдно и обидно, что не занимаюсь всерьез чем-нибудь действительно стоящим, но что я, иностранка, могу поделаться?

Суббота, 17 июня. Сегодня вернулся д-р Сикс; он немедленно затребовал Джаджи Рихтера и меня к себе в кабинет, чтобы обсудить новое иллюстрированное издание, которое он задумал выпускать. Он просто не понимает, что уже не существует технических возможностей для выпуска какого бы то ни было издания, с иллюстрациями или без: все, кто для этого необходим, давно мобилизованы, так что это все пустые разговоры.

Воскресенье, 18 июня. Приехал друг из Парижа с письмами от Джорджи и Антуанетт Крой. Она только что вышла замуж за доблестного, увешанного орденами офицера по имени Юрген фон Гёрне⁶⁹².

Понедельник, 19 июня. Утром была на работе. Я перестала ходить туда регулярно. Дело в том, что здание столько раз бомбили и все работают в такой тесноте, что никто не возражает, если я не претендую на отдельный стол. Обычно я располагаюсь в секретариате Джаджи Рихтера, но там работают четыре девушки и они так шумят — иногда даже заводят граммофон или гадают друг другу, — что я ничего не могу довести там до конца. Поэтому я просто вхожу в курс дела, вижусь с друзьями, забираю иностранные журналы сколько смогу и направляюсь обратно в Круммхюбель.

Обедала у Зигрид Герц. О ее матери с момента ее ареста ничего не известно. Предполагается, что ее отправили в гетто на Востоке.

Графиню Герц отправили в «образцово-показательное гетто» Терезиенштадт — концлагерь в традициях «потемкинских деревень», куда время от времени привозили иностранных посетителей и который, если не обращать внимания на вооруженных охранников, выглядел почти как обычное поселение. Графиня Герц была одной из тех немногих, кому удалось выжить.

Ужин с друзьями. Я была единственной женщиной; сейчас это в порядке вещей, ведь большинство женщин уехало или эвакуировано из Берлина из-за налетов.

КРУММХЮБЕЛЬ. Вторник, 20 июня. Вернулась утренним поездом. Нашла, что в доме поселилась Лоремари Шёнбург и одна ее венгерская кузина.

Лоремари не ладит с нашим домоправителем: тот все время звонит и жалуется Бланкенхорну. Он говорит, что чувствует себя как няня при непослушном ребенке. Лоремари действительно порой переходит все границы: стирает свитера, кладет их сушиться на постель и забывает убрать. Наутро вся постель мокрая, вплоть до матраца. Нам так повезло, Бланкенхорн был к нам так добр — хотя бы уже тем, что позволил нам здесь жить. Право, ей следовало бы вести себя тактичнее.

Среда, 21 июня. Бланкенхорн объявил, что сегодня вечером придет и будет нам читать вслух. В прошлый раз он читал Ронсара⁶⁹³; у него хороший вкус, и он прекрасно читает, по-немецки лучше, чем по-французски. С ним интересно поговорить, у него совершенно независимый ум, но остается ощущение, будто он ожидает крушения прежде, чем отважится схватиться за руль. Этим он очень отличается от Адама Тротта, что, возможно, и объясняет их дружбу.

Четверг, 22 июня. Лоремари Шёнбург пытается раздобыть справку, которая позволила бы ей вернуться в Берлин; без этого год-р Сикс не разрешит ей уехать из Кrummхюбеля. Мы приготовили полный термос крепчайшего кофе

и несколько крутых яиц — все это она проглотит перед самым осмотром: она надеется, что это резко поднимет ей пульс и вообще как-то повлияет на ее обмен веществ. Врачи теперь, как правило, очень придирчивы. Вообще-то, мне самой жаловаться не приходится: меня дважды посылали в горы, а один раз даже в Италию. В понедельник мне снова предстоит ехать в Берлин на несколько дней: предполагается некое «очень важное» совещание.

КЕНИГСВАРТ. *Пятница, 23 июня.* Сегодня утром точно в срок пришла на работу, подолгу говорила с разными людьми, дала всем понять, что я здесь, а потом со спокойной совестью отправилась на уик-энд в Кенигсварт. Я объяснила кадровику, что просто заезжаю туда по дороге в Берлин.

Поездка оказалась ужасной. В Гёрлице пришлось несколько часов ожидать дрезденского поезда, а когда он подошел, я едва в него втиснулась. Какая-то женщина сунула мне в руки здорового младенца, а сама села в другой вагон, и я всю дорогу до Дрездена вынуждена была держать его на руках. Ребенок пищал и ерзал, а я изнемогала. Мне пришла в голову неудачная идея взять с собой аккордеон, и от этого мой багаж сделался еще более громоздким. Но на сей раз я решила оставить побольше своих вещей у Татьяны, так как вскоре я собираюсь перебраться в Берлин окончательно, чтобы именно теперь быть вместе с друзьями. А там мне не следует обременять себя лишним имуществом.

В Дрездене мать забрала своего малыша, а я еще три часа ждала поезда на Эгер. По приезде в Кенигсварт в кои-то веки застала одних лишь своих.

Воскресенье, 25 июня. Большую часть времени занимались тем, что строили планы на будущее. Всякий раз, когда я приезжаю сюда, мы думаем: а вдруг это в последний раз?

Понедельник, 26 июня. Вчера в полночь Татьяна, Пауль Меттерних и я поехали в Мариенбад, чтобы попасть на

поезд Вена–Берлин. Мы сидели в экипаже у станции до пяти утра — поезд так и не пришел. В конце концов нам сказали, что около Пильзена сошел с рельсов более ранний поезд и сообщение прервано. Тогда мы поняли, что ничего не получится: я уже не успею в Берлин на совещание, так как оно назначено сегодня на три часа дня.

На этот раз я действительно смущена и обеспокоена, потому что сегодняшнее совещание считается особенно важным. Послала телеграмму Джаджи Рихтеру: «*Zug entgleist*» [«Поезд сошел с рельсов»]. Это звучит как дурная шутка. Когда Мама проснулась, она никак не ожидала обнаружить всех нас снова дома и в постели.

БЕРЛИН. Вторник, 27 июня. На сей раз наш поезд пришел вовремя. Но когда до Берлина оставалось всего полчаса, он остановился прямо посреди поля, так как объявили воздушный налет. Вскоре над нами появились сотни самолетов — пренеприятное ощущение: ведь они вполне могли сбросить на нас часть своего груза. Все смолкли и заметно побледнели. Воздушные нападения на поезда — едва ли не худшее, что может быть: чувствуешь себя таким уязвимым, загнанным в ловушку и беззащитным. Один лишь Пауль Меттерних оставался невозмутимым. Сначала все повысовывались из окон, но тут какой-то сердитый пожилой мужчина крикнул, что «они» будут целиться прямо в поднятые к небу лица, сияющие на солнце. На что одна девушка откликнулась: «*Erst recht, wenn sie ihre Glatze sehen!*» [«Особенно когда увидят вашу лысину!»] Вскоре нам приказали рассеиваться в поле. Татьяна, Пауль и я уселись в канаве посреди посевов. Оттуда нам было слышно, как бомбы падают на город, был виден дым и взрывы. Через шесть часов поезд снова тронулся в путь, но все равно пришлось объезжать Берлин и высаживаться в Потсдаме. Опять прощай мое совещание, если, конечно, оно состоялось.

Готфрид Бисмарк заказал нам комнаты в отеле «Палас»⁶⁹⁴, поскольку его дом переполнен. Сам Потсдам не бомбили, но весь город покрыт густым желтым дымом от берлинских пожаров.

Мы помылись, переоделись и поехали на электричке в Берлин. Я отправилась прямо на работу, а остальные к Герсдорфам. К счастью — или, скорее, наоборот — д-р Сикс был еще у себя, и Джаджи Рихтер, сказав, что из-за меня он раньше времени поседает, велел мне немедленно к нему пойти.

Я заверила Сикса, что поезд действительно сошел с рельсов, но, кажется, сегодняшний налет смягчил его гнев, потому что он был вежлив. Вообще, как я понимаю, он раздражается тирадами на мой счет, когда меня нет, но в лицо всегда корректен. Адам Тротт ненавидит его холодной ненавистью и говорит, что, как бы он ни старался проявлять дружелюбие, мы никогда не должны забывать, кого и что он представляет. Сикс, со своей стороны, видимо, скрепя сердце признает, какой необыкновенный человек Адам, находится в какой-то степени под его обаянием и даже боится его. Ведь Адам, должно быть, единственный оставшийся в его окружении человек, который никогда не боится ему перечить. А Адам относится к Сиксу с бесконечным снисхождением, и, как ни странно, тот с этим мирится.

В час ночи снова налет. Я немного поторопила Татьяну и Пауля, так как стреляли уже очень сильно. В конце концов они оделись и мы спустились в подвал — угрюмое помещение, похожее на старинную крепостную башню, узкое, высокое и набитое трубами с горячей водой, от которых делалось страшно: в случае попадания затопит кипятком. Во время воздушных налетов я становлюсь все более и более нервной. Я даже не могла разговаривать с Татьяной, потому что повсюду на стенах расклеены надписи «*Sprechen verboten*» [«Разговаривать запрещается»] — вероятно, чтобы расходовать поменьше кислорода, если нас завалит. Мне

даже страшнее, когда со мной Пауль и Татьяна, чем когда я одна, и это странно. Должно быть, тревога усугубляется страхом за других. Но Пауль, как и я, непременно хочет быть здесь именно теперь и все время изобретает предлоги, чтобы приехать в Берлин. Пока стоял грохот, а грохот был ужасающий, он был погружен в толстую книгу о его предке — канцлере. Через два часа мы вышли наверх.

Четверг, 29 июня. Сегодня утром в одиннадцать состоялось долгожданное большое совещание. Во главе длинного стола сидел д-р Сикс; я сидела между Адамом Троттом и Алексом Вертом на другом конце. Они моя единственная поддержка, и мне было бы невыносимо одиноко без них. Адам все время подсовывал мне под столом «совершенно секретные» документы — в основном новости из-за рубежа.

Мы шепотом вели беседу *à trois* [втроем] и курили, пока на сотрудников орали по очереди. Сегодня Сикс был в отвратительном настроении, и бедному Джаджи Рихтеру едва удавалось умирять разбушевавшиеся воды. В промежутках между вспышками ярости Адам делал саркастические замечания, которые присутствующие проглатывали. Мне нравится, как он перечит Сиксу. Потом он сложил руки и заснул. Тем временем я готовилась к разному, так как приближалась моя очередь. Алекс Верт, желая ободрить меня, шепотом напомнил мне об одной из моих приятельниц, г-же д-р Хорн, которая, когда на нее Сикс однажды заорал и она не знала, как приостановить поток упреков, встала и завопила всей мощью своих легких: «Господин посланник Сикс!» — после чего тот, ошеломленный, замолчал. Разумеется, я тоже получила свою долю поношения, хотя и шла последней в списке. Его мечта — немецкий «Ридерс дайджест»⁶⁹⁵, для которого он хотел бы устроить в Круммхюбеле издательство. Он обвинил меня в том, что я никогда не работаю с полной отдачей под тем предлогом, что все технические сотрудники мобилизованы. Но ведь

это истинная правда. Как всегда, наша трехчасовая «беседа» кончилась практически ничем.

Обедала у Герсдорфов; после чего Тони Заурма повез Татьяну, Лоремари Шёнбург и меня по городу посмотреть на разрушения, причиненные вчерашним налетом. На сей раз полностью разворочен весь район вокруг вокзала Фридрихштрассе, в том числе отели «Централь» и «Континенталь»⁶⁹⁶. В «Централе» я останавливалась с Лоремари на два дня в последний раз, когда была в Берлине, всего лишь несколько недель тому назад.

В «Адлоне» мне нужно было оставить записку, и в холле я наткнулась на Джорджио Чини⁶⁹⁷. Он приехал в Берлин специально, чтобы попытаться подкупить СС освободить его отца, старого графа Чини⁶⁹⁸. Когда в прошлом году Италия перешла в лагерь союзников, старик (в прошлом министр финансов⁶⁹⁹ у Муссолини) был арестован в Венеции и отправлен в концлагерь Дахау, где провел последние восемь месяцев в подземной камере. У него грудная жаба, и он очень плох. Чини располагают миллионами, и Джорджио готов заплатить сколько угодно, лишь бы выцарапать отца. Он сам сильно изменился с тех пор, когда я последний раз видела его перед самой войной в Венеции. Он явно страшно встревожен. Он обожает своего отца, и в течение многих месяцев он не знал, где тот находится и вообще жив ли он. Сейчас он ждал какого-то крупного гестаповца. Как знать? С такой решимостью и силой воли — и с такими деньгами — быть может, он добьется успеха. Он хочет, чтобы они согласились на перевод его отца в госпиталь СС, а оттуда — в Италию. Его родные остались в Риме при союзниках, но он, кажется, поддерживает с ними связь.

В конце концов Джорджио Чини удалось купить отцу свободу. Сам он погиб в автомобильной катастрофе⁷⁰⁰ вскоре после войны. Фонд Чини в Венеции был назван его отцом в его память.

ФРИДРИХСРУ⁷⁰¹. Суббота, 1 июля. Поскольку мне пришлось оставить свой номер в потсдамском отеле, я переехала обратно в Берлин и сейчас живу в отеле «Адлон». Отто Бисмарк пригласил Пауля Меттерниха, Татьяну и меня во Фридрихсру, знаменитое имение Бисмарков под Гамбургом, на уик-энд. Мы никогда там еще не были, и неизвестно, представится ли такой случай в будущем, поэтому мы согласились. Провела утро на работе, а затем помчалась на вокзал, где ждали остальные. Когда мы приехали, Бисмарки очень удивились: оказалось, что нашей телеграммы они не получили. Отто был в пижаме — лег поспать после обеда; Анн-Мари⁷⁰² и Джорджио Чини были в саду. Джорджио, выглядевший в бледно-голубой рубашке просто ослепительно, напомнил мне о Венеции в то последнее мирное лето пять лет назад.

Воскресенье, 2 июля. Отто Бисмарк устроил небольшую охоту на кабана, — но никто ничего не подстрелил. Единственный кабан, которого мы видели, — размером с теленка — прошел как раз мимо того места, где стоял Пауль Меттерних. Услышав наши возгласы, Пауль, поглощенный беседой с Анн-Мари Бисмарк, выстрелил наугад, но кабан, разумеется, ушел. Отто был явно возмущен: ведь он отвел Паулю лучшее место.

После обеда мы долго обсуждали с одним знаменитым зоологом, как лучше устранить Адольфа. Он сказал, что в Индии местные жители используют тигровые усы, очень мелко нарезанные и смешанные с пищей. Жертва погибает через несколько дней, и никто не может установить причину. Но где же взять тигровые усы?

Фридрихсру содержится в идеальном порядке.

БЕРЛИН. Понедельник, 3 июля. Встала в четыре утра, чтобы вовремя вернуться в Берлин. К несчастью, оставляя багаж в «Адлоне», я наткнулась на Шлайера, нашего нового отвратительного старшего кадровика, и он смог догадаться,

что я куда-то уезжала (частные поездки официально не поощряются).

КРУММХЮБЕЛЬ. *Вторник, 4 июля.* Вернувшись в Круммхюбель, я увидела, что Мама́ (которую я пригласила к себе) уже приехала. Пока что она живет у нас, но долго быть здесь ей нельзя, так как нам не позволяют принимать гостей. Граф Шуленбург по-прежнему в отъезде, а Лоремари Шёнбург вернулась в Берлин, на сей раз точно навсегда. Ей даже разрешили взять там отпуск по болезни. Все удивлены, что Шлайер обошелся с ней так по-хорошему.

Среда, 5 июля. Подолгу гуляю с Мама́; она считает, что здесь красиво, и без усталости фотографирует. Боюсь, что нам не удастся побыть с ней вместе столько, сколько она рассчитывала, потому что я все время на работе, а на следующей неделе должна снова ехать в Берлин.

Мадонна Блюм устроила в ее честь небольшой обед, а потом мы играли дуэтом на аккордеонах. Помощник графа Шуленбурга Ш. не вернулся из поездки в Швейцарию. Он ссылается на то, что сломал ногу, бегая на лыжах, но, похоже, это только предлог, и я боюсь, что у Шуленбурга могут быть в связи с этим неприятности.

БЕРЛИН. *Понедельник, 10 июля.* Вернулась в Берлин, остановилась в «Адлоне». Джорджио Чини все еще здесь.

Вчера мы ужинали там с Адамом Троттом. Мы заговорили по-английски с метрдотелем, и тот с радостью продемонстрировал, что вовсе не забыл этот язык. На нас недоуменно оборачивались. Затем Адам повез меня по городу на машине, и мы, не вдаваясь в подробности, обсуждали грядущие события; он сказал мне, что их осталось недолго ждать. Мы с ним несколько расходимся во мнениях по этому вопросу: я по-прежнему считаю, что слишком много времени тратится на разработку деталей, тогда как для меня теперь по-настоящему важно только одно — физическое устранение этого человека. Что станет с Германией,

когда он будет мертв, — этим можно заняться и позже. Возможно, мне все представляется излишне простым, поскольку я не немка, в то время как для Адама существенно, чтобы Германия в том или ином виде имела шанс выжить. Сегодня вечером мы с ним сильно сцепились по этому поводу, и оба очень расстроились. Как жаль — в такой именно момент...

Под «событиями, которых осталось недолго ждать», Адам Тротт подразумевал первую попытку убить Гитлера, которая планировалась на следующий день, 11 июля, но была отложена в последнюю минуту, поскольку рядом с Гитлером не было Геринга и Гиммлера (которых предполагалось убить вместе с ним).

Вторник, 11 июля. Консультировалась с профессором Гербрандтом, врачом Марии Герсдорф. У меня явно что-то не в порядке со здоровьем: я ужасно худа. Он объясняет это щитовидной железой и пропишет мне длительный отпуск.

КРУММХЮБЕЛЬ. Среда, 12 июля. Граф Шуленбург вернулся из Зальцбурга, куда его вызывал Риббентроп. Ему предписано отправиться с докладом в ставку Гитлера в Восточной Пруссии⁷⁰³. Наконец-то понадобился его квалифицированный совет. Немного поздновато, но ходят слухи, что готовится какая-то сепаратная сделка на Востоке. [Только теперь, три года спустя после его возвращения из Москвы, Гитлер ощутил впервые потребность принять графа Шуленбурга.] Он дал мне почитать книгу бывшего румынского министра иностранных дел Гафенку⁷⁰⁴ «*Préliminaires de la Guerre à l'Est*» [«Подготовка войны на Востоке»]. Она очень интересна, и он в ней часто упоминается, так как Гафенку и он оба были послами в Москве в одно и то же время до войны. Иногда, говорил граф, Гафенку ошибается, но когда он беседовал с ним в Женеве, он повел себя вполне порядочно и принял

все его поправки. Однако с этим придется подождать до окончания войны, так как поправки настолько дискредитируют Гитлера, что сейчас это вызвало бы скандал⁷⁰⁵.

Здесь все разваливается, и я буду рада уехать из Круммхюбеля на следующей неделе — скорее всего, навсегда.

Четверг, 13 июля. Пообедав с нами, граф Шуленбург уехал. *(Больше Мисси не суждено было его никогда видеть.)*

Письмо от Адама Тротта, улаживающее нашу недавнюю размолвку. Я немедленно ответила. Он уехал в Швецию.

Русские неожиданно начали очень быстро продвигаться⁷⁰⁶.

На самом деле Адаму Тротту не было позволено поехать в Швецию, как планировалось первоначально. Последняя из нескольких его поездок в эту страну состоялась в июне; в тот раз, потеряв надежду получить от западных союзников заверения, которых так долго добивались заговорщики-антинацисты⁷⁰⁷, он собирался связаться с советским послом Александрой Коллонтай⁷⁰⁸ через профессора Гуннара Мирдаля⁷⁰⁹. Однако в последний момент он от этого плана отказался — главным образом из опасения, что в советское посольство в Стокгольме внедрились немецкие агенты.

Суббота, 15 июля. Льет дождь. Ходила в кино с Мама́ и Мадонной Блюм.

Новый декрет: запрещается ездить на поездах штатским лицам⁷¹⁰. Мама́ придется немедленно уехать, так как декрет вступает в силу через два дня.

Вторник, 18 июля. Сегодня утром уехала Мама́. Вчера вечером мы ужинали с Мадонной Блюм и по пути домой подошли поговорить с русскими казаками, которые находятся здесь со своими лошадьми и, поскольку автомобилей больше нет, используются для перевозки высших чиновников. Мама́ дала им сигарет, они стали петь и плясать и были

рады снова поговорить по-русски. Несчастные сидят меж двух стульев: с одной стороны, они решили сражаться против коммунизма, но, с другой, так и не допущены по-настоящему в состав немецкой армии.

На работе — телеграмма от Адама, о которой мы заранее договорились: меня вызывают в Берлин к завтрашнему дню.

Казаки, в основной своей массе традиционно антикоммунистически настроенные, были наиболее идеологически мотивированной частью русских добровольцев, сражавшихся на стороне немецкой армии. Они переходили к немцам — вместе с семьями — целыми станицами. Под командованием немецкого генерал-майора Хельмута фон Панвица⁷¹¹ и смешанного контингента немецких, бывших красноармейских и белоэмигрантских офицеров, казачьи части особо эффективно проявили себя в военных действиях против партизан в Югославии⁷¹². В последние недели войны они пробились в Австрию, где около 60 000 казаков сдалось англичанам. Последние поступили с ними так же, как с упоминавшейся ранее Русской освободительной армией генерала Власова. Убедив казаков, что они будут переселены в заморские страны, на самом деле, в соответствии с Ялтинскими соглашениями, их насильственно передали советской стороне. Многие из казаков (в том числе женщины и дети) покончили с собой. Высших офицеров повесили; большинство младших офицеров расстреляли; остальных отправили в ГУЛАГ, откуда мало кто вернулся.

1944

19 ИЮЛЯ—СЕНТЯБРЬ

Еще перед войной ряд видных военных и государственных деятелей Германии начали все более критически относиться к агрессивной внешней политике Гитлера, которая не ограничивалась несоблюдением постыдного Версальского договора (неприемлемого для всех немецких патриотов)⁷¹³, а была нацелена на установление немецкой гегемонии над всей Европой и на захват восточноевропейских стран. Однако по мере того как Гитлер шествовал от одной дипломатической, а затем и военной победы к другой, оппозиция становилась все более обессиленной. К тому же ряды оппозиционеров редели — от смещений с постов, разочарований, арестов и даже казней⁷¹⁴.

Но когда начались неудачи на Восточном фронте, а затем произошла Сталинградская катастрофа, в рядах вооруженных сил и Генерального штаба возобновилось брожение и появилось новое поколение сопротивленцев, которое сомкнуло ряды с уцелевшими элементами предшествовавших заговоров⁷¹⁵. Душой нового плана свержения нацистского гнета были видный военачальник генерал-полковник Фридрих Ольбрихт⁷¹⁶ и молодой, переживший тяжелое ранение полковник граф Клаус Шенк фон Штауффенберг⁷¹⁷. Задуманную ими и их товарищами попытку убить Гитлера и захватить власть и описывает Мисси на следующих страницах.

Примечание Мисси:

Весь этот раздел был перепечатан мною в сентябре 1945 года на основе сделанных в то время лишь мне самой понятных стенографических записей.

БЕРЛИН. Среда, 19 июля. Сегодня я уехала из Круммхюбеля — подозреваю, навсегда. Я все упаковала и взяла с собой лишь самое необходимое. Остальное будет находиться у Мадонны Блюм, пока я не выясню, что со мной будет.

Мы доехали до Берлина в одиннадцать часов утра, но из-за недавних воздушных налетов все вокзалы в хаотическом состоянии. Наткнулась на старого принца Августа Вильгельма Прусского, четвертого сына покойного кайзера, который любезно помог мне донести багаж. Такси больше нет, и мы сели в автобус. В конце концов меня высадили у Герсдорфов.

Поскольку теперь лето, они обедают в верхней гостиной, хотя в ней все еще нет окон. Я застала там всегдашнюю компанию плюс Адам Тротт.

Позже у меня с Адамом был долгий разговор. Он выглядит очень бледным и усталым, но, судя по всему, рад меня видеть. Он в ужасе оттого, что Лоремари Шёнбург вернулась в Берлин. Его очень беспокоят ее непрекращающиеся попытки свести вместе людей, которых она подозревает в сочувственном отношении к тому, что я называю *die Konspiration* [заговор], и многие из которых уже принимают в нем активное участие, так что им и так с трудом удается отвести от себя подозрения. Каким-то образом она узнала и о причастности Адама; теперь она не дает покоя и ему и его окружению, в котором она получила прозвище Лоттхен (в честь убийцы Марата — Шарлотты Корде)⁷¹⁸. Многие прямо считают ее опасным человеком. Она и на меня жаловалась: я-де не желаю принимать активное участие в приготовлениях.

Дело в том, что между всеми *ними* и мной существует фундаментальная разница во взглядах: не будучи немкой,

я заинтересована только в уничтожении Сатаны. Я никогда не придавала большого значения тому, что будет потом. Будучи немецкими патриотами, они хотят спасти свою страну от полного краха путем создания своего рода временного правительства. Я никогда не верила, что даже такое временное правительство окажется приемлемым для союзников, которые отказываются проводить различие между «хорошими» и «плохими» немцами⁷¹⁹. Это, конечно, их роковая ошибка, и все мы, вероятно, дорого за нее поплатимся.

Мы договорились не встречаться до пятницы. Когда он ушел, Мария Герсдорф заметила: «Он так бледен и истощен; иногда мне кажется, что ему осталось недолго жить».

По мере того как война затягивалась, вовлекая все новые и новые европейские государства, и по мере того как росло число погибших, масштабы людских страданий и материальных разрушений и поступали все новые сведения о зверствах немцев, союзникам становилось все труднее проводить различие между Гитлером с его пособниками и так называемыми хорошими немцами и вести политику, которая позволила бы Германии, очищенной от нацизма, снова войти в сообщество цивилизованных наций. Тем более что, за исключением заверений и обещаний со стороны немногих отдельных лиц, никогда не было никаких весомых доказательств того, что Гитлер не представляет Германию в целом. Как уже в мае 1940 г. это сформулировал Антони Иден⁷²⁰: «Гитлер есть не феномен, а симптом, выражение воли огромной части немецкого народа»⁷²¹. А 20 января 1941 г. Уинстон Черчилль дал британскому Форин-Оффису распоряжение игнорировать любые попытки мирного зондажа изнутри Германии: «Нашей реакцией на все такого рода запросы или предложения должно быть полное молчание...»

Именно эту стену недоверия и враждебности и пытались столь отчаянно преодолеть Адам Тротт и его друзья в антинацистском Сопротивлении. Но ответ был дан раз и навсегда

президентом Рузвельтом в январе 1943 г. в Касабланке: «Безоговорочная капитуляция». А это оставляло даже многим убежденным антинацистам только один путь: держаться до конца⁷²².

На ужин к нам пришла Ага Фюрстенберг. Она теперь живет в Грюневальде, в доме актера Вилли Фрича⁷²³. Это очаровательный коттеджик, который он поспешно оставил после нервного срыва во время одного из недавних налетов. Говорят, что он целый день лежал на кровати и рыдал, пока его жена не вернулась в Берлин и не вывезла его за город. Ага делит дом с Джорджи Паппенгеймом⁷²⁴, обаятельным человеком, который много лет был дипломатом и которого только что отозвали из Мадрида, вероятно из-за фамилии (Паппенгеймы — один из старейших аристократических родов Германии⁷²⁵). Он прекрасно играет на фортепиано.

Мне дали отпуск по болезни на четыре недели, но с правом воспользоваться за один раз только двумя неделями и с условием, что я подготовлю себе помощницу, которая будет за все отвечать в мое отсутствие.

Четверг, 20 июля. Сегодня днем Лоремари Шёнбург и я сидели на лестнице в конторе и разговаривали, как вдруг ворвался Готфрид Бисмарк с пылающими щеками. Я еще никогда не видела его в таком лихорадочном волнении. Сначала он увел в сторону Лоремари, потом спросил меня, какие у меня планы. Я сказала ему, что планы неопределенные, но что мне очень хотелось бы уйти из АА как можно скорее. Он сказал мне, чтобы я не беспокоилась, что через несколько дней все будет решено и все мы узнаем, что с нами будет. Потом, попросив меня приехать к нему в Потсдам с Лоремари как можно скорее, он вскочил в машину и уехал.

Я вернулась за свой стол и позвонила в швейцарскую миссию Перси Фрею, чтобы отменить нашу договоренность вместе пообедать, так как я спешила в Потсдам. Ожидая,

пока ответит номер, я повернулась к Лоремари, стоявшей у окна, и спросила, почему Готфрид был в таком состоянии. Может быть, это *Konspiration*? (И все это с трубкой в руке!) Она прошептала: «Да! Именно! Все свершилось. Сегодня утром!» В это время Перси подошел к телефону. Все еще с трубкой в руке, я спросила: «Мертв?» Она ответила: «Да, мертв!» Я бросила трубку, обхватила ее за плечи, и мы закружились по комнате в вальсе. Затем я схватила кое-какие документы и сунула их в первый попавшийся ящик стола, после чего мы, крикнув швейцару, что мы *dienstlich unterwegs* [уходим по служебным делам], ринулись на станцию «Цоо». По дороге в Потсдам она шепотом сообщила мне подробности, и, хотя в купе было полно народу, мы даже не пытались скрыть свое волнение и радость.

Граф Клаус Шенк фон Штауффенберг, полковник Генерального штаба, подложил бомбу у ног Гитлера во время совещания в ставке Верховного главнокомандования в Растенбурге, в Восточной Пруссии. Бомба взорвалась, и Адольф погиб. Штауффенберг ждал снаружи до момента взрыва, а потом, увидев, как Гитлера выносят на окровавленных носилках, побежал к своему автомобилю, спрятанному где-то поблизости, и вместе со своим адъютантом, Вернером фон Хафтенем, поехал на местный аэродром и прилетел обратно в Берлин. Во всеобщей неразберихе никто не заметил его исчезновения.

Прибыв в Берлин, Штауффенберг немедленно явился в ОКХ (Главное командование Сухопутных сил) на Бендлерштрассе, которое к этому времени было занято заговорщиками и где собрались Готфрид Бисмарк, Хелльдорф и другие. (ОКХ находится по другую сторону канала от нашей Войршштрассе.) Сегодня вечером в шесть предполагалось сделать сообщение по радио, что Адольф мертв и сформировано новое правительство. Новым рейхсканцлером должен быть Гёрделер⁷²⁶, бывший мэр Лейпцига. Он связан

с социалистами и считается блестящим экономистом⁷²⁷. Наш граф Шуленбург или посол фон Хассель будет министром иностранных дел. Первое, что я подумала: может быть, не следует ставить лучшие мозги во главе того, чему суждено быть всего лишь временным правительством.

Тридцатисемилетний Штауффенберг присоединился к антинацистскому Сопротивлению сравнительно поздно — только в июле 1943 г. В юности он, как и многие патриотически настроенные немцы, верил, что Гитлер призван спасти Германию от катастрофических последствий и позора Версальского договора⁷²⁸. Состоя при легендарном Роммеле в Северной Африке, он был тяжело ранен, лишился глаза, правой руки и двух пальцев на левой руке — увечье, оказавшееся роковым в момент покушения. В июне 1944 г. он был назначен начальником штаба Армии резерва, так называемой *Ersatzheer*, заместитель командующего которой, генерал-полковник Фридрих Ольбрихт, был давним антинацистским заговорщиком. По должности Штауффенберг должен был регулярно являться с докладом лично к Гитлеру. Поскольку в окружении Гитлера никто больше не мог или не решился взять на себя его ликвидацию, Штауффенберг решил сделать это во время одной из таких встреч.

Две первые попытки — 11 и 15 июля — были отменены в последнюю минуту. К тому времени аресты множились уже и среди военных. Было ясно, что гестапо подбирается к заговорщикам. Когда 20 июля Штауффенберг был снова вызван к Гитлеру, он решил: будь что будет, на сей раз он подложит бомбу.

Когда мы добрались до «Регирунга» в Потсдаме, был уже седьмой час. Я пошла умыться. Лоремари поспешила наверх. Прошло всего несколько минут, когда я услышала за дверью медленные шаги, и она вошла со словами: «Только что было сообщение по радио: „Некто граф Штауффенберг пытался убить фюрера, но провидение его спасло“».

В действительности первое сообщение по радио, сделанное в 18.25, не содержало никаких имен. В нем говорилось лишь следующее: «Сегодня было совершено покушение на жизнь фюрера с применением взрывчатки... Сам фюрер не пострадал, если не считать легких ожогов и царапин. Он немедленно вернулся к работе и, согласно программе, принял дуче (т. е. Муссолини) для длительной беседы». Только в последовавшем за этим комментарии был скрытый намек на то, кто совершил покушение («дело вражеских рук»). Но в тот момент Гитлер еще не понимал, что бомба была лишь частью значительно более крупного заговора, имевшего целью свержение нацистского режима. Он сообразил это лишь позже, когда узнал о попытках переворота в Берлине, Париже, Вене.

Я взяла Лоремари за руку, и мы побежали вверх. Бисмарки были в гостинной, Мелани застыла от ужаса, Готфрид шагал по комнате туда и обратно, туда и обратно. Я боялась взглянуть на него. Он только что вернулся с Бендлерштрассе и повторял: «Этого не может быть! Это обман! Штауффенберг видел его мертвым. „Они“ разыгрывают комедию и пользуются двойником Гитлера, чтобы симулировать, что он жив». Он пошел к себе в кабинет позвонить Хелльдорфу. Лоремари последовала за ним, а я осталась с Мелани.

Она начала ныть: это Лоремари втравила Готфрида в это дело; она его обрабатывала много лет; а если он теперь погибнет, то не кто-нибудь другой, а она, Мелани, останется вдовой с тремя маленькими детьми; может быть, Лоремари и может позволить себе такую роскошь, но кто останется сиротами? Чужие дети, не ее... Это было поистине ужасно, и что мне было сказать?

Готфрид вернулся в гостиную. Он не дозвонился до Хелльдорфа, но кое-что узнал; заговорщики захватили главную радиостанцию, но не смогли выйти в эфир, а теперь она опять в руках эсэсовцев. Однако офицерские училища

в пригородах Берлина восстали и сейчас движутся на столицу. И действительно, через час мы услышали, как по Потсдаму грохочут танки Крампницского бронетанкового училища. Мы высунулись в окна, глядя, как они проезжают, и молились. На улицах, практически пустых, никто, похоже, не знал, что происходит. Готфрид все настаивал, что Гитлер не мог уцелеть, что «они» что-то скрывают...

Немного позже по радио объявили, что в полночь фюрер выступит с обращением к немецкому народу. Мы поняли, что только тогда узнаем наверняка, обман это все или нет. И все же Готфрид упорно цеплялся за надежду. Он говорил, что даже если Гитлер действительно жив, его ставка в Восточной Пруссии расположена так далеко от всего, что режим все-таки можно свергнуть, прежде чем он снова захватит контроль над самой Германией. Но нам всем становилось не по себе.

С 1943 г. в Штабе командования Сухопутных сил на Бендлерштрассе существовал план на случай чрезвычайных обстоятельств под кодовым наименованием «Валькирия», предусматривавший, какие меры должны быть приняты в случае внутренних беспорядков или крупномасштабного саботажа со стороны миллионов иностранных рабочих, находившихся тогда в Германии. Главная роль, согласно этому плану, отводилась Армии резерва, а также частям, расквартированным в столице и вокруг нее, — гвардейскому батальону в самом Берлине и офицерским военным училищам в его окрестностях. По иронии судьбы план «Валькирия» был утвержден самим Гитлером! Однако Ольбрихт, Штауффенберг и другие соучастники заговора разработали секретное приложение к этому плану, благодаря которому его удалось бы использовать также и для свержения нацистского режима, после чего к власти пришло бы новое правительство, которое немедленно приступило бы к мирным переговорам. С самого начала план страдал роковыми

просчетами. Например, из тех членов высшего военного командования, которым по плану «Валькирия» предстояло захватить власть в свои руки не только в Германии, но и во всей остальной оккупированной Европе, лишь немногие были осведомлены об истинных намерениях заговорщиков. Рассчитывали на то, что остальные, начиная с генерал-полковника Фридриха Фромма⁷²⁹, командующего Армией резерва, от которого так много зависело, «прижмут», как только смерть фюрера освободит их от данной ему присяги; иными словами, все зависело от физического устранения Гитлера. Предполагалось также, что на несколько часов будет прервано всякое сообщение между Растенбургом и внешним миром — чтобы предотвратить принятие контрмер. Наконец, будущий убийца, Штауффенберг, должен был не только прикончить Гитлера, но и благополучно вернуться в Берлин, чтобы проследить за надлежащим исполнением плана «Валькирия». Дело осложнялось еще тем, что средний немецкий солдат к этому времени был так основательно идеологически обработан, что трудно было предугадать, какова будет его реакция на приказ захватить ключевые учреждения страны.

Несколько раз звонил Хелльдорф. Звонил также нацистский гауляйтер (т. е. партийный руководитель) Бранденбурга⁷³⁰, который спрашивал у регирунгспрезидента Потсдама графа Бисмарка, что он, черт побери, собирается делать, так как, насколько ему, гауляйтеру, известно, в столице начались беспорядки и, возможно, даже бунт. Готфрид имел нахальство сказать ему, что, согласно приказу Верховного главнокомандования, фюрер предписывает всем высшим чиновникам оставаться на своих постах и ожидать дальнейших приказов. На самом деле Готфрид рассчитывал, что скоро восставшие придут и арестуют самого гауляйтера.

С наступлением ночи распространились слухи о том, что восстание разворачивается не столь успешно, как это

ожидалось. Кто-то позвонил с аэродрома: «*Die Luftwaffe macht nicht mit*» [«Военно-воздушные силы не присоединились»]; они требовали личного приказа Геринга или самого фюрера. Теперь и Готфрид высказался скептически — впервые! Он сказал, что такие вещи надо делать быстро; каждая потерянная минута наносит делу непоправимый урон. Тем временем полночь давно прошла, и, хотя Гитлер все еще не выступал, я пришла в такое уныние, что отправилась спать: не было никакого смысла ждать дальше. Скоро моему примеру последовала и Лоремари.

В два часа утра заглянул Готфрид и сказал упавшим голосом: «Это был он! Сомнений нет!»

Гитлер выступил по радио в час ночи 21 июля. Он сказал, что маленькая клика тщеславных, бесчестных и преступно глупых офицеров, не имеющих ничего общего с немецкими вооруженными силами, а тем более с немецким народом, организовала заговор с целью устранить его и одновременно свергнуть Верховное командование вооруженных сил. Бомба, подложенная полковником графом фон Штауффенбергом — единственный, кого он назвал⁷³¹, — взорвалась в двух метрах от него и серьезно ранила нескольких преданных сотрудников, одного смертельно⁷³². Сам он остался цел и невредим, если не считать незначительных царапин и ожогов, и он рассматривает это как подтверждение воли Провидения, чтобы он продолжал дело всей своей жизни — борьбу за величие Германии. Теперь эта крошечная кучка преступных элементов будет безжалостно истреблена. Затем следовали распоряжения по восстановлению порядка.

На рассвете мы снова слышали, как по городу идут танки из Крампница; они возвращались в свои казармы, так ничего и не добившись.

Курсанты Крампницкого бронетанкового училища были одной из тех частей, которые, по расчетам заговорщиков, должны

были захватить Берлин. Когда им сообщили с Бендлерштрассе, что Гитлер мертв — убит эссовцами, — что вступает в силу план «Валькирия», они двинулись в Берлин и заняли там предписанные им позиции. Но когда их командир⁷³³ (непричастный к заговору) узнал, что Гитлер не убит и что некоторые офицерские круги предприняли путч, он собрал свои танки и повел их обратно в казармы.

Пятница, 21 июля. За завтраком мы узнали, что Готфрид и Мелани Бисмарк уехали на машине в Берлин (вероятно, увидаться с Хельддорфом). Лоремари Шёнбург выглядела страшнее покойницы. Я вернулась в Берлин одна, оставив ее в постели. Мы еще не вполне сознавали масштабы бедствия и опасность нашего собственного положения.

По дороге в город я заехала к Аге Фюрстенберг в Грюневальд и оставила у нее мои ночные принадлежности. Потсдам очень далеко, а у Герсдорфов жить дальше невозможно из-за постоянных бомбежек, и я решила испытать этот новый вариант. Ага была обескуражена событиями, но явно не имела понятия, кто в них замешан. Будет трудно, но теперь придется делать вид, что ничего не знаешь, и говорить о происходящем с напускным удивлением — даже с друзьями.

Пробыв на работе очень недолго, я пошла к Марии Герсдорф. Она была в отчаянии. Она сказала, что граф Штауффенберг был расстрелян вчера вечером в Штабе командования Сухопутных сил на Бендлерштрассе вместе со своим адъютантом, молодым Вернером фон Хафтенем. Генерал Бек, которого собирались сделать главой государства⁷³⁴, покончил с собой. Генерал Ольбрихт, заменивший колеблющегося генерала Фромма на посту командующего Армией резерва, был расстрелян вместе с остальными.

В Растенбурге в планах Штауффенберга сразу же обнаружилось просчеты. Ежедневные совещания Гитлера, обычно проводимые

в подземном бункере, теперь из-за сильной жары были перенесены в наземное деревянное помещение, стены которого при взрыве бомбы рассыпались, дав выход значительной части энергии взрыва. Поскольку Штауффенберг был однокорпусник и смог завести только одну бомбу (вместо двух, которые первоначально предполагалось разместить в его портфеле), сам взрыв оказался более слабым. Как назло, когда Штауффенберг вышел из комнаты, будучи, как было заговорщиками условлено, вызван к телефону, штабной офицер, споткнувшись о портфель под столом с картой, над которой склонился Гитлер, передвинул портфель по другую сторону тяжелых деревянных козел. Это в какой-то мере защитило Гитлера от взрыва.

В 12.42 раздался оглушительный грохот, и здание превратилось в облако из пламени и дыма. Штауффенберг и его адъютант Хафтен, беседовавшие неподалеку с другим заговорщиком — начальником связи Гитлера генералом Эрихом Фельгибелем⁷³⁵, вскочили в свой автомобиль и, не дав опомниться часовым контрольно-пропускных пунктов, вскоре получившим сигнал тревоги, помчались на аэродром, откуда немедленно вылетели обратно в Берлин.

По плану, генерал Фельгибель должен был сообщить по телефону о смерти Гитлера генералу Ольбрихту в Берлин и затем немедленно прервать всякое сообщение между Растенбургом и внешним миром. К его удивлению и смятению, он увидел, как Гитлер выбирается из развалин — поцарапанный, в пыли, в растерзанных брюках, но явно живой. Он едва успел передать в Берлин сообщение в осторожных выражениях: «Произошла ужасная трагедия... Фюрер жив...» — как эсэсовцы перехватили его канал связи. Остались невыполненными уже два ключевых условия успеха заговора: смерть Гитлера и контроль заговорщиков над коммуникациями Растенбурга. Более того, теперь была известна личность покушавшегося, и по всей Германии передавался по телексу приказ об аресте Штауффенберга.

За неделю перед тем план «Валькирия» уже дважды вводился в действие, но был поспешно отменен, когда Штауффенберг,

надеясь убить одновременно и Гиммлера и Геринга, вследствие их отсутствия на совещании у Гитлера откладывал свои попытки. Поэтому на сей раз, получив двусмысленное сообщение Фельгибеля, генерал Ольбрихт не поторопился дать плану ход, пока не будет точно известно, что происходит.

В 15.50 самолет Штауффенберга приземлился на отдаленном военном аэродроме, но оказалось, что его шофер еще не прибыл. Когда Хафтен позвонил на Бендлерштрассе, чтобы выяснить, что случилось, Ольбрихт спросил у него, погиб ли Гитлер. Получив положительный ответ, он отправился к генералу Фромму за разрешением ввести в действие «Валькирию». Но у Фромма тут же возникли подозрения, он позвонил в Растенбург и связался с фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем, который подтвердил, что имело место покушение на жизнь фюрера, но безуспешное. Как раз в этот момент в комнату ворвались Штауффенберг и Хафтен. Фромм сказал, что «Валькирия» более не нужна. На что Штауффенберг взорвался: Кейтель лжет; Гитлер действительно погиб, он видел его мертвым, он ведь сам подложил бомбу! К тому же все равно уже поздно: «Валькирия» уже введена в действие. «По чьему приказу?» — спросил Фромм. «По нашему», — ответили Ольбрихт и Штауффенберг. Бледный от гнева, но более всего испугавшийся за свою собственную судьбу, Фромм приказал Штауффенбергу застрелиться, а Ольбрихту — отменить «Валькирию». Вместо этого они разоружили Фромма и посадили его под арест в собственном кабинете.

Обратного пути теперь не было, и в 5.30 пополудни — пятью часами позже, чем по плану следовало, — телексы ОКХ начали выстукивать приказы «Валькирии» различным военным штабам. И поскольку Растенбург фигурировал в списке штабов первоначального, одобренного самим Гитлером плана и никто — еще одно упущение — не подумал о том, чтобы его вычеркнуть, Гитлер узнал об их намерениях от самих заговорщиков. Через час немецкое радио начало передавать сообщение о покушении — и о его провале — вместе с первыми приказами фюрера об ответных действиях.

Тем временем на Бендлерштрассе начали собираться другие ведущие участники заговора: генерал Людвиг Бек⁷³⁶ (бывший долголетний начальник Генерального штаба вермахта и кандидат заговорщиков на пост главы государства), фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен⁷³⁷ (который должен был возглавить вооруженные силы), генерал Эрих Хепнер⁷³⁸ (намеченный преемником Фромма), граф Хелльдорф, Готфрид Бисмарк и другие. Многие из них затем ушли — некоторые возмущенные, все встревоженные, так как они видели, что царит все большая неразбериха и никто не знает, что делать дальше. Бек и Штауффенберг продолжали требовать от различных штабов, чтобы те последовали примеру Берлина, однако безуспешно. Но и в самом Берлине они теряли инициативу: танки из Крампница пришли и ушли; главная радиостанция была взята и оставлена; гвардейский батальон бросился было занимать правительственные учреждения, но остановился на полпути. Из членов высшего нацистского руководства в тот день в Берлине находился только Геббельс, он и спас положение. Когда майор Отто Ремер⁷³⁹, многожды награжденный командир гвардейского батальона, явился арестовать Геббельса по приказу коменданта города генерал-лейтенанта фон Хазе, Геббельс соединил его с Растенбургом, лично с Гитлером, и тот, немедленно произведя Ремера в полковники, приказал ему отправиться на Бендлерштрассе и восстановить там порядок. Но ко времени его прибытия путч там уже кончился.

Действительно, за эти часы верные Гитлеру офицеры захватили здание, освободили Фромма и арестовали заговорщиков. Генералу Беку было позволено покончить с собой, и после того, как он сделал две неудачные попытки, его прикончил унтер-офицер. Ольбрихт, его начальник штаба полковник Мерц фон Квирнхайм⁷⁴⁰, Штауффенберг и его адъютант Хафтен после фарсового военно-полевого суда были отведены во двор и расстреляны при свете фар. Тяжело раненный в потасовке Штауффенберг нашел в себе силы крикнуть: «Да здравствует наша

святая Германия!» Трупы сначала похоронили на кладбище, но на следующий день по приказу Гитлера их эксгумировали, сорвали с них форму и ордена и кремировали, рассеяв пепел по ветру.

Несколько месяцев назад Лоремари сказала мне, что она однажды посетила генерала Ольбрихта во время одной из ее роковых вербовочных операций, поскольку она слышала, что он «положительный элемент». Он, конечно, не среагировал на ее намеки. Однако он строго доверительно сообщил ей, что у него хранятся мешки с более чем 30 тысячами писем от немецких солдат, взятых в плен в Сталинграде в 1943 году, но что Гитлер приказал их сжечь. Официально говорилось, что в этой «доблестной» битве не выжил никто. Хотя и от одного из ее собственных братьев не было вестей со времени Сталинграда, Ольбрихт, как она его ни умоляла, не дал ей взглянуть на письма.

Мария немного знала Штауффенберга, так как с ним был в большой дружбе кто-то из ее двоюродных братьев. Она дрожит за их судьбу. Я познакомилась с молодым Хафтенем у Адама Тротта месяца два назад. Однажды вечером, когда я ужинала у Адама одна, влетел кудрявый симпатичный молодой капитан, представился и вытащил Адама из комнаты. Они сидели уединившись довольно долго. Впоследствии Адам интересовался, какое впечатление он на меня произвел. Я ответила: «Типичный заговорщик, про таких читаешь в книжках для детей». Я тогда не знала, какая у него роль. Теперь у Марии я все время думала о Готфриде и Адаме. Оба вчера в то или иное время были на Бендлерштрассе. Станет ли это известно? Мне же следует постоянно притворяться удивленной, даже озабоченной, но не испуганной...

Мисси ошибалась. На самом деле Адам фон Тротт, Алекс Верт и Ханс Бернд фон Хафтен провели день в главном здании

Министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе, которое они должны были захватить в случае успеха путча.

Позже вечером за мной заехал Перси Фрей. Так как мне было не до ужина, мы поехали в Грюневальдский лес, вышли из машины и гуляли. Я пыталась объяснить ему, какая это ужасная, огромная трагедия. Когда он наконец проникся, он был потрясен и исполнен сочувствия. До тех пор он тоже верил в официальную версию, а именно, что все это дело рук кучки авантюристов⁷⁴¹.

Я просто должна видеть Адама. Но хотя мы договорились встретиться сегодня, я пока не смею ему звонить.

Суббота, 22 июля. Сегодня утром все газеты вышли с обращением, в котором предлагается миллион марок любому, кто укажет местонахождение человека *namens Goerdeler* [по имени Гёрделер]. Слава Господу! Это значит, что он еще на свободе.

Прошел слух, что жену и четверых детей Клауса Штауффенберга также убили⁷⁴². Она была урожденной баронессой фон Лерхенфельд⁷⁴³ и крестницей Мамá, так как ее родители перед Первой мировой войной жили в русской Литве.

За считанные дни после неудавшегося переворота в соответствии с недавно введенной практикой *Sippenhaftung*⁷⁴⁴ (ареста всех родных) были арестованы не только жена и дети Штауффенберга, но также его мать, теща, братья, двоюродные братья, дядя, тетки (и все их жены, мужья, дети).

Обращаясь к нацистским гауляйтерам в Позене 3 августа, Гиммлер так оправдывал репрессивные меры против родственников: «Пусть никто не говорит нам, что это большевизм. Нет, это не большевизм, это древний германский обычай... Когда человека объявляли вне закона, то говорили: этот человек предатель, у него дурная кровь, в ней живет предательство, она будет вытравлена. И... вся семья, включая самых отдаленных

родственников, истреблялась. Мы разделаемся со Штауффенбергами вплоть до самых отдаленных родственников...»

Зайдя сегодня утром к Джаджи Рихтеру, я застала там старшего Хафтена, Ханса-Бернда (нашего бывшего старшего кадровика). Он сидел у себя за столом и ел вишни из бумажного мешочка. А его брата накануне застрелили как собаку! Он улыбнулся мне и заговорил так, как будто ничего не произошло. Когда он вышел, я спросила Джаджи, знает ли он о брате. Джаджи сказал, что знает. Сам Джаджи выглядел встревоженным и опечаленным, но, конечно, совсем не так, как если бы он узнал правду об Адаме Тротте.

Я прошла в комнату Адама. Он был там с одним из своих помощников. Когда помощник ушел, Адам бросился на диван и, показав себе на шею, сказал: «Я в этом вот покуда!» Он выглядел ужасно. Мы разговаривали шепотом. Видя его, я мучилась еще больше. Я сказала ему об этом. Он сказал: да, но для меня это, как если бы я потеряла любимое дерево в своем саду, а для него потеряны все надежды. Зазвонил интерком: его желал видеть наш начальник д-р Сикс. Мы условились встретиться вечером. Я оставила записку его секретарше, в которой писала, что буду ждать его звонка.

Зайдя к Марии Герсдорф, я сказала ей, как волнуюсь за Адама. «Почему же? — спросила она. — Ведь он едва знал Штауффенберга, разве нет? Нет, я уверена, что он не глубоко замешан». — «Да, — сказала я, — совсем не замешан».

Позвонил Адам, и мы договорились встретиться у Аги Фюрстенберг после шести. Потом я пошла в отель «Адлон», где у меня была назначена встреча с Лоремари Шёнбург и Агой. Ага была в бешенстве, потому что Хассо Эцдорф, по-встречавшись с ней на улице, отвернулся. Полагаю, что он тоже сильно скомпрометирован. Мы затем собрались у Аги и сели пить чай на лужайке. Там были также Тони Заурма и Джорджи Паппенгейм. Потом к нам присоединился

Адам. Он был у д-ра Сикса и пытался сбить его со следа. Выглядел он — хуже не бывает. Я поехала с ним к нему домой и сидела на балконе, греясь на солнышке, пока он переодевался. Раздался сигнал воздушной тревоги; он раздражал, как пчелиный рой, не более. Когда Адам пришел, мы сели рядом на балконе, и он кое-что мне рассказал.

Штауффенберг, сказал он, был замечательный человек, наделенный не только блестящим умом, но и исключительной энергией. Он был одним из немногих заговорщиков, имевших частый доступ к Гитлеру. Он дважды был в ставке со своей бомбой, но всякий раз возникало какое-нибудь препятствие или же в последний момент либо Гиммлер, либо Геринг, либо кто-то еще из тех, кого он хотел убить вместе с Гитлером, не приходили на совещание. Когда его вызвали в третий раз, он сказал товарищам по заговору, что взорвет, что бы ни случилось, хотя бы одного Гитлера. Напряжение становилось для него непереносимым, и не удивительно. Если бы только был кто-нибудь, кто мог выстрелить из пистолета, попытка могла бы удалась. Но Штауффенберг был слишком искалечен... Адам сказал, что он потерял в его лице ближайшего друга. Он выглядел совершенно раздавленным.

Сам Адам провел весь день 20-го в АА на Вильгельмштрассе, ожидая захвата его военными. Он сказал, что знает, что его арестуют, он слишком серьезно скомпрометирован. Я не стала спрашивать, насколько серьезно. Он решил отправить подальше свою горничную; она была свидетельницей слишком многих встреч в этом доме и, если ее станут расспрашивать, может сболтнуть. Он боялся, что и Хелльдорф не выдержит пыток (я помню, как Хелльдорф говорил Лоремари, что он сам этого боится).

Адам теперь спрашивает, не следует ли ему, возможно, поместить заметку в лондонской «Тайме» с объяснением, что представляли собой эти люди. Я отговорила его,

поскольку в Германии это было бы немедленно воспринято так, будто бы они на содержании у неприятеля; а теперь, после провала, здешнее общественное мнение станет сочувствовать им еще меньше.

Затем Адам рассказал, как вскоре после поражения Франции в 1940 году он получил письмо от своего старого друга лорда Лотиана (в то время британского посла в Вашингтоне), в котором тот призывал его работать на примирение Германии и Англии. Имел ли в виду Лотиан только ненацистскую Германию (ему, конечно, была известна ненависть Адама к режиму), Адаму было не вполне ясно⁷⁴⁵. Но для него идея какой бы то ни было «сделки» между двумя странами, пока Гитлер у власти, была настолько неприемлема, что он никому не упомянул о существовании этого письма. Впоследствии, сказал он, его не раз охватывали сомнения, правильно ли он поступил.

Мы сидели и разговаривали всю ночь, прислушиваясь к случайным звукам, и всякий раз, когда раздавался шум подъезжающей машины, я видела по выражению его лица, о чем он думает...

Я просто не могу оставить его в таком состоянии. Если за ним придут, пока я здесь, я смогу по крайней мере предупредить его друзей. Адам говорил, что Алекс Верт знает все и что если его арестуют, тот будет знать, что делать. Он думает, что д-р Сикс тоже что-то подозревает, потому что он настойчиво советует Адаму уехать в Швейцарию. Я тоже стала настаивать, чтобы он уехал — немедленно. Но он не уедет — из-за жены и детей⁷⁴⁶. Он сказал, что если его арестуют, он будет все отрицать — чтобы выбраться и начать все заново. В 4 утра он отвез меня домой и обещал позвонить мне попозже утром, чтобы я не беспокоилась за него.

Лорд Лотиан принадлежал к небольшой, но влиятельной в определенный период группе консервативных политиков (так

называемой клайвденской группировке), которая, критически относясь к методам Гитлера, с сочувствием воспринимала его усилия избавить Германию от унижительных условий Версальского договора (который они всегда осуждали) и отдавала должное очевидному успеху, с каким Гитлер решал экономические проблемы страны. Вместе с тем более всего они были обеспокоены перспективой новой европейской войны, которая, продолжав так скоро за кровавой баней 1914–1918 годов (ветеранами которой были многие из них), могла бы, по их мнению, роковым образом ослабить Европу, привести к гибели колониальных империй, вообще западной цивилизации и открыть двери мировому коммунизму. Однако все возрастающая жестокость гитлеровской внутренней политики и его безжалостная решимость превратить Германию в господствующую державу Европы любой ценой свели на нет все их усилия. Многие из них впоследствии окрестили «умиротворителями».

Примечание Мисси (сентябрь 1945 года): Адам никогда не рассказывал мне о точной его роли в заговоре. Я знала только, что каждая его поездка за границу — в Швейцарию, в Швецию — хотя и предпринималась всегда под каким-нибудь официальным предлогом, всякий раз была связана с его неустанными усилиями создать платформу для мирных переговоров с союзниками после того, как произойдет «событие» (т. е. убийство Гитлера).

Он искренне верил, что, если союзники будут иметь дело с «приличным» немецким правительством, они сделаются более сговорчивыми. Я часто пыталась развеять эти иллюзии и настаивала, что *единственное*, что действительно важно, — это физическое устранение Гитлера, ничто иное. Думаю, последующие события подтвердили, что я была права.

До конца своих дней Мисси отказывалась признаться, в какой мере она была осведомлена о заговоре до 20 июля. Но многие

случайные фразы, неосмотрительно брошенные ею то тут, то там, начиная с первого упоминания о «conspiratcj» (заговоре) от 2 августа 1943 г., затем постоянные требования заговорщиков, чтобы она помогла убрать Лоремари Шёнбург из Берлина, частые ссылки на «предстоящие события», ее вызов из Круммхюбеля в Берлин Адамом Троттом с 10 по 17 июля 1944 г., — а ведь первая попытка Штауффенберга убить Гитлера началась именно на 11 июля, и кончая той все раскрывающей записью от 19 июля 1944 г. с фразой «Мы (т. е. Адам фон Тротт и она) договорились не встречаться до пятницы», — показывают, что она знала гораздо больше, чем говорила, и что ей даже была известна точная дата запланированного переворота! Вернее всего, она этим старалась уберечь память Адама Тротта и других от упрека в том, что они слишком много «болтали», тем более иностранке.

Воскресенье, 23 июля. Адам Тротт позвонил, как обещал. Пока все в порядке. Я сказала ему, что еду в Потсдам и позвоню ему оттуда.

Я застала Готфрида Бисмарка плещущимся в купальном костюме в своем фонтане. Очень жарко. Были также Мелани и Лоремари Шёнбург. Сейчас Мелани выглядит спокойнее; она даже собирается уехать к себе в деревню, чтобы создать впечатление, что все нормально.

Я сказала им, как я беспокоюсь за Адама Тротта. Готфрид не думает, что его арестуют. В наибольшей опасности, сказал он, сейчас Хелльдорф. Его роль в неудавшемся перевороте была чересчур заметна, и он не сможет найти себе алиби.

Мы поговорили о Фрици Шуленбурге, племяннике посла и бывшего заместителя начальника берлинской полиции при Хелльдорфе. Говорят, что его тоже расстреляли на Бендлерштрассе в четверг⁷⁴⁷. Я помню его молодым человеком в Восточной Пруссии до войны; одно время он был нацистом, но уже тогда относился к режиму резко отрицательно. Адам сказал, что вчера вечером он видел секретаршу

Штауффенберга; она описала, как Фрици выбежал из своего импровизированного кабинета в Штабе Сухопутных сил, получил пулю в спину в коридоре и как его, раненого, вытащили во двор и там прикончили.

Этот слух оказался ложным. Арестованный на Бендлерштрассе Ф. Шуленбург одним из первых предстал перед так называемым Народным судом. Его приговорили к смерти и повесили 10 августа 1944 г.

После обеда мы все легли поспать: напряжение изматывает. Позже Лоремари сказала мне, что Готфрид показал ей два больших свертка в шкафу у себя в кабинете, сказав, что не знает, что с ними делать. Когда она спросила, что это такое, он ответил: «Взрывчатка, оставшаяся от бомбы». Она умоляла его избавиться от свертков, так как скоро, несомненно, начнутся обыски. Он отказался, сказав, что взрывчатку очень трудно было достать и что он собирается сохранить ее для новой попытки. Она убедила его, по крайней мере, спрятать ее в подвале.

Взрывчатка немецкого производства — смесь гексогена и тринитротолуола — была добыта заговорщиками еще в 1942 г. с немалым риском, поскольку трудно было объяснить, зачем взрывчатка нужна штабным офицерам (каковыми они в большинстве были). Часть ее использовалась в различных предыдущих покушениях на Гитлера. Запалы — британского производства — были захвачены у французского Сопротивления.

Звонил Адам. У него все в порядке. Ужинала с Перси Фреем.

Понедельник, 24 июля. Мелани Бисмарк попросила меня заказать в русской церкви панихиду за упокой души погибших в четверг и молебен за тех, кто в опасности. Одних

друзей и знакомых так много: Адам Тротт... Готфрид Бисмарк... Хелльдорф... Она не решается отслужить в католической или протестантской церкви, но думает, что православная не так на виду. Я согласилась поговорить об этом с отцом Иоанном Шаховским. Мы также договорились, что присутствовать буду я одна, чтобы не привлекать внимания.

Провела утро на работе, потом, хотя Адам уже пообедал в столовке, уговорила его поехать со мной к Марии Герсдорф. Я дала ему икону св. Серафима Саровского⁷⁴⁸ и рассказала про идею Мелани насчет службы. Он сказал, чтобы мы не беспокоились: Клаус Штауффенберг был таким набожным христианином, что сейчас по нему служат во всех храмах Германии⁷⁴⁹. Пришли еще некоторые друзья, и мы заговорили о другом. При расставании Адам сказал мне и Лоремари Шёнбург, что если никого из нас не останется в живых, то невозможно будет повторить попытку, а значит, мы теперь должны вести себя очень, *очень* осторожно, не должны встречаться, за нами следят и т. п. У них всех тот же лейтмотив: они *должны* попытаться еще раз!

Вечером Готфрид отвез нас в Потсдам. Мы поужинали с ним. Он сказал, что сегодня утром арестовали Хелльдорфа. Полицей-президиум не сообщает никаких сведений: «Президент вышел сегодня утром и все еще не вернулся».

После ужина явилась Ханна Бредов, сестра Готфрида. Это своеобразная личность. Вцепившись в зонтик, она села: «Готфрид, я хочу знать, насколько ты замешан в это дело! Ты не имеешь права все от меня скрывать. Я слишком хорошо вижу, что происходит. Я *должна* знать, в каком мы положении!» Готфрид бормотал, мямлил и ничего ей не сказал. Ханна беспокоится за своих дочерей; девятнадцатилетняя Филиппа часто виделась с молодым Вернером фон Хафтенем, адъютантом Штауффенберга, который был расстрелян вместе с ним и который, видимо, говорил с ней

откровенно, чересчур откровенно. (В семействе Бредов уже 16 июля стали говорить, что ставка Гитлера на этой неделе будет взорвана.) Потом Ханна гадала нам на картах: она это умеет. Выяснилось, что никто из нас пока что не обречен. Позже мы пошли к ней домой, где Джорджи Паппенгейм прекрасно играл на фортепиано. Затем мы с Агой Фюрстенберг вернулись в Грюневальд к Аге ночевать. Налет поднял нас с постели. На сей раз бомбы ложились совсем рядом с нами, и мы укрылись в убежище — смехотворном деревянном сооружении под дерновой насыпью. Прямо возле нас упали две фугаски, связанные цепью. Палили они долго, поскольку были сброшены на парашюте. Мы скорчились на полу, нахлобучив на голову каски. Ага со своей скособоченной каской выглядела так, что я в самые страшные моменты не могла удержаться от хихиканья. Кухарка, абсолютно глухая, блаженное создание, не слышала ни звука из этого пандемониума⁷⁵⁰ и бросилась на землю только потому, что это сделали мы.

Сегодня после обеда я виделась с отцом Иоанном. Он считает, что служить в русской церкви было бы опасно, но у него в квартире есть маленькая часовня, и мы отслужили там. Я была единственной прихожанкой и проплакала всю службу навзрыд. Когда я сказала Лоремари, что не могла в тот момент припомнить, как зовут Хелльдорфа, она в изумлении воскликнула: «Aber, Missie! Wölfchen!» [«Что ты, Мисси! Вольфхен!» — Вольфхен, уменьшительное от Вольф.]

Вторник, 25 июля. Сегодня рано утром я позвонила домой Адаму Тротту; с ним пока все в порядке. Но позже, когда я зашла к нему в кабинет, его там не было, была только его секретарша — хорошая девушка, с которой я дружу, с перепуганным выражением лица. В спешке пообедала у Марии Герсдорф и вернулась в бюро. На этот раз секретарша Адама попыталась вытолкнуть меня из его кабинета.

Я прошла мимо нее и вошла. За его столом сидел маленький человечек в штатском и рылся в ящиках стола. Еще один растянулся в кресле. Сволочи! Я поглядела на них повнимательнее: есть ли у них что-нибудь в петлицах, но потом вспомнила, что гестаповские значки носят с внутренней стороны. Я достаточно громко спросила секретаршу: «Wo ist Herr von Trott? Noch immer nicht da?» [«Где же г-н фон Тротт? Его все еще нет?»] Оба подняли головы и взглянули на меня. Когда мы с секретаршей вышли из комнаты, она посмотрела на меня умоляюще и прижала палец к губам.

Перемахивая через три ступеньки, я ворвалась в кабинет к Джаджи Рихтеру. Я сказала, что необходимо немедленно что-то предпринять, чтобы Адам не приходил на работу, поскольку его кабинет обыскивает гестапо. Джаджи уныло на меня взглянул и сказал: «Поздно. Они взяли его в полдень. Хорошо, что с ним был Алекс Верт: он поехал за ними в другой машине, и надеюсь, что он скоро вернется, может быть, ему удастся выяснить, за что Адама арестовали». Джаджи явно все еще ничего не подозревает. Он добавил, что Адам присутствовал на ежедневном совещании в главном здании Министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе. В это время здесь к нему в кабинет явились гестаповцы и потребовали сообщить, где он находится. Секретарша хотела выскользнуть, чтобы предупредить его, но они задержали ее и не позволили выйти из комнаты. Он влетел прямо в засаду. Государственный секретарь Кепплер⁷⁵¹ (высокопоставленный нацистский чиновник Министерства иностранных дел, возглавлявший в свое время отдел Свободной Индии) ожидал его на обед в «Адлоне» к часу. В настоящий момент д-р Сикс как будто хлопочет о его освобождении; он послал своего адъютанта узнать, в чем он обвиняется. Но сомневаюсь, что он и дальше будет так держаться.

Я побежала к Марии Герсдорф. Там был Стеенсон-Лет, датский поверенный в делах, и я не могла разговаривать; я просто разрыдалась. Мария пыталась успокоить меня: это явно ошибка, Адам не имеет к этому никакого отношения, и тому подобное. Если бы только она знала! А я ничего не смею говорить.

Немного позже вернулся домой Хайнц Герсдорф. У него тоже неприятности, так как его начальник, военный комендант Берлина генерал фон Хазе (с которым мы хорошо знакомы и который организовывал нам посещения Джима Вяземского в лагере для военнопленных), был в заговоре по уши. Он теперь тоже арестован после бурного разговора с Геббельсом. Почему Хазе не застрелил эту крысу прямо там же?

Несколько человек покончили с собой, среди них граф Лейндорф⁷⁵², в имении которого в Растенбурге, в Восточной Пруссии, размещается ставка Гитлера. Принц Харденберг⁷⁵³ выстрелил себе в желудок, когда пришли его арестовывать, и сейчас находится в тяжелом состоянии. Рано примкнувший к Сопротивлению, он на подозрении потому, что Штауффенберг и Вернер Хафтен провели последний уик-энд у него в доме. Двое гестаповцев, которые его арестовали, погибли на обратном пути в Берлин в автокатастрофе — хоть одна хорошая новость! Сегодня утром был арестован и наш Ханс Бернд фон Хафтен. Говорят, что нашли списки.

В действительности граф Лейндорф сначала был арестован, но в Берлине ему удалось скрыться, однако затем его вновь арестовали и повесили.

Без некоторых списков, очевидно, нельзя было обойтись (например, без списков офицеров, которые должны были поддерживать связь с различными штабами для введения в действие плана «Валькирия»). Составление других было менее простительно (например, списков будущего правительства), особенно

если учесть, что с некоторыми из упомянутых в них лиц, например с графом Шуленбургом, даже не посоветовались.

Спала на диване в гостиной у Герсдорфов. Окон в ней все еще нет, но сейчас так жарко, что это все равно. В полночь был воздушный налет, и самолеты оказались над головой так быстро, что мы едва успели что-то на себя накинуть и забраться в подвал соседнего дома, который сгорел еще в ноябре. Бомбили фугасами. Впервые за эти годы мне не было страшно.

Среда, 26 июля. Сегодня утром Джаджи Рихтер был все еще сравнительно спокоен. Он явно не знает, насколько серьезно скомпрометированы Адам Тротт и Ханс Бернд Хафтен. Он думает, что все это ошибка и скоро все выяснится. Но когда вошел Алекс Верт и просто взглянул на меня с выражением отчаяния, я разрыдалась. Джаджи и Лейпольдт (другой наш сотрудник) были заметно удивлены.

Я больше не могла усидеть на работе и пошла домой. Мария Герсдорф сейчас не находит себе места. Арестован граф Петер Йорк фон Вартенберг⁷⁵⁴, сестра которого — одна из ее лучших подруг⁷⁵⁵.

Высокопоставленный гражданский чиновник⁷⁵⁶ и давний участник Сопротивления, граф Йорк фон Вартенберг упоминался в одном из составленных заговорщиками списков будущего правительства.

После обеда меня навестил Перси Фрей. Я повела его в развалины по соседству с нашим домом и сказала, что не должна больше с ним встречаться; за нами у Марии, вероятно, следят, а его новехонький автомобиль со швейцарским номером чересчур бросается в глаза. Сейчас никому из нас не следует афишировать свои знакомства с иностранцами. Мы сошлись на том, что он время от

времени будет звонить мне в логово льва, то есть в министерство.

Перед ужином я решила погулять по Грюневальду в одиночестве. Я просидела там на скамейке в полном отчаянии почти весь вечер, не обращая внимания на то, что подумают прохожие.

Сегодня вечером по радио снова выступил Геббельс с речью о неудавшемся покушении; он обливал грязью всех, кого только мог⁷⁵⁷. Однако общественное мнение, судя по всему, не на стороне властей. На улицах люди выглядят бледными и упавшими духом; они, похоже, не смеют глядеть друг другу в глаза. Трамвайный кондуктор, громко высказываясь насчет речи Геббельса, сказал мне «Alles ist zum Kotzen!» [«Прямо тошнит от всего этого!»]⁷⁵⁸

На самом деле донесения СД⁷⁵⁹ (нацистской внутренней разведки) о настроениях населения (ставшие известными после войны и, как ни странно, весьма объективные) показывают, что покушение не вызвало одобрения ни у человека с улицы, ни у военных на фронте⁷⁶⁰. Официально его осудили даже церкви⁷⁶¹. Действительно, немецкое Сопротивление не было массовым движением; оно складывалось из разрозненных действий отдельных лиц или групп, лишь немногие из которых были в контакте друг с другом, причем действия эти были весьма разнородны — от обличения беззакония и гонений и помощи преследуемым вплоть до подготовки государственного переворота и даже покушения на жизнь Гитлера. А этот последний шаг был этически неприемлем даже для многих убежденных антинацистов.

Четверг, 27 июля. Сегодня Джаджи Рихтер сказал мне, что дело Адама Тротта выглядит скверно. Занимающийся им следователь подтвердил адъютанту д-ра Сикса, что найдены списки. Адама собирались назначить заместителем статс-секретаря по иностранным делам! Сикс, кажется, все

еще склонен попытаться его выцарапать. Алекс Верт уговаривает его днем и ночью сделать это. По крайней мере, в настоящий момент он, по-видимому, не станет усугублять тяжесть его положения. Кое-кто надеется, что удастся прибегнуть к вмешательству нейтральной иностранной державы, но, по-моему, это еще опаснее.

Готфрид Бисмарк приезжает в город ежедневно, и мы встречаемся в развалинах около нашего дома. Сегодня он был еще полон надежды. Он не думает, что Адама убьют, но Хелльдорф, сказал он, обречен: Гитлер особенно в ярости на него, так как он был партийным ветераном и высокопоставленным руководителем СА. Говорят, что покончил с собой генерал-квартирмейстер Вагнер⁷⁶².

Ветеран Сопротивления, генерал Эдуард Вагнер скомпрометировал себя, снабдив Штауффенберга самолетом, на котором тот улетел из Растенбурга. Он застрелился 23 июля.

Завтра Готфрид собирается поехать в Райнфельд, на свою ферму в Померании. Он считает, что теперь, когда всю эту неделю он спокойно просидел дома в доказательство того, что ему нечего бояться, полезнее будет уехать из города. Он хочет, чтобы я и Лоремари Шёнбург его сопровождали, но я не могу. Я должна делать вид, что добро совестно работаю, хотя на самом деле я ничего не делаю.

Пятница, 28 июля. Сегодня утром ходила к парикмахеру делать перманент.

Геббельс объявил «*Totaler Krieg*»⁷⁶³ [«тотальную войну»], что означает закрытие всех «излишних» магазинов и всеобщую мобилизацию гражданского населения. Он, очевидно, надеется, что в условиях, когда призваны все взрослые жители, свержение режима в тылу станет практически невозможным. *Ersatzheer* [Армия резерва], которая до сих пор была укомплектована приличными офицерами, но

была скомпрометирована последними событиями, ставится теперь под командование Гиммлера. Войска больше не будут отдавать честь, козыряя, как велит традиция, а станут вскидывать руку и рывкать «Хайль Гитлер». Все возмущаются, но эти безумные указы почти что смехотворны⁷⁶⁴.

Никто ничего не знает о генерале Фромме, бывшем командующем Армии резерва. Готфрид Бисмарк говорит, что заговорщики ему не доверяли, поскольку он не дал прямого согласия участвовать; поэтому они арестовали его в самом начале переворота и заперли его в собственном кабинете на Бендлерштрассе⁷⁶⁵, а командование перенял генерал Ольбрихт.

Фромм освободил некий майор Ремер, командир Гроссдойчланд-вахтбатальона, части, охраняющей все правительственные учреждения. Этому Ремера следовало, конечно, устранить еще до начала восстания. Говорят, Хелльдорф предлагал это сделать, но военные не послушались его. Будто вначале Ремер готов был примкнуть, но когда он пошел арестовывать Геббельса, тот наладил ему разговор по телефону с самим Адольфом.

Трусость генерала Фромма в день переворота не помогла ему. Он был арестован на следующий же день, провел в тюрьме много месяцев, подвергался жестоким пыткам и был в конце концов казнен в марте 1945 года⁷⁶⁶.

После обеда заехали проститься Готфрид и Лоремари Шёнбург. Они собираются вернуться через неделю. Они снова стали уговаривать меня поехать с ними. Оба в большой опасности, но выглядят ничуть не озабоченными. Тони Заурма отправился к себе домой в Силезию. Все мои приятели разъехались. Я одна остаюсь. Но я просто должна тут остаться.

Я Н С Ф Е Л Ь Д Е. *Суббота, 29 июля.* В положении Адама Тротта никаких перемен. Приложены большие усилия; теперь надо ждать. На уик-энд собралась к Пфулям.

Сегодня утром на работе зазвонил телефон. Это была Лоремари Шёнбург. «Откуда?» — «Из „Адлона“. Я здесь с Мелани (Бисмарк). Никому не говори. Это секрет. Прелестно, а?» Это означало только одно: Готфрид Бисмарк все-таки арестован. Я сказала, что приеду в обеденное время. Прибыв в «Адлон», я нашла их там в обществе Отто, старшего брата Готфрида, который, видимо, приехал ночью из Фридрихсру. Они собирались в Потсдам. Мелани, бледная, но спокойная, намерена пойти на все, лишь бы вызволить Готфрида. Она сказала, что будет обращаться ко всем. А Отто пойдет к Герингу. Лоремари рассказала мне, что произошло. Вчера по выезде машина Готфрида сломалась, и они поехали дальше на поезде. В Райнфельде (имение Бисмарков) они едва кончили ужинать в три часа утра, как явились трое гестаповцев и арестовали Готфрида. Они также обыскали дом. Они дали ему время поговорить с Мелани, а затем увезли его в Берлин. Мелани сказала мне, что ее предупредили, что за домом Герсдорфов следят и наш телефон прослушивается. Она умоляла меня не встречаться с Перси Фреем. Я пообещала по крайней мере не приводить его больше в дом.

После обеда в министерстве появилась Лоре Вольф, только что приехавшая из Лиссабона. Она ждет ребенка и вернулась в Германию рожать. Она выглядит так, словно прибыла с другой планеты — во всем новом, отдохнувшая и подтянутая. Произшедшие у нас перемены ее потрясли. До замужества она работала у Джаджи Рихтера. Татьяна и Луиза Вильчек были обе еще не замужем, и здесь был Йозиас Ранцау. Как давно все это было!.. Встретила Перси Фрея и Тино Солдати на станции «Цоо», и они отвезли меня

к Пфулям, где мы застали Агу Фюрстенберг и Джорджи Паппенгейма.

Воскресенье, 30 июля. Говоря о 20 июля, Ц.-Ц. Пфуль подчеркнуто осторожен. Я упоминаю какую-нибудь подробность, он выглядит изумленным; я перехожу на другую тему. Интересно, знал ли он что-либо заранее. Я была бы удивлена, если нет, поскольку он служит в абвере, а там многие участвовали в заговоре; но ведь сейчас все так осторожны...

После обеда приехал Перси Фрей и увез нескольких человек в Бухов, к Хорстманам, но я осталась. Не хочу никого видеть.

БЕРЛИН. Понедельник, 31 июля. В министерстве полный кавардак. Провозглашение «тотальной войны» Геббельсом вселило ужас во всех и каждого. Наш отдел информации обязан освободить 60 процентов персонала: мужчины пойдут на фронт, женщины на военные заводы. Эдит Перфал, Уш фон дер Гребен и Лоремари Шёнбург уволены. Меня оставляют. Непонятно почему, так как последние техники, фотографы и т. п. из моего фотоархива тоже уходят.

Вообще-то, я заметила, что со дня ареста Адама Тротта д-р Сикс обращается ко мне с необычной уважительностью, настолько, что я даже подумала поговорить с ним об Адаме, но Джаджи Рихтер уговорил меня не делать этого, поскольку на самом деле он, как утверждают, в бешенстве. Он говорит, что арест Адама скомпрометировал весь отдел. В то же время он ни разу не произнес имя Адама публично, исключая одно-единственное собрание, где он объявил: «Wir haben zwei Schweinehunde unter uns gehabt» [«Среди нас было два мерзавца»], подразумевая Адама и Хафтена. Видимо, он счел необходимым хотя бы раз публично высказать свою позицию. Но больше он о них не упоминает. Более того, карточка с фамилией Адама все еще красуется на двери его кабинета, так же как у всех.

Это утешает меня, как если бы это был единственный признак того, что он еще существует. Но если карточку снимут, то тогда...

Начиная с весны 1944 г. Гиммлер предпринимал попытки мирного зондажа через Швецию. Некоторые поездки д-ра Сикса в Швецию преследовали именно эту цель. Если даже Гиммлер сомневался в победе Германии, то гораздо более умный и прагматичный Сикс тем более должен был ощущать, что их ждет. Его отношение к Тротту и даже к Мисси как до, так и после покушения 20 июля вполне могло объясняться трезвым расчетом на то, что, когда наступит день расплаты, их связи в лагере союзников и ему пригодятся. И действительно, один из доверенных сотрудников Сикса, д-р Ханс Монке, подтвердил, что Сикс дал ему и еще одному высокопоставленному эссовскому офицеру, д-ру Шмицу, распоряжение приготовить проект письма Гиммлеру, содержащий следующие рекомендации: даже если окажется, что некоторые арестованные сотрудники Министерства иностранных дел (имелись в виду Тротт и Хафтен) действительно виновны, то будет благоразумнее не казнить их, а держать на случай потенциального использования в переговорах с союзниками. Утверждают, что Гиммлер поддержал эту идею, но когда он изложил ее Гитлеру, с последним чуть не случился эпилептический припадок, и он заорал, что «АА хуже всех, и их нужно всех повесить до последнего человека».

Во время обеда позвонил из «Аддона» Пауль Меттерних. Я в ужасе оттого, что он рискнул приехать сюда в такое время. Но он слишком тревожится за своих друзей, чтобы сидеть у себя. Он сказал, что не признался, куда едет, сказав Татьяне, что отправляется в Прагу по делам еще одного своего чешского поместья. Он добавил, что Джорджии Чини снова здесь. Я рада, что Пауль поблизости, но выбрал же он время приезжать в Берлин!

Позже я присоединилась к Паулю и Джорджио в «Адлоне». Там были также Отто Бисмарк и Лоремари Шёнбург. К Аге Фюрстенберг возвращается чувство юмора. Увидев Пауля, она крикнула ему через весь холл: «Ты что, тоже заговорщик, Пауль, что ты такой мрачный?» Сейчас она и Тони Заурма у нас *enfants terribles* [опасные шалуны]. На следующий день после покушения Тони, встретив на улице знакомого офицера, щелкнул каблуками и представил-ся: «Штауффенберг!»

Отто вскоре отправился с Джорджио во Фридрихсру, и пока Пауль с кем-то беседовал, Лоремари отвела меня в уголок и сказала мне, чем она эти последние два дня занималась.

Прежде чем гестаповцы увезли Готфрида, он успел сообщить ей, что взрывчатка, оставшаяся от бомбы Штауффенберга, спрятана в его сейфе в Регирунге в Потсдаме, и передал ей ключ. Ринувшись в Потсдам на молочном поезде⁷⁶⁷, она прибыла туда задолго до Готфрида с его охранниками и нашла два свертка. Они были размером с коробку для обуви и завернуты в газету. Тогда она взяла один из наших велосипедов и, закрепив один из свертков на руле, поехала в парк Сан-Суси⁷⁶⁸. По дороге она столкнулась с мальчиком-разносчиком и упала вместе со свертком. Испугавшись, что он может взорваться — она, разумеется, не имеет о подобных вещах ни малейшего понятия, — она героически прикрыла сверток собой. Ничего, конечно, не произошло. В конце концов она бросила сверток в один из прудов в парке. Он все время всплывал, а она топила его веткой. В конце концов, отчаявшись, она выловила его и закопала за какими-то кустами. Она уже собиралась сесть на велосипед и уехать, как вдруг, подняв голову, увидела человека, который стоял на другом берегу пруда и смотрел на нее. Что он видел? Донесет ли? Она поспешила обратно в Регирунг, но теперь она была слишком напугана, чтобы

повторить эту операцию со вторым свертком, и она зарыла его под одной из клумб в саду. Ей помогала Анна, горничная Бисмарков, не выказавшая при этом ни малейшего любопытства. Возможно, что Лоремари буквально спасла Готфриду жизнь, потому что дом весь перетрясли, причем первый визит полицейских состоялся всего через несколько часов после того, как она все это сделала.

Я преклоняюсь перед смелостью и находчивостью Лоремари, хотя часто это граничит с опасным фанатизмом.

Перекусив у Марии Герсдорф, Пауль настоял, чтобы мы поехали в Потсдам. Он хотел, чтобы Мелани и Готфрид знали, что их друзья их не бросают. Мы приехали туда очень поздно и застали только Отто и Лоремари. Посидев с ними около часа, мы сели на последний обратный поезд в Берлин. По дороге я так плохо себя почувствовала, что мы сошли на какой-то станции, и на платформе меня сильно вырвало, а Пауль терпеливо стоял рядом. Вероятно, сказалось нервное напряжение всех этих дней.

Присутствие Пауля очень помогает — он, как всегда, спокойный и деловой. Он, конечно, прав, говоря, что все, что сейчас происходит, было абсолютно неизбежным и мы ничего не можем тут поделать. Раз переворот провалился, то естественно, что всем его участникам придется расплачиваться. Более того, нацисты получили долгожданную возможность избавиться от всех, кого они давно ненавидели и боялись.

Как заметил другой ведущий заговорщик, генерал-майор Хеннинг фон Трешков⁷⁶⁹, незадолго до своего самоубийства, последовавшего за провалом переворота: «Никто из нас не имеет права жаловаться на судьбу. Всякий, кто вступил в Сопротивление, надел кровавую рубашку Несса (Несс — кентавр, убитый Гераклом с помощью стрелы, пропитанной ядом лернейской гидры; впоследствии Геракл скончался, надев рубашку, пропитанную

кровью умирающего Несса. Но доблесть человека измеряется лишь его готовностью пожертвовать жизнью за свои убеждения».

Пауль ходит с тростью, некогда принадлежавшей его предку, канцлеру. Пользоваться тростью он не привык и часто об нее спотыкается. Она выглядит обманчиво легкой, будучи обтянута какой-то тканью, создающей впечатление тростника. На самом деле она сделана из сплошного железа, весит тонну, и когда падает, то громыкает, как пистолет. В первый раз я подпрыгнула на милую. Пауль намеревается в случае необходимости пустить ее в ход.

Вторник, 1 августа. Разузнав обо всем, Пауль Меттерних уехал сегодня утром. Он настоятельно просил меня воспользоваться своим правом на отпуск по болезни и приехать к ним в Кенигсварт. Я согласилась, так как первый процесс заговорщиков состоится, как нам сообщили, не раньше чем недели через три⁷⁷⁰.

На обед к Марии Герсдорф приехал Отто Бисмарк. Он изо всех сил старается выручить Готфрида, но пока что ни его, ни Мелани никто из власти имущих не принял. Через гестапо они послали ему продукты, но не знают, дошли ли. Алекс Верт послал Адаму Тротту чемодан, но опять-таки не знает, дошел ли он по назначению.

Вечером я встретила в развалинах с Перси Фреем, и мы обсуждали различные возможности побега. Лоремари Шёнбург обрабатывает Перси с целью добыть для тех, кому удастся бежать, документы на въезд в Швейцарию. Из Вены приехала Алиса Хойос⁷⁷¹ (сестра Мелани), она пытается узнать, в какой тюрьме их держат.

Позже Перси отвез меня в Ванзее, куда меня и Отто пригласил на ужин Анфузо, посол Муссолини в Германии. Анфузо живет там с женой, красивой венгеркой по имени Нелли Ташнади⁷⁷², на которой недавно женился. Она немного похожа на Татьяну, только блондинка.

Я не успела спросить Отто, собирается ли он упоминать о том, что случилось с Готфридом, но скоро поняла, что не собирается. Это меня несколько удивило, так как они с Анфузо большие друзья; с другой стороны, Анфузо — один из немногих итальянских послов, сохранивших верность Муссолини после его падения, и я его за это уважаю. Мы поужинали, а потом сидели и беседовали. Анфузо может говорить только о «бомбе». Он был в Растенбурге непосредственно после покушения, так как сопровождал Муссолини во время его официального визита в ставку. Он сказал, что в тот вечер Гитлер был единственным, кто выглядел спокойным; все его окружение еще не успело прийти в себя. Анфузо в шутку сказал, что поначалу он сам сидел как на углях, поскольку боялся, что покушение совершил кто-то из итальянцев, поддерживающих Бадольо; было таким облегчением узнать, что то был немец. Острые из него так и сыпались. Отто и я старательно изображали беззаботность и даже веселье.

Уехали мы рано. Отто вел машину, его шофер сидел сзади. Он спросил меня по-английски, видела ли я в последнее время Лоремари, так как Мелани сегодня вечером была арестована в Потсдаме. Двое мужчин и женщина пришли за ней в Регирунг, где она все еще живет, поскольку Готфрид официально продолжает оставаться регирунгс-президентом. Они обыскали дом, но не сад. Слава Господу! К счастью, Лоремари переехала в «Адлон». Отто уверен, что и он, как член семьи, на очереди⁷⁷³, и попросил меня поехать с ним в «Адлон», так как если полиция его там уже ждет, то я смогу предупредить его жену Анн-Мари во Фридрихсру. Я так и сделала. Было уже за полночь. Отто внимательно осмотрел вестибюль, полку для писем и осведомился, спрашивал ли его кто-нибудь; но все было спокойно. Мы договорились, что я позвоню ему завтра утром в десять. Если мне скажут, что он ушел, я буду знать, что что-то случилось.

Среда, 2 августа. Я теперь сама живу в «Адлоне» с Лоремари Шёнбург. Позвонила Отто Бисмарку вчера в условленное время. Все как будто было в порядке. Я также дозвонилась до Татьяны; Пауль Меттерних благополучно вернулся в Кенигсварт. Я сказала ей, что скоро приеду.

Сегодня вечером опять был воздушный налет. Мы слишком устали и в убежище идти не хотели, но вдруг услышали два громких разрыва, натянули брюки и свитера и все-таки спустились в бункер. Все обитатели отеля, похоже, одевались в спешке; дирижер Караян, всегда такой нарядный, был бос, в военной полушинели и взлохмаченный.

Четверг, 3 августа. Лоремари Шёнбург большую часть времени проводит теперь в штаб-квартире гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, где она наладила «контакт». Речь идет об одном из адъютантов Гиммлера, с которым она когда-то была знакома. Она пытается вызнать у него, как обстоят дела у Готфрида Бисмарка и Адама Тротта. Он сообщает ей самые неутешительные сведения, говоря, что эти «*Schweinehunde*» [«мерзавцы»] поплатятся головой. Лоремари, которая умеет пускать в ход свои чары, спорит с ним, изображая невинность. На деле она хочет выяснить, нельзя ли подкупить кого-нибудь из тюремщиков. Она также пытается попасть к СС-обергруппенфюреру Вольфу⁷⁷⁴, известному в качестве сравнительно не кровожадного эсэсовского генерала, ненадолго приехавшему из Италии, где он является заместителем фельдмаршала Кессельринга⁷⁷⁵. Обергруппенфюрер Лоренц⁷⁷⁶, считающийся, по «их» стандартам, порядочным человеком и занимавшийся главным образом расселением немцев, репатриированных из Восточной Европы, приходится дядей жене Алекса Верта — у него две очаровательные дочери, с которыми наш Джорджи когда-то часто виделся. Говорят, что он делает для Адама все, что может; но сейчас он не на очень хорошем счету, — возможно, именно потому, что он не так плох, как остальные. Но

тоже поэтому от него, возможно, не будет особого толку. Во время одного из посещений гестапо Лоремари наткнулась в коридоре на самого Адама. Он был в наручниках, должно быть, его вели на допрос; он ее узнал, но посмотрел сквозь нее. Лицо у него было такое, говорит она, как будто он был уже не от мира сего.

Однажды на лестнице Лоремари видела также посла фон Хасселя. Он был в смирительной рубашке, и рука у него была на перевязи. Она обедала с ним за несколько дней до этого, и тогда ничего с рукой у него не было. Их, несомненно, пытаются. Во время этих случайных встреч ни те ни другие не подают вида, что друг друга знают.

Многих из арестованных, действительно, не только нещадно били, но и жестоко пытали; чаще всего использовалось завинчивание пальцев, поножи с шипами и даже средневековая «дыба». К чести заговорщиков 20 июля, сломались немногие. Этим объясняется то, что, несмотря на последовавшую кровавую баню, немало участников заговора выжило и что к моменту окончания войны гестапо так о многом и не знало.

Хассель, вместе с графом Шуленбургом, упоминался в списке заговорщиков в качестве потенциального министра иностранных дел. После провала переворота он несколько дней бродил по улицам Берлина, пока не вернулся к себе в бюро, где стал спокойно ожидать ареста. Большинство скрывшихся отказалось подвергать опасности своих друзей, прячась у них; другие прямо шли на арест, чтобы спасти родных от «кровавой мести».

Сегодня утром я «работала» в министерстве, когда вошел Петер Биленберг. Он давний друг Адама. Он пришел к Алексу Верту, которого в этот момент не было. Мы уселись на лестнице, и я рассказала все. Он настаивал, что должен быть какой-то способ вызволить Адама. Он сказал, что его держат в тюрьме, но каждый день возят из тюрьмы

на допрос в штаб-квартиру гестапо на Принц-Альбрехтштрассе под конвоем одного лишь надзирателя. Следует просто устроить засаду на их автомобиль, после чего Адама переправят в Вартегау⁷⁷⁷ (т. е. в оккупированную немцами Польшу), где Петер управляет заводом, и спрячут у польских партизан, с которыми сам Петер связан. Какое облегчение слышать, что кто-то готов действовать и не боится вступить в борьбу с самими СС! Собственно, если учесть, как много офицеров, занимавших ключевые должности, участвовало в заговоре⁷⁷⁸ и что арестовать всех пока просто не смогли, это и впрямь выглядит осуществимым.

Вначале лица, замешанные в покушении 20 июля, содержались в подвалах штаб-квартиры гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. Но по мере увеличения их числа их переводили в так называемую Zellengefängnis Moabit [тюрьму Моабит] на Лертерштрассе, в двух с половиной километрах оттуда, и привозили их из этой тюрьмы на допросы.

Постепенно становится ясно, что переворот имел успех почти везде, кроме Берлина. В Париже все прошло удачно, все высшие эсэсовцы были арестованы, и заговорщики вот-вот должны были взять под свой контроль весь Западный фронт. Теперь генерал фон Штюльпнагель⁷⁷⁹, командовавший войсками во Франции, попытался застрелиться, но не погиб, а только ослеп. Маршал фон Клюге⁷⁸⁰, главнокомандующий Западным фронтом, вел в свое время длительные переговоры с Готфридом, но, кажется, его пока не трогают. Лоремари говорит, что Роммель тоже состоял в заговоре⁷⁸¹, но его машину обстреляли самолеты союзников незадолго до 20 июля, и он сейчас все еще в госпитале.

В заговоре участвовали многие высшие офицеры на Западе, начиная с главнокомандующего Западным фронтом фельдмаршала

Ханса фон Клюге и военного губернатора Франции генерала Хейнриха фон Штюльпнагеля. В 6.30 пополудни 20 июля генерал Бек позвонил последнему с Бендлерштрассе: «Вы с нами?» — «Конечно!» — ответил тот, и через несколько часов, без единого выстрела, 1200 важнейших руководителей из СС и гестапо во главе с представителем Гиммлера во Франции, группенфюрером СС Карлом Альбрехтом Обергом⁷⁸², были взяты под стражу. Но когда позже той ночью — к этому времени уже стало известно, что Гитлер жив и что путч в Берлине проваливается, — окружение Клюге стало настаивать, чтобы он действовал дальше на свой страх и риск и заключил перемирие с союзниками, он струсил и приказал освободить эссовцев. К полудни путч кончился и в Париже. Вскоре Штюльпнагеля вызвали в Берлин. Зная, что его там ожидает, когда его автомобиль проезжал через Верден (где он сражался в Первую мировую войну), Штюльпнагель приказал шоферу остановиться, чтобы он мог «размять ноги». Вдруг шофер услышал выстрел, бросился на звук и увидел своего генерала с пистолетом в руке, ослепленного, но все еще живого. Невзирая на ранение, Штюльпнагеля заставили предстать перед Народным судом. 30 августа 1944 г. его повесили вместе с несколькими другими членами «западной группы». Их судьбу предстояло разделить еще многим.

Фельдмаршал Роммель, долгое время один из любимых генералов Гитлера, неоднократно подвергался зондажу со стороны заговорщиков и, несомненно, сочувствовал их целям, но так и не дал согласие участвовать. Однако после высадки союзников в Нормандии он отправил Гитлеру ультиматум с требованием немедленно прекратить войну на Западе, с тем чтобы все силы сосредоточить на защите от наступающей Красной армии. Через два дня, когда он возвращался с нормандского фронта, его автомобиль обстреляли самолеты союзников и он получил тяжелое ранение. Пока он выздоравливал, выявились его контакты с заговорщиками. 14 октября он, в свою очередь, получил ультиматум: покончить с собой или ожидать ареста

и суда вместе с семьей. Роммель принял яд⁷⁸³. Ради соблюдения приличий Гитлер устроил ему торжественные похороны.

В Вене тоже все прошло гладко, но заговорщики продержались только двое суток. За это время все участники так раскрылись, что практически никто не избежал ареста.

В Вене, как и в Париже, захват всех учреждений военными прошел успешно. Но когда через несколько часов местное командование осознало, что план «Валькирия» — это прикрытие для свержения нацистского режима, они струсили и сдались эсэсовцам и гестапо.

В действительности, в противоположность тому, что думала Мисси, призывы заговорщиков к свержению режима не встретили положительного отклика нигде больше на территории Германии или в оккупированных немцами странах даже в рядах вооруженных сил.

Сегодня вечером Лоремари, Джорджи Паппенгейм, Тони Заурма и я собрались на ужин у Аги Фюрстенберг. Говяжья тушенка, даже виски — последние запасы Джорджи из Испании. Потом Тони отвез нас с Лоремари обратно в «Адлон». Благодаря своему ранению он все еще имеет право ездить на машине. Теперь без него никак не обойтись. Он всегда шутит, подбадривает, он такой надежный и мужественный. Как мало осталось таких, как он...

С самого момента ареста Адама я пыталась связаться с Хассо фон Эцдорфом, который, как я теперь узнала, рано примкнул к Сопротивлению. Вот почему он держался так осторожно, даже со мной. Я слышала, что он в городе, и надеялась, что он что-нибудь придумает. Несколько дней назад он проезжал мимо меня на машине по Курфюрстендам, остановился и вышел поздороваться со мной. Потом, взяв меня под руку, он провел меня через развалины на

заднюю лестницу разбомбленного дома известного фотографа Вога⁷⁸⁴. Только там мы заговорили. Он подтвердил слух, что у Фрици Шуленбурга были списки участников и их будущих ролей. Безумие! Я сказала, как отчаянно я старалась с ним связаться и как я на него рассчитываю. Хуже всего то, ответил он, что не осталось никого на сколько-нибудь влиятельном посту, к кому можно было бы обратиться. Он все время осматривался и прекращал разговор при любом постороннем звуке. Он обещал навестить меня в ближайшие дни, но с тех пор от него ни звука.

КЕНИГСВАРТ. *Суббота, 5 августа.* Сегодня утром я села на ранний поезд в Кенигсварт, где предполагаю пробыть столько, сколько позволит мой отпуск по болезни.

Воскресенье, 6 августа. Приехал Ханзи Вильчек, проходящий военную подготовку неподалеку от Дрездена, он проведет с нами уик-энд. Его жена Зиги здесь все лето, она лечится вместе с Татьяной. Большую часть времени мы лежим на солнышке на острове и говорим о 20 июля. Пауль Меттерних угощает нас своими лучшими винами, и Ханзи толстеет на глазах. К чаю во двор въехал огромный лимузин. Танхофер, верный мажордом и секретарь Пауля, забаррикадировал все двери. Мы были уверены, что это полиция. Татьяна пошла вниз их встретить, стараясь выглядеть беззаботно. Распахнулась дверь, и появилась Рени Стиннес, сестра Зиги. Она приехала на машине своего дружка. Он довольно симпатичный левантинец, торгует на черном рынке или что-то в этом роде. Рени выпила с нами чаю и рассказывала о Будапеште, куда она только что ездила обновить свой гардероб. По ее рассказам, это просто оазис.

Вторник, 8 августа. Во всех сегодняшних газетах извещение на первую полосу: фельдмаршал фон Вицлебен, генерал-лейтенант фон Хазе, генерал-полковник Хепнер, генерал-майор Штиф⁷⁸⁵, граф Петер Йорк фон Вартенберг

и другие — всего восемь человек⁷⁸⁶ — вышвырнуты из армии и предстанут перед этим жутким *Volksgericht* [Народным судом]. Это явно означает, что их приговорят к смерти — или расстрелу, или повешению⁷⁸⁷. Обвиняются они в измене родине. Никто другой из знакомых нам арестованных не упоминается. Это дает нам крохотную надежду на то, что власти стараются не делать слишком большого скандала.

Уже 24 июля Мартин Борман⁷⁸⁸ предупредил всех гауляйтеров, что Гитлер не желает, чтобы высказывания по поводу неудавшегося переворота превратились в тотальные гонения на весь офицерский корпус⁷⁸⁹. Следует изобразить покушение как изолированный акт, а не как широкий заговор. Со своей стороны, старшие генералы немедленно сделали все, чтобы предотвратить возможные нападки на вооруженные силы в целом. 4 августа специальный суд чести, возглавляемый весьма уважаемым фельдмаршалом Гердом фон Рундштедтом, лишил мундира всех военнослужащих, замешанных в заговоре, тем самым отдав их в руки палача.

Радио союзников делает невесть что: они называют имена людей, которые, как они утверждают, участвовали в заговоре⁷⁹⁰. А между тем многие из них пока официально к заговорщикам не причислены.

Я помню, как я предупреждала Адама Тротта, что это произойдет. Он все надеялся, что союзники поддержат «порядочную» Германию, а я говорила, что они поставили себе цель уничтожить любую Германию, не задумываясь истребить «хороших» немцев вместе с «плохими».

Автору настоящих комментариев оказалось исключительно трудно получить точные сведения об этих британских радиопередачах, безусловно оказавшихся роковыми для многих, кто в противном случае мог бы остаться в живых. Сэр Хью Грин⁷⁹¹,

впоследствии глава Би-би-си, а во время войны — руководитель немецкого отдела этой вещательной корпорации, утверждал, что ничего о них не знает. Материалы немецких радиоперехватов — те совершенно секретные розовые «Abhörberichte», о которых кое-где упоминает Мисси, — найти не удалось. Не обнаружены и сами тексты передач. Записи Сефтона Делмера⁷⁹², отвечавшего за «черную» пропаганду на Германию, которая велась на немецких волнах Органами политической войны (PWE), были уничтожены после войны. Тем не менее в том, что эти роковые передачи были, нет никаких сомнений. Как пишет Кристабел Биленберг, жена Питера, в своем бестселлере «Прошлое — это я»: «Утешения не было нигде... Недальновидная удовлетворенность Черчилля тем, что „немцы убивают немцев“; или эта бойкая команда с радиостудии „Солдатензендер Айне“, которая всегда нас так смешила, но тут вдруг начала с жутковатым бойскаутским весельем загонять гвозди в крышки гробов, причисляя всех, кто только приходил на ум, к тому, что они именовали „заговором за мир“...» До недавнего времени ближе всех в Англии к признанию существования этих передач и их назначения подходили Майкл Бальфур⁷⁹³ и сам Сефтон Делмер. «В то же время, — пишет Бальфур, — „Солдатензендер Кале“ (другая станция „черной“ пропаганды), давая пищу для слухов о замешанных в заговоре лицах, многое сделала также и для того, чтобы посеять недоверие между партией и армией, что было единственным бесспорным результатом...» (Майкл Бальфур. «Пропаганда в войне. 1939–1945». Лондон, 1970)⁷⁹⁴. «Солдатензендер Айне» и «Солдатензендер Кале» вели на немецких длинах волн «черную», т. е. деморализующую, пропаганду на Германию. Они подчинялись Министерству информации в Лондоне.

Делмер в своих мемуарах высказывается гораздо определеннее; он вспоминает, что давал своим сотрудникам следующие инструкции: «Не забудьте, мы должны впутать в это дело как можно больше офицеров...» Далее он добавляет с явным удовлетворением: «Одна из наших целей заключалась в том,

чтобы упомянуть в связи с заговором тех немецких офицеров, на которых мы хотели навлечь подозрения гестапо и СД... К тому времени, когда полностью прошли в эфир все наши сообщения об этом событии, мы сумели представить в качестве участников „путча за мир“ столько чинов из вермахта, МИД и вообще администрации, что количество названных имен почти сравнялось с общим фактическим числом заговорщиков, которое стало известно после победы союзников над Гитлером в 1945 году...» («Черный бумеранг», Лондон)⁷⁹⁵.

Отметим, что определенную ответственность за эти передачи, возможно, несло само Соппротивление, преувеличавшее количество и влияние своих сторонников с целью произвести на союзников впечатление.

Двусмысленное отношение союзников к немецкому антинацистскому Соппротивлению, столь обескураживавшее заговорщиков до 20 июля, сохранялось и после провала переворота. В то время как поддерживаемый Советами Национальный комитет за свободную Германию уже 23 июля призвал вермахт и гражданское население поддержать движение, несмотря на то что оно уже потерпело поражение, англичане и дальше уклонялись от какой-либо четкой позиции. Лишь недавно автор настоящих комментариев получил свидетельство очевидца, бывшего служащего Би-би-си, принимавшего непосредственное участие в подготовке передач. Из этого свидетельства явствует, что спустя день или два после неудавшегося июльского путча немецкий отдел Би-би-си, по распоряжению самого Хью Грина (!) и на основании длинного списка, вероятно составленного Органами политической войны, также выпустил в эфир сообщение, где упоминались высокопоставленные лица, которых желательно было скомпрометировать как заговорщиков. В списке значился, в частности, генерал-полковник Бек. До того момента сами нацисты называли только одно имя — графа Штауффенберга. Само собой разумеется, что многие из упомянутых были вскоре казнены.

Через некоторое время Би-би-си получила распоряжение интерпретировать события не как начало гражданской войны (что она начала было делать), а всего лишь как свидетельство того, что немецкие генералы, сознавая неизбежность поражения, сочли дальнейшие военные действия бессмысленными.

Итак, британская «психологическая война» д е - ф а к т о помогла гестапо разгромить антинацистское подполье и тем самым, возможно, способствовала продлению войны. Но все это, несомненно, было лишь логическим следствием отказа союзников проводить различие, по выражению Мисси, между «хорошими» и «плохими» немцами и их сознательного курса на уничтожение Германии — л ю б о й Германии — как крупной европейской державы, курса, который сформулировал Уинстон Черчилль, когда Брендан Брэкен⁷⁹⁶ сообщил ему о бомбе Штауффенберга: «Чем больше немцы убивают друг друга, тем лучше».

Трагическая ирония этого рокового курса состояла в том, что за последние 10 месяцев правления Гитлера на полях сражений в Европе, в воздушных налетах и в нацистских лагерях смерти погибло, вероятно, больше людей, чем за все четыре предшествующих года войны, — и не только немцев, но и союзников тоже.

Среда, 9 августа. Пауль Меттерних получил открытку от Альберта Эльца, который только что пробыл несколько часов в Берлине. «Дорогой Пауль. Я в Берлине. Нахожусь в совершенном отчаянии. Какая трагедия! Какой ужас! Рухнули все наши надежды. Что ты скажешь о покушении на жизнь фюрера? Хвала Провидению, наш великий вождь вновь спасен. Твой любящий Альберт!»

Пятница, 11 августа. Газеты сообщают подробности о первом заседании фольксгерихта и о допросе первой группы обвиняемых. Большая часть их ответов, в том виде, в каком они напечатаны, представляется чистойшей выдумкой — по образцу сталинских показательных процессов.

Иногда эти ответы совершенно несуразны, и их явная цель — представить заговорщиков в смехотворном виде в глазах нации. Председатель суда, некто Фрайслер⁷⁹⁷, циничная сволочь. Его никто не забудет.

Все обвиняемые приговорены к повешению. Генерал фон Хазе и его семья были нашими близкими друзьями; особенно часто с ними виделась Мамá. Они даже приезжали сюда. Граф Йорк был близким другом Адама Тротта. Все его братья и сестры тоже арестованы, за исключением одной⁷⁹⁸ — вдовы покойного посла фон Мольтке⁷⁹⁹.

Бывший некоторое время марксистом (его обратили в марксистскую веру в сибирском лагере военнопленных в Первую мировую войну), д-р Роланд Фрайслер (1893–1945) принимал участие в роковом Ванзейском совещании 20 января 1942 г., которое открыло путь к «окончательному решению» еврейского вопроса в оккупированной немцами Европе. В августе 1942 г. он был назначен председателем фольксгерихта, трибунала, созданного для рассмотрения — при закрытых дверях⁸⁰⁰ и без права обжалования — дел обвиняемых в преступлениях против Третьего рейха. Гитлер лично разработал принципы судопроизводства: «Главное — чтобы им не позволялось произносить длинные речи. Но Фрайслер за этим присмотрит. Он наш Вышинский!» — имелся в виду сталинский главный обвинитель на московских показательных процессах. Чтобы обвиняемые выглядели в глазах специально подбиравшейся публики комичнее, у них отбирали галстуки, подтяжки и брючные ремни, — тем самым давая Фрайслеру возможность насмеяться над тем, как некоторые из них поддерживали на себе брюки.

По сигналу Фрайслера пускались в ход скрытые камеры, после чего он начинал визгливо поносить обвиняемых, чтобы деморализовать их и произвести впечатление на зрителей — особенно на самого Гитлера, которому немедленно доставлялась проявленная пленка. Инженеры жаловались, что из-за

этого крика на звуковой дорожке ничего нельзя разобрать. Его насмешки и вульгарные оскорбления шокировали даже министра юстиции д-ра Тирака⁸⁰¹ (который был сам ответственен за большую часть преступных уголовных законов Третьего рейха: позже он покончил с собой в плену у союзников); он пожаловался Мартину Борману, что поведение Фрайслера «весьма сомнительно и наносит ущерб серьезности этого важного акта». Первоначально Геббельс предполагал показать весь процесс в еженедельной кинохронике, но первый же показ произвел такое отрицательное впечатление даже на избранную нацистскую аудиторию, что эту идею оставили⁸⁰². Сохранилась только одна копия всего фильма — в Восточной Германии, где ее обнаружили лет через тридцать и показали потрясенной аудитории по западногерманскому телевидению в июле 1979 г.

Суббота, 12 августа. Получила письмо от Марии Герсдорф. Пишет в самых завуалированных выражениях. Очевидно, многое не может сказать... «Все так грустно и неутешительно...» Я не теряю надежды, что она имеет в виду первый процесс, но тем не менее очень тревожусь.

Приехала из Карлсбада Антуанетт Крой с мужем. Она сообщила нам последние сведения из Парижа. Она часто виделась там с Джорджи. Оказывается, он предложил достать ей через свои связи в Сопротивлении поддельное удостоверение личности, чтобы она могла расторгнуть свою помолвку и остаться во Франции до конца войны⁸⁰³. Он даже привез это удостоверение на вокзал, когда она уезжала, в надежде, что в последний момент она передумает!

Пятница, 18 августа. Плавали голыми в озере. Живем тихонько и с виду беззаботно, но постоянное беспокойство, как железный обруч, который стягивает голову все туже и туже. Мой отпуск, пошедший, как я полагаю, на пользу моему здоровью, заканчивается через три дня. Как ни странно, я этому рада, потому что тишина здесь невыносима.

Кроме того, иногда бывает трудно с родителями, которые часто не проявляют понимания, возможно, потому, что ничего не знают, но начинают что-то подозревать, беспокоятся за меня и требуют полной откровенности. А я им почти ничего не рассказываю, чтобы их не расстраивать, и от этого делается еще хуже.

БЕРЛИН. *Вторник, 22 августа.* Приехала в Берлин сегодня рано утром и сразу пошла к Марии Герсдорф. Она завтракала. Я спросила ее, какие новости. Она взглянула на меня в изумлении. «Так ты не знаешь? Адам, Хафтен, Хельддорф, Фрици Шуленбург и многие другие⁸⁰⁴ были приговорены к смерти и повешены в прошлую пятницу!» Я сейчас же позвонила Лоремари Шёнбург, но она не могла говорить ни слова, сказала лишь, что немедленно приедет. Мария сказала, что теперь все усилия Лоремари направлены исключительно на то, чтобы выяснить, где находится наш граф Шуленбург⁸⁰⁵. Он исчез вчера вечером.

Пришла Лоремари, мы сидели на ступеньках и невидящими глазами смотрели на окружающие развалины. Она парализована происшедшим. Однако она не уверена, что Адама действительно повесили. Ходит слух, что он единственный, чью казнь отложили.

11 августа Министерство иностранных дел было извещено о том, что Тротта приговорят к смерти на ближайшем заседании Народного суда, во вторник 15-го или в среду 16 августа. Но позже Мартину Борману сообщили, что «поскольку Тротт, несомненно, многого не сказал, смертный приговор, вынесенный Народным судом, не приведен в исполнение, с тем чтобы (осужденного) можно было использовать для дальнейшего выяснения обстоятельств».

Тони Заурма присутствовал на процессе, что уже само по себе удивительно, так как допускают только специально

отобранных зрителей. Лоремари ждала снаружи в машине. Когда он вышел, он не выдержал и заплакал. Все обвиняемые признали, что хотели убить Гитлера. Хафтен сказал, что если бы он мог, то попытался бы сделать это снова. Он назвал Гитлера бичом Германии и величайшим злодеем, который привел страну к пропасти и отвечает за ее крушение. Судья Фрайслер спросил его, понимает ли он, что то, что он говорит, — это государственная измена. Хафтен ответил, что он знает, что будет повешен, но взгляды его от этого не меняются.

Хотя на самом деле Ханс Бернд фон Хафтен был против убийства Гитлера по этическим соображениям⁸⁰⁶, в отличие от Тротта, он, по-видимому, никогда не сомневался, какова будет его судьба, если переворот закончится неудачей. Поехав за город и попрощавшись с семьей, он вернулся в Берлин, где его арестовали одним из первых.

Адам сказал, что Гитлер пришел к власти обманным путем и что многие присягали ему против воли⁸⁰⁷. Он сказал, что хотел положить конец войне, и признал, что вел за границей переговоры с представителями враждебных держав. Хелльдорф сказал, что желал свержения Гитлера со времени Сталинграда, что он является угрозой для страны⁸⁰⁸.

Тони говорил, что все они были бледны, но трудно было сказать, пытали ли их. Я уверена, что пытали, поскольку при последней нашей встрече Адам сказал мне, что будет все отрицать, для того чтобы выпутаться и начать все снова. Но, может быть, доказательства их вины неопровержимы.

Я добрела до министерства и поднялась к Джаджи Рихтеру и Алексу Верту, которые были одни. Мы говорили только шепотом. Алекс сказал, что он знает, что Адам еще жив, так как они установили контакт с одним полицейским,

присутствующим при казнях. Все остальные мертвы. Хелльдорфа повесили последним, чтобы он видел, как умирают остальные. Оказывается, их не просто вешают, а медленно душат фортепианной струной на крюках мясников, и к тому же им делают инъекции сердечных стимуляторов, чтобы продлить агонию. Утверждают, что умерщвление снимается на пленку и Гитлер открыто злорадствует, просматривая эти фильмы у себя в ставке.

Казни происходили в тюрьме Плётцензее, недалеко от тюрьмы на Лертерштрассе, где содержалось большинство осужденных. Поскольку в Германии не было виселиц (обычно казнили путем отсечения головы), то к железной балке, имевшейся в потолке камеры для казней — отдельного сооружения в пределах тюремного комплекса, — прикрепили обыкновенные крюки для подвешивания мясных туш. Казни снимали на пленку, освещая камеру софитами. На них присутствовали главный прокурор рейха⁸⁰⁹, несколько охранников, два кинооператора⁸¹⁰ и палач с двумя своими помощниками. На столе стояла бутылка коньяка — для зрителей. Осужденных вводили по одному; палачи надевали им на шею узел (Гитлер распорядился заменить веревку фортепианной струной, чтобы смерть наступила не от перелома шеи, а от медленного удушения); и пока они бились и дергались, некоторые целых двадцать минут, а кинокамеры стрекотали, палач — известный своим циничным юмором — отпускал непристойные шуточки⁸¹¹. Потом пленку доставляли в ставку Гитлера, чтобы тот мог потешить себя. (Зато один из кинооператоров сошел с ума!)⁸¹² Здания тюрьмы Плётцензее теперь мемориал.

Жену Адама Клариту тоже арестовали. Ей не позволили увидеться с Адамом после того, как ему вынесли приговор. Я мало ее знала, так как последние несколько лет она жила больше за городом со свекром и свекровью. Их

девочек тоже взяли гестаповцы, и никто не знает, где они находятся, но Алекс развернул бешеную деятельность, чтобы их вызволить.

Узнав об аресте Адама, его жена Кларита помчалась в Берлин в надежде увидеть его, но тщетно; в ее отсутствие гестаповцы забрали их дочек, одной из которых было два с половиной года, другой — девять месяцев. В день суда над Адамом Алекс Верт попытался провести ее в здание суда, но их увидела уборщица и донесла на них эссовскому охраннику. Последний, к ее удивлению, попробовал, наоборот, помочь ей пройти — но безуспешно. Когда она тем не менее поблагодарила его, он пробормотал: «Мы всё понимаем!»⁸¹³ Через два дня и Клариту арестовали.

Теперь я живу у Лоремари в квартире Тони в двух шагах от Курфюрстендам. В квартире две комнаты, где почти нет мебели — только два дивана, а также кухня и ванная. Тони мечется между своей ротой, расквартированной за городом, и Берлином — главным образом для того, чтобы не спускать глаз с Лоремари, которая, по его убеждению, следующая на очереди. Он даже боится оставлять нас одних по ночам. Нам не хватает постельного белья, но стоит такая жара, что это не важно.

Лоремари действительно в большой опасности; она ходит в штаб-квартиру гестапо практически каждый день, пытаясь что-нибудь разузнать. Отто Бисмарк установил контакт с инспектором гестапо, в ведении которого находится досье Готфрида; тот сказал, что дело Готфрида «очень серьезное»; фюрер, сказал он, к замешанным в 20 июля безжалостен до одержимости; он каждый день звонит в штаб-квартиру гестапо узнать, скольких еще повесили. Человек, с которым там контакт у Лоремари, говорит, что когда гестапо хочет выиграть время — а именно так они, видимо, поступают в некоторых случаях для того, чтобы

побольше узнать о заговоре, — фюрер впадает в бешенство и требует, чтобы они поспешили.

Я подумывала переехать к Бредовам в Потсдам, хотя Ханны, сестры Готфрида, там нет, но только что узнала, что трое из сестер Бредов⁸¹⁴ тоже арестованы. Сначала забрали Филиппу, приятельницу молодого Хафтена⁸¹⁵, ей девятнадцать лет; потом позвонили двадцатилетней Александре, попросили привезти одеяло для сестры, и арестовали и ее; потом позвонили третьей, Диане, которая нахально спросила, не практичнее ли будет привезти постельные принадлежности сразу для всей семьи. Ей сказали: да, пожалуй. Пока не тронули одну Маргерит, работающую врачом в больнице. Ее все время вызывают в гестапо, но когда начинают задавать вопросы, она держится возмущенно и возражает, что у нее осталась без присмотра целая палата раненых. Из братьев старший на фронте, остальные еще слишком молоды⁸¹⁶.

Среда, 23 августа. Сегодня газеты опубликовали длинный отчет о суде над Адамом Троттом, после которого все осужденные, как утверждается, были незамедлительно казнены. Адама называли «советником Штауффенберга по иностранным делам». Странно, что даты, указанные в этих сообщениях прессы, редко совпадают с действительными — вероятно, это делается с целью ввести в заблуждение всякую еще сохранившуюся оппозицию. После этого сообщения табличку с фамилией Адама наконец сняли с двери его кабинета, а вместо нее повесили чью-то другую. Мне делается дурно, когда я на нее смотрю. Стараюсь не смотреть. Я вообще стараюсь по возможности не ходить на его этаж. Его машина все еще стоит в саду, ею никто не пользуется, она уже выглядит запущенной. Однако Алекс Верт говорит мне, что, по его мнению, он все еще жив, хотя дру Сиксу официально сообщили, что его действительно повесили 18-го вместе с остальными.

Лоремари Шёнбург начала новый подкоп. Какой-то полковник люфтваффе, живущий в Каринхалле⁸¹⁷, загородной усадьбе Геринга, беседовал с ней целую ночь. Он думает, что обратит ее в национал-социалистки, а она тем временем пытается убедить его, что было бы весьма полезно, если бы она увиделась с Герингом. Последний некоторое время нигде не показывается и пока что отказывается во встрече даже Отто Бисмарку, у которого он часто охотился во Фридрихсру. Он, по-видимому, страшно боится оказаться как-либо причастным к недавним событиям.

У Мелани Бисмарк в тюрьме был выкидыш, и сейчас она лежит в Потсдамской больнице под охраной. Никому не позволяют видеть ее, но можно поговорить с медсестрой.

О графе Шуленбурге нет никаких известий с тех пор, как в прошедший вторник он исчез. В понедельник он звонил Лоремари из «Адлона», куда только что приехал из ставки Гитлера. Она пообедала с ним и рассказала обо всем, что произошло. По его словам, он был не в курсе, новости сильно расстроили его, особенно известие об Адаме. Они прошли по вестибюлю отеля под злобным взглядом посланника Шлайера (что не очень благоразумно с их стороны!) и договорились снова пообедать вместе на следующий день. Лоремари явилась в назначенное время, но его не было. Тогда она позвонила на Вильгельмштрассе, но там его сотрудники ничего не знали, где он, и сами начинали уже беспокоиться, так как они ожидали его с утра. Мы уверены, что он арестован. Но в какую тюрьму его поместили?

Гёрделера пять дней назад узнала одна *Blitzmädchen* [девушка из женской вспомогательной службы армии], она донесла на него, и его арестовали. Он скрывался в какой-то деревне в Померании. Мы подозреваем, что Адама пока не казнят именно из-за него (они были в тесном контакте) и что им устраивают перекрестный допрос. Если бы только Адам вовремя уехал за границу! И как мог Гёрделер

надеяться укрыться в Германии, если за его поимку предложили миллион марок?

Ордер на арест Гёрделера был выдан еще до попытки переворота, 17 июля. Его предупредили, и он скрылся сначала в Берлине (один из его укрывателей, еврей, бывший заместитель мэра Берлина д-р Фриц Эльзас⁸¹⁸, заплатил за это своей жизнью), потом за городом. Арестованный 12 августа, он был приговорен к смерти 8 сентября, но оставался в живых еще пять месяцев за счет того, что по капле выдавал «разоблачения» и писал бесчисленные показания о планах на будущее Германии, якобы составлявшихся заговорщиками. В конце концов гестапо разгадало его игру, и 2 февраля 1945 г. он тоже был казнен.

Я пойду на все, чтобы выцарапать Адама и Готфрида, и графа Шуленбурга тоже, если понадобится. Просто невозможно больше вести такое пассивное существование, покорно ожидая, пока упадет секира. Теперь, когда арестовывают родных и даже друзей заговорщиков, многие так напуганы, что достаточно упомянуть при них чье-то имя, и они отводят глаза. Я решила испробовать новый подход: я попытаюсь добраться до Геббельса. Лоремари тоже считает, что через Геббельса можно кое-чего добиться хотя бы уже потому, что он умен и, должно быть, понимает безрассудство всех этих казней. Я не очень представляю себе, как к нему подступиться, потому что моя единственная знакомая, которая хорошо его знает, фрау фон Дирксен⁸¹⁹, немедленно сообразит, что к чему. Может быть, лучше сделать вид, что я хочу получить роль в фильме. Поэтому я позвоню Дженни Джуго, она одна из самых популярных немецких кинозвезд.

Четверг, 24 августа. Сегодня утром я позвонила Дженни Джуго. Когда я ее молила о немедленной встрече, она встревожилась. Она сказала, что снимается на студии УФА

в Бабельсберге и что если я поеду на трамвае, то она пошлет машину довести меня. Я приехала взмыленная и была доставлена на студию странного вида юношей с длинными белокурыми волосами и в яркой рубашке. Дженни я застала в момент съемки, с молодым человеком у ног, он страстно приник к ее коленям. К счастью, эпизод снимался недолго, вскоре она прошла к себе переодеваться. Костюмершу она отослала, чтобы мы могли поговорить, но и после этого мы разговаривали только шепотом.

Я сказала, что мне *нужно* видеть Геббельса и что она *должна* устроить мне встречу с ним. Она ответила, что если это абсолютно необходимо, то она, конечно, это сделает, но сама она с ним в ссоре и не встречалась уже два года. «А что, неприятности у Татьяны или у Пауля Меттерниха?» — «Не у них», — сказала я. Она облегченно вздохнула. «У моего начальника», — я объяснила, что его приговорили к смерти, но мы подозреваем, что он еще жив, и надо действовать быстро. В конце концов, Геббельс был героем дня — это ведь он подавил восстание! Я скажу ему, что Германия не может позволить себе терять так много исключительно одаренных людей, которые могли бы принести стране столько пользы, и так далее. Дженни спокойно выслушала все это, а потом повела меня в сад. Там она взорвалась: моя идея — полное безумие! Геббельс — абсолютный мерзавец, он не станет помогать *кому бы то ни было*. *Ничто* не заставит его и пальцем пошевелить *ни для кого* из них. Когда повесили Хелльдорфа, он отказал во встрече его сыну⁸²⁰, который пришел просить об отсрочке казни — они когда-то вместе вступали в партию⁸²¹, — и у него даже не хватило порядочности сказать, что его отца уже нет в живых. Она сказала, что это жестокий, порочный садистиска, что его ненависть ко всем замешанным в покушении на Гитлера просто невероятна, что у него утробное отвращение ко всему, за что они стоят, что он самый

последний подонок и что если я хотя бы мимоходом попадусь ему на глаза, то окажется втянутой вся семья, арестуют Пауля, и мне самой несдобровать. Она умоляла меня отказаться от этой затеи и добавила, что студия УФА кишит стукачами Геббельса, которые вынюхивают потенциальных изменников среди актеров. Два дня назад был политический митинг, и когда в зале появился Геббельс, то на предназначенной для него красной трибуне красовалась сделанная мелом надпись по-французски «Merde» [«говно»], и никто не осмелился подойти и стереть ее. У нее самой прослушивается телефон, она каждый раз слышит щелчок. Целуя меня на прощание, она сказала мне на ухо, что если кто-нибудь спросит о цели моего приезда, то она объяснит, что я хотела сниматься.

Я вернулась в город окончательно обескураженной и без сил. В квартире я застала Лоремари Шёнбург и Тони Заурма, Лоремари была в полной истерике. Я ни разу не видела ее в таком состоянии. Она сказала, что днем приходила полиция; оказалось, что соседи донесли, что у нас плохое затемнение, но, несмотря на пустячность повода, Лоремари вдруг испугалась. У Тони новости похуже: фельд-маршал фон Клюге, немецкий главнокомандующий на Западе, покончил с собой, а это означает, что их пытаются и кто-то его выдал, так как практически никому не было известно, что он участвует в заговоре.

Робость Клюге в день неудавшегося путча ему не помогла. Хотя он был одним из наиболее прославленных и ценимых Гитлером военачальников, обнаружили его тесные связи с заговорщиками. Будучи отстранен от командования и отозван в Германию 17 августа, он понял, что его тоже отдадут под суд, и покончил с собой по дороге.

Лоремари вела себя все более и более истерично. Никто из нас, сказала она, не выпутается; они делают такие

уколы, которые парализуют силу воли и заставляют говорить. Она умоляла меня выйти замуж за Перси Фрея и немедленно уехать в Швейцарию. Ей вторил Тони, он сказал, что готов увезти ее с собой в Швейцарию, как только она пожелает, поскольку сам он собирается бежать в конце недели; но сперва он должен съездить в Силезию за кое-какими ценными вещами. Дело в том, что Тони начинает волноваться и за себя: кто-то донес на него, что он в пьяном виде стрелял в портрет фюрера в офицерской столовой. Лоремари сказала, что она не уедет с ним, пока он на ней не женится, иначе ее родителей хватит удар. При всем драматизме ситуации я нахожу эту внезапную заботу о приличиях довольно комичной. Тони категорически отказался, заявив, что они могут подумать об этом позже. Атмосфера сгущалась, напряжение росло, и скоро за кухонным столом все были в слезах. Тони вскочил и начал шагать взад и вперед, говоря, что не может больше выносить это напряжение и слезы и что он твердо намерен дать деру. Я сказала, что они могут делать все что угодно, но что касается меня, то я остаюсь, и Лоремари следовало бы сделать то же самое; в Швейцарии она не будет получать известий от своих родных до самого конца войны; эта перспектива привела ее в ужас. В конце концов мы все решили остаться.

Затем Тони пришел ко мне в комнату и рассказал мне все о суде над Адамом. Адам заметил его, долго пристально смотрел на него, но ничем не подал виду, что узнал, а затем стал наклоняться вперед и назад, как бы покачиваясь. Он был без галстука, чисто выбрит и очень бледен. Тони весьма внимательно обследовал зал суда и пришел к выводу, что отбить кого-либо силой там совершенно невозможно. Даже так называемая «публика» состояла в основном из головорезов и полицейских, причем вооруженных. Он ушел из зала еще до оглашения приговора, зная с самого начала, каким он будет.

Сейчас каждую ночь налеты, но Тони устроил нам пропуск в служебный бункер фирмы Сименса⁸²², что через дорогу. У них чудесный подвал глубоко под землей, там чувствуешь себя в полной безопасности. Мы обычно переживаем налеты вместе с ночной сменой; один из рабочих — симпатичный француз, и мы вместе мечтаем вслух о том, как прекрасен будет снова Париж, когда война кончится.

Пятница, 25 августа. Лоремари Шёнбург оправилась от краткого приступа отчаяния и снова готовится в поход. Мы наконец выяснили, что место их заключения — военная тюрьма — находится возле станции Лертер⁸²³. Она уже побывала там и с помощью сигарет, добытых Перси Фреем, подкупила одного из охранников, который согласился передать Готфриду Бисмарку записку на крохотном кусочке бумаги. Он даже принес ответ, в котором Готфрид жаловался на паразитов, просил прислать порошок от вшей и немного еды, так как им дают только черный хлеб, а он у него не усваивается. Он не получил ни одной передачи, так что, видимо, единственная альтернатива — каждый день приносить ему бутерброды. Лоремари хочет спросить охранника, не находится ли там также и Адам Тротт, но следует проявлять осторожность, поскольку официально его нет в живых и любое необдуманное проявление любопытства может насторожить их и затруднить бегство или даже ускорить его казнь.

Многие, включая Лоремари, шокированы тем, что я так радуюсь, что Адам, возможно, еще жив. Гораздо лучше быть мертвым, говорят они, чем ежедневно подвергаться пыткам. Но я не соглашаюсь и продолжаю надеяться на чудо.

Вдруг я подумала о Петере Биленберге и его плане устроить засаду на автомобиль, которым Адама возили на допросы в штаб-квартиру гестапо. Когда он тогда приходил в министерство, он был так полон надежды и оптимизма. Сегодня я поехала автобусом к нему домой, в Далем. Мне

открыла девушка, которая подозрительно оглядела меня, преградила дорогу и отказалась вступать в разговор; она только сказала, что Петера⁸²⁴ нет и некоторое время не будет. Я почувствовала, что она знает больше, чем говорит, но не доверяет мне, поэтому я сказала ей, что я из Министерства иностранных дел и что я работала с господином фон Троттом. Выражение ее лица изменилось, она ушла в глубь дома, и ко мне вышла другая девушка. Эта оказалась более дружелюбной; она сказала мне, что Петер пропал, не видели его и на фабрике за городом, где он работает. Я попросила дать мне его адрес, так как мне необходимо срочно с ним встретиться. Она сказала, что охотно верит, но писать нет никакого смысла, поскольку письма все равно не дойдут. Что означало, что он тоже арестован.

Я ушла совершенно растерянная. В ожидании автобуса я уселась на обочине, от усталости и огорчения не в состоянии даже стоять. Куда ни пойду, все исчезают один за другим; не осталось никого, к кому можно было бы обратиться за помощью. Сейчас арестовывают тех, кто был просто знаком с заговорщиками или работал с ними в одном учреждении. Не знаю, был ли сам Петер активным участником заговора, но в Геттингенском университете он и Адам принадлежали к одному и тому же братству и были близкими друзьями. Одного этого достаточно, чтобы его скомпрометировать.

Петер Биленберг был в то время директором фабрики в Польше, оккупированной Германией. Узнав 25 июля об аресте Тротта, он поспешил в Берлин, чтобы организовать его спасение; именно тогда он обсуждал свой план с Мисси. Но не успел он вернуться в Польшу, чтобы окончательно доработать этот план, как его самого арестовали и поместили в ту же тюрьму на Лертерштрассе.

И тут я вспомнила про Клауса Б. Хотя в прошлом я всегда уклонялась от чрезмерно приятельских отношений с ним, потому что не была уверена, какую игру он ведет, теперь я решила, что если он действительно работает там, где я подозреваю, то он единственный, кто может мне помочь. Вернувшись в город, я нашла еще действующий пока телефон-автомат и позвонила к нему на работу. Я сказала, что должна срочно увидеться с ним. Он велел мне ждать его у станции «Цоо». Мы прошли мимо разрушенной церкви Гедехтнискирхе по улице Будапештерштрассе; я рассказала ему все. Когда я кончила, он остановился и, глядя на меня с лукавой улыбкой, сказал: «Так вы думаете, что я один из них!» — «Я надеюсь, что это так, — выпалила я, — потому что тогда вы, возможно, сумеете что-нибудь сделать!» Он тут же посерьезнел и сказал, что постарается выяснить, как обстоят дела, и если хоть что-то сделать *можно*, то я могу на него положиться. Мы договорились встретиться завтра у разрушенного отеля «Эден».

Суббота, 26 августа. Сегодня я спросила посланника Шлайера, нельзя ли меня уволить, поскольку я хочу поступить в Красный Крест и стать медсестрой. Ведь если что-нибудь случится с Джаджи Рихтером и Алексом Вертом — моими последними друзьями здесь, — то я останусь один на один с этой шайкой. Единственная проблема заключается в том, что это может быть воспринято как жест солидарности с теми, кого уже «ушли». Ответ Шлайера был малоутешителен: доктор Сикс, сказал он, никого не отпускает по собственному желанию. Видимо, единственный выход — снова заболеть.

После работы я поспешила к отелю «Эден». Клаус Б. прохаживался туда и обратно с довольно большим газетным свертком под мышкой. Без единого слова он подвел меня к скамейке в том, что осталось от парка Цоо. Удостоверившись, что вблизи никого нет и нас не услышат, он сказал, что навел справки, что сделать решительно никто

ничего не может, а тем более кто-либо вроде меня; что Гитлер жаждет мести; что никому из замешанных в этом деле не спастись; что все так напуганы, что даже те, кто мог бы оказать смягчающее влияние, не пошевелинут и пальцем, чтобы не вызвать на себя подозрение. Далее он сказал, что все, кто имел какие-либо связи с кем-либо из заговорщиков, находятся под наблюдением и что я сама сейчас в величайшей опасности; что при их методах допроса меня могут заставить говорить и выдать других, которые еще находятся на свободе, и мне необходимо избежать ареста любой ценой. Тут он приоткрыл уголок свертка, и я увидела небольшой пистолет-автомат. «Если за вами придут, без колебаний расстреляйте их всех и бегите что есть сил. Поскольку это будет для них неожиданностью, вам, может быть, и удастся удрасть...» Я не могла сдержать улыбку. «Нет, Клаус. Если мои дела действительно так плохи, то лучше я не стану усугублять свое положение еще и обвинением в убийстве...» Он был искренне разочарован.

Простившись с ним, я поехала в Потсдам за кое-какими своими вещами, остававшимися в Регирунге; я поговорила с обеими горничными. Они сказали, что на Мелани Бисмарк кто-то в их поместье в Померании донес, что она красит ногти и завтракает в постели, что осложнило ее положение, так как сделало ее к тому же «асоциальной». Она очень слаба, и когда вчера в больнице она в первый раз встала с постели, то потеряла сознание, упала лицом вниз и сломала челюсть. Просто сердце разрывается. Ее брат Жан-Жорж Хойос получил разрешение увидеться с ней. Она все время спрашивала его: «Il est mort?» [«Он мертв?»] Позже я съездила на велосипеде на огороды и обменяла немного кофе на две дыни, которые мы попытаемся доставить в тюрьму.

По возвращении в Берлин я застала Лоремари у Герсдорфов. Она рассказала, что, когда сегодня охранник принес ей грязное белье Готфрида для стирки, она шепотом

спросила его, там ли еще «г-н фон Тротт». Он ответил: «Ja, er ist noch da» [«Да, да, он все еще здесь»], и сказал, что она может написать ему записку; а завтра он принесет ответ. Она написала: «Нужно ли что-нибудь принести? С любовью, Мисси и Лоремари». Она спросила охранника, очень ли голодает Адам; он сказал, что нет, граф Бисмарк делится с ним своими передачами. Если бы только мы могли быть уверены, что этот человек не лжет! (В действительности в тот самый день Адам фон Тротт был повешен в тюрьме Плётцензее.)

От графа Шуленбурга по-прежнему никаких вестей. Теперь мы знаем, что все камеры с номерами 100 и больше заняты теми, у кого еще есть шанс выжить; а с номерами 99 и меньше — уже приговоренными. У Готфрида камера номер 184, у Адама — 97. Ходят слухи, что они закованы в кандалы.

Алексу Верту удалось увезти в безопасное место детей Адама, сейчас они за городом, но его жена Кларита все еще в тюрьме. Детей Штауффенберга держат в приюте под чужой фамилией, но где именно — стало известно, и со временем их можно будет разыскать.

Одних детей заговорщиков насчитывалось около пятидесяти, среди них были и грудные. Первоначальный план нацистов состоял в том, чтобы перебить родителей и старших братьев и сестер, а остальных разбросать под новыми фамилиями по школам и семьям СС, чтобы воспитать их в нацистском духе. Почему-то от этого плана отказались, и в октябре 1944 г. некоторых детей отпустили домой, а остальных спрятали в обычные школы-интернаты. Но даже по окончании войны потребовалось некоторое время, чтобы все семьи воссоединились.

Говорят, что племянница Готфрида, Филиппа фон Бредов, тоже предстанет перед Народным судом; им удалось

заставить ее говорить, и она заявила, что знала заранее от молодого Хафтена дату планируемого покушения на жизнь Гитлера.

Долгий разговор с Отто и Анн-Мари Бисмарк, которые оба здесь; они пытаются пробиться к кому-то на самом верху. Лоремари Шёнбург считает, что некоторых тюремщиков можно подкупить, если только им самим помогут бежать. Она надеется, что ради этой цели Бисмарки согласятся расстаться со своими жемчугами. У нас самих особых ценностей нет. Кажется, у каждого заключенного шесть тюремщиков. Даже если нам удастся их подкупить, то это будет означать, что придется тайно вывозить за границу троих заключенных и восемнадцать тюремщиков. Представляю, какое выражение лица будет у Перси Фрея! На что Анн-Мари саркастически замечает: «Отчего бы не устроить им прощальный коктейль на аэровокзале Темпельхоф?» Мы обсуждали все это в отеле «Адлон» в одной из спален.

Приехал из-за города Готфрид Крамм. Я ему не рада. Придется теперь беспокоиться еще и из-за него. Последний раз мы с ним виделись 20 июля. Он тоже был другом Адама Тротта, так что мы, по крайней мере, можем говорить о нем свободно. Теперь он сказал: «Я не желаю слышать о том, что с ними происходит. Я только хочу знать, выкарабкается ли кто-нибудь из них, кто еще на свободе, и когда они собираются возобновить попытку. Если собираются, то могут рассчитывать и на меня!» В то же время он в ужасе оттого, что бомбой Штауффенберга убило одного из заговорщиков, некоего полковника Брандта, который до войны был известным чемпионом по конному спорту. Он присутствовал на роковом совещании у Гитлера и был убит наповал. Сначала его похоронили с почестями, как одну из жертв «трусливого предательства», но затем, когда его имя обнаружилось в каком-то списке, тело вырыли, сожгли и пепел развеяли по ветру⁸²⁵.

Старший офицер оперативного отдела ОКБ (Верховного командования вермахта) полковник Хайнц Брандт, не будучи сам активным заговорщиком, был дружен со многими из них и сочувствовал их идеям. Однажды, в 1943 г., он уже едва не погиб во время предыдущего покушения на Гитлера, когда бутылка коньяка со спрятанной в ней бомбой (о чем он не знал) не взорвалась в самолете во время возвращения Гитлера и его свиты в Растенбург с Восточного фронта. 20 июля именно он невольно спас Гитлеру жизнь, отодвинув в сторону портфель Штауффенберга. Когда бомба взорвалась, все, кто стоял справа от стола с картой, в том числе и сам Брандт, были либо убиты, либо тяжело ранены⁸²⁶.

Готфрид Крамм хочет, чтобы я устроила ему встречу с Алексом Вертом. На работе нельзя, а другого места нет, разве что у Марии Герсдорф, если она не будет против. Но она очень боится за своего мужа, который был тесно связан с казненным генералом фон Хазе.

Воскресенье, 27 августа. Большую часть дня мы прибирали квартиру. Потом Перси Фрей отвез нас к Аге Фюрстенберг, где мы сидели и загорали в саду.

Из письма Мисси из Берлина 28 августа 1944 года, написанного матери в замок Кенигсварт:

«Прилагаю несколько писем от Джорджи, которые привез из Парижа один его друг, уехавший перед самым занятием города союзниками⁸²⁷. Как вы увидите, у него как будто все благополучно... Здесь, в Берлине и окрестностях, вот уже несколько недель не было дождя. Живем как в печи. В довершение всего кругом столько тревог и несчастий. Воздушные налеты каждую ночь и почти каждый день, но мало что происходит... Я, вероятно, на следующей неделе проведу часть отпуска в Кенигсварте, а то он у меня пропадет. Послезавтра еду обратно в Крумхюбель».

КРУММХЮБЕЛЬ. *Среда, 30 августа.* Сегодня рано утром я поехала в Круммхюбель. В Хиршберге опоздала на пересадку, пришлось ждать три часа. Сходя с поезда, я заметила, что за мной следует Бланкенхорн. Моя первая реакция на появление кого-либо связанного с Адамом Троттом — разрыдаться. Я оставила чемодан в камере хранения и вышла на улицу — Бланкенхорн шел за мной. Проходя мимо, он тихо сказал: «Идите в парк и сядьте на скамейку». Идя с разных сторон, мы приблизились к скамейке одновременно. Только тогда он решился заговорить.

Он рассказал мне, что виделся с Адамом в Грюневальдском лесу 21-го. Он спросил Адама, все ли документы тот уничтожил. Адам ответил утвердительно. Однако некоторые бумаги все же были найдены, главным образом памятные записки о его различных зарубежных поездках. Какое безумие! Я спросила Бланкенхорна, как он считает, убьют Адама или нет. Он сказал: «Нет ни малейшего сомнения!» Я сообщила ему, что граф Шуленбург тоже исчез. Он этого не знал, но сказал, что если его действительно арестовали, то его тоже обязательно убьют. Я сказала: «Невозможно. Будет слишком большой скандал за границей». — «Какое им дело до *этого?*» Он сказал мне, что Гёрделер под чужим именем снимал номер в отеле «Бристоль», где он держал сейф со всеми своими секретными документами. В феврале «Бристоль» разбомбило фугасом. Через две недели после покушения на Гитлера сейф случайно обнаружили в развалинах. Мало того, он был цел и невредим вместе со всеми бумагами, которые в нем находились: обнаружилось, что некоторые из этих документов были аннотированы и выправлены собственной рукой посла фон Хасселя⁸²⁸. Что и объясняет арест последнего. Бланкенхорн сказал, что каждый день арестовывают все больше людей. Мы поехали в Круммхюбель одним и тем же поездом, но договорились там не видеться. Я так рада, что он еще на свободе, и молюсь о том, чтобы его не взяли.

Послезавтра я еду обратно в Берлин. Упаковываю последние пожитки и отсылаю их в Йоханнисберг, хотя там восстановлена пока что только крыша замка. Но наверняка найдется какой-нибудь амбар. Круммхюбель стал для меня совершенно невыносимым, а без графа Шуленбурга я тут еще более несчастна. Я зашла поговорить с его подчиненными; они еще ничего не знали о его исчезновении, но его секретарша, фрейлейн Шиллинг, и его помощник Ш. (который, слава Богу, не остался в Швейцарии, как мы боялись) вызваны в Берлин. Там они, несомненно, узнают.

Точное число казненных в связи с заговором 20 июля до сих пор не установлено⁸²⁹. Согласно официальным нацистским источникам, после мятежа было арестовано около 7000⁸³⁰ человек. В 1944 г. всего было казнено 5764 человека, а в оставшиеся пять месяцев нацистского правления в 1945 г. — еще 5684. Из них непосредственно замешано в заговоре было примерно 160–200 человек. Из них: 21 генерал, 33 полковника и подполковника, 2 посла, 7 дипломатов высших рангов, один министр, 3 государственных секретаря, начальник уголовной полиции и ряд высших полицейских чиновников, губернаторов провинций и крупных гражданских чиновников⁸³¹.

БЕРЛИН. Пятница, 1 сентября. Сегодня пять лет, как началась война.

Я приехала в Берлин к обеду и сразу пошла к Марии Герсдорф. Она была несколько бледнее, чем обычно, и сказала мне с полным спокойствием: «Мисси, отныне тебе придется жить у нас. Лоремари Шёнбург и Перси Фрей привезли все твои вещи, — при этом она показала на несколько мешков для песка, из которых торчали мои пожитки. — Вчера утром арестовали Тони Заурма. Обвинение: стрелял в портрет фюрера и заявил после покушения Штауффенберга: „Ну ничего, в следующий раз не промахнут“».

Перси уже нашел адвоката, он юрист, работающий у швейцарцев в их агентстве по охране интересов враждебных стран. Он известный антинацист — что само по себе не слишком-то полезно в данном случае! — и превосходный человек; к тому же он живет неподалеку от нас. Лоремари вернулась в «Адлон» и вызвала мать Тони из Силезии. Тони тоже содержится в тюрьме на Лертерштрассе, но так как он офицер, его будут судить военно-полевым судом. Это означает, что если его приговорят к смерти, то расстреляют, а не задушат. Ну и утешение!

Суббота, 2 сентября. Лоремари Шёнбург теперь тоже переехала к Марии Герсдорф; мы вместе занимаем бывшую комнату Готфрида Крамма. Лоремари слишком издергана, чтобы жить одной. Кроме того, мы предпочитаем встретить полицию вместе — в случае, если...

Папá был здесь два дня и сегодня уехал обратно в Кенигсварт. Он оставил мне крест своего прадеда, который тот носил на протяжении всех войн России против Наполеона. Он говорит, что этот крест спас предка тогда и спасет меня теперь.

Тем временем Лоремари подружилась с булочником возле тюрьмы на Лертерштрассе. Он подрабатывает тюремщиком и уже передавал письма и сигареты Тони Заурма. Она ходит туда ежедневно, надеясь еще получить и ответ от Адама Тротта на ее последнюю записку, но тюремщик, которому она ее отдала, теперь избегает ее, хотя два дня назад он сказал: «Кто-то должен что-нибудь сделать для графа Шуленбурга, он слабеет с каждым днем». Это первое подтверждение того, что он тоже находится в этой тюрьме. Носить ему еду придется мне, так как нам следует, насколько это возможно, заниматься каждым порознь.

После обеда мы потратили довольно много времени на резку хлеба и поджаривание крошечного цыпленка, присланного Отто Бисмарком. Потом мы разложили все

по трем пакетам: один для посла, один для Готфрида Бисмарка и один для Адама. Лоремари также понесет фрукты и овощи для Тони. Последнему не разрешают ни хлеба, ни мяса — ничего подкрепляющего. Их намеренно держат полуголодными — чтобы сделать их «покладистее»!

Перси Фрей подвез нас на своей машине и высадил на некотором расстоянии от тюрьмы. Лоремари точно проинструктировала меня, как себя вести, но, признаюсь, у меня дрожали коленки. Я была там в первый раз. Здание — из красного кирпича, издали выглядит как любая другая казарма. Мы договорились, что я буду спрашивать только про графа, пока Лоремари у другого входа спрашивается насчет Тони. Только после того, как я вернусь, она, в свою очередь, войдет и передаст пакеты для Готфрида и Адама.

У ворот стояли два эсэсовских охранника, потом был двор, и наконец — большой подъезд, тоже с двумя эсэсовцами. Они остановили меня. Я сказала, что хочу говорить с *Geheime Staatspolizei* [гестапо]. После этого один из них повел меня по широкому коридору и привел к огромной канареечно-желтой железной двери. Слева от нее имелось окошечко, за которым сидел толстяк, тоже в эсэсовской форме. Он спросил меня, что мне нужно. Я достала пакет и сказала, что прошу передать его послу графу фон Шуленбургу. Он велел мне подождать и исчез. Тем временем железная дверь несколько раз отворялась и из нее выходили охранники. Каждый раз я успевала увидеть кое-что внутри. Я видела обширное открытое пространство со множеством маленьких железных лестниц и платформ на разных уровнях; по обеим сторонам этих платформ тянулись камеры; их двери немного не доходили доверху, словно в дешевом туалете. Там было очень шумно из-за охранников, которые расхаживали повсюду в тяжелых сапогах, свистя и перекликаясь. Все это выглядело омерзительно. Скоро вернулся

надзиратель, или тюремщик, или кто он там был и спросил, как имя графа. Я растерялась, но потом вспомнила, что его зовут Вернер. Тот заметил мою растерянность и рявкнул: «Если вы им так интересуетесь, вам следовало хотя бы знать, как его зовут!» Это задело меня, и я ошетибилась: «Спутать невозможно. Как известно каждому, есть только один посол граф фон дер Шуленбург. А так как ему за семьдесят, то я никогда не называла его по имени». Тогда он велел мне написать все на листочке бумаги, вместе с моим собственным именем, адресом и т. п. К этому я добавила несколько приветливых слов, спросив, могу ли я что-нибудь ему принести. Мне было не по себе, когда я отдавала эту бумажку, хотя к тому времени разницы не было никакой, они ведь все равно легко могут меня выследить. Тюремщик снова исчез, и я увидела, как он советуется с двумя товарищами. В конце концов он возвратился, швырнул мне пакет обратно, но записку оставил и бросил мне: «Не здесь! Если вам нужны подробности, спрашивайте в штаб-квартире гестапо, Принц-Альбрехтштрассе». Я выбралась оттуда едва живая. В витрине за углом я увидела отражение своего лица: оно было зеленое.

Я рассказала Лоремари, как все было, и отправилась домой, а она пошла пытаться протолкнуть *свои* пакеты. К Марии она возвратилась не скоро. Она была в слезах. Она долго ждала в тюрьме того тюремщика, который раньше передавал записки Адаму. Когда он наконец появился, он не обратил на нее никакого внимания. Тогда, потеряв надежду, она вышла из здания. За ней следил другой тюремщик; он последовал за ней до метро и на ходу шепнул ей: «Зачем вы все приходите? Они же вас дурачат! Все это время я смотрел, как вы приносите письма, но я вам говорю: он мертв!» Он имел в виду Адама. Он, должно быть, решил, что она влюблена в него. Он продолжал: «Я сам не могу больше смотреть на страдания всех этих людей.

Я схожу с ума. Я попросился обратно на фронт. Я вообще не хотел тут служить. Эти ваши записки! Они тут над ними животики надрывают. *Пожалуйста*, сделайте, как я говорю. Не приходите больше. Уезжайте из Берлина как можно скорее. За вами следят. А тюремщика, который брал ваши письма, теперь перевели обратно в штаб-квартиру. Ему тоже больше не доверяют...» Речь шла о том самом человеке, который посоветовал ей прежде всего послать Адаму записку: «Er wird sich so freuen...» [«Он будет так рад...»] Лоремари не знает, кому верить.

Здание тюрьмы на Лертерштрассе, построенное в 1840-х годах, состояло из четырех корпусов, один из которых — военная тюрьма — подчинялся вермахту, а три других перешли в ведение гестапо и использовались для содержания политических заключенных. Там держали большую часть заговорщиков 20 июля. Условия, по описаниям оставшихся в живых узников, были суровые: четыре стены; койка, на которой запрещалось лежать в дневное время; деревянная табуретка; маленький встроенный в стену стол; в углу — нечто вроде туалета, для которого надзиратели выдавали обрывки газет недельной давности; не было карандаша и бумаги, не было книг, не было газет, не было прозоров во дворе, и нельзя было видеть, что происходит снаружи.

Охрана состояла из обыкновенных тюремных надзирателей, но за ними, в свою очередь, присматривали эсэсовцы — в основном фольксдойче (репатриированные из Восточной Европы) и приученные к жестокости операциями против партизан в России. Убирали камеры, разносили еду и раздавали бритвенные приборы вспомогательный персонал из евреев, других политических заключенных или членов секты «свидетели Иеговы»⁸³². За исключением последних, которые в силу своей этики неучастия чаще всего отказывались помогать товарищам по несчастью, эти люди часто были единственным связующим звеном между заключенными и внешним миром⁸³³.

От заката до рассвета в камерах горел свет — если только над головой не было бомбардировщиков союзников. В этих случаях, пока охрана укрывалась в убежище, узники оставались запертыми в камерах, и многие из них погибли, когда бомба попала в один из корпусов тюрьмы. Несколько человек, оставшихся в живых, засвидетельствовали, что посреди падающих бомб их охватывало чувство безопасности — это были единственные моменты, когда за ними не наблюдали.

Среди узников (многие из которых были верующими христианами) имелось несколько священнослужителей. Подкупив охранников или как-то иначе заручившись их благосклонностью, католические священники могли даже исповедовать и отпускать грехи: персонал приносил исповедь в закрытом конверте, а в другом конверте уносили отпущение грехов с освященной облаткой. Таким образом, несмотря на одиночное заключение и требование абсолютного молчания, сплеталась сеть христианской солидарности, которую даже гестапо бесильно было разорвать.

Каждый день мы с Перси Фреем посещаем адвоката Тони. Это молодой, рано поседевший человек, на досуге занимающийся искусством, возможно, гомосексуал и несомненно умный. Сегодня, услышав рассказ Лоремари Шёнбург о ее посещениях тюрьмы, он всплеснул руками и велел ей немедленно уезжать из Берлина; эти посещения — безумие; в конце концов нас самих всех арестуют; более того, всем этим мы ни в малейшей степени никому не помогаем. Он тоже полагает, что Адам Тротт все еще жив, но он добавил: «Лучше бы он был мертв, чем переносил все то, что он сейчас переносит». Кажется, только я одна надеюсь, что война закончится достаточно скоро, чтобы он мог до этого дожить.

Мы решили, что Лоремари следует вернуться к семье. Здесь она больше никому не может помочь. А если она

дальше будет оставаться в Берлине, то ее непременно арестуют. Ага Фюрстенберг будет носить передачи Тони. Ее, по крайней мере, там еще не знают в лицо. Но сейчас не так просто выбраться из Берлина, нужен специальный пропуск. Правда, Лоремари получила телеграмму о том, что умирает ее дед; возможно, это позволит ей купить билет.

Воскресенье, 3 сентября. Хотя сегодня воскресенье, пришлось идти на работу — противовоздушное дежурство. Делом не занималась ни минуты, упражнялась на аккордеоне. После обеда зашли Альберт Эльц и Лоремари Шёнбург, мы посидели и поговорили. Неожиданно Альберт выхватил свой револьвер, завопил: «Где Сикс? Я его пристрелю!» — и бросился вниз по лестнице. Я удержала его, вцепившись в его мундир люфтваффе, так как д-р Сикс как раз был у себя и работал.

Потом мы ужинали у Перси Фрея. По дороге туда Альберт останавливал полицейских и спрашивал, что они думают о графе Хелльдорфе. Он хотел выяснить, насколько они осведомлены, и отпускал их только после того, как они заявляли, что все это *Schweinerei* [мерзость]. Он просто с ума сошел! Эти истерические выходы можно объяснить только реакцией на постоянное напряжение.

Был сильный налет; мы переждали его в полуподвале напротив дома Перси, так как вернуться к Тони не решались.

Понедельник, 4 сентября. Сегодня утром Лоремари Шёнбург уехала к своим, не утруждая себя раздобыванием официального пропуска. Одна из горничных Герсдорфов проводила ее до вокзала и видела, как она вскочила в уже отъезжавший поезд: она прошла турникет с перронным билетом. Последнее, что видела служанка, — как с ней заговорил проводник. Хотя я уговаривала ее уехать, я очень беспокоюсь, потому что уезжать подобным нелепым образом означает рисковать тем, что узнаются все ее прошлые

проделки. Но как адвокат Тони Заурмы, так и Мария Герсдорф вздохнули с облегчением.

Я пока остаюсь, поскольку завтра состоится предварительное слушание дела Тони в военном суде. Адвокат настроен пессимистически в том, что касается второго обвинения — насчет фразы «В следующий раз не промажут!». За одно это Тони может поплатиться жизнью. Хорошо, что его полковой командир дал ему хорошую характеристику. Адвокат находит, что Тони в неплохой форме и не слишком упал духом. Он объясняет ему, как вести себя на суде: не слишком агрессивно. Теперь я жалею, что отговорила его бежать в Швейцарию. Может, и удалось бы.

Помню, как Тони рассказывал мне про ту ночь, когда был арестован Готфрид Бисмарк. Сам он в тот момент ехал на машине в Силезию. Полиция выставила заслоны на дорогах, его тоже остановили. Он угостил их сигаретами, они дружелюбно побеседовали, и полицейские показали ему приказ: арестовать человека, едущего с девушкой в серебряной «татре»⁸³⁴. Он тут же сообразил, что речь идет о Готфриде и Лоремари, поскольку знал, что они выехали в Райнфельд. Он был уверен, что они не доберутся. На самом деле, они благополучно доехали в Райнфельд только потому, что машина сломалась и они поехали дальше поездом.

Вторник, 5 сентября. Первый день слушания дела Тони Заурмы. Дело было сразу же отложено на две недели, пока придут дополнительные данные из Силезии. Любая задержка сейчас бесценна. Но адвокат обеспокоен, потому что улики накапливаются все больше и все материалы говорят не в пользу Тони. Похоже, что теперь все будет зависеть от порядочности судей. Сегодня я написала Тони письмо, поскольку завтра уезжаю в Кенигсварт. На работе друзья Адама Тротта полагают теперь, что его действительно уже нет, хотя адвокат Тони придерживается противоположного

мнения. Но никто из нас ничего не может больше сделать ни для него, ни для Готфрида Бисмарка, ни для графа Шуленбурга. Кажется, суд над Готфридом тоже отложен благодаря неустанным усилиям Отто Бисмарка выиграть время. Имя его пока ни разу не упоминалось в печати. Верно, это не слишком хорошо звучало бы: Бисмарк пытается убить Гитлера. Даже *они* это понимают. Остается только ждать и молиться...

Теперь и мне пора уезжать. Мне еще причитается отпуск по болезни, я могу теперь им воспользоваться. Я рада, что уезжаю, но на душе все-таки тяжело. Все эти недели мы находились в таком напряжении. Мы так переживали происшедшее, что теперь все другое представляется совершенно неважным. И потом, несмотря на страх, я теперь так привыкла жить среди этих развалин, постоянно чувствуя запах газа, перемешанный с запахами битого камня, ржавого железа, а порой даже с вонью разлагающейся плоти, что мысль о зеленых полях, спокойных ночах и чистом воздухе Кенигсварта меня даже пугает.

Так или иначе, похоже, что моей берлинской жизни наступил конец. Через восемь дней Пауль Меттерних и Татьяна встретят меня в Вене и, несомненно, начнут уговаривать побывать в Кенигсварте, пока я окончательно не поправлюсь. Я могу сопротивляться давлению семьи издалека, но когда мы будем все вместе, я, вероятно, соглашусь.

Все эти недели я боялась, что союзники сообщат по радио новые подробности о заговоре 20 июля (как они делали поначалу), раскрыв, например, цели зарубежных поездок Адама и тем усугубив его положение; но насчет Адама они долго сохраняли милосердное молчание и начали писать о нем только после того, как немецкая пресса объявила о его казни.

«*Das Schwarze Korps*»⁸³⁵ [«Черный корпус», официальная газета СС] беснуется по поводу «*blaublutige Schweinehunde und*

Verräter» [«мерзавцев и предателей с голубой кровью»], но в недавней анонимной статье в *«Angriff»*⁸³⁶ [«Наступление», орган СА] прозвучала, как ни странно, противоположная нота: ни один общественный класс в Германии, говорилось там, не принес больших жертв и не понес, в пропорциональном пересчете, больших потерь в этой войне, чем немецкая аристократия. Похоже, что некоторые наци начинают подумывать о будущем.

После войны обнаружилось, что по мере приближения поражения начали колебаться даже многие в среде СС, и прежде всего сам Гиммлер. Еще в 1942 г. он спрашивал своего финского массажиста Феликса Керстена⁸³⁷: «Как вы думаете? Не сумасшедший ли этот человек?» — и завел досье болезней фюрера. Сталинград еще сильнее пошатнул его веру в звезду Гитлера, и — как уже отмечалось — в начале 1944 г. д-р Сикс пытался по поручению Гиммлера осуществить мирный зондаж союзников.

Некоторые высшие генералы СС пошли еще дальше. Начальник уголовной полиции обергруппенфюрер СС Артур Небе⁸³⁸, хотя и повинный в массовых убийствах в России, был близок к группе 20 июля и после покушения был повешен. Некоторое время генералы СС Феликс Штайнер⁸³⁹ и Зепп Дитрих⁸⁴⁰ (последний в течение многих лет командовал личной охраной Гитлера и был его главным палачом в «ночь длинных ножей» 1934 г.) планировали нападение на ставку Гитлера. Преемник Канариса на посту главы объединенной разведывательной службы абвера и СД полковник СС Вальтер Шелленберг⁸⁴¹ обдумывал идею похищения Гитлера и выдачи его союзникам. В Париже во время и после событий 20 июля весьма двусмысленным было поведение обергруппенфюрера СС Карла Оберга⁸⁴², представителя Гиммлера во Франции. Обергруппенфюреру СС Карлу Вольфу суждено было сыграть решающую роль в капитуляции сил Оси в Италии⁸⁴³. И именно опять-таки Шелленберг организовал весной 1945 г. переговоры между Гиммлером и шведским графом

Фольке Бернадоттом⁸⁴⁴, с помощью которых рейхсфюрер СС намеревался в последний момент вывести Германию из войны⁸⁴⁵.

Вчера у нас обедала Путце Сименс⁸⁴⁶ — она близкая приятельница Марии Герсдорф. Она в глубоком трауре по своему брату Петеру Йорку, которого повесили одновременно с фельдмаршалом Вицлебенем. Эта чисто житейская реакция на столь нежитейскую трагедию производила впечатление щемяще неадекватной такому горю. Она много расспрашивала меня об Адаме, который был их другом, но мы ее брата не упоминали. Я не нашла бы слов.

Мои руки все еще в порезах от вскрывания тех устриц, что Тони привез нам перед самым своим арестом.

В Е. Н. А. Среда, 6 сентября. Провела свой последний вечер в Берлине с Агой Фюрстенберг и Джорджи Паппенгеймом. Джорджи провожал меня до дома на трамвае; всю дорогу он играл на губной гармошке к восторгу других пассажиров. Он остался ночевать, так как мы с Марией были одни и хотели, чтобы с нами был мужчина на случай воздушного налета. Он спал в гостиной на одном диване, а я на другом. Когда старая кухарка Марта будила меня сегодня утром, она проворчала: «In meiner Jugend kam so atwas necht vor, aber dieser 20 Juli stellt alles auf dem Kopf» [«В моей молодости такого не бывало, но это 20 июля все поставило вверх дном!»]⁸⁴⁷

1945

ЯНВАРЬ—СЕНТЯБРЬ

Примечание Мисси, написанное в сентябре 1945 года:

Уехав из Берлина в отпуск по болезни в сентябре 1944 года, я провела четыре месяца с родными в Кенигсварте, стараясь восстановить силы для последнего — как всем нам было ясно — раунда. По дороге в Кенигсварт я провела несколько дней с Татьяной и Паулем Меттернихом в Вене. Там я прошла тщательнейшее медицинское обследование, и профессор Эппингер⁸⁴⁸ признал меня «нетрудоспособной» на несколько месяцев. Он обнаружил у меня увеличенную щитовидную железу, которой и объяснялась моя худоба, — все это возникло в большей или меньшей степени на нервной почве. С этого времени я стала принимать крупные дозы йода.

КЕНИГСВАРТ. Понедельник, 1 января. Нанесло много снега, и большую часть времени мы проводим на воздухе, неуклюже катаясь с гор на санках и, словно дети, играя в снежки. Еды много, но едим мы на кухне: прислуга постепенно вся ушла — мужчины в вооруженные силы, женщины в военную промышленность.

Готовит экономка Лизетт. Все наши вечерние туалеты уложены. Играем в разные игры и наслаждаемся лучшими винами Пауля. Ведь завтра нам опять разъезжаться.

Вторник, 2 января. Пауль Меттерних вернулся к себе в полк: он признан излечившимся от того страшного нарыва в легких, который чуть не свел его в могилу в прошлом году на русском фронте. Я остаюсь еще на день, чтобы приободрить Татьяну. Она совсем упала духом.

ВЕНА. Среда, 3 января. Весь свой последний день в Кенигсварте вела долгие разговоры по очереди с каждым из членов семьи. На сей раз действительно похоже на то, что *die grosse Entscheidung* [великая развязка] произойдет еще до того, как мы вновь увидимся. Мамá хочет, чтобы я осталась, но мой отпуск по болезни кончился и я должна ехать; иначе у меня будут неприятности с *Arbeitsamt* [бюро трудоустройства]. Глубокой ночью Татьяна отвезла меня на станцию Мариенбад.

Четверг, 4 января. Ночью в поезде только и говорили, что о налетах на Вену: они набирают силу. Бомбят здесь по большей части американцы, прилетающие со своих баз в Италии, причем обычно днем. Трамваи (единственный пока еще работающий городской транспорт) ходят, говорят, только в дневные часы. Я встревожилась, потому что у меня, как обычно, было чересчур много багажа, да еще и гусь (ощипанный). Но мне повезло: один бывший русский пленный вызвался донести мои вещи в обмен на порядочное количество сигарет. По дороге он разговорился и сообщил мне, что Сталин вот-вот объявит амнистию, «так что, может, мы все скоро отправимся домой». Он добавил, что в последнее время почти ничего не ел, и когда мы прибыли к месту назначения — то есть в двухкомнатную квартиру Антуанетт Гёрне-Крой на Моденаплац, где мы будем жить с ней вдвоем, — я отдала ему всю еду, которую там нашла. Сама Антуанетт сейчас гостит у мужа в Югославии.

Союзники долго щадили Австрию — первую жертву⁸⁴⁹ попытки Гитлера покорить Европу. За этой страной настолько прочно

закрепилась слава «бомбоубежища рейха», что туда были переведены многие военные заводы. И это оказалось для нее роковым. Уже 13 августа 1943 г. первый налет на авиационные заводы Винер-Нойштадта⁸⁵⁰ положил конец неприкосновенности Австрии. Впоследствии большинство и ее крупных городов было также обращено в груды развалин.

Меня ожидала повестка — из местного бюро трудоустройства. Видно, они времени не теряют!

Обедала с Францлем Турн-и-Таксисом⁸⁵¹ в отеле «Бристоль». Братьев Турн-и-Таксис⁸⁵² (которых все зовут сокращенно Таксисами) выгнали из армии как лиц королевской крови, и теперь они учатся в здешнем университете. В «Бристоль», кажется, ничего не изменилось с тех пор, как я там была с Меттернихами четыре месяца назад. В своем обычном углу сидят Альфред Потоцкий⁸⁵³ и его мать, старая графиня Бетка⁸⁵⁴, все еще на редкость элегантная, несмотря на свои восемьдесят три года. Им пришлось бросить свое всемирно известное имение Лансут⁸⁵⁵, когда в Польшу вошли русские. Это имение называли Версалем Восточной Европы, и до последнего времени оно оставалось в целостности и сохранности, так как благодаря Герингу, часто охотившемуся там до войны, там квартировал только высший немецкий генералитет.

Пятница, 5 января. Зашла в бюро трудоустройства. Мне предложили пойти работать медсестрой. Именно этим мы с Татьяной и хотели заняться, когда началась война, но нас отвергли из-за наших литовских паспортов. Теперь же мне сказали, что медсестер не хватает, и никого, судя по всему, не беспокоит, что я прошла всего-навсего двадцатичасовой курс первой помощи. От подруг я знаю, как изнурительна бывает эта работа при нынешних условиях. Поэтому, наверное, в бюро и удивились, что я так охотно согласилась.

Суббота, 6 января. Войдя в квартиру, я наткнулась на грудю чемоданов — вернулись Антуанетт и ее муж, Юрген Гёрне.

Антуанетт радостно бросилась ко мне и стала рассказывать, как она ездила в Вельдес [Блед], где часть Юргена сражается с югославскими партизанами. Она ужасно испугалась, так как в их машину стреляли в лесу — около радиатора огромная пробоина, испорчено зажигание. Местность, говорит она, изумительной красоты, но жилось ей там, насколько я понимаю, не очень-то весело: ее не выпускали за дверь, потому что партизаны теперь похищают людей, и она явно рада, что вернулась.

Заходил повидать меня Фердл Кибург. С того времени как его выгнали из флота за королевскую кровь (он из семьи Габсбургов), он тоже учится в здешнем университете.

Воскресенье, 7 января. Сегодня утром — церковь. Вечером ординарец Гёрне поджарил гуся, которого я привезла с собой из Кенигсварта. Ввиду того, что он раньше никогда еще не занимался приготовлением подобных тварей, теперь он сидел перед духовкой с ложкой в одной руке и поваренной книгой в другой. Однако результат оказался вполне удовлетворительным, и нашу домохозяйку — немку, жену полковника, который сейчас на фронте, — тоже угостили. Наши гости: Францл Таксис, Фердл Кибург и Сита Вреде (которая работает медсестрой в здешнем госпитале люфтваффе).

Четверг, 11 января. Мой день рождения.

Сита Вреде уговорила врачей своего госпиталя люфтваффе взять меня туда на работу. Сегодня со мной беседовал *Chefarzt* [главный врач], смуглый человек, восемнадцать лет проживший в Индии. Я рада: их госпиталь считается лучшим в Вене. Но, возможно, мне придется пройти дополнительный курс обучения, так как они хотят заменять мужчин-фельдшеров, которых сейчас отправляют на фронт.

Обучение включает первую помощь под огнем (на тот случай, если нас пошлют работать на аэродром) и тому подобное. Мне выдали униформу Красного Креста, новый набор документов и металлическую бирку, на которой моя фамилия выгравирована дважды: если я «погибну на боевом посту», бирку сломают пополам и одну половинку пошлют моим «родным и близким». Веселенькая перспектива!

Вечером явился Фердл Кибург с бутылкой шампанского, и мы отпраздновали мои двадцать восемь лет втроем.

Суббота, 13 января. Была приглашена на чай к Траумансдорфам, которые живут во дворце Шёнбург. Он принадлежит деду Лоремари Шёнбург⁸⁵⁶. Построенный одним из самых знаменитых архитекторов своего времени — Лукасом фон Хильдебрандтом, этот красивый небольшой городской особняк XVIII века стоит посреди обширного сада, полно- го прекрасных деревьев, но в сравнительно непрестижной части города, и соседние улицы довольно малопривлекательны. Одна из главных достопримечательностей дома — небольших размеров совершенно круглый бальный зал.

Альфред Потоцкий пригласил меня, Габриелу Кесельштат⁸⁵⁷ и троих братьев Лихтенштейн⁸⁵⁸ в театр. Старший из братьев — ныне царствующий князь Лихтенштейна, Франц Иосиф⁸⁵⁹. Всем им за тридцать, и они болезненно застенчивы. Потом мы ужинали в «Бристоле», и бедняга Альфред что было сил старался вовлечь их в разговор. Габриела живет через дорогу в отеле «Империял». Но меня Альфред, безвременно впавший в маразм, ни за что не хотел отпускать домой одну, а так как никто из Лихтенштейнов провожать меня не вызвался, то он раздобыл неведомо откуда пожилую даму — он сказал, что к ее услугам он часто прибегает, когда его матери хочется выйти на прогулку.

Вторник, 16 января. Русские вступили в Восточную Пруссию⁸⁶⁰.

Четверг, 18 января. Вместе со многими другими медсестрами меня вызвали в люфтваукоммандо (окружной штаб Военно-воздушных сил), где мне предложили назначение в Бад Ишль — это в горах Зальцкаммергут (Западная Австрия). Я оказалась перед дилеммой: с одной стороны, уезжать из Вены мне сейчас не хотелось, а с другой — совершенно ясно, что если я останусь, то могу вообще не выбраться, потому что русские неуклонно продвигаются. В конце концов я сказала, что предпочитаю пока остаться работать в Вене. Когда сегодня вечером я сообщила об этом решении Антуанетт Гёрне и Фердлу Кибургу, то они пришли в ужас.

Русские взяли Варшаву.

Воскресенье, 21 января. Венгрия заключила перемирие с союзниками⁸⁶¹.

Несмотря на присутствие немецкой оккупационной армии, адмирал Хорти не отказался от надежды вывести свою страну из войны. 15 октября 1944 г. он денонсировал союз Венгрии с Германией и приказал венгерским вооруженным силам, сражающимся с наступающими русскими, прекратить военные действия. После этого его вместе с семьей отправили в немецкий концлагерь, а на его место посадили немецкую марионетку — фашистского вождя Ференца Салаши. Вскоре Советы учредили альтернативное правительство Венгрии, которое 31 декабря 1944 г. объявило Германии войну⁸⁶². К этому времени Будапешт был окружен. В феврале 1945 г. он пал; в ходе осады погибло около 20 тысяч будапештцев и была разрушена треть города.

Воскресенье, 28 января. Ходила в русскую церковь⁸⁶³, а остальные — в Штефансдом (собор Св. Стефана)⁸⁶⁴. Не успела я вернуться к себе на квартиру, как начался сильный воздушный налет. Фердл Кибург обнаружил надежное убежище: подвал дома его дяди Гогенлоэ, расположенный

неподалеку. Я не люблю ходить туда одна — мой вечный страх: вдруг меня завалит, а никто даже не знает, где я, — но сегодня у меня не было выбора. Выйдя из убежища, я увидела, что наш район сильно пострадал. Антуанетт Гёрне не появлялась, и я начала беспокоиться: не случилось ли с ней чего-нибудь.

Села писать письма при свете свечи, воткнутой в бутылку, так как в нашем районе вот уже несколько дней нет света. Поскольку у нас нет также и воды, сходила в отель «Империял»⁸⁶⁵ и чудесно искупалась в номере у Габриелы Кессельштат. Потом вернулась Антуанетт, и мы с ней потащились к уличной колонке за водой. Набрали по два ведра. Сначала мы думали, что можно будет набрать в ведра снега, но когда он растаял, то вода оказалась черной, а поверху плавали картофельные очистки.

Понедельник, 29 января. Начала работу в люфтваффен-лазарете. Раньше эта больница называлась Кауфменишес Шпиталь (Купеческий госпиталь). Все было бы хорошо, но она находится на холме позади парка Тюркеншанцпарк⁸⁶⁶ в 19-м районе, а это почти за городом. На трамвае туда ехать и так целый час, а тут еще нынешняя мучительная медлительность всякого транспорта: улицы то изрыты воронками от бомб, то занесены снегом. Приходится вставать в шесть утра.

Работаю одной из двух ассистенток во внутренней амбулатории, где мой начальник д-р Тимм принимает около 150 пациентов в день. Это включает различные обследования, рентген и т. п. Он диктует мне свои заключения. Он родом из Кенигсберга и довольно остроумен, хотя и язвительен. Мы работаем до 7 или 8 вечера с получасовым перерывом на обед, каковой состоит из совершенно омерзительного супа.

Сита Вреде (она-то и устроила меня на эту работу) работает хирургической сестрой; она занимается этим почти

с самого начала войны, и по сравнению с нами она ветеран: она еще до этого прослужила года два медсестрой во время Гражданской войны в Испании. Мне легче оттого, что она поблизости, но она расстроена, что меня назначили не в ее отделение, и утверждает, что это было сделано намеренно, «потому что они не хотят, чтобы мы, аристократы, работали вместе»! Однако она будет приходить ко мне каждое утро и приносить бутерброды, так как имеет доступ к специальным продовольственным припасам для раненых. Кроме того, она будет доставать мне молоко — по детской бутылочке в день, так что, несмотря на изнурительную работу и переутомление, я надеюсь, что буду хорошо себя чувствовать. Подумать только: уйти из Министерства иностранных дел в Берлине, причем под предлогом болезни, и вдруг оказаться здесь, где приходится работать с гораздо большим напряжением, чем я когда-либо работала там. Ну ничего, это даже лучше: не будет времени думать...

Сита начала знакомить меня с персоналом и пациентами. Самые тяжело раненные лежат в так называемой *Kellerstation* [подвальной палате], на самом деле она находится не совсем под землей, но обеспечивает больным относительную безопасность во время налетов, ведь они нетранспортабельны. За этой особой палатой закреплены трое из наших лучших медсестер, в том числе одна очень славная девушка по имени Агнес, родом из Вестфалии. Мы с ней уже подружились. Другая девушка, довольно некрасивая, по имени Лютци, помолвлена с молодым лейтенантом люфтваффе, которого, беднягу, привезли сюда две недели назад: у него оторвало обе ноги во время тренировочного полета. А до этого у него за всю войну не было ни царапины. Его зовут Хайни, он хорош собой, ему около тридцати, но у него уже седые волосы. Хотя они с Лютци влюблены друг в друга, им нельзя этого показывать, так как личные отношения между сестрами и ранеными запрещены.

Вторник, 30 января. Поскольку я еще не ухаживаю за ранеными, *Oberschwester* [старшая медсестра] — она очень славная — позволяет мне ходить без полагающегося по форме чепца. Но это уже вызвало протест: кое-кто из сестер заявляет, что у меня *Hollywood Allüren* [голливудские замашки]. Сейчас в Германии, чтобы быть на хорошем счету, нужно выглядеть как комок глины! Но пока врачи и старшая сестра позволяют, я этот чепец носить не буду. Достаточно того, что приходится привыкать обходиться без губной помады, хотя и тут я отвыкаю постепенно. Это выводит Ситу Вреде из себя: она все время просит меня стереть помаду.

Сегодня старшая сестра распорядилась, чтобы меня осмотрел наш *Truppenarzt* [врач по персоналу] д-р Тиллих. Сита объяснила мне, что это дело нешуточное, так как он считается местным Гэри Купером⁸⁶⁷. Когда у нее был тонзиллит, сказала она, она ему притронуться к себе не дала. Сита даже помчалась к старшей сестре и подняла шум по этому поводу, а когда я пошла на рентген, пошла со мной и встала подбоченься, готовая дать отпор самому сатане. Но в конце концов ей пришлось оставить меня с ним наедине, что она сделала с заметной неохотой. Мы долго беседовали — причем я была одета в это время далеко не полностью — о том, как я упала с лошади в Берлине несколько лет назад и повредила себе позвоночник. Звучало это все сугубо профессионально. Однако он действительно привлекателен. Насколько я понимаю, это любимый ученик профессора Эппингера, которому я обязана возможностью выбраться из Берлина.

Вторник, 6 февраля. Юрген Гёрне все это время настаивал, чтобы Антуанетт уехала из Вены немедленно, пока еще не поздно. Ее родные в Вестфалии тоже очень беспокоились. Поэтому вчера она уехала к школьной подруге, живущей под Тутцингом⁸⁶⁸, в Баварии. Мне так будет ее не хватать! Гёрне прислал своего ординарца помочь с отправкой,

и вчера мы заодно упаковали и мои вещи тоже, потому что я не хочу жить одна у нашей фрау оберет (госпожи полковницы). Попробую опять перебраться в отель «Бристоль»⁸⁶⁹ (я останавливалась там в прежние приезды в Вену) и устроиться там на постоянное жительство в самом крошечном номере, какой у них найдется (у меня по-прежнему очень мало денег). Думаю, что получится: ведь я работаю на *kriegswichtiger Betrieb* [предприятии военного значения].

Кроме того, у меня кончились продовольственные карточки, пришлось взять их взаймы у Кристиана Ганноверского⁸⁷⁰. Он живет в «Имперiale» и учится в университете. Его выгнали из армии, так как он тоже принц королевской крови и к тому же родственник британской королевской фамилии.

Воспользовавшись свободным от работы утром, я обсудила свои жилищные проблемы с администратором «Бристолья» г-ном Фишером; он меня обнадежил.

Среда, 7 февраля. Сегодня утром опять был сильный налет. Я пересидела его в подвальной палате, где лежат тяжелораненые. Правда, толку от этого немного: слышишь свист каждой падающей бомбы и чувствуешь каждый разрыв. В таких случаях я взяла за правило сидеть с самыми тяжелоранеными: когда видишь, как беспомощны *они*, ощущаешь себя сильнее. Хорошо, что Антуанетт Гёрне⁸⁷¹ успела уехать: разбомбило центральный вокзал.

Четверг, 8 февраля. Опять сильный налет.

Татьяна звонила из Праги, она там проходит очередной курс лечения. Было приятно слышать ее голос.

Г-н Фишер сообщил мне, что я могу поселиться в «Бристолье» в конце недели.

Суббота, 10 февраля. Налеты становятся все чаще. Вот уже третий за три дня. Наш главный врач распорядился, чтобы ходячие раненые и младшие медсестры не оставались во время налетов в госпитале, а укрывались в длинном

железнодорожном туннеле, проходящем через Тюркеншанцпарк, — это примерно в пяти минутах ходьбы. Похоже, что все местные жители считают этот туннель наиболее безопасным местом: туда набивается ежедневно более восьмидесяти тысяч человек. Они становятся к нему в очередь с девяти утра, и к тому моменту, когда завоют сирены, у входа бурлит толпа — все хотят пробиться внутрь. Прodelывать все это каждый день просто невозможно, тем более что мы обязаны оставаться в госпитале до последнего момента, а значит, приходим последними. Поэтому мы были там всего раз-другой. Должна, однако, признаться, что мои нервы (и без того надорванные теми налетами, которые я пережила в Берлине) не окрепли, и когда бомбы начинают рваться еще и здесь, в Вене, меня каждый раз бросает в дрожь.

Воскресенье, 11 февраля. Сегодня у меня выходной, и я могу переехать в «Бристоль», где мне дали крошечную, но безукоризненно опрятную комнату. Однако администратор г-н Фишер сомневается, что мне удастся прожить в ней долго, так как отель набит эсэсовцами. Но ведь я добросовестный член общества, занятый тяжким трудом, — разве мне не полагается хотя бы мало-мальски приличная крыша над головой?

Обедала с Францлем Таксисом и Хайнцем Тинти⁸⁷². Квартира Францла сильно пострадала, и он свез остатки своего имущества в соседний Гранд-отель⁸⁷³. Там нашлись два велосипеда, и мы поехали на них по коридорам отеля, прежде чем отправиться ко мне на квартиру. Мы погрузили на них мои вещи и отвели навьюченные велосипеды в «Бристоль». Там администратор сообщил нам, что когда Пауль Меттерних проживал у них в последний раз, он оставил две бутылки коньяка «Наполеон». Поскольку налетов им, скорее всего, не пережить⁸⁷⁴, мы выцыганили у него эти бутылки, как он ни сопротивлялся, и одну распили.

Понедельник, 12 февраля. Воздушный налет.

Вторник, 13 февраля. Воздушный налет.

Среда, 14 февраля. Воздушный налет.

Единственное, что еще действует в Вене, — это Оркестр филармонии⁸⁷⁵. После госпиталя я почти ежедневно хожу на его концерты.

Закончилось совещание союзников в Ялте. Мой маленький приемник ловит только немецкое радио, а оно, естественно, сообщает об этом очень мало.

Говорят, что Дрезден стерт с лица земли двумя налетами союзников подряд⁸⁷⁶.

Русские вошли в Будапешт⁸⁷⁷.

На этом последнем совещании «в верхах», проведенном союзниками в ходе войны (с 4 по 11 февраля), Черчилль, Рузвельт и Сталин договорились о стратегии завершения конфликта и фактически решили, как будут проходить границы в послевоенной Европе.

Накануне Ялтинской конференции союзники приняли решение возобновить массированные воздушные удары по центрам гражданского населения, чтобы произвести впечатление на Сталина, сломить боевой дух немцев и создать новые орды беженцев, которые затруднят передвижение войск и подвоз припасов. Дрезден практически не защищался истребительной авиацией и зенитной артиллерией, немногочисленные имевшиеся там военные объекты не входили в зону бомбежек, так же как и основные коммуникации. С другой стороны, город был сокровищницей архитектуры барокко. Серия массированных налетов британской и американской авиации, начавшаяся 13 февраля и продолжавшаяся до апреля, практически уничтожила этот старинный исторический город. В бушующих пожарах, вызванных налетами, погибло от 90 тыс. до 150 тыс. жителей и беженцев (некоторые оценивают количество жертв даже в 200 тыс.)⁸⁷⁸

Сознательное уничтожение Дрездена было одной из самых кровавых и не поддающихся оправданию акций западных союзников в последней войне. Даже Черчилль, сам приложивший руку к разработке тактики массированных бомбежек гражданских объектов, почувствовал запоздалые угрызения совести, и, когда зазвучали колокола победы, ни слова похвалы не было сказано по адресу маршала авиации Харриса и его бомбардировочной команды⁸⁷⁹.

Четверг, 15 февраля. Заболеваю. Вчера из-за налета пришлось прервать работу на три часа, а потом наверстывать. К девяти вечера я чувствовала себя так плохо, что, пока врач осматривал пациента, я измерила себе температуру: было 39,4. Весело потирая руки, д-р Тимм сказал, что это просто от усталости; завтра (то есть сегодня) все пройдет, и я смогу вернуться к работе.

К самому концу рабочего дня привезли двоих американских летчиков, сбитых вчера утром. Каждого из них с обеих сторон поддерживали немецкие солдаты. Они сильно изранены и едва передвигали ноги. У одного было обожжено лицо, оно было совершенно черное, а над ним торчком стояли светлые волосы. Сейчас у нас в госпитале около тридцати американских летчиков⁸⁸⁰. С ними обращаются хорошо, но в подвальное убежище их берут только при самых сильных налетах. Я хотела бы поговорить с ними, но это строго запрещено. Одна из сестер, до войны служившая в Англии гувернанткой, принесла кому-то из них цветы; ее немедленно уволили. Тем не менее однажды во время налета Сита Вреде сводила меня в особую палату, где они лежат. Вид некоторых из них очень симпатичный, но большинство так сильно пострадали, что они почти полностью в бинтах. Как правило, тело у них в сплошных ожогах.

В моем отделении все раненые в более или менее тяжелом состоянии. Большинству либо уже за пятьдесят,

либо нет и двадцати⁸⁸¹. В основном это только что призванные; нашему д-ру Тимму приходится выяснять, действительно ли они больны или просто симулируют. Из-за его довольно извращенного чувства юмора это ведет иногда к жалостным, иногда к забавным диалогам.

Домой опять добиралась бесконечно долго.

Суббота, 17 февраля. Сегодня в первый раз за десять дней не было налета. Температура у меня упала, и днем я встала, накачалась аспирином и потащила к парикмахеру, моля Бога, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из наших врачей. Заходили друзья. К счастью, отель присылает поесть мне в номер.

Воскресенье, 18 февраля. Воздушный налет.

Утро провела в госпитальном полуподвале; потом показала нашему Гэри Куперу — д-ру Тиллиху. Он поставил диагноз «острый тонзиллит» и велел мне уйти домой и не появляться до среды. Я совсем потеряла голос.

Сита негодует, что я заболела, едва приступив к работе в госпитале: «Что они подумают о нас, аристократах, если ты так сразу свалилась?» Что-что, а *это* мне в голову не приходило!

Вторник, 20 февраля. Воздушный налет.

Среда, 21 февраля. Сегодняшний налет был особенно сильным. Когда он начался, я была еще в отеле. Все мы собрались в подвале, стараясь забиться как можно ниже: Винци Виндиш-Грец⁸⁸², Марта Пронай⁸⁸³, Потоцкие, Сапегги⁸⁸⁴, Этти Берхтольд со своей матерью и т. д. Грохот был оглушительный — без конца что-то рушилось и разбивалось вдребезги.

После отбоя я пошла по Рингу⁸⁸⁵ с Файхтлем Штарембергом⁸⁸⁶. Кто-то сказал нам, что разбомбило дворец Лихтенштейнов⁸⁸⁷. Дойдя до дворца, мы увидели, что крышу снесло, но в остальном здание не очень пострадало. Перед ним по всей мостовой были разбросаны обломки сбитого

американского самолета; они все еще весело пылали, и время от времени в них что-то взрывалось — видимо, боеприпасы. Почти весь экипаж погиб. Только один человек выбросился с парашютом, но ударился о карниз крыши, которым ему оторвало обе ноги, и застрял там. Как сказали нам стоявшие рядом очевидцы, в течение всего налета было слышно, как он кричит от боли, но никто не решался выйти из убежища, а когда наконец добрались, он был уже мертв.

Мы пошли дальше. Около Бургтеатра⁸⁸⁸ лежала невзорвавшаяся бомба замедленного действия. Весь район был оцеплен, но мы проследовали мимо как ни в чем не бывало. Город был весь в дыму, а на площади Карлсплац⁸⁸⁹, по другую сторону Ринга от нашего отеля, зияла огромная воронка.

Четверг, 22 февраля. Совершенно охрипла. После последнего налета общественный транспорт больше не ходит, пришлось идти на работу пешком. Это заняло у меня два часа.

Пятница, 23 февраля. Ночевала в госпитале. Сита Вреде дежурила, и я воспользовалась ее раскладушкой, стоящей в кабинете ее начальника.

Суббота, 24 февраля. Опять ночевала на раскладушке Ситы Вреде. Гораздо удобнее ночевать на работе, чем каждый день ходить пешком туда и обратно за много километров.

Д-р Тиллих предложил мне стать его ассистенткой, поскольку сестра, которую я заменяла во внутренней амбулатории, возвращается на работу. Мне это не слишком по душе. Он очень приятен и привлекателен, но он также наш «политишер лйтер» [политический руководитель] и тем самым отвечает за морально-боевой дух персонала. Каждый понедельник в часовне проводится лекция на политические темы, на которой всем нам полагается присутствовать, невзирая ни на какие важные дела. В день моего

приезда он давал нам краткое наставление «об обязанностях медсестры в нынешний, пятый год войны». Суть сказанного: поменьше сострадания, поскольку многие из пациентов симулянты; врачам следует быть строже, так как каждый физически здоровый человек необходим на фронте; с другой стороны, если мы увидим, что с кем-нибудь плохо обращаются, мы обязаны вмешаться. В качестве предостережения — «строго по секрету» — он рассказал нам также об одной сестре, которая сделала молодому раненому солдату — другу своего погибшего сына — инъекцию, на время сделавшую его непригодным к службе, чтобы его не послали обратно на фронт: «Ей дали десять лет!» Мы приперты к стенке, добавил он. У нас нет иного выхода, кроме как драться до последнего человека! И т. д. и т. п. Все это звучало так устрашающе, что больше я на эти лекции не ходила, ссылаясь на непрекращающийся приток новых раненых. Некоторое время я ждала неприятностей, но д-р Тиллих ни разу не сказал ни слова.

В то же время старшая сестра говорит, что меня могут назначить в ассистентки князю Ауэршпергу⁸⁹⁰, нашему ведущему неврологу. Это слегка чудаковатый, но обаятельный человек, одна из наших местных знаменитостей. Так что, похоже, насчет меня еще ничего не решено.

Уже собиралась домой, как вдруг завывли сирены. Ужинала с друзьями, после чего Мели Кевенхюллер взяла меня с собой в гости, где играл один очень хороший джазовый пианист в стиле Чарли Кунца. Мы сидели допоздна, уплетали ветчину и слушали его.

Воскресенье, 25 февраля. Месса в соборе Св. Стефана. Улицы полны народа. Сейчас тысячи венцев из пригородов толпятся в центре города, так как считается, что древние катакомбы⁸⁹¹ — самое надежное убежище; никто не надеется на обычные подвалы, они слишком легко обрушиваются и погребают под собой тысячи жертв. Большая часть

этих людей живут в рабочих предместьях, и сюда они добираются часами.

Обедала с Потоцкими, они прямо расстарались: они угощали некую фрау Хериц, жену немецкого миллионера из Лодзи⁸⁹², — это в оккупированной немцами Польше, — они надеются узнать от нее что-нибудь о своем поместье. Угощение было изумительное: был даже паштет из гусиной печени!

Моя диета разнообразна: от жиденьких супов в госпитале до пиршеств — нечастых — в отеле. Если бы мне только хватало продовольственных карточек! У меня их не остается уже через десять дней после начала месяца. *Schwester* Агнес иногда угощает меня гоголь-моголем, который специально сбивают для тяжелораненых; к счастью, им этот гоголь-моголь нравится меньше, чем мне, и его всегда немного остается.

Заходила Сизи Вильчек, последние четыре года работающая хирургической сестрой в госпитале в Хофбурге⁸⁹³. Зашли к знакомым на кофе, а потом долго гуляли. Перед дворцом Лихтенштейнов все еще валялись остатки сбитого в среду американского самолета, хотя их частично растащили любители сувениров. В дверях появился Бэ Лихтенштейн с большим розовым аккордеоном, который он оставляет у меня, так как сам он, как он сообщил, уезжает из Вены «навсегда».

Почему-то я оказываюсь хранителем всего того барахла, которое люди оставляют, уезжая из Вены в страхе перед приходом Советов. Между тем если уж кому-то и следует спастись от Советов, то в первую очередь именно мне, «белой русской», а когда я отсюда выберусь — если выберусь, ведь в этом нет никакой уверенности, — то все это все равно пропадет.

Встретили Гезу Андраши⁸⁹⁴ — он беженец из Венгрии. Он сказал, что его сестра Илона⁸⁹⁵ отказалась уезжать из

Будапешта, где она тоже работает медсестрой Красного Креста. Под конец все мы очутились во дворце Вильчеков на улице Херренгассе⁸⁹⁶. После этого я пошла домой спать. Я так устаю, что по вечерам уже почти никуда не хожу.

Понедельник, 26 февраля. Братья Таксис прислали мне гуся из их фамильного имения в Богемии. Сегодня мы его приготовили у Мели Кевенхюллер. Хотя делить пришлось на пятерых, все равно получился настоящий пир: мы ведь по большей части ходим полуголодными.

Умер отец Пуки Фюрстенберга⁸⁹⁷. Это был очаровательный австрийский дипломат старой школы. Я замечаю огромную разницу между его поколением австрийских аристократов, которое еще управляло своей империей, и нынешним, выросшим в урезанной, обкорнанной маленькой стране без будущего. Почти все представители этого нового поколения глубоко провинциальны, и даже когда у них много денег, они с трудом говорят на иностранных языках, и большинство из них вообще никогда не выезжало за пределы Австрии. Более того, при всем своем обаянии и общительности, они в большинстве своем легковесны, в них мало той надежности, которая характерна для порядочных немцев того же поколения, со многими из которых я была хорошо знакома в Берлине. Возможно, это отчасти объясняется аншлюсом 1938 года, почти сразу же увенчавшимся этой войной.

Вторник, 27 февраля. Сегодня закончила работу немного раньше обычного и поэтому смогла посетить нашего зубного врача.

Вечером Сизи Вильчек привела с собой Гезу Андраши, и мы приготовили ужин у меня в комнате на моем маленьком электронагревателе; мы даже сварили изумительный кофе с помощью прибора, который мне подарил Кристиан Ганноверский.

Среда, 28 февраля. Звонила Татьяна. Она пока в Праге, но скоро поедет к Отто Бисмарку во Фридрихсру, под Гамбургом, так как Пауль Меттерних переведен в близлежащий Люнебург. Говорят, что туда направляется также и Готфрид Бисмарк, который наконец выпущен из концлагеря, куда он был интернирован после того, как суд прошлой осенью его оправдал. Но я все никак не могу поверить, что его действительно выпустили: он был слишком сильно скомпрометирован заговором 20 июля. Эта предстоящая поездка Татьяны внушает мне тревогу: теперь пассажирские поезда тоже постоянно бомбят.

Пятница, 2 марта. Два дня назад, во время налета, мы меняли перевязку Хайни (летчику с ампутированными ногами). Лютци, его невесты, не было; свет погас, и мне пришлось держать над врачом и сестрами две керосиновые лампы, пока они работали. Какие муки переносит всякий раз бедный Хайни, просто трудно себе представить: кости раздроблены на мелкие кусочки; они все время высовываются, и их приходится вытаскивать пинцетом. Сита говорит, что если я могу смотреть на это без того, чтобы закружилась голова, то я смогу перенести все. Как ни странно, и это действительно можно выдержать, особенно если сама помогаешь. Возникает такая полная сосредоточенность на том, что делаешь, и при этом еще такая своеобразная отстраненность от пациента, что ничего другого просто не осознаешь. И слава Богу.

Суббота, 3 марта. Сегодня налета не было, так что мы хоть раз смогли уйти домой вовремя.

В госпитале стало очень холодно, потому что кончился уголь, а теперь даже госпитали лишены особого снабжения.

Воскресенье, 4 марта. Я отправлялась в собор Св. Стефана с Ханзи Опперсдорфом⁸⁹⁸, когда завывли сирены. Он теперь часто ходит со мной: он находится на излечении после

того, как ему прострелили голосовые связки. Говорит он только шепотом.

Позже я зашла к Мели Кевенхюллер. Она работает на военном заводе, и ей не позволят уйти до прихода русских. Но ей должны тайком доставить из их семейного поместья телегу и пару лошадей на случай, если придется спастись бегством в последний момент.

Сегодня получила посылку, которую Мама́ отправила из Кенигсварта... 2 января. Почта доставляла ее два месяца — на сегодняшний день это рекорд.

Вторник, 6 марта. Умерла бабушка Фугтер⁸⁹⁹. В последние дни здесь находился ее сын Польди, генерал люфтваффе⁹⁰⁰. Сизи Вильчек уговаривает меня попросить его, чтобы меня перевели в какой-нибудь другой авиационный госпиталь подальше на западе. Он пользуется кое-каким влиянием, так как был воздушным асом в Первую мировую войну и награжден медалью «*Pour le Mérite*» [«За заслуги»] — высшей наградой за воинскую доблесть в Германской империи. Сама она отправляется вместе со своими сослуживцами в Гмунден⁹⁰¹ под Зальцбургом. Но ей тоже не хочется пока уезжать из Вены, и она тянет время. У принцев Ганноверских в Гмундене есть замок, превращенный теперь в госпиталь⁹⁰², и Кристиан предложил, чтобы мы с Сизи поселились там в доме его родителей, если и когда мы туда попадем; он обещает все наладить. Это очень обнадеживает, так как если мы вообще вырвемся, то наверняка в последний момент и сломя голову.

Среда, 7 марта. Сизи Вильчек познакомила меня с Польди Фугтером. Он седой, но лицо у него совсем молодое. Он исключительно красив и обаятелен. Он обещал поговорить обо мне с люфтвауэрцтом (главным врачом авиационного округа), который для нас — всемогущий бог, а для него приятель. Честно говоря, я делаю все это главным образом для того, чтобы успокоить друзей, которые считают, что

Вена теперь больше десяти дней не продержится⁹⁰³, и в ужасе от того, что я все еще здесь. И действительно, русские неуклонно наступают, и если они не окажутся здесь еще раньше, то уж, во всяком случае, не из-за сопротивления немцев, которое, как все чаще поговаривают, заметно ослабло.

Сегодня вечером Влаши Митровский пригласил меня, Габриелу Кессельштат и Франца Таксиса пообедать в отеле «Захер»⁹⁰⁴ в отдельном кабинете. Атмосфера была совершенно допотопная — официанты в белых перчатках, фазаны, лично подстреленные нашим хозяином⁹⁰⁵, шампанское в ведерках и т. п. Он по-прежнему живет жизнью богатого землевладельца, в то время как фронт сейчас в каких-нибудь нескольких километрах от его порога!

Четверг, 8 марта. Воздушный налет. Поэтому снова пришлось работать допоздна, чтобы наверстать пропущенное время.

Союзники перешли Рейн, и сейчас, как сообщает радио, идут бои под Кёльном⁹⁰⁶ и Бонном. Но несмотря на то что они повсюду продвигаются, сопротивление немцев на западе все еще очень упорное. Этого я не понимаю. Казалось бы, если уж выбирать между теми и этими, то следовало бы прежде всего отбиваться от Красной армии⁹⁰⁷.

Суббота, 10 марта. Некий г-н Мюльбахер (мне знакомый) привез мне письмо от Антуанетт Гёрне и Фердла Кибурга (он тоже уехал из Вены в прошлом месяце). Они сейчас в Мюнхене и умоляют меня немедленно покинуть Вену. Я встретила с ним в холле отеля, так как предполагается, что он поможет мне организовать отъезд. Это будет нелегко, потому что неделю назад любые частные поездки были запрещены. Он вручил мне чистый бланк разрешения на поездку, выданного рюстунгскоммандо (командованием оборонной промышленности) в Мюнхене. Я должна, сказал он, только вписать туда свое имя и адрес. Но даже такое разрешение не годится, так как я не могу уйти

из госпиталя, пока не воцарится полная паника, а к тому времени перестанут ходить поезда и вообще будет уже поздно. Тем не менее я тронута усилиями Антуанетт.

Посреди ночи из Карлсбада по вермахтсляйтунг (линии связи вооруженных сил) позвонила Марианна Тун по поручению Мамá, которая, по ее словам, сходит с ума от беспокойства. Я сообщила ей свои последние новости.

Вернувшись в отель, обнаружила телеграмму от Мамá. Хорошие вести сразу от Ирины из Рима и от Джорджи из Парижа. Поразительно, но даже сейчас личные сообщения каким-то образом пересекают линию фронта — должно быть, через Швейцарию. Она просит меня позвонить ей, но, хотя я каждую ночь заказываю разговор с Кенигсвартом, дозвониться никак не удастся.

Понедельник, 12 марта. Черный день для Вены.

Сита Вреде ворвалась в мою комнату в госпитале с сообщением, что приближаются крупные воздушные силы противника. У меня было много работы, и я не могла тут же броситься вместе с ней в туннель. Она любит приходить туда пораньше, когда народу еще не так много. Когда я наконец была готова, она потеряла терпение и сказала, что теперь нам лучше оставаться на месте. Мне было неловко, так как вина была моя. Но, судя по всему, остались и многие другие: убежище в полуподвале было полно раненых и сестер. Я присоединилась к первым. Один из них, капитан Бауэр⁹⁰⁸, — знаменитый воздушный ас с дубовыми листьями к рыцарскому кресту. Он тяжело ранен в плечо, но ходит. Мы немного побеседовали, но тут погас свет, и вскоре шум снаружи заглушил все разговоры. Я заглянула в *Kellerstation* [подвальная палата] и обнаружила там сестру Агнес, которая залезла на стол и билась в истерике; молодой хирург похлопывал ее по спине. Вообще она славная и веселая, но во время налетов неизменно теряет всякое самообладание. Я села рядом с ней на стол, и мы прильнули друг

к другу. Свист и грохот были такими, каких я никогда прежде в Вене не слышала. У нас на крыше дежурит наблюдатель, которому не полагается уходить ни при каких обстоятельствах. И вот теперь он дал знать, что туннель накрыт прямым попаданием. Мы сразу же подумали о тех наших раненых и сестрах, которые искали там укрытия. И в самом деле, минут через десять, когда шум немного поутих, прибежали люди с носилками, на которых несли тех самых мужчин и девушек, что весело туда уходили меньше часа назад. Сердце просто разрывалось! Некоторые кричали. Один, раненный в живот, схватил меня за ногу и умолял: «Наркоз, сестра, наркоз!» Он все скулил и скулил без конца. Несколько человек оперировали тут же в подвале, где нет ни света, ни воды, но этот бедный мальчик вскоре умер. Главный врач непрерывно кричал на тех, кто оставался в госпитале вопреки его прямому приказанию. Он был взбешен, обнаружив здесь едва ли не всех своих подчиненных: «В случае прямого попадания я потерял бы сразу весь свой персонал!» Бомба упала перед входом в туннель как раз в тот момент, когда кое-кто из сидевших там вышел подышать свежим воздухом. Говорят, что разнесся ложный слух, будто налет уже кончился. Так или иначе, четырнадцать человек было убито на месте, а у нас в подвале, когда принесли оставшихся в живых, зрелище было такое, что я его никогда не забуду.

Позже мы забрались на крышу и посмотрели на город. Профессор князь Ауэршперг сказал, что видит, как горит Опера⁹⁰⁹, но дыма было так много, что на самом деле было трудно сказать, что произошло.

Вечером явился Вилли Таксис. Он слышал про туннель и волновался за меня. Он подождал, пока я закончу работу, и мы вместе спустились в город пешком. Всюду были разрушения. Он сказал, что центр сильно пострадал — Опера, Жокейский клуб, даже наш отель «Бристоль». Я спросила

его, существует ли еще моя комната. Он не знал. Когда мы дошли до центра, была уже ночь, и тем не менее во многих местах можно было читать газету при свете пламени, охватившего строения. Стоял также сильный запах газа — как в Берлине в худшие дни.

Сначала мы пошли на Херренгассе к Вильчекам, чтобы их успокоить. Сизи лежала с тонзиллитом и высокой температурой. Все были слегка истеричны и вели себя как полупьяные. Нам сказали, что самое страшное несчастье приключилось в Жокейском клубе, где в подвале погибло 270 человек. Здание все еще горит, и никто не может подойти близко. Жози Розенфельд⁹¹⁰ сказала мне, что в самые тяжелые моменты она прижималась к Польди Фуггеру, чувствуя, что во время воздушного налета безопаснее всего быть с орденоносным генералом Военно-воздушных сил!

Польди еще здесь по случаю кончины его матери. Он все не может похоронить ее из-за отсутствия гробов. Говорят, что в первое время люди делали гробы из картонных листов, заменивших во многих домах разбитые окна, но теперь даже этого нет. Несколько дней назад Мели Кевенхюллер объявила мне, что запрещает мне умирать сейчас: «Ты не можешь нас так подвести!» — подразумевая, что мои похороны доставят им чересчур много хлопот! Не хватает не только гробов: друзья и родственники вынуждены сами рыть могилы, так как все могильщики призваны. Во многих местах лежат кучи самодельных гробов, ожидающих захоронения. Пока зима, это просто жутко выглядит, но бог весть, что станет, когда придет весна и растает снег. На днях торжественно хоронили одного полковника. Был даже военный оркестр. В тот момент, когда гроб опускали в могилу, крышка съехала, и обнажилось лицо седой старухи. Церемония продолжалась!

Навестив Вильчеков, мы продолжили обход. Оперный театр все еще горел. В отеле «Бристоль» не осталось

ни одного целого окна, и с улицы можно было войти прямо в зал ресторана. Вокруг суетились люди, растрепанные и пропахшие дымом.

Ужинала с Польди Футгером, его дочерью Норой⁹¹¹ и сестрой Сильвией Мюнстер⁹¹². Бывшая жена Польди⁹¹³ перед самой войной вышла замуж за Курта Шушнига⁹¹⁴, бывшего австрийского канцлера, и сейчас они оба в концлагере.

В июле 1934 г. д-р Курт фон Шушниг (1897–1977) сменил убитого Э. Дольфуса на посту канцлера Австрии. Он до самого конца сопротивлялся гитлеровскому анилюсу⁹¹⁵, совершившемуся наконец в марте 1938 г., был арестован и вместе с женой до конца войны находился в концентрационных лагерях⁹¹⁶. Освобожденный американцами в 1945 г., он последние годы жизни провел в США, занимаясь преподаванием.

Администрация «Бристоля» поразительна: света нет, но на каждом столике свеча и ресторан работает, как обычно. Потом мы зашли за углом в магазин Петера Хабига⁹¹⁷ и смотрели, как горит Опера. У Петера⁹¹⁸ были слезы на глазах. Для венца гибель его любимой Оперы — это личная трагедия.

Венская Опера была открыта в 1869 г. в присутствии императора Франца Иосифа постановкой «Дон-Жуана» Моцарта. Любопытно, что последним оперным представлением в этом театре перед его разрушением была «Гибель богов» Вагнера! Вместе с театром погибли декорации примерно для 120 спектаклей и около 160 тыс. костюмов. Несмотря на все трудности послевоенной жизни, восстановление Оперы рассматривалось всей страной как первоочередная задача, и ее открытие вновь в ноябре 1955 г. лучше, чем что-либо иное, символизировало возрождение «цивилизованной» Австрии.

Среда, 14 марта. Снова пришлось идти в госпиталь пешком. Дорога туда и обратно теперь занимает у меня четыре часа. Скоро начну ездить на попутных машинах, но пока улицы настолько загромождены обломками разбомбленных зданий, что машины не ездят и все ходят пешком.

Четверг, 15 марта. Мне дали два дня отпуска. Теперь у меня будет другая работа: *Wehrbetreuung und Fürsorge* [служба советов и заботы о военнослужащих]. Пока мне не вполне ясно, что это означает, но полагаю, что придется вести переписку с люфтвау (областное командование воздушными силами) по поводу присвоения чинов и вручения наград раненым в нашем госпитале, а также давать им советы по личным вопросам. Нужно будет иметь дело с самыми разными людьми, а главный врач считает, что я как раз для этого подхожу. К сожалению, мне придется также иметь дело со всем, что касается смерти, а с момента нашей трагедии в туннеле у меня много душераздирающих встреч с родными. Сегодня пришла невеста одного из убитых мальчиков; она просила меня рассказать ей все жуткие подробности.

Пятница, 16 марта. Сегодня утром был еще налет. Я перешла через площадь Оперы в отель «Захер», так как их подвал считается более надежным, чем в «Бристоле». Ко мне присоединились братья Таксис и Хайнц Тинти. Мы застряли там на четыре часа, и, хотя на этот раз все обошлось, все нервничали больше, чем обычно. После отбоя Жози Розенфельд (у ее семьи поместье возле Линца)⁹¹⁹ отправилась прямо на вокзал, хотя говорят, что поездов больше нет. Она совершенно обезумела от страха и не желает оставаться в Вене ни одного лишнего дня. Она оставила мне немного яиц.

Суббота, 17 марта. Сита Вреде и я снова провели несколько часов в подвале гостиницы «Захер». Он действительно выглядит надежным, но ведь никто не знает, под каким углом упадут бомбы.

С самого начала этих сильных налетов семья непрерывно шлет мне панические письма, но я не могу на них ответить, так как никакая почта из Вены больше не уходит.

Воскресенье, 18 марта. Была в церкви с Ханзи Опперсдорфом. Потом навестила Сизи Вильчек, которая все еще больна. В день, когда погибла Опера, ее дядя Кари написал мне письмо, датированное «самым трагичным днем, который когда-либо пережила Вена». Бедняга: он страшно подавлен, и отец Сизи тоже. Франц Таксис говорит, что для их поколения Вена была, как для нас наши спальни: каждый уголок «принадлежал» им, они знали каждый камень...

Обедала в «Бристоле» с Габриелой Кессельштат и неким князем Себастьяном Любомирским⁹²⁰, еще одним беженцем из Польши. Потоцкие уехали три дня назад. Они все откладывали отъезд. Без них очень уж странно. Мы стали чем-то вроде семьи. Каждый отъезд оставляет пустоту. Потом мы пили кофе в отеле Габриелы по ту сторону улицы. Она только что купила себе несколько новых шляпок — единственный предмет одежды, который еще можно купить без карточек. Она вот-вот уезжает на машине, благо у нее лихтенштейнский паспорт (она двоюродная сестра правящего князя).

Понедельник, 19 марта. Еще один кошмарный день.

На этот раз на территорию госпиталя обрушился так называемый «бомбовый ковер». Мы были в туннеле, где произошла та последняя трагедия. С тех пор имеется прямая связь между госпиталем и туннелем, так что мы можем передавать туда сообщения о том, что видно с крыши. Сегодня три бомбы угодили в самый туннель. Сита Вреде закричала: «На колени!» — поскольку я выше ростом, чем большинство присутствовавших, и она боялась действия воздушной волны. Находившиеся в убежище вначале вели себя как стадо, кричали, топали ногами, но через некоторое время успокоились. Хотя воздушная волна от каждого

взрыва сбивала людей с ног, никто не пострадал и сам туннель выдержал. Еще семь бомб упали на территории госпиталя. Одна попала в операционный корпус, пробила три междуэтажных перекрытия и осталась лежать невзрывавшейся прямо над полуподвальным убежищем. Но окна все вылетели.

Неподалеку от госпиталя, в парке Тюркеншанцпарк, упал американский самолет, и нескольких сотрудников госпиталя отправили подобрать экипаж. Нашли четверых, пятый исчез.

Мы принялись за расчистку обломков, пробираясь между грудями битого стекла и камня. С девушкой, на чьем месте мне предстоит работать, сделалась истерика: налет застал ее по дороге сюда, и ей пришлось пережить его в сарайчике. Я отправила ее домой и продолжала разбирать обломки мебели, куски оконных рам и тому подобное.

К 6 часам вечера я сама пошла домой. В это время кто-то швырнул на улицу с верхнего этажа сломанную оконную раму, и мне сильно поранило руку. Армейский автомобиль подвез меня к Вильчекам, где я надеялась найти Сизи. Ее не было дома, но ее отец обмотал мою руку полотенцем, и этого хватило, пока я не добралась до «Бристоля», где за меня взялись Сапегы. Они говорят, что на меня страшно было смотреть.

Жить стало особенно трудно из-за того, что в городе уже несколько недель практически нет воды. Не понимаю, каким образом нам готовят пищу. Никто из нас больше не решается пить чай или кофе. Света по-прежнему нет, и я быстро расходую запас рождественских свеч, которые мне подарила Сизи. Вечерами я сижу у себя в комнате в темноте и упражняюсь на аккордеоне.

Вторник, 20 марта. Улицы усеяны битым стеклом. Езжу в госпиталь на попутных машинах. Это нелегко, но вот уже два раза подряд меня подвозил один и тот же военный

автомобиль, и водитель обещает высматривать меня на улице, так как ежедневно ездит этой дорогой. Петер Хабиг обещал мне одолжить свой новоприобретенный велосипед, который в дневное время ему не нужен. Это даст мне некоторую независимость.

Еще один налет. Разрушений нет.

Среда, 21 марта. Пятичасовой налет, но разрушений снова нет. Они прилетели из Италии и отправились дальше на Берлин — неплохо!

Каким-то образом до меня дошло одно из писем Джорджи. Он по-прежнему в Париже, работает в каком-то агентстве новостей и одновременно занимается в университете. Он советует нам «держаться вместе» — как говорят русские, совет «плыть к берегу». Ведь Татьяна и Пауль Меттерних где-то на севере, родители в Кенигсварте, а я торчу тут в Вене! Но Джорджи исходит из самых лучших побуждений.

Суббота, 24 марта. Каждый вечер мы с Себастьяном Любомирским спускаемся в подвал и приносим воду в больших банках от варенья, ибо, хотя отель ежедневно наливает в каждую умывальную раковину по стакану воды для чистки зубов, мы очень грязные из-за всепроникающего дыма. В последнее время я принимала ванну в госпитале — во время воздушных налетов, но теперь они стали такими опасными, что я больше не рискую это делать; к тому же даже там воды очень мало. Военнопленные, в том числе и те из сбитых американских летчиков, кто покрепче, носят для госпиталя воду из соседнего водохранилища; воду эту, как полагают, сильно загрязненную, используют даже для приготовления пищи. Гигиенические условия быстро ухудшаются, и нам, медсестрам, сейчас делают прививки против холеры, так как в Будапеште разразилась эпидемия. Но мы так заняты, что у нас просто нет времени задумываться над этим и волноваться.

Я собираюсь переехать к Вильчекам. Сизи уезжает со своим госпиталем на следующей неделе, но ее брат Ханзи, хотя и тяжело раненный, офицер запаса и обязан оставаться до прихода русских. Ну что ж, по крайней мере, он будет сообщать мне об их продвижении. Я уже начала переправлять свои вещи на Херренгассе.

Наконец-то удалось проложить дорогу сквозь обломки к рухнувшему подвалу Жокейского клуба, начинают вытаскивать трупы. Запах стоит тошнотворный, ощущаю его постоянно, никак не избавлюсь. Стараюсь объехать на своем велосипеде вокруг собора Св. Стефана, чтобы не проезжать мимо этого места.

То, что осталось от Филипсхофа, где размещался Жокейский клуб, взорвали в 1947 г., разбив на этом месте публичный сад. Большую часть трупов так и не извлекли, и они по сей день лежат под газоном. Но прошло целых 40 лет, пока удосужились поставить на этом месте мемориальную табличку!⁹²¹

Понедельник, 26 марта. Первый день на моей новой работе. Была все время очень занята.

Вчера я и дядя Кари Вильчек шли на мессу в собор Св. Стефана (начинается западная Страстная неделя), когда завывли сирены. Кругом было много пыли, но день был солнечный. Мы уселись на ступеньках церкви на площади Михаэлерплац, где к нам время от времени присоединялся Францл Таксис и сообщал, где находятся самолеты.

Дядя Кари сказал мне, что в субботу, когда Сапегам наконец разрешили уехать из Вены со своим имуществом (которое они вывезли из Польши на грузовике), они позвонили ему посреди ночи и сказали, что поскольку у них есть свободное место, то они могут взять с собой кое-что из багажа, оставленного Потоцкими, который теперь хранится во дворце Лихтенштейнов. Дядя Кари немедленно

поехал туда и погрузил то, что было в пределах непосредственной досягаемости. Теперь, когда они уехали, он сверился с описью. Знаменитое поместье Потоцких Уансут было всемирно известно прославленной коллекцией фарфора, мебели, картин Ватто и Фрагонара и т. п., которые скупил за бесценок один из их предков, находившийся в Париже во время Французской революции, когда разворывали Версальский дворец. Все это благодаря покровительству Геринга было благополучно эвакуировано в Вену. Но на грузовике с Сапегами, сказал дядя Кари со смущенной улыбкой, уехали ливреи частного оркестра Потоцких! Правда, они тоже восемнадцатого века; но представляю себе выражение лица у бедного Альфреда, когда он откроет эти ящики⁹²²...

Вторник, 27 марта. В госпитале произошло небольшое недоразумение: я наградила нескольких солдат за храбрость, не зная, что это исключительная привилегия главного врача. Приказы о награждении попали ко мне на стол с пометкой о том, что их надлежит выполнить незамедлительно. Главный врач в бешенстве, так как он относится к этим торжественным актам весьма серьезно.

Придя домой, я увидела, что на Михаэлерплац припаркована машина Гезы Пеячевича⁹²³. Он муж сестры Сизи Вильчек⁹²⁴. У меня сразу упал камень с души, потому что он из здешних мужчин самый смелый, инициативный и отчаянный. По рождению он венгр, но паспорт у него хорватский, так как их имение находится в бывшей Югославии. Его только что уволили с хорватской дипломатической службы, потому что его брат⁹²⁵, который был хорватским послом в Мадриде, перешел к союзникам. Геза приехал забрать Сизи и застрял в Вене до тех пор, пока не найдет достаточно бензина, чтобы ехать дальше.

Потом я поехала на велосипеде в «Бристоль» за своим аккордеоном. На обратном пути на Херренгассе проклятый

аккордеон упал — как раз когда я проезжала мимо злополучного Жокейского клуба. Наклонившись за ним, я удалилась о припаркованный перед развалинами грузовик. Ощутив все тот же жуткий запах, я подняла голову и увидела, что машина нагружена неплотно завязанными мешками. Из ближайшего ко мне торчали женские ноги. На них были туфли; я заметила, что на одной нет каблука...

Геза отвез меня в госпиталь, где я застала Ситу Вреде в весьма странном настроении. Она зашла ко мне в кабинет и шепнула, что должна поделиться тем, что у нее на душе: после того как разбомбили хирургический корпус, наши раненые лежат в страшной тесноте. Раньше у нас в подвале была так называемая *Wzsserbad-Station* [ванная палата]. Это особое австрийское изобретение, которое делает чудеса. Оно заключается в том, что в ваннах, наполненных теплой водой, днем и ночью лежат раненые со спинальными травмами; их оттуда не вынимают, и они даже спят в воде. Это предотвращает истечение костного мозга из костей и уменьшает боль. Как-то я навещала там советского военнопленного; он был совсем молодой, с тяжелыми ранениями, и от боли все время кричал. Я надеялась, что ему станет легче оттого, что кто-то поговорит с ним на родном языке. И действительно, скоро он уже играл на губной гармошке и чувствовал себя хорошо. Но после того как отключилась вода, нам пришлось положить этих раненых обратно в сухие постели. Один из них, серб, страдал гангреней и распространял такой дурной запах, что его невозможно было держать в одной палате с другими ранеными. В конце концов его оставили одного в палате, где было еще восемь пустых коек. Врачи уже давно признали его состояние безнадежным, но он все держался, и для того, чтобы заполнить пустующие койки, они решили теперь — под строгим секретом — «избавить его от страданий». Сита только что узнала об этом и была страшно

расстроена. Она повела меня к нему показать, в каком он безнадежном состоянии. Мы подошли к его койке, она подняла простыню и коснулась его руки. Рука была черная, как уголь, и ее палец прошел прямо сквозь нее. Он все смотрел на нас с безмолвным вопросом. Это было ужасно!

После работы Геза заехал за мной, мы поехали на Калленберг⁹²⁶ и посидели там некоторое время, приводя в порядок свои мысли. Потом вернулись в город. Я попрощалась с Габриелой Кессельштат, которая сегодня вечером наконец уезжает. Ужинала в «Бристоле» с Владши Митровским. По дороге туда видела старика, катившего тележку с гробом. На нем была надпись «герр фон Лариш» — вероятно, тот, который погиб в Жокейском клубе. Я подъехала к нему на велосипеде и, уже собравшись было потянуть его за рукав, сообразила вдруг, что я хочу его спросить... где он достал гроб!

Дворец Вильчеков тоже понемногу пустеет: родители Сизи и Рене (жена Ханзи) уехали десять дней назад. Остаются пока дядя Кари, Ханзи, сама Сизи, Геза, братья Таксис (их дворец разбомбило две недели назад) и я.

Русские перешли австрийскую границу и быстро приближаются. Немцы, говорят, едва сопротивляются.

Среда, 28 марта. Сита Вреде настаивает, чтобы я поговорила с д-ром Тиммом, главным врачом, и объяснила ему, что я «белая русская» и было бы плохо, если бы Красная армия меня здесь застала. Сегодня я так и сделала. Он ответил, что он астролог-любитель и что по его вычислениям фюрер проживет еще десять лет. Следовательно — война еще не проиграна! После этого, распаляя себя, он завопил, чтобы я не распространяла тут панику, что он может велеть арестовать меня за пораженчество и так далее.

Я вышла, твердо решив больше не поднимать этого вопроса, а как только настанет время, просто уехать любым доступным способом. Но дело даже не во мне; невероятно,

что до сих пор никто не готовится эвакуировать раненых и персонал. А ведь русские уже дошли до Винер-Нойштадта⁹²⁷, а это практически пригород.

Домой меня опять отвез Геза Пеячевич.

Четверг, 29 марта. Сита Вреде вышла на тропу войны. Сегодня она имела бурный разговор с главным врачом и потребовала перевода в Байрейт. На что он ответил угрозой отправить нас всех на фронт, «если в рядах будет продолжаться поражение».

Сегодня вечером я спокойно работала у себя в кабинете, как вдруг Сита ворвалась с новостью: только что пришло распоряжение из люфтвау немедленно эвакуировать весь госпиталь — раненых, персонал и оборудование в Тироль.

Геза Пеячевич отвез меня домой, и я попыталась отправить родным телеграммы, чтобы наконец-то успокоить их; но телеграммы не принимаются. Поезда не ходят. Весь город охвачен паникой.

Пятница, 30 марта. Провела все утро на работе, упаковывая то, что мне кажется важным, и завершая разные наиболее неотложные дела. Нам придется сжечь все, что не является абсолютно необходимым. Этому я даже рада, поскольку значительная часть этих бумаг — сплошной бюрократизм. Но многие раненые нуждаются в помощи и совете, так что я была занята весь день.

В 4 часа дня старшая сестра сказала мне, что мы обязаны быть на месте сегодня же вечером к девяти, когда будет уезжать первая группа раненых и персонала. Сита Вреде и я в этой первой группе. Геза Пеячевич и я бросились в «Захер» предупредить Ситу, у которой сегодня выходной, но не нашли ее. Мы оставили ей записку, и я помчалась домой собрать вещи.

Собственно, Геза не верит, что госпиталь действительно эвакуируется, и уговаривает меня бежать вместе с ним,

Сизи Вильчек и Ситой. Но сначала он должен получить разрешение на выезд на своем автомобиле, а нам необходимо получить разрешение госпиталя на самостоятельный отъезд, иначе нас могут счесть дезертирами.

Бальдур фон Ширах⁹²⁸, здешний гауляйтер, в прошлом глава гитлерюгенда, обклеил стены города плакатами, провозглашающими, что Вена будет превращена в крепость и станет сражаться до последнего человека.

С ранней юности энтузиаст нацизма (несмотря на американское происхождение его матери)⁹²⁹, Бальдур фон Ширах (1907–1974) возглавлял гитлерюгенд с 1931 по 1940 г., когда его назначили в Вену гауляйтером (т. е. губернатором). Хотя с течением времени даже его вера в Гитлера выдохлась, он все же приложил руку к истреблению евреев и, после фиаско 20 июля, к преследованию участников антинацистского Сопротивления.

Возле отеля «Захер» я встретила Нору Фугтер, дочь Польди. Она была в слезах, так как грузовик, на котором она должна была уехать, не явился.

Сита и я отправились в госпиталь, взяв с собой все, что могли унести. Там мы обнаружили полную неразбериху. Никто пока не уехал; более того, никто не знал, уедем ли мы вообще или нет. Сита поговорила со старшей сестрой, и в конце концов мы получили свои *Marschbefehle* [путевые предписания]. Мы можем уехать из Вены каким угодно транспортом, но обязаны прибыть в базовый госпиталь люфтваффе в Шварцах-Санкт-Файте (это в Тироле) к 10 апреля. Таким образом, на дорогу нам дается ровно десять дней. Началось всеобщее *saive-qui-peut* [спасайся кто может]. Наткнулась на профессора Хеглера, он сказал, что остается, так как у него есть раненые, которых нельзя перевозить из-за тяжелого состояния. Так настроены и многие другие

врачи. Сейчас они совещаются и, как сообщают шепотом, даже обсуждают возможность сделать инъекции безнадежным, с тем чтобы они не попали в руки русских!

Вскоре после освобождения Праги старшего брата Лоремари Шёнбург⁹³⁰, раненого офицера, лежавшего там в госпитале, вытащат из постели и недрогнувшей рукой убьют. В общей сложности Лоремари потеряла в войну пятерых братьев⁹³¹.

Суббота, 31 марта. Сита Вреде вернулась в госпиталь посмотреть, что там происходит. Часть раненых и самые молодые сестры уже уехали. Остальные удивились, что мы все еще здесь.

В полдень — *cour de théâtre* [неожиданный поворот дела]: венгерским автомобилям не разрешается покидать Вену, а те, которые попытаются, подлежат конфискации. А у Гезы Пеячевича будапештский номер! Несмотря на этот удар, он все ищет горячее. Я тем временем обхожу знакомых и прощаюсь. Петер Хабиг выразил удивление по поводу того, что все так стремятся уехать; сам он остается; но он пожилой человек и немногим рискует; кроме того, он считает, что все будет тянуться и дальше, как в Берлине. Я не согласна. Берлинцы — это берлинцы, а венцы — это венцы! Совсем другой народ. Возле продырявленного купола Оперы наткнулась на Волли Зайбея. Он был в котелке и помахивал зонтиком — зрелище смелое, но совершенно не вяжущееся с обстановкой. Ну что ж, он известный венский щеголь. *«C'est épouvantable, mais que faire? Je reste!»* [«Это ужасно, но что делать? Я остаюсь!»]

Закончили упаковку багажа. Сизи Вильчек все упаковывала и распаковывала свой единственный рюкзак. Пришли Ласло Сапари⁹³² и Эрвайн Шёнборн⁹³³ помочь нам запихать то, что всегда запихивают в последний момент. Оба только что выбрались из дворца Шёнборн⁹³⁴, во двор которого угодила бомба, прежде чем они успели добежать

до подвала. Здание сильно пострадало, и сейчас они выискивают в развалинах охотничьи трофеи Эрвайна; у него было много слоновых бивней, отделанных серебром, а также два чучела орангутанов; скорее всего, все это погибло. Ласло хочет попробовать вернуться к себе в имение, но в том направлении уже слышна стрельба. Русские уже около Баден бай Вин⁹³⁵.

Геза в своей стихии: у него назначено три встречи в разных местах в одно и то же время, а пока он ведет переговоры в разбомбленных подвалах с сомнительными типами, которые предлагают ему бензин за американские доллары по несусветной цене, — короче говоря, он лихорадочно наслаждается жизнью, а мы, три женщины, горестно сидим на своих узлах и ждем чуда.

Я отвела его в отель «Империял», где Сандро Зольмс (чиновник Министерства иностранных дел) повелевает судьбой марионеточных правительств Румынии, Болгарии и т. п., которые он эвакуирует в окрестности Зальцбурга. Мы не рискнули признаться ему в том, что Гезу вышвырнули с его собственной дипломатической службы, и предъявили Сандро его хорватский дипломатический паспорт, дабы оправдать наличие венгерского номера на его машине. Бедный Сандро сказал, что, поскольку Бальдур фон Ширах взял на себя всю полноту власти, он ничего не может поделать, и посоветовал нам пойти в Бальхаусплац⁹³⁶ — знаменитый дворец бывших канцлеров Австрийской империи, где сейчас располагается штаб Шираха.

Геза бесстрашно направился в это логово зверя, а я ждала его в машине. Его не было очень долго. Меня подмывало пойти за ним, но я не решалась оставить автомобиль из опасения, что его конфискуют. В конце концов он возвратился. Он ничего не добился и теперь винил себя в том, что мы до сих пор в Вене. Подчиненные Шираха, сказал он, были вежливы, но тверды: господин гауляйтер все подписывает сам, а сейчас его нет в городе. Приходите завтра!

В доме Вильчеков все в крайнем смятении. Казармы Ханзи приведены в состояние полной боевой готовности, мимо домика швейцара снуют живописнейшая толпа: Анни Тун с ведрами воды, Эрвайн Шёнборн с лестницей (он все надеется выкопать своих орангутанов!), Фрици Гогенлоэ с черной косматой бородой и увешанной медалями грудью — он только что из Силезии, и от его рассказов волосы встают дыбом: о том, как советские поступают там с женщинами (массовое изнасилование, множество бессмысленных убийств и т. п.). Наших мужчин, начиная с дяди Кари Вильчека, это приводит в неистовство. Мы с Сизи решили, что если Геза до завтра ничего не придумает, мы отправимся пешком, иначе дядя Кари может надеться глупостей и попасть в беду.

В конце войны около 10 миллионов немцев бежали или были изгнаны из своих жилищ в Восточной и Центральной Европе. Из них более полумиллиона погибло; многие женщины подверглись изнасилованию.

Обедала с Францлом Таксисом; мы ели огромные шницели, купленные на последние мясные карточки, что мне прислала Татьяна, и поджаренные на спиртовке — очень жирные, но изумительно вкусные, — и запивали их даже слишком изысканными для такого жаркого винами, которые Францл спас из подвала разбомбленного дворца Турн-и-Таксисов⁹³⁷; но жалко оставлять их захватчикам. Брат Францла Вилли, судя по всему, вступил в какое-то австрийское подпольное Сопротивление и носится повсюду с таинственным видом.

Речь идет о так называемом «05», военной организации, координировавшей действия различных подпольных антинацистских групп. По окончании войны ее члены играли ведущую

*роль в восстановлении демократического австрийского государства*⁹³⁸.

Сегодня вечером Францл устроил настоящий прощальный ужин. Теперь к нам присоединился шурин Гезы Капестан (что за имя!) Адамович⁹³⁹, который только что бежал из Хорватии со своей женой и многочисленной детворой и все ждет, что Геза отправит его дальше на запад. Двоюродная сестра Сизи Вильчек, Джина Лихтенштейн⁹⁴⁰ (жена правящего князя), послала ей специальный напиток, укрепляющий нервы; мы пили из бутылки по очереди большими глотками, и она быстро опустела. Я непрерывно варила кофе на своей спиртовке, и пошла в ход последняя бутылка коньяка «Наполеон» Пауля Меттерниха.

Каталин Кински⁹⁴¹ со своими двумя дочерьми⁹⁴² и Фредди Паллавичини⁹⁴³ находятся в том же положении, что и Геза, из-за венгерских номеров на своих автомобилях. Гига Берхтольд приехал на автомобиле, нагруженном съестными припасами; его остановили гестаповцы, которые все забрали, конфисковали машину и объявили ему, что он может продолжать свой путь пешком. В свое время он был знаменитым покорителем женских сердец. Как и Пали Пальфи⁹⁴⁴, который тоже тут застрял.

До сих пор большинство из них прожили военные годы, как в «доброе старое время»: обитали в своих огромных поместьях, не зная трудностей и лишений, не говоря уже об опасности, в стране, где магазины до самого недавнего времени ломились от товаров (Будапешт был настоящей Меккой для всей оккупированной немцами Европы), часто не зная — и не желая знать, — за что, собственно, кто-то там воюет. А теперь, практически за день-другой, весь их мир рухнул, и русские заняли их родину, сметая все на своем пути. С продвижением советских армий постепенно меняется национальность беженцев —

последняя волна была из района Братиславы по ту сторону Дуная.

Русские вступили в Данциг, откуда все началось⁹⁴⁵.

Воскресенье, 1 апреля. Западная Пасха.

Ходила в собор Св. Стефана и сказала себе: увижу ли я его еще когда-нибудь? Особенно ту Богородицу в правой часовне, которую так любит Татьяна⁹⁴⁶. Потом зашла помолиться в маленькую церковь Св. Антония Падуанского на Кернтнерштрассе⁹⁴⁷.

Тем временем Геза Пеячевич опять ходил в Бальхаусплац, и опять ему сказали, что Бальдура фон Шираха нет в городе. После чего Сита Вреде взяла дело в свои руки — как всегда. Заявив, что она точно знает, где он находится — пересиживает события в специальном убежище, построенном для него на горе Каленберг, — она добавила, что знакома с Висхофером⁹⁴⁸, его личным адъютантом, и попросит его. Она уехала с Гезой, а Сизи Вреде, Мели Кевенхюллер и я в чрезвычайном волнении пообедали отвратительными бутербродами в кафе неподалеку.

Мели все еще хладнокровно рассчитывает выскользнуть из Вены в последнюю минуту на своей телеге с конной тягой. Мы поговорили о молодых людях — наших здешних знакомых, большая часть которых, похоже, просто испарились, даже не попрощавшись, не говоря уже о том, чтобы предложить нам помочь. Может быть, и не надо их винить, они ведь, наверное, в большей опасности, чем мы, девушки. Тем не менее нам все-таки представляется, что «слабому полу» не предоставляют той защиты, на которую мы вправе рассчитывать. И здесь бросается в глаза разница между старшим и младшим поколениями! Если бы не Геза, который всех нас так поддерживает, мы оказались бы вынуждены полагаться только на самих себя.

В городе, словно грибы, за одну ночь повсюду появляются истерические прокламации Бальдура фон Шираха. Он

напирает на необходимость защищать «страну наших предков» от этой «новейшей орды варваров»; все время всплывает имя Яна Собеского⁹⁴⁹, победившего турок в XVII столетии.

Сита и Геза вернулись. На этот раз в машине сидел Геза, а Сита отправилась в святая святых. Отстранив всех нижестоящих, она ворвалась к самому Висхоферу, адъютанту Бальдура, — все-таки весьма странные дружеские связи сестер Вреде порой приносят пользу! — и вскоре была допущена к Бальдуру. Сославшись на свое знакомство с Генрихом Хофманом⁹⁵⁰ (придворным фотографом Гитлера и к тому же тестем Бальдура), она попросила его выдать специальное разрешение, на основании которого Геза мог бы уехать из Вены. Сначала Бальдур как будто бы готов был это сделать, но затем позвонил кому-то по телефону, и его тон резко изменился: «Мне только что сообщили, что граф Печевич больше не является хорватским дипломатом!» Сита сказала, что ей об этом ничего не известно, и объяснила, что он везет с собой трех медсестер, обязанных воссоединиться с уже эвакуированным госпиталем, в котором они служат. На что Бальдур ответил, что ничего не может сделать, что в крайнем случае Геза мог бы выехать с дипломатической колонной, с которой эвакуируются другие работники его посольства, или же он мог бы просто остаться в Вене. И всё! Вернувшись к нам, Сита всплакнула по поводу Висхофера (адъютанта), который, по ее словам, сказал ей на прощание: «Мы больше никогда не увидимся. Здесь стоим, здесь мы и погибнем!» Я в этом сильно сомневаюсь: думаю, что все они в последний момент драпанут.

Когда Вена была занята русскими, Бальдур фон Ширах действительно бежал на Запад⁹⁵¹, где без труда нашел работу у американцев. Однако по прошествии некоторого времени он сдался союзным властям. Его судили в Нюрнберге и приговорили к двадцати годам тюремного заключения за преступления

против человечества. На суде он был одним из тех немногих, кто признал себя виновным, усматривая свою вину в том, что привил поколению молодых немцев веру в человека, который оказался вдохновителем и организатором массовых убийств.

Геза, разумеется, не может присоединиться к своим бывшим коллегам, так как он не выносит их, а они — его. В конечном итоге мы, девушки, решили уехать одни, чтобы предоставить Гезе свободу действий. Наверное, ему будет проще без трех женщин, о которых надо заботиться. Францл Таксис (один из немногих остающихся «преданных») был отправлен на вокзал узнать о поездках. Он вернулся с известием, что на большей части дорог движение прекращено, но мы пока еще можем попытаться воспользоваться линией Донауфербан⁹⁵² — местной линией, проходящей вдоль Дуная и обслуживающей все виноградарские деревушки между Веной и Линцем. Следующий поезд отходил в четыре часа утра.

Ситу отправили домой в «Захер» поспать; Сизи удалилась в комнату брата Ханзи; а мы с Гезой варили кофе. Никто не раздевался. Геза сказал мне, что он вошел в стовор с тремя сомнительными эсэсовцами в небольших чинах, которые обещали ему достать фальшивые документы на новые номерные знаки, если он согласится вывезти их из Вены. Итак, крысы бегут с тонущего корабля! Эта идея ему тем более нравится, поскольку у него нет выбора. Что ж, в нынешнем хаосе это, пожалуй, имеет смысл.

Мы попрощались с обитателями Херренгассе. Бедный дядя Кари Вильчек выглядел очень грустным; кто знает, когда мы его теперь увидим и увидим ли вообще. Потом Геза отвез Сизи и меня на вокзал Франца Йосифа⁹⁵³, по дороге мы забрали Ситу. Весь свой тяжелый багаж мы оставили в Вене, в том числе и наши меховые шубки; Геза обещал вывезти все, что сможет. Если не сможет, *tant pis!* [бог с ними!]

ДОРФ-АН-ДЕР-ЭНС. Вторник, 3 апреля. На вокзале был строгий контроль, просто так никого не пропускали. К счастью, мы едем легально — на что мы уже и не надеялись — с заверенными печатью путевыми предписаниями. Мое гласило: «Медсестра немецкого Красного Креста Мария Васильчикова командируется в Шварцах-Санкт-Файт⁹⁵⁴ в распоряжение передового отряда госпиталя люфтваффе 4/XVII»; далее говорилось, что любое передвижение в ином направлении может рассматриваться как дезертирство.

Поезд, естественно, был переполнен, так что мы с Сизи Вильчек втиснулись в один вагон, а Сита Вреде — в другой. Выехали мы строго по расписанию, сильно беспокоясь за Гезу Пеячевича. Поезд едва тащился. Ничего съестного у нас с собой не было, мы скоро проголодались. Около полудня, вскоре после Кремса, появились первые вражеские самолеты. Они проявили к нам некоторый интерес. Мы въехали в туннель и оставались там в течение шести часов, пока бомбардировщики пытались сровнять Креме с землей.

Поезд, на котором они уехали, был последним поездом из Вены, так как этот налет перерезал все еще остававшиеся железнодорожные пути.

Помимо рюкзака и разных сумок, Сизи прижимает к груди пакет размером с коробку для обуви. Там несколько миллионов марок и столько же чешских крон — все наличные деньги семейства Вильчек. Их следует передать ее родителям в Каринтии⁹⁵⁵. Представляю, сколько тревог это маленькое состояние доставит нам в дороге.

Так как в туннеле мы начали задыхаться, мы вышли и стали бродить около туннельного выезда. Над нами пролетало множество бомбардировщиков, направляющихся к Вене. Когда мы снова тронулись в путь, было уже темно. Поезд все время останавливался, и каждый раз Сизи

выходила из вагона и ложилась на землю рядом с рельсами. Мы страдали от тесноты и очень устали. К этому времени Сита уже ехала в нашем вагоне, вытянувшись в полный рост на полу под одной из лавок. На Херренгассе, перед самым отъездом, она собрала все, что Сизи выбросила за ненадобностью: старые туфли на пробковой подошве, термосы без крышек, фальшивые драгоценности, — и все это сейчас едет с нами, ибо, как она говорит, «как знать: а вдруг...».

В два часа ночи рядом с нами остановился товарный поезд. Сизи пошла на разведку. Она выяснила, что этот поезд отправится раньше нашего, и мы решили на него пересестъ. Мы слезли, забыли пакет с деньгами, вернулись за ним и взобрались на товарный поезд, состоявший из открытых платформ, набитых людьми, закутанными в одеяла; это оказались беженцы из Венгрии. На одного из них Сита по ошибке уселась, и кто-то закричал: «Vorsicht! Frisch operiert!» [«Осторожно! Его только что оперировали!»] Теперь мы снова были в пути. Стояла чудесная лунная ночь, только очень холодная. А потом над Дунаем вошло солнце. Довольно долго мы стояли в Швертберге, где находится родовое гнездо Хойосов⁹⁵⁶ — родных Мелани Бисмарк. Тут мы узнали, что поезд, с которого мы сошли, быстро нагоняет нас и в конце концов обгонит. Сита, онемевшая от негодования, пристала к начальнику станции, показала ему наши путевые предписания и потребовала, чтобы нас отправили в первую очередь. Он только тупо смотрел на нее. Тогда она стала обрабатывать машиниста, предложила ему сигареты — столь же безуспешно. Наш прежний поезд, пыхтя, въехал на станцию и со скрежетом остановился. Мы в мгновение ока вскочили в него снова и вскоре доехали до Санкт-Валентина на реке Энс — это конечная станция этой линии.

В Санкт-Валентине мы по разбитым путям перебрались на другой поезд, который довез нас до Дорф-ан-дер-Энс (где находится имение Жози Розенфельд) к девяти часам утра. К этому времени мы были в дороге уже сутки и с самого отъезда ничего не ели. Дом Жози расположен в получасе ходьбы от станции. Мы поплелись туда, едва держась на ногах от голода, и ввалились к ней со всеми своими рюкзаками, сумками, пакетом с деньгами... Воображаю зрелище!

Жози немедленно занялась нами. Сначала мы позавтракали. Потом приняли ванну. Через два часа мы уже снова выглядели цивилизованными. Дом — как и многие усадьбы в этих местах — построен вокруг открытого, окруженного аркадой двора, и атмосфера здесь очень *fin de siècle* [конца века] и живописная. Жози живет здесь с матерью⁹⁵⁷ и двумя незамужними тетусками — добродушными, но суетливыми старушками, которые смотрят на нас с ужасом. Но она не собирается оставаться здесь при русских и уже лихорадочно упаковывает вещи. Тетуски отказываются трогаться с места, и к тому же ситуация осложняется присутствием двоих детей Гогенбергов⁹⁵⁸, восьми лет и одного года, с их няней. Их отец, князь Эрнст⁹⁵⁹, второй сын эрцгерцога австрийского Франца-Фердинанда⁹⁶⁰ (с убийства которого в Сараево началась Первая мировая война), был одним из первых австрийцев, интернированных в Дахау после аншлюса. Мать их англичанка. Родители остались в Вене, где князь надеется в будущем принести Австрии пользу.

Мы приклеились к радиоприемнику, но о Вене ничего нового не сообщают. Кроме того, мы помогаем Жози упаковывать огромное количество довольно уродливого серебра в корзины для белья. Затем с помощью нескольких дружелюбных французских военнопленных, которые работают здесь в качестве батраков, мы прячем их в цементные трубы и закапываем в саду. После этого французы — все

они типичные южане — заходят вместе с нами в дом выпить стаканчик вина. Все это делается при свечах, чтобы не возбудить подозрения у соседей. Разумеется, много шепота и смеха, но работа тяжелая.

Французские военнопленные использовались в сельском хозяйстве по всей Германии и Австрии и почти всегда проявляли дружелюбие, усердие и находчивость. Когда война закончилась и их освободили, они часто предлагали покровительство всем, кто в нем нуждался, и нередко охраняли своих бывших работодателей, когда те спасались бегством на Запад. Так было, в частности, с Паулем и Татьяной Меттерних. Каковы бы ни были их политические позиции (а среди них было немало с так называемыми «прогрессивными» взглядами), большинство предпочло дойти пешком до Франции, чем дожидаться прихода своих восточноевропейских «освободителей».

Среда, 4 апреля. Гезы Пеячевича все еще нет. Мы решили подождать его еще сутки. Если не дождемся, отправимся в Гмунден одни.

Г М У Н Д Е Н. Четверг, 5 апреля. Встали в четыре утра и ушли еще затемно. Некоторое время с нами шла Жози Розенфельд, она надеялась отыскать в близлежащем Штайре парикмахерскую. Наткнулись на двоих пьяных солдат; они шли пешком от самой венгерской границы, и до сих пор их ни разу не задержали. Что показывает, в каком состоянии находится сейчас немецкая армия вообще.

К десяти утра были в Линце. Район вокзала представлял собой сплошные развалины, среди которых толпились люди. Картина удручающая. Гитлер мечтал превратить Линц в крупный центр искусств⁹⁶¹. Насколько мы могли видеть, немного теперь от него осталось.

Поскольку поезд на Атнанг-Пуххайм (следующий пункт нашего маршрута) отходил только в два часа дня, а оставить

вещи было негде, то мы гуськом зашагали в город, таща за собой барахло. Было очень жарко. Сита Вреде тащилась сзади, навьюченная своими разными корзиночками. Мы умоляли ее выбросить все это, но она ни за что не соглашалась.

Наконец мы отыскали маленькую неповрежденную гостиницу, где нам позволили умыться и отдохнуть. Потом мы пустились на поиски почты, чтобы послать телеграммы родным. Безуспешно. Я попыталась найти мясную лавку и вскоре, очень гордая, вернулась с полуфунтом колбасы. Однако и Сизи, и Сита были уверены, что она сделана из конины или, хуже того, из собачьего мяса, и не стали к ней прикасаться. Мы отдали ее официантке, та страшно обрадовалась. Подкрепившись жидким супом, Сизи и я пошли в парк и сели на скамейку погреться на солнце. Нас окружали воронки от бомб. Завыли сирены. Мы зашли в гостиницу за Ситой и нашим багажом и помчались обратно на станцию. Что бы ни случилось, мы не хотели застрять в Линце, а для этого следовало избегать убежищ.

На станции стоял гвалт. Люди явно не знали, куда идти и что делать. Сизи заметила на другом пути поезд, разводивший пары и отправлявшийся, судя по всему, как раз туда, куда нам было нужно. Мы забрались в вагон и стали ждать развития событий. Нам повезло: вместо того чтобы отправиться по расписанию, поезд отошел тут же, чтобы не попасть под надвигающийся налет.

Атнанг-Пуххайм — важный железнодорожный узел, где останавливаются поезда на Гмунден и Зальцбург. Мы сошли и направились в деревню. Она состояла из одной улицы. Нас накормили супом на раздаточном пункте Красного Креста, который занял тут все гостиницы. Нам сказали, что сюда поступают целые потоки раненых. Мы были приятно удивлены при виде хорошеньких загорелых медсестер, бодрых и приветливых. Война здесь, казалось, далеко-далеко. На почте даже приняли мою телеграмму на

имя Мамá; вот только не знаю, дойдет ли она. Татьяна в Гамбурге, это уж чересчур далеко, туда не дойдет ничего, не стоит и пробовать.

В пять вечера мы сели на поезд, идущий на Гмунден; там Сизи и я сошли, а Сита поехала дальше, в Альтмюнстер. На будущей неделе мы воссоединимся и отправимся в Шварцах-Санкт-Файт.

Наше первое впечатление от Гмундена было не самое благоприятное. Нам пришлось долго ждать трамвая; впрочем, мы давно привыкли ко всем этим нескончаемым задержкам. На трамвае мы доехали до рыночной площади перед главной гостиницей города — отелем «Шван»⁹⁶², неподалеку от озера. Здесь тоже большая суматоха: все время прибывают грузовики, полные беженцев из Вены. Деваться им некуда, их просто сгружают, и они сидят повсюду на своих узлах. Среди них я узнала одного испанского дипломата.

Мы поднялись пешком на крутой холм, где расположена Кёнигинвилла⁹⁶³. Построена она была дядей королевы Виктории, герцогом Камберлендским⁹⁶⁴, а сейчас принадлежит незамужней тетке Кристиана Ганноверского — принцессе Ольге⁹⁶⁵. Вилла выглядела безлюдной. Я прошла в конюшню, пытаюсь кого-нибудь найти, а Сизи преградил дорогу большой волкодав, который начал с бешеным лаем кружиться вокруг нее. Поблизости висело несколько табличек «Злая собака», и мы порядком напугались. В конце концов нас впустила беженка — жена немецкого полковника, живущая здесь с двумя детьми. Позвали фрейлейн Шнайдер, типичную старомодную горничную, в пенсне и с высокой прической, она повела нас наверх и разместила в спальне. Спальня маленькая, с узкой кроватью и шезлонгом. Мы бросили жребий, кому где спать. Фрейлейн Шнайдер расстроилась, так как, хотя Кристиан и велел ей ожидать нас, она не знала точной даты нашего приезда и не смогла устроить нас более комфортабельно. Но мы

так благодарны Кристиану хотя бы за это, что и не думаем жаловаться.

Жена полковника пригласила нас на ужин. Она очень любезна. Потом мы предались несравненной роскоши — принимали ванну в ванной комнате, с пола до потолка отделанной семейными фотографиями европейских царствующих домов Викторианской эры.

Внезапно мы услышали гудок. Это был Геза Пеячевич! Он приехал со своим шурином Капестаном Адамовичем. Оказалось, что они не только живы и здоровы, но даже привезли с собой весь наш багаж, пальто и прочее. Но это еще не все. Геза где-то раздобыл трейлер, он прицепил его к своей машине и нагрузил его брошенным имуществом многих других наших друзей. Поразительно, как многого может добиться решительный и смелый человек даже в такое время, как нынешнее! Пришлось оставить только мой розовый аккордеон и один из чемоданов Сизи.

Мы настаивали, чтобы они переночевали здесь, но где? Дом очень большой, но все комнаты забиты мебелью из расположенного рядом замка, где теперь госпиталь. В конце концов мы, девушки, обе разместились на узенькой кровати, Геза устроился в шезлонге, а Капестан лег спать на импровизированном диване в ванной комнате. Но сначала мы попросили их рассказать, что произошло в Вене после нашего отъезда.

События там развивались, оказывается, настолько быстро, что Ханзи, брат Сизи, выступил со своим полком в Амштеттен⁹⁶⁶ в тот же день, когда мы уехали. Геза и Капестан уехали на следующее утро, вместе с тремя дезертирами-эсэсовцами, которые достали бензин, документы и номерные знаки. В обмен на это Геза взялся вывезти заодно и весь их багаж. К нашему изумлению, один из эсэсовцев оказался нашим приятелем: заместитель администратора отеля «Бристоль» г-н Руш. Он слишком симпатичный

человек, чтобы быть эсэсовцем, и я подозреваю, что он тоже путешествует с фальшивыми документами — чтобы выбраться. Что касается документов Гезы, то они удостоверяют, что он путешествует по секретному заданию гестапо! Они действительны на месяц и позволяют ему свободно передвигаться по всем окрестностям Зальцбурга. Предполагалось, что он передаст свою машину трем эсэсовцам в Санкт-Гильгене, но он не собирается этого делать, так как считает, что и без того сделал для них предостаточно. Пока что он высадил их в Линце.

БАД АУСЗЕЕ⁹⁶⁷. Пятница, 6 апреля. Мы разгрузили машину, и мужчины поехали к Эльцам в Бад Аусзее, где их ждали жена Гезы Пеячевича Али (это сестра Сизи Вильчек⁹⁶⁸) и двое их детей, а также жена Капестана Адамовича Стефф⁹⁶⁹ и четверо их детей⁹⁷⁰. Мы собираемся к ним туда в субботу на уик-энд.

Но сначала нужно было получить официальное разрешение на проживание в Кенигинвилле. Нацистский крайслейтер Гмундена⁹⁷¹ был весьма нелюбезен, зато бургомистр оказался приличным человеком⁹⁷², и, услышав наши имена (которые ему упоминал Кристиан Ганноверский), он сразу же разрешил нам жить там, где мы поселились. Кристиан поговорил также и с садовником, и тот позволил нам брать себе любые имеющиеся в хозяйстве овощи и фрукты, так что с голоду мы, видимо, не умрем. Сизи затаилась, так как в здешнем гмунденском госпитале, к которому она прикомандирована, пока не знают о ее прибытии. Мы пообедали в отеле «Шван», где один человек, только что приехавший из Вены, рассказал нам, что уже вчера советские вешали членов нацистской партии на деревьях в венском предместье Флоридсдорф⁹⁷³.

После обеда мы поехали на поезде в Бад Ишль и навестили Штарембергов⁹⁷⁴. Геза заехал за нами, и мы отправились в Бад Аусзее. У мамыши Эльц⁹⁷⁵ нет никаких известий

ни от кого из сыновей, но говорят, что Альберт скрывается в лесу где-то поблизости⁹⁷⁶.

Суббота, 7 апреля. Завтрак в семейном кругу, затем прогулка с детьми в поисках одуванчиков. Из них получается превосходный салат. Потом парикмахерская. Стефф Адамович готовит на всех нас, а это нелегко, поскольку ни у кого из нас нет продовольственных карточек.

ГМУНДЕН. Воскресенье, 8 апреля. В церкви сегодня утром было много беженцев из Вены — семейства Гогенлоэ, Пальфи и прочие. После обеда Пеячевичи отвезли Сизи Вильчек и меня обратно в Бад Ишль. На дороге нас остановила эсэсовская застава. Мгновенный страх! Геза предъявил свои фальшивые документы. Они потребовали наши. В моих документах значилось, что мне надлежит следовать в Шварцах-Санкт-Файт, а это совсем в другом направлении, и они сразу насторожились. Они стали цепляться к датам и поинтересовались, почему я до сих пор так далеко от места назначения. Я объяснила, что выехала из Вены значительно позже даты, указанной в моем предписании. В конце концов командовавший патрулем сержант сказал, что если бы он был не таким добрым, то выволок бы меня из машины и послал рыть окопы. Я разозлилась. «Полагаю, — ответила я, — что сейчас, на шестом году войны, медсестрам найдется более полезное применение». Диалог был не из приятных, и путь мы продолжали в подавленном состоянии. В Бад Ишле Сизи и я сели на поезд в Гмунден. Теперь мы собираемся день-другой отдохнуть.

Понедельник, 9 апреля. Погода прекрасная. Мы греемся на солнце, расположившись на террасе Кенигин-виллы, откуда открывается чудесный вид на озеро и горы. Сизи Вильчек должна явиться в свой госпиталь в Гмундене уже совсем скоро.

Сегодня в отеле «Шван» мы встретили Эрбахов⁹⁷⁷. Князь Эрбах был последним немецким послом в Афинах, его

жена Эржебет — сестра Каталин Кински⁹⁷⁸. Они только что бежали из Венгрии. Они рассказали, что эсэсовцы задержали Каталин в Линце и конфисковали все, что она везла с собой из самой Венгрии в надежде прокормить этим детей, пока не кончится война, — главным образом ветчину, муку и колбасу. Эрбахи могут пробыть в отеле всего одну ночь и не знают, как им быть. Нам очень неловко, что мы живем здесь так, относительно говоря, роскошно; но без разрешения Ганноверов (а они все в Германии) мы не осмеливаемся никого у себя селить.

Вторник, 10 апреля. Сизи Вильчек поговорила с главным врачом так называемого Камберлендского госпиталя⁹⁷⁹, расположенного рядом с нами; он предложил ей там работать. Это будет гораздо удобнее, ведь всего-то и надо, что пройти через парк, — но она колеблется: у них не оперируют, а она всю войну проработала в хирургии.

Среда, 11 апреля. Полковник, семья которого живет здесь над конюшней, приехал из Ламбаха повидаться со своими. Он считает, что война кончится самое позднее через две недели, и не советует мне ехать в Шварцах-Санкт-Файт. Он командир шпренгкоммандо (взрывной команды)⁹⁸⁰ и часто видится в Линце с гауляйтером Айгрубером⁹⁸¹ — фактическим королем этой части Австрии. Айгрубер — на редкость отвратительный тип, без конца разглагольствующий о «сопротивлении», «честь» и так далее.

Мы теперь узнали, что никто из наших раненых в Шварцах-Санкт-Файт не попал: добрались туда только младшие сестры и кое-кто из врачей. Но у меня на руках предписание, и, хотя я предпочла бы оставаться здесь и встретить *Zusammenbruch* [крушение] в кругу друзей, покамест разумнее подчиниться. Часть пути я проделаю с Гезой Пеячевичем на его машине.

Четверг, 12 апреля. Полковник отвез Сизи Вильчек и меня на станцию Гмунден, поскольку, несмотря на то что часть

моих вещей отправлена заранее, сумки у меня все-таки очень тяжелые. Маленький местный поезд на Санкт-Гильген был так переполнен, что мы впихнули свой багаж внутрь через окна и простояли на самой нижней ступеньке вагона, крепко держась за что только могли. Подошел кондуктор и заставил нас слезть; мы обежали поезд кругом и, как только он тронулся, взобрались на ступеньку с другой стороны. Сизи стояла одной ногой на ступеньке одного вагона, а другой — на ступеньке другого. Мы помчались вперед, умирая от страха. Спас нас какой-то военный врач, он вспрыгнул на поезд позади нас, а иначе мы непременно слетели бы с нашего ненадежного насеста, зацепившись за торчащую ветку или за стены узкого туннеля. В Санкт-Гильгене нас встречали на станции Геза и Али.

В этот день в Уорм-Спрингс (штат Джорджия) умер президент Рузвельт⁹⁸².

Пятница, 13 апреля. Дорога в Радштадт совсем истрепала нам нервы. Повсюду заставы: то армейская фельдждан-дармерия, то СС. Эсэсовцам Геза предъявлял свои фальшивые гестаповские документы, фельдждан-дармерии — свой хорватский дипломатический паспорт. Поскольку армия и СС терпеть друг друга не могут, ему приходилось глядеть во все глаза, чтобы не спутать тех и этих. Это не так легко, потому что издалека их форма практически неразличима. Нам сказали, что за Фушлем (резиденцией Риббентропа) заставы на дорогах особенно строги: несколько машин конфисковали, а ехавших на них высадили. На одной из эсэсовских застав эсэсовцы угрожающе собрались вокруг нас, но, увидев документы Гезы, дали знак проезжать со словами: «*Kolonne der Geheimen Staatspolizei*» [«колонна гестапо»] и даже сочувственно посоветовали остерегаться: одного человека, их товарища, только что застрелил

водитель, переодетый фельджандармом, и теперь они его разыскивали.

Мы добрались до Радштадта как раз вовремя: я едва успела вскочить на подножку отходящего поезда. Он уже тронулся, когда Геза бросил мне пачку продовольственных карточек. Через час я была в Шварцах-Санкт-Файте. По дороге мы проезжали через место, называемое Бишофсхофен, и меня поразила колючая проволока, натянутая по обе стороны путей. Оказалось, что это лагерь для русских или поляков; они собрались у ограды и безучастно глядели на нас⁹⁸³.

Сам Шварцах-Санкт-Файт — крохотная деревушка, зажатая со всех сторон сумрачными некрасивыми горами. Приехала я туда в шесть часов. Мне сказали, что главный врач д-р Тимм ужинает где-то в гостинице и велел явиться туда. На рыночной площади я налетела прямехонько на сестру Агнес и еще двух сестер; все трое были в прелестных «дирндлях» (баварских деревенских платьях)⁹⁸⁴. Сестра Агнес радостно завизжала, увидев меня, и выложила мне местные новости: все стоит, никакой работы не будет еще две недели, здешний госпиталь разделен на два соперничающих клана, один из которых переехал в Бад Гаштайн⁹⁸⁵...

В конце концов я отыскала д-ра Тимма, который ужинал с шестью или семью другими офицерами. Первый вопрос его был: «Где Кармен?» — он имел в виду Ситу Вреде. Потом он спросил, нашла ли я себе жилье, так как ему сесть меня негде, места нет, он может предложить мне разве что собственную кровать! Я робко заметила: может быть, мне лучше уехать и поступить в другой госпиталь? По его словам, он подумал, что Сита и я дезертировали, и сообщил о нас как о дезертирах в окружной штаб Военно-воздушных сил в Бад Ишле — при этом он выразительно подмигнул; потом добавил: «Нет, нет, я категорически настаиваю, чтобы вы работали здесь в хирургии. Мы откроем ее через

десять дней». А пока что я могу поехать обратно в Гмунден, но с тем, чтобы к этому сроку вернуться и непременно привезти Ситу. Он даже предложил одному ужинавшему с ним полковнику, едущему в Гмунден, меня подвезти. Я поспешно собрала весь свой багаж — то, что я отправила сюда заранее, и те сумки, с которыми теперь приехала, — и в восемь вечера мы тронулись в путь. Полковник, сидевший впереди меня рядом с водителем, нервничал. В горах, сказал он, сейчас везде партизаны. Мы поехали окольной дорогой через Зальцбург и попали в Гмунден только в час ночи.

Суббота, 14 апреля. Хотя я очень устала от всех этих поездок, я пошла пешком в Альтмюнстер — это около двух часов туда и обратно, — чтобы сообщить Сите Вреде хорошую новость.

Вчера русские оккупировали Вену. Говорят, что не было почти никакого сопротивления. *[В действительности битва за Вену, начавшаяся окружением города 6 апреля и продолжавшаяся менее недели, сопровождалась кровавыми и разрушительными уличными боями.]*

Гауляйтер Айгрубер возвещает по радио, что Обердонау — таково нацистское наименование провинции Верхняя Австрия — должна сражаться до последнего человека; отступать некуда; женщин и детей эвакуировать не будут даже в самой тяжелой ситуации, потому что эвакуировать их некуда. Своей риторикой он копирует Адольфа, но он хоть не пытается скрыть тяжесть положения. В порядке компенсации он обещал устроить населению специальную раздачу риса и сахара.

Воскресенье, 15 апреля. Весь день отдыхала и приводила в порядок комнату. Наконец распаковала свои вещи.

Понедельник, 16 апреля. Поскольку поезда больше не ходят (из-за отсутствия угля), поехала на велосипеде в Бад Ишль, за сорок километров, забрать шубу и рюкзак, оставленные

мной у Штарембергов. Экспедиция заняла пять часов! Местность здесь красивая. Но в одном месте у дороги опять оказался концентрационный лагерь. Вдали виднелись бараки. Лагерь был полностью огорожен колючей проволокой. Он называется Эбензее⁹⁸⁶. Никто не знает точно, какие там заключенные и сколько их, но говорят, что это один из самых страшных лагерей в Австрии, и даже когда просто проезжаешь мимо, и то становится жутко.

Концлагерь Эбензее (филиал Маутхаузена) славился суровыми условиями и высокой смертностью. При приближении 3-й армии генерала Паттона⁹⁸⁷ комендант-эссовец⁹⁸⁸ приготовился взорвать 30 тысяч остававшихся в лагере заключенных в туннеле, наполненном взрывчаткой, но охранники лагеря (в большинстве своем фольксдойче, репатриированные с Востока) отказались выполнить его приказ, и узники остались живы. Сейчас там мемориальное кладбище.

Среда, 18 апреля. Геза Пеячевич звонил из Санкт-Гильгена и сообщил, что видел кого-то, кто встретил Пауля Меттерниха в Берлине. Его наконец демобилизовали, и он ехал к себе в Кенигсварт. Мы ожидали, что это произойдет гораздо раньше, во-первых, потому, что он князь (хотя и не королевской крови), а во-вторых, потому, что мать и жена⁹⁸⁹ у него иностранки. Но похоже, что власти вспомнили об этом лишь теперь. Татьяна была с ним. Теперь мы должны молить Бога, чтобы они выбрались прежде, чем сомкнется кольцо вокруг Берлина. Бои там идут уже в предместьях⁹⁹⁰.

Четверг, 19 апреля. Мы с Сизи Вильчек изо всех сил стараемся раздобыть еду. В магазинах больше ничего не продается, гостиницы переполнены, и если там что и подают, то отвратительного качества. Так как мы обе не работаем — в госпиталях хотя бы есть столовые, — то находимся на грани голодной смерти. Тем не менее Сизи все откладывает

возвращение в свой госпиталь. Она в состоянии полного истощения, спит по многу часов подряд и выглядит очень плохо: начинают сказываться пять лет в хирургии. А ведь она такая хорошенькая, и видеть ее в таком плачевном состоянии особенно жаль.

Пятница, 20 апреля. День рождения Адольфа. Смехотворная речь Геббельса: «*Der Führer ist in uns und wir in ihm!*» [«Фюрер в нас, а мы в нем!»]⁹⁹¹ Да сколько же можно! Он добавил, что восстановить все разрушенное не будет трудно. Между тем союзники наступают со всех сторон, и воздушные тревоги следуют одна за другой. Но жена нашего полковника верит всем этим заявлениям. Она убеждена, что Германия обладает секретным оружием, которое пустят в ход в последний момент: как же иначе могли бы делаться подобные заявления? Она настаивает, чтобы мы с ней завтракали. Это очень мило с ее стороны, потому что это единственное, чем мы питаемся каждый день.

Суббота, 21 апреля. В 11 утра Сизи Вильчек позвала меня на крышу. В небе было множество самолетов. Они летели отовсюду и сверкали серебром на солнце. День был прекрасный, но он оказался трагическим для расположенного внизу Атнанг-Пуххайма⁹⁹². Мы видели, как на него дождем посыпались бомбы. Самолеты не исчезали из виду: сделав свое дело, они еще раз пролетали у нас над головами. Налет продолжался три часа. Я ни разу не видела воздушный налет с такого близкого расстояния: обычно, когда прилетали самолеты, мы уже сидели в подвалах. На этот раз я видела все. Земля буквально сотрясалась от взрывов. Это было жутко и красиво в одно и то же время.

Воскресенье, 22 апреля. Не переставая льет дождь. Мы ходили в церковь. На обратном пути нас нагнал грузовик с солдатами. Мы попросили нас подвезти, но по дороге он неожиданно свернул и направился в сторону Линца. Нам едва удалось привлечь внимание водителя и заставить его

остановиться. Некоторые из солдат имели на шее рыцарский крест. Их отправляли обратно на фронт. Они предлагали нам ветчины. Судя по всему, вчерашний налет на Атнанг-Пуххайм повлек за собой очень большое количество жертв: на станции, на боковых путях, стояло несколько поездов Красного Креста. Я подумала о всех этих хорошеньких, загорелых молодых сестрах, которые так мило отнеслись к нам, когда мы остановились там по пути из Вены — всего две недели назад! Взлетели на воздух и запасы риса и сахара, обещанные гауляйтером Айгрубером умирающему от голода населению.

Сегодня русские взяли Эгер. Это означает, что теперь и Кенигсварт в их руках. Успели ли уехать родители?

Понедельник, 23 апреля. Сизи Вильчек наконец явилась в свой госпиталь в Гмундене. Я снова ездила на велосипеде в Бад Ишль. Там за обедом в гостинице я разговорила с человеком, который покинул Вену 11-го. Он рассказывал страшные вещи о начавшихся в последний момент схватках между фольксштурмом⁹⁹³ (народным ополчением) и эсэсовцами⁹⁹⁴.

Вторник, 24 апреля. Сизи Вильчек провела день у себя в госпитале за стиркой грязных бинтов. Операции там как будто пока не делают. Сейчас у нее жар. Пытаюсь достать для нее что-нибудь поесть. Опять льет дождь.

Среда, 25 апреля. Наконец-то солнечный день. Загорали на террасе. Днем долго катались на велосипедах вокруг озера. Когда сидели на берегу, горы вокруг нас стали погромыхивать и словно бы зашатались. Мы поняли, что где-то налет, но не могли разобрать, где именно. Казалось, что бомбят совсем близко, но самолетов не было видно. Приехав домой, мы узнали, что на этот раз бомбили Берхтесгаден⁹⁹⁵ примерно в пятидесяти километрах отсюда, а хорошо слышно было потому, что в горах сильное эхо. Позже Сита Вреде сообщила нам подробности по телефону.

Берхтесгаден она назвала *der Fels* [скалой]. Там подолгу проживал Гитлер.

В тот день американские и советские войска встретились на берегах реки Эльбы, близ Торгау. Теперь нацистский рейх оказался разделенным надвое.

Четверг, 26 апреля. Сегодня утром Сита Вреде приехала нас навестить. Неподалеку снова был налет. Мы лежали *én deshabillé* [одетые по-домашнему] на террасе и наблюдали за самолетами. Вдруг один из них вернулся и стал кружить над озером. Поскольку они редко летают в одиночку, Сита подумала, что это подбитый американский бомбардировщик. Мы лениво следили за его виражами, и вдруг он начал снижаться прямо на нас. Мы вскочили на ноги и помчались в гостиную, уверенные, что он сейчас врежется в дом. Мы не успели опомниться, как он упал за нашим домом в парке. Мы ринулись туда, но когда добежали, он так пылал, что никто не решался к нему приблизиться. Нам сказали, что экипаж успел выброситься, но вряд ли им удалось сделать это за такое короткое время. Возможно, летчик пытался сесть на брюхо на лужайку и просто промахнулся. Мы долго не могли прийти в себя.

Полковник прислал солдат, которые вскапывают парк под огород. Теперь самое страшное, что нам грозит, — это повсеместный голод.

В тот день Муссолини, его любовница Клара Петаччи и ряд фашистских вождей были расстреляны итальянскими партизанами, а их тела были подвешены за ноги на главной площади Милана.

Пятница, 27 апреля. Вернувшись сегодня вечером домой, я увидела, что у дверей стоит большой серый автомобиль.

Я узнала водителя: это был шофер Юргена Гёрне, мужа Антуанетт Крой (тот самый, который жарил нашего гуся в Вене четыре месяца назад!). Юрген сказал, что он только что провел несколько дней с Антуанетт в Баварии. Он получил приказ следовать в Чехословакию, в армию фельдмаршала Шернера⁹⁹⁶, которая вот-вот попадет там в окружение; но его часть застряла в Клагенфурте⁹⁹⁷. Он явно тянет время. Мы сказали ему, как тут плохо с едой, и он обещал помочь.

Услышали по радио, что дом Бисмарков во Фридрихсру подвергся бомбардировке и разрушен и несколько человек погибли. Как хорошо, что Татьяны и Пауля Меттерниха уже там нет — но где они? Эгер и Мариенбад вроде бы в руках не у русских, а у американцев⁹⁹⁸. А где Бисмарки?

Хотя союзники продвигаются со всех сторон и продолжать войну явно нет смысла, немецкие войска в нашей части страны сохраняют в общем дисциплину и послушание.

Воскресенье, 29 апреля. Мы поселили Юргена Гёрне и его адъютанта Ауэра у нас в доме, так как им больше некуда деться. Управляющий имением Ганноверов г-н Штракке начинает нервничать по поводу всех этих постоянных приездов и отъездов, но в такое время, как сейчас, отказать нельзя: к тому же пока что все, кто останавливался в доме, лично знают братьев Ганноверских, а уж они-то, безусловно, не были бы против. Юрген считает, что мне не следует возвращаться в Шварцах-Санкт-Файт. Он полагает, что война кончится через неделю.

Погода переменилась, опять идет сильный дождь и даже шел снег. Мы ездили на велосипедах в церковь, а остальное время сидели дома. Потом приехал Геза Пеячевич — навестить Сизи Вильчек и обсудить планы на будущее. Он достал паспорта для жены и детей и везет их в Швейцарию. Он хочет, чтобы Сизи поехала с ними, но она плачет и отказывается ехать.

Я разговаривала с главным врачом Камберлендского госпиталя, что в замке. Но он может принять меня на работу только в том случае, если я буду уволена из люфтваффе начальником медицинской службы авиационного округа в Бад Ишле, так как здесь все госпитали подведомственны армии. Мы решили поехать туда вдвоем. Если мне удастся это сделать, то я на несколько дней съезжу с Гезой и Сизи в Моосхам⁹⁹⁹, где у Вильчеков замок, в котором они собираются отсидеться до конца войны. После этого я вернусь сюда на работу. Хотя Сизи и слышать не хочет о том, чтобы ехать в Швейцарию, она согласилась навестить своих родителей. Возможно, у нее не будет другого случая поехать туда на автомобиле, а в Моосхаме ее, по крайней мере, накормят. Что же касается Ситы Вреде, то она решила игнорировать все приказы и пойти работать в здешний госпиталь.

В тот день в Казерте, после тайных переговоров, продолжавшихся несколько месяцев, обергруппенфюрер СС Карл Вольф, командующий всеми немецкими вооруженными силами в Италии, сдался союзникам со всеми подчиненными ему войсками¹⁰⁰⁰.

МООСХАМ. Понедельник, 30 апреля. Отправилась в дорогу под проливным дождем. Я опять нагрузилась множеством ненужного багажа на тот случай, если мне ничего не удастся добиться в Бад Ишле и придется все-таки ехать в Шварцах-Санкт-Файт.

В Бад Ишле я лишь с большим трудом отыскала начальника медицинской службы авиационного округа, который уже отправился ужинать с группой офицеров-служивцев. К счастью, я была в униформе, и он провел меня к себе в кабинет. Я обрисовала ему положение в Шварцах-Санкт-Файте, после чего он выдал мне справку, освобождающую меня от обязательств по отношению к люфтваффе, что означало, что теперь я могу поступить на работу

в любой госпиталь по своему выбору. Он этим сразу меня очаровал.

Теперь мы все могли отправиться дальше в Моосхам. Колонну возглавлял Геза Пеячевич с Али, Сизи Вильчек и мной. За ним ехала Стефф Адамович со всеми детьми. Третий автомобиль, принадлежащий Якобу Эльцу¹⁰⁰¹, вел Капестан. Все машины были нагружены самым разнообразным багажом, включая мешки с мукой и рисом и банками консервов, захваченные с собой в разных местах во время исхода клана Пеячевичей/Адамовичей из Венгрии — и чудом уцелевшие.

Проезжая через Бад Аусзее, мы наткнулись на Дики Эльца. Это был приятный сюрприз, но он выглядел несчастным и растерянным; его единственное желание, сказал он, — вернуться к себе домой на Балканы!

Мы ехали вполне благополучно, как вдруг Капестан пропал. Мы ждали, ждали и наконец вылезли размяться. Он появился снова, и мы поехали дальше. Через шесть километров Сизи отчаянно вскрикнула: она оставила на обочине, где мы останавливались, свою сумочку со всеми документами и коробку с фамильным достоянием Вильчеков. Стефф развернулась и повезла ее обратно. Вернувшись на то место, где мы отдыхали, они обнаружили коробку, но не нашли сумочки. Проехав еще немного, они нагнали двух женщин на велосипедах. На руле одного из велосипедов болталась сумочка Сизи. Последовала неприятная стычка: женщина непременно хотела отвезти сумочку в полицию. Но в конце концов она смягчилась, и вскоре мы снова двинулись в нужном направлении.

За Радштадтом высится перевал Тауэрнпасс¹⁰⁰². Здесь шел густой снег, и наша машина застряла. Сизи и я стали ее толкать — не очень-то удобно делать это в легкой униформе в четыре часа утра. Внезапно из-за поворота появилась пара лошадей, запряженных в телегу, на которой восседала

Мели Кевенхюллер, окруженная узлами, — карикатура на беженку. Верная своему слову, она доехала сюда таким образом от самой Вены и направлялась теперь в Хохостервиц¹⁰⁰³ — свой фамильный замок в Каринтии. В конце концов мы все преодолели перевал и спустились вниз по склону, достигнув Моосхама в пять часов утра.

Замок Моосхам оказался средневековой крепостью, стены которой охватывают целую деревню. Первое впечатление, что это-то и есть край света. Мы разбудили Рене Вильчек¹⁰⁰⁴, жену Ханзи¹⁰⁰⁵, которая поспешно принялась все организовывать. Мы с Сизи спим вместе в большой кровати. Завтра осмотримся и подумаем, что делать дальше...

В тот день, 30 апреля, Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством в своем берлинском бункере.

Заметка Мисси, написанная в сентябре 1945 года:

Через несколько дней Сизи Вильчек и я вернулись в Гмунден, где нас обеих взяли на работу в госпиталь Камберленд по ту сторону нашего парка. Но гигиенические условия там были такие чудовищные, что мы почти немедленно серьезно заболели скарлатиной, заразившись, должно быть, в процессе избавления от вшей бесчисленных солдат, поступавших с Востока, что усугублялось нашим недоеданием и полной истощенностью.

Пока мы болели, до Гмундена дошла американская третья армия. Этим война для нас закончилась.

В течение всего последующего периода, само собой разумеется, я никаких записей не вела. Борьба за элементарное физическое выживание посреди хаоса и полного распада во всей Германии и Австрии в первые послевоенные месяцы поглощала все остававшиеся у нас запасы энергии и нервов, и ни на что другое не хватало сил. Лично меня, правда, поддерживала еще и необходимость во

что бы то ни стало восстановить контакт с разбросанными по свету членами семьи, о судьбе которых я абсолютно ничего не знала и которые, как я понимала, должно быть, тревожатся за меня так же сильно, как я тревожусь за них.

Американская 3-я армия генерала Паттона достигла Гмундена 4 мая, а на следующий день все немецкие войска в Баварии капитулировали. Четыре дня спустя, 8 мая, война в Европе формально закончилась¹⁰⁰⁶. Сизи Вильчек (ныне графиня Геза Андраши¹⁰⁰⁷) так описала этот период, отсутствующий в дневнике Мисси:

«Однажды к Кенигин-вилле подъехал американский джип с тремя офицерами. Поскольку ни управляющий имением, г-н Штракке, ни экономка фрейлейн Шнайдер не говорили по-английски, то в качестве переводчицы была вызвана Мисси, работавшая в госпитале Камберленд по ту сторону парка. Оба офицера явно тут же заинтересовались Мисси и под предлогом, что русские продвигаются вперед и они хотят защитить ее от них, стали уговаривать ее уехать вместе с ними. Она отказалась, заявив, что не оставит меня одну; договорились, что они вернутся через несколько дней. Пока же они запретили нам покидать дом. Через два дня они появились вновь и снова стали уговаривать теперь уже нас обеих уехать с ними. Мы отказались. После чего они снова запретили нам выходить из дома, сказав, что в противном случае нас застрелят. На этот раз мы догадались, что разговор о приближающихся русских — это чушь и что на уме у них что-то совсем другое. К счастью, мы никогда их больше не видели.

Вскоре после этого мы обе заболели скарлатиной и, погруженные на санитарную карету, непокрытую и с конной тягой, были отправлены в Гмунден, где нас разместили, двоих в одной кровати, в изоляторе той самой больницы, где я до этого работала, и мы почти совершенно не сознавали,

что происходит вокруг. В какой-то момент послышался шум многих машин, останавливающихся поблизости, рывканье команд — по-английски с американским акцентом. Потом в нашу палату ворвались солдаты в незнакомой форме цвета хаки и в касках, оцетинившись оружием; их выставил кто-то из наших врачей и сестер. Несколько дней спустя нам сказали, что война окончилась.

О времени, которое мы там провели, я помню очень мало. Смутно припоминаю, что как-то раз мы нашли поваренную книгу с изображением хлеба, молока, мяса и так далее и попытались представить себе, что мы все это пробуем. В другой раз я забралась в больничный сад и украла стакан красной смородины. Одна из монахинь поймала меня на месте преступления и стала меня отчитывать, назвала меня воровкой, а я, все прижимая к себе драгоценный стакан, поскорее юркнула к себе в палату, где мы торопливо проглотили ягоды прежде, чем кто-либо мог их отобрать. Примерно через шесть недель нас выписали — совершенно истощенными от голода.

Когда мы попали обратно на Кенигин-виллу, то обнаружили, что главный дом реквизирован американской контрразведкой, а командует контрразведчиками некто майор Кристел. Из всего последующего периода наиболее ярким моим воспоминанием является опять-таки постоянное чувство острого голода. В госпитале Камберленд (в котором Мисси, хотя и в отпуске по болезни, все еще числилась) мы получали свои пайки конины и подобных продуктов, которые нам разрешалось разогревать на американской кухне. Я до сих пор помню, какие слюнки текли у меня при виде всех тех деликатесов, что пожирали наши американские „постояльцы“. В конце концов от отчаяния мы с Мисси пошли на хитрость. Когда американцы садились обедать, мы подкрадывались к окнам столовой и начинали возиться с цветами, обрезать розы и тому подобное.

И, разумеется, почти каждый раз нас приглашали разделить с ними трапезу (а ведь в эти первые послевоенные дни любые формы „братания“ с немцами были еще официально запрещены!). И вот, проглотив сколько-то ложек арахисового масла и сколько-то чашек настоящего кофе, мы оставались сидеть в постели всю ночь, совершенно не в состоянии заснуть!

Майор Кристел оказался очень милым, вежливым и тактичным человеком. Он специально следил за тем, чтобы его постоянно меняющиеся подчиненные вели себя с нами корректно. Это было тем более необходимо — и мы это ценили, — что дом вскоре был превращен в воскресный „центр отдыха“, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мы поняли, что происходит ночью в комнатах первого этажа только тогда, когда уже собирались уезжать — демобилизовываться.

Майор Кристел особенно беспокоился за Мисси. Она рассказала ему о своих берлинских приключениях, и в частности, о событиях периода 20 июля, и он боялся, что из-за этого ее могут задержать для дальнейших допросов. К счастью, его опасения оказались необоснованными.

Однажды нас погрузили на колонну открытых грузовиков и подвод и, вместе с группой совсем молоденьких ребят в форме СС, под мощным конвоем отвезли в Мауэркирхен, где нас стали проверять. Ребятишек из СС отпустили почти сразу — было ясно, что их призвали в самые последние недели войны и впихнули в эту форму, не спросив их согласия. Нам же всем пришлось пройти через руки целой цепи следователей, располагавшихся в трех железнодорожных вагонах; они задавали нам сотни вопросов и сравнивали наши имена с объемистыми списками, чтобы удостовериться, что мы не являемся видными нацистами. Нечего и говорить, что Мисси была для них загадкой, хотя бы уже потому, что безупречно говорила по-английски,

а называла себя русской. Если это так, спрашивали они, то почему же она не в России? Выяснилось, что они никогда не слышали про белоэмигрантов! В конце концов нас выпустили из последнего по счету вагона, мазнули по каждой ноге белой краской — чтобы показать, что мы „обелены“! — и, после еще скольких-то часов ожидания, нам разрешили идти куда хотим. Для нас обеих война наконец-то действительно закончилась.

Вечером того же дня, проделав еще одно долгое путешествие, частью пешком, частью на попутных машинах, мы вернулись на Кенигин-виллу, где майор Кристел приготовил нам изумительное угощение в честь нашего возвращения домой.

Мы оставались в Гмундене еще несколько дней, навещая разных родственников и друзей, нашедших прибежище в этих местах...»

Мисси возобновила свой дневник лишь четыре месяца спустя.

БАД АУСЗЕЕ. Четверг, 23 августа. Сизи Вильчек и я покинули Гмунден окончательно.

Теперь я хочу любой ценой воссоединиться с родными в Германии, если, конечно, они успели выбраться из Кенигсварта (который теперь занят чехами).

Я оставила большую часть своего багажа у Штарембергов в Бад Ишле и поехала с Сизи в Бад Аусзее. На станции мы встретили Вильгельма Лихтенштейна (брата правящего князя)¹⁰⁰⁸, направлявшегося из Швейцарии в Штирию; он угостил нас извлеченными из чемодана ветчиной, сыром и галетами. Мы очень обрадовались, так как совсем ослабели от голода. У него было припрятано также семь маленьких бутылочек шнапса: он собирается расплачиваться ими с водителями, которые согласятся его подвезти. Между прочим, он сообщил мне, что Пауль и Татьяна

Меттерних находятся у себя в Йоханнисберге, который теперь в американской оккупационной зоне Германии. Это первое известие о них, полученное мной с апреля! Он проводил нас до Аузее и помог нести багаж.

ШТРОБЛЬ¹⁰⁰⁹. Пятница, 24 августа. Провела утро в Бад Аузее, беседа с матерью Альберта Эльца. У нее нет никаких известий от дочери Стефани Харрах¹⁰¹⁰, оставшейся в Чехословакии при русских. Дики Эльц попал в плен в самые последние дни войны и все еще находится у союзников в лагере для военнопленных на баварской границе. Говорят, что с ними там очень плохо обращаются. А ведь Дики был такой англофил! Попробую ему помочь через нашего двоюродного брата Джима Вяземского, которого наступающие русские освободили из лагеря под Дрезденом.

Поздно вечером заехали двое американцев с Кенигин-виллы — оба по имени Джим — пригласить нас в Гмунден на завтра на вечеринку. Один из них помолвлен с француженкой.

Суббота, 25 августа. Али Пеячевич¹⁰¹¹ и я собрались съездить на попутных в Санкт-Гильген посмотреть комнаты, которые там сдаются. Но попутных машин не было, и нас подвезли на телеге двое бывших немецких солдат, оставившихся у каждого попадавшегося на пути дома в безуспешных поисках сена для своих лошадей. Вскоре мы с ними распрощались. Я улеглась на обочине погреться на солнце, а Али села посреди дороги, чтобы сподручнее было останавливать проезжающий транспорт. В конце концов мы дошли пешком до Санкт-Вольфганга, и лишь там нас подобрал чей-то джип. Дорога в двенадцать километров заняла у нас три часа!

Комнаты оказались абсолютно неподходящими; мы стали думать, как будем добираться домой, но тут вдруг появились наши двое Джимов: они как раз отправились за нами, чтобы отвезти нас на вечеринку. Приехав туда,

мы увидели, что многие девушки очень нарядно одеты. Мы в наших деревенских «дирндлях» выглядели просто дуручками. Большую часть вечера разговаривала с Джимом № 1, который в скором времени отправится в Вену в штаб генерала Марка Кларка. Что касается меня, то я предполагаю поехать в Йоханнисберг во вторник.

Воскресенье, 26 августа. Днем Геза Пеячевич, Сизи Вильчек, Альфред Аппоньи¹⁰¹² и я ходили пешком за несколько километров в гости к Карлу Шёнбургу¹⁰¹³, кузену Лоремари, который живет на ферме через несколько деревень отсюда. Ферма принадлежит его брату, пропавшему в Чехословакии. Карл и сам поначалу остался при русских, но управляющий имением¹⁰¹⁴, чех, порядочный человек, уговорил его уехать, так как оставаться там становилось опасно. Теперь его тамошний замок превращен в русский госпиталь. Он угостил нас чудесным свежим молоком и шнапсом. Мы приняли и то и другое с благодарностью. Он также отсыпал нам два рюкзака картошки — отнести домой к Аппоньи. Всю дорогу Геза жаловался, что у него болят ноги: он никогда еще столько не ходил пешком. В конце концов нас подвез американский джип. К восторгу водителя, Сизи и Альфред всю дорогу распевали йодлем¹⁰¹⁵.

Понедельник, 27 августа. Мы с Сизи Вильчек спим в одной постели, головой к ногам; иногда пальцы ног одной из нас щекочут нос другой. Но с тех пор, как в госпитале, когда у нас была scarlatina, нас свалили в одну койку, нам такая позиция — «как у экипажа немецкой подлодки» — нипочем.

Ездили в Зальцбург поговорить с неким г-ном фон Лейном. С помощью австрийских властей он пытается вернуть на родину несколько сотен немецких детей-беженцев, эвакуированных в Австрию во время войны из разрушенных бомбами городов Северной Германии. Он предложил мне поступить на работу в сопроводительную службу Красного Креста. Но организационная сторона дела занимает массу

времени. Во второй половине дня зашла на чай к матери Пуки Фюрстенберг, очаровательной пожилой венгерке¹⁰¹⁶. У нее прелестный дом. Она дала мне почитать кое-какие английские книги, а также снабдила макаронами и сардинами. Это очень кстати, а то мы не зарегистрированы у здешних властей, и ни у кого нет продовольственных карточек, так что мы опять начинаем голодать. Каждый день ходим в лес за грибами, которые в основном и составляют наше меню. На днях я отправилась в лес босиком и порезала палец на ноге. Он сильно кровоточил, и Геза Пеячевич настоял на том, чтобы отсосать кровь во избежание заражения. Питаемся мы вместе с семейством Аппоньи; это чудесные люди, очень гостеприимные, но у них у самих почти ничего нет.

Вторник, 28 августа. Сегодня мы с Али Пеячевич ездили в Санкт-Вольфганг на коляске Аппоньи в надежде раздобыть какой-нибудь еды по моим гмунденским карточкам. Здесь они недействительны: Штробль находится в провинции Ланд-Зальцбург, а Гмунден — в Верхней Австрии. Нам повезло, и мы привезли с собой мой рацион на неделю — буханку черного хлеба, четверть фунта масла и половину колбасы. Что ж, пока неплохо!

Потом мы навестили Тунов, которые живут со своими тремя детьми и с матерью мужа в четырех комнатах. Они угостили нас чаем и рассказали еще целый ряд леденящих душу историй о смельчаках, бежавших с Востока. По пути домой мы останавливались у каждого сливового дерева, попадавшегося на глаза, и с помощью кучера как следует трясли его.

Владши Митровский (тоже в последний момент вырвавшийся из Вены) подарил мне банку сардин. Это очень ценный подарок, так как я совсем не готовилась к путешествию, а ехать мне, возможно, придется много дней.

Среда, 29 августа. После обеда на машине с лихтенштейнским флажком прибыли Джина Лихтенштейн (жена

правлящего князя), ее отец Фердинанд Вильчек¹⁰¹⁷ и Геза Андраши, будущий муж Сизи Вильчек — они только что помолвлены. Они привезли мне весточку от Меттернихов через Габриелу Кессельштат, которая заезжала к ним в Йоханнисберг, по дороге из Трира¹⁰¹⁸ к родным в Вадуц¹⁰¹⁹.

После ужина Джина уехала, оставив нам несколько бутылок джина, и мы с Аппоньи совсем опьянели. Фактически это был прощальный ужин, так как завтра Геза и Али Пеячевич отправляются в Альтмюнстер, а оттуда в Швейцарию, а вскоре наконец уеду и я.

Четверг, 30 августа. Али и Геза Пеячевич уехали. Комната без их вещей выглядит совсем пустой. Я тоже начала укладываться. Г-н фон Лейн дал мне последние указания. Состав с детьми, который доставит меня обратно в Германию, отходит завтра в пять часов вечера.

Г-н фон Лейн зашел с нами к Митровским, где мы выпили вина. Поскольку мой поезд пересекает всю Германию до Бремена без остановок, Кристль Митровская дала мне один бременский адрес на тот случай, если я не сумею спрыгнуть по дороге. Домой мы пошли довольно поздно, и нас задержал патруль военной полиции. Мы забыли свои документы, и нас выбрали.

Чем ближе мой отъезд, тем больше я нервничаю. Ведь я впервые возвращаюсь в Германию после того, как бежала из Берлина почти ровно год назад.

Отрывок из письма от Сизи Андраши-Вильчек, датированного 1979 годом:

«В последний раз я видела Мисси на станционной платформе в Штробле, где она садилась в поезд с детьми-беженцами, возвращавшимися в Германию. Обнимаясь на прощание, мы торжественно дали друг другу слово: долго не выходить замуж и „оставаться свободными“... Не прошло и года, как Мисси нарушила это обещание!»

Пятница, 31 августа. (Написано ретроспективно по памяти в Йоханнисберге-на-Рейне в сентябре 1945 года.)

Написала письмо Ирине в Рим. Затем, в последний раз облачившись в мою свежевыстиранную форму Красного Креста (я ведь еду в качестве медсестры), прошла по Штроблю, пообедала и в сопровождении Сизи Вильчек, Альберта Эльца и Владши Митровского направилась на станцию.

Г-н фон Лейн встречал нас в Зальцбурге. Мы добирались туда целых шесть часов, так как при переезде через пути столкнулись два американских грузовика, и понадобилось много времени, чтобы освободить дорогу.

В Зальцбурге мне велели пересест на другой поезд и ехать дальше с фюрунгштабом (руководством). Там одна симпатичная медсестра помогла мне устроиться. Было всего две свободных скамьи, так как весь вагон был загружен запасами белого хлеба, сливочного масла, колбасы и сыра, предоставленными американской армией. Это продовольственный рацион для восьмисот детей и сорока взрослых на два дня. Мы долго ждали, так как должны были прибыть еще несколько сот детей из Берхтесгадена. Наконец все заняли свои места, и поезд тронулся.

Всего вагонов сорок пять. В каждом — дети из какого-нибудь одного лагеря для беженцев, а также их учителя. Большинство ребятшек выглядят опрятными и хорошо накормленными. Они явно в восторге, что едут домой. Их эвакуировали в Австрию после того, как Бремен был разрушен, и они целый год не получали никаких известий от родных.

Наш штаб состоит из г-на фон Лейна, врача, секретарши, нас — двух медсестер — и женщины с четырехлетней девочкой, живших в доме Лейна в Штробле. Кроме того, у нас имеется американский эскорт из офицера и четырех рядовых.

Нас долго продержали на баварской границе, и в Мюнхен мы прибыли в два часа ночи. От вокзала остался только огромный железный скелет. Местный Красный Крест

приготовил для детей кофе и бутерброды, их кормят по очереди, вагон за вагоном. Спим мы плохо: очень тесно, скамейки жесткие.

Суббота, 1 сентября. Шесть лет назад началась война. Кажется, будто целая жизнь прошла.

Сегодня рано утром проезжали Аугсбург, где кое-кто из моих спутников пытался умыться из водоразборной колонки на станции. Я снова заснула. Дальше мы ехали через Нюрнберг, Бамберг и Вюрцбург. С поезда все эти города выглядят одинаково — всюду развалины, всюду разорение. В Вюрцбурге мы довольно долго стояли. Я сошла и как следует помылась. Затем мы приступили к работе над нашими съестными припасами: резали хлеб (больше восьмисот буханок), намазывали его маслом, нарезали колбасу и тому подобное. Этим мы занимались дотемна.

Всюду, где мы останавливаемся, на наш поезд пытаются сесть люди. В основном это только что демобилизованные солдаты. Теоретически ехать с нами никому не разрешается, но наш офицер-американец человек добрый и пускает их в багажный вагон. Мы привилегированные: мы специальный конвой, и нас везде пропускают первыми. Пока что я не видела других пассажирских поездов — ни одного. Все гражданские лица ездят теперь на товарных поездах. Более того, не существует расписаний. Вообще Германия представляет собой удручающее зрелище.

Мы поразмышляли над картой, прикидывая, где мне лучше сойти. Некоторые мои спутники советуют мне доехать до самого Бремена и добираться в Йоханнисберг уже оттуда. Мне было бы любопытно взглянуть на ту часть Германии (она находится под контролем британцев), но это явно окольный путь, и делать это так, ради туризма, нет никакого смысла.

Сегодня вечером мы где-то остановились и начали раздавать еду. Я встала снаружи, дети цепочкой проходили

мимо, лагерь за лагерем, и с поезда им подавали съестное. Детишки были славные и явно благодарны, особенно за белый хлеб, все время говорили *danke schön* [большое спасибо]. Когда мы закончили, подошли многие из тех посторонних, которых пустили к нам в поезд, и попросили еды для своих детей; у нас всего в избытке, так что мы накормили и их. Мы вставили свечи в кружки, и все повеселели, особенно другая сестра и секретарша, которые обе из Зальцбурга и возвращаются туда через два дня. Они поют венские песни, а все остальные подпевают. Мы снова обсуждали, как мне быть. Один из кондукторов сказал, что сходит за одну остановку до Фульды, где поезд простоит две минуты. Он посоветовал и мне: он устроил бы мне ночлег на станции, а на следующий день я села бы на поезд до Франкфурта. Что же до самой Фульды, то там делать нечего: город разрушен до основания и почти безлюден, а вокзала больше нет.

Когда до намеченной станции осталось совсем немного, мы собрались у двери вагона. У кондуктора был фонарь. Г-н фон Лейн и девушки держали наготове мой багаж. Мы проехали станцию медленно, но не остановились. Тем не менее кондуктор спрыгнул и отчаянно замахал своим фонарем машинисту, но тот, наоборот, ускорил ход. Так что мне ничего не оставалось, кроме как сойти в Фульде.

Г-н фон Лейн очень расстроился и пытался отговорить меня, но я отказалась ехать до Бремена. Тем временем остальные ушли спать, а мы все дожидались Фульды. Когда мы увидели вдали что-то похожее на город, я приготовилась прыгать, так как больше не надеялась, что поезд остановится. Он действительно не остановился, но достаточно сбавил ход, чтобы я сумела скатиться на пути. Г-н фон Лейн бросил мне вдогонку мой багаж и крикнул, что через две недели заедет в Йоханнисберг проверить, прибыла ли я благополучно.

К счастью, я упала прямо на руки железнодорожнику с большим фонарем, который тоже спрыгнул с поезда и сам направлялся в Фульду. Он понес мои вещи, и мы стали пробираться в кромешной тьме к тому, что осталось от вокзала, по искореженным путям, то и дело попадая в зияющие воронки и запутываясь в сорванных проводах. Я совсем упала духом, а перспектива просидеть всю ночь на вокзале, когда мы дойдем до Фульды, прямо-таки повергла меня в ужас. Мой ангел-хранитель ушел вперед на разведку. Внезапно я увидела огни паровоза, медленно приближавшегося ко мне. Я отчаянно замахала, и когда громада паровоза нависла надо мной, она остановилась. Я спросила машиниста, куда он едет. Он ответил: «В Ханау!» (это рядом с Франкфуртом), но добавил, что сначала должен перегнать товарный состав куда-то в другое место, и предложил мне залезть, если это меня устраивает.

Я рассудила, что кататься всю ночь на паровозе все же лучше, чем торчать на разбомбленном вокзале. Поэтому с помощью машиниста я взобралась наверх. Оказалось, что их там двое; они развесили мои сумки на крюках вокруг кабины. Тут из темноты выбежал мой первый спутник, железнодорожник, мы втянули наверх и его. Хотя на меня посыпались искры, я была рада, что попала на паровоз: около топки было тепло. Однако я с ужасом думала: во что же превратится наутро моя чистенькая униформа! Трое моих спутников были дружелюбны, но поначалу неразговорчивы. Железнодорожник сказал, что скоро сойдет, он живет тут поблизости. Он предложил мне сойти вместе с ним и дожидаться франкфуртского поезда у него дома, он угостил бы меня кофе с печеньем, «alles von den Amis» [«все от америкашек»]. Я была тронута, но отказалась, надеясь, что попаду во Франкфурт быстрее, если останусь на паровозе.

Мы помчались в темноту с головокружительной скоростью. Местность вокруг была так изуродована, что время

от времени казалось, будто рельсы впереди обрываются. Мы доехали до места под названием Эльм, там они остановились и отцепили товарные вагоны. Потом оба машиниста куда-то исчезли, а я задремала на табуретке перед топкой. Вскоре они вернулись, очень сердитые. Хотя перед этим они проработали двадцать часов подряд, начальство потребовало, чтобы они до возвращения в Ханау перегнали еще один товарный состав отсюда до Вюрцбурга, который мы проезжали десятью часами ранее. Я чуть не расплакалась! Тогда главный машинист, высокий, дородный мужчина, сказал, что он обещал отвезти меня в Ханау, а раз обещал, значит, ничто не заставит его ехать куда бы то ни было еще. Сначала они попытались было выскользнуть со станции потихоньку, но оказалось, что стрелки предусмотрительно переведены. Тогда они решили проволынить всю ночь. Если кто-нибудь появится, мне нельзя высываться, а то заметят — будут неприятности. Я попыталась определить по карте, где мы находимся, но ничего не разглядела. Вот уж воистину «ничейная земля»! Я слезла с паровоза и зашагала к вокзалу, делая вид, что возникла ниоткуда. Там мне сообщили, что ближайший поезд на Франкфурт будет послезавтра.

Машинист догнал меня. Он сообщил, что в свое время возил Геринга и Гитлера, а теперь два раза возил Эйзенхауэра¹⁰²⁰; что ему предложили работу в Соединенных Штатах с зарплатой в две тысячи долларов в месяц (здесь он получает всего 400 марок) и что в Германии к тебе относятся как к собаке. Хватит с него! Незахочу ли я поехать с ним в Америку? «Ich bin schon halb verliebt in Sie! Das wäre doch eine Sache!» [«Я уже наполовину в вас влюбился! Вот было б здорово!»] Я потащила обратно на паровоз, надеясь, что в случае чего меня защитит другой машинист, но оказалось, что он крепко спит. Становилось все холоднее; я попыталась раздуть огонь — безуспешно. Я разбудила

спящего и попросила добавить угля. Но тут подоспел мой поклонник. Они сказали, чтобы я не волновалась: в Германии практически не осталось машинистов, начальство уступит, а иначе они просто откажутся работать. Хорошо, что война кончилась, заметила я, а то их обоих повесили бы за саботаж. Они согласились.

Воскресенье, 2 сентября. Через час начало светать. Машинисты забрали свои сумки и смылись, заверив меня, что скоро вернутся. Наконец, в 7 утра начальник станции, обзвонив всех и вся, сдался и разрешил нам выехать. Ему нужен был путь для других составов. Они развели пары, и вскоре мы уже неслись в Ханау с пьянящей скоростью, мои сумки лихо болтались, а мимо проносились прекрасные пейзажи — или, может быть, они лишь казались мне прекрасными от радости.

Мы прибыли в Ханау в 9 утра, и один из мужчин отнес мои вещи в комнату на станции, украшенную табличкой на английском языке: «*Off Limits*» [«Закрыто»]. Дружелюбное прощание; благодарные рукопожатия; и последний запас моих сигарет!

Распорядившийся на станции американский сержант взглянул на меня с удивлением, спросил: «Не хотите умыться?» — и протянул мне зеркало. Лицо у меня было сплошь перемазано черным, а на униформу с белым передником и чепцом стоило посмотреть. Он принес мне воды в своей каске, и, основательно потрудившись, я более или менее привела себя в порядок. В углу на раскладной койке на коленях у солдата сидела девушка. Она сообщила мне, что ждет поезда на Кёльн вот уже два дня, но похоже было, что она уже успела примириться с иной участью.

Поспрашивав, я нашла еще одного машиниста, который отбывал во Франкфурт через десять минут. Он согласился подвезти меня. На этот раз на локомотив забралось еще несколько человек. Двое американских солдат помогли

мне погрузить багаж, и вскоре мы снова тронулись в путь. Мы медленно пропыхтели по Франкфурту, от которого тоже остались одни развалины. Я насчитала на Майне шесть мостов — все разрушены. Их заменяют два понтонных моста. В Хехсте я прождала три с половиной часа. Потом час поездом до Висбадена; потом еще два часа ожидания; наконец, опять поездом до Гайзенхайма — деревушки у подножия холма, на котором стоит замок Йоханнисберг. Девушка, сошедшая там вместе со мной, вызвалась помочь мне донести багаж до расположенного неподалеку монастыря урсулинок. Мы зашагали вверх по склону через знаменитые виноградники Пауля Меттерниха; только бы он с Татьяной не уехал куда-нибудь на уик-энд, думала я.

Дорога до разрушенного замка оказалась довольно долгой. Из двух флигелей у ворот сохранился только один. Первым, кого я увидела, был Курт, дворецкий из Кенигсварта. Он сообщил мне, что Татьяна и Пауль десять дней назад уехали на автомобиле в Зальцбург — искать меня!

К этому времени я так устала, что даже не имела сил расплакаться, и просто села и не встала — прямо тут же, в гостиной (как я думала) местной экономки. Вскоре появилась Лизетт, жена Курта, и внезапно мне стало снова уютно, как в родном доме. С их заботливой помощью я улеглась в единственную кровать сияющего полировкой нового спального гарнитура. Завтра будет видно. Пока что я хочу лишь одного: заснуть. И забыть.

ЙОХАННИСБЕРГ-НА-РЕЙНЕ. Понедельник, 3 сентября. Сегодня я начала понемногу осматриваться. Этот флигель — единственная постройка усадебного комплекса, оставшаяся более или менее целой во время бомбардировки Йоханнисберга союзниками в 1943 году. Квартирку, в которой я нахожусь, раньше занимала экономка, но теперь в ней живут Татьяна и Пауль Меттерних, а Курт и Лизетт переселились наверх. Квартира состоит из гостиной, спальни

и ванной комнаты. Окна выходят на круглую клумбу — теперь это грядка со шпинатом — и просторный квадратный въездной двор, ведущий к развалинам замка. Сквозь его зияющие окна виднеется Рейнская долина. Поместье кишит челядью Меттернихов из их многочисленных имений, оставшихся на территории Чехословакии: они съехались сюда в надежде найти какую-нибудь работу и целый день слоняются без дела. Все это очень удручает...

Теперь я узнала, что через два дня после прибытия американцев в Кенигсварт Татьяна, Пауль, Мама́ и Папа́ уехали на повозке, запряженной двумя лошадьми и сопровождаемой эскортом из семерых бывших пленных-французов, работавших в имении Пауля. Местный американский комендант, оказавшийся приятелем наших кузенов в США, предупредил их, что в скором времени американцы передадут эту часть Чехословакии Советам, и убедил их немедленно уехать. Германию они проехали за двадцать восемь дней, ночуя на фермах или в амбарах, изредка — у друзей. Курт и Лизетт (которые сейчас ухаживают за мной) вместе с дочерью и зятем, а также секретарь Пауля Танхофер выехали вслед за ними через несколько часов на другой повозке. Они оставили там большую часть своего имущества и очень этим расстроены. Татьяна и Пауль, судя по всему, тоже взяли с собой совсем немного; когда они приехали, у них не было даже одеял; а все, что имелось здесь, погибло под бомбами в 1943 году. Мама́ и Папа́ сейчас во французской зоне в Баден-Бадене (в детстве мы жили там много лет).

Мне рассказали, что сюда уже приезжали двое наших родственников, служащие в вооруженных силах союзников, узнавать, где мы и не могут ли они нам помочь: двоюродный брат Джим Вяземский (теперь он офицер связи при французском и советском главных командованиях в Берлине) и дядя Георгий Щербатов¹⁰²¹ (он капитан-лейтенант американского флота и был переводчиком на Ялтинской

конференции; его старший брат был женат на сестре Папá¹⁰²²).

Большую часть утра потратила на то, чтобы получить разрешение навестить родителей во французской зоне. Танхофер не отходит от меня; он ходит со мной даже за грибами. Он не доверяет американцам; несколько американцев, сообщил он, заняли находящийся по соседству дом Муммов и отвратительно там себя повели: выбрасывают из окон мебель и фарфор, раздаривают платья Олили и Мадлен Мумм деревенским девушкам и т. п.

Потом появился «Брат» Мумм, только что освобожденный из союзнического лагеря для военнопленных близ Реймса. Во время немецкой оккупации он вернулся в Париж возглавить семейное дело по производству шампанского (возвращенное Муммам после того, как французы конфисковали его по окончании Первой мировой войны), и французы ему этого не простили. Он выглядит хорошо, хотя находился в заключении четыре месяца, а там почти совершенно не давали есть. Сейчас он с семьей живет у Изенбургов, к северу от Франкфурта, так как из собственного дома его выселили. Он забрал с собой во Франкфурт часть писем, привезенных мной из Австрии, и обещал там отправить их по почте — хоть этот груз с души упал! Он сообщил мне, что Фредди Хорстман, по его сведениям, жив и здоров, он спасся от Советов, укрываясь под Берлином в палатке в лесу¹⁰²³.

Сегодня вечером Танхофер сходил со мной в Гайзенхайм к графине Люси Ингельхайм¹⁰²⁴, работающей у майора Гэвина, американского коменданта Рюдесхайма. Она кузина Клауса Штауффенберга, который покушался на Гитлера в июле прошлого года. Она обещала помочь мне dostat пропуск в Баден-Баден.

Вторник, 4 сентября. Заходила Олили Мумм с одним из князей Лобковиц, который только что приехал из британ-

ской зоны. Он говорит, что британцы корректны, но крайне недружелюбны и склонны пограбить. Например, они «реквизировали» лошадей, которых он вывез из своего имения на Востоке.

Питание здесь очень неравномерное. Нас поят чудесным вином; в изобилии имеется молоко; мы выращиваем собственные овощи и фрукты; зато совершенно нет мяса. Тем не менее Курт неизменно подает наши скудные яства в белых перчатках и сообщает мне на ухо, из урожая какого года подаваемое вино. Прислуга просто с ног сбивается — так старается доказать свою полезность в этом разоренном имении.

Среда, 5 сентября. Снова приходил «Брат» Мумм и сообщил, что Альфи Клари вместе с Лиди вырвался из Чехословакии и, по слухам, находится где-то поблизости. Немедленно попробую их разыскать.

Возвращаясь от местного сапожника, которому я отдала чинить всю свою обувь, я неожиданно встретила Джо Хэмлина, одного из тех американцев, с которыми я познакомилась в Гмундене. Он сказал мне, что в Ханау он познакомился с одной девушкой из женской вспомогательной службы американской армии и говорил с ней обо мне, о том, что рассказывала ему про Берлин военных лет, и о том, как он все не мог мне поверить, пока сам не побывал в Берлине. Выяснилось, что эта девушка знакома с Татьяной, и она дала ему ее здешний адрес. И вот теперь он приехал в Йоханнисберг, чтобы встретиться с ними и рассказать им обо мне, а вместо этого вновь встретил меня! Сейчас он едет обратно в Австрию. Я умоляла его взять меня с собой, но он боится, так как в Германии до сих пор действует запрет на так называемое братание, а я ведь, в общем-то, считаюсь немкой. Однако он согласился взять кое-какие письма. Мы вместе распили бутылку вина Пауля Меттерниха, и он отбыл.

Во второй половине дня ходила к нашим соседям, графу Матушке с женой¹⁰²⁵, взять у них что-нибудь почитать по-английски. Чете Матушка повезло: их прекрасный замок¹⁰²⁶ уцелел, и к ним даже никого не определили на постой. Правда, Матушка участвовал в антинацистском Сопротивлении¹⁰²⁷.

Пятница, 7 сентября. Возобновила работу над дневником. После 20 июля я писала только стенографией, притом своей личной. Боюсь, что если я буду откладывать эту работу и дальше, то забуду, что происходило, или не смогу расшифровать свои каракули.

Суббота, 8 сентября. Ходила с Куртом по грибы. Набрали мы немного, так как сезон уже практически кончился. Это настоящая беда, ведь они заменяют мясо.

Вернулся Джо Хэмлин. Он видел Татьяну и Пауля Меттерниха, они у Фюрстенбергов в Штробле. Он привез письма. Они просят прислать триста бутылок вина — видимо, в качестве валюты для обмена. Теперь Джо жалеет, что не взял меня с собой. Он направляется в Берлин, но постарается найти для меня какую-нибудь работу, чтобы я могла на законных основаниях поехать с ним в Австрию к Меттернихам. Если устроить это не удастся, я поеду в Баден-Баден повидать родителей.

Сегодня явился Ханс Флотов с двумя друзьями из Гейдельберга. Он уже снова за работой и, судя по всему, в добром здравии. Мы не виделись с самого Берлина. Он сказал мне, что Лоремари Шёнбург работает в американской контрразведке в деревне недалеко от того места, где я провела целую ночь на паровозе.

Вечером приехал из Кенигсварта один бывший офицер с письмами для Пауля. Он поехал туда с другом полтора месяца назад, заболел дифтеритом, попал в тюрьму к чехам, но выбрался. Рассказывает он крайне удручающие вещи. Американцы, по-прежнему располагающиеся в доме,

устраивают вечеринки и приглашают на них местных деревенских девушек. Те приходят с пустыми чемоданами, а уходят с полными. Теперь они расхаживают в нашей одежде. Кенигсвартский садовник пишет: «Es war ein Jammer zuzusehen, wie an dem schönem Schloss geschändigt wurde» [«Было невыносимо смотреть, как поганят такой прекрасный замок»]. Офицер привез еще письмо от Маргерит Роан, кузины Лоремари¹⁰²⁸; оно дошло в Кенигсварт обычной почтой из русской оккупационной зоны Чехословакии. Ее и пять ее сестер¹⁰²⁹, в возрасте от пятнадцати до двадцати двух лет, заставили работать служанками в отеле в Турнау¹⁰³⁰. Чехи разграбили их замок Сихров (где я гостила в 1944 году) и увезли всю мебель в Прагу. Интересно, что случилось с прекрасными семейными портретами работы Миньяра¹⁰³¹, Натъе¹⁰³² и Риго¹⁰³³, которые Роаны привезли с собой в Богемию из Франции во время Революции. Маргерит отчаянно пытается вернуться в Австрию к своему жениху¹⁰³⁴. Им помогает один из братьев князя Франца Иосифа Лихтенштейна, который имеет возможность ездить туда и обратно.

Судетские немцы, безусловно, дорого расплачиваются за то, что в 1938 году проголосовали за воссоединение с Германией! Теперь чехи безжалостно выселяют их и раздают их дома своим. Управляющего имением Пауля арестовали, а его жену и детей выдворили из страны, ничего не позволив взять с собой. Главный лесник в Плассе¹⁰³⁵ — другом имении Меттернихов — был зверски убит вместе со своей сестрой-экономкой. А американцы спокойно на все это смотрят.

Воскресенье, 9 сентября. Мой маленький радиоприемник не перенес тягот путешествия. Я отдала его в починку, а пока я в полной неизвестности о том, что происходит в мире. Я могу только читать. И работать над своим дневником.

Понедельник, 10 сентября. Все время читаю, пишу, сплю и гуляю по прекрасным лесам. Немного жутко: ни разу не встретила ни души.

Четверг, 13 сентября. Ужин у Ингельхаймов. Там был также один молодой человек из семьи Штауффенбергов. Он много месяцев просидел в Дахау и говорит, что один из участников заговора 20 июля, некто г-н фон Шлабрендорф, остался жив и располагает обширной документацией по антинацистскому Сопротивлению, которую намеревается опубликовать. Действительно, давно пора рассказать, как все было на самом деле; ведь пока что широкая публика знает обо всем этом очень мало. Например, только теперь стала известна правда о смерти Роммеля, которая была представлена как самоубийство¹⁰³⁶. Помню, как Адам Тротт перед самым своим арестом подумывал, раз уж заговор провалился, не рассказать ли обо всем в лондонской «Тайме», а я яростно протестовала, опасаясь, что это лишь усугубит нависшую над всеми ними опасность. Но теперь другое дело. Хотя бы в память об их героизме.

Книга д-ра Фабиана фон Шлабрендорфа «Офицеры против Гитлера», вышедшая в 1946 г., была первым опубликованным свидетельством очевидца о немецком Сопротивлении. И до сих пор оно остается одним из самых надежных источников.

Пятница, 14 сентября. Свежие известия из Кенигсварта. Альберты арестованы чехами по обвинению в шпионаже. И зачем только они остались?

Суббота, 15 сентября. Сегодня утром заняла у Люси Ингельхайм велосипед и поехала в Висбаден за своим радиоприемником. Поездка была долгая и безрезультатная. Сломанную филипсовскую лампу нечем заменить. Я взяла с собой бутылку меттерниховского вина, чтобы расплатиться, но пришлось везти ее обратно. Грустно жить без музыки.

Висбаден кишит американскими солдатами, которые всюду носятся в джипах, и вообще союзниками, но, в отличие от Зальцбурга, русских нигде не видно. Город весь в развалинах.

По пути домой заехала в Эльтвилль и навестила Эльцев. Мать Якоба¹⁰³⁷ выглядит молодо и все еще красива. Там же находится и ее мать, старая княгиня Левенштайн¹⁰³⁸, вместе с еще несколькими дамами-беженками. Я помню висящий в Теплице портрет работы Сарджента, где она изображена со своей красавицей-сестрой Терезой Клари, матерью Альфи¹⁰³⁹. Какой контраст с их нынешним положением — эдвардианский золотой век¹⁰⁴⁰, и теперь... Альфи и Лиди¹⁰⁴¹, как мне сказали, сейчас у Левенштайнов в Бромбахе¹⁰⁴². Они благополучно выбрались из Теплица, после того как их отправили копать картошку. Маркус¹⁰⁴³, их единственный оставшийся в живых сын, находится в плену в России.

Воскресенье, 16 сентября. Часы переведены на час назад, благодаря чему я проспала четырнадцать часов. Отсыпаясь за многие короткие ночи последних месяцев. Сегодня в церкви местный священник — этакий карманный Савонарола — произнес пламенную проповедь, всячески изображающую нацистов. Спыхватился!

Ездила на велосипеде на обед к Матушкам. Нашу трапезу прервала одна из йоханнисбергских горничных, приехавшая на велосипеде с известием, что только что прибыл американский генерал и ищет меня.

Оказалось, что это бригадный генерал Пирс¹⁰⁴⁴, который до недавнего времени командовал американскими войсками в районе Кенигсварта. Он приехал специально для того, чтобы сообщить Меттернихам последние новости об их имении, прежде чем возвращаться в Штаты. По его словам, чешские власти разрешили американскому послу Лоренсу Стайнхардту¹⁰⁴⁵ сделать Кенигсварт своей летней резиденцией; возможно, это позволит уберечь

усадьбу, вернее, то, что от нее осталось. Генерал Пирс привез также письмо от Альбертов, которые все еще под арестом.

Понедельник, 17 сентября. Присоединилась к Матушкам, которые весь день ездят на автомобиле по окрестностям, занимаясь политической работой. Создается новая христианско-демократическая партия.

Так начинался Христианско-демократический союз (ХДС), который вместе со своим баварским собратом Христианско-социальным союзом (ХСС) стал неоднократно правящей партией в Федеративной Республике Германии.

Ехала обратно в Йоханнисберг через Бад Швальбах по прекрасным лесам горного массива Таунус. Тишина там полная, ощущение спокойствия и мира всепроникающее...

*

На этом мой дневник заканчивается. (Примерно в это время я познакомилась со своим будущим мужем Питером Харнденом.)

Мария Васильчикова-Харнден
Берлин, 1940 — Лондон, 1978

Послесловие

Мисси вышла замуж за Питера Харндена в Кицбюэле (Австрия) 28 января 1946 года. Во время войны Питер служил в военной разведке США, а к моменту бракосочетания был в звании капитана в военной администрации США в Баварии. Свидетель бракосочетания Ханс фон Херварт¹⁰⁴⁶ (бывший участник антинацистского Сопротивления, ставший после войны видным западногерманским дипломатом) описывает это событие в своих воспоминаниях: «Поскольку Мисси была православная, венчал их в католической часовне русский священник, бежавший из Советского Союза. Солнечным днем мы направились в часовню, образовав процессию. По русской традиции, впереди шел мой ребенок с иконой в руках. За ним шли Мисси и Питер в американской форме, далее три шафера, капитан граф де ла Бросс во французской форме и мы с Паулем Меттернихом, оба в прошлом немецкие офицеры. Каждому из нас троих надлежало по очереди держать над головами брачующихся тяжелый венец. Мы глубоко сознавали символическую значимость этой церемонии, объединявшей представителей четырех народов, которые еще совсем недавно ожесточенно воевали друг с другом» («Против двух зол», Коллинз, Лондон, 1981¹⁰⁴⁷).

Когда Питер демобилизовался, они с Мисси поселились в Париже, где, прослужив некоторое время в аппарате

«плана Маршала»¹⁰⁴⁸, Питер основал свое собственное архитектурное предприятие, получившее в дальнейшем широкое международное признание. Он умер в Барселоне в 1971 году, после чего Мисси переехала в Лондон, где и провела последние годы жизни. У них было четверо детей, у троих из них теперь свои семьи.

Прошло много месяцев, прежде чем разбросанные по свету члены семьи Васильчиковых смогли опять увидеться друг с другом.

Мать Мисси погибла в Париже, попав под машину, в ноябре 1948 года; *отец* ее умер в Баден-Бадене в июне 1969 года.

Ее сестра *Ирина* провела послевоенные годы в Италии. С 1980 года она жила в Германии и скончалась там весной в 1993 году.

После восстановления большей части замка Йоханнисберг *Татьяна* и *Пауль Меттерних* избрали его своим постоянным местожительством. До своей кончины в 1992 году Пауль был известным деятелем международного автомобильного спорта. Татьяна ведет активную работу в Красном Кресте.

Брат Мисси *Джорджи* после войны стал устным переводчиком сначала на процессе главных нацистских преступников в Нюрнберге, а затем при Организации Объединенных Наций. Он был женат и имеет двоих детей. В настоящее время он работает в крупной международной фирме и часто бывает в России.

Принц Константин Баварский, как и все члены королевских фамилий, был выгнан из немецкой армии еще в самом начале войны. Благодаря этому он не только выжил, но и смог завершить высшее образование. Когда война закончилась, он одним из первых получил известность — в качестве журналиста новой свободной немецкой прессы, а также своими лекциями в США. Впоследствии он был

избран депутатом в боннский парламент. Погиб в авиакатастрофе в 1969 году.

Петер Биленберг после ареста много месяцев провел в тюрьме, где его допрашивал известный своей жестокостью инспектор гестапо Ланге; он никого не выдал. В дальнейшем его долго держали в одиночном заключении в концлагере Равенсбрюк. Сейчас он с семьей живет в Ирландии.

Граф Готфрид Бисмарк неоднократно подвергался избиению и пыткам, но его адвокатам удалось надолго отложить его процесс. В конце концов, 4 октября 1944 года он предстал перед Народным судом Фрайслера, где, ко всеобщему изумлению, был оправдан — как выяснилось впоследствии, по распоряжению Гитлера. Гестапо тут же его снова арестовало и отправило в концлагерь, откуда он был освобожден весной 1945 года. Первые годы после войны он и его жена Мелани провели в родовом поместье неподалеку от Гамбурга. Они погибли в автомобильной катастрофе в 1947 году по дороге в Йоханнисберг, куда ехали гости к Меттернихам.

Герберт Бланкенхорн стал одним из основателей, впоследствии — генеральным секретарем Христианско-демократического союза, одной из двух главных партий послевоенной Германии. Он был близким сподвижником канцлера Конрада Аденауэра и играл важнейшую роль в создании западногерманского государства, равно как и в учреждении Европейского сообщества угля и стали. Позже он вернулся на дипломатическую службу и был послом ФРГ в НАТО (1955), во Франции (1958) и в Великобритании (1965). Он скончался в 1991 году.

Когда Франция была освобождена, *Филипп де Вандевр* стал одним из адъютантов генерала де Голля. Его брат вступил во французскую армию, ведущую наступление на Германию; он был убит в Эльзасе в возрасте 23 лет в январе 1945 года.

Когда кончилась война, *Алекс Верт* оказался в советской оккупационной зоне Германии, где он через некоторое время был арестован и провел много лет в восточногерманских тюрьмах. В конце концов его все-таки выпустили, он бежал в Западную Германию и сделался там преуспевающим бизнесменом. Но испытания подорвали его здоровье; он умер в середине 1970-х годов.

Графиня Сизи Вильчек тоже вскоре нарушила обещание, которое она и Мисси дали друг другу, когда расставались в Австрии в августе 1945 года. Она вышла замуж за графа Гезу Андраши и сейчас живет в Вадуде (Лихтенштейн).

Принцессы Сита Вреде и ее сестра *Дики* провели первые послевоенные годы в семье матери в Аргентине. В последствии Сита вышла замуж за западногерманского дипломата принца Александра цу Зольмс-Браунфельс (которого Мисси кратко упоминает в своих венских воспоминаниях 1945 года¹⁰⁴⁹). В течение многих лет он был послом в различных странах Латинской Америки. Сейчас они живут в Монте-Карло и Мюнхене. Дики скончалась несколько лет назад.

Барон Хайнц фон Герсдорф после казни коменданта Берлина генерала фон Хазе (в штабе которого он долго служил) был разжалован в фольксштурм. В течение многих месяцев после войны его жена *Мария*, остававшаяся в Берлине, не имела о нем никаких известий. Зимой 1945 года ей по ошибке сообщили, что он погиб в последних боях за столицу, после чего ее нервы не выдержали, и она покончила с собой¹⁰⁵⁰. Сам Хайнц скончался в 1955 году.

Барон Тони Заурма спасся от террора, последовавшего за 20 июля, лишь благодаря порядочности своего полкового командира, которому удалось добиться отсрочки военно-полевого суда «в ожидании дополнительного следственного материала». Когда же суд состоялся, значительная часть этого материала оказалась слишком косвенной,

чтобы Заурма можно было осудить, и, принимая во внимание его боевые заслуги и ранение, его просто разжаловали. В последние дни войны ему удалось пробраться из своего поместья в Силезии на Запад, где он вскоре поступил на службу к американским оккупационным властям в качестве водителя грузовика. Со временем он смог приобрести собственный грузовик, и впоследствии у него появилось целое транспортное дело. Сейчас он с семьей живет на ферме в Баварии.

Барон Готфрид фон Крамм после войны снова стал крупной фигурой международного тенниса. Некоторое время он был женат на Барбаре Хаттон. В течение многих лет он был президентом западногерманского Международного клуба лаун-тенниса. Он погиб в 1976 году в автомобильной катастрофе в Египте.

Пеячевичи, расставшись с Мисси в августе 1945 года, отправились через Швейцарию в Южную Америку, где *Геза* живет по сей день.

Ц.-Ц. фон Пфуль, проведя некоторое время в плену у американцев, а затем несколько лет на муниципальной службе в Германии, стал представителем ФРГ в Европейском парламенте в Страсбурге и провел на этом посту почти три десятилетия. Сейчас он живет в Бонне в полутставке.

Граф Карл Фридрих фон Пюклер-Бургхаус, который донес гестапо на мать Мисси в 1941 году, перешел из армии в СС, где дослужился до бригадефюрера и гиммлеровского начальника полиции в Праге. Когда Прагу освобождали в мае 1945 года, он покончил с собой.

Когда Бухарест сдался русским 31 августа 1944 года, немецкие дипломаты и их семьи были немедленно интернированы. Со временем женщины и дети смогли вернуться домой, но всех мужчин депортировали в СССР, где, по всей вероятности, *Йозиас фон Ранцау* и погиб — в Москве на Лубянке.

Джаджи Рихтер и его родные к концу войны находились в Вестфалии. Там они с женой открыли бюро переводчиков, которое процветало. В 1949 году он поступил на службу в организацию генерал-лейтенанта Гелена¹⁰⁵¹, получившую позже наименование Бундеснахрихтендинст (более известную как БНД) — вновь созданную разведку Федеративной Республики Германия. Он умер в 1972 году.

Имя Адама фон Тротта цу Зольца, вместе с именами еще нескольких немцев, погибших в последней войне, вырезано на мемориальной доске в Бэлиол-колледже в Оксфорде. Его вдова Кларита была освобождена уже в сентябре 1944 года и вскоре воссоединилась со своими детьми. Она стала психиатром и сейчас живет, как и ее две дочери, в Германии.

Бригадефюрер СС Сикс, несмотря на свой зловещий послужной список, тоже выжил. Едва окончилась война, как его взяла под свое покровительство армейская контрразведка США, как и пресловутого Клауса Барбье¹⁰⁵² и многих других бывших эсэсовцев. Но скоро его прошлое догнало его. Он был арестован весной 1946 года и предстал перед судом по обвинению в участии в массовых убийствах под Смоленском. Несмотря на все его заверения в том, что он был «всего лишь ученым, а не полицейским», его приговорили в 1948 году к 20 годам тюремного заключения. Должно быть, у него были влиятельные покровители, так как уже в 1951 году его срок был сокращен до 10 лет, а в 1952 году его вообще амнистировали. Вскоре его опять взяли под крыло — на этот раз новая западногерманская разведывательная служба генерала Гелена, в которой он обнаружил многих своих бывших коллег по СС и гестапо, которым Гелен почему-то особенно покровительствовал как «экспертам» по тем или иным вопросам. Сикс оказался «экспертом» по формированию групп агентов, завербованных из числа советских военнопленных или перемещенных

лиц, для инфильтрации в СССР — эту роль он совмещал с должностью менеджера по рекламе компании «Порше-Дизель», входившей в могущественную группу Маннесманна. На своем процессе в Иерусалиме в 1962 году Адольф Эйхман описывал Сикса как человека, совершившего самое гнусное из падений — с пьедестала гордого «интеллектуала» до низости массовых убийств — лишь затем, чтобы снова возвыситься после войны до доверенного лица и советника как американского, так и немецкого правительств.

Тино Солдати сделал блестящую карьеру, завершив ее в качестве швейцарского наблюдателя в ООН и посла во Франции.

3 февраля 1945 года, когда рвущиеся вперед советские войска были в каких-нибудь ста километрах от Берлина, город подвергся среди белого дня самому разрушительному из всех когда-либо предпринятых воздушному налету американской авиации. Налет состоялся после двухмесячной зимней передышки и застал город врасплох. Погибло около двух тысяч человек (примерно по одному на каждую тонну сброшенных бомб!), еще 120 тысяч остались без крова. Одна бомба разрушила штаб-квартиру гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе. Другая попала в Народный суд, где гитлеровский «судья-вешатель» Роланд Фрайслер в это время допрашивал видного участника Сопротивления д-ра Фабиана фон Шлабрендорфа. Судей, охранников, заключенных и публику спешно отвели в убежище под зданием суда, и там, после отбоя, Фрайслер был найден мертвым: его придавила упавшая балка, и в руках он все еще держал папку с делом Шлабрендорфа. Хотя тот до конца войны сидел в концлагерях, налет спас ему жизнь.

Несмотря на то что загородный дом *Хорстманов* в Керцендорфе был разрушен бомбами союзников, *Фредди* не желал расстаться с остатками своих коллекций, и к моменту

прихода Красной армии он и *Лалли* прятались в близлежащих лесах. Война кончилась, но и тогда он не бежал. Вскоре его арестовали, и он умер от голода в восточнонемецком концлагере в 1947 году. Воспоминания *Лалли*, изданные в Лондоне, стали бестселлером. Некоторое время спустя она умерла в Бразилии.

Несмотря на свою близость с заговорщиками 20 июля, *Лоремари Шёнбург* тоже чудом осталась в живых. После ее поспешного отъезда из Берлина в августе 1944 года она затаилась в имении своих родителей в Саксонии. Наступление Красной армии вынудило ее семью бежать на Запад. Там по окончании войны она поступила на службу в американскую армейскую контрразведку. Через некоторое время она вышла замуж за американского офицера и какой-то период жила в США. Позже она увлеклась борьбой против загрязнения окружающей среды, отдавшись этому делу с той же целеустремленностью, с которой боролась против нацизма. Она умерла в Вене в 1986 году.

Невзирая на зловещие угрозы Гиммлера после 20 июля, из *Штауффенбергов* погибли только двое: Клаус и его брат Бертольд¹⁰⁵³, военно-морской юрист, тоже активный заговорщик. Остальные члены семьи были вначале отправлены в Дахау, причем детей отобрали от родителей и поместили в отдельном лагере под фамилией Майстер. По мере продвижения союзных войск по территории Германии их перемещали из лагеря в лагерь; не раз они оказывались на волоске от казни, но 4 мая 1945 года, всего за четыре дня до окончания войны, их освободили американские войска.

Кикер фон Штумм (которого Мисси часто упоминает в дни воздушных налетов на Берлин) дожил почти до самого конца войны. Но в последние недели по доносу агента-provокатора его отправили на фронт в штрафной батальон, что было равносильно смертному приговору.

Через несколько дней он погиб. Его сестра впоследствии вышла замуж за Тони Заурма.

Посол граф фон дер Шуленбург никогда не был активным участником Сопротивления. Но поскольку война с Россией подталкивала Германию все ближе к краху, он предложил свои услуги в качестве возможного посредника при переговорах со Сталиным. Видимо, именно в связи с этим его в начале июля 1944 года вызвали в ставку Гитлера (о чем пишет Мисси). Но он состоял и в контакте, через посла фон Хасселя, с некоторыми заговорщиками, которые без его ведома внесли его фамилию, как и фамилию самого Хасселя, в списки кандидатов в будущие министры иностранных дел. Когда эти списки были обнаружены, его арестовали, продержали несколько месяцев в тюрьме на Лертерштрассе, и в конце концов 4 октября 1944 года он предстал перед Народным судом Фрайслера вместе с Готфридом Бисмарком. В отличие от последнего, он был приговорен к смерти и повешен 10 ноября.

Графы Альберт и Дики Эльц оба благополучно пережили войну. Сейчас они живут в Австрии.

Хассо фон Эцдорф выжил, вероятно, только потому, что в последние месяцы войны был послан генеральным консулом в Геную. С возникновением Федеративной Республики Германии он вернулся на дипломатическую службу, где занимал ряд видных постов, в том числе посла в Канаде (1956), заместителя министра иностранных дел (1958) и посла в Великобритании (1961–1965). Он скончался в 1989 году.

Комментарии

Предисловие

¹ Илларион Сергеевич Васильчиков (1881–1969) — русский политик. Окончил Царскосельскую Николаевскую гимназию с золотой медалью в 1899 г., юридический факультет Петербургского университета в 1903 г. с дипломом I степени. С 1906 г. на службе в Министерстве юстиции, в 1908 г. ревизовал Туркестанский край. В 1909 г. поселился в Юрбургском поместье Ковенской губернии (ныне Юрбаркас, Литва). В том же году избран ковенским предводителем дворянства. В 1912 г. избран в IV Государственную думу. Входил во фракцию центра. После Февральской революции — член Особого временного комитета Государственной думы, правительственный комиссар. В сентябре 1917 г. избран представителем Думы на Поместный собор. Участвовал в первой и третьей сессии Поместного собора. Весной 1919 г. с семьей покинул Россию. Жил в Берлине, Париже, с 1932 г. в своем поместье в Литве. Из советизированной Литвы бежал в июне 1940 г. До 1945 г. жил в Берлине. Затем переехал в западную зону в Баден-Баден. Автор мемуаров.

² Лидия Леонидовна Васильчикова (1886–1948) — сотрудница русского Красного Креста, благотворительница. Во время Русско-японской войны работала на складах Красного Креста в Петербурге, во время Первой мировой создала подвижной лазарет и работала в нем сестрой милосердия. Награждена двумя Георгиевскими медалями «За храбрость». В 1918 г. арестована. Содержалась в Петропавловской крепости, допросы вел председатель Петроградской ЧК Моисей Урицкий. Благодаря ходатайству

датского посла Харальда Скавениуса освобождена. Вместе с семьей эмигрировала в 1919 г. С 1940 г. жила сначала в Италии, потом в Германии. С 1941 г. пыталась организовать помощь советским военнопленным. Эта деятельность княгини вызвала острое недовольство Гитлера. Только заступничество маршала Маннергейма спасло Васильчикову от ареста. Она переехала из Берлина к дочери Татьяне, жене австрийского аристократа Пауля Меттерниха, в Чехию. После коммунистического переворота 1948 г. в Чехословакии переехала в Париж. В том же году погибла в автокатастрофе.

³ В 1939 г. Александр Илларионович Васильчиков (р. 1913) скончался от туберкулеза.

⁴ Татьяна Илларионовна Васильчикова (в замужестве фон Меттерних-Виннебург; 1915–2006) — меценатка; мемуаристка. В 1941 г. вышла замуж за князя Пауля Меттерниха, жила в его имении на западе Чехии, в Судетах, Кёнигсварте (ныне Лазне-Кинжварт, Чешская Республика). После депортации судетских немцев из Чехословакии в 1945 г. Меттернихи поселились в Западной Германии, в заброшенном имении Йоханнесберг. Восстановили замок Рейнгау, занялись виноделием, создали популярное игристое вино «Князь Меттерних». В 1976 г. опубликовала мемуары «Женщина с пятью паспортами» (русский перевод 1989). В 1987 г. организовала музыкальный фестиваль «Рейнгау», предоставила для проведения фестиваля помещения замка. В 1992 г. после смерти мужа продала замок хлебопекарному концерну «Dr Oetker». Жила в замке до самой своей смерти.

⁵ Ольга Элизабет фон Саксен-Альтенбург (в замужестве фон Пюклер-Бургхаус; 1886–1955) — немецкая аристократка, дочь принца Альберта фон Саксен-Альтенбурга и племянницы германского императора Вильгельма I принцессы Марии Прусской. Родственно связана со шведским и британским королевскими домами. Жена группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС графа Карла Фридриха фон Пюклера-Бургхауса (1886–1945), руководителя карательных операций войск СС в Ленинградской, Псковской, Смоленской областях и Белоруссии. Покончил с собой после того, как войска СС, которыми он командовал, были уничтожены в мае 1945 г. в сражении под Сливнице.

- ⁶ Георгий Илларионович Васильчиков (Джорджи; 1919–2008) — переводчик, издатель; в годы войны участник французского Сопротивления, после войны — переводчик на Нюрнбергском процессе и в Секретариате ООН.
- ⁷ Ирина Илларионовна Васильчикова (1910–1993).
- ⁸ Другое название «заговор генералов» — деятельность антигитлеровской консервативной группы, завершившаяся неудачным покушением на Гитлера 20 июля 1944 г.
- ⁹ Клаус Филипп Мария Шенк граф фон Штауффенберг (1907–1945) — самый активный участник заговора 20 июля 1944 г. Полковник вермахта, участник польской, французской, североафриканской кампаний немецкой армии. Тяжело ранен в Северной Африке во время отступления войск Роммеля. Отмечен многими военными наградами. В юности входил в декадентский кружок поэта Стефана Георге. С середины 1920-х по 1942 г. — активный сторонник Гитлера и гитлеровской политики. Разочарование в них привело его к участникам аристократической оппозиции. Вместе с полковником Хенningом фон Тресковом (1901–1944) разработал план военного переворота (операция «Валькирия»), каковой и попытался осуществить, подложив принесенную в портфеле бомбу в бункере Гитлера фюреру под ноги. Личный телохранитель Гитлера Гейнц Бранд перенес портфель к другому концу стола. Фюрер был контужен. Гейнц Бранд погиб. После провала заговора Клаус фон Штауффенберг был арестован и расстрелян первым. Последними его словами были: «Да здравствует священная Германия!»
- ¹⁰ Питер Харнден (1913–1971) — офицер американской разведки.
- ¹¹ Набережная Фонтанки, 7. Дом принадлежал графине Паниной, но сама графиня жила в другом своем особняке на Сергиевской (ныне ул. Чайковского), а этот дом сдавала внаем. С 1993 г. в доме, кроме Добровольного общества содействия армии, авиации и флота, расположена Камерная филармония Санкт-Петербурга. Мария Васильчикова приезжала в Ленинград в 1976 г.
- ¹² *Vassiltchikov M. Berlin Diaries 1940–1945. London: Chatto & Windos, 1984.*
- ¹³ Фридрих Адам фон Тротт цу Зольц (1909–1944) — востоковед, путешественник (Япония, Китай, Сибирь); дипломат. Активный

участник заговора 20 июля 1944 г. Окончил Оксфордский университет. В отличие от многих участников консервативной оппозиции, поначалу поддерживавших национал-социализм и даже вступивших в НСДАП (Гёрделер, Герберт фон Бисмарк), Адам фон Тротт цу Зольц с момента возникновения нацизма был настроен антинацистски. В 1938 г. через своего оксфордского однокурсника, владельца и главного редактора газеты «Обсервер», добился встречи с министром иностранных дел лордом Галифаксом и премьер-министром Невиллом Чемберленом, чтобы уговорить и того и другого занять более жесткую позицию по отношению к Гитлеру во время переговоров по судетскому кризису. Арестован, судим и казнен после провала заговора.

1940

- ¹⁴ Родовое поместье Пюклер-Бургхаус. Расположено в городке Фридланд в Верхней Силезии (с 1946 г. город Корфанты Опольского воеводства Польской Республики). Ныне в замке Фридланд — городская больница.
- ¹⁵ С 1945 г. город Ополе Польской Республики. До 1945 г. входил в состав Германии. Один из самых древних городов Польши. Первое упоминание — 845 г.
- ¹⁶ Джейкоб Динли Бим (1908–1993) — американский дипломат. Специалист по вопросам европейской политики. С 1934 по 1940 г. — третий секретарь американского посольства в Берлине. С 1940 по 1945 г. — второй секретарь посольства США в Лондоне. В 1952–1953 гг. — глава дипломатической миссии в Москве. В 1966–1969 гг. — посол США в Чехословакии. С 1969 по 1973 г. — посол США в СССР. С 1974 по 1977 г. — директор радиостанции «Свободная Европа».
- ¹⁷ Литценбургерштрассе — одна из самых богатых улиц Берлина. После войны и до 1990 г. в Западном Берлине.
- ¹⁸ Курфюрстендамм — самая богатая улица Берлина, здесь расположено несметное количество ресторанов, кафе, кабаре и прочих развлекательных учреждений.

- ¹⁹ Тиргартен (буквально: Звериный сад) — самый большой парк Берлина. Назван так потому, что в XVII в. на его месте были охотничьи угодья бранденбургских курфюрстов.
- ²⁰ Карлос Морла Линч (1888–1969) — чилийский дипломат и композитор. Посол в Берлине в 1939–1940 гг. Близкий друг поэта Федерико Гарсиа Лорки (расстрелянного франкистами). В 1957 г. издал книгу о Лорке: *Lynch C. M. En España con Federico García Lorca. Conversaciones y memorias* (Madrid: Aguilar, 1957 («Испания с Федерико Гарсиа Лоркой. Беседы и воспоминания»)).
- ²¹ Гражданская война в Испании (1936–1939) началась с неудавшейся попытки армии во главе с генералом Франко свергнуть коалиционное правительство Народного фронта (социалисты, коммунисты, анархо-синдикалисты).
- ²² За исключением фашистской Италии и нацистской Германии, ни одно правительство не признавало легитимным военные действия генерала Франко против законно избранного правительства.
- ²³ После того как франкисты взяли Мадрид, Морла точно так же предоставлял убежище сторонникам Народного фронта. В чилийском посольстве спаслись семьи глав правительств Народного фронта Мануэля Асаньи, Ларго Кабальеро, поэт-коммунист Мигель Эрнандес.
- ²⁴ Имеется в виду испанский спортсмен (серебро на Антверпенской олимпиаде 1920 г., конное поло) Эрнандо Карлос Мария Тереза Фитц-Джеймс Стюарт и Фалько (1886–1936), младший брат видного деятеля франкистского движения Хакобо Фитц-Джеймса Стюарта и Фалько, 17-го герцога Альбы. (Младший сын европейских дворян наследует дворянство, но не титул.) Будущий посол правительства Франко в Лондоне. Эта линия герцогов Альба была в родстве не только со Стюартами, но и с Черчилями (герцогами Мальборо).
- ²⁵ Луиза фон Вильчек (1913–?) и Инесса фон Вильчек (1919–?).
- ²⁶ Йоханнес фон Вильчек-ст. (1878–1972) — немецкий дипломат. Был женат на племяннице чилийского президента Хосе Мануэля Бальмаседы Луизе Бальмаседе и Фонтечилла. С 1936 по 1939 г. был послом Германии во Франции. Вышел на пенсию в 1943 г.

- ²⁷ Йоханнес (Ханзи) фон Вильчек-мл., граф (1911–1969) — немецкий дипломат. С 1956 по 1958 г. — посол ФРГ в Чили. В 1958 г. был представителем ФРГ на конференции МАГАТЭ.
- ²⁸ Сигрид фон Лафферт (1916–2002) — немецкая аристократка, баронесса. В 1935–1936 гг. — любовница Адольфа Гитлера.
- ²⁹ Иеронимус (Ронни) Зигфрид Мария Якоб Антониус Йозеф Карл Августин фон Клари унд Альдринген (1917–1941) — граф. Погиб 28 июля 1941 г. в бою под Соколовкой (Украина).
- ³⁰ Крампниц — поселок недалеко от Берлина. В 1935 г. туда была перемещена Кавалерийская школа Ганновера. В 1937 г. поселок был преобразован в военный городок, а Кавалерийская школа — в танковое училище.
- ³¹ Росита Серрано (настоящее имя Мария Марта Эстер Альдунате дель Кампо; 1912–1997) — чилийская певица, прозванная за свой голос и умелый свист во время исполнения песен «чилийским соловьем». Пик ее карьеры пришелся на 1936–1943 гг. Она исполняла чилийские, испанские и немецкие песни. В 1939 г. по личному распоряжению Геббельса участвовала в радиоконцерте по заявкам вермахта. В 1943 г. на гастролях в Швеции дала концерт в пользу еврейских беженцев. Была обвинена в шпионаже. В рейх не вернулась. Вернулась в Чили, где ее карьера пошла на спад. Умерла в бедности в 1997 г. в Сантьяго-де-Чили.
- ³² Эдмунд (Эдци) Филипп Йозеф Адам Карл Ойген Антониус Эсташ Мария фон Вреде (1919–1941) — баварский аристократ, князь. Погиб на фронте в первый день войны с Советским Союзом 22 июня 1941 г.
- ³³ «Милый друг» («Bel-Ami»; 1885) — второй (и последний) роман Ги де Мопассана. «Милым другом» называют главного героя романа, Жоржа Дюруа, красивого, бессовестного и бездарного карьериста, ветерана колониальных войн, делающего карьеру благодаря своему успеху у женщин.
- ³⁴ Эмиль де Картье де Маршён (1871–1946) — бельгийский дипломат, в 1927–1946 гг. — посол Бельгии в Англии. 22 июня 1940 г. принимал участие в переговорах с немцами, завершившимися унижительным мирным договором для Франции и Бельгии. В начале 1940 г. приезжал в Германию из Лондона, чтобы понять намерения немецкого руководства: предстоит ли его

маленькой нейтральной стране быть оккупированной Германией? Поэтому и пошел на бал к бывшему послу Германии во Франции. Дядя известной французской писательницы Маргерит Юрсенар.

³⁵ Член нацистской молодежной организации «Союз немецких дев» («Bund Deutscher Maedel»), женского отделения гитлерюгенда с 1932 г. Сигрид фон Лафферт была типичной белокурой «арийской» красавицей, именно поэтому Гитлер, уже предпочтя ей Еву Браун, до марта 1939 г. приглашал Сигрид на все торжественные государственные приемы.

³⁶ Рейнхардт Николаус Карл Шпици (1912–2010) — секретарь министра иностранных дел Третьего рейха Иоахима фон Риббентропа.

³⁷ То есть нелегально пересек границу советской Литвы и нацистской Германии.

³⁸ Екатерина Николаевна Клейнмихель (1913–1990).

³⁹ «И. Г. Фарбен» — крупнейший немецкий химический концерн. Печально известен тем, что в годы Первой мировой производил отравляющие вещества для фронта, а в годы Второй мировой отравляющие вещества для концлагерей.

⁴⁰ Буквально: беспроводная служба. Нацисты германизировали язык, поэтому использовали не слово Radio, а словосочетание Drahtlose Dienst (беспроводная связь). Отдел, в котором работали сестры Васильчиковой, был не просто отделом новостей, но пропагандистским радиоканалом, работающим на англоязычные страны, занимающимся «гибридной войной».

⁴¹ Курт Георг Кизингер (1904–1989) — немецкий политик. Член НСДАП с 1933 г. Сначала работал в Министерстве пропаганды под началом Геббельса, потом — в МИД под началом Риббентропа. С 1966 по 1969 г. был канцлером ФРГ. В 1968 г. получил публичную пощечину от журналистки Беаты Кларсфельд с присопровождением выкрика: «Нацист».

⁴² Родерих Фердинанд Оттомар Менцель (1907–1987) — чехословацкий и немецкий теннисист, детский писатель и популяризатор спорта. До 1938 г. выступал за Чехословакию, после аннексии Германией Судет судетский немец Менцель стал выступать за Германию. После начала Второй мировой войны писал

пропагандистские тексты для англоязычного нацистского радиовещания. В связи с этим после войны ему был запрещен въезд в США. После войны писал детские книги и книги, популяризирующие теннис. Высший пик его спортивных достижений — финал чемпионата Франции в 1938 г.

⁴³ Эдда (Дики) Мария Лидия Анжелес Евгения Адамсина Тереза Эдмунда фон Вреде (1904–1985) и Кармен (Сита) Адольфина Николетта Эльвира Долорес Эли фон Вреде (1904–1994) — баварские аристократки, княжны; участницы Гражданской войны в Испании на стороне франкистов в составе немецкого авиа-легиона «Кондор» (медсестры).

⁴⁴ Карл Филипп фон Вреде (1767–1838) — самый известный баварский полководец времен Наполеоновских войн, воевал как на стороне Наполеона, так и на стороне антинаполеоновской коалиции. В 1822 г. — баварский генералиссимус.

⁴⁵ После нападения на Польшу Германия находилась в состоянии войны с Францией и Англией, но никаких активных боевых действий против Франции Гитлер не вел. Однако нападение готовил. Нападение на Францию произошло 10 мая 1940 г. Разумеется, рейху были нужны люди с хорошим знанием французского.

⁴⁶ Хильда Фрейн фон Ольсен (в замужестве фон Дирксен; 1885–1942) — жена немецкого дипломата, Герберта фон Дирксена, посла в Москве, Токио и Лондоне. С 1939 г. посол в отставке.

⁴⁷ Геополитическое сближение с СССР вовсе не означало сближения с коммунистами («красными»). Антикоммунистический террор в Германии не ослабевал никогда. Скорее наоборот, идеологическое сближение с «коричневыми» началось в «красной» Москве. Это Сталин выдал гестапо арестованных немецких коммунистов, а не Гитлер освободил из тюрьмы Тельмана.

⁴⁸ Рональд Гильберт Кросс (1896–1968) — английский политик. Летчик во время Первой мировой. Депутат парламента от Консервативной партии. В 1939 г., после начала войны с Германией, в Великобритании было создано Ministry of Economic Warfare (Министерство экономической войны). Первым его руководителем стал Рональд Кросс. Это был лакомый кусок для вражеской пропаганды. Неудачная работа этого министерства подвергалась

критике в том числе и в английской прессе. В 1940 г. Рональд Кросс был отстранен от руководства министерством и назначен министром оборонной промышленности (до 1941 г.), в 1941 г. отправлен послом в Австралию.

⁴⁹ То есть у семейной пары Рональда Кросса и его жены Луизы Мэрион Грин-Эммот (в замужестве Кросс).

⁵⁰ Личность не установлена. Мария Васильчикова печатала под диктовку герра Э. те самые тексты, которые с большим пропагандистским успехом читал английский нацист Уильям Брукс Джойс, прозванный в Англии лорд Гау-Гау. После войны лорд Гау-Гау был повешен. Судя по тому, что Васильчикова не называет имя автора этих текстов, он оставался жив, здоров, делал карьеру на радио, телевидении или даже в дипведомстве. Возможно, ко времени напечатания дневника находился на заслуженном отдыхе. Если бы стало известно, что он — автор текстов, за которые был повешен лорд Гау-Гау, скандал был бы грандиозным. За один абзац в статье времен нацизма с работы был снят один из создателей западногерманского ТВ Вернер Хёфер (1913–1977). А здесь — полновесная нацистская пропаганда, причем достаточно результативная.

⁵¹ Резиденция бразильского посла в Берлине находилась в одном из самых красивых пригородных парков Берлина Грюневальде. Послом Бразилии в Берлине с 1940 по 1942 г. был Чиро де Фрейтас Вале (1896–1969), большой поклонник Гитлера и нацизма. Несмотря на документы, полученные от католической организации «Комитет помощи неарийским католикам», и дипломатические усилия Ватикана, он отказал 3000 евреям-католикам в получении виз. После объявления Гитлером войны США 11 декабря 1941 г. отношения между Бразилией и рейхом испортились настолько, что все посольство Бразилии в Германии было интернировано. После официального объявления Бразилией войны Германии 21 августа 1942 г. Вале с сотрудниками покинул страну.

⁵² Эрнст Ашвин Георг Кэрол Генрих Игнац цур Липпе-Бистерфельд (1914–1988) — немецкий и американский искусствовед, китаист. В ноябре 1942 г. защитил диссертацию в берлинском Гумбольдтовском университете, посвященную исследованию картины китайского художника Ли Кана «Бамбук и скала».

- В 1949 г. эмигрировал в Америку. Работал в отделе Дальнего Востока Метрополитен-музея до ухода на пенсию в 1973 г.
- ⁵³ Западный вал (прозванный союзниками «линия Зигфрида») строился с 1936 по 1940 г. В 1944 г., после высадки союзников в Нормандии, на реновацию и укрепление Западного вала было брошено более 20 000 человек. Союзники пробивали линию Зигфрида с сентября 1944 по март 1945 г.
- ⁵⁴ Линия Мажино — система оборонительных укреплений на границе с Германией, строилась под руководством военного министра Андре Мажино с 1929 по 1936 г. 14 июня 1940 г. в течение нескольких часов была прорвана.
- ⁵⁵ «The Washing on the Siegfried Line» («Стирка на линии Зигфрида», 1939) — песня композитора Майкла Карра на стихи Джими Кеннеди была настолько популярна, что ее пели и в нацистской Германии (с другими словами, разумеется).
- ⁵⁶ Воскресенский собор в Берлине на улице Гогенцоллерндамм в аристократическом районе Вильмерсдорф. Построен в 1935–1938 гг. Строительство по большей части финансировалось нацистским Министерством церковных дел.
- ⁵⁷ Хуан Ягуэ Бланко (1892–1952) — испанский генерал. Участник мятежа Франко, командовал самыми свирепыми — марокканскими — частями мятежного генерала. После взятия Бадахоса устроил массовый расстрел на арене для боя быков.
- ⁵⁸ Хосе Игуарте Москардо (1878–1956) — испанский генерал. Участвовал в мятеже генерала Франко против законно избранного правительства Народного фронта в Толедо. Военные под руководством Москардо проиграли гражданской милиции Народного фронта, укрылись в крепости Алькасар в центре города. В плен республиканцами был взят семилетний сын Москардо. Москардо предложили сдать крепость в обмен на жизнь сына. Москардо попросил позвать к телефону, по которому ему позвонили, сына, сказал ему: «Сын мой, погибни за Бога и Испанию!» Сына расстреляли. Алькасар (полностью блокированный) держался 70 дней. Когда в Толедо вошли части генерала Франко и блокада Алькасара была снята, Москардо устроил в Толедо бойню. Убиты были не только пленные, но и раненые в госпиталях, не только сторонники Народного

фронта, но и их семьи. За Бога, Испанию и семилетнего сына Москардо.

- ⁵⁹ Легион «Кондор» — добровольческое соединение немецких летчиков, участвовавших в Гражданской войне в Испании на стороне путчиста Франко. На счету «Кондора» — первая тотальная бомбардировка города в мировой истории (Герника, 1937 г.).
- ⁶⁰ Элла-Виола фон Пюклер-Бургхаус (в замужестве фон Флотов; 1914–1982) — дочь Ольги и Карла-Фридриха фон Пюклер-Бургхаус.
- ⁶¹ Елена Бенаццо Бош (?–2011) — в бытность своего мужа послом в Перу стала весьма успешной переводчицей латиноамериканской литературы на итальянский язык.
- ⁶² Агостиньо Бенаццо (1895–1978) — итальянский дипломат. Последний диппост: посол в социалистической Чехословакии.
- ⁶³ Имеется в виду дочь Германа Геринга Эдда Геринг (1938–2018). В НСДАП ее называли «нацистской кронпринцессой». На средства люфтваффе (чьим начальником был Герман Геринг) для Эдды был выстроен маленький дворец, копия королевского дворца Сан-Суси в Потсдаме. После Второй мировой войны работала врачом.
- ⁶⁴ Елена Элизабет Марта Вильгельмина Фридерика Бирон фон Курлянд (в замужестве Фурнель де Бовуар дю Рувр; 1908–1950).
- ⁶⁵ С генерал-лейтенантом войск СС, специалистом по карательным операциям, будет неуютно. Профессия накладывает отпечаток.
- ⁶⁶ Агата (Ага) фон Фюрстенберг-Хердринген (1905–1958) — вестфальская баронесса.
- ⁶⁷ Хендрик Мауритс ван Харсма де Вит (1884–1945) — посол Нидерландов в Берлине с 1938 по 14 мая 1940 г. После моментальной оккупации нейтральной Голландии 10–14 мая 1940 г. выехал с дипмиссией в оккупированную Голландию. Интересы оккупированной страны, правительство которой эмигрировало в Лондон, по договоренности с нейтральной Швецией остался представлять рядовой сотрудник посольства Нидерландов Адрианус Милленаар (1896–1981) в шведском посольстве в Берлине. Милленаар смог помочь весьма многим попадающим под удар нацистского репрессивного режима. Покинул Берлин в апреле 1945 г.

⁶⁸ Эдуард Даладьё (1884–1970) — политик, социалист. В 1936 г. вошел в коалиционное правительство Народного фронта (социалисты, радикалы, коммунисты) в качестве военного министра. После падения правительства Народного фронта (1938) стал премьер-министром. Именно тогда он ввел в состав правительства консерватора и рыночника Поля Рейно (министр финансов), чтобы выправить экономическое положение после популярных в народе социалистических реформ Народного фронта, изрядно подкосивших экономику страны. Как и все разумные политики Запада, после Первой мировой более всего опасался новой войны, поэтому вместе с Чемберленом пошел на уступки Гитлеру во время Судетского кризиса 1938 г. Перед началом войны с Германией подал в отставку. Был арестован коллаборационистским правительством Петена. Передан немцам. Содержался сначала в Бухенвальде, потом в замке Иггер в Австрии. После освобождения вернулся в политику.

⁶⁹ Поль Рейно (1878–1966) — некоторое время вице-президент консервативной партии «Демократический альянс». Один из немногих консервативных политиков Европы, кто, подобно Черчиллю, с самого начала занял антинацистскую позицию. Последовательный антифашизм привел к тому, что в 1938 г. Рейно вышел из консервативной партии «Демократический альянс». Политическое соперничество с Даладьё проявилось только один раз, во время Судетского кризиса, когда Рейно (единственный из всего кабинета министров) настаивал на жесткой политике по отношению к Германии. В остальном социалист Даладьё и консерватор Рейно оставались политическими союзниками. Рейно стал премьер-министром Франции после Даладьё. Отказался подписывать мирный договор с Германией. Арестован коллаборационистским правительством маршала Петена. Передан немцам. Содержался в концлагерях. После войны вернулся в политику.

⁷⁰ Поскольку Германия готовится перевести холодную (гибридную) фазу войны с Францией и Великобританией в горячую (по-настоящему военную) фазу, англоязычной пропаганде надо работать особенно активно.

- ⁷¹ Хор черноморских казаков в Берлине был основан в 1938 г. сыном полковника царской, потом белой армии, Николаем Орловым. С начала 1990-х гг. хором руководит сын Николая Орлова Петер Орлов. Мария Васильчикова берет в кавычки слово «черноморские», поскольку полагает, что черноморских казаков в России не было. Она ошибается. В 1787 г. из остатков уничтоженной Запорожской Сечи было создано Черноморское казачье войско. В 1792 г. эти казаки были переселены на Кубань.
- ⁷² Судя по тому, что хор поет и ныне, до сих пор любят.
- ⁷³ И гитлеровская идеология, и гитлеровская пропаганда до начала открытой (горячей) войны с Англией не была антианглийской. Да и во время войны с Англией упор в пропаганде Гителера делался на то, что простые английские парни погибают за интересы еврейской плутократии и безумца Черчилля.
- ⁷⁴ У принца цу Шаумбург-Липпе. Альберта цу Шаумбург-Липпе (1869–1942), овдовевшего мужа Эльзы фон Вюртемберг (1876–1936), дочери великой княгини Веры Константиновны (1854–1912), и их детей.
- ⁷⁵ В 1940 г. аристократический пригород Берлина недалеко от Постсдама на берегу реки Хавель.
- ⁷⁶ Август Вильгельм Генрих Гюнтер Виктор Прусский (1887–1949) — кронпринц. Активный сторонник нацизма. Член нацистской партии с 1929 г., член штурмовых отрядов — с 1930 г. После прихода нацистов к власти активной политической роли не играл. В 1945 г. приговорен американским военным судом к трем годам тюремного заключения. Отбыл срок. Умер в больнице во время подготовки второго суда, на этот раз с советской стороны.
- ⁷⁷ Ханс фон Флотов (1881–1947) — юрист; предприниматель; кол-лекционер. До Ноябрьской революции работал в прусском Министерстве торговли. Входил в состав правления фирмы Дидье, занятой производством огнеупорной керамики. Фирма существует и по сей день.
- ⁷⁸ Марио Гасперии (1907–2003).
- ⁷⁹ «Фиат 500», или «Фиат Тополино» (*итал.* topolino — мышка), — малолитражная итальянская машина, производилась с 1938 по 1950 г. По ее образцу был создан советский «запорожец» первого выпуска.

- ⁸⁰ Гильотина была, само собой, не миниатюрная, нормальных размеров.
- ⁸¹ Георгий Васильчиков ошибается. Казнь посредством средневековой секиры применялась и в Веймарской Германии. По распоряжению Гитлера, чтобы ускорить процесс, было введено гильотинирование. Последнее обезглавливание секирой в Германии произошло 18 февраля 1935 г. Были обезглавлены две дворянки, Рената фон Натцмер и баронесса Бенита фон Фалькенхайн, за шпионаж в пользу Польши. (Они и в самом деле были шпионками...)
- ⁸² Английские войска высадились в Норвегии (в Нарвике) 9 апреля. Это была одна из самых неудачных операций войск союзников во Второй мировой войне.
- ⁸³ Феликс (Ветти) фон Шаффготш (1904–1942) — австрийский горнолыжник из древнего дворянского силезского рода. В 1932 г. по заданию американского предпринимателя Авеля Гарримана обследовал горное побережье Тихого океана США с целью найти подходящее место для горнолыжного курорта. Неподалеку от шахтерского города Кетчума такое место Шаффготш обнаружил. Был одним из основателей этого курорта и горнолыжной школы Сан-Валли (Солнечная долина). Будучи убежденным нацистом, в 1938 г., во время аннексии Германией Судет, вернулся в рейх. Гарриман неоднократно звал фон Шаффготша вернуться. В 1940 г. Шаффготш отправился было в США, получив какое-то поручение от немецкого МИДа (Auswärtiges Amt, в тексте дневника АА). Был возвращен. Записался в армию, в части СС (дивизион «Флориан Гейер»). Погиб в горах Кавказа в 1942 г.
- ⁸⁴ Хассо фон Эцдорф (1900–1989) — дипломат. В июне 1933 г. вступил в нацистскую партию. В 1937 г. стал членом SA (штурмовых отрядов), последний чин в SA — оберштурмбаннфюрер (подполковник). Осуществлял связь МИДа и Генштаба, начальником которого был Франц Гальдер. В октябре 1939 г. вместе с сотрудником абвера (контрразведки) Хельмутом Гросскуртом и сотрудником МИДа (АА) Эрихом Кордтом составили меморандум «Надвигающаяся катастрофа» (Das drohende Unheil) для ОКВ (Верховное командование вермахта). В меморандуме Эцдорф, Гросскурт и Кордт анализировали авантюристическую политику Гитлера, направленную на развязывание крупномасштабной

войны, и предрекали крах Германии. Руководство вермахта получило этот меморандум. Гитлеру о нем никто из генералов не сообщил, но призыв составителей документа к немедленным активным действиям услышан не был. Эцдорф один раз беседовал на ту же тему с Гальдером, но безуспешно. После военных побед Гитлера Эцдорф держался вдалеке от заговорщиков 20 июля 1944 г., хотя и знал об их планах. После войны продолжал работать в дипведомстве.

⁸⁵ Меморандум «Надвигающаяся катастрофа» был составлен после начала войны. Примиринческой позиции стран Запада в этом случае просто не могло быть. Что же до примиренческой (мюнхенской) позиции стран Запада до войны, то в немалой степени она определялась надеждой на то, что в военном и дипломатическом руководстве Германии есть разумные люди, которые не позволят фюреру развязать войну.

⁸⁶ Кира Кирилловна (1909–1967) — младшая дочь великого князя Кирилла Владимировича. В 1938 г. в Потсдаме состоялась свадьба Киры Кирилловны и ее троюродного брата, Луи Фердинанда Прусского.

⁸⁷ Луи Фердинанд Прусский (1907–1994) — внук последнего германского императора Вильгельма II; предприниматель, инженер; меценат. Работал на заводах Форда в Детройте. В Германии работал в авиационной промышленности. Хотел уйти на фронт летчиком, Гитлер запретил ему участие в боевых действиях. Был близок к заговорщикам. Знал об их планах. После провала заговора его несколько раз допрашивали в гестапо.

⁸⁸ Кирилл Владимирович (1876–1938) — сын великого князя Владимира Александровича, внук императора Александра II. До революции пытался играть активную политическую роль. Один из участников так называемого «великокняжеского заговора». Поддержал Февральскую революцию. В эмиграции был близок к первой русской фашистской партии, партии младороссов, выдвинувшей своеобразный политический лозунг: «Царь и Советы». В 1924 г. назначил себя императором всероссийским. Мало кто из эмиграции с этим самовыдвижением согласился. Мария Васильчикова именует Кирилла Владимировича главой императорского дома, но отнюдь не императором.

- ⁸⁹ Служба «12 Евангелий» — великопостное богослужение, на котором читаются 12 отрывков из четырех Евангелий о страданиях и казни Иисуса Христа.
- ⁹⁰ Александр (Дики) Эрвейн Карл Иоганн Непомук фон унд цу Эльц генаннт Фауст фон Штормберг (1911–1977) — австрийский граф.
- ⁹¹ Братья Петер фон унд цу Эльц генаннт Фауст фон Штормберг (1909–1992); брат-близнец, Йоханнес Непомук Артур Якоб Стефан Симон фон унд цу Эльц генаннт Фауст фон Штормберг (1909–1999); Эрвейн Карл Иоганн Непомук Лукас (1912–1975); Альберт Мориц Иоганн Непомук Карл Мария фон унд цу Эльц генаннт Фауст фон Штормберг (1915–1988). Самое известное имение рода фон и цу Эльц в Хорватии — замок Эльц в Вуковаре, ныне городской музей.
- ⁹² Бурхард Фридрих Макс Вернер Георг Прусский (1917–1988) — внук императора Вильгельма II. Майор вермахта.
- ⁹³ Оскар Карл Густав Адольф Прусский (1888–1958) — пятый сын императора Вильгельма II. Генерал-майор вермахта. До нацистского переворота поддерживал военизированное монархическое объединение «Стальной шлем», антинацистски настроенное. После начала Второй мировой войны на фронте. В 1943 г. по секретному указу Гитлера (Prinzenerlass) был, как и все принцы крови, отправлен в отставку.
- ⁹⁴ Несмотря на то что идея и план норвежской операции принадлежали вновь назначенному военному министру Уинстону Черчиллю, провал норвежской операции послужил одной из причин отставки премьер-министра Невилла Чемберлена, последовательного сторонника политики умиротворения нацистской Германии. 10 мая 1940 г. Чемберлен подал в отставку. Вместо него премьер-министром стал Черчилль, последовательный враг нацистской Германии.
- ⁹⁵ Теодор Илион (1898–1984) — теософ; путешественник, автор книг о Тибете и тибетской медицине. В 1930-е гг. путешествовал по Тибету, доказывал, что открыл тайный подземный тибетский город. После войны жил в Швейцарии, потом в Австрии, печатался под псевдонимом Теодор Буранг.
- ⁹⁶ Курт-Кристоф (нем. Curt-Christoph; Ц.-Ц.) Александр фон Пфуль, 1907–2000 (с 1943 граф Бургес-Пфуль), — во время Второй

мировой сотрудник дипведомства рейха и абвера (контрразведки). В 1945 г. провел несколько месяцев в американском плену. С 1945 по 1949 г. — пресс-секретарь немецкого Крестьянского союза. С 1951 г. — пресс-секретарь диппредставительства ФРГ в Совете Европы.

⁹⁷ Софи Луиза ван ден Брок д'Обренан (в замужестве — де Вит; 1894–?) — светское прозвище Нини, родилась на Яве, наполовину яванка, отсюда особенная, странная красота.

⁹⁸ Анри Филипп Бенони Омер Жозеф Петен (1856–1951) — маршал Франции, коллаборационист. Участник Первой мировой. В 1917 г. — главнокомандующий французской армией. В межвоенный период — самый популярный генерал во Франции, тогда же начался его дрейф в сторону крайне правых политических организаций страны. 16 июня 1940 г., после взятия Парижа, правительство Поля Рейно подало в отставку. Премьер-министром стал маршал Петен. Он согласился на все условия мира с Германией. На неоккупированной территории Франции с центром в курортном городке Виши установил режим личной власти и активно сотрудничал с гитлеровцами. После войны судим, приговорен к смертной казни, но, учитывая пожилую возраст, приговор изменили на пожизненное заключение. Звание маршала ему было сохранено. Умер в тюрьме.

⁹⁹ Бернардо Аттолико (1880–1942) — итальянский дипломат. С 1930 по 1935 г. — посол Италии в СССР. Его донесения в Рим содержат сведения о голоде в СССР во время сталинской коллективизации. С 1935 по 1940 г. — посол в Германии, много сделавший для сближения нацистской Германии и фашистской Италии. С 1940 по 1942 г. — посол Италии в Ватикане. Был принципиальным противником войны Германии с Англией и Францией. Отозван из Берлина по личной просьбе Гитлера.

¹⁰⁰ Антуанетта Эмма Лауренция Шарлотта фон Крой (в замужестве Ордт; 1915–2011); Мария-Луиза Натали Энгельберта Людмила (потому и Лулу) фон Крой (1919–?).

¹⁰¹ Нэнси Луиза Лешман (1894–1983) — первая жена герцога Карла Рудольфа фон Крой (1889–1974). Герцог был женат четырежды. Нэнси родилась в Копенгагене, но ее родители были американцы, Джон Лешман и Джулия Крауфорд.

- ¹⁰² Карл XIII Рудольф Энгельберт Филипп Лео фон Крой (де Круа; 1889–1974) — представитель немецкой линии знатного рода фон Крой (де Круа) Нидерландов и Бельгии. Понятно, что все дворяне — родственники. По таковой причине среди фон Кроев (де Круа) можно и поляков найти, а не только французов и бельгийцев.
- ¹⁰³ Фон Клари унд Альдринген — австрийский (немецкий) дворянский род итальянского происхождения в Богемии (ныне Чехии). Теплиц — один из замков семейства Клари унд Альдринген в Чехии. Кроме этого замка, не менее знамениты палаццо Клари в Венеции и замок в Зальцбурге. Теплиц (на месте разрушенного католического монастыря) достался семейству Клари в 1634 г. после казни его прежнего владельца, фон Кински. Ныне в замке — музей. В бывшей домовой (католической) церкви замка с 50-х гг. XX в. проводит богослужения Православная церковь Чехии и Словакии.
- ¹⁰⁴ Агостино (Тино) Джиорджи Солдати (1910–1966) — швейцарский дипломат. С 1940 по 1944 г. — швейцарский атташе в Берлине. Последняя должность с 1961 по 1966 г. — посол Швейцарии во Франции.
- ¹⁰⁵ Начиная с 1939 г. немецкие провокации на швейцарско-немецкой границе не прекращались до 1943 г. Помимо этого, Швейцария была густо насыщена нацистскими шпионами и агентами влияния.
- ¹⁰⁶ Курт Хартман фон Витцлебен (1893–?) — брат одного из самых активных заговорщиков генерал-фельдмаршала Эрвина фон Витцлебена, конспирировавшего против Гитлера с 1937 г. Занимал крупный пост в пропагандистской и разведывательной структуре рейха. Послевоенная его судьба неизвестна.
- ¹⁰⁷ Эдоардо (Дино) Альфиери (Альфи; 1886–1966) — участник фашистского переворота в Италии, сторонник принятия в Италии расистских антисемитских законов по образцу рейха в 1938 г., что отнюдь не помешало ему участвовать в свержении Муссолини в 1943 г. В том же году бежал в Швейцарию. Заочно приговорен на фашистском Веронском процессе (1944) к смертной казни. В 1947 г. вернулся в Италию.

- ¹⁰⁸ Вильгельм Ойген Константин Максимилина (Макс) цу Шаумбург-Липпе (1898–1974) — немецкий автогонщик; по образованию экономист. Экономическое образование получил в семье баронов Ротшильд. Участник нескольких международных автогонок. Член нацистской партии с 1933 г. В годы Второй мировой войны в чине майора командовал танковым соединением.
- ¹⁰⁹ Эгберт Густаф Адольф Фритц (Фридрих) Браун фон Штумм (?–1940) — представитель нового немецкого дворянства, потомок владельцев металлургических заводов, ставших дворянами в начале XIX в. Сын дипломата Густафа Брауна фон Штумма (1890–1963); в годы нацизма служил в отделе прессы МИД (АА) рейха. Служил так ретиво, что был обруган Геббельсом за грубость и недипломатичность. Отсидев в американском лагере (1945–1951), занялся нумизматикой. Стал довольно известным немецким нумизматом.
- ¹¹⁰ Баронесса Ирма Фелицита фон Люттвиц (1893–1974) — первая жена Густафа Брауна фон Штумма. Вторая жена фон Штумма, маркиза Антенори, покончила с собой в 1943 г.
- ¹¹¹ Альфонс Мария Эдмунд Фридрих Карл Йозеф Алоизус Грегор фон Клари унд Альдринген (1887–1978) — седьмой князь фон Клари унд Альдринген. Участник Первой мировой войны. После весьма радикальной аграрной реформы в Чешской республике (1920) смог сделать свое сильно ужатое хозяйство рентабельным. После войны жил сначала во Франкфурте, потом в собственном палаццо в Венеции. В 1977 г. (за год до смерти) издал свои мемуары (переизданы в 2024) «История одного австрийца» с предисловием своего близкого друга, старшего сына Томаса Манна Голо Манна.
- ¹¹² Дарья Федоровна Фикельмон (урожд. графиня Тизенгаузен; также Долли, Доротея Фикельмон; 1804–1863) — внучка фельд-маршала Кутузова; любовница Пушкина; автор весьма интересного дневника, многие страницы которого посвящены Пушкину; жена австрийского посла в России Карла Людвиг фон Фикельмона. Теща деда Альфонса фон Клари унд Альдрингена, Эдмунда.

- ¹¹³ Элизалекс Александрина Мария Эдми Софи Фелиция де Байе-Латур (1885–1955) — жена, а потом вдова третьего президента Международного олимпийского комитета графа Анри де Байе-Латура.
- ¹¹⁴ Анри де Байе-Латур (1876–1942) — бельгийский спортсмен (конный спорт). Третий президент МОК (1925–1942). Симпатизировал гитлеровскому режиму. Несмотря на яростную борьбу против проведения Олимпийских игр в Берлине в 1936 г., добился их проведения именно там. Похороны графа де Байе-Латура в оккупированной нацистами Бельгии прошли с невероятной помпезностью. Гроб был накрыт Олимпийским флагом, на церемонию прощания с пышными венкам прибыли фюрер и министр иностранных дел рейха фон Риббентроп.
- ¹¹⁵ Тереза Мария Франциска Юдифь Кински фон Вхинитц унд Тетау (в замужестве фон Клари унд Альдринген; 1867–1943).
- ¹¹⁶ Джон Сингер Сарджент (1856–1925) — американский живописец. Первым из американских художников получил всеевропейскую известность. Один из самых высокооплачиваемых портретистов конца XIX — начала XX в. Портретировал политиков, знатей, известных писателей (Роберта Льюиса Стивенсона и его жену). Последний (наряду с австрийским художником Макартом и русским Серовым) представитель жанра парадного портрета. «Портрет графини Терезы Клари унд Альдринген» (1896) ныне находится в Лос-Анджелесе в частном музее (Собрание Рене и Ллойда Гриф).
- ¹¹⁷ См. коммент. 29.
- ¹¹⁸ Иоганн Георг Маркус Эрвин Мария Агидиус Августин фон Клари унд Альдринген (1919–2007) — восьмой князь фон Клари унд Альдринген. Участник Второй мировой войны. Умер в США (Ботана Спрингс, Флорида).
- ¹¹⁹ Мария Карл (Чарли, Чарльз) Георг Фридрих Лонгин Йозеф фон Клари унд Альдринген (1921–1944) — погиб в бою с югославскими партизанами в Хорватии у города Копривница во время карательного рейда 14 декабря 1944 г.
- ¹²⁰ Гарольд Клейтон Ллойд (1893–1971) — американский актер и кинорежиссер. Наряду с Чарли Чаплином и Бастером Китоном

самый популярный киноактер эпохи немого кино. Подобно Чарли Чаплину и Бастеру Китону, создал своего комического персонажа — очкарика (очки в черной круглой оправе с простыми стеклами — Ллойд не был близорук) Гарольда. В отличие от Гарольда Ллойда Чальз фон Клари унд Альдринген был близорук и носил очки в черной круглой оправе по необходимости, а не из эстетических соображений.

¹²¹ Лидвина (Лиди) Анна Мария Антония Андреа Вальпурга Текла фон унд цу Эльц генаннт Фауст фон Штромберг (в замужестве фон Клари унд Альдринген; 1894–1984).

¹²² Теплиц известен своими термальными водами. Петр приезжал в Теплиц поправить здоровье. По возвращении издал указ о поиске в России термальных источников. На теплицкие воды приезжали также Александр I и Николай I.

¹²³ Вильгельм Фридрих Франц Кристиан Олаф Прусский (1906–1940) — старший сын кронпринца Вильгельма и старший внук императора Вильгельма II. В 1940 г. в звании старшего лейтенанта воевал на Западном фронте в составе пехотной дивизии вермахта. Был тяжело ранен. Скончался от полученных ран в госпитале бельгийского города Нивеле. Траурное богослужение и торжественные похороны состоялись в потсдамской Фриденскирхе в парке Сан-Суси. На похороны пришло около 50 000 человек. Крупнейшая несанкционированная массовая акция во времена нацизма. После этого погребения Гитлер издал свой секретный указ (Prinzenerlass), запрещающий членам владетельных домов принимать участие в боевых действиях, с 1943 г. принцы крови и вовсе были удалены из армии.

¹²⁴ Ги Мари Зигфрид Фердинанд Гризле де Байе-Латур (1905–1941) был довольно быстро отпущен из плена. Бежал в Англию. Погиб во время воздушного налета люфтваффе на шотландский остров Арран 1 сентября 1941 г.

¹²⁵ 14 мая 1940 г. на Роттердам (город нейтральной страны, на которую напала Германия) было сброшено 97 тонн бомб. Весь центр города был выжжен.

¹²⁶ Переговоры о капитуляции Роттердама к этому времени были закончены. Власти города подписали капитуляцию.

- ¹²⁷ Пилоты люфтваффе выполняли приказ вышестоящего командования и никаких предупреждающих огней сухопутных частей вермахта заметить не могли, поскольку таковых не было. Немецкие аристократы, служившие в люфтваффе, видимо, после войны рассказывали Джорджи байки про то, что не заметили какие-то предупреждающие огни.
- ¹²⁸ Квартира генерал-лейтенанта войск СС графа Пюклера-Буркхауза сгорела в 1945 г. в результате воздушного налета авиации союзников.
- ¹²⁹ Массированная бомбардировка столицы Франции, в ходе которой погибло 600 человек, тоже повлияла на решение союзников подвергнуть (когда для этого представилась возможность) мощным воздушным налетам немецкие города.
- ¹³⁰ Потери в «шестинедельной войне» Германии с Францией с 10 мая по 22 июня 1940 г. были: у немцев — 45 218 убитыми, 111 034 ранеными, у французов — около 300 000 убитых и раненых. 2 млн попало в плен.
- ¹³¹ Пелам Гренвилл Вудхаус (1881–1975) — автор серии знаменитых романов о приключениях недотепистого аристократа и его ловкого слуги («Дживс и Вустер»). Рыцарь-командор ордена Британской империи (1975). В 1934 г., чтобы избежать двойного налогообложения в Великобритании и США, поселился с женой, американкой, в Ле Туке (Франция). В 1940 г. был помещен немецкими оккупационными властями в лагерь для перемещенных в Верхней Силезии. Накануне нападения Германии был переведен в Берлин, где представитель МИДа Германии, третьеразрядный артист Вернер Плак, уговорил Вудхауса принимать участие в немецком англоязычном радиовещании на Америку. Вудхаус согласился, оговорив, что ни о какой политике речь идти не будет. Он провел пять вполне аполитичных передач. После войны Вудхаус многими английскими писателями обвинялся в коллаборационизме. В защиту Вудхауса в печати выступили Ивлин Во, Дороти Сейерс и Джордж Оруэлл.
- ¹³² Не уточнено, что эта Американская радиовещательная система была частью отдела пропаганды МИДа (АА) рейха.

- ¹³³ Битва за незамерзающий порт Нарвик шла с 9 апреля по 8 июня 1940 г.
- ¹³⁴ Триумфа у Муссолини не получилось. Единственные удачные сражения французской армии в шестинедельной войне были с итальянцами.
- ¹³⁵ «Заговор Фиеско в Генуе» (1782) — вторая пьеса Фридриха Шиллера. Речь в ней идет о неудавшемся заговоре аристократа-свободолюбца Фиеско против тирана Андреа Дорио.
- ¹³⁶ Густаф Грюндгенс (1899–1963) — немецкий артист и режиссер. В 1920–1930-е годы был близок к крайне левым кругам Веймарской республики. Несмотря на свой гомосексуализм, с 1924 по 1929 г. состоял в браке с дочкой Томаса Манна Эрикой. Прославился своей ролью Мефистофеля в «Фаусте» Гёте. Играл эту роль с 1932 по 1960 г. После прихода к власти нацистов сделал довольно успешную карьеру. Ему покровительствовал Геринг. Грюндгенс с 1934 по 1945 г. был интендентом (главным режиссером) Прусского государственного театра в Берлине. Использовал свое высокое положение для помощи преследуемых. В частности, фактически спас от смерти коммуниста, певца Эрнста Буша. В 1945 г. 9 месяцев провел в советском концлагере. Был выпущен благодаря заступничеству Эрнста Буша и других спасенных им людей. Переехал в западный сектор оккупации. Первым (в 1946) поставил пьесу Евгения Шварца «Тень» за границей. Является прототипом главного героя романа своего бывшего зятя Клауса Манна «Мефисто».
- ¹³⁷ 14 июня начались переговоры. 22 июня был подписан мирный договор. Часть Франции была оккупирована. Южная ее часть осталась под руководством марионеточного коллаборационистского правительства маршала Петена со «столицей» в курортном городке Виши.
- ¹³⁸ Грюневальд — самый богатый квартал в Берлине. Знаменит своим лесопарком и обширными прудами. Русскому читателю Грюневальд известен по роману Набокова «Дар». Именно туда ходит купаться и загорать Годунов-Чердынцев.
- ¹³⁹ Советские войска вошли в Литву еще в октябре 1939 г. После раздела Польши между нацистской Германией и СССР 10 октября 1939 г. между Литвой и СССР был подписан договор.

СССР передавал Литве Вильнюсс, с 1920 г. входивший в состав Польши, и со своей стороны вводил на территорию Литвы 20-тысячный (ограниченный) военный контингент. 14 июля 1940 г. после военного разгрома Франции Литве был предъявлен советский ультиматум: ввести в Литву дополнительные войска и отправить литовское правительство в отставку. Литва согласилась с советскими требованиями. 15 июня 1940 г. советские войска вошли в Литву. Началась советизация балтийского государства.

- ¹⁴⁰ Антанас Сметона (1874–1944) — первый президент Литовской республики (1919–1920). В 1926 г. совершил военный переворот, сверг демократически избранное правительство, распустил парламент, фактически запретил все политические партии, установил диктаторский режим с культом собственной личности. В честь Сметоны были названы училища, улица и единственный военный корабль Литвы. После входа советских войск в Литву бежал в Германию, потом перебрался в Швейцарию, позднее — в США. Погиб в Кливленде во время пожара.
- ¹⁴¹ Альберт Мориц фон унд цу Эльц генаннт Фауст фон Штрюмберг (1915–1998).
- ¹⁴² Эрих Вильгельм Цехлин (1883–1954) — немецкий дипломат. На дипслужбе с 1919 г. С 1928 по 1933 г. — генеральный консул Германии в Ленинграде. С 1933 по 1940 г. — посол в Каунасе. С 1940 по 1945 г. — посол в Финляндии. В 1945 г. арестован НКВД в санатории под Дрезденом. Предъявлено обвинение в вербовке шпионов в Ленинграде с 1928 по 1933 г. Отправлен в сибирский концлагерь. Освобожден в 1953 г. Умер спустя год в Швеции, в Мальмё.
- ¹⁴³ Томас Гильдебранд Престон (1886–1976) — британский дипломат. На дипслужбе с 1910 г. Во время Гражданской войны в России был на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. С 1929 г. — сначала британский консул, с 1940 г. — посол в тогдашней столице Литвы Каунасе. Томас Престон помогал не только немцам и русским белоэмигрантам. С июня по сентябрь 1940 г. благодаря его усилиям и выданным им документам из Литвы накануне немецкого вторжения удалось выехать 1200 евреям через Турцию в Палестину. С сентября 1940 г. на консульской

службе в Турции. С 1941 по 1948 г. — консул Великобритании в Каире. Был помещен спецслужбами рейха в так называемый «Sonderfahndungsliste G. B.» («Особый розыскной список по Великобритании»). В случае захвата британских островов люди из этого списка должны были быть уничтожены.

¹⁴⁴ Тильзит (с 1946 Советск, Калининградская обл.) — город в бывшей Восточной Пруссии.

¹⁴⁵ Гатов — район большого Берлина на юге берлинского района Шпандау. Расположен на берегу притока Эльбы Хафеля. Бывшая деревня, включенная в состав большого Берлина в 1920 г. До сих пор самый малонаселенный район города. Долгое время Гатов берлинцы называли «деревней в городе».

¹⁴⁶ Илларион Васильевич Васильчиков (1776–1847) — граф с 1831 г., князь с 1839 г. (собственно, после него род Васильчиковых стал княжеским родом). Участник Наполеоновских войн с 1807 по 1815 г. Фаворит Николая I.

¹⁴⁷ Йозиас Клеменс Кристиан Вильгельм Куно фон Рантцау (1903–1950?) — немецкий дипломат. Член нацистской партии с 1938 г. Близкий друг (до 1940) Адама фон Тротта цу Зольца. С апреля 1940 г. — один из руководителей пропагандистского отдела МИДа (АА) рейха. С 1943 г. — сотрудник немецкого посольства в Бухаресте. После переворота в Румынии и заключения Румынией союзнического договора с СССР (23 августа 1944) вместе с посольством не успел эвакуироваться из Бухареста. 2 сентября 1944 г. советская армия вошла в Бухарест. Посол Германии Манфред фон Киллингер застрелился. Сотрудники посольства были арестованы СМЕРШ'ем. Йозас фон Рантцау был отправлен сначала в Лефортовскую тюрьму в Москве. Оттуда в концлагерь в Потьме, где и умер преположительно в 1950 г.

¹⁴⁸ Отто Христиан Арчибальд фон Бисмарк-Шёнхаузен (1897–1975) — немецкий политик и дипломат. Участник Первой мировой войны (с 1917 по 1918). В МИДе Германии с 1927 г. Депутат рейхстага от крайне правой Немецкой национальной народной партии. 1 мая 1933 г. вступил в нацистскую партию. После войны занимал различные посты в МИДе. Был депутатом от Христанско-демократического союза в бундестаге. В имени Отто фон Бисмарка в течение 15 лет (с 1945 по 1960) под чужой фамилией скрывался нацистский военный преступник Карл

Баэр. «Железный канцлер» — прозвище его деда, Отто фон Бисмарка (1815–1898), победителя Дании, Австро-Венгрии, Франции, создателя Германской империи и первого ее канцлера.

¹⁴⁹ Дино Альфиери.

¹⁵⁰ Ванзее — тогда пригород Берлина, ныне административный район города. Назван по двум озерам, Гроссер-Ванзее и Кляйнер-Ванзее. Основная часть района расположена на острове в озере Гроссер-Ванзее. Место расположения вилл, загородных дворцов и административных учреждений. Именно на этом острове 20 января 1942 г. состоялась Ваннзейская конференция нацистов, на которой было принято решение приступить к физической ликвидации евреев и разработаны конкретные методы «окончательного решения еврейского вопроса».

¹⁵¹ Джан Галеаццо Чиано, 2-й граф Кортелаццо и Буккари (1903–1944) — итальянский политик и дипломат. Зять Муссолини. Был женат на любимой дочке диктатора Эдде (в ее честь Муссолини переименовал город в завоеванной Албании). Член фашистской партии с 1922 г. С 1936 по 1943 г. — министр иностранных дел, затем посол Италии в Ватикане. Участвовал в антимуссолиниевском перевороте 1943 г. Поскольку пришедшие к власти заговорщики отстранили Чиано от всяких государственных и политических дел, бежал с женой в Германию. Немцы выдали Чиано и его жену Муссолини, создавшему на севере Италии Итальянскую социальную республику. Эдде удалось бежать. Чиано был судим и расстрелян.

¹⁵² Итало Бальбо (1896–1940) — один из основателей фашизма в Италии и вооруженных отрядов фашистской партии, отрядов «чернорубашечников». Организовывал убийства и похищения политических противников режима. Маршал авиации. Генерал-губернатор оккупированной Италией Ливии. С 1938 г. между Муссолини и Бальбо (не менее популярным, чем Бенито) росло напряжение. Бальбо становился негласным лидером оппозиционно (по отношению к Муссолини) настроенных фашистов. 28 июня самолет, за штурвалом которого был сам Бальбо, сбили итальянские зенитчики. Было ли это головоутиение итальянской ПВО или операция итальянских спецслужб, до сих пор неизвестно.

- ¹⁵³ Бласко Ланца д'Айета маркиз ди Трабия (1907–1969) — итальянский дипломат, близкий друг Чиано. После антимуссолиниевского переворота остался на дипслужбе. После войны продолжил свою дипломатическую карьеру.
- ¹⁵⁴ Норман Бейли-Стюарт (1909–1966) — английский нацист. Офицер английской армии. С 1932 г. сотрудничал с немецкой разведкой. В 1933 г. арестован. Во время процесса содержался в Тауэре. Приговорен к четырем годам тюремного заключения. Срок отбывал в старейшей английской тюрьме Мейдстон. Отбыв срок, в 1937 г. уехал в Австрию. В 1938 г. после аннексии (аншлюса) Австрии начал работать в нацистской радиопропаганде на англоязычные страны. Был ведущим радиоканалов, работающим на Англию и США. В 1940 г. стал гражданином Германии. В 1945 г. арестован. В отличие от другого радиоведущего, Уильяма Джойса (лорд Гау-Гау), не был повешен за государственную измену, а приговорен к двум годам тюремного заключения. (Джойс оставался гражданином Великобритании.) После отсидки перебрался в Ирландию, где жил под другой фамилией. Перед смертью написал мемуары «Офицер в Тауэре», опубликованные после его смерти в 1967 г.
- ¹⁵⁵ «Боже храни короля!» (или королеву, в зависимости от того, кто на троне) — английский государственный гимн и гимн королевской семьи Великобритании с начала XVIII в.
- ¹⁵⁶ Далем — до 1901 г. деревня под Берлином. С 1901 г. — фешенебельный район вилл и научных учреждений (пруссский Оксфорд).
- ¹⁵⁷ Петер Биленберг (1911–2001) — немецкий юрист; ирландский фермер. Убежденный противник национал-социализма. В 1934 г. был уволен с госслужбы за отказ принести клятву на верность фюреру. Близкий друг Адама фон Тротта цу Зольца. По его протекции был принят на службу сначала в Министерство экономики, потом в МИД. Дом Биленберга в Далеме стал одним из центров притяжения антинацистски настроенных интеллектуалов (кружок Крайзау). После покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. заключен в Равенсбрюк. В январе 1945 г. отправлен на фронт в составе штрафной бригады. Дезертировал. Скрывался в немецком городке Рорбахе. После войны эмигрировал в Ирландию. Основал образцово-показательную

ферму Манни-хаус. На ферме часто собирались родственники казненных заговорщиков.

- ¹⁵⁸ Кристабель Мэри Хармсворт Биленберг (в девичестве Бартон; 1909–2003) — английская писательница. Автор двух книг воспоминаний: о жизни в нацистской Германии («Прошлое это я», 1968) и о жизни в послевоенной Европе («Долгий путь в Манни-хаус: Из разоренной Германии в Ирландию», 1970). Племянница не лорда, но виконта Нортклиффа, Альфреда Хармсворта, основателя и руководителя первых массовых деловых газет Великобритании «Дейли мейл» и «Дейли миррор». Титул виконта им был получен в 1918 г. за успехи на газетном поприще.
- ¹⁵⁹ У Биленбергов было два сына и одна дочь.
- ¹⁶⁰ Биленбергам удалось переправить детей в Англию. Дочь Биленбергов вернулась в Германию в 1945 г. британским военным корреспондентом. На танке.
- ¹⁶¹ Имеются в виду Нэнси Уитчер Астор (1879–1974), дочь американского миллионера Лэнгхорна, вышедшая замуж за английского виконта, медиамагната Уильяма Уолдорфа Астора (1848–1919), первая женщина-парламентарий в Великобритании (депутат палаты общин от Консервативной партии), много сделавшая для развития в Англии дошкольного образования, и ее сын, Френсис Дэвид Лэнгхорн Астор (1912–2001), издатель, хозяин и главный редактор газеты «Обсервер». Парадоксальность ситуации состоит в том, что леди Астор была крайне правой, консерваторов, собиравшихся у нее в доме в Кливленде, называли «Кливлендская клика». И она, и ее «клика» были всецело за политику умиротворения Германии, проводимую Невиллом Чемберленом. Дэвид был лейбористом и убежденным антинацистом, отвергавшим всякие попытки договориться с Гитлером и уж тем более идти на какие бы то ни было уступки.
- ¹⁶² Филипп Керр, 11-й маркиз Лотиан (1882–1940) — английский дипломат, наиболее последовательный сторонник «мюнхенской» политики Чемберлена.
- ¹⁶³ Артур Невилл Чемберлен (1869–1940) — английский политик, консерватор, в 1937–1940 гг. — премьер-министр Великобритании. Самый активный проводник политики умиротворения Германии (appeasement). Печально известен своей фразой после

Мюнхенского соглашения, отдавшего Германии часть чешской территории: «Я привез мир для целого поколения». Категорический противник модернизации армии и увеличения военного бюджета. Английский флот не модернизировался с 1918 г. 10 мая 1940 г., когда стало ясно, что он привез не мир, а войну, ушел в отставку. Его место занял последовательный враг гитлеровской Германии Уинстон Черчилль.

¹⁶⁴ Эдуард Фредерик Линдли Вуд, 1-й граф Галифакс (1881–1959) — английский политик и дипломат. В 1938–1940 гг. министр иностранных дел — последовательный и верный сторонник Чемберлена. Несколько месяцев занимал в кабинете Черчилля прежний пост. В декабре 1940 г. отправлен послом в США.

¹⁶⁵ «Противодействовать Гитлеру» и «уважать национальные интересы Германии» не просто двусмысленный призыв, но призыв абсурдный. *Contradiction in adjecto* (противоречие в основании). Каким образом можно уважать национальные интересы отдавшей себя во власть агрессивной милитаристской диктатуре? К тому же все «мюнхенцы» во главе с Чемберленом только то и делали, что «уважали национальные интересы Германии» и доуважались до танков в Париже и бомб по Лондону.

¹⁶⁶ Далеко не все участники антинацистского Сопротивления были пламенными патриотами Германии. Пламенными патриотами Германии были участники консервативного антинацистского Сопротивления, что и предопределило их полную неэффективность.

¹⁶⁷ Разумеется, видный немецкий чиновник, произносящий антигитлеровские речи за границей, воспринимался весьма многими как самый обыкновенный провокатор. Да кто ж его к нам выпустил из рейха такого... антигитлеровца и пламенного патриота?

¹⁶⁸ Эрх Кордт (1903–1969) — немецкий дипломат. Член нацистской партии с 1937 г., штурмбаннфюрер СС (1939). В МИД Германии с 1928 г. В 1938 г. вместе с братом Теодором входил в группу Остера, разрабатывавшего гипотетические планы по свержению Гитлера в случае развязывания им войны. Высокопоставленные дипломаты и профессиональные военные опасались авантюризма Гитлера, взявшего курс на военный реванш после

поражения Германии в 1918 г. Они боялись затяжной войны, которую Германия не выдержит. С 1941 по 1943 г. работал в посольстве Германии в Токио. Стал одним из информантов Рихарда Зорге. В 1943–1945 гг. работал в немецком посольстве в Нанкине. Поскольку оставшиеся в живых участники заговора, равно как и их близкие, засвидетельствовали участие штурмбаннфюрера СС в антинацистском Сопротивлении, выступал на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля обвинения. После войны — профессор международного права в Кёльнском университете. Теодор Кордт (1893–1962) — немецкий дипломат. Член нацистской партии с 1939 г. 6 сентября 1939 г. провел секретную встречу с лордом Галифаксом, на которой уговаривал министра иностранных дел не идти ни на какие уступки Гитлеру в судетском вопросе. В случае, если Гитлер решится напасть на Чехословакию, военные совершат переворот. Это и был план Остера и Эриха Кордта. Лорд Галифакс не поверил Теодору Кордту. В 1939 г. Кордт передавал английской разведке сведения о ходе германо-советских переговоров. С 1941 по 1945 г. работал в посольстве Германии в Берне. После войны продолжил научную и дипломатическую карьеру. Последняя (перед выходом на пенсию в 1958) должность — посол ФРГ в Афинах.

¹⁶⁹ Ханс Бернд фон Хафтен (1905–1944) — немецкий дипломат и юрист. С апреля 1933 г. в МИДе Германии. Участник церковного движения «Исповедующая церковь» (антинацистское церковное движение в немецком протестантизме). Активный участник кружка Крайзау, антинацистских собраний интеллектуалов. Брат Ханса-Бернда, Вернер, был адъютантом Клауса фон Штауффенберга (1907–1944), совершившего покушение на Гитлера. 20 июля 1944 г. Вернер фон Хафтен сопровождал Клауса повсюду. Расстрелян вместе с ним. Ханса-Бернда арестовали одним из первых. Вывели на публичный суд над предателями родины, где Ханс Берндт в своей речи назвал Гитлера «исчадием ада». Гильотинирован.

¹⁷⁰ Крайзауский кружок — дискуссионный подпольный клуб антинацистски настроенных интеллектуалов, организованный графом Хельмутом фон Мольтке и графом Петером Йорком

фон Вартбургом. Назван так гестапо по месту, где часто собирались крайзаусцы, — имению фон Мольтке в Верхней Силезии Крайзау (ныне деревня в Польше, Кжижова, замок Мольтке сохранился, с 1970 г. — музей, посвященный кружку Крайзау). Идеологический спектр дискуссионного клуба был весьма широк: от социал-демократов до католических священников и протестантских пасторов, но общим базисом у них было то, что после войны стало называться «христианским социализмом».

Большая часть крайзаусцев были казнены после 20 июля 1944 г.

- ¹⁷¹ Хельмут Джеймс фон Мольтке (1907–1945) — немецкий юрист. Сын англичанки Доротеи Роз-Иннес (второе имя в честь английского деда). Отказался от госслужбы после прихода нацистов к власти. Работал адвокатом. Был одним из немногих немецких адвокатов, защищавших преследуемых по политическим или религиозным мотивам, помогал евреям (пока это было возможно) эмигрировать из нацистской страны. Один из основателей кружка Крайзау. По убеждениям — христианский социалист. Знал о планах заговорщиков 20 июля 1944 г. Был категорическим противником убийства Гитлера по христианским и адвокатским соображениям: убийство Гитлера создаст вокруг него ореол мученика. Арестован вместе с другими крайзаусцами. Судим. Гильотинирован.

- ¹⁷² Гестапо (Geheime Staatspolizei — тайная государственная полиция), в 1933–1945 гг. тайная политическая полиция рейха.

- ¹⁷³ Георгий Александрович Клодт фон Юргенсбург (1886–1940) — капитан 2-го ранга. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Похоронен на берлинском кладбище Тегель.

- ¹⁷⁴ Михаил Аполлинарьевич Хрептович-Бутенёв (1919–1992), из старого русского дворянского рода Бутенёвых. После революции семья эмигрировала в Австрию, потом в Париж. В 1932 г. переехала в Польшу. С 1940 по 1944 г. в Берлине. В 1944 г. Бутенёв уехал во Францию, где работал в организации «Международная помощь эмигрантам и беженцам». С 1948 г. в США. Умер в 1992 г. Перед смертью написал книгу «История старой русской дворянской семьи. Хроника семьи Бутенёвых».

¹⁷⁵ Аполлинарий Константинович Хрептович-Бутенёв (1879–1946), с 1899 г. — граф; русский дипломат; богатый землевладелец; церковный благотворитель во время эмиграции. В эмиграции жил на доходы со своих польских земельных владений. В 1932 г. санационный режим Пилсудского провел аграрную реформу, сильно урезав латифундии, а кроме того, потребовал, чтобы все латифундисты жили в своих имениях и занимались хозяйством, в противном случае их имения будут национализированы. Граф приехал в Польшу, поселился в своем имении Щорсы под Новогрудком (ныне Беларусь). В 1940 г. граф и его жена (преподавательница музыки в Новогрудском музыкальном училище) были арестованы НКВД. Жена (Ольга Александровна Харинова) была сослана в Актюбинск, где преподавала музыку в Актюбинском строительном техникуме. Аполлинарий Хрептович-Бутенёв переведен в тюрьму в Барановичи. 6 июня 1941 г., во время захвата немцами Барановичей, графу удалось бежать. Он вернулся в Щорсы, в 1943 г. уехал во Францию, в Париж. В 1944 г. его жене удалось бежать из Актюбинска в Персию, оттуда в Египет, в Александрию, где она работала медсестрой в госпитале. В 1945 г. Ольга Александровна добралась до Парижа и встретила с мужем. Аполлинарий Константинович Хрептович-Бутенёв — дед тещи Иосифа Бродского, Кати Соццани-Мальцовой.

¹⁷⁶ Мария Илларионовна Васильчикова ошиблась: детям Прасковьи Аполлинарьевны Мальцовой (в девичестве Бутенёвой; 1911–1969), близнецам Сергею Николаевичу Мальцову (1932–?) и Екатерине Николаевне Мальцовой (Katia Maltzoff-Sozzani; 1932–2014), было 8 лет.

¹⁷⁷ Пауль Мертц фон Квирнхайм (?–1945) был сбит 15 мая 1940 г. над Бельгией английским летчиком, но выжил. Погиб 1 января 1945 г. от ошибочного «дружественного огня».

¹⁷⁸ Никакой «ведущей роли» в антинацистском Сопротивлении генералов, дипломатов и священников после октября 1939 г., после неудачи меморандума «Грозящая опасность», написанного вместе с Гросскуртом и Кордтом, у Хассо фон Эцдорфа и близко не было. После того как он понял, что немецкие

(вообще) и прусские (в особенности) генералы не из того теста, чтобы совершать военные перевороты, он держался в стороне от любых попыток сопротивления. Да и само это сопротивление, как видит читатель данной книги, сводилось в основном к аналитическим запискам о грозящей опасности (для своих), разговорам о будущем Германии (среди своих), отважным церковным проповедям (если это были священники), передаче разведанных союзникам (генералами и дипломатами), уговорам союзников как можно жестче вести себя с фюрером, но... учитывать национальные интересы Германии (если это были дипломаты). Пролетарское молодежное хулиганье Гамбурга и Мюнхена, избивавшее и грабившее штурмовиков и эсэсовцев, если кто-нибудь из них, загуляв, забредал в их район, были куда большими сопротивленцами, чем даже Адам фон Тротт цу Зольц.

¹⁷⁹ Берлинская филармония — один из самых больших концертных залов тогдашней Европы. Первоначально здание предназначалось для скеттинг-ринга, с 1888 г. переоборудовано в филармонию, рядом был выстроен огромный Бетховенский зал. 30 января 1944 г. после дневного концерта (Франц Шуберт «Зимнее путешествие») здание разрушено прямым попаданием авиабомбы. До 1935 г. Берлинской филармонией руководил великий дирижер Вильгельм Фуртвенглер, но поскольку его оркестр продолжал исполнять музыку Мендельсона (еврея), а сам Фуртвенглер заступался за «вырожденческих» композиторов (Пауля Хиндемита, например), то в 1935 г. его пост занял нацист Ханс Бенда, а в 1939 г. — беспартийный композитор и дирижер Герхарт фон Вестерман; и при том и при другом Фуртвенглер продолжал дирижировать оркестром Берлинской филармонии.

¹⁸⁰ Дарья Михайловна Бибикова (в замужестве Горчакова; 1883–1962) — фрейлина императрицы Александры Фёдоровны. В 1917 г. бежала в Киев, в 1918 г. — в Одессу, в 1919 г. — в Константинополь, в 1920 г. — в Швейцарию, Лозанну. Активная благотворительница в среде русских эмигрантов.

¹⁸¹ Иван (Джан) Владимирович Вяземский-Левашов, граф (1915–1964) до конца войны содержался в лагере для французских

военнопленных, условия в котором были не в пример мягче, чем в лагерях для советских военнопленных. После войны работал в международных гуманитарных организациях. Муж дочери писателя Франсуа Мориака Клер Мориак. Отец знаменитой французской киноактрисы Анны Вяземски, первой жены Жан-Люка Годара.

¹⁸² Михаил Михайлович Кантакузен-Сперанский (1900–1972) — впоследствии крупный американский предприниматель.

¹⁸³ Алексей Никитич Татищев (1908–1975).

¹⁸⁴ Дочери сестры Иллариона Сергеевича Васильчикова Софьи Сергеевны Васильчиковой (в замужестве Щербатовой): Мария Александровна Щербатова (1909–1956), Ольга Александровна Щербатова (1910–1992), Ксения Александровна Щербатова (1912–2006), Софья Александровна Щербатова (1914–1996).

¹⁸⁵ Альфред Хорстман (1879–1947) — немецкий дипломат; издатель деловой биржевой газеты «Frankfurter General-Anzeiger»; коллекционер. До 1933 г. занимал видные посты в МИДе, ушел в отставку после прихода к власти нацистов в 1933 г. В 1946 г. был арестован НКВД по обвинению в издании пронацистской газеты. Умер в советском специальном лагере № 7 (бывшем Заксенхаузене) в 1947 г.

¹⁸⁶ Альфред Хорстман подал в отставку еще до принятия расистских нюрнбергских законов, согласно которым человеку, состоящему в браке с еврейкой (или евреем), нельзя было занимать государственные должности. Леония Лиззи Фанни Елена (Лалли) фон Швабах (в замужестве Хорстман; 1898–1954) — немецкая писательница и художница. Происходила из среды крупной финансовой еврейской буржуазии: ее отец, банкир и историк Пауль Швабах, получил дворянство (фон) в 1907 г. за заслуги в финансовой сфере. Мать, Элеонор Шрёдер, была немкой, поэтому Лалли было полегче, чем чистокровным евреям. После смерти мужа эмигрировала в Бразилию. Написала книгу воспоминаний о муже. Первое издание вышло под заглавием «Нам осталось невероятно много», второе — под названием «Нет причин для слёз...».

¹⁸⁷ «Kolynos» — линейка продуктов для ухода за полостью рта. Создана американским дантистом и изобретателем Ньювелом

Стиллом Дженкинсом. На нацистскую Германию наложены экономические санкции США. Американские товары в Германии поэтому достать затруднительно.

- ¹⁸⁸ Сименсштадт (буквально: город Сименса) — район Берлина, выкупленный в 1899 г. компанией «Сименс». На этой территории были расположены заводы Сименса, жилье для рабочих и служащих компании. В годы войны компания «Сименс» производила (разумеется) военную продукцию. На ее заводах использовался труд военнопленных и заключенных.
- ¹⁸⁹ Йицзас фон Ранцау руководил Информационным отделом МИДа (с апреля 1943 — культурно-политический отдел) и отделом фронтовой пропаганды.
- ¹⁹⁰ Отель «Эден» — один из самых богатых отелей в Берлине. Располагался в районе Тиргартен. В 1945 г. разрушен во время бомбардировки. Восстанавливался с 1951 по 1958 г.
- ¹⁹¹ Пауль Альфонс Мария Клеменс Лотар Филипп Нери Феликс Никомед фон Меттерних-Виннебург (1917–1992) — шестой и последний князь фон Меттерних, австро-немецкий автогонщик и винодел. С 1941 г. муж Татьяны Илларионовны Васильчиковой. С 1975 по 1985 г. — президент FIA (Международной автомобильной федерации).
- ¹⁹² Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург цу Байльштайн (1773–1859) — австрийский дипломат, министр иностранных дел (канцлер) Австрийской империи в 1809–1848 гг. Главный организатор Венского конгресса 1815 г., один из создателей Священного союза (монархи против революций). Один из создателей первой системы коллективной безопасности в Европе, основанной на принципах нерушимости границ и территориальной целостности государств.
- ¹⁹³ Мать Пауля фон Меттерниха Изабелла де Сильва и Карвайаль де Кастильехо (в замужестве фон Меттерних-Виннебург; 1880–1980) — испанская графиня.
- ¹⁹⁴ Ласло Надь де Бенко-Патони эт Мёзёкевшд, 1904–1945, — венгерский дипломат, погиб в Будапеште 18 февраля 1945 г.
- ¹⁹⁵ Всего за время войны столицу рейха бомбили 363 раза. Первый налет на Берлин каким-то чудом удалось совершить оди-

ночному польскому бомбардировщику осенью 1939 г. В 1940 г. Берлин стали бомбить английские бомбардировщики. Налеты носили одиночный характер. В августе 1941 г. на Берлин удалось сбросить бомбы советским летчиком. С 1943 г. (притытие американских бомбардировщиков) налеты на Берлин приняли систематический характер.

¹⁹⁶ «Мицуоко» — духи, созданные великим парфюмером Жаном Герленом в 1919 г. Носят имя героини романа Клода Фаррера «Битва», японской маркизы Мицуоко, влюбленной в русского князя, погибающего во время Цусимского сражения.

¹⁹⁷ «Мой коготок» — духи, созданные парфюмером Жаном Карлесом в Грассе в 1930 г.

¹⁹⁸ «Я вернусь!» — духи, созданные парфюмером Морисом Бланшо в 1932 г. Несмотря на несложный аромат, пользовались невероятным успехом в годы Второй мировой войны из-за своего названия. Йозиас фон Ранцау не без намека дарил четверем берлинским девушкам в 1940 г. духи (из ограбленной Франции) с такими названиями.

¹⁹⁹ Георгий Васильчиков очень сочувствует немецким летчикам (среди которых было много немецких аристократов). Никакой ошибки в первой бомбардировке Лондона не было. Как не было ошибок в бомбардировке Герники, Варшавы, Роттердама, Парижа. Гитлер и впрямь надеялся на мир с Англией. Когда и дипломатический его демарш, и массированная (чрезвычайно умелая) пацифистская и пораженческая радиопропаганда (коей ведали отделы, где работали Мария и Татьяна Васильчиковы) не привели к мирным переговорам, Гитлер решил нанести удары по английским городам, чтобы деморализовать английское население.

²⁰⁰ Утверждение вряд ли соответствует действительности. Каким образом британская авиация смогла «перевести дух» и собраться с силами, когда шли воздушные бои над Англией и одновременно английские бомбардировщики пытались прорваться к городам на территории Германии?

²⁰¹ «Зеленый свет» для бомбежек агрессивной страны мог быть дан и в 1937 г., когда летчики легиона «Кондор» буквально

расстреляли абсолютно незащищенный (без какого-либо ПВО) испанский город Герника.

²⁰² Максимилиан фон Кикебуш и Клаус Георг Эмиль Ханс Фридрих фон Кикебуш — из прусского дворянского рода фон Кикебушей (Kieskebusch), близкого к прусскому королевскому (императорскому германскому) двору.

²⁰³ Мемориальная церковь императора Вильгельма I — самое высокое здание в тогдашнем Берлине (113 м). Строилась в 1891–1895 гг. по распоряжению императора Вильгельма II в память о его дедушке, первом императоре Германии Вильгельме I. В ночь с 22 на 23 ноября 1943 г. разрушена (но не до основания) прямым попаданием английской бомбы. Берлинцы не стали восстанавливать церковь. Ее обгорелые руины и одна полуразрушенная башня (71 м высотой) стоят до сих пор напоминанием о войне. В Берлине эту церковь называют «больной зуб города».

²⁰⁴ KDW (нем. Kaufhaus des Westens — Торговый дом Запада) — самый большой универмаг Берлина, долгое время был самым большим универмагом в Европе. Открыт в 1907 г. В 1934 г. аризирован, то есть отнят у прежних владельцев-евреев. 23 ноября 1943 г. сбитый американский бомбардировщик рухнул на КДВ, результатом чего стали взрыв и пожар. КДВ оказался на территории Западного Берлина. Полностью восстановлен в 1956 г. Стал символом экономического процветания.

²⁰⁵ «Рождественскими елками» берлинцы стали называть падающие на город авиабомбы.

²⁰⁶ Пауль Херманн Карл Хуберт фон Хатцфельдт-Вильденбург (1867–1941) — немецкий дипломат и землевладелец, его жена, Мария фон Штумм (1882–1954), его дети: Урсула фон Хатцфельдт-Вильденбург (1913–1969), Барбара фон Хатцфельдт-Вильденбург (1916–1987), Луиза фон Хатцфельдт-Вильденбург (1917–1945), Франц-Герман фон Хатцфельдт-Вильденбург (1920–1941, убит во время советского контрнаступления под Москвой).

²⁰⁷ Пограничная с Францией Рейнская область была ближе для английских бомбардировщиков, но до 1943 г. английской

авиации не хватало сил для ковровых бомбардировок Германии. В 1943 г. сил хватило.

- ²⁰⁸ Рур — промышленный район Германии, центр металлургической промышленности Германии. Мария Васильчикова правильно полагает, что этот район должен стать мишенью для бомбардировок. Он и стал в 1943–1944 гг.
- ²⁰⁹ Дитрих фон Мандельсло — оберлейтенант, погиб на фронте. Из саксонского дворянского рода.
- ²¹⁰ Аристократическая вежливость. Никакой нацистский партийный комитет не рискнул бы конфисковать квартиру в пользу какого бы то ни было партийца у фронтовика.
- ²¹¹ Больница Святой Ядвиги — католическое медицинское учреждение, одно из самых старых в Берлине. Здание построено в 1845 г., надстроено в 1920-х гг. Как это ни удивительно, не сильно пострадало от бомбежек. Функционирует до сих пор. В больнице работала монашка и медсестра Марианна Хапиг (1894–1973). С 1942 г. она прятала евреев от депортации в больницу. Во время процесса над заговорщиками 20 июля 1944 г. организовывала им передачи с воли от католической организации «Каритас». Умудрялась получать от узников концлагерей нецензурированные письма, которые потом, перепечатав, распространяла.
- ²¹² Ричард Эдвард Метц (1919–1987) — германо-американский предприниматель.
- ²¹³ Кротторф (Crottorf) — имение и замок Хатцфельдтов-Вильденбургов. Принадлежит к типу замков на воде.
- ²¹⁴ Барбара фон Хатцфельдт-Вильденбург (1916–1987).
- ²¹⁵ Католический собор в центре Кёльна рядом с вокзалом. Третье место в списке самых высоких соборов мира. Строился с 1248 по 1880 г. Окончание строительства стало символом возрождения великой Германии. Долгое время был самым высоким зданием в Европе (157 м).
- ²¹⁶ Витражи Кёльнского собора носят название «библейских окон». Основная и самая ценная часть была создана в 1248–1500 гг., так называемые «малые библейские окна» созданы в 1823–1892 гг. Разумеется, вывезены были витражи 1248–1500 гг.

- ²¹⁷ Урсула фон Хатцфельдт-Вильденбург (1913–1969).
- ²¹⁸ Франц-Герман фон Хатцфельдт-Вильденбург (1921–1941).
- ²¹⁹ Бове — город на севере Франции, столица департамента О-де-Франс, был почти стерт с лица земли бомбами люфтваффе. Ратуша (1752) была разрушена так, что после войны построили копию прежнего здания.
- ²²⁰ Печально знаменитый пакт Оси. К нему был готов присоединиться и СССР, но Сталин и Гитлер не поделили сферы влияния в Юго-Восточной Европе. Непрописанность (неточность формулировки о помощи друг другу) позволила Японии в декабре 1941 г., когда Гитлер объявил войну США, не объявлять войну СССР.
- ²²¹ Людвиг Густав Вильгельм Аликс Йоханнес Генрих Бирон фон Курлянд, князь (1912–1941) — пилот люфтваффе. Его сестра Елена тогда напрасно расстраивалась. Густу Бирона убили спустя год, когда он летал бомбить не Англию, но СССР.
- ²²² См. коммент. 64.
- ²²³ Цоо (нем. Zoo) — вокзал (построен в 1882) и станция метро (построена в 1902 г. на первой ветке берлинского метро) недалеко от берлинского Зоосада (Zoogarten).
- ²²⁴ Константин Виттельсбах фон Байерн (1920–1969) — из рода королей Баварии, Виттельсбахов. С 1939 г. в вермахте. В 1940 г. в связи с запретом особам королевской и императорской крови служить в армии (Prinzenerlass) из армии удален. Изучал право. Работал юристом. После 20 июля 1944 г. по гитлеровскому Закону о родственниках (Sippengesetz; согласно этому закону, уголовному преследованию подвергались не только враги режима, но и их ближайшие родственники) арестован. После войны — журналист, политик, депутат сначала баварского парламента (ландестага), потом федерального (бундестага). Автор двух книг: «Папа: Пий XII» и «Без силы и блеска. Гогенцоллерны. Виттельсбахи. Габсбурги. Судьбы династий тогда и теперь».
- ²²⁵ Екатерина Георгиевна Голицына (урожд. графиня Карлова; 1891–1940) — во время войны работала в Военном министерстве Великобритании переводчицей. Погибла во время воздушного налета 9 октября 1940 г., возвращаясь домой с работы. Три ее сына воевали в английской армии.

- ²²⁶ И Гитлер, и его внешнеполитическая пропаганда (в одном из отделов которой работали сестры Васильчиковы) подчеркивали: война с Англией вынужденная, нужная только правящей клике Великобритании во главе с безответственным авантюристом Черчиллем.
- ²²⁷ В. С. Соловьев был скорее почитателем Ф. М. Достоевского.
- ²²⁸ «Краткая повесть об антихристе» (1899) — финальная часть последнего произведения Владимира Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899). Предсказание Соловьева сводятся к завоеванию Европы и Америки Китаем.
- ²²⁹ Фон Зальдерны — один из самых древних восточнопрусских дворянских родов.
- ²³⁰ Зичи — древний (с XIII в.) графский венгерский род.
- ²³¹ Мост Халензее (Halensee) — пешеходный мост над железнодорожными путями в берлинском районе Халензее (по названию небольшого озера, расположенного в центре этого района).
- ²³² Особых успехов на французском театре военных действий у итальянцев не было. Более того, это был единственный фронт, где как раз французам удалось сдержать натиск агрессоров. Муссолини получил Ниццу (родной город Гарибальди) и Корсику в качестве подарка от победителя, Гитлера.
- ²³³ Иоаннис Метаксас (1871–1941) — с 1936 по 1941 г. премьер-министр Греции. Во внутренней политике — типичный диктатор XX в., националистический и популистский одновременно, во внешней — жесткий сторонник нейтралитета своей страны и укрепления ее обороноспособности. В связи с этим он не раз отказывался от активной военной помощи Великобритании, которую ему предлагали, поскольку понимал, что это означает вступление в войну Германии. После его смерти в январе 1941 г. его преемник согласился на то, что в войну на Балканах вступит Англия, после чего в войну с Грецией вступила Германия, не без труда, но разгромившая греческие войска и оккупировавшая страну. До января 1941 г. греческая армия била итальянскую армию с легкостью.

- ²³⁴ Любопытная деталь, свидетельствовавшая об осведомленности Марии Васильчиковой. Греция не отказывалась от военной помощи Англии. В Грецию были направлены четыре эскадрильи английских ВВС, а 1–4 ноября на самый большой греческий остров, Крит, с согласия Греции, прибыли английские войска. Высадка английских войск началась 1 ноября 1940 г. Васильчикова пишет о высадке 29 октября. Крит был захвачен немцами в мае 1941 г.
- ²³⁵ Английский экспедиционный корпус (весьма небольшой) прибыл в материковую Грецию только 5 марта 1941 г.
- ²³⁶ Антанас Сидаравичюс (1902–1951). Мария Васильчикова ошиблась. Сидаравичюс не был начальником литовской полиции. С 1938 по 1944 г. он преподавал немецкий язык в каунасской школе полиции.
- ²³⁷ Кларита фон Тротт цу Зольц (урожд. Тифенбахер; 1917–2013) — немецкий врач и психоаналитик. Училась в Кембридже. Совершила путешествие на Ближний Восток, где и познакомилась с Адамом фон Троттом цу Зольцем. В июне 1940 г. они поженились. 17 августа 1944 г. арестована по так называемому Sippengesetz (Закону о родственниках): за госпреступление несут ответственность и ближайшие родственники госпреступника. Дети фон Тротта были отправлены в детдом. В конце сентября 1944 г. Кларита выпущена из тюрьмы. Смогла вытащить детей из гестаповского детдома. После войны занималась медицинской практикой.
- ²³⁸ Вальтер Хевель (1904–1945) — немецкий дипломат, один из немногих ближайших друзей Гитлера. Вступил в нацистскую партию подростком. Участвовал в Пивном путче (1923). Когда Гитлер отбывал тюремное заключение, по личной просьбе был отряжен в камеру к Адольфу для выполнения по сути камердинерских услуг. После путча работал в Индонезии в фирме, торгующей кофе. В 1930-е гг. вернулся в Германию. Был послом в Испании. Затем — офицером связи Гитлера и МИДа. Весной 1945 г. достал Гитлеру цианистый калий. После самоубийства Гитлера покончил с собой. Вел достаточно откровенный дневник, в котором делал записи на индонезийском языке.

- ²³⁹ «Саварен» («Savarin») — один из самых (наряду с «Адлоном») шикарных и дорогих ресторанов в предвоенном и военном Берлине.
- ²⁴⁰ Потому французские вина и шампанское в покоренной Франции и распределялись по карточкам, что они наводнили рейх.
- ²⁴¹ Берлинский «Аквариум» — старейшее в Европе собрание морских животных. Открыт в 1913 г. Тогда был самым крупным аквариумом в мире. Разрушен в 1945 г. Полностью восстановлен в 1958 г. Расположен в Цоо (зоологическом саду Берлина).
- ²⁴² Самолет, в котором летел Кьяпп, был сбит по ошибке итальянцами.
- ²⁴³ В бытность свою префектом полиции Кьяпп сквозь пальцы смотрел на террористическую деятельность французских фашистов, кагуляров. Племянник Кьяппа был женат на дочери Антона Деникина. Брат Кьяппа активно сотрудничал с немецкими оккупантами. Расстрелян после войны.
- ²⁴⁴ Пьетро Бадольо, маркиз Саботини, герцог Аддис-Абебский (1871–1956) — политический и военный деятель Италии. Участник Первой мировой. После поражений Италии в итало-эфиопской войне назначен главнокомандующим (1933), с большим трудом привел Италию к победе. В 1936 г. взята Аддис-Абеба. Противник авантюристического внешнеполитического курса Муссолини. В 1940 г. на посту главнокомандующего его сменил начштаба Уго Кавальери (1880–1943). В 1943 г. Бадольо стал одним из активных заговорщиков, совершивших весьма удачный антимуссолиниевский переворот. Премьер-министр Италии в 1943–1944 гг. В его коалиционное правительство входили и коммунисты.
- ²⁴⁵ Доменико Каваньяри (1876–1966) — итальянский адмирал. На нем лежит немалая ответственность за скверное техническое оснащение итальянского флота. Отказался от радаров («игрушки дьявола», как он их называл). На посту командующего итальянским флотом его сменил Артуро Риккарди (1878–1966).
- ²⁴⁶ Александрос Леониду Папагос (1883–1955) — греческий военный и политический деятель. В 1940–1941 гг., будучи главнокомандующим греческой армии, смог не только отбить нападение Италии, но организовать удачное контрнаступление.

Умело сопротивлялся вермахту. Организовал эвакуацию части греческой армии и небольшого экспедиционного корпуса англичан. Отказался покинуть Грецию. В 1943 г. арестован, отправлен в Дахау. В 1945 г. освобожден. Прибыв в Грецию, возглавил войну против коммунистического партизанского движения, которая была закончена в 1949 г. С 1952 по 1955 г. — премьер-министр Греции. В Афинах район, где расположено Министерство обороны, назван его именем.

²⁴⁷ Английская военная помощь Греции даже после вступления в войну с Грецией Германии была минимальной.

²⁴⁸ Герберт Риттер фон Караян (1908–1989) — знаменитый австро-немецкий дирижер; потомок богатых греческих купцов, переселившихся в Австрию, получивших дворянство в конце XVIII в. Член нацистской партии с 1933 г. Взлет карьеры пришелся на годы нацизма. После того как в 1938 г. им была исполнена опера Бетховена «Фиделио», в немецкой прессе его называли «Чудо-Караян» (Wunder-Karajan). После войны легко прошел процесс денацификации и продолжил дирижирование с неизменным успехом.

²⁴⁹ Густав Генрих Эрнст Мартин Вильгельм Фуртвенглер (1886–1954) — знаменитый немецкий дирижер и композитор. Несмотря на сдержанное отношение к нацизму, был прославляем нацистской пропагандой как гордость немецкой музыки (кем он, вообще-то, и был). В НСДАП не вступил. Между Караяном и Фуртвенглером существовала весьма сильная и личная, и профессиональная неприязнь.

²⁵⁰ «Адлон» — самый богатый и фешенебельный отель в Берлине. Назван по фамилии создателя и владельца Лоренца Адлона. Построен в 1907 г. Во времена нацизма «Адлон» игнорировался нацистами, они предпочитали столоваться в другом шикарном отеле — «Кайзерхоф». «Адлон» продолжали посещать аристократы. Отель уцелел во время бомбежек и штурма Берлина. Был разграблен и сожжен советскими войсками. Восстановлен в 1997 г.

²⁵¹ Игнацио Оярсабаль и Марчезе (1903–1944) — первый секретарь испанского посольства в Берлине. Член ультраправого политического объединения «Фаланга». Отец современного испанского дипломата Антонио Оярсабаль и Марчезе (р. 1935). Его

- супруга — Мария-Пилар Оярсабаль и Марчезе (1910–1945). Игнацио и Мария-Пилар погибли в Южной Франции в результате крушения поезда, устроенного французскими партизанами.
- ²⁵² День одного блюда, или Воскресный айнтопф — пропагандистская акция, учрежденная нацистами 13 сентября 1933 г. В одно из воскресений месяца с октября по март в каждом немецком заведении общепита и даже в немецких домохозяйствах на обед должно было подаваться одно блюдо, айнтопф (буквально: один горшок), густой мясной суп наподобие русской солянки. Если человек в этот день шел в ресторан и получал миску айнтопфа, то платил он за эту миску по средней цене полного обеда в этом ресторане. Юмор ситуации состоит еще и в том, что единственная страна в Европе, взявшая на вооружение эту акцию по единению нации, была... франкистская Испания, в которой «день одного блюда» проводился с 1936 по 1942 г. Испанцы Оярсабали, уже вкусившие в Испании, что такое «день одного блюда», пробуют этот же перформанс в Германии.
- ²⁵³ Айнтопф — национальная крестьянская еда — вовсе не безвкусен. Вкус его зависит от составляющих его продуктов.
- ²⁵⁴ Италия с лета 1940 г. приняла участие во Второй мировой войне на стороне Германии. Пользуясь многократным численным превосходством над английскими войсками (160 тысяч против 35), итальянцы медленно продвигались вперед в Северной Африке, но ускорили темп наступления, когда началась война с Грецией. Именно тогда английские войска и перешли в контрнаступление, закончившееся разгромом армии фашистской Италии.
- ²⁵⁵ Пьетро Малетти (1880–1940) — участник Первой и Второй мировых войн. Посмертно награжден высшей наградой фашистской Италии «За воинскую доблесть». Во время итало-эфиопской войны в конце мая 1937 г. по его приказу был уничтожен эфиопский монастырь Дебре-Либанос. 320 монахов было расстреляно. Убит во время разгрома его механизированной дивизии, названной его именем.
- ²⁵⁶ Арчибалд Персивалл Уэйвелл (1883–1950) — английский военный и политический деятель. Участник Англо-бурской и Первой

мировой войн (в 1916–1917 — военный атташе при штабе русской Кавказской армии). С июля 1939 г. — главнокомандующий британскими войсками на Ближнем Востоке и в Северной Африке. К февралю 1941 г. из Северной Африки были выдвинуты почти все итальянские войска. С прибытием экспедиционного корпуса Роммеля дела пошли настолько плохо, что в июне 1941 г. Уэйвелл был смещен со своего поста. С января 1942 г. — Верховный союзный главнокомандующий в Юго-Восточной Азии в войне против Японии. С июня 1943 по февраль 1947 г. — последний британский вице-король Индии.

²⁵⁷ Эрвин Йоханнес Ойген Роммель (1891–1944) — самый результативный и знаменитый из всех гитлеровских военачальников. Участник Первой мировой войны. Прославился молниеносными операциями в Северной Африке, за скорость и неожиданность своих ходов получил прозвище Лис пустыни по обе стороны фронта. Последней удачей Роммеля в Северной Африке было взятие великолепно укрепленной крепости Тобрук (21 июня 1942). В октябре–ноябре 1942 г. немецкие войска были разгромлены в битве при Эль-Аламейне и отброшены на тысячу километров. После высадки в ноябре 1942 г. в Северной Африке американских войск Роммель стал настойчиво уговаривать Гитлера эвакуировать немецкие и итальянские войска из Северной Африки. Гитлер не внял и снял Роммеля с поста командующего североафриканскими войсками. В мае 1943 г. немецкие и итальянские войска в Тунисе капитулировали. Последний пост Роммеля — командующий в Северной Франции. Пытался организовать сопротивление высадке союзников. Смерть Роммеля таинственна. По одной из версий он был причастен к заговору 20 июля 1944 г. и покончил с собой после неудачи военного переворота.

²⁵⁸ Тауэнциенштрассе — торговая улица на западе Берлина. Спроектирована в 1860-х гг., построена в 1890 г. Входит в состав так называемого берлинского «генеральского тракта» — улиц, проложенных после победы над Францией (1871), скопленных с парижских бульваров и названные по именам прусских генералов (Тауэнциен — участник войны с Францией 1813–1815 гг.). Полностью уничтожена во время бомбежек.

Находилась на территории Западного Берлина. Восстановлена в 60-х гг. XX в.

- ²⁵⁹ Джованни Реведин маркиз ди Сан-Мартино (1904–1990) и его жена, уроженка Нью-Йорка Маргарет Рандольф Реведин, маркиза ди Сан-Мартино (урожд. Тримбл; 1901–1968).
- ²⁶⁰ Неприятие фашистского режима у итальянских дворян (а их было большинство в дипведомствах) и неприятие агрессивного внешнеполитического курса сложилось раньше и было прочнее, чем у дворян немецких.
- ²⁶¹ Мария Васильчикова имеет в виду не каменную рыбу, или бородавчатку (она ядовита и обитает в южных морях), но род камбалы (Steinbutt — каменная камбала), обитающую в Атлантике и имеющую промысловое значение.
- ²⁶² Индийский легион СС «Свободная Индия», 1942–1945 — добровольческое военное соединение из индийцев, пакистанцев (мусульман) и сикхов, создававшееся из военнопленных английской армии с 1940 г. В 1942 г. легион СС «Свободная Индия» был создан. Принимал участие в карательных операциях против французских партизан, потом в оборонительных боях против англо-американских войск. Разгромлен в 1944 г. во время взятия Бордо. Попавшие в плен legionеры были привезены в Индию, судимы и амнистированы. Разумеется, востоковед Адам фон Тротт цу Зольц занимался не только формированием этого славного боевого соединения, но и многими другими делами, связанными с борьбой индийцев и пакистанцев против английского колониализма.
- ²⁶³ Субхас Чандра Бос (1897–1945) — один из создателей (наряду с Ганди и Неру) Индийского национального конгресса.
- ²⁶⁴ Вильгельм Карл Кеплер (1882–1960) — немецкий экономист, промышленник, дипломат. В нацистской партии с 1927 г. Один из ближайших экономических советников и близкий друг Гитлера. В 1932 г. создал финансово-промышленную группу «Круг друзей экономики», впоследствии «Круг друзей рейхсфюрера СС». Группа осуществляла связь между бизнесом, нацистской партией и СС. Спонсировала СС. Кеплер был судим в 1949 г. на так называемом «министерском процессе». Приговорен к 10 годам заключения. Вышел на свободу в 1951 г.

Кеплер был не из тех людей, кто согласился бы чем-то руководить номинально.

²⁶⁵ Александр Верт-Регенданц (1908–1973) — немецкий юрист, дипломат и промышленник. В 1934 г. его приемный отец Вильгельм Регенданц, близкий к кругу консервативного противника Гитлера Курта фон Шлейхера, бежал в Англию. Александр Верт-Регенданц был арестован и три месяца провел в концлагере. По выходе ему позволили уехать в Англию. В Англии Верт работал юрисконсультom в немецких фирмах, торгующих с англоязычными странами. После аннексии Судет (1938) Верт стал добиваться возвращения в рейх. Ему позволили при условии, что он откажется от фамилии отчима и послужит в вермахте. Верт согласился. Он — участник войны в Норвегии и во Франции. С 1940 г. служил в МИДе вместе со своим другом фон Троттом цу Зольцем под началом Кеплера. Верт был непосредственным куратором Субхаса Чандра Боса. В 1971 г. написал биографию Боса «Индийский тигр». После войны занимался бизнесом. Видимо, «стойкий антинацизм» вынудил доктора Александра Верта вернуться в рейх в 1938 г., когда только очень не желавший этого видеть не видел: Гитлер на всех парах шел к полномасштабной войне.

²⁶⁶ Никакого краха эта идея не потерпела. И добровольцев хватало, и добровольческий легион СС «Свободная Индия» был создан.

²⁶⁷ Георгий Васильчиков сильно преувеличивает бытовой расизм Гитлера. Ему не нравились цветные, но он вполне умело разыгрывал антиколониалистскую карту, недаром его так любят современные африканские диктаторы.

²⁶⁸ Георгий Васильчиков перепутал легион «Свободная Индия», воевавший на стороне немцев в Европе, и Индийскую национальную армию, созданную в 1942 г. японцами. В 1943 г. ее главнокомандующим стал Субхас Чандра Бос. Гитлер справедливо решил, что в Индии Бос принесет больше пользы странам Оси, чем в Берлине или Бордо.

²⁶⁹ «Хорхер» (1904–1944) — излюбленный ресторан нацистской элиты. Открыт в 1904 г. ресторатором Густавом Хорхером (1871–1931). После его смерти дело унаследовал его сын Отто, имевший близкие связи с нацистами. Именно в «Хорхере»

праздновали убийства штурмовиков Геринг и Гимлер после «ночи длинных ножей». Именно в «Хорхере» нацисты устроили праздничный обед наследнику британского престола Эдуарду, принцу Уэльскому, сочувствовавшему Гитлеру и его морганатической жене, американке Уоллис Симпсон. Особенной любовью «Хорхер» пользовался у Геринга. Из нацистской элиты «Хорхер» ненавидел Геббельс. Поэтому после его речи о тотальной войне с демагогическим призывом закрыть все рестораны и увеселительные заведения единственным закрытым рестораном оказался... «Хорхер». Отто позволили открыть «Хорхер» в Испании, в Мадриде, где ресторан существует и по сей день.

²⁷⁰ Мария Васильчикова русифицирует итальянскую фамилию швейцарского дипломата Агостиньо Солдати.

1941, январь – июнь

- ²⁷¹ Георгий Илларионович Васильчиков и Александр Илларионович Васильчиков, братья Марии Илларионовны Васильчиковой.
- ²⁷² Тобрук — город в Ливии. 21 января 1941 г. взят 6-й добровольческой австралийской дивизией, входившей в состав английской армии. В ходе штурма австралийцы потеряли 49 человек убитыми и 305 ранеными. 27 000 итальянцев было взято в плен. Кроме того, было захвачено 208 артиллерийских орудий и 28 танков.
- ²⁷³ В восточной части Тиргартена посольский квартал находился с середины XIX в. В рамках архитектурного проекта «Столица мира — Германия» было решено перенести в Тиргартен все посольства. Проектом руководил любимый архитектор Гитлера Альберт Шпеер. В Тиргартене были построены здания датского, итальянского, японского, югославского, норвежского и испанского посольств.
- ²⁷⁴ Британское посольство находилось (с 2000 и по сей день) недалеко от отеля «Адлон» в бывшем дворце «железнодорожного короля» Германии Бетеля Штроусберга. Ирония Васильчиковой в том, что дворец Штроусберга был едва ли не самым огромным дворцом в Берлине.

- ²⁷⁵ Разумеется, Гитлер до последнего надеялся на мир с Англией.
- ²⁷⁶ Хуан Луис Рока де Тогорес и Кабальеро, граф Рокамора (1897–1982) — полковник и его жена, Мария де лос Анхелес Мартинез де Кампос и Сан-Мигель графиня Рокамора (1898–?).
- ²⁷⁷ Иоганн Георг Маркус (Маркус) Эрвайн Мария Агидиус Августин фон Клари унд Альдринген (1919–2007) — восьмой князь фон Клари унд Альдринген.
- ²⁷⁸ Альфонс (Альфи) Мария Эдмунд Фридрих Карл Йозеф Алоизиус Грегор фон Клари унд Альдринген (1887–1978) — седьмой князь фон Клари унд Альдринген.
- ²⁷⁹ Ресторанчик английской кухни в Берлине «Toasty».
- ²⁸⁰ Луиза (Лулу) Левек де Вильморен (1902–1969) — французская писательница и сценаристка. По ее сценариям снимали фильмы Макс Офюльс, Луи Маль, Орсон Уэллс, Жан Деланнуа. За заслуги перед французской культурой награждена орденом Почетного легиона. Невеста Антуана де Сент-Экзюпери. Жена американского магната Генри Ли Ханта (1886–1972), которому родила трех дочерей. Потом жена венгерского графа Пауля Пальфи аб Эрдеда (1890–1968). Брак продлился несколько месяцев. Последние годы жизни жила с другом своей юности писателем Андре Мальро.
- ²⁸¹ Пауль Мария Луи Антаун Эстерхази де Галанта (1901–1989) никогда не был официальным мужем Луизы де Вильморен. Он бы ее любовником.
- ²⁸² Ханс (Джаджи) Рихтер — начальник отдела Научного института труда Немецкого рабочего фронта (Arbeitswissenschaftliche Institut der DAF), созданного нацистами в 1935 г. при огосударственной профсоюзной организации DAF. Отдел Рихтера занимался проблемами международного рабочего и профсоюзного движения и был тесно связан с АА (МИДом) рейха.
- ²⁸³ Нем. Wolf — волк, Woelfhen — волчок или волчонок.
- ²⁸⁴ Людовика (Луизетта) Иоанна Алоизия Джозефа Паула Франциска Хедвиг Мария Магдалины Элизабет фон Квадт цу Викрадт унд Исни (в замужестве фон Рантцау; 1910–1986) — графиня, принадлежала к древнему (с XIII в.) баварскому дворянскому роду. Отец, граф Ойген фон Квадт цу Викрадт унд Исни, был депутатом декоративного (при нацистах) рейхстага, от

нацистской партии разумеется. Впоследствии Людовика (Луизетта) вышла замуж за Йозиааса фон Рантцау.

²⁸⁵ Гюнтер Альтенбург (1894–1984) — немецкий дипломат. В 1938 г. вместе с руководителем партии судетских немцев Конрадом Генлейном умело организовал судетский кризис, окончившийся сначала аннексией Судет, потом оккупацией всей Чехословакии. В 1941 г. работал в Греции. Один из организаторов массовой депортации евреев из Фессалоник в Освенцим. Ухитрился не попасть под суд. Выступал на Нюрнбергском процессе свидетелем. После войны продолжал оставаться на дипломатической службе.

²⁸⁶ Франц Вальтер Шталекер (1900–1942) — нацист, военный преступник. Член НСДАП с 1933 г. Столь позднее вступление в партию не помешало его карьерному росту.

²⁸⁷ В концлагеря и гетто, где люди были обречены на вымирание.

²⁸⁸ Франц Вальтер Шталекер пользовался покровительством как Гимлера, так и Гейдриха.

²⁸⁹ Франц Вальтер Шталекер был тяжело ранен советскими партизанами в Гатчине неподалеку от своей штаб-квартиры.

²⁹⁰ Бланш Роза Гейр фон Швеппенбург (1918–2003) — баронесса из древнего прусского дворянского рода. Родила Пфулю двух дочерей и сына.

²⁹¹ Лео Дитрих Франц Гейр фон Швеппенбург (1886–1974) — один из самых успешных танковых генералов вермахта. Участник польской и французской кампаний. До 1943 г. действовал на территории СССР. С 1943 г. во Франции. Тяжело ранен в 1944 г. во время авианалета. С 1945 по 1947 г. в американском плену. В 1950-х гг. — один из создателей бундесвера (армии ФРГ).

²⁹² «Кайзерхоф» (буквально: Императорский двор), 1875–1943 — первый отель-люкс в Берлине. Был облюбован нацистской элитой. Здесь праздновал свадьбу Геринг. В отеле располагался предвыборный штаб нацистов. Гитлер встречался здесь с крупными промышленниками. Отель был расположен неподалеку от нового здания рейхсканцелярии, построенного в 1938–1939 гг. «Кайзерхоф» уничтожен прямым попаданием авиабомбы в 1943 г. В 1950-е гг. восстановлен. В здании ныне расположено посольство КНДР.

- ²⁹³ Рюдигер Рудольф Фридрих Вильгельм Адельманн фон унд цу Адельсманнфельден (1893–1969) — немецкий дипломат, граф. С 1939 по 1941 г. — советник немецкого посольства в Каунасе. С 1941 по 1944 г. — консул в Плоешти (Румыния). В сентябре 1944 г. задержан румынскими войсками и передан советским спецслужбам. В 1951 г. по решению ОСО МГБ СССР осужден на 25 лет. Освобожден в 1955 г. Умер в Германии, в Тюбингене.
- ²⁹⁴ Альфонсо XIII Бурбон (1886–1941) — король Испании (с 1886 по 1931), прадед нынешнего короля Филиппа VI. Бежал из страны после свержения военного диктатора Primo de Rivera в 1931 г. Отрекся от престола в пользу своего сына Хуана в 1941 г. Умер в Риме 28 февраля 1941 г. Испанский диктатор Франко восстановил монархию в 1947 г.
- ²⁹⁵ Кенигсварт (ныне Лазне-Кинжварт, Чехия) — имение Меттернихов. В замке Меттернихов ныне музей, открытый для публичного осмотра.
- ²⁹⁶ Разумеется, не желают знать, раз там регулярно столуются Шпеер, Гиммлер, Геринг и прочие нацистские бонзы.
- ²⁹⁷ Витольд Медекша (1869–1944).
- ²⁹⁸ Пакт трех держав (Пакт Оси) — союзный договор между Германией, Италией и Японией, заключенный на 10 лет 27 сентября 1940 г. Договор о взаимопомощи между тремя агрессивными державами, обделенными (как казалось их политикам) после Первой мировой войны. Любопытно, что к этому пакту немецкие дипломаты (стойкие антинацисты) мечтали привлечь и СССР, но Сталин и Гитлер не поделили Балканы и Финляндию. В случае присоединения СССР к державам Оси пакт стал бы называться пактом четырех держав — не срослось.
- ²⁹⁹ Борис III Саксен-Кобург (1894–1943) — болгарский царь с 1918 по 1943 г. Фактически единоличный правитель страны после военного переворота 1934 г. Постоянно уклонялся от прямого сотрудничества с Гитлером. Не объявил войну СССР, не послал болгарские войска на Восточный фронт, не присоединился к гитлеровскому геноциду евреев. Умер после личной встречи с Гитлером 28 августа 1943 г. Официальная версия — инфаркт.

- ³⁰⁰ Согласно секретному протоколу к пакту о ненападении от 23 августа 1939 г., СССР получал Бессарабию и Северную Буковину, в которую части Красной армии вошли 28 июня — 1 августа 1940 г. 2 августа того же года была создана Молдавская ССР со столицей в Кишиневе.
- ³⁰¹ Не одна только Болгария, но и Венгрия стала претендовать на часть Трансильвании. 30 августа 1940 г. по решению так называемого второго Венского арбитража часть Трансильвании была передана Венгрии.
- ³⁰² Георгий Васильчиков ошибается. Южная Добруджа была передана Болгарии не по решению второго Венского арбитража, а по условиям Крайовского договора, заключенного 7 сентября того же года.
- ³⁰³ Зигмунд Вильгельм Вальтер Лист (1880–1974) — немецкий генерал-фельдмаршал. Участвовал во вторжении в Чехословакию, Польшу, Францию. За французскую кампанию получил чин генерал-фельдмаршала. Руководил военными действиями против Греции и Югославии с 6 апреля 1941 по декабрь 1942 г. Издал приказ о создании лагерей для заложников, которые должны быть расстреляны в случае партизанских акций. 17 октября по его приказу были уничтожены две сербские деревни, Ано и Като Кердылла. С 1942 г. на Кавказе. По его приказу флаг со свастики был установлен на Эльбрусе. Судим в Нюрнберге. Приговорен к пожизненному заключению. Выпущен (по состоянию здоровья) в 1952 г. Поскольку его вина в совершении военных преступлений была доказана, никакого участия в формировании бундесвера он не принимал (в отличие от Гейра фон Швеппенбурга).
- ³⁰⁴ Кицбюэль — древний австрийский город в Тироле, в Австрийских Альпах. Знаменит своим горнолыжным курортом. В 1928 г. в Кицбюэле была построена первая навесная дорога для лыжников. Функционирует до сих пор и до сих пор — самая длинная навесная дорога в мире. В годы нацизма — излюбленное место отдыха нацистской элиты. Частыми гостями Кицбюэля были Шпеер, Геринг, Гиммлер, Риббентроп. Риббентроп купил себе сельский дом неподалеку от городка. Один из немногих городов Австрии и Германии, который не пострадал от войны.

- ³⁰⁵ Стоит обратить внимание на то, что с 1938 г. Германия ведет агрессивную войну, непрерывно расширяя военные действия; между тем в самой Германии война пока не так уж заметна.
- ³⁰⁶ Надо отдать должное осведомленности Марии Васильчиковой. Запись о сербском (югославском) кризисе от 6 марта. Во главе Югославии пронемецкое правительство. 25 марта 1941 г. Югославия подписывает в Вене протокол о присоединении к странам Оси. 25 и 26 марта в городах Сербии — массовые демонстрации протеста. 27 марта 1941 г. — военный переворот. Новое правительство денонсирует протокол, подписанный в Вене.
- ³⁰⁷ Клаус Гreve Алефельдт-Лауэрвиг-Лен (1909–1983) — датский граф и предприниматель.
- ³⁰⁸ Ленд-лиз (от *англ.* *lend* — давать в долг и *lease* — сдавать в аренду) — неофициальное название «Закона по обеспечению защиты Соединенных Штатов Америки», принятого Конгрессом США 11 марта 1941 г. Закон позволил США поставлять противникам гитлеровской Германии боеприпасы, технику, продовольствие, медикаменты без оплаты, в кредит. По окончании войны оставшееся целым вооружение и техника должны были быть возвращены. Долг по ленд-лизу погашался в течение многих лет. (РФ погасила долг в 2006 г.) С ноября 1941 г. к программе ленд-лиза был подключен СССР.
- ³⁰⁹ По курсу 2015 г. один только СССР получил от США товаров на 160 млрд долларов. В ходе переговоров после войны сумма долга была снижена до 722 млн долларов.
- ³¹⁰ 27 марта 1941 г. в Берлин прибыл пронемецки настроенный министр иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуока (1880–1946). С 27 по 29 марта он провел многочасовые переговоры с Гитлером и Риббентропом. После этого отбыл в Москву, чтобы заключить Советско-японский пакт о взаимном нейтралитете, подобный пакту о ненападении Германии и СССР 23 июня 1941 г. Мацуока настаивал на том, что после нападения Германии на СССР следует поддержать союзника, разорвать пакт и начать войну с СССР на Дальнем Востоке. После чего был отправлен императором в отставку. Подготовка к такому важному визиту велась в Берлине полным ходом: устраивались всевозможные выставки, украшались улицы и площади.

- ³¹¹ Востоковед и дипломат, стоящий на страже национальных интересов Германии, Адам фон Тротт цу Зольц к таким мелочам, как подготовка выставки, не привлекался. Его задачи были, по всей видимости, значимее, и он их уже выполнил.
- ³¹² Архиепископ Иоанн (Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989) — проповедник; писатель, поэт, издатель. Участник Гражданской войны в России. Издатель и главный редактор эмигрантского журнала «Благонамеренный». Публиковал стихи под псевдонимом Странник. В 1926 г. пострижен в монашество. В 1932 г. — настоятель Свято-Владимирского храма в Берлине, а позже и благочинный всех своих приходов в Германии. В 1937 г. воевал в Испании в роте русских добровольцев-франкистов. В 1941 г. поддержал нацистское вторжение в СССР. «Промысл избавляет русских людей от новой гражданской войны, призывая на землю силы исполнить свое предназначение. Право на операцию свержения 3-го Интернационала поручается искусному, опытному в науке своей немецкому хирургу. Лечь под его хирургический нож тому, кто болен, не зазорно. Операция началась. Неизбежны страдания, ею вызываемые. Но невозможно было провидению долее ожидать свержения 3-го Интернационала рукою сосланных и связанных на всех местах русских людей... Понадобилась профессиональная, военная, испытанная в самых ответственных боях железно точная рука немецкой армии. Ей ныне поручено сбить красные звезды со стен русского Кремля, она их собьет, если русские люди не собьют их сами. Эта армия, прошедшая своими победами по всей Европе, сейчас сильна не только мощью своего вооружения и принципов, но и тем послушанием высшему зову, Провидением на нее наложенному сверх всяких политических и экономических расчетов. Сверх всего человеческого действует меч Господень», — писал отец Иоанн (Шаховской) в берлинской русскоязычной газете «Новое слово» 29 июня 1941 г. Но 24 июля 1944 г. в Берлине он тайно отслужил службы о здравии тех, кто в опасности, и об упокоении душ расстрелянных гестапо католиков, протестантов, православных, принимавших участие в заговоре 20 июля. После войны эмигрировал в США, где получил

звание архиепископа Сан-Францисского и Западно-Американского. Жил в Санта-Барбаре.

³¹³ Эугенио Эспиноза де лос Монтерос и Бермехильо (1880–1953) — испанский дипломат и военный деятель. Активный участник Гражданской войны в Испании на стороне Франко. Наиболее пронемецки и пронацистски настроенный из всех франкистов, он был назначен послом Испании в Берлине летом 1940 г. Один из организаторов встречи Гитлера и Франко в пограничном с Испанией французском городе Андае в ноябре 1940 г., находившемся на территории подконтрольного Германии вишистского (петеновского) режима. На этой встрече Гитлер безуспешно пытался добиться от Франко вступления в войну на стороне стран Оси. Эспиноза де лос Монтерос оставался на своем посту в Берлине до 17 июля 1941 г.

³¹⁴ Готфрид фон Бисмарк-Шёнхаузен (1901–1949) — немецкий политик. По образованию юрист. До прихода к власти нацистов работал в немецко-американской транспортной компании. Вступил в нацистскую партию 1 сентября 1932 г. Благодаря своему происхождению сделал головокружительную карьеру и в партии, и в СС. Был депутатом рейхстага. С 1942 г. сблизился с заговорщиками. Через него заговорщики хотели заручиться поддержкой части эсэсовцев. Арестован по делу о покушении на Гитлера. Отправлен в Заксенхаузен, откуда освобожден советскими войсками. Погиб в автокатастрофе вместе с женой неподалеку от французского города Вердена.

³¹⁵ Мелания Хойос цу Штихзенштайн (1916–1949) — представительница самого древнего дворянского рода из упомянутых в этой книге. Испанский, с XVI в. австрийский род Хойосов существует с IX в. Мать Мелании — французская маркиза, Эдме де Лу-Шандье (1892–1945). Поженились Готфрид и Мелания в 1937 г. в Вене.

³¹⁶ Лоремари фон Шёнбург-Хартенштейн (1914–1986) — активная участница заговора 20 июля. Работала в МИДе рейха секретаршей. После ареста заговорщиков не только носила им передачи, но и пыталась организовать побег. Перебралась в Вену. После войны сотрудничала с американской разведкой.

Вышла замуж за офицера этой разведки. Жила в США, потом переехала в Вену. Занималась активной природоохранной деятельностью. Философ Теодор Визенгруд Адорно, с которым она подружилась в США, писала о ней: «Таких женщин надо помещать в заповедники или устанавливать над ними защитные стеклянные купола».

³¹⁷ Георгий Васильчиков несколько преуменьшает звание младшего внука Бисмарка. Готфрид фон Бисмарк-Шёнхаузен был бригадефюрер СС, то есть генерал-майор.

³¹⁸ Эмиль Преториус (1883–1973) — график, иллюстратор; один из самых значительных сценографов Германии начала XX в. Входил в круг друзей Томаса Манна. Манн посвятил его иллюстрациям к повести Эйхендорфа «Из жизни одного бездельника» главу в своей книге «Рассуждения аполитичного». В 1942 г. отправлен в концлагерь по доносу за «сочувствие к евреям». Выпущен по личному распоряжению Гитлера, который (не без основания) считал Преториуса самым великим театральным художником Германии. С 1947 по 1961 г. Преториус — сенатор Баварии. С 1953 по 1968 г. — президент Баварской академии художеств.

³¹⁹ Питер Флеминг (1907–1971) — английский путешественник и писатель. Прославился до войны своими путевыми очерками (Бразилия, Китай, Тибет, Бирма, Индия, Сибирь, Кавказ) и авантюрными романами. До появления «бондианы» своего младшего брата, Яна Флеминга (1908–1964), был куда более известен. За героическое участие во Второй мировой войне награжден орденом Британской империи и орденом Заоблачной хоругви республики Китай.

³²⁰ Пал Телеки де Чек (1879–1941) — венгерский граф; политик; картограф, путешественник; основатель скаутского движения в Венгрии. В политику из академической науки ушел после Первой мировой войны и венгерской революции. Занял ультраправую позицию. Дважды был премьер-министром Венгрии. Последний раз — в 1939–1941 гг. Во внешнеполитических делах старался, чтобы Венгрия сохраняла нейтралитет. Венгерские политики и большая часть населения страны,

обиженная послевоенным Трианонским договором (1919), старались вернуть исконно венгерские земли на Балканах. На Телеки нажимал не только Гитлер накануне вторжения в Грецию и Югославию, но и весь кабинет министров вместе с Генштабом. Выступить вместе с Гитлером означало разорвать договор о мире и сотрудничестве с Югославией, недавно заключенный. Телеки этого сделать не мог и после заседания своего военного кабинета, где он остался в меньшинстве, покончил с собой выстрелом из револьвера, оставив записку диктатору Венгрии, адмиралу Хорти: «Ваша Светлость! Из трусости мы можем нарушить данное нами слово, разорвать договор с Югославией о дружбе и вечном мире, подписанный в Мохаче. Это ляжет тяжелым пятном на честь нации. Нация не сможет этого не почувствовать. Мы выступим на стороне подонков, оправдывающих свои зверства словами, в которых нет ни грана правды ни для венгров, ни для немцев! Мы станем мародерами! Жалкий удел для нации. Я не могу это выдержать. Я — виноват. Пал Телеки».

³²¹ Ян Хако Феликс Ярослав Павел Мария фон Чернин цу Худениц (1910–1986) — австрийский граф из чешского онемеченного дворянского рода Черниных (Худениц — их родовое поместье). Дворец Черниных в Праге занимает ныне МИД Чешской республики.

³²² Йозеф Мария Адольф Пиус Титус цу Шварценберг (1900–1979) — австрийский князь из чешского дворянского рода Шварценбергов. Старший брат, Адольф, будучи последовательным антинацистом, бежал в США. Племянник, Генрих, по личному распоряжению Гимmlера отправлен в Бухенвальд в 1940 г. Освобожден в 1944 г.

³²³ В ночь на 5 апреля Германия без объявления войны напала на Югославию. К войне против Югославии присоединились Венгрия и Италия. Началась «Операция 25». Нападение было осуществлено с нескольких сторон: со стороны Италии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Австрии, Албании. В самой Югославии немцев и их союзников поддерживали хорватские националисты (усташи) под руководством Анте Павелича. 12 апреля 1941 г. Белград был взят. Югославия была поделена между победителями,

Германией, Венгрией, Италией. Было оставлено три марионетных государства, Сербия, Черногория и Хорватия.

³²⁴ Райнфельд (ныне Барновец, Польша) — поместье бабушки Готфрида Бисмарка, Йоханны фон Путткамер (1824–1894). В социалистической Польше господский дом использовался для хозяйственных нужд. Ныне дом приобретен и отреставрирован польским велогонщиком Чеславом Лангом.

³²⁵ Померания — часть Восточной Пруссии. Сейчас Померания поделена между Германией и Польшей. В Польше это Поморское воеводство, в Германии — часть федеральной земли Мекленбург-Померания.

³²⁶ Независимое государство Хорватия со столицей в Загребе провозгласило себя 10 апреля 1941 г. и сразу же приступило к физическому уничтожению сербов, евреев, цыган. Никогда полностью не контролировало свою территорию, поскольку ответом на террор было вооруженное сопротивление партизанских сербских отрядов (четников) под руководством Драже Михайловича и партизанских коммунистических отрядов под руководством Иосипа Броз Тито.

³²⁷ У Готфрида Бисмарка было трое детей: Венделина Луитгарда Алиса Эдме фон Бисмарк-Шёнхаузен (в замужестве фон Ледебур-Вихельн; 1937–1968), Иоанна Барбара Маргарита фон Бисмарк-Шёнхаузен (в замужестве Брукс Розенталь; 1939–1986) и Андреас Герберт Александр фон Бисмарк-Шёнхаузен (1941–2013). Он родился 14 февраля 1941 г., 13 апреля ему было два месяца.

³²⁸ Имеется в виду прусский дворянский земельный банк: Kur- und Neumaerkisches Ritterschaftliches Kreditinstitut (1777–1945).

³²⁹ 27 марта 1941 г. в Белграде произошел военный переворот, свергший пронемецкое правительство принца-регента Павла Карагеоргиевича. Королем стал 17-летний антигермански настроенный Петр II Карагеоргиевич. Поскольку он был в курсе планов заговорщиков, никто его из постели не вытаскивал и никаких генералов (наставников) на его глазах не расстреливал. Мария Васильчикова работала в пропагандистском отделе МИДа, и, по всей видимости, это был прорабатываемый ее начальниками «фейк».

- ³³⁰ Имперская служба труда (Reichsarbeitsdienst; 1935–1944) — система трудовых лагерей для молодежи, созданная в нацистской Германии. С 1935 г. каждый немецкий юноша с 17 до 24 лет должен был 6 месяцев провести в трудовом лагере, как правило в сельской местности. С начала войны эта повинность распространилась и на девушек. Однако для аристократов были поблажки. Инесс фон Вильчек отправилась отдавать трудовой долг родине не в казарму трудового лагеря, а к своей старшей подруге в имение ухаживать за ее детьми. Девушек, отбывающих эту повинность, называли «Arbeitsmaiden» — «Девы труда».
- ³³¹ Ханна Леопольдина Алиса фон Бисмарк-Шёнхаузен (в замужестве фон Бредов; 1893–1971) — старшая дочь Герберта фон Бисмарка, внучка Отто фон Бисмарка и правнучка (по матери) изобретателя торпеды английского инженера Роберта Уайтхейда. В 1915 г. вышла замуж за ротмистра Леопольда фон Бредова (1875–1933). В отличие от своих братьев, Отто и Готфрида, ненавидела нацистов и их вождя еще до их прихода к власти. В 1930 г. записывала в дневнике: «Если Гитлер придет к власти, Германия превратится в сумасшедший дом». Помогала евреям бежать из нацистской Германии. Была активным членом антинацистской протестантской Исповедующей церкви. К заговору 20 июля не имела никакого отношения. Тем не менее была арестована и 14 дней провела в гестапо.
- ³³² Маргерит фон Бредов (в замужестве Линцбах; 1916–1990), Александра фон Бредов (в замужестве Бахман; 1919–1997), Диана фон Бредов (в замужестве фон Саурма фон унд цу Ельч; 1920–2014), Вольфганг фон Бредов (1921–1945), Филиппа Цецилия Фридерика Альберта Доротея фон Бредов (в замужестве фон Тун-Гогенштейн; 1923–2010), Мария фон Бредов (1926–2015), Герберт фон Бредов (1928–1965), Леопольд Билл фон Бредов (р. 1933). Самому младшему из детей Ханны фон Бредов в 1941 г. было восемь лет. Инесс фон Вильчек не сильно перерабатывала в трудовом лагере госпожи фон Бредов.
- ³³³ С Эугенио Эспинозой де лос Монтерос и Бермехильо. Монтеросу оставалось быть послом до 17 июля 1941 г.
- ³³⁴ Иоганн Георг (Жан-Жорж) Генрих Франц Людвиг Эдгар Александр Хойос цу Штихзенштайн (1914–1998) и его жена Хельга

фон Аман Хойос (1916–2015). Поскольку мать Хойосов француженка, Эдме де Лу-Шандье, то и зовут Иоганна Георга на французский манер: Жорж-Жак, а не Жорж-Жан.

³³⁵ Имеется в виду Мелания Хойос цу Штихзенштайн — жена Готфрида фон Бисмарка.

³³⁶ Ян (Хако) Чернин цу Худениц и его жена Остергильда Чернина цу Худениц, баронесса фон дер Липпе (1917–2005).

³³⁷ Знаменитая Flakturm Tiergarten («зенитная башня» Зоосада), выстроенная по приказу Гитлера от 25 августа 1940 г. к началу 1941 г. недалеко от берлинского зоопарка (Zoo). Гигантское сооружение в несколько этажей вверх и вниз. На крыше башни располагались зенитные батареи. Ниже был госпиталь, в подземельях — бомбоубежища. В подземных хранилищах Флактурма Тиргартен с 1942 г. были расположены самые ценные экспонаты берлинских музеев, коллекция монет Вильгельма II, бюст Нефертити, Пергамский алтарь. Во время битвы за Берлин «зенитную башню», где засели эсэсовцы, блокировали. Ночью 9 мая эсэсовцы сдались. Башня была взорвана в 1947 г. британскими войсками.

³³⁸ «Джульетта и Ромео», 1922, — одна из самых популярных опер итальянского композитора Рикардо Дзандонаи по либретто Артуро Россати. Названа так, во-первых, потому, что главная героиня (главная партия) — Джульетта, а во-вторых, потому, что сильно удалена от трагедии Шекспира и сильно приближена к первоисточнику, итальянской новелле.

³³⁹ Рикардо Дзандонаи (1883–1944) — широко известный в Италии своего времени оперный композитор. Из тринадцати опер, написанных им, ныне исполняются только две: «Джульетта и Ромео» (1922) и «Франческо да Римини» (1914) по мотивам трагедии Габриэля д'Аннунцио, либретто Тито Рикорди.

³⁴⁰ Винсенс Стеенсен де Лет (1896–1978) — датский дипломат; торговый консул в Берлине. Помогал немецким евреям эмигрировать. Последняя должность — диппредставитель Дании в НАТО. 9 апреля 1940 г., нарушив Пакт о ненападении и не обращая внимания на объявленный Данией нейтралитет, Германия захватила небольшую Скандинавскую страну. До 1943 г. датское правительство было самым независимым из всех правительств стран, захваченных Германией. В 1943 г.

после отказа ввести смертную казнь за саботаж на военном производстве оно было разогнано. В Данию вошел усиленный контингент немецких войск.

³⁴¹ Альфа Теодора Нистрем (в замужестве Стеенсон де Лет; 1897–1980).

³⁴² Милан Недич (1877–1946) — сербский генерал. После поражения Югославии содержался под домашним арестом. Поначалу отверг предложение немцев встать во главе марионеточного правительства, но был поставлен перед фактом: в случае его отказа Сербия будет поделена между Венгрией, Болгарией, Италией и Хорватией — и согласился возглавить «правительство национального спасения». Проводил жесткую антипартизанскую политику, присоединился к нацистскому геноциду евреев и цыган. Создал Сербский добровольческий корпус СС. В 1944 г. бежал в Кицбюэль (Австрия). Арестован англичанами и передан Югославии. Выбросился из окна накануне судебного процесса.

³⁴³ Драголюб (Драже) Михайлович (1893–1946) — югославский военный и политический деятель. После поражения Югославии с небольшим отрядом ушел в труднопроходимые горные массивы Сербии, чтобы продолжить борьбу с оккупантами. Довольно скоро его движение четников стало серьезной угрозой для оккупантов и коллаборационистов на всей территории Югославии. 27 октября 1941 г. между четниками и коммунистами было достигнуто соглашение о совместной борьбе. Несмотря на это, с 1943 г. между ними начались боевые столкновения. Когда на территорию Югославии вошли советские и болгарские (Болгария к тому времени разорвала дипотношения с Германией и заключила военное соглашение с СССР) части, призвал четников не оказывать им сопротивления. После захвата власти коммунистами в Югославии часть четников покинули страну, Михайлович остался. Был арестован 13 марта 1946 г. и судим. Несмотря на показания британских и американских военных, служивших в его частях, и спасенных четниками британских летчиков, был расстрелян 17 июля 1946 г. на пляжном острове Ад Цингалия вблизи Белграда. Останки обнаружены в июне 2011 г.

- ³⁴⁴ Иосип Броз Тито (1892–1980) — югославский политический и военный деятель. Руководитель коммунистической партизанской войны в 1941–1944 гг. Глава югославских коммунистов с 1937 по 1980 г. Президент воссозданной (после 1941 г.) Югославии до 1980 г. Проводил независимую политику, из-за чего возник резкий конфликт со Сталиным и СССР. Создатель особой «югославской модели социализма». Хорват по национальности, Тито жестко боролся с проявлениями любого местнического национализма, сербского, хорватского, черногорского — неважно.
- ³⁴⁵ Польская кампания 1939 г. была тоже весьма нелегка для вермахта.
- ³⁴⁶ Стоит заметить: и в Греции, и в Югославии началась настоящая партизанская война против оккупантов, что тоже оттягивало военные силы.
- ³⁴⁷ Первое мая был государственным праздником и в Веймарской республике. Иное дело, что нацисты его переименовали. Теперь это был не День международной солидарности трудящихся всех стран, но День Весны и Труда.
- ³⁴⁸ Домовая церковь православного прихода Фазаненштрассе, подчиняющаяся не Русской православной церкви за границей (не принявшей декларацию местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Старгородского), но московской Русской православной церкви.
- ³⁴⁹ Рудольф Вальтер Рихард Гесс (1894–1987) — заместитель Гитлера по партийной работе, личный секретарь Гитлера, рейхсминистр без портфеля (1933–1941). Участник Первой мировой войны. После тяжелого ранения в 1917 г. поступил в летную школу. Успел поучаствовать в последних воздушных боях 1918 г. Ученик и друг Карла Хаусхоффера. В 1920 г., услышав речь Гитлера, пришел в такой восторг, что вступил в тогда еще Немецкую рабочую партию (позднее НСДАП). Участник Пивного путча в Мюнхене. Сокамерник Гитлера в тюрьме Ландсберг. Боготворил Адольфа. 10 мая 1941 г. на самолете, предоставленном ему Вилли Мессершмитом, вылетел в Англию. Выбросился из самолета с парашютом. Будучи арестован, рассказал, что прилетел по личной инициативе предложить Англии начать

вести переговоры о мире с Германией и совместно повести борьбу против коммунизма и СССР Отправлен в тюрьму. Официальное заявление в Германии было кратким и содержало намеки на психическое заболевание Гесса. Судим на Нюрнбергском процессе. Приговорен к пожизненному заключению. Покончил с собой в тюрьме Шпандау в 1987 г.

³⁵⁰ В 2017 г. архивные документы Британии, связанные с делом Гесса, были рассекречены.

³⁵¹ 12 мая 1941 г. во всех газетах Германии было напечатано следующее официальное заявление НСДАП: «Партайгеноссе Гессу, которому по причине прогрессирующей в течение нескольких лет болезни фюрер строжайше запретил продолжать летную деятельность, вопреки данному приказу удалось завладеть самолетом. В субботу 10 мая около 18 часов из Аугсбурга партайгеноссе Гесс отправился в полет, из которого до сегодняшнего дня не вернулся. Оставленное им письмо в своей сбивчивости, к сожалению, демонстрирует следы душевного расстройства, которое заставляет опасаться, что партайгеноссе Гесс стал жертвой бредовых идей. В этих обстоятельствах национал-социалистическое движение, к сожалению, не может исключить, что партайгеноссе Гесс в этом полете разбился при падении и погиб в результате несчастного случая».

³⁵² Эдгар фон Иксуль (1884–1952) — российский дипломат, до революции работал в посольствах Вашингтона, Токио, Рима, Берлина. После революции 1905 г. переехал в Берлин. Был близок к кружку Крайзау и заговорщикам. После неудавшегося покушения арестован. Благодаря хлопотам жены (Надин фон Радовиц) и шефа протокольной службы МИД Германии Александра фон Дёрнберга освобожден в сентябре 1944 г.

³⁵³ ОКВ (нем. OKW — Oberkommando der Wehrmacht) — верховное командование армией (вермахта).

³⁵⁴ Один из официальных постов Гесса — заместитель фюрера.

³⁵⁵ Карл Якоб Буркхардт (1891–1974) — швейцарский ученый и дипломат. С 1937 по 1939 г. — верховный комиссар Лиги Наций по делам вольного города Данцига. Согласно Версальскому договору (1919), Данциг (Гданьск) был объявлен вольным

городом и находился под формальным управлением Лиги Наций. С начала 1930-х гг. правительство вольного города Данцига было нацистским. Поэтому постоянные требования Гитлера вернуть Данциг Германии выглядели странными. Гитлер не открывал карты Буркхардту, поскольку никогда и не скрывал того, что главная его геополитическая цель — колонизация огромных территорий Европейской России. Собственно, и от Польши он добивался военного союза для прохода немецких войск к границам СССР. Название книги Якоба Буркхардта переведено Георгием Васильчиковым неверно: «Meine Danziger Mission» означает «Моя данцигская миссия». Не в Данциге же он вел переговоры с Гитлером, а в Берлине.

³⁵⁶ «Худ», 1918–1941 — линейный крейсер британского флота. Потоплен в бою 24 мая 1941 г. в Датском проливе.

³⁵⁷ «Бисмарк», 1939–1941 — немецкий линкор. Вышел на задание топить торговые суда, идущие в Англию. 24 мая в бою с линкором «Худ» уничтожил его. Потоплен 27 мая 1941 г. в Атлантическом океане. Английские моряки смогли спасти 116 моряков с линкора «Бисмарк» из 2220 и корабельного кота Сэма, впоследствии плававшего на английском линкоре «Казак» и на английском авианосце. Получил прозвище Непотопляемый Сэм. Умер в 1955 г.

³⁵⁸ «Худ» был потоплен с третьего залпа. Причина мощного взрыва, буквально разломившего корабль пополам, не установлена до сих пор. Из 1418 человек команды спаслось трое.

³⁵⁹ Мария Илларионовна Васильчикова как в воду глядела. Следует учитывать еще и то обстоятельство, что в бою со старым английским линкором (1918) новейший линкор (1939) был серьезно поврежден.

³⁶⁰ Джордж Фрост Кеннан (1904–2005) — американский дипломат; политик; историк. Основатель русскоязычного издательства имени Чехова в Нью-Йорке. Один из создателей доктрины Трумэна, «архитектор политики сдерживания СССР и холодной войны». Великолепно знал русский язык. С 1933 по 1938 г. работал в Москве переводчиком посла Уильяма Буллита и первым секретарем американского посольства. С 1939 по 1942 г.

в берлинском посольстве. Активно помогал всем, кто хотел выехать из нацистской Германии.

³⁶¹ Винсент Альфред цу Виндиш-Грец (1913–2005) — австрийский и венгерский князь.

³⁶² Иоганн Гюнтер Лютьенс (1889–1941) — немецкий военно-морской деятель. Участник Первой мировой. Принял активнейшее участие в создании мощного флота нацистской Германии (кригсмарине). В 1940 г. назначен командиром всего кригсмарине.

³⁶³ Английским морякам удалось спасти 116 членов экипажа «Бисмарка». Это команда крейсера «Худ» погибла вся за исключением трех человек.

³⁶⁴ «The Flying Visit» («Визит на лету», 1940) — несправедливо забытый юмористический авантюрный роман Питера Флеминга в жанре альтернативной истории. В романе рассказывается о том, как Гитлер тайно прилетает в Англию, чтобы договориться о мире и совместной войне против СССР. Английские политики в затруднении. Они не знают, что делать. Заключать мир с Гитлером они не собираются, но арестовывать того, кто сам пришел (то есть прилетел), — не по-джентльменски. Они отпускают Гитлера обратно в Германию и предупреждают правительство СССР о готовящемся нападении. В Германии после полета Гесса и накануне войны с СССР такой роман должен был читаться запоем и «доставлять немало веселых минут».

³⁶⁵ Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — третий и последний император Германской империи с 1888 по 1918 г. Взошел на престол после скоропостижной смерти своего отца, Фридриха III, правившего 99 дней. В 1890 г. отправил в отставку канцлера Бисмарка, фактического создателя империи. Отменил «исключительный закон» против социалистов. При Вильгельме II социал-демократическая фракция в рейхстаге стала самой многочисленной. Проводил чрезвычайно активную внешнюю политику, наращивал военную мощь Германии. Результатом стала Первая мировая война. Свергнут Ноябрьской революцией 1918 г. Бежал в Голландию, где был интернирован и жил в своем голландском имении Дорне. Приветствовал военные и внешнеполитические успехи гитлеровского рейха. Накануне вторжения Гитлера в Нидерланды королева страны

сняла интернирование с Вильгельма и предложила покинуть страну. Вильгельм отказался. Вышел навстречу солдатам вермахта с возгласом: «Это идут мои ребята!» Послал приветственную телеграмму Гитлеру по поводу взятия Парижа. Гитлер отреагировал на нее так: «Какой идиот!» Умер 4 июня 1941 г. от легочной эмболии. Отклики в нацистской прессе были действительно сдержанны: поминались «психологические ошибки кайзера», в упрек ставились либерализм и вера в парламентскую систему. Зато были организованы пышные, торжественные похороны. На могиле Вильгельма II выбита эпитафия, им самим загодя написанная: «Не хвалите меня, мне не нужна похвала. Не славьте меня, мне не нужна слава. Не судите меня, меня и так будут судить».

³⁶⁶ Кристиан Август Ульрих фон Хассель (1881–1944) — немецкий дипломат; активный участник заговора 20 июля. Участник Первой мировой войны. Тяжело ранен в битве при Марне. Чудом выжил (ранение было в сердце). После ранения работал личным секретарем своего тестя, адмирала Альфреда фон Тирпица (1849–1930). В 1920 г. написал его апологетическую биографию, что было непросто: Тирпиц добился того, что немецкие подлодки стали топить все суда, плывущие в Англию и из Англии, это было несомненное военное преступление. С 1919 г. фон Хассель на дипслужбе. В политике придерживался крайне правых взглядов, что и предопределило его приход к нацистам. Член НСДАП с 1933 г. С 1928 по 1938 г. — посол в Риме. 1938 г. — начало отхода Хасселя от нацизма. Он был категорическим противником Антикоминтерновского пакта между Германией, Италией и Японией и категорическим противником курса на развязывание Второй мировой войны. Как и все консерваторы, блюдущие национальные интересы, он надеялся на то, что Гитлер, шантажируя западные демократии военной угрозой, вернет территории Германии и Австро-Венгрии, несправедливо (по мнению консерваторов и не только их) отторгнутые. Однако для Гитлера эти возвращения исконно немецких земель были лишь разминкой перед большой войной. А большой войны консерваторы совсем не хотели. С 1938 г. началась конспиративная

антигитлеровская работа Хасселя и других консерваторов, которая завершилась неудачным покушением 20 июля 1944 г. Хассель был арестован одним из первых и одним из первых повешен.

1941–1943

- ³⁶⁷ По сообщению немецкого командования, к 22 сентября 1941 г. в плен было взято 665 тысяч красноармейцев. Общее число военнопленных за всю войну так и не установлено. Цифра колеблется от 4 до 5 млн человек. Из плена вернулись 1 836 562 человека, из них 339 тысяч были отправлены в советские лагеря.
- ³⁶⁸ Согласно гитлеровскому *Prinzenerlass*, приказу о принцах королевской крови.
- ³⁶⁹ Эдмунд (Эдди) Филипп Йозеф Адам Карл Ойген Антониус Эсташ Мария фон Вреде (1919–1941) убит в первый день войны с СССР, 22 июня 1941 г. Эдмунду фон Вреде было 22 года.
- ³⁷⁰ Харденбергштрассе — улица в богатом берлинском квартале Шарлоттенбург-Вильмерсдорф, в 1767–1865 гг. Лютцова дорога. Входила в «генеральский тракт» (см. коммент. 258). Гарденберг — активный участник войны Пруссии с Францией 1813–1814 гг.
- ³⁷¹ Виа Витторио-Венета — одна из самых известных и красивых улиц Рима. Аналог Курфюрстендамм в Берлине. Здесь Феллини снимал многие сцены своего фильма «Сладкая жизнь».
- ³⁷² Леонардо (Лони) Арривабене Валенти Гонзаго, граф (1904–1971) — морской офицер, с 1943 по 1945 г. — в партизанском отряде в Северной Италии.
- ³⁷³ «Чирколо дела Качиа» (буквально: шахматный кружок) — закрытый аристократический мужской клуб в Риме, первоначально для игры в шахматы, позднее просто для встреч и приятного времяпрепровождения. Разумеется, члены этого клуба могли приводить туда своих подруг.
- ³⁷⁴ Гуго Максимилиан Вериан Фридрих Губертус Эгидиус Мария цу Виндиш-Грец (1914–1942) — австрийский и венгерский князь, итальянский военный летчик. Официальная версия:

погиб в воздушном бою. Ниже Мария Васильчикова напишет, что Гуго цу Виндиш-Грец погиб во время испытания нового самолета.

³⁷⁵ Франческо Каравита ди Сириньяно (1908–1998) — неаполитанский князь и маркиз. Известный всей Италии плеейбой и прожигатель жизни по прозвищу Пупетто (Куколка). На Капри жил на вилле своего приятеля барона Ферсена. На могиле распорядился выбить эпитафию: «Он не делал в своей жизни ничего важного и потому весело жил».

³⁷⁶ Последнее мощное извержение Везувия было в 1944 г. Лавовым потоком разрушены два городка: Сан-Себастьян и Масса.

³⁷⁷ Нападение Японии на американский флот в Перл-Харборе было на руку воюющей Германии. Мало того что был уничтожен чуть не весь тихоокеанский флот американцев и надо было его восстанавливать. Америка теперь воевала с Японией. Убедить Конгресс страны, в которой всегда были сильны изоляционистские настроения, вступить в войну с Германией Рузвельту теперь было просто невозможно. Более того, программа ленд-лиза могла бы быть поставлена под сомнение. Гитлер пришел на помощь Рузвельту. Он объявил войну США 11 декабря 1941 г. Это был самый безумный и абсолютно необъяснимый поступок Гитлера.

³⁷⁸ 250-я дивизия испанских добровольцев (Голубая дивизия, 1941–1943) — от старающегося соблюдать строгий нейтралитет Франко Гитлер все же добился отправки на фронт дивизии добровольцев. Драться с коммунистами после Гражданской войны в Испании нашлось немало желающих. В их число вошли и белогвардейцы, воевавшие на стороне Фрако. Дивизия заняла позиции на Ленинградском фронте. В 1943 г. Франко отозвал Голубую дивизию. Некоторая часть испанцев остались. Из них был сформирован Голубой легион, позднее участвовавший в обороне Берлина.

³⁷⁹ Правильно Дженни Джуго (Евгения Анна Вальтер; 1904–2001) — немецкая киноактриса. Близкая подруга Геббельса и его семьи. Последний ее фильм — «Королевские дети» (1949) о бегстве семьи немецких аристократов в 1945 г. из Восточной Германии в Баварию. Умерла в своем альпийском имении.

³⁸⁰ Виктор де Кова (Пауль Карл Ковальчик; 1904–1973) — немецкий комедийный артист, режиссер, шансонье, юмористический поэт. Начинал в немом кино. Был чрезвычайно популярен в Восточной Европе. При нацистах стал работать и режиссером. Снял две пропагандистские кинокомедии. Стал интендантом (главным режиссером) Театра комедии на Курфюрстендамм. После войны выяснилось, что де Кова был связан с коммунистической подпольной группой Эрнста, финансово поддерживал подпольщиков, расклеивал антинацистские листовки. Продолжил кинокарьеру после войны. Был активным деятелем западногерманского движения за мир. Его жена Мишико Танака де Кова (1909–1988) — немецкая оперная певица (сопрано), родилась в Токио, училась музыке в Вене. Сначала игре на арфе, потом стала петь. Дебют в 1930 г. в Вене в оперетте Сидни Джонса «Гейша». Самая знаменитая партия — Чио Чио Сан в опере Джакомо Пуччини «Мадам Баттерфляй». Играла в нескольких фильмах. С 1937 г. в Берлине. В 1941 г. стала женой де Кова (то есть Мария Васильчикова видит молодоженов). В доме де Кова и Танаки собирались немногочисленные японские интеллигенты, жившие тогда в столице рейха.

³⁸¹ Отто Абец (1903–1958) — дипломат. Родился в пограничном с Францией Карлсруэ. С ранней юности участвовал в движении по установлению контактов с Францией. Контактничал с ультраправыми французами, которые из ненависти к демократии, социализму, либерализму, социалистам, коммунистам, евреям готовы были закрыть глаза на реваншистские устремления Германии. В 1934 г. Абец стал референтом по Франции руководителя молодежной политики рейха Бальдура фон Шираха. В 1935 г. начал работать в бюро Риббентропа, органе НСДАП, отвечающем за внешнюю политику. В том же году Абец организовал Франко-немецкое общество и стал его председателем. Вступил в СС. Член партии с 1937 г. В Париже развернул весьма умелую пронемецкую агитацию и пропаганду: Германия вовсе не собирается воевать, Германия только возвращает несправедливо у нее отнятое. 30 июня 1939 г. Абец был выслан из Франции. Вернулся в Париж в 1940 г. официально

послом Германии при правительстве Виши. В Виши он не поехал, а расположился в Париже, в замке Богарне. Был фактическим штатгальтером завоеванной Франции (и оккупированной, и неоккупированной ее части). Арестован в 1945-м. Приговорен к 20 годам тюремного заключения. Вышел на свободу в 1954 г. Работал журналистом в «Райн-Вестфалише цайтунг». Погиб в автокатастрофе.

³⁸² Андреа Эмо Каподилистиа (1901–1983) — известный итальянский философ. Венецианский князь. Близкий друг и ученик одного из основателей итальянского фашизма философа Джованни Джентиле (1875–1944). Жена — Джузеппина Пинателли ди Монтеродини (1909–2012), неаполитанская княгиня.

³⁸³ Эгер (ныне Хеб, Чехия) — город на северо-западе Чехии. В нацистской Германии центр округа, к которому принадлежал Кёнигсварт (Лазне-Кинжварт).

³⁸⁴ Изабель де Сильва и Карвайаль фон Меттерних-Виннебург (1880–1980).

³⁸⁵ Йоганнисберг — имение и винодельческое хозяйство Меттернихов на берегу Рейна. После 1945 г. место проживания Пауля и Татьяны Меттерних. Они восстановили разрушенное войной хозяйство: в 1942 г. Йоганнисберг был полностью уничтожен союзной авиацией.

³⁸⁶ Ассманхаузен — небольшой древний городок, винодельческий и курортный. С 1977 г. часть города Рюдесхайм.

³⁸⁷ Мумм фон Шварценштайн — древний рейнский дворянский род. Известен своими винодельческими угодьями. Шампанское марки «Mumm» — премиальное игристое вино.

³⁸⁸ Ольга (Олили) Надин Мумм фон Шварценштайн (1910–1961) — дочь Петера Арнольда Мумм фон Шварценштайна (1872–1937) и Ольги Кирилловны Струве (в замужестве Мумм фон Шварценштайн; 1879–1939).

³⁸⁹ Рюдесхайм-ам-Рейн — город на берегу Рейна неподалеку от Йоганнисберга. Внесен ЮНЕСКО в Список всемирного наследия.

³⁹⁰ Мариенбад (ныне Марианске-Лазне, Чехия) — один из самых старых, известных и дорогих европейских бальнеологических

курортов. Поэтому там и может быть дорогая косметика даже во время войны.

³⁹¹ «Шлихтер» — ресторан берлинской богемы 1920–1930-х гг. Здесь часто бывали писатели Бертольт Брехт, Эрнст Юнгер, художник Георг Гросс, артисты и режиссеры. Открыт в 1917 г. Максом Шлихтером, братом известного художника Рудольфа Шлихтера, — стены ресторана были украшены его картинами. Кроме того, ресторан был известен своей кухней. В нем работал лучший берлинский повар Габриэль Вальтер. Ресторан существует по сей день.

³⁹² Замок Дюльмен, 1836–1945 — в черте рейнского города Дюльмен — резиденция герцогов фон Крой. В 1945 г. был разрушен до основания и не восстановлен. Сохранился только замковый парк.

³⁹³ Зигмаринген — город в южной части Германии. Резиденция католической ветви династии Гогенцоллернов (Гогенцоллернов-Зигмаринген). Здесь находится родовой замок этой династии. В 1944 г. в Зигмаринген бежали французские коллаборационисты во главе с маршалом Петеном. Зигмарингенский замок стал в 1944–1945 гг. резиденцией коллаборационистского правительства Виши. Этим ныне и известен этот немецкий городок, описанный в автобиографическом романе Луи-Фердинанда Селина «Из замка в замок».

³⁹⁴ Константин Леопольд фон Виттельсбах, принц Баварский (1920–1969) — принц из баварского королевского рода Виттельсбахов. С 1939 по 1941 г. в вермахте. Уволен согласно гитлеровскому *Prinzenerlass* (см. коммент. 93). В 1942 г. сыграл пышную свадьбу в родовом замке Гогенцоллернов-Зигмаринген в Зигмарингене с принцессой Марией Адельгундой фон Гогенцоллерн-Зигмаринген. В 1953 г. развелся. Женился на княжне Елене (Хелле) фон Кевенхёфен-Меч (1921–2017). С 1942 по 1944 г. изучал юриспруденцию в Фрайбурге. После 20 июля 1944 г. арестован по делу заговора. В 1945 г. освобожден американцами. С 1947 г. занимался политической журналистикой. С 1965 по 1969 г. был депутатом бундестага (парламента) от правой партии CDU (Христианско-демократический союз).

³⁹⁵ Оснабрюк — третий по величине город в земле Нижняя Саксония. Важнейший железнодорожный узел в Южной Германии.

79 раз подвергался бомбежкам. В результате был почти весь уничтожен.

- ³⁹⁶ Дикие лошади Дюльмена — одно из немногих в Европе поголовий диких лошадей, достопримечательность окрестностей города Дюльмена. Пасутся в частном герцогском заповеднике фон Кроев Вильдпфердебане. Заповедник существует до сих пор и дикие лошади Дюльмена тоже. С 1994 г. в Красной книге диких животных, находящихся под угрозой вымирания. Ныне диких лошадей Дюльмена — 400 голов.
- ³⁹⁷ Карл Рудольф Энгельберт Филипп Лео фон Крой (де Круа; 1889–1974) — 13-й герцог фон Крой (де Круа). Был четырежды женат. Сделал все, что мог, для сбережения ценного вида диких лошадей Дюльмена в условиях войны и послевоенной разрухи.
- ³⁹⁸ Дети от первого брака с американкой Нэнси Луизой Лешман (1894–1983): Карл-Эммануэль фон Крой (де Круа; 1914–2011) — 14-й герцог фон Крой (де Круа), Антуанетта фон Крой (де Круа; 1915–2011) и Мария-Луиза Натали Энгельберта Людмила (Лулу) фон Крой (де Круа, в замужестве Метц; р. 1919), в 2020 г. пышно отпраздновала свой сто первый день рождения.
- ³⁹⁹ Бельгийско-нидерландский дворянский род де Круа (фон Крой) был тесно связан с Францией, по сути, это — онемеченные французские дворяне. Поэтому Мария Васильчикова сравнивает герцога фон Кроя с французскими аристократами старого образца (гран сениор).
- ⁴⁰⁰ Дольные сохранившийся частный заповедник герцогов фон Кроев (де Круа), Вильдпфердебан (буквально: дорога диких лошадей).
- ⁴⁰¹ Ныне ни оленей, ни черных овец в Вильдпфердбане нет. Их герцогу сберечь не удалось.
- ⁴⁰² Нордкирхенский дворец (Мария Васильчикова справедливо называет его дворцом, а не замком) строился в 1703–1734 гг. Первоначально резиденция мюнстерских епископов. Парк, окружающий дворец, называют «Версалием Вестфалии». Дворец и парк внесены в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. После секуляризации епископских владений дворец и парк принадлежали разным дворянским семействам. В 1903 г. Нордкирхенский дворец и парк были куплены у семейства Эстергази де Галанта герцогом (а не князем)

Энгельбертом-Марией фон Аренбергом (1872–1949), владельцем угольных шахт в Рурской области, за 6 млн марок (48 200 000 евро, по-нынешнему). Имение Нордкирхен было самым богатым в Германии. С 1933 г. семейство герцогов Аренбергов занимало только одно крыло дворца. Остальной дворец был занят партшколой нацистов (Gauschule). Часть огромного парка при Нойкирхене в 1942 г. была оборудована нацистами под лагерь для военнопленных. Дворец не пострадал во время войны. В 1959 г. выкуплен правительством земли Нордрейн-Вестфалия у герцогов фон Аренбергов. Ныне парк открыт для посетителей. Часть замка — музей, часть — Высшая финансовая школа Минфина Нордрейн-Вестфалии, на первом этаже — ресторан.

⁴⁰³ После Первой мировой войны Энгельберт-Мария фон Аренберг уехал из Германии. Жил в Италии, в Милане. Потом перебрался в Швейцарию, в Лозанну. В Нидерсхофенском дворце жил его сын Энгельберт Карл (Энкар) фон Аренберг, 10-й герцог фон Аренберг (1899–1974) и его жена, Валерия Мария Швальб цу Шлезвиг-Гольштейн (1900–1953).

⁴⁰⁴ Замок Фишеринг (Vischering) во время налета в 1942 г. был серьезно поврежден. Разрушен он был во время налета в 1944 г.

⁴⁰⁵ Леонтина (Лотти), княгиня цу Фюрстенберг (в замужестве цу Виндиш-Грец; 1893–1979).

⁴⁰⁶ Максимилиан (Мукки) Антониус Эгидиус Губертус Мария Гуго цу Виндиш-Грец (1914–1976) — австрийский князь; итальянский военный летчик.

⁴⁰⁷ Фридрих Вильгельм Эберхард фон Дёрнберг фон Хоэнау (1916–1942) — барон фон Дёрнберг, князь фон Хоэнау убит подо Ржевом 6 августа 1942 г.

⁴⁰⁸ Джордж (Георг) Александр Эдуард Элмунд, 1-й герцог Кентский (1902–1942) — член британской королевской семьи, четвертый сын короля Георга V. Служил в военно-морском флоте, потом занимал должности в Министерстве иностранных дел и Министерстве внутренних дел. Первый член королевской семьи, который стал госслужащим. С 1939 г. в ВМФ (контр-адмирал). С 1940 г. — коммодор авиации. Погиб в авиакатастрофе 25 августа 1942 г. из-за навигационной ошибки пилота. Самолет врезался в холм. Герцог Кентский был пассажиром.

- ⁴⁰⁹ Марина Греческая и Датская, герцогиня Кентская (1906–1968) — греческая принцесса из королевского рода Глюксбургов, по матери (великая княжна Елена Владимировна) из единственной уцелевшей ветви романовского дома. Отец — греческий принц Николай Глюксбург. Родила герцогу Кентскому трех детей. Последний — Майкл Джордж Чарльз Франклин родился 4 июля 1942 г., за шесть недель до гибели отца.
- ⁴¹⁰ Елена Владимировна (1882–1957) — великая княжна, внучка Александра II, дочь великого князя Владимира Александровича, дяди Николая II. (Генерал-губернатор Петербурга, Владимир Александрович несет непосредственную ответственность за массовый расстрел рабочей демонстрации 9 января 1905 г.) Жена греческого принца Николая. Дети великой княжны родились в Афинах. По-русски не говорили.
- ⁴¹¹ Миклош Хорти (1868–1957) — адмирал (до 31 октября 1918 г. — главнокомандующий венгерского флота, в тот день флот венгров был передан Югославии), диктатор (регент, официально правитель при короле, короля в Венгрии не было) Венгрии с 1920 по 1944 г. Жестоко подавил Венгерскую революцию, развязал белый террор. Был одним из самых верных военных союзников Гитлера до 1944 г., когда заключил перемирие с СССР, после чего немцы организовали военный переворот в Будапеште. Во главе страны встал ультраправый Ференц Салаш (1897–1946). Хорти и его семья были вывезены в Германию. После войны перебрались в Португалию. Старший сын адмирала Иштван Хорти (1904–1942), официально назначенный преемником отца (вице-регент), летом 1941 г. добровольцем пошел на войну с СССР. Старший лейтенант авиации. Разбился при невыясненных обстоятельствах 20 августа 1942 г. на пилотируемом им истребителе.
- ⁴¹² В гибели и Хорти, и герцога Кентского столько по сию пору невыясненного, что, скорее всего, тут виноваты политика и спецслужбы, а не авиация.
- ⁴¹³ Майнц — главный город земли Рейнланд-Пфальц, родина Иоганна Гутенберга и книгопечатания. До конца 1942 г. не подвергался бомбардировкам. Первая массированная бомбардировка Майнца была 27 февраля 1945 г. Город был разрушен на 80%.

- ⁴¹⁴ Королевская свадьба. Две ветви когда-то правящих разными землями Германии (Пруссией и Баварией) королевских династий (Гогенцоллерны и Виттельсбахи) соединились.
- ⁴¹⁵ Мария Адельгунда фон Гогенцоллерн-Зигмаринген (1921–2006).
- ⁴¹⁶ Августа Мария Габриела фон Зеефрид ауф Буттенхайм, принцесса Баварская (1899–1978).
- ⁴¹⁷ Саксония, подобно всем германским землям в 1871 г. вошедшая в состав Германской империи, номинально до 1918 г. считалась королевством, где номинально правили короли. На свадьбе Константина Баварского и Марии Адельгунды Гогенцоллерн-Зигмаринген присутствовали дети последнего саксонского короля Фридриха Августа III (1865–1932): его сыновья, братья-близнецы Георг фон Заксен (1893–1943); Фридрих-Кристиан фон Заксен (1893–1968), Эрнст Генрих фон Заксен (1896–1971), и его дочери: Маргарита Карола Вильгельмина (1900–1962) с мужем Фридрихом Виктором фон Гогенцоллерном (1891–1965); Мария Аликс Луитпольда (1901–1990) с мужем Францем Йозефом фон Гогенцоллерн-Эмденом (1891–1964) и Анна Моника Пия (1903–1976) с первым своим мужем, австрийским эрцгерцогом Йозефом Францем фон Габсбургом (1895–1957).
- ⁴¹⁸ Михаил Александрович (Диди) Толстой (1918–2004) — сын графа Александра Михайловича Толстого (1888–1918) и Ирины Михайловны Раевской (1892–1955). Овдовев, Раевская в 1920 г. вышла замуж за Георга Александра Мекленбург-Стрелицкого (1899–1963).
- ⁴¹⁹ Георг Александр Мекленбург-Стрелицкий (1921–1966) — сын Ирины Раевской и Георга Мекленбург-Стрелицкого, прямой потомок Павла I; его сестра — Елена Мекленбург-Стрелицкая (в замужестве Сайед Камиль; 1924–1962).
- ⁴²⁰ Ульрих фон Хассель (1881–1944) и его жена, дочь адмирала Альфреда фон Тирпица, Ильза Мальвина Каролина фон Хассель (1885–1982).
- ⁴²¹ Георг Август Эдуард Шницлер, с 1913 фон Шницлер (1884–1962) — немецкий промышленник; военный преступник. Из нового немецкого дворянства. Получил дворянство от Вильгельма II в 1913 г. Управляющий химическим концерном «И. Г. Фарбениндустри». Один из тех промышленников, что

- поставил на Гитлера. В 1934 г. вступил в штурмовые отряды. В 1937 г. — в нацистскую партию. Входил в Консультативный совет по экономике. На «И. Г. Фарбениндусти» использовался труд военнопленных. Кроме того, концерн производил отравляющие вещества, которыми убивали в лагерях смерти. В 1945 г. арестован. В 1948 г. судим. Приговорен к пяти годам заключения. В 1949 г. освобожден (зачли годы, проведенные под следствием). Его жена Лили Берта Доротея фон Малинкродт-Шницлер (1889–1981) — дочь промышленного магната Вильгельма Арнольда фон Малинкродта (1864–1930). Меценатка, коллекционерка. Известна своей поддержкой преследуемого нацистами одного из самых значительных художников Германии XX в. Макса Бекмана (1884–1950). Когда нацисты объявили Бекмана «вырожденческим художником», помогла живописцу бежать в Америку. Шницлеры (новые дворяне) были приглашены на такое великосветское мероприятие не только из-за своего богатства и близости к верхам, но и потому, что их дочь Габриела фон Шницлер (1918–2017) в августе 1941 г. вышла замуж за кузена Константина Баварского Франца-Йозефа фон Зеефрида ауф Буттенхайма, барона цу Хагенбаха (1904–1969).
- ⁴²² Рауль Босси (1894–1975) — румынский дипломат. Получил образование в Париже. На дипслужбе с 1918 г. С 1941 по 1943 г. — посол Румынии в Германии. В 1943 г. будучи не согласен с совсем уж пронемецкой и пронацистской политикой диктатора Румынии, Йона Антонеску, ушел в отставку, бежал в Швейцарию. После войны работал в Международном Красном Кресте. Автор нескольких исторических трудов.
- ⁴²³ Максимилиан фон Фюрстенберг (1901–1985) — барон и его жена, Анна Вильгельмина Мария Жозефа Алоизия Губерта фон Фюрстенберг (урожд. графиня фон Вестерхольт и Гизенберг, 1919–?).
- ⁴²⁴ Карл Антон Фридрих Вильгельм Людвиг Мария Георг Мануэль Рупрехт (Бобби) Генрих Бенедикт Тассилио фон Гогенцоллерн-Эмден (1922–1993).
- ⁴²⁵ Франц Йозеф Мария Людвиг Антон Тассилио фон Гогенцоллерн-Эмден (1891–1964) — немецкий принц из рода Гогенцоллерн-Зигмаринген; морской офицер. Участник Первой мировой войны. Крейсер SMS Emden, на котором он служил, смог

захватить и потопить большое количество английских судов. В награду немецкое правительство разрешило морским офицерам добавить название судна к своей фамилии. В 1919 г. Франц Йозеф принял фамилию Эмден. Член нацистской партии с 1936 г. Вступил в СС летом того же года. Гауптштурмфюрер СС (капитан). В 1944 г. исключен из СС вместе с другими представителями немецкой знати, чья преданность Гитлеру была поставлена под сомнение. Безуспешно писал письма Гиммлеру с просьбой восстановить его в этой организации.

⁴²⁶ Александр Виттельсбах фон Байерн (1923–2001).

⁴²⁷ Прабабушкой Александра и Константина Виттельсбахов была Гизела Мария Луиза Австрийская, принцесса Венгерская и Богемская (1856–1932) — вторая дочь императора Франца Йозефа I (1830–1916) и Елизаветы Баварской (1837–1898).

⁴²⁸ Альбрехт (Альберт) Людвиг Леопольд Тассилио фон Гогенцоллерн (1898–1977) — принц из рода Гогенцоллернов; офицер (майор); композитор и виолончелист. Писал романсы на стихи Теодора Шторма, Христиана Моргенштерна и Генриха Гейне. В 1934 г. вступил в нацистскую партию. В том же году написал «Отечественную кантату. Восход Германии» («О, немецкий народ, теперь возблаговари Бога...»). Во время Второй мировой войны был на Восточном фронте. Поскольку он был дядей румынского короля Михая I Гогенцоллерна-Зигмарингена, то его прикомандировали к румынской армии, оккупировавшей юг СССР. Альбрехт фон Гогенцоллерн был не офицером связи, но членом немецкой военной миссии при румынских войсках. Когда в 1944-м румыны перешли на сторону СССР, вся немецкая военная миссия была сдана НКВД. Альбрехт был арестован и содержался в лагере в Бухаресте. Ему удалось бежать из лагеря и добраться до Западной Германии. Умер 30 июля 1977 г. в санатории Бюлерхоэ.

⁴²⁹ У Фридриха Виктора фон Гогенцоллерна-Зигмарингена и Маргариты фон Заксен тогда было три дочери: Мария Антония Бенедикта Матильда Анна (1921–2011), ее двойняшка Мария Адельгунда Алиса Луиза Жозефина (1921–2006), на чью свадьбу приехала Мария Васильчикова, и Мария Терезия Людовика Цецилия Цита Элизабет Хильда Агнесса (1922–2004) и три

сына: Фридрих Вильгельм Фердинанд Йозеф Мария Мануэль Георг Мейнрад (1924–2010), Франц Йозеф Хубертус Мария Мейнрад Михаэль (1926–1996) и Иоганн Георг Карл Леопольд Айтель-Фридрих Мейнрад Мария Хубертус Михаэль (1932–2016). Четвертого сына, Ферфрида, Маргарита фон Заксен родит в 1943 г. У Франца Йозефа фон Гогенцоллерна-Эмдена и его жены Марии фон Заксен (1901–1990), сестры Маргариты фон Заксен, были дочь Мария Магдалена Анна Виктория Луиза Жозефина Матильда Тереза (1928–2006) и три сына: Карл Антон Фридрих Вильгельм Людвиг Мария Георг Мануэль Рупрехт Генрих Бенедикт Тассилио (1922–2003), Мейнрад Леопольд Мария Фридрих Христиан Фердинанд Альберт (1925–2009) и Эммануэль Йозеф Мария Вильгельм Фердинанд Бурхард (1929–1968).

⁴³⁰ Луитпольд Эммануэль Людвиг Мария Виттельсбах ин Байерн (1890–1973) — историк искусств, архитектор (одного здания). Принадлежал к младшей герцогской, а не королевской ветви Виттельсбахов. С 1912 по 1973 г. на свои средства и по собственному проекту строил замок Рингберг. Поскольку ни жены, ни детей у герцога не было, он завещал замок научному (физическому) обществу Макса Планка. Умер в 1973 г., когда было закончено строительство. Ныне в замке проводятся научные конференции. Раз в два года на один день замок открыт для посетителей. Признан архитектурным памятником. Луитпольд ин Байерн похоронен в часовне на его территории.

⁴³¹ Луи Фердинанд Прусский (1907–1994) был оберлейтенантом люфтваффе. Орден Черного орла — высшая правительственная награда королевства Пруссии (1701–1918). Отменена после Ноябрьской революции. Луи Фердинанд Прусский не мог быть награжден этим орденом в детском возрасте, а после 1918 г. орден никому не присуждали. Или Мария Васильчикова перепутала награды, или это была не совсем понятная демонстрация отмененного революцией ордена.

⁴³² Имеются в виду Гогенцоллерны протестантские, ставшие королями Пруссии и императорами Германии, и Гогенцоллерны-Зигмарингены католические, королями и императорами не ставшие.

- ⁴³³ Тост почти так же странен, как и орден Черного орла, который Луи Фердинанд не получал. Прусские Гогенцоллерны свергну-ты революцией, живут богато, но отодвинуты и от политики, и от войны. Можно ли это назвать процветанием?
- ⁴³⁴ Конрад Грёбер (1872–1948) — архиепископ с 1932 по 1948 г. Фрайбургского епископства, в который входил и город Зигмаринген. Один из немногих католических епископов Германии, кто безоговорочно и с самого начала поддержал нацистов. Его проповеди были такими, что он получил прозвище Коричневый Конрад.
- ⁴³⁵ Пий XII (Эудженио Мария Джузеппе Джованни Пачелли; 1876–1958) — папа римский с 1939 по 1958 г. В бытность свою государственным секретарем (министром иностранных дел) Ватикана, подписал конкордат с нацистской Германией, узаконивший существование католической церкви в основном в протестантской стране. Во время Второй мировой войны занял пацифистскую позицию, публично осуждал геноцид, которым занималась нацистская Германия.
- ⁴³⁶ Франц-Йозеф фон Зеефрид ауф Буттенхайм, барон цу Хагенбах (1904–1969) — ученый-естествоиспытатель. Внук императрицы Елизаветы Австрийской и императора Франца-Йозефа I.
- ⁴³⁷ Адальберт Альфонс Мария Ассенсион Антониус Хубертус Йозеф Виттельсбах фон Байерн (1886–1970) — историк, писатель, доктор наук. Участник Первой мировой войны, командир артбатареи. Участник вторжения во Францию в 1940 г. в чине майора. Согласно Prinzenerlass, удален из армии. После войны работал в немецком отделении Международного Красного Креста. С 1952 по 1970 г. — посол ФРГ в Испании.
- ⁴³⁸ Фридрих Вильгельм Фердинанд Йозеф Мария Мануэль Георг Мейнрад (1924–2010).
- ⁴³⁹ Карл Леопольд Айтель-Фридрих Мейнрад Мария Хубертус Михаэль Гогенцоллерн-Зигмаринген (1932–2016). Младшему сыну невесты в 1942 г. было 10 лет.
- ⁴⁴⁰ Вёртер-Зе (принятое русское название) — самое крупное высокогорное озеро на юге Австрии, самое теплое из всех альпийских озер. С 1864 г. (после открытия Южно-Австрийской

железной дороги) — популярный курорт венской и южнонемецкой (баварской и саксонской) аристократии.

⁴⁴¹ Фридрих Вильгельм Фердинанд Йозеф Мария Эммануэль Георг Мейнрад Гогенцоллерн-Зигмаринген (1924–2010). Мария Васильчикова напрасно иронизирует: «наследный принц Саксонский» — действительный титул Марии Эммануэля Гогенцоллерна-Зигмарингена, как и ее титул: княжна. В 1951 г. Фридрих Вильгельм Мария Эммануэль Гогенцоллерн-Зигмаринген женился на принцессе Маргарите Илеане Виктории Александре цу Лейнинген (1932–1996), дочери великой княжны Марии Кирилловны Романовой (1907–1951). В 1996 г. Маргарита Илеана покончила с собой.

⁴⁴² Франц Йозеф Хубертус Мария Мейнрад Михаэль Гогенцоллерн-Зигмаринген (1926–1996).

⁴⁴³ Правительства Веймарской республики сохранили титулы у дворян Германии.

⁴⁴⁴ Борис Владимирович (1877–1943); Андрей Владимирович (1879–1956) — муж бывшей любовницы Николая II Матильды Кшесинской (1872–1971); Елена Владимировна (1882–1957) — принцесса Греческая и Датская.

⁴⁴⁵ «ГПУ» (в США под названием «Красный террор») — немецкий боевик (1942; реж. Карл Риттер, 1888–1977, сценарист Эндрюс (Андрей) Энгельман, 1901–1992; он же в роли главного злодея, гопэушника). Главная героиня фильма, русская аристократка Ольга, которая не знает о своем аристократическом происхождении, помнит только, что в 1919 г. некий злодей перебил ее семью. Ольга — агент ГПУ за границей, организует диверсии, похищения и убийства. Когда она узнает, кто она и то, что ее непосредственный руководитель и есть убийца ее семьи, она переходит на другую сторону баррикад. По-немецки в фильме аббревиатура советской разведки Главного политического управления переводится как «Grauen. Panik. Untergang» — «Ужас. Паника. Гибель».

⁴⁴⁶ Высадка в Дьеппе 19 августа 1942 г. (операция «Юбилей») — первая неудачная попытка открыть второй фронт в Европе. В высадке участвовали канадские и английские солдаты.

В течение нескольких часов морской десант был разгромлен. После этой неудачи стала ясна необходимость участия в такой операции американских войск.

⁴⁴⁷ Мария Васильчикова совершенно верно понимает тот эффект, которого хотели достичь немецкие кинодокументалисты, ненавидевшие рейх и войну, которую рейх затеял.

⁴⁴⁸ Атлантический вал — система долговременных оборонительных сооружений на Атлантическом побережье, от границы с Испанией до Дании. Работы по строительству укреплений начаты в 1940-м. К 1944 г. строительство еще не было завершено. Строили Атлантический вал в основном военнопленные.

⁴⁴⁹ Георг Вильгельм Эрнст Август Фридрих Аксель Гогенцоллерн, принц Ганноверский, герцог Брауншвейгский и Люнебургский (1915–2006) — внук германского императора Вильгельма II. Доктор юридических наук. Спортивный наездник. Создатель и руководитель конноспортивной академии в Мюнхене. Член МОК (Международного олимпийского комитета). С 1966 по 1970 г. — президент Международной олимпийской академии.

⁴⁵⁰ Карло Николис ди Робилант е Черчаглио (1897–1971) — итальянский граф.

⁴⁵¹ Рю де ль'Юниверсите — улица в 7-м округе Парижа (самый центр города).

⁴⁵² Сен-Жермен-ан-Ле — город в 19 км от Парижа. Местонахождение загородной резиденции французских королей — Сен-Жерменского дворца.

⁴⁵³ Артур Травэрс Харрис, 1-й баронет Харрис (1892–1984) — британский военный деятель. Получил прозвища Бомбер Харрис, или Мясник Харрис. Идеолог беспощадных стратегических бомбардировок Германии. Действия Харриса подвергались критике в Великобритании. Единственный из всех британских военачальников не получил после войны звание пэра.

⁴⁵⁴ Почему же ошибочно? Вряд ли консерваторы-аристократы (друзья Марии Васильчиковой) решились на физическое устранение Гитлера, если бы не бомбы Харриса.

- ⁴⁵⁵ «Чиццо» («Chizzo») — старейший и самый дорогой ресторан в Кицбюэле. Основан итальянцами. Находится в самом старом здании города. Существует по сей день.
- ⁴⁵⁶ Никаких казней и арестов среди консервативных противников Гитлера из вермахта и МИДа до 1944 г. не было. Смещения случались, но редко.
- ⁴⁵⁷ На Гитлера до 20 июля 1944 г. было совершено всего одно серьезное покушение: 8 ноября 1939 г. слесарь Иоганн Георг Эльзер (1903–1945), близкий к компартии, заложил взрывчатку в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», где проходил Пивной путч. В этот день в пивной должно было собраться все нацистское руководство во главе с Гитлером. Гитлер приехал на торжественное заседание раньше, закончил свою речь раньше и вместе со своими подельниками ушел из пивной за полчаса до взрыва. Эльзер был арестован при попытке пересечения швейцарской границы и как организатор взрыва опознан по уликам. На допросе сказал, что хотел уберечь мир от большой беды. Содержался в Дахау. Убит 9 апреля 1945 г.
- ⁴⁵⁸ Касабланкская конференция 14–24 января 1943 г. — секретное совещание Уинстона Черчилля, Франклина Рузвельта и генерала де Голля с начальниками своих штабов, на котором вырабатывались дальнейшие стратегические планы войны с западной стороны. Единственное решение конференции, которое было публично озвучено, — первый раз сформулированное требование безоговорочной капитуляции Германии, страны, начавшей агрессивную войну и проводящей бесчеловечную геноцидную политику. Каким образом могло помочь заговорщикам-аристократам какое-либо другое требование к стране-преступнице, не совсем понятно.

1943, июль–декабрь

- ⁴⁵⁹ Байрёйт, или Байройт — город в Баварии неподалеку от Мюнхена. С 1872 г. здесь под покровительством баварского короля Людвига II жил композитор Рихард Вагнер. Здесь же он

выстроил грандиозный оперный театр, где до сих пор проводят ежегодные Вагнеровские фестивали. Поскольку любимым композитором Гитлера был Вагнер, а чуть не все потомки Вагнера были поклонниками и личными друзьями фюрера, Байрёйт во время Второй мировой стал одним из идеологических центров нацизма.

⁴⁶⁰ Имеется в виду создание антикоммунистического марионеточного правительства России.

⁴⁶¹ Фридрих Вильгельм Рейнхольд Пик (1886–1960) — немецкий коммунист, один из основателей Компартии Германии, затем Социалистической единой партии Германии. После убийства нацистами председателя КПП Йона Шера (1896–1934) стал председателем КПП. Эмигрировал в том же 1934 г. во Францию. В 1935 г. — в СССР. После войны вернулся в Германию. В 1946 г. добился поглощения коммунистами социал-демократических организаций в Восточной Германии. В 1949 г. стал первым президентом ГДР (1949–1960).

⁴⁶² Вальтер Эрнст Пауль Ульбрихт (1893–1973) — немецкий коммунист; первый секретарь СЕПП, фактический руководитель ГДР с 1950 по 1973 г.

⁴⁶³ Фридрих Вильгельм Эрнст Паулюс (1890–1957) — один из самых успешных немецких генералов до разгрома своей армии в Сталинграде. Взят в плен. Пошел на сотрудничество с советской властью. Несмотря на это, до 1954 г. фактически находился под арестом. В 1954 г. был отпущен в ГДР, где и умер.

⁴⁶⁴ Вальтер Курт фон Зейдлиц-Курцбах (1888–1976) — командир 51-го корпуса 6-й (сталинградской) армии Паулюса. Попал в плен вместе с Паулюсом. Стал руководителем просоветского Союза немецких офицеров и заместителем председателя Национального комитета «Свободная Германия». После окончания войны Союз немецких офицеров был распущен. В 1950 г. фон Зейдлиц-Курцбах арестован, приговорен к 26 годам заключения. Содержался в Новочеркасской тюрьме. В 1955 г. переведен в Бутырку. В том же году после визита Конрада Аденауэра, добившегося от советского правительства возвращения немецких военнопленных, освобожден, уехал в ФРГ, где и умер.

⁴⁶⁵ В результате немецкая армия моментально оккупировала Италию. Муссолини был освобожден, создал новое правительство

и новое, откровенно нацистское государство — Итальянскую социальную республику (Республику Сало). Против нацистов (немецких и итальянских) развернулось широкое партизанское движение. В целом переворот в Италии походил на перевороты (инспирированные королями) в Южной Европе. Румыния и Болгария также скинули своих фашистских диктаторов и поменяли фронт. В Венгрии немцы не дали адмиралу Хорти совершить подобный «оверштаг», заменили его Салаши. В Хорватии усташей была попытка военного переворота, но пресечена она была самим усташским диктатором Анте Павеличем.

⁴⁶⁶ Жена секретаря испанского посольства в Берлине.

⁴⁶⁷ Гамбург — крупнейший порт и база Военно-морских сил Германии — в ходе операции «Гоморра» был подвергнут массированным бомбардировкам с 25 июля по 3 августа 1943 г. От вызванного бомбежками гигантского пожара погибло более 50 000 жителей.

⁴⁶⁸ NSF (Nationalsozialistische Frauenschaft или NS-Frauenschaft — национал-социалистическое женское общество) — нацистская женская организация, созданная в 1931 г., одно из подразделений нацистского профсоюза DAF (Немецкий трудовой фронт). Помимо обязательных пропагандистских функций, осуществляла разного рода благотворительные акции. Руководительница с 1934 по 1945 г. — Гертруда Шольц-Клинк (1902–1999).

⁴⁶⁹ Ролан Марти (?–1978) — врач, представитель Международного Красного Креста в Германии с 1939 по 1945 г. В Красном Кресте с 1936 г. Работал в Испании во время Гражданской войны. После войны в качестве представителя Красного Креста — в горячих точках Ближнего Востока и Африки. Умер 9 ноября 1978 г. в Женеве.

⁴⁷⁰ Софья Владимировна Панина (1871–1956) — последняя из графского рода Паниных. Член ЦК Конституционно-демократической партии (кадетов). Заместитель министра государственного призрения Временного правительства, заместитель министра народного просвещения Временного правительства. 28 ноября 1917 г. арестована за отказ передать деньги Министерства народного просвещения новой власти. 10 декабря судима Ревтрибуналом. Учитывая заслуги перед освободительным

движением и высокие человеческие достоинства, Ревтрибунал ограничился общественным порицанием. 19 декабря выпущена из-под стражи. Бежала на юг России, где приняла активное участие в организации Белого движения. В 1920 г. эмигрировала в США.

⁴⁷¹ Толстовский фонд (фонд Толстого) — благотворительная организация, созданная в 1939 г. в городе Вэлли Коттедж, США, младшей дочерью Льва Толстого Александрой Львовной Толстой (1884–1979). Оказывал помощь беженцам, перемещенным лицам, сиротам. Существует по сей день.

⁴⁷² Игорь Иванович Сикорский (1889–1972) — русский и американский авиаконструктор, изобретатель, летчик. Создатель первых в мире: четырехмоторного самолета (1913, Россия), тяжелого четырехмоторного бомбардировщика (1914, Россия), серийного вертолета (1942, США). Эмигрировал в 1918 г. сначала в Англию, потом во Францию, в 1919 г. в США. Один из учредителей и спонсоров Толстовского фонда.

⁴⁷³ Александр Николаевич Прокофьев-Северский (1894–1974) — русский и американский летчик, авиаконструктор; один из создателей ВВС США, видный теоретик боевого применения стратегической авиации. Эмигрировал в 1918 г. Разрабатывал и испытывал новые модели самолетов; первый среди американцев пилотировал новейший британский истребитель Supermarine Spitfire. В 1946 г. получил медаль «За заслуги», высшую гражданскую награду США.

⁴⁷⁴ Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867–1951) — генерал русской дореволюционной армии. В 1918 г. жестоко подавил финскую революцию. Регент Королевства Финляндия с 1918 по 1919 г. С 1939 по 1945 г. — главнокомандующий финской армии. Президент Финляндии с 1944 по 1946 г. Организовал успешное сопротивление советской армии в 1939–1940 гг., успешное наступление финской армии в 1941 г. и не менее успешную оборону в 1944 г.

⁴⁷⁵ Ванда Ада Ядвига Блохер фон Вальштатт (урожд. княгиня Радзивилл; 1877–1966) — графиня.

⁴⁷⁶ Вольф-Генрих Юлиус Отто Бернхард Фриц Герман Фердинанд фон Хельддорф (1896–1944) — один из активнейших деятелей

нацизма с 1920-х гг. Один из организаторов первого еврейского погрома в Веймарской республике 12 сентября 1931 г. Обергруппенфюрер СА, обергруппенфюрер СС. Генерал полиции. Один из тех, кто проводил акцию уничтожения штурмовиков в 1934 г. («ночь длинных ножей»). Начальник берлинской и потсдамской полиции с 1938 г. Один из организаторов самого крупного еврейского погрома в Германии — Хрустальной ночи 9 ноября 1938 г. С этого же года стал устанавливать связи с генералами вермахта, оппозиционно настроенными к Гитлеру. Поскольку жил на очень широкую ногу (в 1931 г. его имение было продано за долги), не брезговал вымогательством у богатых берлинских евреев. Был в курсе планов заговорщиков. После ложного сообщения о гибели Гитлера 20 июля 1944 г. части берлинской полиции вместе с частями вермахта блокировали правительственные здания столицы. Арестован одним из первых. Одним из первых казнен.

⁴⁷⁷ Вельф Генрих Август Георг Христиан Бертольд Фридрих Вильгельм Луис Фердинанд Гогенцоллерн, принц Ганноверский, герцог Брауншвейгский (1923–1997).

⁴⁷⁸ Виктория Луиза Прусская, принцесса Прусская, гецигиня Брауншвейгская и Ганноверская (1892–1980) — дочь Вильгельма II, правнучка английской королевы Виктории, в честь которой получила свое первое имя. Подобно мужу Эрнсту Августу Ганноверскому (1887–1953), активно поддерживала нацистскую партию, в том числе и финансами. Используя родственные связи с королевским двором Великобритании, пыталась наладить дружественные связи между Англией и нацистской Германией. Личная подруга фюрера.

⁴⁷⁹ Карл Пауль Иммануэль фон Хазе (1885–1944) — генерал-лейтенант вермахта. Участник войны с Польшей (1939) и Францией (1940). В 1940 г. был назначен военным комендантом Берлина. Геббельс по поводу этого назначения писал в дневнике: «...образцовый офицер. Очень позитивно относится к партии. Мы с ним сработаемся». Активный участник заговора 20 июля 1944 г. Его военные части (вместе с частями берлинской полиции) блокировали казармы СС и правительственные здания в столице после ложного сообщения о гибели

Гитлера. Арестован вечером 20 июля 1944 г. Казнен 8 августа того же года в берлинской тюрьме Плётцензее.

⁴⁸⁰ «Манфред» (1885) — программная симфония П. И. Чайковского на сюжет поэмы Байрона.

⁴⁸¹ Генрих Александр Людвиг Петер цу Сайн-Витгенштейн-Сайн (1916–1944) — из графского немецко-русского рода. Один из самых знаменитых асов Германии. Начинал в бомбардировочной авиации. Бомбил Францию и Англию. С первых дней в войне против СССР. Добился перевода из бомбардировщиков в истребители — ему претило бомбить фактически беззащитные советские города. Стал одним из самых результативных истребителей немецкого люфтваффе (сбил 83 самолета). Непосредственное начальство не любило его за высокомерие и безумную храбрость, которая могла привести или к блестящей победе, или к катастрофе. Был жёсток, если не сказать жесток, с подчиненными. Один из них, Пауль Цорнер (1920–2014), вспоминал, как в одном воздушном бою его самолет был серьезно поврежден, Сайн-Витгенштейн приказал ему продолжать бой. Непосредственный начальник Генриха цу Сайн-Витгенштейна-Сайн Вольфганг Флакк (1910–2007) признавался: «Порой я жалею, что граф ни разу не получал дисциплинарного взыскания». Граф часто приходил на выполнение боевого задания в гражданской одежде. Он не скрывал своего отрицательного отношения к нацистам и к Гитлеру. Тем не менее удостоился личной аудиенции. Об этой встрече ниже напишет Мария Васильчикова. Через две недели после аудиенции граф погиб при невыясненных обстоятельствах. Он возвращался после удачного боя. У самолета стал отказывать двигатель. Граф приказал экипажу прыгать с парашютами. Остался один. Был обнаружен неподалеку от своего самолета без парашюта. Английские летчики сбросили венок на могилу своего героического противника.

⁴⁸² Петр Христианович Витгенштейн (Людвиг Адольф Петер цу Сайн-Витгенштейн; 1768–1843) — русский военачальник, которого высоко ценил Наполеон Бонапарт. Тем не менее именно Витгенштейн не смог взять в кольцо наполеоновскую армию у Березины и дал возможность Наполеону вывести

боеспособные части из России. Будучи главнокомандующим русско-прусской армией, в 1813 г. проиграл два сражения, вынужден был отступить и был отправлен в отставку. Любопытно, что предком Генриха цу Сайн-Витгенштейна-Сайн был и декабрист Лев Петрович Витгенштейн (1799–1866).

⁴⁸³ Отец Генриха Александр цу Сайн-Витгенштейн-Сайн (1880–1953) был дипломатом и работал в Дании. Генрих родился в Копенгагене. В 1919 г. семья переехала в Швейцарию. В 1926 г. Генрих поступил в элитарный немецкий интернат. Поскольку у Генриха были слабые легкие, то он часто лечился в туберкулезной клинике в Давосе, но с 1932 г. жил в Германии, окончил университет в Фрайбурге, с 1937 г. в люфтваффе. Преднацистскую и нацистскую Германию он знал не хуже Марии Васильчиковой. По всей видимости, вел себя уж очень заносчиво.

⁴⁸⁴ Лоремари Шёнбург вышла замуж за офицера американской разведки.

⁴⁸⁵ Вердер (Хафель) — небольшой городок в земле Бранденбург, в 10 км от Потсдама. Знаменит своими фруктовыми садами. В городке проводится ежегодный праздник цветения фруктовых деревьев.

⁴⁸⁶ Нацистская экономика, над созданием которой работали весьма квалифицированные экономисты Эрнст Вагеманн (1884–1956), Ялмар Шахт (1877–1970) и Карл Фридрих Гёрделер (1884–1945), была сильно огосударствленной рыночной экономикой. Это-то и позволило ей хорошо себя показать во время войны. Контролем над ценами ведал рейхскомиссариат по ценообразованию, созданный Гёрделером (ветераном нацистского движения, впоследствии активным участником заговора 20 июля 1944 г. — казнен в 1945) в 1934 г. Гёрделер и был первым рейхскомиссаром по ценообразованию. Поскольку уже в это время он стал критически относиться к нацистской политике, в 1935 г. лишился всех своих постов. В 1942 г. пост рейхскомиссара по ценообразованию занял эсэсовец Ханс Фишбёк (1895–1967).

⁴⁸⁷ См. коммент. 334.

⁴⁸⁸ Хайнц Фридрих Эдуард Георг фон Герсдорф (1892–1955) и его жена Мария Эмма Элла Жозефина Луиза фон Герсдорф (урожд. баронесса фон Штраленхайм; 1896–1945), покончила с собой

30 апреля 1945 г. во время штурма Берлина. Мария Васильчикова снимала комнату у Герсдорфов.

⁴⁸⁹ Войршштрассе — бывшая (с 1863 по 1935) и нынешняя (с 1947) Гентинерштрассе. Улица в берлинском районе Тиргартен. В 1935 г. переименована в честь весьма успешного военачальника Ремуса фон Войрша (1847–1920), участника Австро-прусской (1866), Франко-прусской (1870–1871) и Первой мировой войн. Поскольку племянник генерал-фельдмаршала Удо фон Войрш (1895–1983) стал крупным эсэсовским начальником и военным преступником, улицу в 1947 г. переименовали.

⁴⁹⁰ Иоганн Йенш — сын известного гамбургского педагога, одного из основателей вальдорфских школ в Германии Эриха Йенша (1883–1940).

⁴⁹¹ Маргарита Мальвина фон Хойос цу Штихзенштейн (в замужестве фон Бисмарк-Шёнхаузен; 1871–1945) — по отцу была из графского рода фон Хойосов и баронского цу Штихзенштейнов; по матери Алисе Уайтхед, приходилась внучкой знаменитому английскому инженеру, изобретателю торпеды Роберту Уайтхейду (1823–1905).

⁴⁹² «Филина» (1943) — комедия немецкого писателя Йо Ханнса Рёслера (1899–1966), премьера состоялась 7 сентября 1943 г. в Театре комедии на Кюрфюрстендамм, главным режиссером (интендантом) которого был Виктор де Кова. Он же исполнял главную роль. Виктор де Кова пригласил Марию Васильчикову не на премьеру, а на предпоказ. Комедия пользовалась таким успехом, что в 1944 г. ее решили экранизировать. Фильм снимался в Праге зимой 1944 — весной 1945 г., туда выехала из Берлина киностудия УФА (Universum Film-Aktiengesellschaft). Комедия была фактически снята к апрелю 1945 г. По понятным причинам доделать ее удалось только к 1949 г. В 1949 г. «Филина» вышла на экраны Западной и Восточной Германии.

⁴⁹³ Теодор Карл Макебен (Тео; 1897–1953) — немецкий пианист; дирижер; композитор, автор музыки ко многим спектаклям, фильмам и эстрадных шлягеров. Начинал пианистом-аккомпаниатором в берлинских кабаре. Затем работал капельмейстером в театре «Фольксбюне», в 1928 г. руководил первой

постановкой «Трехгрошовой оперы» Бертольта Брехта и Курта Вайля. Во времена нацизма писал музыку к развлекательным спектаклям и фильмам. После его смерти немецкие кинематографисты сняли фильм, посвященный Макебену: «С тобой мне всегда было хорошо...» (1954).

⁴⁹⁴ Темпельхоф, 1923–1994 — один из первых аэропортов в Германии. С 1939 по 1941 г. был перестроен и обновлен. До строительства Пентагона был самым крупным зданием в мире. В 1948–1949 гг. использовался американцами для «воздушного моста» (сбрасывания продуктов в Западный Берлин). В 1934–1936 гг. вблизи аэропорта был расположен первый нацистский концлагерь Колумбия-Хаус. В 1994 г. аэропорт закрыт.

⁴⁹⁵ От Потсдама (где живут Лоремари Шёнбург и Мария Васильчикова) до Берлина 28 км.

⁴⁹⁶ По делам заговора 20 июля 1944 г.

⁴⁹⁷ Керцендорф — деревня в окрестностях прусского (бранденбургского) города Людвигсфельде (ныне часть этого города). Имение Керцендорф принадлежало потомкам семьи французских гугенотов ле Дюша де Дорвилль, эмигрировавших в Пруссию после отмены Нантского эдикта. Ими же в 1756 г. был построен загородный дом. В 1879 г. имение было куплено дедом Лалли Хорстман (урожд. Швабах), прусским банкиром еврейского происхождения Юлиусом Леопольдом Швабахом (1831–1898). Его сын Пауль фон Швабах (1867–1938), историк и банкир, принадлежавший к сотне богатейших людей Пруссии, разбил в Керцендорфе великолепный парк с каналами, фонтанами и статуями. После смерти Пауля имение досталось Лалли и ее мужу Альфреду Хорстману. В сентябре 1943 г. загородный дом в Керцендорфе был разрушен прямым попаданием зажигательной бомбы. Из построек в имении сохранились только дом управляющего и конюшня. Ныне парк в запустении. Каналы высохли, фонтаны не бьют, но статуи стоят.

⁴⁹⁸ София (Фия) Хеншель (в замужестве Мартини) — дочь немецкого инженера и предпринимателя Карла Антона Теодора Фердинанда Хеншеля (1873–1924). Фирма «Хеншель и сыновья» — старейшая в Германии (с XVIII в.). Сначала это была железоделательная фирма, потом стала выпускать паровозы

и грузовики. Во время Второй мировой войны специализировалась на бомбардировщиках.

⁴⁹⁹ Готфрид Александр Максимилиан Вальтер Курт фон Крамм («теннисный барон»; 1909–1976) — знаменитый теннисист Германии 1930-х гг. из нижнесаксонского баронского рода фон Краммов. С самого начала занял резко антинацистскую позицию. Несмотря на неоднократные предложения Геринга (с которым был в одном теннисном клубе), отказался вступать в нацистскую партию. Во время зарубежных турне позволял себе резкие публичные антинацистские высказывания. В 1938 г. заключен в концлагерь по обвинению в гомосексуальных связях с еврейским артистом Маннассе Хербстом, которому Готфрид помог эмигрировать. Спустя семь месяцев по просьбе матери у Геринга и шведского короля Густава V, чьим другом и тренером был Готфрид фон Крамм, был освобожден. В 1941 г. мобилизован на Восточный фронт. В 1942 г. отправлен с фронта в бессрочный отпуск с тяжелейшими обморожениями ног. Был близок к заговорщикам 20 июля 1944 г. Когда посещал Швецию, выполнял их поручения. После войны смог продолжить спортивную карьеру. Погиб в автокатастрофе между Каи-ром и Александрией.

⁵⁰⁰ В Керцендорф Хорстман взял главным образом свою коллекцию старинного фарфора. Спрятал в подвале, но и эта коллекция исчезла после входа в Керцендорф частей советской армии.

⁵⁰¹ Охотничий замок Фушль на окраине австрийского городка Фушль-ам-Зее на берегу озера Фушль, был построен в 1461 г. для зальцбургского епископа. С той поры много раз менял владельцев. В 1939 г. реквизирован в пользу Иоахима фон Риббентропа. Владельца замка Густава Эдлера цу Ремица отправили в концлагерь, где он и умер в 1945 г. После войны наследники цу Ремица получили свой замок обратно. Ныне в нем расположен шикарный отель с видом на горное озеро.

⁵⁰² Мартин Франц Юлиус Лютер (1895–1945) — немецкий дипломат. Член нацистской партии с 1932 г. В МИДе с 1938 г. Официальный пост — советник министра иностранных дел фон Риббентропа и начальник отдела D, осуществляющего

связь МИД с СС. Участник Ванзейской конференции (1942), на которой были разработаны методы уничтожения евреев Германии и оккупированных ею стран. Активно сотрудничал с Эйхманом, осуществлял дипломатическое прикрытие убийств евреев. С августа 1942 г. — самый влиятельный чиновник МИДа. В начале 1943 г. Лютер решил сместить своего начальника, написал письмо шефу гестапо Гиммлеру, предлагал отправить Риббентропа в отставку («Иоахим сошел с ума, он не способен вести работу»). В результате Лютер был арестован 10 февраля 1943 г. и отправлен в концлагерь Заксенхаузен, где содержался в привилегированных условиях. Освобожден советской армией. Умер 13 мая 1945 г. в берлинской больнице от сердечного приступа.

⁵⁰³ Ханс Георг фон Штудниц (1907–1993) — немецкий журналист и публицист. Член нацистской партии с марта 1933 г. Автор свирепых антисемитских и антианглийских статей. Ведущий сотрудник пресс-службы рейха. В 1937 г. в Индии брал интервью у Махатмы Ганди и Дживахарлала Неру. Неоднократно общался с великим муфтием Иерусалима, верным союзником Гитлера. После войны работал в ведущих немецких СМИ «Шпигель», «Кристус унд Вельт». Свой дневник «Когда Берлин горел» («Als Berlin brannte. Tagebuch der Jahren 1943–1945») Штудниц издал в 1963 г. Никакого отношения к антинацистской оппозиции фон Штудниц не имел. Присутствующие на ужине у Ханса Флотова преследуемы не гестапо и СС, но английскими бомбами — в этом смысл метафоры Штудница.

⁵⁰⁴ Ойген Бернд Мумм фон Шварценштайн (1901–1981) — немецкий дипломат. В МИДе с 1931 г. Не скрывал своего резко отрицательного отношения к нацистам. Не вступил в партию. Уволен в 1939 г. Много раз вызывался на допросы в гестапо. В мае 1944 г. арестован по обвинению в распространении ложных слухов о вермахте. Приговорен к пяти годам тюремного заключения. Освобожден канадскими войсками. Тут же посажен снова как нацистский дипломат. Выпущен в 1946 г. Работал директором фабрики. В 1952 г. реабилитирован. Вернулся на дипломатическую службу. Последняя должность — торговый консул в Польше, 1963–1965. (Дипломатических отношений

с Польшей у ФРГ тогда не было.) С 1965 г. на пенсии. Брат Бернда, Герберт Альфред Мумм фон Шварценштайн (1898–1945), был уволен из МИДа в 1935 г. В 1942 г. арестован. В апреле 1945 г. расстрелян.

⁵⁰⁵ Роза Валуа, 1927–1970 — магазин (один из ведущих производителей) шляп в Париже, основанный в 1927 г. модистками Фернаной Клейе и Верой Ли (Rose называла себя мадам Клейе, а Valois — это конструкция, составленная из инициалов Веры Ли и еще одной (пока не идентифицированной) особы). В 1940 г. Вера Ли бежала из Парижа. Участвовала в партизанской войне против оккупантов, арестована и казнена в 1944 г. Магазин продолжал работу и во время оккупации Парижа немецкими войсками.

⁵⁰⁶ Жорж Скапини (1893–1976) — французский адвокат; дипломат; политик. После войны (вместе с Абецом, см. коммент. 381) — создатель Франко-немецкого общества. С 1936 г. неоднократно встречался с Гитлером и Риббентропом. Поддержал маршала Петена, вошел в коллаборационистское правительство. Мария Васильчикова правильно оговаривает чуть ниже: Скапини не был послом вишистской Франции в Берлине, он был диппредставителем правительства Петена по делам французских военнопленных. Оставался в Берлине до 6 мая 1945 г., потом перебрался во Францию. Был арестован, судим. Учитывая состояние здоровья и ходатайства уважаемых людей, например писателя-фронтовика Ролана Доржелеса, а также то, что Скапини и впрямь много делал для облегчения участи французских военнопленных, помилован. В 1960 г. Скапини написал мемуары о своей дипработе в рейхе «Mission sans gloire» («Бесславная миссия»).

⁵⁰⁷ Коллалто и Сан-Сальваторе — княжеский австро-итальянский род.

⁵⁰⁸ «Dolchstoß» («Удар ножом в спину») — пропагандистское клише ультраправых немецких националистов, пущенное в ход генералами Людендорфом и Гинденбургом после поражения Германии в Первой мировой войне. Дескать, Германия состояла бы, если бы не «удар ножом в спину» евреев, демократов, либералов, социал-демократов и прочей «пятой колонны».

- ⁵⁰⁹ Мария Васильчикова попала в точку. Рим, когда к нему подошли англо-американские войска, был объявлен немцами «открытым (т. е. необороняемым) городом». 4 июня 1944 г. Рим был освобожден. По сравнению с другими городами Европы подвергся наименьшим бомбежкам.
- ⁵¹⁰ Участник заговора 20 июля 1944 г. князь Готфрид фон Бисмарк-Шёнхаузен — член партии НСДАП с 1932 г. и бригадефюрер СС (генерал-майор) с начала 1944 г., какие вопросы в этом случае к графу фон Хелльдорфу?
- ⁵¹¹ «Джовинецца» («Юность») — песня на музыку Джузеппе Бланка, написанная в 1909 г. В 1920 г. с новыми словами стала гимном фашистской партии Италии. С 1944 г. — государственный гимн, созданной Муссолини на севере страны Итальянской социальной республики.
- ⁵¹² Отто Скорцени (1908–1976) — немецкий диверсант. Самыми удачными его диверсиями были похищение Муссолини в 1944 г. и в том же году похищение сына адмирала Хорти, после чего Хорти согласился не только прекратить мирные переговоры с советским командованием, но и передать власть Ференцу Салашу. После войны Скорцени стал сотрудничать с американской разведкой, чем и спас себе жизнь.
- ⁵¹³ Филиппо Анфузо (1901–1963) — итальянский дипломат. Вместе с Чиано (зятчем Муссолини, см. коммент. 151) на дипслужбе с 1925 г. Осуществлял дипломатическое прикрытие террористических актов итальянской спецслужбы ОВРА за границей. В 1943 г., будучи послом в Будапеште, предупредил Муссолини о начавшихся мирных переговорах Хорти с советским командованием. В том же письме предупредил Муссолини о готовящемся против него заговоре, одним из участников которого был министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано. В 1944 г. Анфузо назначен Муссолини министром иностранных дел Итальянской социальной республики и послом в Берлине. Оставался в Берлине до 26 марта 1945 г. После войны был судим и оправдан за недостатком улик. Стал одним из основателей и руководителей итальянской неонацистской партии «Movimento Sociale Italiano». Был избран депутатом парламента от этой партии. Умер от сердечного приступа во время выступления в парламенте.

- ⁵¹⁴ Союз немецких офицеров создан из плененных под Сталинградом высших офицеров 12 декабря 1943 г. Во главе его встал Вальтер Курт фон Зейдлиц-Курцбах.
- ⁵¹⁵ У Ульриха фон Хасселя было три сына: Альмут (1912–1991); Вольф Ульрих (1913–1999); Ханс Дитер (1916–2005). С кем из них обедала Мария Васильчикова, неизвестно.
- ⁵¹⁶ Нем. SD (Sicherheitsdienst des Reichsfuehrers SS) — Служба безопасности рейхсфюрера СС основана в 1931 г. как часть НСДАП и отрядов СС. В 1934 г. стала самостоятельным подразделением СС. С 1939 г. была объединена с крипо (криминальной полицией) и гестапо (тайной государственной полицией, политической полицией) и стала частью Главного управления имперской безопасности СС (РСХА — Reichssicherheitamt). Стала по сути государством в государстве. Обладала реальной властью, какой не было ни у одного государственного, а уж тем более партийного органа рейха. Это было чрезвычайно удобно и перед юридическим судом, и перед судом истории: партиец (нацист) кивал на эсэсовца — он совершал преступления; эсэсовец кивал на нациста (партийца) — он давал распоряжения. Берлинцы привычно называли РСХА — СД. Справедливо полагая, что особой разницы между ними нет. Штаб-квартира РСХА (и СД) располагалась в парке на Вильгельмштрассе, 102, в бывшем дворце принца Альбрехта (здание не сохранилось).
- ⁵¹⁷ Наполеон Жан Гастон Мари Эжен Гайяр (1919–1945) из пересыльного лагеря Руалье неподалеку от Компьена был отправлен сначала в Равенсбрюк, потом в Бухенвальд. Умер от истощения после освобождения из лагеря 16 апреля 1945 г.
- ⁵¹⁸ Перпиньян — французский город в 30 км от границы с Испанией. Во время Второй мировой войны Франко (строго соблюдая нейтралитет) сквозь пальцы смотрел на беженцев из оккупированной Европы, если им удавалось пересечь франко-испанскую границу. Перпиньян был освобожден армией генерала де Голля 19 августа 1944 г.
- ⁵¹⁹ Вблизи от города Компьена в местечке Руалье в июне 1941 г. был создан концлагерь для интернированных гражданских лиц, в основном евреев. После 22 июня 1941 г. многие русские

эмигранты были отправлены в этот лагерь. С декабря 1941 г. лагерь служил транзитным пунктом для отправки евреев в лагерь смерти. Последние эшелоны смерти вышли из Руалье летом 1944 г. Ныне мемориал.

⁵²⁰ Лагерь в городе Ораниенбург назывался Заксенхаузен. Один из первых нацистских концлагерей. Создан в 1936 г. В лагере погибло свыше ста тысяч человек. После войны, с 1945 по 1950 г., спецлагерь № 7 НКВД. Ныне мемориал. Но Гайяра отправили не в Заксенхаузен, а в Равенсбрюк.

⁵²¹ Дворец принца Альберта находился в отдалении от того района, где жила Мария Васильчикова. Но поскольку дворец стоял в парке, то у Васильчиковой создалось ощущение, что она за городом.

⁵²² Валериан Николаевич Бибиков (1891–1950) — участник Первой мировой и Гражданской войн. С начала войны против СССР пошел добровольцем в немецкий флот. Когда немецкие войска подошли к Ленинграду, он выбрался из Ревеля, где находился по службе, и поехал к месту проведения традиционных летних лагерей русской императорской гвардии под Красным Селом, чтобы помочь бывшей дворянке Валентине Григорьевне Кепп (урожд. Левченко) организовать на оккупированной территории детский приют, стараясь спасти от голодной смерти и болезней детей, оставшихся без родителей. Умер в Париже в 1950 г.

⁵²³ Епископом (не архиепископом) Мулена был с 1942 по 1956 г. Жорж Клемент Эдуард Жакин (1881–1956). Католическая церковь была достаточно независима и в нацистской Германии, и в оккупированных ею странах. Через честных и смелых католических священников, занимающих высокие посты в иерархии, по ватиканским дипканалам удавалось передавать правду о положении дел в лагерях смерти, лагерях для советских военнопленных и о военных преступлениях вермахта и СС на оккупированных землях.

⁵²⁴ Аббат Антуан Жирарден (1901–1971), много сделавший для спасения французских евреев от депортации в лагерь смерти и для разоблачения военных преступлений немцев, был арестован в начале 1945 г., однако смог уцелеть.

- ⁵²⁵ Терезиенштадт — «образцовый концлагерь», созданный нацистами в центре чешского города Терезин в средневековой крепости. В этот концлагерь отправляли евреев из Германии, Австрии и частью из Западной Европы. По сути, это был пересыльный лагерь для отправки в лагерь смерти Освенцим. В Терезиенштадте была разрешена переписка, принимались посылки. Были больница, детсад, бассейн. Регулярно в Терезиенштадт приезжали комиссии Международного Красного Креста. Комиссиям показывали спектакли, поставленные заключенными, один раз показали фильм, снятый в Терезиенштадте. Индивидуальные встречи с заключенными представителям Красного Креста были запрещены. По прошествии некоторого времени заключенных отправляли в Освенцим, на их место приезжали новые.
- ⁵²⁶ 308 — дорожный знак в Германии, означающий опасность на дорогах.
- ⁵²⁷ Маргарита Эрнестина Элизабет Аглая фон Шёнбург-Хартенштейн (в замужестве де Роан; 1897–1980) — княгиня фон Шёнбург-Хартенштейн, княгиня де Роан, герцогиня де Гемне, Рошфор и Монтан.
- ⁵²⁸ Фридрих-Вернер Эрдманн Матиас Иоганн Бернгард Эрих фон дер Шуленбург (1875–1944) — немецкий дипломат. На дипломатической службе с 1901 г. В 1934 г. вступил в нацистскую партию. В том же году был отправлен послом в Москву. Был одним из драйверов Пакта о ненападении между СССР и Германией. Более всего боялся войны на два фронта. Поэтому весной 1941 г. в частной беседе с советским послом в Берлине Владимиром Деканозовым не просто предупредил о готовящемся нападении, но назвал точную дату: 22 июня. Вошел в круг заговорщиков 20 июля 1944 г. Заговорщики прочили его на пост министра иностранных дел. Казнен в берлинской тюрьме Плётцензее 10 ноября 1944 г.
- ⁵²⁹ Бисмарковская политика после создания им Германской империи была подчеркнута миролюбивой. Агрессивный курс внешней политики Германии обеспечил Вильгельм II, отправивший Бисмарка в отставку.
- ⁵³⁰ См.: Куманев Г. А. «22-го на рассвете...» // Правда. 1989. 22 июня.
- ⁵³¹ Франц Йозеф Герман Михаэль Мария фон Папен цу Верльунд Нойверк (1879–1969) — немецкий политик и дипломат. Во

время Первой мировой войны воевал на Ближнем Востоке в турецкой армии. В 1932 г. назначен Гинденбургом на пост канцлера. Предлагал Гитлеру войти в его правительство вице-канцлером. Гитлер отказался. Когда Гинденбург в 1933 г. назначил Адольфа канцлером, Гитлер предложил фон Папену стать вице-канцлером, и тот не отказался. В «ночь длинных ножей», когда эсэсовцы убивали не только руководство штурмовых отрядов, но и представителей консервативной оппозиции (тогда был убит друг фон Папена генерал Курт фон Шлейхер), фон Папена арестовали. Спустя три дня отправили послом в Австрию. Он много сделал для первого внешнеполитического успеха Гитлера: присоединения (аншлюса) Австрии к Германии. С 1938 г. — посол в Турции, где работал так же результативно. Благодаря его деятельности Турция не только не вступила в войну на стороне антигитлеровской коалиции, но закрыла черноморские проливы для британского военного флота. После войны судим как военный преступник. Оправдан на Нюрнбергском процессе вместе с Хансом Фриче и Ялмаром Шахтом. В 1947 г. судим уже в Германии. Приговорен к восьми годам. В 1949 г. выпущен на свободу. Автор мемуаров «Переулок правды» (*«Der Wahrheit eine Gasse»*), 1952.

⁵³² Михал Сокольниковский (1880–1967) — польский дипломат. С 1936 по 1945 г. — посол Польши в Турции. С 1939 г. — посол польского правительства в изгнании. После 1945 г. остался в Турции. Преподавал в Университете Анкары. Если учесть, что после оккупации Польши фон Папен предложил турецкому правительству выселить польских дипломатов из их резиденции, а здание передать немецкому посольству (получил отказ), то подружиться с Сокольниковским фон Папену было непросто.

⁵³³ Джордж Говард Эрл (1890–1974) — 32-й губернатор Пенсильвании (1935–1939), с 1940 по 1943 г. — посол США в Болгарии. В 1943 г. назначен Рузвельтом официально военно-морским атташе в Стамбуле, фактически (Васильчикова права) представителем президента по вопросам Балкан. Фон Папену не было необходимости крепить дружбу с убежденным антикоммунистом Эрлем. Он давно поддерживал с ним тесные контакты (о чем и доносили Гитлеру агенты гестапо). Эрл получил материалы по Катынскому делу не от фон Папена,

а от Сокольницкого и от болгарского врача Марко Маркова, члена международной комиссии по Катыни, собранной МИДом Германии. Материалы были тут же отправлены Рузвельту. Рузвельт не поверил ни слову. «Это все немецкая пропаганда» — так отреагировал Рузвельт на эти материалы. Его можно понять: как можно верить государству, которое устраивает такие пропагандистские спектакли, как «образцовый концлагерь» в Терезиенштадте? В 1952 г. на заседании правительственной комиссии США по Катынскому делу Эрл обвинил Рузвельта в замалчивании присланных ему материалов.

⁵³⁴ Генри Моргентау-младший (1891–1967) — американский политик и финансист. Министр финансов с 1934 по 1945 г. Обеспечил финансовую поддержку реформаторскому «Новому курсу» президента Рузвельта. Последовательный антинацист. Добивался от американского Конгресса жестких экономических и финансовых санкций по отношению к нацистской Германии. Добивался облегчения возможности эмиграции беженцам из Центральной Европы. Благодаря деятельности созданного им комитета War Refugee Board были спасены жизни 200 000 евреев. В 1944 г. предложил весьма жесткий план послевоенного существования Германии (план Моргентау): вся промышленность Германии должна быть уничтожена; Германия должна быть превращена в несколько аграрных государств. Рузвельт отверг этот план.

⁵³⁵ Поразительная уверенность русского человека (даже такого образованного и сведущего, как Мария Васильчикова) в том, что царь — хороший, а окружение не дает ему возможности узнать правду. Рузвельт был и сам настолько антинацистски настроен, что и без Моргентау не верил всему, что исходило от нацистской Германии.

⁵³⁶ Манфред Георг Рудольф фон Браухич (1905–2003) — знаменитый в 1930–1940-х гг. немецкий автогонщик. Из-за своей рисковости на трассе часто попадал в аварии и никогда не занимал первого места. Только серебро. Получил прозвище *Rechvogel* (Птица неудачи). В 1920-х гг. был членом парамилитарной крайне правой террористической организации «Бригада Эрхарда». В 1944–1945 гг. занимал пост референта

в Министерстве вооружения у Альберта Шпеера. После войны, будучи крупным спортивным функционером, налаживал связи с ГДР. Не раз встречался с Вальтером Ульбрихтом. Стал создателем и президентом Западнгерманского комитета за единство и свободу немецкого спорта. В сентябре 1953 г. был арестован по обвинению в госизмене и шпионаже. Восемь месяцев был в следственной тюрьме. Смог бежать и добежал до ГДР, где был принят с распростертыми объятиями. Стал крупным гэдээровским функционером от спорта, писал детские книжки. Работал сценаристом на студии ДЕФА. Был награжден орденом ГДР «За заслуги перед Отечеством».

⁵³⁷ Карл Роберт Крайтен (1916–1943) — знаменитый пианист-виртуоз, лучший исполнитель фортепианных сочинений Бетховена. Начал концертную деятельность в 10 лет. В 16 получил серебряный приз на Международном конкурсе пианистов в Вене. В разговоре с приятелями своей матери, инженером Вилли Отт-Монеке и его женой Эллиен Отт-Монеке, весной 1943 г. усомнился в военной победе Германии. Семейная пара пожаловалась на антипатриотическую позицию сына своей приятельницы учительнице Аннемари Виндмюллер. Та донесла на Крайтена в гестапо. Поскольку для хода дела нужно было два доноса, гестапо отыскивало приятельницу Крайтена, певицу (меццо-сопрано) Тину Дебюсер. Та подтвердила, что Крайтен и при ней распространял пораженческие слухи, то есть написала под диктовку гестапо свой донос. Крайтен был арестован гестапо 3 мая 1943 г. на своем концерте в Гейдельберге. 3 сентября 1943 г. он был приговорен к смерти и 7 сентября 1943 г. повешен в Плётцензее. Труп его вместе со 186 другими пораженцами оставили висеть на стене тюрьмы в течение нескольких дней. Пока длился процесс, о помиловании Крайтена, добившись личной аудиенции, просил у Гитлера Фуртвенглер и получил категорический отказ.

⁵³⁸ Вальтер Генрих Альфред Герман фон Браухич (1881–1948) — главнокомандующий Сухопутными войсками Германии с 1938 по 1941 г. После неудачи московского наступления отстранен от командования, переведен в резерв. В 1945 г. взят в плен англичанами. Умер в военном госпитале.

- ⁵³⁹ Крайтен был казнен на основании других доносов. См. коммент. 537.
- ⁵⁴⁰ 1890-е гг. — спокойное, стабильное и богатое существование Германии в раннюю вильгельмовскую эпоху.
- ⁵⁴¹ На союзной комиссии по денацификации, разбивавшей дело Фуртвенглера, его защитником оказался представитель советской военной администрации Александр Львович Дымшиц (1910–1975).
- ⁵⁴² Вальтер Бюттнер (1908–1972) — немецкий дипломат. Учился на горного инженера. В 1929 г. вступил в нацистскую партию и штурмовые отряды (SA). В 1938 г. — в СС. С 1939 г. работал в МИДе. Ближайший друг и сотрудник Мартина Лютера (см. коммент. 502). Эсэсовская смена старых дипломатов бисмарковской и штреземановской школы. В 1941 г. ушел на Восточный фронт добровольцем. Вернулся в МИД после ареста Мартина Лютера. Отсюда его презрительный и поучительный тон по отношению к «тыловым риббентроповским крысам».
- ⁵⁴³ «Гитлеровские девки, оружие и гангстеры» («Hitler's girls, gun and gangsters», 1941) — документальная книга немецкого журналиста и разведчика Феликса Гросса (1890–1960) о сексуальных, уголовных и оккультных связях гитлеровской элиты. Книга обильно иллюстрирована. В ней впервые названа тогда еще гражданская жена Адольфа Ева Браун (1912–1945). Нацистскому начальству, конечно, было важно узнать, что про них знают англичане и американцы. Феликс Гросс был до Первой мировой войны личным секретарем немецкого (английского происхождения) философа и расиста Хьюстона Стюарта Чемберлена (1855–1927), оказавшего огромное влияние на Гитлера и лично с ним знакомого. Во время Первой мировой Феликс Гросс работал в немецкой контрразведке. Во время Веймарской республики близко и хорошо знал крайне правых врагов республики. В 1933 г. эмигрировал в Южную Африку, в Кейптаун. В 1940 г. написал воспоминания «Шпионы, которых я знал» («I knew those spies»).
- ⁵⁴⁴ Рутгер Фредрик фон Эссен (1914–1977) — шведский барон и дипломат, жена — Хермина Хильдур Вильгельмина Грилл-Терсmeden (в замужестве фон Эссен; 1914–2008).

- ⁵⁴⁵ Антон (Тони) цу Заурма фон дер Йельч, барон (1914–1994). После войны женился на Элизабет фон Штумм (1918–1996).
- ⁵⁴⁶ Фридрих Владимирович Огуз (1908–1982) — русский пианист и композитор. В 15-летнем возрасте стал стипендиатом фонда, организованного наркомом просвещения СССР А. В. Луначарским. В 1929 г. на средства того же фонда уехал в Вену. После войны жил в Париже. Потом перебрался в Мюнхен, где и умер.
- ⁵⁴⁷ Бункер Гитлера в непосредственной близости от Рейхсканцелярии. Строительство начато в 1935 г. Полностью закончено в 1943 г. Мощнейшее подземное укрытие. Все туннели не удалось взорвать. На месте бункера (Гертруд-Кольмар-Штрассе) сейчас жилые дома. Берлинские диггеры по сию пору изучают тоннели недовзорванного гитлеровского укрывища.
- ⁵⁴⁸ По-русски это называется «ковровая бомбардировка». Впервые массированные бомбардировки городов применил немецкий легион «Кондор» во время Гражданской войны в Испании, когда был уничтожен город Герника и разбомблена Барселона. У Народного фронта не было ни сколько-нибудь стоящего ПВО, ни сколько-нибудь многочисленной истребительной авиации. В легионе «Кондор» служили медсестрами подруги Марии Васильчиковой, баронессы, сестры-двойняшки фон Вреде.
- ⁵⁴⁹ Буйабес — блюдо южнофранцузской кухни. Уха из разных видов рыб, с водорослями и на морской соленой воде. Одно из многих французских простонародных блюд, вошедших в ресторанную кулинарию. На дне тарелки с буйабесом обязательно должен быть песок.
- ⁵⁵⁰ «Краузе» — старая (с 1867) берлинская продовольственная фирма. Специализация — мясные продукты. Мясная лавка «Краузе» существует в Берлине и по сей день.
- ⁵⁵¹ Хериберт фон Штремпель (1902–1981) — немецкий дипломат; барон. Окончил Йенский университет. С 1938 по 1943 г. — первый секретарь немецкого посольства в Вашингтоне. За неприкрытую пропагандистскую и шпионскую деятельность, а также финансовую поддержку пронемецких и нацистских организаций в США выслан из страны, где получил прозвище

Nazi-Baron. По возвращении из США занимал крупный пост в пресс-службе МИДа.

- ⁵⁵² Букков — западная окраина Берлина по названию расположенной там в XIII в. вендской (славянской) деревни. Ныне входит в городскую черту Берлина.
- ⁵⁵³ Колонна Победы (Siegessäule) первоначально возводилась как колонна победы Пруссии над Данией в 1864 г. Достроена по проекту архитектора Генриха Штрака (1805–1880) в 1873 г. Стала памятником победы Пруссии в Датско-прусской (1864), Австро-прусской (1866), Франко-прусской (1870–1871) войнах и памятником объединения Германии под главенством Пруссии в 1871 г. Первоначально находилась на площади Кёнигс-плац (ныне площадь Республики). В ходе реконструкции Берлина (перестройки его в Столицу мира — Германию) нацисты перенесли колонну в район Большого Тиргартена на площадь Большой Звезды, где должен был находиться новый центр города. Колонна была не взорвана союзниками, поскольку, по решению межсоюзнической комиссии, взрывали только милитаристские памятники, поставленные после 1914 г.
- ⁵⁵⁴ Ось Восток–Запад — то, что удалось воплотить из гитлеровского плана перестройки Берлина в Столицу мира — Германию. Проспект, тянущийся через весь город. Ось Юг–Север сделать не успели.
- ⁵⁵⁵ Гизелла Елизавета Луиза Тереза фон Штраленхайм (в замужестве — графиня фон дер Шуленбург; 1902–?).
- ⁵⁵⁶ Вольф-Вернер фон дер Шуленбург, граф (1899–1944) — нацистский спортивный функционер, командир полка парашютистов в годы Второй мировой войны. Военный преступник, ответственный за уничтожение двух итальянских деревень (Матера и Пьетрансьери) осенью 1943 г. Убит в бою под Сен-Ло в Нормандии 14 июля 1944 г. Брат участника заговора 20 июля Фритца-Дитлофа фон дер Шуленбурга. Не кузен, но племянник бывшего посла в Москве Фридриха-Вернера фон дер Шуленбурга.
- ⁵⁵⁷ Урсула цу Гогенлоэ-Эринген (урожд. фон Зедлиц; 1905–1988) — писательница, переводчица. Разведенная жена князя Августа цу Гогенлоэ-Эринген (1890–1962), сохранившая титул и фамилию мужа.

- ⁵⁵⁸ Нем. Regierung — правительство. Потомки создателя Германской империи, чья политика привела к гибели империи, называли так свое потсдамское имение.
- ⁵⁵⁹ Из 3715 зверей берлинского зоопарка (основанного в 1844) войну пережил 91 зверь. Из них два льва, две гиены, один индийский слон (Сиам), один бегемот (Кнаушке, погиб в 1988 г. после драки со своим сыном за обладание самки; в берлинском зоопарке стоит памятник бегемоту Кнаушке), десять павианов, шимпанзиха Сусе, один дальневосточный аист и один китоглав (птица семейства пеликановых).
- ⁵⁶⁰ Элен Гудсон Ливит (в замужестве фон Штраленхайм; 1864–1948) — американка, уроженка штата Массачусетс.
- ⁵⁶¹ Рудольф-Кристоф фон Герсдорф (1905–1980) — кадровый немецкий офицер. Активный участник заговора 20 июля 1944 г. Участвовал в одной из неудавшихся попыток покушения на Гитлера 21 марта 1943 г., когда Гитлер пришел в берлинский цейхгауз осмотреть захваченную советскую военную технику. Герсдорф должен был его сопровождать. Герсдорф намеревался взорвать бомбу, которую спрятал в плаще. Однако Гитлер приехал на выставку раньше, обошелся без сопровождающего. Герсдорфу пришлось обезвреживать приведенную в действие бомбу в туалете цейхгауза. После войны активно занимался вопросами безопасности дорожного движения.
- ⁵⁶² Чин генерал-майора Герсдорф получил в марте 1945 г. вместе с Железным крестом за то, что смог вывести свою 7-ю армию в августе 1944 г. из «котла» на севере Франции.
- ⁵⁶³ Флоренс Ирена Альберт (урожд. Уителл; 1880–1960).
- ⁵⁶⁴ Курт Теодор Альберт (1881–1945) — доктор юридических наук. Промышленный магнат. Владелец химического концерна, производящего искусственные смолы (основан в 1858 г. его отцом, химиком и предпринимателем Иоганном Генрихом Альбертом, 1835–1908).
- ⁵⁶⁵ Александр П. Альберт (1911–1975).
- ⁵⁶⁶ Ирена Альберт (1916–?).
- ⁵⁶⁷ S-Bahn (Schnellbahn — скоростная дорога) — пригородные электропоезда, функционирующие в Германии с 1930 г. Железнодорожная сеть в Германии (как и во всей Европе) связана

с метрополитеном, поэтому Мария Васильчикова приезжает на станцию метро «Потсдамерплац».

- ⁵⁶⁸ Гранд-отель «Эспланада», 1908–1944 — знаменитый отель 1920-х гг. на Потсдамерплац. Был добит последующими бомбардировками Берлина. Остатки отеля вмонтированы в выстроенное в 1990-х гг. на Потсдамерплац здание Sony-centre.
- ⁵⁶⁹ Мария Васильчикова имеет в виду Бендлерблок, комплекс зданий, возведенных в 1914 г. на Бендлерштрассе. Только там с 1935 г. находилось не ОКН (Oberkommado des Heeres, ставка была в Вюнсдорфе), но АНА (Allgemeine Heeresamt) — управление всеми, а не только сухопутными вооруженными силами рейха. Именно это здание стало центром подготовки покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., о чем и свидетельствует мемориальная табличка на здании, где ныне расположено Министерство обороны ФРГ.
- ⁵⁷⁰ Гитлеровский план был амбициознее: Столица мира — Германия, вот как должен был называться Берлин после победы нацистов в мировом масштабе.
- ⁵⁷¹ Христофор Иванович Дерфельден (1888–1947) — участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции входил в боевую организацию генерала Кутепова. Супруга — Елена Николаевна Дерфельден (урожд. Бенуа; 1894–1943).
- ⁵⁷² Бернд Карл фон Икскуль (1879–1963) — брат Эдгара фон Иксюля. После войны уехала в Швецию.
- ⁵⁷³ Абвер, 1921–1944 — военная контрразведка Веймарской республики и нацистской Германии. Постоянно конфликтовала с гестапо и СС. Руководитель абвера Вильгельм Канарис (1887–1945) был связан с заговорщиками 20 июля 1944 г. Арестован 23 июля 1944 г. Казнен 9 апреля 1945 г.
- ⁵⁷⁴ Тойпиц — скорее небольшой город. Вблизи него был расположен лагерь для военнопленных.
- ⁵⁷⁵ Очевидно, отмену выборов, запрет политических партий, уничтожение конституционных свобод, этнические чистки, концлагеря госпожа Альберт величайшими бедствиями не считала.
- ⁵⁷⁶ Гитлерюгенд, 1926–1945 — нацистская молодежная организация.

- ⁵⁷⁷ Национал-социалистическая организация народной благотворительности (NSV), 1933–1945 — национал-социалистская благотворительная организация, основанная нацистской партией в мае 1933 г. Распущена по решению межсоюзной комиссии (как и все нацистские организации) в 1945 г.
- ⁵⁷⁸ Геббельс тогда был министром пропаганды и никаких распоряжений, имеющих силу, издавать не мог. Он призвал всех молодых людей оставаться в Берлине, не более того.
- ⁵⁷⁹ Именно после массированных атак Берлина немецкие офицеры и дипломаты, разочаровавшиеся в Гитлере, приступили к серьезной разработке плана по его устранению.
- ⁵⁸⁰ Макс Хью Макдональд Гастингс (р. 1945) — британский журналист и историк. Его книга «Bomber Command: The British Bombing of Germany in World War II» в 1980 г. получила премию имени Сомерсета Моэма.
- ⁵⁸¹ Это ехидное выражение принадлежит не немецкой, а английской пропаганде. Возникло во время бомбежек Лондона и других городов Великобритании в 1940 г. Бедкер — немецкий путеводитель по городам Европы.
- ⁵⁸² То есть Германия продолжала борьбу под нацистскими знаменами.

1944, 1 января–18 июля

- ⁵⁸³ Имеются в виду солдаты-отпускники. Как и во всех армиях мира (кроме советской), в вермахте солдаты получали отпуска. В советской армии отпуска давались только по ранению или за совершенный подвиг.
- ⁵⁸⁴ Анхальтский вокзал, 1880–1960 — бывший берлинский вокзал поездов дальнего следования в южном направлении. После войны оказался на территории Западного Берлина, потерял свое значение. В 1952 г. закрыт. В 1960 г. разобран. Сохранились небольшие фрагменты фасада.
- ⁵⁸⁵ Юзеф Липский (1894–1958) — польский дипломат. В 1934–1939 гг. — посол Польши в Берлине. В начале сентября 1939 г.

через нейтральные страны добрался до Польши. 18 сентября (после вступления СССР в войну с Польшей) бежал во Францию. Пошел добровольцем во французскую армию. Взят в плен в Эльзасе. Бежал. Добрался до Англии. Во время итальянской кампании 1944 г. был в польской армии Андерса, воевавшей в Италии. После войны эмигрировал в США, где был представителем польского правительства в изгнании.

⁵⁸⁶ Рудольф Ран (1900–1975) — немецкий дипломат. Член нацистской партии с 1933 г. В 1940 г. возглавлял отдел радио и пропаганды при Отто Абеце в Париже. С 1941 по 1943 г. работал в Сирии и Тунисе. С 26 июля 1943 г. — имперский уполномоченный в Италии. С 9 ноября 1943 г. — посол в Республике Сало Муссолини. В октябре 1943 г., когда Рим был занят немецкими войсками, один из организаторов депортации римских евреев в лагеря смерти. После войны судим, но оправдан. Пытался возвратиться на дипслужбу, но был слишком замаран в нацистских преступлениях — не взяли.

⁵⁸⁷ Ныне Карпач, Польша. После войны все немецкое население города было выселено.

⁵⁸⁸ Франц Альфред Зикс (1909–1975) — крупный нацистский функционер, бригадефюрер СС, один из руководителей РСХА; с 1943 г. начальник культурно-политического (пропагандистского) отдела МИДа рейха. После войны осужден на 20 лет как военный преступник. Выпущен через год. Занимался издательским бизнесом.

⁵⁸⁹ Мария Васильчикова ошиблась: Зикс был бригадефюрером, то есть генерал-майором.

⁵⁹⁰ Черчилль заболел тяжелейшим воспалением легких не в марокканской Касабланке, а в тунисском Картаго (Карфагене) зимой 1943 г., куда он прилетел после Тегеранской конференции, чтобы обговорить с американским генералом Дуайтом Эйзенхауэром наступление англо-американских войск в Италии. Вылечился сильнейшим антибиотиком.

⁵⁹¹ Граф Клеменс-Генрих фон Кагенек (1913–2006) — майор танковых войск.

⁵⁹² Гернси — главный остров Нормандского архипелага. Место действия последнего романа Виктора Гюго «Труженики моря».

Во время Второй мировой войны — единственная территория Великобритании, которая была оккупирована немцами. Часть населения острова немцы депортировали в концлагеря на юго-западе Германии. В конце войны из-за блокады острова английским флотом возникла угроза голода. Международному Красному Кресту удалось доставить на остров продовольствие. Был освобожден от немцев 9 мая 1945 г.

⁵⁹³ Граф Николаус Карл (Чарли) Иоганн Блюхер фон Вальштатт (1915–1943). Чарли Блюхер погиб не в Тунисе, а в Алжире, в бою под городом Батна.

⁵⁹⁴ Блюхеры жили в поместье Хавиланд Холл на острове Гернси.

⁵⁹⁵ Графы Хуго Николаус Гебхард Блюхер фон Вальштатт (1913–1948) и Александр Вильгельм Филипп Блюхер фон Вальштатт (1916–1978).

⁵⁹⁶ Гебхард Бернхард Карл Блюхер фон Вальштатт (1799–1875) — прусский генерал. Прославлен тем, что вовремя привел свои войска на поле битвы при Ватерлоо, где Наполеон фактически разгромил английские войска Веллингтона, и нанес решающий удар, превративший победу Наполеона в катастрофическое поражение. Многие военные историки полагают, что честь совершения маневра прусских войск принадлежит не Блюхеру, а его начштаба Гнейзенау. Известна фраза Наполеона, узнавшего об ударе пруссаков: «Единственная моя ошибка та, что я не сжег Берлин». Английские ВВС и советские войска этой ошибки Наполеона не повторили.

⁵⁹⁷ У Генриха фон Витгенштейна было серьезное легочное заболевание, от которого он в отрочестве лечился в Давосе.

⁵⁹⁸ «Август Шерль Ферлаг», 1883–1945 — крупнейшее издательство в Германии начала XX в. Основано предпринимателем Августом Шерлем (1849–1921) в 1883 г. В 1900 г. получило его имя. Издавало, помимо прочего, иллюстрированные еженедельники, посвященные зарубежной жизни и политики, с большим количеством фотографий.

⁵⁹⁹ «Честерфилд» — марка американских сигарет, основанная в 1873 г. В условиях войны американские сигареты в Германии можно было купить или на «черном рынке» (с которым нацисты долго и безуспешно боролись), или по дипканалам.

- ⁶⁰⁰ У бригадфюрера СС Готфрида фон Бисмарка тоже видное нацистское прошлое.
- ⁶⁰¹ «Хорхер» был закрыт по настоянию Геббельса. После того, как он в своей речи 1943 г. призвал закрыть все рестораны и увеселительные заведения.
- ⁶⁰² 14 января 1944 г. советские войска перешли в наступление на Ленинградском фронте. 20 января 1944 г. был освобожден Новгород. 27 января 1944 г. блокада Ленинграда была полностью снята.
- ⁶⁰³ На Веронском процессе над членами Большого фашистского совета, голосовавшими за отставку Муссолини, проходившем на территории муссолиниевской Республики Сало 8–10 января 1944 г., одного из обвиняемых, одного из руководителей фашистских профсоюзов Италии — Тулио Джанетти (1899–1976) приговорили к 30 годам тюремного заключения, 19 человек — к смерти; поскольку 13 человек из списка были в бегах, то 11 января 1944 г. расстреляли пятерых: графа Галеаццо Чиаино (1903–1944), зятя Муссолини и бывшего министра иностранных дел, Эмилио де Боно (1866–1943), маршала Италии, Лучано Готтарди (1899–1844), профсоюзного деятеля фашистской Италии, Джованни Маринелли (1879–1944), министра связи, и Карло Паречи (1898–1944), ответственного за агрополитику итальянских фашистов. Откуда цифра расстрелянных у Марии Васильчиковой — непонятно.
- ⁶⁰⁴ Расстреляно было пятеро человек.
- ⁶⁰⁵ В отличие от фашистской Италии, где у Муссолини были какие-то противовесы — король, Большой фашистский совет, — Республика Сало (Итальянская социальная республика) была абсолютно диктаторским государством. Если бы Муссолини не хотел расстреливать своего зятя и еще четырех человек, он бы их не расстрелял.
- ⁶⁰⁶ Дуайен (от *фр.* Доуен — старейшина) — глава дипломатического корпуса.
- ⁶⁰⁷ Герберт Бланкенхорн (1904–1991) — немецкий дипломат. В МИДе с 1929 г. В нацистской партии с 1938-го. С 1935 по 1939 г. работал в немецком посольстве в Вашингтоне. С 1943 г. руководил экономическим отделом посольства Германии

в Берне и департаментом в МИДе. 2 апреля 1945 г. взят в плен американцами. На допросах многое рассказал об особенностях работы нацистского посольства в Америке и был отпущен. Стал одним из самых видных и влиятельных дипломатов ФРГ. С 1974 по 1976 г. — председатель исполнительного комитета ЮНЕСКО.

⁶⁰⁸ Франц Генрих Бетц (1873–1957) — немецкий дипломат; востоковед, китаист. С 1897 г. работал в Китае переводчиком и дипломатом. С 1936 по 1943 г. — генеральный консул в Тяньцзине. С 1943 г. — в берлинском МИДе.

⁶⁰⁹ Гёрлицкий вокзал, 1866–1945 — один из первых вокзалов в Берлине. Построен в 1866 г. Назван по городу Гёрлицу, конечному пункту ж/д ветки. Во время штурма Берлина Гёрлицкий вокзал — место ожесточеннейших боев. Почти полностью разрушен. Ныне на его месте Гёрлицкий парк с фрагментами бывшего вокзала.

⁶¹⁰ Хиршберг (ныне Еленя-Гура, Польша) — город в Силезии.

⁶¹¹ Вернер фон Типпельскирх (1891–1980) — немецкий дипломат. На дипслужбе с 1919 г. С 1925 по 1928 г. работал в немецком посольстве в Москве. С 1931 г. руководил департаментом в МИДе, отвечающим за Восточную Европу. В 1933 г. вступил в нацистскую партию. С 1935 по 1941 г. работал в Москве под руководством Шуленбурга. 24 июля 1941 г. покинул Москву. В 1941 г. опубликовал отрывки из своего московского дневника «*Vom Ausbruch des deutsch-sowjetischen Kriegs bis zur Rueckkehr nach Deutschland*» («От начала германо-советской войны до возвращения в Германию»). Работал представителем МИДа в Кракове. С 1944 г. — в МИДе руководил отделом по восточным вопросам. В 1945 г. был в американском плену. Был свидетелем на Нюрнбергском процессе. Его жена — баронесса Доретта фон Эзебек (в замужестве Типпельскирх; 1902–?)

⁶¹² Имеется в виду Ленинградский фронт.

⁶¹³ Генрих фон Сайн-Витгенштейн-Сайн не был сбит. Он погиб в результате аварии, возвращаясь после боя.

⁶¹⁴ Не стоит забывать и о бомбардировках, которые осуществляли немецкие летчики люфтваффе.

- ⁶¹⁵ Герберт фон Рихтхофен (1879–1952) — на дипслужбе с 1911 г. В 1938 г. вступил в нацистскую партию. С 1939 по 1941 г. — посол в Болгарии. С 1944 г. — в отставке. В 1945 г. взят в плен советскими войсками. Приговорен к 25 годам тюремного заключения («за подготовку агрессивной войны»). Умер в московской тюрьме на Лубянке. Вторая жена барона фон Рихтхофена, венгерская баронесса, родившаяся в Стамбуле, Розина Мария Франциска фон Косьек (в замужестве — фон Рихтхофен; 1881–?).
- ⁶¹⁶ Вторая жена Герберта фон Бисмарка (1849–1904) — австрийская графиня Маргарита Мальвина фон Хойос-Штихзенштайн (в замужестве фон Бисмарк-Шёнхаузен; 1871–1945).
- ⁶¹⁷ Замок и поместье Шёнхаузен в Пруссии — фамильный замок и поместье Бисмарков, вдова Герберта жила там после смерти мужа, поэтому Васильчикова называет Шёнхаузен загородным имением Маргариты Мальвины фон Хойос-Штихзенштайн. Ныне часть замка взорвана и не восстановлена. Замок находился на территории ГДР. У Бисмарков его отобрали.
- ⁶¹⁸ См. коммент. 481.
- ⁶¹⁹ Густав-Александр цу Сайн-Витгенштейн-Сайн (1880–1953) — немецкий дипломат, и Цецилия Августа Вальбурга цу Сайн-Витгенштейн-Сайн (урожд. фон Фризен-Рёта; 1885–1969).
- ⁶²⁰ Людвиг Станислав Генрих Алоизус цу Сайн-Витгенштейн-Сайн (1915–1962); Александр Франц Лео цу Сайн-Витгенштейн-Сайн (1925–1945), погиб в бою; Генрих Сайн-Витгенштейн-Сайн (см. коммент. 502).
- ⁶²¹ Сомнительное утверждение: сын русского генерала Витгенштейна декабрист Лев Сайн-Витгенштейн-Сайн эмигрировал в Германию и жил там. Там же жили его потомки. Мать Генриха была немецкая баронесса фон Фризен-Рёта.
- ⁶²² Фердинанд (Фердл) фон Габсбург Лотарингский, граф фон Кибург (1918–2004).
- ⁶²³ «Принц Ойген» («Принц Евгений»), 1938–1945 — тяжелый крейсер немецкого флота. Участвовал во многих морских сражениях. После войны использовался американцами в ядерных испытаниях на атолле Бикини. После испытаний был уничтожен.

- ⁶²⁴ «Вог» (от *фр.* Vogue — мода) — американский, а теперь и всемирный модный журнал. Основан в 1892 г.
- ⁶²⁵ 18 февраля 1943 г. Геббельс в берлинском Дворце спорта на многолюдном митинге произнес речь о тотальной войне, в которой призвал все население Германии забыть о мирной жизни, превратить свою жизнь в жизнь в военном лагере.
- ⁶²⁶ «Татлер» (*нем.* tuttler — болтун, сплетник) — английский журнал о светской жизни. Основан в 1901 г.
- ⁶²⁷ Имперская служба труда (*Reichsarbeitsdienst*, RAD), 1933–1945 — нацистская трудовая организация. Создана в 1933-м, распущена в 1945 г. Каждый юноша и каждая девушка от 19 до 25 лет шесть месяцев должны были отработать в специальных трудовых лагерях.
- ⁶²⁸ 15 февраля англо-американской авиацией было разбомблено древнее аббатство Монте-Кассино, где Бенедикт Нурсийский сформулировал каноны католического монашества. Этот эпизод входил в многомесячную битву по прорыву немецкой линии Густава (битва под Монте-Кассино) с 17 января по 25 мая 1944 г. После прорыва линии Густава от немецких оккупантов был освобожден Рим. В битве под Монте-Кассино участвовала польская армия генерала Андерса. Этой битве посвящена польская песня «Маки у Монте-Кассино», тогда же сложенная.
- ⁶²⁹ «Посредник из Берхетсгадена, или Война быков», 1920 — экранизация исторического романа Людвиг Гангофера (1855–1920). Речь в нем идет не о войне, а о крестьянском восстании в Берхетсгадене в 1420 г. против жадных монахов, несправедливо отобравших у одной крестьянской семьи стадо.
- ⁶³⁰ Отель «Бристоль», 1891–1944 — один из самых престижных отелей в Берлине на главной улице города Унтер ден Линден. Уничтожен во время бомбежки 15 февраля 1944 г. В этот день в отеле погиб видный голландский нацист Ян Барендрегт (1881–1944). Вместе с ним погиб немецкий нацист Лорман, ведавший насильственной отправкой голландцев на «трудовой фронт» в оккупированные нацистами области Украины. На месте отеля после войны было построено здание советского посольства.

- ⁶³¹ К вопросу о бессмысленности и преступности бомбежек мирного Берлина. В результате бомбежки 15 февраля 1944 г. было уничтожено несколько крупных генералов, высококлассных военных профессионалов, которые (если верить Марии и Георгию Васильчиковым) терпеть не могли Гитлера и нацистов, но служили им так верно и умело, что оккупировали всю Европу и немалые территории европейской части СССР.
- ⁶³² Одно из последствий бомбежек Берлина и отеля «Бристоль» состояло в том, что генералы вермахта убедились: войну не выиграть, а бомбить Германию будут безжалостно, значит, пора перестать ворчать на безумного ефрейтора, а убивать его — иного выхода нет.
- ⁶³³ Имеется в виду отчет Уинстона Черчилля перед палатой общин 22 февраля 1944 г. о встрече в Тегеране с Рузвельтом и Сталиным. Речь в этом отчете шла в основном о Польше, но, помимо этого, Черчиллем было подчеркнуто, что никакого иного конца войны, кроме безоговорочной капитуляции Германии, быть не может.
- ⁶³⁴ После этого налета киностудия УФА переехала в Прагу.
- ⁶³⁵ То есть когда вермахт оккупировал чужие страны, берлинцы даже не предполагали, что им придется пережить то же, что пережили те, на кого вермахт напал.
- ⁶³⁶ Ныне польский город Вроцлав.
- ⁶³⁷ Курт Диттмар (1891–1959) — немецкий генерал-лейтенант, «голос ОКВ». С 1909 г. на военной службе. Участник Первой и Второй мировых войн. В начале войны с СССР воевал на Северном фронте. Seriously заболел. После болезни стал официальным радиокomentатором вермахта. Его радиосообщения высоко оценивал министр пропаганды Геббельс. В апреле 1945 г. вместе с 16-летним сыном бежал из Берлина. 26 апреля 1945 г. сдался американцам. Содержался в лагере для высокопоставленных военных в Англии. Выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе. С 1947 г. жил в ФРГ.
- ⁶³⁸ После попытки адмирала Хорти осенью 1944 г. договориться с советским командованием в Венгрии был устроен переворот, во главе страны стал венгерский нацист Ференц Салаши (1897–1946). Но в марте 1944 г. нацисты уже понимали, к чему идет дело, и потому ввели в Венгрию свои войска.

- ⁶³⁹ В августе 1944 г. король Румынии Михай II Гогенцоллерн-Зигмаринген (1921–2017) сместил диктатора Антонеску, арестовал пронемецки настроенных генералов и заключил военный союз с СССР.
- ⁶⁴⁰ Дёме Стояи (урожд. Дмитрие Стоякович; 1883–1946) — венгерский генерал, дипломат и политик сербского происхождения. Назначен Хорти в расчете на то, что профессиональный военный понимает, что ждет Венгрию, если она будет поддерживать Германию Гитлера. Расчеты не оправдались. В августе 1944 г. Стояи был заменен Гезой Лакатошем (1890–1967). Стояи осужден как военный преступник и казнен в Будапеште 22 августа 1946 г.
- ⁶⁴¹ Вероломства у регента Венгрии адмирала Хорти было не больше, чем у итальянского маршала Бадольо, румынского короля Михая I Гогенцоллерна-Зигмарингена или у друзей Марии Васильчиковой, заговорщиков 20 июля 1944 г.
- ⁶⁴² Антонио де Оярсаль и Марчезе (р. 1935) — испанский дипломат и политик. С 1996 по 2001 г. — посол Испании в США.
- ⁶⁴³ Institut Le Rosey — школа-интернат в швейцарском городе Ролль, основана в 1880 г. Расположена в средневековом замке. Старейшая и престижнейшая школа в Швейцарии. Некоторое время ее называли «королевской школой».
- ⁶⁴⁴ Ныне Ксендза Гора, Польша.
- ⁶⁴⁵ На вершине Ксендза Горы (Пфаффенберга) в 1897 г. немецкий предприниматель Рихард Каселовски (1888–1944) построил шале в швейцарском стиле. Передал его своему сыну. Сыну проиграл шале в карты барону Артуру Перглеру фон Пергласу. Ныне в шале барона гостиница. Под шале после войны обнаружили подземные сооружения, набитые вывезенными нацистами из Европы художественными произведениями.
- ⁶⁴⁶ Артур Перглер фон Перглас и Алиса Перглер фон Перглас (урожд. фон Кёттинг).
- ⁶⁴⁷ Альфред Брунс (1907–1974) — немецкий художник, гравер, карикатурист.
- ⁶⁴⁸ Имеется в виду католическая Страстная пятница.
- ⁶⁴⁹ Вернер Шмидт (1902–1978) — немецкий дипломат; африканист, автор расистских сочинений, изданных в Южной Африке. Вступил в нацистскую партию в 1934 г. С 1935 по 1938 г.

работал в Претории (Южная Африка), устанавливал отношения с антианглийски настроенными бурами. С 1938 г. работал в Берлине начальником отдела иностранной прессы. В 1942 г. вступил в СС. В 1943 г. проходил военную службу в Waffen-SS. После войны занимался академической деятельностью.

⁶⁵⁰ Тидо Йозеф Гашпар (1893–1972) — словацкий писатель, драматург; политик. В 1941 г. стал начальником Отдела управления пропагандой коллаборационистской Словацкой республики. 29 августа 1944 г., когда началось словацкое национальное восстание, обратился по радио с призывом не оказывать сопротивления частям вермахта. В 1945 г. арестован, приговорен к 30 годам тюремного заключения. В 1958 г. амнистирован. Жил в Словакии.

⁶⁵¹ Тидо Гашпар был писателем-почвенником и подобной книги, да еще с французским названием, у него не было и быть не могло. Это он так ухаживал за красивой женщиной.

⁶⁵² Кёнигс Вустерхаузен — город в Германии (земля Бранденбург).

⁶⁵³ Central-Hotel (Отель «Централь»), 1881–1945 — берлинский люкс-отель рядом с вокзалом Фридрихштрассе. В 1945 г. уничтожен полностью.

⁶⁵⁴ Александра фон Бредов (в замужестве Бахман; 1919–1997) — дочь сестры Готфрида фон Бисмарка-Шёнхаузена Ханны фон Бредов.

⁶⁵⁵ Карл Генрих Лангбен (1901–1944) — немецкий адвокат; участник Сопротивления. Защищал на процессах немногих решавшихся открыто протестовать против нацистов. Помогал эмигрировать евреям. Дочь Лангбена Элке училась в одной гимназии с дочкой Гиммлера Гудрун и подружилась с ней. Лангбен стал бывать в доме у Гиммлера. Порой пользовался этим, чтобы вызволить людей из концлагерей или помочь им эмигрировать. Помимо этого, Лангбен поддерживал связи с Йоханнесом Попицем (1884–1945), участником заговора 20 июля 1944 г. В 1943 г. Лангбен организовал встречу Попица и Гиммлера, на которой Попиц уговаривал Гиммлера отстранить Гитлера от власти. В сентябре 1943 г. арестован, пытан лично Генрихом Мюллером, шефом гестапо. После неудачного покушения 20 июля 1944 г. пытки возобновились. Казнен 2 февраля 1945 г.

- ⁶⁵⁶ Эдуард Йоханнес Попиц (1884–1945) — немецкий экономист и политик. Член нацистской партии с 1933 г. Награжден в 1937 г. золотым знаком отличия нацистской партии. С 1938 г. стал более чем критически относиться к политике нацистов. Арестован на следующий день после неудавшегося покушения на Гитлера. Казнен 2 февраля 1945 г.
- ⁶⁵⁷ Крамм был тренером по теннису короля Швеции.
- ⁶⁵⁸ Пауль Отто Густав Шмидт (1899–1970) — немецкий переводчик, работник МИДа Германии. В совершенстве владел английским, французским, испанским, итальянским, нидерландским, чешским, словацким и польским языками. С 1924 г. работал в МИДе переводчиком. В 1935 г. стал личным переводчиком Гитлера. В 1943 г. вступил в нацистскую партию. С 1945 по 1948 г. — в американском плену. С 1952 по 1967 г. — ректор Мюнхенского института иностранных языков.
- ⁶⁵⁹ Ханс Валентин Хубе (1890–1944) — немецкий генерал танковых войск. Участник Первой и Второй мировых войн. 26 сентября 1914 г. после тяжелого ранения потерял руку. Успешно воевал и на Западном, и на Восточном фронтах во Второй мировой. 20 апреля 1944 г. Хубе произведен в генерал-полковники и награжден бриллиантами к рыцарскому кресту с золотыми дубовыми листьями и Мечами. 21 апреля 1944 г. разбился на самолете, который летел из Зальцбурга в Берлин.
- ⁶⁶⁰ Франц Эгон фон Фюрстенберг, граф (1896–1975).
- ⁶⁶¹ Фриц-Дитлоф (Фрици) фон дер Шуленбург, граф (1902–1944) — немецкий юрист, политик. Очень рано примкнул к нацистскому движению и достиг довольно больших карьерных успехов: заместитель начальника берлинской полиции, графа фон Хелльдорфа, — только одно звено в цепи его карьеры. Был близок к группе «левых» нацистов, братьев Штрассер и Эрнсту Рёму. «Ночь длинных ножей» была первым разочарованием «коричневого графа» (такое у него было прозвище) в нацизме. К 1943 г. он стал убежденным противником и нацистского режима, и лично Гитлера. Принимал самое активное участие в заговоре 20 июля 1944 г. Арестован в день неудавшегося покушения. Повешен 10 августа в берлинской тюрьме Плётцензее. Труп сожжен, пепел развеян.

- ⁶⁶² Карл-Вальрад цу Зальм-Хорстмар, князь (1911–1991) — кавалерист. Последняя войсковая должность полковника Карла-Вальрада цу Зальма-Хорстмара — командир 2-го казачьего дивизиона СС.
- ⁶⁶³ Ханс Карл (Перси) Фрей (1916–1974) — швейцарский дипломат. Окончил Бернский университет в 1942 г. С 1942 по 1943 г. работал в дипмиссии Швейцарии в Виши. С 1944 по 1945 г. — в Берлине в департаменте посольства по защите интересов иностранных граждан (Швейцария, как нейтральная страна, взяла на себя такую функцию). После войны продолжил дипломатическую карьеру. Последняя должность — швейцарский посол в Каире (1971–1974).
- ⁶⁶⁴ Николасзее — с 1901 г. район вилл вблизи от берлинских озер. Ныне в городской черте Берлина.
- ⁶⁶⁵ Эрих Озер (1903–1944) — художник, карикатурист, мультипликатор. Создатель одного из первых немецких комиксов. Особой популярностью пользовался его комикс «Отец и сын». Активно сотрудничал с «Дас Рейх». Геббельсу нравились карикатуры Озера на Сталина. Это не помешало инициировать арест Озера после доноса на некоторые его карикатуры. Озер был арестован 28 марта 1944 г. Судим 6 апреля, приговорен к смерти и казнен. Лео Малиновский ошибся.
- ⁶⁶⁶ «Das Reich» («Империя»), 1940–1945 — один из самых популярных и читаемых нацистских еженедельников. Создан в 1940 г. по инициативе министра пропаганды Геббельса в расчете на интеллигентную и буржуазную публику. Очень скоро из-за высокого (по сравнению с другой нацистской прессой) журнального качества стал популярен и в других слоях общества. Геббельс порой писал редакционные статьи. Главными редакторами этого еженедельника были Ойген Мюндлер (1889–1981; с 1940 по 1943) и Рудольф Шпаринг (1904–1955).
- ⁶⁶⁷ Готфрид Адам Фольрат фон Ватцдорф (1910–1971).
- ⁶⁶⁸ Нем. Jansfelde — небольшой город в Бранденбурге (Пруссия).
- ⁶⁶⁹ УФА — одна из старейших кинокомпаний Европы. Создана в 1917 г. Генштабом Германии для производства агитационных фильмов. В годы Веймарской республики пережила взлет как одна из самых успешных кинокомпаний мира. В 1933 г. национализирована. К середине 1944 г. большая часть киностудии

была эвакуирована в Прагу. В 1945 г. распущена. В 1949 г. восстановлена в ГДР как ДЕФА (Deutsche Film-Aktiengesellschaft), в 1955 г. под старым названием УФА в ФРГ.

⁶⁷⁰ Женевьева Табуи (настоящая фамилия Лекен; 1892–1985) — французская журналистка левых убеждений, настолько левых, что во Франции ее считали советской агенткой. Взяла множество интервью у политических деятелей. Прославилась своими предсказаниями, которые сначала не воспринимались всерьез, а потом сбывались. Главным образом эти предсказания касались политики Гитлера, что вызвало язвительный ответ Адольфа в одной из его радиоречей: «Мадам Табуи — мудрейшая женщина, она знает то, что я сделаю, прежде чем я об этом подумал». После взятия немцами Парижа бежала в Англию, потом в США. В 1942 г. издала автобиографию, которую и читает Мария Васильчикова. После войны вернулась во Францию.

⁶⁷¹ Багге фон Боо — скандинавский дворянский род шведского происхождения. Герман (Харри) Николаус Олаф Багге фон Боо (1886–1953) и Люси Юлия фон Энгельгардт (в замужестве Багге фон Боо; 1883–1971).

⁶⁷² Григорий Ефимович Распутин (1869–1916) — фаворит Николая II и Александры Федоровны. Целитель царевича Алексея. Пользовался весьма скверной репутацией в российском обществе. Убит великосветскими заговорщиками. Стал широко известен во всем мире. В 1932 г. в США был снят фильм «Распутин и императрица» (в Германии шел под названием «Распутин: Демон России»).

⁶⁷³ Барбара Вултон Хаттон (1912–1979) — американская светская львица, миллионерша (наследница газетного магната Франка В. Вултона), коллекционерша, меценатка. Семь раз была замужем. Великосветские и модные журналы ее времени были полны историями о ее похождениях и ее фотографиями. В 1987 г. о ней был снят американский телефильм «Бедная маленькая богачка. История жизни Барбары Хаттон».

⁶⁷⁴ Американские тяжелые бомбардировщики поднимались выше, чем английские. Их сложнее было достать зениткам и истребителям, поэтому у них была дневная смена — у английских ночная.

- ⁶⁷⁵ «Life» («Жизнь», *англ.*) основан в 1883 г. как развлекательный, юмористический журнал. С 1936 г. новостной журнал с упором на фотожурналистику.
- ⁶⁷⁶ «Нескафе» — крупнейшая в мире торговая марка растворимого кофе. Собственно, первый в мире растворимый кофе и был «Нескафе», созданный в 1938 г. швейцарской фирмой «Нестле». Во время Второй мировой войны массовое производство «Нескафе» было развернуто в США и шло на снабжение армии. Откуда Алекс Верт раздобыл растворимый кофе для американской армии в Берлине в 1944 г., остается загадкой.
- ⁶⁷⁷ Отель на Штайнплац, 1913 — один из немногих берлинских отелей, уцелевших во время войны. В 1907 г. было построено здание, жилой многоквартирный дом. В 1913 г. банкир Макс Целлермайер купил дом и перестроил его в отель. В ресторане отеля часто собирались русские эмигранты. Во время войны хозяева отеля устроили на крыше здания огород, где выращивали помидоры, во дворе здания держали коз. После войны Отель на Штайнплац стал местом встреч западногерманских и западноберлинских писателей, художников, музыкантов.
- ⁶⁷⁸ Вернер фон Хафтен (1908–1944) — обер-лейтенант вермахта, адъютант Клауса фон Штауффенберга (1907–1944), подложившего бомбу в бункере Гитлера 20 июля 1944 г. В день покушения сопровождал Клауса фон Штауффенберга повсюду. Арестован вместе с ним. Расстрелян без суда по личному распоряжению Гитлера на следующий день после покушения. Кремирован, пепел развеян.
- ⁶⁷⁹ Служит в Резервной армии, разумеется, Вернер фон Хафтен. Зимой 1942 г. он был тяжело ранен на Восточном фронте и переведен в резерв. Клаус фон Штауффенберг был начштаба резервной армии, а Вернер фон Хафтен — его адъютантом.
- ⁶⁸⁰ Севастополь был освобожден 9 мая 1944 г. (операция по освобождению началась 17 апреля). 12 мая от немецких войск был очищен мыс Херсонес. Маршал Александр Васильевич Василевский добился от Сталина отсрочки решающего штурма на несколько дней. Так что Мария Васильчикова ошибается: Севастополь немцы защищали очень даже особенно.

- ⁶⁸¹ Замок Сихров (в одноименной деревне, ныне Чехия) приобретен в 1820 г. семьей французских аристократов герцогов де Роан, бежавших от Французской революции и осевших в тогдашней Австрии. В 1945 г. замок был конфискован у его последнего владельца Алена Антона Йозефа де Роана (1893–1976). С 1950 г. в замке музей. В нем ежегодно проводятся музыкальные фестивали имени Антонина Дворжака.
- ⁶⁸² Протекторатом называлась только Чехия. В Словакии было свое коллаборационистское пронацистское правительство Йозефа Гашпара Тисо (1887–1947).
- ⁶⁸³ До 1939 г. в Чехословакию из Германии можно было попасть без особых пропусков.
- ⁶⁸⁴ Операция «Оверлорд» (высадка союзников в Нормандии) началась 6 июня 1944 г. (День Д) и закончилась 25 августа.
- ⁶⁸⁵ Ныне чешский город Теплице. В 1945 г. все немецкое население, в том числе и дворянское семейство Клари-Альдринген, сеньоры города с 1634 г., было выселено.
- ⁶⁸⁶ Мелания (Мели) фон Кевенхюллер-Меч (урожд. Эрдеди де Монйокерек эт Моношио; 1861–1954) — австрийская и венгерская графиня, одна из первых в мире профессиональных автомобилисток. Прекратила участие в спортивных состязаниях в 1911 г.
- ⁶⁸⁷ Мария (Мариетта) Ида Анна Ольга фон Менгерсен (в замужестве фон Штудниц; 1909–1984) — баронесса; вторая жена Ханса-Георга фон Штудница.
- ⁶⁸⁸ Рудольф Август Эмиль Отто Шлейер (1899–1959) — бизнесмен; нацистский функционер и дипломат. По делам бизнеса часто бывал во Франции после Первой мировой войны. В 1931 г. вступил в нацистскую партию. Наряду с Абецем стал активным проводником нацистского и пронемецкого влияния во Францию. Создавал нацистские ячейки (NSDAP/AO — зарубежная парторганизация нацистов). Стал руководителем нацистских ячеек во Франции. С 1940 по 1944 г. был генеральным консулом Германии в Париже. Активно участвовал в депортациях французских евреев. В начале 1944 г. работал под началом Франца Сикса в отделе МИДа, занятом антиеврейской пропагандой. 21 апреля 1944 г. стал начальником отдела кадров культурно-политического отдела, где работала

Васильчикова. После войны интернирован. В 1948 г. выпущен на свободу. В 1959 г. покончил с собой.

⁶⁸⁹ Нацистскую парторганизацию во Франции Шлайер возглавлял до 1940 г.

⁶⁹⁰ Официальная должность Шлайера — генеральный консул.

⁶⁹¹ День Д (Decision Day — решительный день, *англ.*) — кодовое название высадки в Нормандии у англичан и американцев. Интересно, что Мария Васильчикова знала это название в тот же день, когда высадка произошла.

⁶⁹² Ханс Юрген фон Гёрне (1908–2001) — полковник танковых войск, командир танкового полка «Бранденбург». Награды у Ханса Юргена были такие: Железный крест I и II класса, рыцарский крест Железного креста и (из песни про героя вермахта слова не выкинешь) золотой партийный значок НСДАП (нацистской партии). Антуанетта фон Крой была первой женой фон Гёрне.

⁶⁹³ Пьер де Ронсар (1524–1585) — французский поэт эпохи Возрождения. Создатель и глава поэтической школы «Плеяда», обновившей французский литературный язык.

⁶⁹⁴ Отель «Палас», 1898 — самый большой и престижный отель в Потсдаме на берегу р. Хафель. У отеля была пристань для собственных катеров. Уничтожен 14 апреля 1945 г. в так называемую «ночь Потсдама» во время массовой бомбардировки.

⁶⁹⁵ «Reader's digest» («Читательский дайджест», *англ.*) — американский журнал для семейного чтения. Составлен из подборок лучших текстов из других изданий. Создан в 1922 г. Лилой Белл Уоллес для своего мужа, ДеВитта Уоллеса, лечившегося в госпиталях от тяжелых осколочных ранений. Ныне является крупнейшим платным журналом в мире. Его читают более 70 млн, он выходит на 21 языке. Любопытно, как нацисты, упорно твердившие, что выведут мир из тупиков плутократического капитализма (США) и безбожного коммунизма (СССР), столь же упорно косплеили и США (немецкий «Ридерз дайджест») и СССР.

⁶⁹⁶ Отель «Континенталь», 1885–1944 — первоклассный отель в непосредственной близости от вокзала Фридрихштрассе.

Занимал целый квартал (109 метров фасада). Излюбленное место встреч военной и поместной знати. Разрушен полностью. Ныне на его месте жилые дома.

⁶⁹⁷ Джорджо Чини (1918–1949) — итальянский предприниматель.

⁶⁹⁸ Витторио Чини (с 1940 — граф де Монселиче; 1885–1977) — итальянский предприниматель. Один из ведущих экономистов фашистской Италии. С 1934 г. — сенатор. В 1940 г. король Италии Виктор-Эммануил II (1869–1947) наградил Чини графским титулом. Чини был министром транспорта в правительстве Муссолини. В июле 1943 г. в знак несогласия с внешней и военной политикой Муссолини подал в отставку. Уехал в Венецию, где и был арестован немецкими военными, вошедшими в город 8 сентября 1944 г. Джорджо Чини удалось выкупить отца бриллиантами своей матери Лиды Борелли (1884–1959), знаменитой тогда театральной и киноактрисы Италии. СС была не только самой преступной структурой в гитлеровском аппарате власти, но и самой коррумпированной. За это ее ненавидели и абвер, и гестапо, и вермахт.

⁶⁹⁹ Министр транспорта.

⁷⁰⁰ Джорджо Чини погиб в авиационной катастрофе.

⁷⁰¹ Фридрихсру — имение Бисмарков в 10 км от Гамбурга в центре Саксонского леса. Подарено Отто фон Бисмарку в 1871 г. императором Вильгельмом I в честь победы над Францией. После отставки Бисмарк жил в этом имении до смерти. Там же и похоронен. В 1945 г. имение разбомблено авиацией союзников. По их сведениям, там скрывался Гиммлер. С 1945 по 1947 г. в имении работал шведский центр по защите русских белоэмигрантов. Внук Бисмарка Отто фон Бисмарк восстановил имение, ныне там живут его потомки.

⁷⁰² Анн Мари фон Бисмарк-Шёнхаузен (урожд. Тенгбом; 1907–1999) — жена внука «железного канцлера» Отто фон Бисмарка, дочь известного шведского архитектора Ивара Юстуса Тенгбома (1878–1968).

⁷⁰³ «Вольфшпанце» («Волчье логово»), или «Мауэрвальд» («Лес-стена») — главная ставка Гитлера. Находилась в лесу Гёрлиц недалеко от города Растенбурга (ныне Кентшин, Польша).

Строительство бункеров и укрепсооружений ставки началось в 1940 г. и не было закончено и в 1944 г. Гитлер начал работать в ставке 21 июня 1941 г. Здесь на него было совершено покушение 20 июля 1944 г. 10 ноября Гитлер покинул «Вольфсшанце». Немцы, подорвав бункеры, покинули ставку 25 января 1945 г. Расчистка минных полей вокруг «Вольфсшанце» продолжалась с 1945 по 1956 г. Ныне в ставке музей. На ее территории установлен памятник участникам заговора 20 июля 1944 г.

⁷⁰⁴ Григоре Гафенку (1892–1957) — румынский дипломат. Участник Первой мировой войны. Летчик. Получил за боевые действия орден Михая Храброго. С февраля 1939 по июль 1940 г. — министр иностранных дел и министр прессы и пропаганды. 18 апреля 1939 г. встречался с Гитлером, описал эту встречу в своих мемуарах. Тогда Гитлер сказал Гафенку: «Мне 50 лет. Я хочу начать войну сейчас, а не когда мне будет 55 или 60». Гафенку был сторонником нейтралитета Румынии и категорическим противником вовлечения Румынии в военные авантюры Адольфа. В июле 1940 г. назначен послом в Москву. После начала войны с СССР (в которую вступила и Румыния) эмигрировал в Швейцарию. Написал две книги мемуаров: «Preliminariile războiului din Răsărit» («Прелюдия к войне на Востоке», 1944), тут же была им самим переведена на французский, через год издана в США на английском, и «Ultimele zile ale Europei» («Последние дни Европы», 1946), опять же переведена им на французский, через год вышла в США на английском. После войны перебрался в Париж. Работал на радиостанции «Свободная Европа». Заочно был приговорен в Румынии к 30 годам лишения свободы.

⁷⁰⁵ Шуленбург имеет в виду, что обсуждал с Гафенку его мемуары 1944 г. и кое-чем их дополнил, но эти дополнения невозможны до окончания войны, поскольку Гитлер в них и вовсе людоед. А самое главное, он сразу поймет, кто так славно дополнил мемуары коллеги. По всей видимости, Гафенку внес поправки и дополнения Шуленбурга в мемуары 1946 г.

⁷⁰⁶ 13 июля 1944 г. был освобожден Вильнюс.

- ⁷⁰⁷ Заверения могли быть получены только такие: западные союзники отказываются от требования безоговорочной капитуляции и соглашаются заключить сепаратный мир с Германией, которая избавит себя от Гитлера.
- ⁷⁰⁸ Александра Михайловна Коллонтай (урожд. Домонтович; 1872–1952) — русская революционерка; дипломат. В РСДРП(б) с 1915 г. С 1917 г. — член ЦК. Активная участница октябрьского переворота. В 1921 г. входила в руководящий состав «Рабочей оппозиции», после ее разгрома отправлена на дипработу. С 1930 по 1945 г. — посол в Швеции. В марте 1945 г. вернулась в Москву, где и умерла.
- ⁷⁰⁹ Гуннар Мюрдаль (1898–1987) — шведский экономист и политик. Один из теоретиков и создателей социально-экономической модели «шведского социализма». Лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 г. вместе с Фридрихом фон Хайеком, что было несколько парадоксально: убежденный рыночник Хайек и столь же убежденный социалист Мюрдаль были научными и идеологическими противниками. В 1944 г. Мюрдаль стал депутатом шведского риксдага от Социалистической рабочей партии Швеции. В качестве такового он дружил с послом первого в мире социалистического государства.
- ⁷¹⁰ Распоряжение о том, что не обоснованные государственной или личной необходимостью частные поездки на железнодорожном транспорте в связи с войной караются штрафами, было принято еще 22 марта 1942 г. Железные дороги Германии могли себе позволить отсекал пассажиропотоки. Они были огосударствлены нацистами.
- ⁷¹¹ Гельмут фон Паннвиц (1898–1947) — немецкий военный деятель, генерал-лейтенант, кавалерист. В 1943 г. создал коллаборационистское военное кавалерийское соединение: Казачий стан. Им и командовал. Взят в плен советскими военными. Повешен в 1947 г. как военный преступник.
- ⁷¹² Антипартизанские действия казаков Паннвица были особенно свирепы. Они выжигали целые села. Казаков Паннвица в Хорватии, где они действовали, ненавидели больше, чем немцев.

1944, 19 июля–сентябрь

⁷¹³ И не только патриотов. Все политические партии Веймарской республики слева направо, от коммунистов до нацистов, были категорическими противниками Версальского мирного договора. Более того, влиятельные политики послевоенной Европы тоже полагали, что условия мирного договора, подписанного в Версале, следует смягчить, что и предопределило роковой успех политики умиротворения Невилла Чемберлена и первые победы Гитлера на дипломатическом и военном поприщах. Версальский мир был и впрямь тяжел для Германии и не совпадал с 14 пунктами мирного плана американского президента Вудро Вильсона, поэтому этот мирный договор не был ратифицирован американским Конгрессом. Но он был не так тяжел, как те условия мира, на которые согласилась Германия в 1945 г.

⁷¹⁴ Так, 22 февраля 1943 г. в Мюнхене были казнены Ганс и Софи Шолль, члены оппозиционной студенческой группы «Белая роза».

⁷¹⁵ То есть когда стали ясны две вещи: 1) войну не выиграть и 2) союзники не намерены вести какие-либо переговоры о мире, пока во главе Германии стоят преступники-нацисты.

⁷¹⁶ Фридрих Ольбрихт (1888–1944) — генерал пехоты, не генерал-полковник. Участник Первой мировой. По окончании войны служил в Военном министерстве Веймарской республики. С 1925 г. руководил отделом по связям с зарубежными армиями. Главным образом это были связи с РККА (Красной армией). Ольбрихт был одним из тех военных и дипломатов Германии, кто полагали: союз и сотрудничество с Россией естественны для их страны. Отличился во время польской кампании. Одним из первых награжден рыцарским Железным крестом и переведен командовать Резервной армией, не участвующей в боевых действиях. В отличие от многих участников заговора 20 июля 1944 г. Ольбрихт, во-первых, не был дворянином; во-вторых, никогда не был сторонником гитлеровской внешней и внутренней политики. Причем взглядов

своих особо не скрывал. Расстрелян на следующий день после неудачного покушения. Кремирован. Прах сожжен. Пепел развеян.

⁷¹⁷ Клаус Филипп Мария Шенк фон Штауффенберг (1907–1944) — полковник вермахта, самый активный участник заговора 20 июля 1944 г. Из древнего графского вюртембергского рода. В вермахте с 1925 г. С самого начала восторженно принял и нацизм, и фюрера. В 1933 г. проводил военные занятия среди штурмовиков. Участвовал в польской и французской кампаниях, в войне против СССР и в боевых действиях на севере Африки. Разочарование в нацизме началось у него в 1940 г. В 1942 г. окрепло настолько, что он начал искать оппозиционно настроенных офицеров вермахта и довольно скоро их нашел. 7 апреля 1943 г. тяжело ранен в Северной Африке. Ему ампутировали правую руку, несколько пальцев на левой руке. Пуля пробила череп, и он лишился левого глаза. С этого времени Шенк фон Штауффенберг служил в Берлине под началом Фридриха Ольбрихта. Штауффенберг был наиболее решительным из всех участников заговора. Именно он принес и подложил бомбу в бункер Гитлера. Расстрелян 21 июля 1944 г. Кремирован. Пепел развеян.

⁷¹⁸ Мари Анна Шарлотта Корде д'Армон (1768–1793) — жирондистка; внучка Пьера Корнеля. Убийца одного из лидеров крайне левого крыла якобинцев Жан-Поля Марата (1743–1793), призывавшего к беспощадному революционному террору. Схвачена на месте покушения. Казнена. Лоремари настаивала на радикальном решении гитлеровского вопроса, поэтому и получила прозвище Лоттхен (уменьшительно-ласкательное от Шарлотты).

⁷¹⁹ Каким образом можно провести разделение между «хорошим» Фридрихом Ольбрихтом, воевавшим против Польши, и «плохим» Францем Зиксом (см. коммент. 589)? Фридрих Ольбрихт (см. выше) сделал все, чтобы преступления Зикса и таких, как Зикс, распространились на всю Европу.

⁷²⁰ Роберт Энтони Иден (1897–1977) — английский политик, консерватор. Министр иностранных дел с 1935 по 1938 г. Ушел

в отставку из-за категорического неприятия чемберленовской политики умиротворения Гитлера. Министр иностранных дел в военном кабинете Черчилля с 1940 по 1945 г.

⁷²¹ В своей речи перед палатой общин Энтони Иден выразился резко: «Гитлер не есть феномен, принципиально отличающийся от немецкой нации, он есть прямое воплощение большей ее части и наследник немецкой веры в грубую силу...»

⁷²² То есть убивать Гитлера, уходить с завоеванных территорий, ликвидировать нацистскую систему власти — делом доказать: они — хорошие немцы.

⁷²³ Вилли Фрич (1901–1973) — немецкий комический артист и эстрадный певец. С 1921 по 1973 г. снялся более чем в 130 фильмах. Был чрезвычайно популярен в Германии. В 1933 г. вступил в нацистскую партию. Снялся в нескольких нацистских пропагандистских фильмах. После войны продолжил успешную кинокарьеру в ФРГ.

⁷²⁴ Георг (Джорджи) Эдуард Пауль Виктор цу Паппенгейм (1909–1986) — немецкий дипломат. Работал в Софии, Мадриде и Танжере (Марокко). С 1944 г. на военной службе. В плену с 1945 по 1946 г. После войны продолжил дипломатическую карьеру.

⁷²⁵ Самый известный представитель рода — граф Готфрид Генрих цу Паппенгейм (1594–1632) — фельдмаршал Священной Римской империи в Тридцатилетней войне.

⁷²⁶ Карл Фридрих Гёрделер (1884–1945) — немецкий экономист и политик. Участник Первой мировой. Закончил войну в чине капитана. Правоконсервативный политик, монархист. В 1930 г. на муниципальных выборах в Лейпциге за него (будущего обер-бургомистра) проголосовали все антикоммунисты: от социал-демократов до нацистов. Сначала поддержал нацистов. Помог формировать экономическую политику (например, создал и год руководил Министерством по ценообразованию). Впрочем, разногласия с нацистами у Гёрделера начались сразу. В день бойкота еврейских магазинов 1 апреля 1933 г. обер-бургомистр Лейпцига Карл Фридрих Гёрделер демонстративно пошел в крупный универмаг, владельцем которого был еврей. У дверей универмага стояли штурмовики, на стеклах витрин были наклеены шестиконечные звезды. Гёрделера никто

не посмел остановить. Он запрещал в праздники вывешивать в городе нацистские флаги, только государственные. Когда пришло распоряжение снести в городе памятник композитору-еврею Мендельсону, Гёрделер отказался его выполнить. Был отправлен в отставку (из нацистского правительства его выгнали еще раньше). С 1937 г. Гёрделер работал в крупной электротехнической фирме Роберта Боша (1861–1942). В качестве представителя фирмы часто ездил за границу, добивался встреч с влиятельными политиками, всем им говорил об опасности политики умиротворения Гитлера, о том, что Гитлера не умиротворить: он готовится к войне и будет воевать. Понятно, что Гёрделер был под постоянным наблюдением спецслужб нацистов. Приказ об аресте Гёрделера был подписан 14 июля 1944 г. Он уехал из Берлина. Спрятался у друзей. После 20 июля за его голову была назначена награда. Выдала Гёрделера соседка, по профессии бухгалтер. Судим, приговорен к смерти. До 2 февраля 1945 г. сидел в камере смертника, куда ему приносили разного рода документы, финансовые отчеты, и он работал над экономическими и финансовыми вопросами гибнущей Германии. Расстрелян 2 февраля 1945 г.

⁷²⁷ Консерватор и монархист Гёрделер мог быть связан с социалистами только на одной основе: экономической. Гёрделер был кейнсианцем, полагал, что рынку необходимо госвмешательство. Кстати, и это обстоятельство позволило ему на первых порах сотрудничать с нацистами (национал-социалистами). В будущее правительство Германии заговорщики хотели ввести двух социал-демократов: Юлиуса Лебера (1891–1945) на пост министра внутренних дел (это было предложение Штауффенберга, который вообще предлагал, чтобы Юлиус Лебер был рейхсканцлером) и Вильгельма Лойшнера (1890–1944) на пост вице-канцлера (тоже предложение Штауффенберга). По-видимому, он хотел создать коалиционное правительство из всех антинацистских групп Германии. Лойшнер и Лебер были арестованы, судимы и казнены.

⁷²⁸ Последствия послевоенного мира в 1945 г. были для немцев куда более катастрофичными и позорными, чем Версальский мир.

⁷²⁹ Фридрих Фромм (1888–1944) — генерал-полковник. Командующий Армией резерва (1939–1944). Принимал активное участие в немецком «Урановом проекте». Судя по тому, как вел себя Фромм во время и после мятежа, он был в курсе планов заговорщиков и дал им обещание, что поддержит их, если Гитлер будет убит. Едва лишь к нему явились Ольбрихт, фон Штауффенберг, фон Хафтен, генерал Людвиг Бек (1880–1944) и полковник Альбрехт фон Квирнхайм (1905–1944) с сообщением о начале операции «Валькирия», как он потребовал позвонить в Растенбург. Услышав от маршала Кейтеля (1882–1946), что фюрер жив, с ходу отказался от выполнения «Валькирии». Был посажен под домашний арест. Как только мятеж был подавлен, а Ольбрихт, Квирнхайм, Штауффенберг, Хафтен, Бек арестованы, он приказал расстрелять четверых, а генералу Беку предложил застрелиться (что Бек и выполнил). Не дожидаясь расследования, убить? Так убирают свидетелей. Совершенно закономерно: Фридрих Фромм был арестован. Судим. Приговорен к смерти. Расстрелян 12 марта 1945 г.

⁷³⁰ Эмиль Эрих Артур Генрих Штюрц (1892–1945?) — нацистский функционер. Участник Первой мировой. Военный моряк. Член нацистской партии с 1925 г. Гауляйтер (партначальник) Бранденбурга с 1936 по 1945 г. 21 апреля 1945 г. пропал без вести. В 1955 г. жена (вдова?) Штюрца, жившая в Дюссельдорфе, подала иск о признании мужа умершим. Суд Дюссельдорфа иск удовлетворил. Условная дата смерти в решении суда 31 декабря 1945 г.

⁷³¹ Гитлер тогда не назвал графа Шенка фон Штауффенберга.

⁷³² Хайнц Брандт (1907–1944) — полковник Генштаба (посмертно генерал-майор), кавалерист. Золотой призер мюнхенской Олимпиады 1936 г. (скачки с препятствиями). С 1940 г. фактически адъютант Гитлера. 20 июля 1944 г. он перенес портфель со взрывчаткой, который Штауффенберг оставил у самых ног Гитлера, на другой конец длинного дубового стола, поставил под стол рядом с собой. Дубовой стол спас Гитлера от смерти. Хайнцу Брандту оторвало ноги. Он умер в госпитале на следующий день после взрыва. Любопытно, что Хайнц Брандт оказался вовлечен в еще одну попытку убийства фюрера.

13 марта 1943 г. он сопровождал Гитлера во время его поездки в штаб-квартиру группы армий «Центр» в Смоленске. Когда Адольф возвращался на самолете из Смоленска в Берлин, полковник Хеннинг фон Тресков, участник заговора 20 июля, передал Брандту бутылку французского ликера с просьбой передать ее полковнику Генриху Штифффу (1901–1944), тоже заговорщику. Вместо ликера в бутылке была взрывчатка. Она не взорвалась. Полковник получил презент, осторожно вскрыл бутылку и обнаружил, что во взрывчатке нет детонатора.

⁷³³ Вольфганг Глеземер (1899–1999) — полковник танковых войск.

⁷³⁴ То есть президентом Германии. Рейхсканцлер по Веймарской конституции — глава правительства. Гитлер не был президентом страны, президентом был Пауль фон Гинденбург (1847–1934), который назначил Гитлера рейхсканцлером (главой правительства). После смерти Гинденбурга, разумеется, никаких новых выборов нового президента не было. И Конституцию не меняли. Просто нарушили.

⁷³⁵ Эрих Фельгибель (1886–1944) — генерал войск связи вермахта, активный участник заговора. Все видели, как он беседовал с Штауффенбергом накануне взрыва, поэтому он был арестован в ночь с 20 на 21 июля 1944 г. В списке будущего правительства заговорщиков был министром почты и телеграфа. Повешен 4 сентября 1944 г.

⁷³⁶ Людвиг Август Теодор Бек (1880–1944) — генерал-полковник, начальник штаба вермахта (1935–1938). Во время Судетского кризиса (1938) направил главнокомандующему Вальтеру фон Браухичу (1881–1948) меморандум с предложением в ответ на авантюристическую политику Гитлера подать в отставку всему руководству Вооруженных сил Германии. Бек писал: «На карту поставлен вопрос существования нации. История клеймит руководство вооруженных сил кровавой виной, если они не будут действовать в соответствии со своими профессиональными качествами и совестью. Послушание солдата имеет границы там, где знание, совесть и чувство ответственности повелевают отказаться от выполнения преступных приказов». Поскольку его призыв остался втуне, ушел в отставку.

Писал военно-теоретические работы (опубликованы после его смерти), согласился принять участие в свержении Гитлера. После неудачи переворота покончил с собой.

⁷³⁷ Иоб Вильгельм Георг Эрдман (Эрвин) фон Вицлебен (1881–1944) — с 1940 г. генерал-фельдмаршал. Участник Первой мировой. За участие во французской кампании 1940 г. стал генерал-фельдмаршалом. Один из руководителей строительства Атлантического вала. С 1942 г. в отставке. Жил в своем поместье. Охотно согласился на предложение заговорщиков стать после переворота главнокомандующим. Пришел в Бендлерблок в фельдмаршальской форме. Сообщил, что теперь он главнокомандующий. Позвонил главнокомандующему оккупационными войсками во Франции генералу Карлу-Генриху фон Штюльпнагелю и приказал арестовать всех сотрудников СС и СД (службы безопасности) в Париже, что тот и начал выполнять. Спустя 45 минут, увидев, что происходит, обозвал заговорщиков дилетантами и ушел. 21 июля 1944 г. арестован. Судим 7 августа 1944 г. 8 августа казнен.

⁷³⁸ Эрих Курт Рихард Гёпнер (1886–1944) — генерал-полковник танковых войск. Участник Первой мировой, польской и французской кампаний. После битвы под Москвой отстранен Гитлером от командования, лишен чина, наград и военной пенсии. Гёпнер подал на Гитлера в суд и... выиграл. Активный участник заговора. Заговорщики не планировали назначать Гёпнера на должность командующего Резервной армии. Объявил его командующим фон Вицлебен, когда узнал, что Фромм отказывается выполнять план «Валькирия». Арестован в Бендлерблоке в ночь с 20 на 21 июля. Передан Фроммом следствию. Судим 7 августа. Расстрелян 8-го.

⁷³⁹ Отто-Эрнст Ремер (1912–1997) — участвовал в боях в Польше, во Франции, на Балканах, в СССР. 1 мая 1944 г. стал командиром Охранного полка «Великая Германия» в Берлине. Фактически он подавил мятеж заговорщиков 20 июля 1944 г. Участвовал в Арденнском контрнаступлении немцев. После войны создатель и руководитель нескольких неонацистских партий. С 1953 г. работал военным советником в Египте. В 1983 г. опубликовал «Манифест немецкого освободительного движения»,

в котором призвал немцев к полномасштабному сотрудничеству с СССР как противовесу вредоносного американского влияния.

⁷⁴⁰ Альбрехт Мерц фон Квирнхайм (1905–1944) — полковник Генштаба, однокурсник фон Штауффенберга по Военной академии.

⁷⁴¹ Как ни печально это признать, но официальная версия мало расходилась с истиной. Как всякий верхушечный переворот, заговор 20 июля 1944 г. был авантюрой. Героической и с немалыми шансами на успех, но авантюрой. Заговорщиков (какие бы звучные титулы они ни носили, какие бы посты ни занимали в государстве и армии) было мало, никакой серьезной поддержкой ни в обществе, ни (даже) в армии они не имели.

⁷⁴² Слух был не очень верен. Арестовали всех членов семьи фон Штауффенберга, в том числе тестя Густава фон Лерхенфельда (1871–1944) и тещу Анну фон Лерхенфельд (урожд. фон Штакельберг; 1880–1945). Тесть и теща умерли в концлагерях. Дети — Бертольд Мария Шенк фон Штауффенберг (р. 1934, позднее генерал-майор бундесвера), Хаймеран Шенк фон Штауффенберг (1936–2020), Франц Людвиг Шенк фон Штауффенберг (р. 1938, позднее депутат бундестага от Христианско-социальной партии, с 1984 по 1992 г. — депутат Европарламента), Валери фон Л'Эсток (урожд. фон Штауффенберг; 1940–1966) — были отправлены в спецдетдома. Матери удалось их найти только после войны.

⁷⁴³ Нина Магдалена Элизабет Лидия Герта Шенк фон Штауффенберг (урожд. фон Лерхенфельд; 1913–2006) — до поступления в лицей в Бамберге жила в Каунасе. Арестована 21 июля 1944 г. беременной. 27 января 1945 г. родила в лагере девочку, Констанцу (ныне немецкая писательница Констанца фон Шультхесс-Рехберг).

⁷⁴⁴ Неправовая мера (не подкреплённая никаким законом), применявшаяся нацистами сразу после прихода к власти. За совершенное госпреступление могли быть наказаны (и чаще всего карались) родственники госпреступника. Первый раз эта мера была применена 13 мая 1933 г. к родственникам социал-демократа Филиппа Шейдемана (1865–1939), опубликовавшего в «Нью-Йорк таймс» антинацистскую статью.

- ⁷⁴⁵ Филипп Генри Керр, маркиз Лотиан (1882–1940) был наиболее последовательным сторонником умиротворения Гитлера и никакую другую Германию, кроме нацистской, иметь в виду не мог. Да ее и не было тогда, другой Германии.
- ⁷⁴⁶ Кларита фон Тротт цу Зольц (урожд. Тифенбахер; 1917–2013) — арестована 17 августа 1944 г. Выпущена на свободу 30 сентября. После войны стала психотерапевтом. Совсем маленькие дочери Анна Верена Онкен (урожд. фон Тротт цу Зольц; р. 1942) и Кларита Мюллер-Платтенберг (урожд. фон Тротт цу Зольц; р. 1943, впоследствии социолог и этнограф) были помещены в спецдетдома, после своего освобождения матери удалось их найти.
- ⁷⁴⁷ Фриц-Дитлофф фон дер Шуленбург был вместе со Штауффенбергом в Бендлерблоке 20 июля 1944 г., но Фромм передал его следствию, а не расстрелял. Судим 10 августа. В тот же день повешен.
- ⁷⁴⁸ Серафим Саровский (настоящее имя Прохор Исидорович Мошнин; 1754?–1833) — иеромонах Саровского монастыря, основатель Дивеевской женской обители. Канонизирован в 1903 г. по настоятельному требованию Николая II и его жены Александры Федоровны, несмотря на явное нежелание канонизации со стороны Синода и его обер-прокурора Константина Петровича Победоносцева.
- ⁷⁴⁹ Далеко не во всех, но в церквях антинацистски настроенной протестантской Исповедующей церкви (Bekennende Kirche).
- ⁷⁵⁰ Пандемониум — столица ада в поэме Джона Мильтона «Потерянный рай» (1667).
- ⁷⁵¹ Вильгельм Карл Кепплер (1882–1960) — немецкий промышленник; дипломат; нацистский функционер. Обергруппенфюрер СС. С самого начала поддерживал нацистское движение, организовывал встречи Гитлера с крупными бизнесменами, обеспечивал нацистскую партию деньгами. В 1935–1936 гг. — один из разработчиков Четырехлетнего плана экономического развития Германии (фактически подготовки экономики Германии к войне). Создатель пронацистской финансово-промышленной группы «Круг друзей рейхсфюрера СС». Руководитель фирм и предприятий, аффилированных с СС, на которых применялся труд заключенных концлагерей. С 1940 г. работал и в МИДе статс-секретарем по особым поручениям

(например, организовал переброску Субхаса Чандра Боса в Индию для создания пронацистской Индийской национальной армии). На Нюрнбергском процессе осужден на 10 лет. В 1951 г. помилован. Работал экономическим советником в фирме инженера-изобретателя Феликса Ванкеля (1902–1988).

⁷⁵² Генрих Манфред Ахасферус Адольф Георг фон Лендорф-Штайнорт (1909–1944) — восточнопрусский граф; офицер вермахта и активный участник заговора 20 июля 1944 г. не застрелился, а был арестован в своем поместье Штайнорт (ныне Штынорт, Польша). Казнен 4 сентября 1944 г. «Вольфшанце» находилось от его поместья в 25 км. В родовом замке Штайнорт фон Лендорфа с 1940 г. размещалась полевая штаб-квартира Иоахима фон Риббентропа. Семья графа с 1940 г. занимала только одно крыло замка.

⁷⁵³ Правильно: граф. Карл-Ханс фон Харденберг (1891–1958) — активный участник заговора. Его имение Нойхарденберг в 70 км от Берлина было местом встреч военных участников заговора. В их планах он должен был стать обер-президентом Бранденбурга и города Берлина. 24 июля 1944 г. во время ареста выстрелил себе в живот. Его доставили в концлагерь Заксенхаузен и оставили без медицинской помощи. Его умудрились вылечить заключенные (что особенно удивило графа — коммунисты). Граф был приговорен к смерти, но привести приговор в исполнение не успели. 23 апреля 1945 г. Заксенхаузен был освобожден советскими войсками. Имение графа (восточная зона оккупации) национализировали. Граф перебрался в Западную Германию, где и умер в 1958 г.

⁷⁵⁴ Петер Йорк фон Вартенбург (1904–1944) — немецкий юрист; наследник древнего прусского графского рода, давшего Пруссии и полководцев, и политиков. Убежденный антинацист. Один из самых ярких участников антинацистского кружка Крейзау. Христианский социалист. В отличие от многих крейзаусских кружковцев был в курсе заговора 20 июля 1944 г. Заговорщики прочили его в государственные секретари. Петер Йорк фон Вартенбург был арестован ночью 20 июля. 8 августа судим и в тот же день повешен.

⁷⁵⁵ У отца Петера Йорка фон Вартенбурга, Генриха (1861–1923), и его матери Софии (урожд. фон Берлихинген; ее прямой предок —

знаменитый мятежник и авантюрист времен Реформации и Крестьянской войны Гёц фон Берлихинген (1480?–1562), которому посвящена юношеская трагедия Гёте; 1872–1945) было 11 детей, из них восемь дочерей. Какая из них была подругой Марии фон Герсдорф, узнать не представляется возможным. Все Штауффенберги (за исключением Генриха (1915–1942), и Ханса (1909–1939), погибших на войне), и Давиды фон Мольтке (1900–1989), вдовы посла в Испании графа Ханса-Адольфа (1884–1943), разумеется, были арестованы и отправлены в концлагеря.

⁷⁵⁶ Граф Йорк фон Вартенбург не был (в отличие от многих участников заговора) высокопоставленным чиновником. Он не вступил в нацистскую партию, а это в нацистской Германии с ходу перекрывало любую карьеру. Йорк фон Вартенбург с 1936 г. работал в берлинском отделении рейхскомиссариата по ценообразованию. То есть служащий этого учреждения, который уговаривал Лоремари Шёнбург и Марию Васильчикову написать доносы на фермера в Вердере, продавшего им яблоки по завышенным ценам, был (скорее всего) подчиненным графа Йорка фон Вартенбурга.

⁷⁵⁷ Самое яркое место в речи Геббельса 26 июля 1944 г., посвященной неудавшемуся перевороту: «Рука подлого преступника, направленная тщеславной бессовестной крохотной кликой авантюристов, азартных игроков, поднялась, чтобы прервать самую дорогую для нас жизнь из тех, что существуют ныне на земле».

⁷⁵⁸ Как ни странно, и такая реакция входила в задачи гения тоталитарной пропаганды Йозефа Геббельса. Он ясно формулировал задачу пропагандиста: «Нам не надо убеждать кого-то в нашей правоте и неправоте наших противников. Нам надо убедить всех в нашей силе и в слабости наших врагов».

⁷⁵⁹ См. коммент. 516.

⁷⁶⁰ Донесениям сексотов тоталитарных спецслужб не следует доверять чрезмерно. Люди не идиоты, и если они видят (зная, что известного пианиста казнили за слова о непростом положении на фронте), что кто-то из собеседников очень интересуется покушением на Гитлера, то бодро ответят: «Кошмарное преступление...»

⁷⁶¹ Католическая и протестантская (особенно ее антинацистская часть — Исповедующая церковь) находились под таким пресингом в нацистской Германии, что странно было бы, если бы они не осудили покушение на главу государства и армии во время войны.

⁷⁶² Эдуард Вагнер (1894–1944) — генерал артиллерийских войск, с 1 октября 1940 г. — генерал-квартирмейстер Сухопутных войск Германии, то есть человек, отвечающий за снабжение армии и тыловое ее обеспечение. В качестве последнего спорил с высшими чинами СС (Гейндрихом и Гиммлером) о зверствах спецподразделений СС на оккупированных территориях. Не более. В качестве снабженца не мог не понимать, что в условиях такой войны снабжение армии будет становиться все хуже и хуже. Был участником заговора. Предоставил Штауффенбергу и Хафтену самолет до Берлина. Застрелился 23 июля 1944 г. Известен разговор Гитлера с фельдмаршалом Кейтелем много позже самоубийства Вагнера. Гитлеру стали известны жалобы солдат на плохое снабжение боеприпасами. Фюрер занервничал и спросил у Кейтеля, кто в этом виноват? Кейтель ответил: «Вагнер». — «Ага! — крикнул фюрер. — Предатель Родины! Жаль, застрелился, я бы его повесил собственными руками...»

⁷⁶³ Тотальная война — термин, введенный генералом Эрхом Людендорфом (1865–1937) в 1918 г. Антипод «кабинетной войны» Фридриха II (1712–1786), утверждавшего, что «война должна вестись так, чтобы гражданское население воюющих стран даже не замечало, что идет война» (поэтому идеальная война — блицкриг). В противоположность ему Людендорф утверждал, что современная война должна (или вынуждена) вестись так, чтобы население воюющих стран не только замечало ее, но участвовало в ней всё от мала до велика. 28 июля 1944 г. Геббельс не объявлял о тотальной войне. Объявил он это значительно раньше, 18 февраля 1944 г., в 109-минутной речи на митинге в берлинском Дворце спорта. 25 июля 1944 г. Гитлер назначил Геббельса уполномоченным по тотальной военной мобилизации. 28 июля 1944 г. были не призывы, а конкретные меры госчиновника на новой должности.

- ⁷⁶⁴ Особой смехотворности в них не было. Геббельсу удалось высвободить для военной службы более полумиллиона человек, что вызвало его конфликт с рейхскомиссаром вооружения Шпеером. Многие из мобилизованных были заняты в военной промышленности.
- ⁷⁶⁵ Заговорщики арестовали Фромма не потому, что они ему не доверяли, а потому, что он, узнав про то, что Гитлер жив, отказался выполнять их приказы.
- ⁷⁶⁶ Любопытно, что в обвинительном заключении Фромма значилось: «За неудовлетворительное исполнение воинского долга и проявленную при этом трусость».
- ⁷⁶⁷ Молочный поезд (Milch-Zug) с цистернами молока.
- ⁷⁶⁸ Сан-Суси (*фр.* sans souci — без забот), 1745 — самый знаменитый и самый посещаемый парк в Германии. Создан по распоряжению Фридриха II (1712–1786) в французском регулярном стиле (широкие прямые аллеи, просматриваемость во все концы). Прятать взрывчатку в Сан-Суси — все равно что прятать взрывчатку в петергофском парке.
- ⁷⁶⁹ Хеннинг Герман Роберт Карл фон Тресков (1901–1944) — генерал-майор вермахта. С 1938 г. установил связи с антинацистски настроенными офицерами. С 1942 г. разрабатывал планы покушения на Гитлера (среди которых была и неудачная попытка 1943 г. взорвать самолет, на котором тот летел из Смоленска в Берлин). 21 июля 1944 г., узнав о неудаче переворота, выехал на своем автомобиле на нейтральную полосу между немецкими и советскими позициями. Открыл огонь из автомата. Поскольку ни с той ни с другой стороны никакого ответного огня не последовало, подорвал себя гранатой.
- ⁷⁷⁰ Первый показательный процесс над заговорщиками прошел 7 и 8 августа 1944 г.
- ⁷⁷¹ Алиса Агнесса Маргарита Синнова фон Хойос (в замужестве фон Ледебур-Вихельн; 1918–?).
- ⁷⁷² Корнелия Ташнади-Шютс (1920–1995).
- ⁷⁷³ Отто фон Бисмарк-младший ошибся. Единственная кара, которая на него обрушилась, — увольнение из МИДа в ноябре 1944 г., где он с ноября 1943 г. руководил департаментом по связям с муссолиниевской Итальянской социальной республикой (Республикой Сало).

- ⁷⁷⁴ Карл Фридрих Отто Вольф (1900–1983) — один из высших чинов СС и, по сути, один из создателей этой организации. Обергруппенфюрер СС. Начальник личного штаба рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Принимал активное участие в арестах и убийствах штурмовиков (и не только штурмовиков) в «ночь длинных ножей». Организовывал вывоз варшавских евреев в лагерь смерти Трешлинка. С 23 сентября 1943 г. — верховный руководитель СС и полиции Италии, с 26 июля 1944 г. — уполномоченный вермахта при правительстве Итальянской социальной республики (заместителем Кессельринга он не был). В марте 1945 г. вел тайные переговоры с представителями американских военных и разведки об условиях капитуляции немецких войск в Италии. Избежал Нюрнбергского процесса. Судили его в ФРГ только в 1961 г. Присудили 15 лет. Вышел на свободу в 1971 г., то есть мог бы еще успеть посмотреть советский фильм «17 мгновений весны», где его играл Василий Лановой.
- ⁷⁷⁵ Альберт Кессельринг (1885–1960) — генерал-фельдмаршал люфтваффе. Один из самых успешных и популярных генералов Германии. Руководил авиацией в польскую и французскую кампании, бомбежками Британии в 1940 г., бомбежками СССР в ходе проведения операции «Барбаросса». С 1943 г. — главнокомандующий на средиземноморском театре военных действий. В октябре 1944 г. попал в авткатастрофу. Войну окончил на Западном фронте. После войны приговорен к смерти, замененной пожизненным заключением. Вышел на свободу в 1952 г. Создатель и руководитель послевоенных западногерманских реваншистских организаций.
- ⁷⁷⁶ Вернер Лоренц (1891–1974) — один из высших чинов СС, начальник Главного управления СС по репатриации этнических немцев «Volksdeutsche Mittelstelle» (1937–1945). Организатор «пятых колонн» в еще не оккупированных Германией странах, инициатор переселения немцев на оккупированные земли Польши и СССР. Приговорен к 15 годам тюремного заключения. В 1954 г. освобожден.
- ⁷⁷⁷ Западная часть оккупированной немцами Польши была названа немцами Вартегау, или Вартеланд, административный центр — Позен (ныне Познань).
- ⁷⁷⁸ Помочь заговорщикам не удалось.

- ⁷⁷⁹ Карл-Генрих фон Штюльпнагель (1886–1944) — генерал пехоты (1939). С 1942 г. — командующий оккупационной армией во Франции. Известен своими весьма свирепыми действиями против подпольщиков и евреев. Наиболее результативный участник заговора 1944 г. После получения приказа от Вицлебена арестовал 1200 эсэсовцев. Когда переворот не удался, арестованных отпустили, сообщив им, что это были учения. Был вызван в ставку. По пути выстрелил себе в голову, повредил глазной нерв. Направлен в лазарет. После этого судим и казнен 30 августа 1944 г.
- ⁷⁸⁰ Ханс Гюнтер Адольф Фердинанд фон Клюге (1882–1944) — генерал-фельдмаршал (1940). В 1944 г. стал командующим Западным фронтом. Пришел к выводу, что противостоять напору союзников армия не сможет, после этого через кузена Штауффенберга, подполковника люфтваффе Цезаря фон Хофакера (1896–1944), вступил в контакт с заговорщиками. После провала заговора отправил Гитлеру льстивое верноподданническое письмо. 24 июля 1944 г. союзники начали развивать наступление на Париж. Клюге просил у Гитлера разрешения отвести войска за Сену. Гитлер отправил его в отставку и вызвал в Берлин. По дороге Клюге принял цианистый калий. По-видимому, он догадался, что Цезарь фон Хофакер под пытками назвал и его имя в числе тех, кого заговорщики хотели вовлечь в свою деятельность.
- ⁷⁸¹ Роммель состоял в заговоре так же, как и Клюге. С ним тоже вел переговоры Хофакер.
- ⁷⁸² Карл Альбрехт Оберг (1897–1965) — руководитель СС и полиции во Франции с 1942 г. Руководил широкомасштабными карательными операциями (например, уничтожением городка Сен-Дье). После войны скрывался под именем Альберта Хайнце. В июне 1945 г. пойман американцами. Передан англичанам. Приговорен английским судом к смертной казни. Передан англичанами французам. Те приговорили Оберга в 1954 г. к пожизненному заключению. На свободу Оберг вышел в 1962 г.
- ⁷⁸³ Одна из версий гибели Роммеля.
- ⁷⁸⁴ Имеется в виду дом, где в Берлине с 1928 г. печатали немецкую версию американского модного фотожурнала «Vogue».

- ⁷⁸⁵ Гельмут Штиф (1901–1944) — генерал-майор, начальник оргуправления главного командования вермахта. Снабдил Штауффенберга и Готфрида фон Бисмарка взрывчаткой. Повешен 8 августа 1944 г.
- ⁷⁸⁶ На первый показательный процесс были выведены, кроме перечисленных Васильчиковой: капитан Фридрих Карл Клаузинг (1920–1944); подполковник Роберт Бернардис (1908–1944) и обер-лейтенант, доктор юридических наук Альбрехт фон Хаген (1904–1944).
- ⁷⁸⁷ Все восемь человек по личному распоряжению Гитлера были повешены на рояльных струнах в берлинской тюрьме Плётцензее. Их казнь была снята на пленку. 25-минутный фильм казни не сохранился.
- ⁷⁸⁸ Мартин Людвиг Борман (1900–1945?) — один из руководителей нацистской партии и нацистского государства. Личный секретарь Гитлера, рейхсминистр по партийным делам, начальник партийной канцелярии. Предполагается, что Борман погиб 2 мая 1945 г. Но это не точно.
- ⁷⁸⁹ Высказывания — это одно, действия — другое. По делу о заговоре было арестовано более 700 человек, казнено 110. Судебные процессы продолжались с августа 1944 г. по апрель 1945 г. Кроме того, 22–24 августа СС была проведена акция «Gewitter» («Гроза»), когда были арестованы бывшие социал-демократы, либералы, члены католической партии «Центр», никакого отношения к заговору 20 июля 1944 г. не имевшие, аресты были запланированы давно. В тюрьму было заключено от 5000 до 6000 человек. Целью было устранить последних противников режима. Помимо социал-демократов и коммунистов, пострадало также духовенство.
- ⁷⁹⁰ Все эти люди (знали они о заговоре или нет) не поддерживали заговорщиков и остались весьма эффективно работать и в госаппарате, и в руководстве армии нацистской Германии. Англичанам их жалеть и спасать было не с чего.
- ⁷⁹¹ Хью Карлтон Грин (1910–1987) — британский журналист. С 1940 по 1946 г. руководил немецким вещанием Би-би-си. В 1946 г. создал в Германии Северо-Западную радиовещательную компанию. Был ее руководителем. С 1949 по 1960 г.

руководил вещанием Би-би-си на Восточную Европу, в том числе и на СССР. С 1960 по 1969 г. — генеральный директор Би-би-си.

⁷⁹² Денис Сефтон (Том) Делмер (1904–1979) — британский журналист. Родился в Берлине в семье австралийского профессора английской литературы в Берлинском университете. До пяти лет говорил по-немецки. В 1914 г. вся семья австралийского профессора была интернирована. В 1917 г. в рамках обмена пленными отправлена в Великобританию. Делмер окончил Оксфорд. Стал журналистом. В конце 1920-х гг. работал в Германии. В 1930 г. взял первое в английской прессе интервью у Адольфа Гитлера. В 1936–1939 гг. работал в Испании. Довольно подробно описывал преступления войск генерала Франко. С 1941 г. организовывал радиостанции «черной» пропаганды, работавшие на Германию, имевшие целью деморализовать противника. После войны организовал в Германии новостное агентство. В 1959 г. перестал заниматься журналистикой, писал мемуары и беллетристику (в частности, пьесу о Гитлере).

⁷⁹³ Майкл Леонард Грэм Бальфур (1908–1995) — английский историк. В 1930 г. посетил Германию, познакомился и подружился с графом Хельмутом Джеймсом фон Мольтке, будущим создателем кружка Крейзау (см. коммент. 170), казненным по делу заговора 20 июля 1944 г. (В 1972 г. Бальфур в соавторстве с Джулианом Фисби написал о нем книгу.) Во время Второй мировой Бальфур служил в Министерстве информации и в департаменте политической разведки Форин Офис (МИД). В 1944 г. перешел работать в отдел по ведению психологической войны в ставке союзных войск. После войны директор отдела публичных отношений союзной контрольной комиссии в британской зоне оккупации Германии. С 1947 по 1964 г. — профессор европейской истории в университете Восточной Англии.

⁷⁹⁴ Книга Майкла Бальфура «Пропаганда в войне, 1939–1945» была издана в 1979 г.

⁷⁹⁵ Книга вышла в 1962 г.

⁷⁹⁶ Брендан Рендалл Брэкен, 1-й виконт Брэкен (1901–1958) — английский политик. С 1940 г. — личный секретарь Черчилля в парламенте, с 1941 по 1945 г. — министр информации.

⁷⁹⁷ Роланд Фрайслер (1893–1945) — нацистский юрист. Председатель палаты Народного суда (Volksgerichtshof). Участник Первой мировой на русском фронте. В русском лагере для военнопленных вступил в РСДРП (б). Участник Гражданской войны (на стороне красных). В 1920 г. вернулся в Германию. Окончил Йенский университет (доктор юридических наук). В 1925 г. вступил в нацистскую партию. В 1942 г. принимал участие в Ванзейской конференции (см. коммент. 502). С 1942 г. — председатель палаты народного суда. Ведение судебных заседаний Фрайслером было подчеркнуто унижительным для подсудимых. Приговоры Фрайслера всегда были чрезвычайно суровы. Гитлер шутя называл его: «Наш Вышинский». Погиб во время американской бомбардировки Берлина 3 февраля 1945 г., когда вел оказавшееся для него последним заседание по делу о заговоре 20 июля 1944 г. Благодаря этой бомбежке был спасен обвиняемый Фабиан фон Шлабрендорф (1907–1980).

⁷⁹⁸ Рахель Элизабет Елена Герта Давида фон Мольтке (урожд. Йорк фон Вартенбург; 1900–1989).

⁷⁹⁹ Ханс-Адольф фон Мольтке (1884–1943) — немецкий дипломат. На дипслужбе с 1913 г. В 1920–1922 гг. был диппредставителем на проведении референдума в Верхней Силезии, в результате которого часть Силезии досталась немцам, часть — полякам. С 1931 по 1939 г. — посол в Польше. Отозван Риббентропом накануне войны, поскольку фон Мольтке изо всех сил старался сохранить польско-немецкий союз. В 1941 г. предлагал Гитлеру создать в Польше коллаборационистское правительство наподобие хорватского, норвежского или словацкого. Гитлер об этом и слышать не хотел. (Впрочем, как и все польские политики.) В январе 1943 г. назначен послом в Испанию, где и умер спустя два месяца от аппендицита.

⁸⁰⁰ В особых случаях (дело о заговоре 20 июля 1944) двери бывали открыты.

⁸⁰¹ Отто Георг Тирак (1889–1946) — нацистский юрист. В партии с 1932 г. Президент Народной судебной палаты (1936–1942), министр юстиции Германии (1942–1945). Должен был быть выведен на Нюрнбергский процесс, но покончил с собой

в плену у амерканцев. Жалобы Тирака на Фрайслера Борману и Гитлеру были связаны с тем, что сам Тирак был главой Народной судебной палаты до Фрайслера.

⁸⁰² Нарезка из большого документального фильма о процессе 7–8 августа часто демонстрировалась в кинотеатрах рейха перед показами художественных фильмов.

⁸⁰³ Не совсем понятно, почему речь идет о помолвке. Антуанетт фон Крой уже год как была замужем за танкистом Хансом-Юргеном Гёрне.

⁸⁰⁴ Вольф-Генрих Хелльдорф и Ханс Бернд фон Хафтен были повешены 15 августа, Фриц-Дитлоф фон дер Шуленбург — 10 августа, Адам фон Тротт цу Зольц был приговорен к смерти 15 августа, но повесили его 26-го. 15 августа были казнены: Гертруда Бек (урожд. Мюллер; вдова Людвига Бека; 1882–1944); майор Эгберт Хайссен (1913–1944) и подполковник Бернгард Кламрот.

⁸⁰⁵ Вернер фон дер Шуленбург (бывший посол Германии в СССР, которого заговорщики прочили в министры иностранных дел, не уведомив его об этом) был арестован 19 октября 1944 г., судим 23 октября. Приговорен к смерти, казнен 10 ноября 1944 г.

⁸⁰⁶ Ханс Бернд фон Хафтен был прихожанином Исповедующей церкви. По этическим (христианским) соображениям он не вступил в нацистскую партию.

⁸⁰⁷ Гитлер был назначен канцлером (премьер-министром) президентом республики Гинденбургом. Когда Гинденбург умер, должны были пройти выборы. Никаких выборов Гитлер и не подумал проводить. После поджога Рейхстага в стране было фактически объявлено чрезвычайное положение. Вместо выборов во всех госучреждениях принесли присягу на верность фюреру. Фон Тротт цу Зольц имеет в виду, что он (как и многие) присягал Гитлеру против своей воли.

⁸⁰⁸ Чрезвычайно циничный и коррумпированный граф Вольф-Генрих фон Хелльдорф, один из тех, кто устанавливал нацистский режим в Германии, обращается через голову судьи к Гитлеру: после Сталинграда (и Эль-Аламейна), после высадки

союзников в Нормандии нам конец. Нужен мир на любых условиях, пока нас (вместе с Германией) не уничтожили.

⁸⁰⁹ Эрнст Лауц (1887–1979) — нацистский юрист. После войны осужден на 10 лет. Освобожден в 1951 г. В 1952 г. по суду добился выплаты пенсии как бывший генеральный прокурор.

⁸¹⁰ Это были кинооператоры еженедельной кинохроники «Deutsche Wochenschau». Один из них, Эрих Штоль (1907 — после 1966), продолжил снимать хронику и документальные фильмы до 1966 г. Последний его фильм — научно-популярная кинолента «Мир под микроскопом».

⁸¹¹ Вильгельм Фридрих Рёттгер (1894–1946) — военный моряк в годы Первой мировой войны. В мае 1940 г. начал работать палачом в Позене (Познань). С 1942 по 1945 г. работал главным палачом берлинской тюрьмы Плётцензее. После войны бежал из Берлина, найден в Ганновере. Умер в тюремной больнице. Одна из его шуток: когда к нему принесли запятого шефом гестапо Генрихом Мюллером адвоката Карла Лангбена, Рёттгер сказал: «Ну, где поработал папаша Мюллер, мне делать нечего».

⁸¹² Неподтвержденный факт.

⁸¹³ Одна из особенностей тоталитарного режима: все всё понимают, только сказать не могут. Сделать тем более.

⁸¹⁴ Племянницы Готфрида фон Бисмарка-Шёнхаузена.

⁸¹⁵ Речь идет о Вернере фон Хафтене, адъютанте Штауффенберга, расстрелянном по приказу Фридриха Фромма 21 июля 1944 г.

⁸¹⁶ Вольфганг фон Бредов (1921–1945) погиб спустя год в Померании.

⁸¹⁷ Каринхалл, 1933–1945 — представительское имение (летняя резиденция) рейхсмаршала авиации Германа Геринга, названное им по имени своей первой жены Карины фон Кантцов. В строительстве резиденции Геринга принимали участие два крупных архитектора Третьего рейха: Вернер Марх (1894–1976; архитектор Олимпийского стадиона в Берлине, 1936) и Фридрих Хетцельт (1903–1986). В своей резиденции Геринг устраивал пышные приемы с иностранными официальными лицами. Хранил огромную коллекцию художественных произведений, вывезенных из оккупированных Германией стран.

20 апреля 1945 г. Геринг покинул свое имение. При приближении советских войск имение было по его приказу разбомблено отрядом люфтваффе. На него было сброшено 80 авиабомб. Впрочем, в глубоких подвалах была обнаружена часть коллекции: 409 ящиков с живописными полотнами.

⁸¹⁸ Фриц Юлиус Эльзас (1890–1945) — немецкий юрист и политик времен Веймарской республики. Сын богатого текстильного фабриканта Юлиуса Эльзаса. С апреля 1931 г. — заместитель бургомистра Берлина. После прихода к власти нацистов отправлен в отставку. В 1937 г. несколько месяцев провел в концлагере. Был близок к кругам подпольного Сопротивления. Сразу же после неудавшегося покушения спрятал Гёрделера у себя дома, помог ему добраться до городка в Померании. Арестован 10 августа 1944 г. Пытан, отправлен в Заксенхаузен, где и умер. Берлинские евреи, находящиеся в эпицентре геноцидной политики Гитлера, испытывавшие первый ее удар, уцелевали чаще. Массовых депортаций из Берлина не было. И депортировали берлинских евреев (как правило, это были люди из буржуазных или даже одворянившихся слоев населения) сначала в «образцовый концлагерь» Терезиенштадт, а уж потом в лагерь смерти.

⁸¹⁹ Анна Мария Эва фон Дирксен (1890–1964) — сестра немецкого дипломата, посла в Москве (до Шуленбурга), Токио и Лондоне Герберта фон Дирксена (1882–1950).

⁸²⁰ У графа Вольфа-Генриха фон Хелльдорфа было четыре сына и дочь. Скорее всего, за отца пришел старший, Вольф-Инго Фердинанд Юлиус Генрих Бенно фон Хелльдорф (1921–1991).

⁸²¹ Мария Васильчикова ошибается: Геббельс вступил в партию в 1925 г., Хелльдорф — в 1930 г.

⁸²² «Сименс и Гальске», 1847–1945 — старейшая и крупнейшая в Германии электротехническая и транспортная фирма. Создана в 1847 г. инженером и изобретателем Вернером фон Сименсом (1816–1892) и инженером и изобретателем Иоганном Гальске (1814–1890). Первая в Германии стала производить лампы накаливания (1881). В годы нацизма активно сотрудничала с вермахтом. На предприятиях фирмы применялся труд заключенных, военнопленных и вывезенных

с оккупированных территорий рабочих. После войны разорена репарациями.

⁸²³ На Лертерштрассе, 1–5, неподалеку от Лертерского вокзала, находилась берлинская тюрьма Моабит, построенная в 1840 г. по распоряжению прусского короля Фридриха-Вильгельма IV (1795–1861) как «образцовая прусская тюрьма». В ней содержались обвиняемые по делу заговора 20 июля 1944 г. Почти не пострадала во время штурма и бомбежек Берлина. После войны с 1945 по 1955 г. продолжала оставаться тюрьмой. Была местом казней в Западном Берлине. В конце 1950-х гг. закрыта. Со временем разрушилась. Ныне на ее месте разбит парк.

⁸²⁴ К тому времени Петер Биленберг был арестован и отправлен в концлагерь Равенсбрюк.

⁸²⁵ Это легенда.

⁸²⁶ Если Хайнц Брандт действительно дружил с военными заговорщиками и если в каких-то списках заговорщиков действительно было его имя, то возникает вопрос: случайно ли не взорвалась бомба, переданная Брандту Хеннингом фон Тресковом в самолете, в котором Гитлер летел из Смоленска в Берлин, и случайно ли Брандт отодвинул портфель с бомбой Штауффенберга подальше от Гитлера в бункере «Вольфшанце»?

⁸²⁷ 19 августа 1944 г. в Париже началось восстание, на помощь восставшим парижанам двинулись англо-американские войска и французская танковая дивизия генерала Филиппа Леклерка де Отклока (1902–1947). 25 августа 1944 г. Париж был освобожден. Отметим, что в своем дневнике Мария Васильчикова ни словом не поминает отчаянное и героическое Варшавское восстание 1944 г., длившееся с 1 августа по 2 октября.

⁸²⁸ Уровень конспирации заговорщиков 20 июля 1944 г. потрясает.

⁸²⁹ Казнено в связи с заговором было 237 человек.

⁸³⁰ В связи с заговором было арестовано чуть больше 700 человек. Георгий Васильчиков или лишний ноль приписал, или прибавил казненных в ходе акции «Jewitter» (см. коммент. 789).

⁸³¹ Казнены 20 генералов (из них один — генерал-фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен; по-видимому, Георгий Васильчиков присчитал к генералам генерал-фельдмаршала Гюнтера

фон Клюге, который отравился до судебного процесса) и 26 полковников и подполковников.

⁸³² На протестантскую конфессию «свидетели Иеговы» был направлен один из первых ударов нацистской диктатуры. Они подвергались репрессиям с 1934 г.

⁸³³ Никакой этики неучастия у «свидетелей Иеговы» нет и не было. Просто они, давно привыкшие к репрессиям, были значительно осторожнее других и справедливо опасались провокаций.

⁸³⁴ «Татра» — легковой автомобиль класса люкс чешской фирмы «Татра», одной из трех старейших автомобильных фирм мира (выпускает автомобили с 1897 г.). Фирма основана в 1850 г. В 1946 г. национализирована. В 2013 г. продана на аукционе чешскому бизнесмену Мареку Галвасу.

⁸³⁵ «Das Schwarze Corps. Zeitung der Schutzstaffeln der NSDAP» («Черный корпус. Газета оборонных отрядов (Schutzstaffeln — SS) НСДАП», 1935–1945 — официальный еженедельник СС. Выходил по средам. Распространялась бесплатно. Каждый эсэсовец должен был ее читать и распространять. Последний номер вышел в апреле 1945 г.

⁸³⁶ «Der Angriff» («Атака»), 1927–1945 — с 1927 г. газета партийной организации нацистов Берлина, с 1 февраля 1935 г. — газета DAF (Deutsche Arbeitsfront — Немецкого трудового фронта). Создана Йозефом Геббельсом. Главные редакторы менялись часто, но то, что это была газета Геббельса, было известно всем, кто этим интересовался. Сначала — еженедельник, с 1930 г. — ежедневная газета, с 1932 г. выходила дважды в день, утром и вечером. Последний номер вышел 24 апреля 1945 г.

⁸³⁷ Эдуард Александр Феликс Керстен (1898–1960) — мануальный терапевт и оккультист, ученик китайского оккультиста и мануального терапевта, работавшего в Европе до 1928 г., доктора Ко. Прибалтийский немец, в 1919 г. получивший финское гражданство. С 1939 г. — личный мануальный терапевт Гиммлера, страдавшего желудочными спазмами на нервной почве. Пользуясь личными связями с Гиммлером, помогал спастись знакомым евреям и знакомым знакомых этих евреев. После войны издал мемуары, сначала на голландском — «Klerk en Beul:

Himmler van nabij» («Клерк и палач: Гиммлер вблизи») в 1952 г. мемуары были переведены на немецкий — «Totenkopf und Treu. Heinrich Himmler ohne Uniform» («Мертвая голова и верность. Генрих Гиммлер без мундира»). Многие историки сомневаются в аутентичности этих воспоминаний.

⁸³⁸ Артур Небе (1894–1945) — нацистский функционер. Начиная работать в берлинской полиции. В 1931 г. вступил в нацистскую партию. В 1935 г. стал начальником уголовной полиции Пруссии. В 1936 г. — в СС. С 1938 по 1944 г. — директор Интерпола. В 1940 г. предложил умерщвлять евреев и цыган угарным газом. Руководитель айнзатцгруппы Б в Белоруссии, проводившей карательные операции в Белоруссии. В середине августа 1941 г. устроил показательную казнь 100 евреев в Минске. С 1943 г. поставлял заговорщикам информацию о высших чинах СС. По их планам полицейские, подчиненные Небе, должны были арестовать всех министров нацистского правительства. Спустя четыре дня после неудавшегося переворота скрылся. За его голову была назначена огромная денежная награда. Выдан любовницей Адельхейд Гоббин (работавшей в берлинской полиции). 16 января 1945 г. арестован. 2 марта 1945 г. приговорен к смерти. Повешен 3 марта 1945 г. «С этого парня следовало бы содрать кожу», — говорил по поводу Небе Гитлер.

⁸³⁹ Феликс Мартин Юлиус Штайнер (1896–1966) — генерал войск СС, создатель и руководитель элитных подразделений СС дивизии «Дойчланд» и «Викинг». Автор многочисленных мемуаров. Один из создателей послевоенного западногерманского Общества взаимопомощи бывших военнослужащих СС.

⁸⁴⁰ Йозеф (Зепп) Дитрих (1892–1966) — генерал танковых войск СС. Участник Пивного путча в Мюнхене. Вместе со своей командой лично расстрелял Рёма и других руководителей штурмовиков в «ночь длинных ножей». Начальник личной охраны («Лейбштандарт СС») Гитлера. Достаточно крупное боевое соединение «Лейбштандарт СС» занималось в том числе и диверсионными акциями. Активно участвовало в аншлюсе Австрии, в разжигании Судетского кризиса. Во время Второй мировой войны «Лейбштандарт СС» был преобразован в танковую

дивизию. Последние бои «Лейбштандарта СС» были под Веной. Дитрих, несмотря на приказ Гитлера оборонять Вену до последнего, сдал город советским войскам и увел остатки дивизии сдаваться в плен американцам. За совершение военных преступлений (убийство военнопленных) был судим и приговорен к пожизненному заключению. Освобожден в 1955 г. Автор многочисленных мемуаров. Один из создателей Общества взаимопомощи бывших военнослужащих СС.

⁸⁴¹ Вальтер Фридрих Шелленберг (1910–1952) — начальник внешней разведки СД (Sicherheitsdienst). С его именем связаны все крупные разведывательные операции нацистской Германии. Ближайший друг и доверенное лицо Гиммлера. Поскольку абвер после ареста Канариса был расформирован, а его подразделения были включены в СД, постольку Шелленберг и стал его начальником. После войны бежал в Швецию. Выдан шведами американцам. Судим, приговорен к 6 годам тюремного заключения. В 1950 г. выпущен на свободу. Жил в Швейцарии, успел написать мемуары.

⁸⁴² Ничего двусмысленного в поведении Карла Оберга во время и после 20 июля 1944 г. не было. Во время путча он был арестован людьми Штюльпнагеля, после — освобожден теми же людьми с объяснением: это были учения. Не будет же он с ходу арестовывать тех, кто его... освободил.

⁸⁴³ Васильчикова ошибается: никакой решающей роли Карл Вольф в капитуляции войск стран Оси в Италии не сыграл. После того как советская сторона (получив разведданные о переговорах Карла Вольфа с американцами) потребовала своего представительства на этих встречах, с генералом СС никто не беседовал, переговоры велись с представителями вермахта и с участием советского представителя.

⁸⁴⁴ Фольке Бернадот аф Висборг (1895–1948) — шведский дипломат, с 1943 г. вице-президент шведского отделения Красного Креста. Смог спасти жизнь 30 000 заключенным. Вел переговоры с Гиммлером и добился перевода этих заключенных в Швецию в обмен на разрешение использования территории Швеции для транспортировки военных частей и военных грузов. Был посредником ООН в первом арабо-израильском

конфликте. Погиб в результате теракта израильской крайне правой боевой группировки «Лехи».

⁸⁴⁵ Если учесть, что Шелленберг прилетел для переговоров о мире при посредничестве Бернадота в Копенгаген 3 мая 1945 г., то ясно, что речь шла не о спасении Германии и без того уже размолотой союзниками в пыль, а о спасении своей и Гиммлера шкуры.

⁸⁴⁶ Мелания Луиза Габриела Паулина (Путци) Берта Сименс (урожд. Йорк фон Вартенбург; 1877–?).

⁸⁴⁷ Старая кухарка, разумеется, была свидетельницей Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, многих путчей времен начала Веймарской республики, но чтобы дворяне, военные и высшие государственные чиновники были путчистами, заговорщиками и мятежниками — к этому Германия (а особенно Пруссия) не привыкла.

1945, январь–сентябрь

⁸⁴⁸ Ханс Эппингер-мл. (1879–1946) — известный венский врач. В 1936 г. летал в Москву для лечения Сталина. В 1937 г. лечил последнюю королеву Румынии Марию Эдинбургскую (1875–1938). В 1938 г. вступил в нацистскую партию. Во время Второй мировой войны летал в концлагерь Дахау ставить смертоносные эксперименты над заключенными. В 1946 г. в преддверии суда отравился.

⁸⁴⁹ Насчет жертвы сильно сказано: аншлюс Австрии произошел при ликовании подавляющего большинства австрийцев.

⁸⁵⁰ Винер-Нойштадт — австрийский город, где были расположены авиационные заводы, созданные еще в 1915 г. На этих заводах во время Второй мировой производились «мессершмидты». Благодаря австрийской подпольной группе под руководством католического капеллана Генриха Майера (1908–1945) английским и американским ВВС удалось узнать точное расположение этих заводов. Первый удар был нанесен 13 августа 1943 г., за ним еще несколько. Заводы были уничтожены. Генрих Майер выдан предателем и казнен 22 марта 1945 г.

- ⁸⁵¹ Турн-и-Таксис — австрийский княжеский род, одни из создателей современной европейской почтовой системы. Имеется в виду Франц фон Ассизи Йозеф Фердинанд Вильгельм Пауль Рудольф Эмиль Ламораль Александр Игнитус Теодор Пий Мария фон Турн-и-Таксис (1915–1997). Франц — по-дружески.
- ⁸⁵² Вильгельм-Александр фон Турн-и-Таксис (1919–2004).
- ⁸⁵³ Альфред Антоний Вильгельм Роман Базилий Потоцкий (1886–1958) — князь, польский аристократ. После войны эмигрировал во Францию. Автор мемуаров «Master of Lancut» («Повелитель Ланьцута»).
- ⁸⁵⁴ Эльжбета Матильда Радзивилл (в замужестве Потоцкая; 1861–1950).
- ⁸⁵⁵ Ланьцутский замок и регулярный парк вокруг него с знаменитой оранжереей экзотических роз действительно называют «Версальем Восточной Европы». Князь Антоний не очень-то бросил свое имение. С мая по июль 1944 г. он вагонами вывозил ценное имущество из замка, чем обеспечил себе послевоенное безбедное существование.
- ⁸⁵⁶ Дворец Шёнбург-Хартенштейн, или дворец Штаремберг-Шёнбург вместе с прилегающим к нему парком (15 000 кв. м) с 1450 г. принадлежал семье Штаремберг; один из Штарембергов в 1706 г. доверил самому знаменитому архитектору Вены того времени Иоганну Лукасу Гильдебрандту (с 1720 г. фон Гильдебрандту; 1668–1745) выстроить дворец. В 1811 г. у Штарембергов дворец и парк купил граф Кеглевич де Бузин и по проекту архитектора Франца Йегера (1781–1839) основательно его перестроил. В 1841 г. у Кеглевичей де Бузинов дворец и парк купили Шёнбург-Хартенштейны и еще раз его перестроили. В 1870-е гг. наследники Шёнбургов продали дворец и парк бизнесменам Мареку и Данеку Гертнерам.
- ⁸⁵⁷ Мария Габриела Ольга Анна фон Кессельштат (урожд. фон унд цу Лихтенштейн; 1905–1999) — княгиня Лихтенштейн, в замужестве графиня Кессельштат; кузина братьев Лихтенштейн.
- ⁸⁵⁸ Поскольку у князя Алоиза Гонзаго Марии Адольфа фон унд цу Лихтенштейна (1869–1955) отказавшегося от престола княжества Лихтенштейн в пользу своего старшего сына Франца

Иосифа в 1938 г.) было шесть сыновей, установить, кто были еще двое фон унд цу Лихтенштейны, сложно.

⁸⁵⁹ Франц Иосиф II фон унд цу Лихтенштейн (1906–1989) с 1938 г. правитель нейтрального европейского государства — княжества Лихтенштейн. Закрыв границы от беженцев из нацистской Германии. Скупал имущество богатых евреев, убитых нацистами. В 1945 г. по просьбе своего придворного художника — русского эмигранта Ивана Григорьевича Мясоедова (1881–1953), фальшивомонетчика и авантюриста — впустил в Лихтенштейн остатки 1-й Русской национальной армии (1 июля 1941 — 4 апреля 1945) под командованием генерал-майора вермахта и бывшего сотрудника абвера Бориса Алексеевича Смысловского (1897–1988). Требование советского правительства выдать коллаборационистов выполнить отказался, поскольку бойцы Смысловского пообещали устроить переворот. В 1948 г. они были переселены из Лихтенштейна в Аргентину. В том же году у придворного художника Мясоедова и создателя эскизов почтовых марок государства Лихтенштейн обнаружили станок для печатания фальшивых денег и посадили на два года. Отсидев, Мясоедов вместе с семьей уехал в Аргентину.

⁸⁶⁰ Восточно-Прусская операция советских войск началась 13 января 1945 г., была завершена 25 апреля.

⁸⁶¹ Слухи оказались ложными.

⁸⁶² Никакого альтернативного венгерского правительства (наподобие правительства Финской Народной Республики с временной столицей в г. Териоки (Зеленогорск) во время Зимней войны с Финляндией, 1939–1940) Советы не создавали.

⁸⁶³ Никольский собор в Вене, построен в 1899 г. В июле 1941 г. закрыт и передан Венской музыкальной академии. В октябре 1943 г. вновь открыт и передан Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). Настоятелем собора стал о. Георг (фон Генюк), бывший полковник царской армии. В октябре 1946 г. собор передан Московскому патриархату. Ныне кафедральный собор Венской и Австрийской епархии РПЦ.

⁸⁶⁴ Собор Святого Стефана (Штефансдом), строительство начато в 1137, закончено в 1511 г. — символ Вены и Австрии. Кафедре

венского архиепископа. Не пострадал от бомбежек и штурма Вены, начавшегося 2 апреля 1945 г. Seriously пострадал от пожара, вспыхнувшего 11 апреля 1945 г. Полностью восстановлен в 1960 г.

⁸⁶⁵ Отель «Империял» — самый богатый отель в Вене. В 1865 г. построен как дворец для герцога Филиппа Вюртембергского (1838–1917). В 1875 г. сдан в аренду Иоганну Фронеру, какой и преобразовал дворец в отель. В 1912 г. преобразован в акционерное общество «Отель Империял». Во время войны не пострадал.

⁸⁶⁶ Тюркеншанцпарк (буквально: Парк турецких укреплений) — самый большой венский парк. Открыт на месте турецких укреплений времен осады Вены турками (1683). Открыт императором Францом Иосифом I в 1888 г.

⁸⁶⁷ Гэри Купер (Фрэнк Джеймс Купер; 1901–1961) — американский киноактер. Кинозвезда Голливуда от немых фильмов до конца 1950-х гг. Первый фильм с ним — 1925 г. Последний — 1961 г.

⁸⁶⁸ Тутцинг — деревня в Баварии на берегу Боденского озера.

⁸⁶⁹ Отель «Бристоль», 1892 — отель класса люкс. Был серьезно поврежден во время войны. Тем не менее в нем находилась (с 1945 по 1955) резиденция американского военного венского комиссара.

⁸⁷⁰ Кристиан Оскар Ганноверский (1919–1981) — из ганноверского королевского дома, к которому принадлежит и английская королевская семья. В начале Второй мировой служил в люфтваффе.

⁸⁷¹ Антуанет фон Крой — жена Юлиуса Гёрне.

⁸⁷² Иоганн Генрих (Хайнц) фон Тинти (1919–1986) — австрийский барон.

⁸⁷³ Гранд-отель «Вена», 1863 — 5-звездочный отель на главной улице Вены, Ринг-штрассе (буквально: Кольцевая улица). Создан в 1863 г. основателем отельного хозяйства Вены Антоном Шнайдером (1820–1872). С 1945 по 1955 г. — резиденция советской военной администрации Вены. С 1957 г. функционирует вновь как 5-звездочный отель.

⁸⁷⁴ Как ни странно, Гранд-отель «Вена» не пострадал ни от бомбежек, ни от уличных боев.

- ⁸⁷⁵ Венский филармонический оркестр, 1842 — один из старейших и знаменитейших филармонических оркестров мира. Поскольку нацисты развивали тему важности музыки в обществе («немцы — самый музыкальный оркестр мира» — одно из ключевых положений их пропаганды и идеологии), оркестр поддерживали до самого конца. Более того, спустя несколько дней после освобождения Вены, 27 апреля 1945 г., оркестр дал свой первый концерт после окончившейся для этого города войны.
- ⁸⁷⁶ 16 декабря 1944 г. немцы перешли в контрнаступление в Арденнах. Контрнаступление с трудом удалось остановить к 1 января 1945 г. Было принято решение бомбить крупные транспортные узлы. Дрезден входил в их число. Мария Васильчикова ошибается: налетов было три. Два — вечером и ночью 13 февраля 1945 г. Один — на следующий день. Город тогда не до конца был стерт с лица земли. 2 марта и 17 апреля 1945 г. Дрезден добились.
- ⁸⁷⁷ 13 февраля 1945 г. советские войска взяли Будапешт.
- ⁸⁷⁸ Так оценила налет на Дрезден нацистская пропаганда. Погибло 30 тысяч человек.
- ⁸⁷⁹ Дрезденская бомбардировка осталась в культурной памяти человечества знаком преступности и зверства любой войны. См. роман американского писателя Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей», оказавшегося в немецком плену в Дрездене и чудом выжившего во время бомбежки, и польский фильм «Сегодня ночью погибнет город» (1961, реж. Ян Рыбковский).
- ⁸⁸⁰ С американскими и английскими военнопленными обращались не в пример лучше, чем с советскими.
- ⁸⁸¹ Так работала тотальная мобилизация Геббельса.
- ⁸⁸² См. коммент. 361.
- ⁸⁸³ Марта Мария Бечки де Ташнадсанто и Комлодтотфалу (1908–1998) — венгерская дворянка, в 1945 г. — жена венгерского дворянина, барона тотпронского и блатницкого Дёрдя Пронаи де Тотпрона и Блатница (1887–1968). В будущем — жена австрийского князя Винсента цу Виндиш-Греца.
- ⁸⁸⁴ Сапеги — литовско-польский княжеский род.

- ⁸⁸⁵ Рингштрассе — главная улица Вены, кольцом окружает старый центр города.
- ⁸⁸⁶ Фон Штаремберги — австрийский графский и княжеский род. Любопытно, что дворец Шёнбургов раньше принадлежал Штарембергам.
- ⁸⁸⁷ Дворец княжеского рода Лихтейнштейн на Фюрстенгассе (переулок Князей) в Вене, также Садовый дворец, 1700 — построен для князя Лихтенштейна Ханса Адама I (1662–1712), арх. Доменико Мартелли (1650–1718). Вокруг дворца был разбит парк. С 1805 по 1938 г. во дворце была открыта художественная коллекция Лихтенштейна для общественного просмотра. Франц Иосиф I это демократическое безобразие пресек. После войны дворец перешел в городскую собственность Вены. В 1880–1890-х гг. дворец сдавался в аренду Музею современного искусства. С 2004 г. — Музей князей Лихтейнштейн, где выставлена их художественная коллекция.
- ⁸⁸⁸ Бургтеатр в Вене, 1888 — с 1540 г. придворный театр. Постепенно стал главным театром Австрии. Новое здание Бургтеатра на Рингштрассе было построено в 1888 г. Потолки и стены расписаны знаменитым художником Густавом Климтом. Здание полностью разрушено во время бомбежек. Восстановлено в 1955 г.
- ⁸⁸⁹ Карлсплац — главная площадь Вены. Огромная, она вся была заполнена ликующими венцами во время митинга в честь аншлюса (присоединения Австрии к Германии), на котором выступал Адольф Гитлер.
- ⁸⁹⁰ Альфред Иоганн Мария Антон Руперт фон Ауэршперг (1899–1968) — австрийский психиатр. В 1938 г. вступил в нацистскую партию, тогда же — в СС. Вел занятия в австрийской врачебной школе СС «Донауланд». После войны эмигрировал в Америку. Жил в Бразилии, некоторое время в США, потом перебрался в Чили. В 1953 г. вернулся в Европу. Преподавал в Гейдельбергском университете. С 1965 г. устно и письменно обсуждал с философом Мартином Хайдеггером и создателем теории систем Людвигом Берталанфи (1901–1972) проблему восприятия человеком действительности.

- ⁸⁹¹ Огромное подземное кладбище под собором Святого Стефана в Вене называют катакомбами. Под собором начали хоронить знать с XV в. В 1732 г. в Вене (из-за нехватки места) были запрещены наземные кладбища. Тогда под собором, прорывая ходы и галереи, стали хоронить всех венцев. В 1783 г. эта практика была запрещена. Под собором осталась целая сеть туннелей. В войну там прятались от бомбежек, сейчас водят экскурсии.
- ⁸⁹² В рамках германизации Вартеланда (оккупированной Польши) из Лодзи (при нацистах Лицманштадт) было выселено около полумиллиона человек, на их место приезжали немецкие переселенцы, которые или бежали, или были выселены, или убиты в 1945 г. 19 января 1945 г. советские войска вошли в Лодзь.
- ⁸⁹³ Хофбург, или Кайзерхоф — комплекс дворцов в центре Вены. До 1918 г. резиденция австрийских императоров. В начале 1945 г. разбомбленный хирургический госпиталь (Гассергассе, 44–46) перевели в один из дворцов Хофбурга.
- ⁸⁹⁴ Геза Андраши фон Чик-Сент-Кирай и Красна-Хорка (1920–1997) — венгерский князь из одного из самых древних дворянских родов Венгрии. Умер в Швейцарии.
- ⁸⁹⁵ Илона Андраши фон Чик-Сент-Кирай и Красна-Хорка (1917–1990) осталась в Венгрии. Умерла в Будапеште.
- ⁸⁹⁶ Барочный дворец Брассикан-Вильчек на Херренгассе, 5 построен на месте здания, принадлежавшего с XVI в. баронам Брассикан. С 1825 г. перешел во владение графской семьи Вильчек.
- ⁸⁹⁷ Карл Эмиль цу Фюрстенберг (1867–1945) — австро-венгерский князь. В 1905–1909 гг. работал в посольстве Австро-Венгрии в Петербурге. В 1918 г. был австро-венгерским послом в Киеве, в Украинской державе гетмана Павла Петровича Скоропадского (1873–1945).
- ⁸⁹⁸ Ханс (Ханзи) Георг фон Опперсдорф Сольмс-Браунфельс, барон фон Айх унд Фридштайн (1920–2003) — немецкий граф.
- ⁸⁹⁹ Элеонора Мария Алоиза Футтер фон Бабенхаус (урожд. принцесса цу Гогенлоэ-Бартенштайн; 1864–1945) — дама высшего света предреволюционной Вены, личная знакомая императора

Франца Иосифа I. Детство провела в имениях Гогенлоэ-Бартенштейн Чехии и Западной Украины.

⁹⁰⁰ Леопольд Генрих Карл Фридрих Мария Фуггер фон Бабенхаузен, граф (1893–1966) — немецкий летчик, генерал-майор люфтваффе. В авиации с 1915 г. Попал в советский плен. Содержался в лагере для военнопленных в Волково Ивановской области. В 1955 г., после того как Аденауэр добился возвращения всех пленных немцев, вернулся на родину. Умер в Гамбурге.

⁹⁰¹ Гмунден — город на западе Австрии на берегу озера Таунзее. Во время Второй мировой войны этот город называли Lazaretstadt (город лазаретов). Все общественные (и не только) здания города были заняты под госпитали. В начале мая город без боя сдался американским войскам.

⁹⁰² Замок Камберленд — резиденция принцев Ганноверских. Построен в 1888 г. дядей английской королевы Виктории Эрнстом Августом, кронпринцем Ганноверским, герцогом Камберлендским (1845–1923). В 1938 г. нацисты организовали в замке свою партийную школу. С 1940 по 1945 г. в замке разместили госпиталь. С 1947 по 1972 г. — туберкулезную больницу. Ныне — санаторий. В парке вокруг санатория — фамильное кладбище принцев Ганноверских. Поскольку фамильный замок занят, то Кристиан приглашает Марию Васильчикову в другую виллу принцев Ганноверских в Гмундене, Кёнигинвиллу, или виллу Тун.

⁹⁰³ Штурм Вены начался 5 апреля 1945 г. 13 апреля Вена была взята.

⁹⁰⁴ Отель «Захер», 1876 — венский отель. Входит в «The Leading Hotels of the World» (список лучших отелей мира). Основан венским гастрономом Эдуардом Захером (1843–1892). Назван «Hotel de l'Opera» (отель расположен неподлеку от Венской оперы). Через некоторое время Эдуард, сын знаменитого кондитера Франца, изобретателя торта «Захер», переименовал отель. После смерти Эдуарда делами стала заниматься его молодая вдова, Анна, и довела отель до полного разорения. После ее смерти в 1930 г. отель купили Ханс Гюртлер и его жена Польди вместе с Йозефом Силлером и его женой Анной. При них отель расцвел. Его подъем не остановила даже война.

В 1945 г. отель был конфискован советской военной администрацией. В 1951 г. возвращен Гюртлерам и Силлерам.

⁹⁰⁵ Не ясно, Хансом Гюртлером или Йозефом Силлером.

⁹⁰⁶ Кёльн (первый город, который подвергся массовой бомбардировке англичан) был взят 6 марта. Бонн (с 1949 по 1990 — столица ФРГ) взят 9 марта.

⁹⁰⁷ Гитлер тоже прекрасно понимал, что вермахт будет сражаться с Красной армией до последнего, а англичанам и американцам будет сдаваться, поэтому он разработал и осуществил Арденнское контрнаступление, поэтому принимал draconianские меры против дезертиров и отступающих. По сути, уже появились заградотряды из эсэсовцев. 19 марта 1945 г. он издал указ, который получил название *Nerobefehl* (приказ «Нерон») и скопировал распоряжение Сталина о «выжженной земле»: при приближении противника взрывать мосты, промышленные предприятия, все системы жизнеобеспечения и уходить в глубь Германии. Когда министр вооружения Шпеер заметил, что для Германии, зажатой с двух сторон, это означает гибель, Гитлер согласился: «Да. Если война проиграна, проигран и народ. (...) Потому что этот народ показал свою слабость, значит, должен погибнуть и уступить место сильному восточному народу».

⁹⁰⁸ Виктор Бауэр (1915–1969) — немецкий ас. Совершил 400 боевых вылетов, сбил 106 самолетов. Взят в плен в мае 1945 г. В июне 1945 г. освобожден. Умер в ФРГ, в Бад-Гомбурге. В описываемое Васильчиковой время не гауптман (капитан), но оберст-лейтенант (подполковник).

⁹⁰⁹ Венская государственная опера, 1869 — крупнейшая опера в Австрии, один из самых знаменитых оперных театров мира. Частично разрушена бомбардировкой 6 марта 1945 г., почти полностью — бомбардировкой 12 марта. Восстановлена в 1955 г.

⁹¹⁰ Иоанна Анна Мария Каролина Жозефа (Жози) Максимилиана Чекелиус фон Розенфельд (урожд. баронесса фон Имхоф; 1885–1980).

⁹¹¹ Элеонора Вера Алексия Анна Мария Фуггер фон Бабенхаузен (в замужестве Гогенцоллерн, принцесса Прусская; 1925–1992) — в будущем жена Бурхарда Прусского (1917–1988).

- ⁹¹² Сильвия Роза Элеонора Леопольдина Каролина цу Мюнстер (урожд. Фуггер фон Бабенхаузен; 1892–1949).
- ⁹¹³ Вера Алоизия Эмма Терезия Мария Жозефина фон Шушниц (урожд. фон Чернин и Штуденитц; 1904–1959) — австрийская графиня.
- ⁹¹⁴ Курт фон Шушниц (1897–1977) — австрийский политический деятель. Яркий представитель австрофашизма. Министр юстиции и министр пропаганды в правительстве диктатора Энгельберта Дольфуса (1892–1934). Обосновывал «правовыми» аргументами все его антидемократические меры: роспуск парламента, запрет политических партий, полный паралич и абсолютную декоративность Конституционного суда. В феврале 1934 г. был одним из руководителей разгрома рабочего восстания в предместье Вены. В июле того же года Австрию ждал еще один кризис: нацистский. Переодетые в форму гражданских гвардейцев эсэсовцы из «Лейбштандарта СС» захватили резиденцию Дольфуса и убили его. Шушницу удалось подавить этот мятеж. В 1938 г. под угрозой военного вторжения вермахта на территорию Австрии не смог организовать никакого сопротивления. Предложил Гитлеру на личной встрече провести плебисцит в Германии и в Австрии о присоединении Австрии к рейху. Гитлер отказался. Шушниц ушел в отставку с поста канцлера. Канцлером стал австрийский нацист Зейсс-Инкварт. На территорию Австрии вошел вермахт. Плебисцит был проведен. 99 % проголосовали за присоединение к рейху. Шушниц был арестован. Попросил разрешения жениться на разведенной жене Фуггера. Ему позволили. Вместе с обретенной женой отправили в концлагерь Маутхаузен, в блок для привилегированных заключенных. У Шушница там был дом. Прислуга из заключенных. Жена имела возможность ходить в магазин. Сын (от первой жены) посещал гимназию. Освобожден американцами. Отбыл в США, где преподавал... политологию. В 1967 г. вернулся в Австрию.
- ⁹¹⁵ Васильчикова ошибается: Шушниц почти не сопротивлялся аншлюсу. Поездки к Гитлеру в Берхтсгаден и униженное вымаливание плебисцита назвать сопротивлением невозможно.

- ⁹¹⁶ Шушницг находился в одном концлагере, в Маутхаузене. В 1945 г. его и других привилегированных заключенных эсэсовцы вывезли в Италию, где по приказу Гитлера должны были расстрелять в случае приближения американцев. Заключенных отбил у эсэсовцев отряд вермахта под командой Вихарда фон Альвенслебена (1902–1982), после чего передал американцам.
- ⁹¹⁷ Хаби́г-Хо́ф — модный магазин, созданный поставщиком двора австрийского императора Петером Хабигом (1839–1916) в 1897 г. Специализация Хаби́га была дамские шляпки.
- ⁹¹⁸ Пе́тер Фри́тц Хаби́г (1886–1963) — доктор юридических наук, владелец Хаби́г-Хо́фа, племянник Петера Хаби́га (см. выше).
- ⁹¹⁹ Замок Имхо́ф, принадлежавший баронам фон Имхо́ф, в деревне Дорф ан дер Э́нс, неподалеку от железнодорожной станции.
- ⁹²⁰ Себастья́н Любоми́рский (1908–1997) — польский князь из рода, давшего немало борцов Сопротивления, и антинацистского, и антикоммунистического, погибших кто в гестапо, кто — в НКВД. Себастья́н Любоми́рский умер в Сан-Паулу (Бразилия).
- ⁹²¹ Примечание Георгия Васильчикова 1985 г.
- ⁹²² «Бедный Альфред», пользуясь помощью Геринга, вагоны использовал для вывоза своей коллекции.
- ⁹²³ Ге́за Пе́ячевич (1917–1995) — венгерский граф хорватского происхождения.
- ⁹²⁴ Амали́я Терези́я фо́н Вильче́к (1917–1985).
- ⁹²⁵ Пе́тер Эмме́рих Пе́ячевич (1908–1987) — посол коллаборационистского усташского правительства Хорватии в Испании эмигрировал в Аргентину, где и умер.
- ⁹²⁶ Кале́нберг (Лы́сая го́ра) — гора высотой 484 м в 19-м округе Вены, с которой открывается самый красивый панорамный вид на город.
- ⁹²⁷ Вине́р-Нойшта́дт находится в 50 км от южной окраины Вены.
- ⁹²⁸ Ба́льдур Бенедек фо́н Ши́рах (1907–1974) — нацистский молодежный руководитель. Один из тех молодых, консервативно и националистично настроенных дворян, кто примкнул к нацистскому движению в начале и не разочаровался впоследствии. В 1925 г. (в возрасте 18 лет) вступил в НСДАП. Был представлен фюреру. Был настолько увлечен делами молодежи,

что Гитлер создал для него пост в своем правительстве: министр по делам молодежи. С 1931 по 1940 г. — руководитель гитлерюгенда. С 1940 по 1945 г. — гауляйтер Вены (формально — руководитель парторганизации нацистов города, фактически — его правитель). Занимался депортацией венских евреев в Освенцим. На Нюрнбергском процессе был приговорен к 20 годам тюремного заключения. Отбыв срок, написал исповедальную книгу воспоминаний под названием: «Я верил Гитлеру». Это название прекрасно характеризует как интеллектуальные способности, так и душевные качества Бальдура Бенедекта фон Шираха.

⁹²⁹ Эмма Миддльтон Лина Тилоу (1872–1944). Любопытно, что Георгий Васильчиков несколько удивлен американскому происхождению фон Шираха (а то среди американцев, как и среди любых других народов, мало нацистов), но нисколько не удивлен дворянству убежденного нациста.

⁹³⁰ Алоис Мария фон Шёнбург-Хартенштейн (1916–1945) — убит в пражском военном госпитале 13 мая 1945 г.

⁹³¹ Йоханнес фон Шёнбург-Хартенштейн (1919–1943) — убит в Сталинграде; Адольф Александр фон Шёнбург-Хартенштейн (1923–1943) — убит под Шлиссельбургом; Альфред Карл фон Шёнбург-Хартенштейн (1926–1944) — убит на Западном фронте у города Сент-Авольд; Хервард фон Шёнбург-Хартенштейн (1926–1944) — убит на Западном фронте у города Отфрезен.

⁹³² Ласло Сапари (1910–1998) — венгерский граф; сын австрийского посла в Петербурге накануне Первой мировой войны Фридриха Сапари (1869–1935), чья неуступчивая, резкая позиция в немалой степени способствовала началу войны.

⁹³³ Эрвайн Фридрих Карл Алоис фон Шёнборн-Буххайм (1912–1998) — австрийский граф.

⁹³⁴ Дворец Шёнборн-Батяни, 1699 — барочный дворец на Реннгассе, 4. Сначала принадлежал хорватскому бану (князю), маршалу Австрии Адаму Батяни (1662–1703). В 1740 г. перешел во владение семьи фон Шёнборн. Во дворце находилась богатейшая коллекция картин и книг. В частности, имелась картина Рембрандта «Ослепление Самсона», 1636 (продана в 1905 музею Франкфурта-на-Майне). Дворец отреставрирован

и восстановлен в 1960 г. Находится во владении графов Шёнборн, сдается в аренду.

⁹³⁵ Баден бай Вин (Источники у Вены) — бальнеологический город-курорт в 25 км от Вены. С 1945 по 1955 г. — ставка советской военной администрации Австрии.

⁹³⁶ Метонимия: Бальхгаусплац (площадь Бальных дворцов) — не дворец, а площадь, на которой с 1741 по 1903 г. располагались дворцы с бальными залами для аристократов, с 1903 г. и по нынешний день эта площадь — политический центр Вены, здесь расположены официальные резиденции политических руководителей страны.

⁹³⁷ Дворец Кинских, 1719 — шедевр барочной архитектуры. Дворец столько раз переходил из рук в руки разных австрийских аристократов, что перечисление совсем утяжелило бы примечание. В описываемое время дворец принадлежал графам Кинским, то есть матери Францля и Вилли, Габриеле Кински фон Вхниц унд Теттау (в замужестве фон Турн-и-Таксис; 1883–1970). Дворец не слишком пострадал от бомбежек. После войны (до 1955) во дворце был офицерский клуб британских оккупационных войск. Ныне (с 2015) дворец принадлежит семье богатых австрийских бизнесменов Влашек.

⁹³⁸ 05 — группа консервативно настроенных австрийских противников немецкого нацизма, созданная в декабре 1944 г., собиравшаяся в венском дворце Ауэрспег у графини Агаты фон Крой. Группа создала Временный австрийский национальный комитет (будущее временное правительство Австрии, всех членов этого комитета гестапо перехватало, так что в какие бы то ни было органы послевоенной Австрии никто из комитета не вошел), рисовала на зданиях цифры 05 (0 — это отсылка к букве О, первой букве немецкого названия Австрии Oesterreich; 5 — это пятая буква алфавита «е», входящая в немецкое название Австрии: зашифрованный призыв к восстановлению государства Австрии), вошла в контакт в советскими разведчиками Карлом Сокколом (1915–2004) и Борисом Владимировичем Витманом (1920–2012), помешавшим эсэсовцам исполнить распоряжение Гитлера о масштабных взрывах в Вене во время штурма города советскими войсками.

- ⁹³⁹ Мария Васильчикова неправильно расслышала обиходное имя хорватского барона, мужа сестры хорватского графа Гезы Пеячевича, Стефании Марии Верёчи Пеячевич (в замужестве Адамович де Щепин; 1910–1988): Иван Янош Капистан Оскар Генрих Мария Адамович де Щепин (Щепинский; 1905–1971). Со всей своей детворой и женой Капистан Адамович де Щепин (Щепинский) благополучно добрался до Венесуэлы, где и умер в 1971 г.
- ⁹⁴⁰ Георгина (Джина) фон Вильчек (в замужестве цу Лихтенштейн; 1921–1989) — создательница и руководительница лихтенштейнского отделения Международного Красного Креста.
- ⁹⁴¹ Каталин (Ката) Щечени де Сарвар-Фёльсевидек (в замужестве Кински фон Вхниц и Теттау; 1893–1968) — первая жена князя Ульриха Кински фон Вхниц унд Теттау (1893–1938).
- ⁹⁴² Элеонора Мария Кински фон дем Буше (1932–1983) и Мария Хосана Антония Кински фон Вхниц унд Теттау (в замужестве Паллавичини; 1924–1960). Элеонора — дочь от второй жены князя Ульриха, Матильды фон дем Буше и Мартинес де Хоз (1900–1974). Она в то время была в Каире.
- ⁹⁴³ Фридрих (Фредди) Мария фон Паллавичини (1924–2022) — венгерский маркграф, будущий муж Марии Кински фон Вхниц унд Теттау.
- ⁹⁴⁴ Франц Пауль (Пали) Рудольф Мария Иосиф Пальфи аб Эрдёди; 1890–1968) — венгерский граф, известный главным образом своими любовными похождениями, которые он и описал в мемуарах *«Fifty Years of Hunting»* («Пятьдесят лет охоты», 1950). Он был женат восемь раз. Самая известная из его жен (брак продлился несколько месяцев) — французская писательница и киносценаристка, кавалер ордена Почетного легиона Луиза Вильморен де Левек. См. коммент. 280. Последний раз граф женился в 1956 г. на Карин Браун фон Штумм (1923–2008). Умер в Мюнхене.
- ⁹⁴⁵ Поводом для войны с Польшей послужил спор из-за вольного города Данцига (ныне Гданьск), который после Первой мировой войны формально был под управлением Лиги Наций, а фактически был и в самом деле вольным городом. На последних (перед войной) выборах в данцигский сенат большинство мест

заняли пронацистски, пронемецки настроенные депутаты. Гитлер требовал отдать этот город Германии. Если бы Лига Наций пошла на эту уступку, Гитлер все равно начал бы войну с Польшей. Он ясно об этом говорил и своим генералам, и своим дипломатам. Любопытно, что именно в Данциге (Гданьске) немцы встретили первое яростное сопротивление. Советские войска и польская танковая дивизия начали штурм Гданьска 27 марта 1945 г. 30 марта город был взят.

⁹⁴⁶ Мария Васильчикова имеет в виду капеллу Святого Элигия, где находится знаменитая готическая статуя Мадонны (около 1330).

⁹⁴⁷ На Кертнерштрассе находится только одна церковь: церковь Иоанна Крестителя, принадлежавшая (с 1960 снова принадлежащая) Мальтийскому ордену до 1933 г. (в этом году орден продал церковь венской епархии, выкупил в 1960).

⁹⁴⁸ Фритц Висхофер (1914–?) — оберштурмбаннфюрер СС, уроженец Вены. Один из организаторов депортации евреев из Вены в лагеря смерти. Адьютант и друг Бальдура Бенедек фон Шираха. Умудрился уйти от уголовного преследования. Бальдур, отправляясь в тюремное заключение, написал доверенность на имя Висхофера, дабы тот управлял его имуществом. Во время управления Фритц женился на дочке Бальдуре Грете.

⁹⁴⁹ Ян III Собеский (1629–1696) — польский король и полководец. В 1683 г. прорвал турецкую осаду Вены, разгромил турецкую армию, тем самым остановил последнее мощное военное турецкое нашествие в Европу.

⁹⁵⁰ Генрих Гофман (1885–1957) — фотограф; издатель. В нацистскую партию вступил в 1920 г. Не просто личный фотограф, но близкий друг Гитлера, которого начал фотографировать с 1923 г. в Ландсбергской тюрьме. Гитлер не раз гостил в доме у Гофмана. Гофман познакомил его с доктором Теодором Моррелем (1886–1948), который стал личным врачом фюрера. Гофман участвовал во всех пропагандистских акциях гитлеровского режима, часто их и организовывал. На Нюрнбергском процессе приговорен к четырем годам тюремного заключения. В 1950 г. вышел на свободу. Дочь Гофмана Генриэтта (Генни; 1913–1992) с 1932 г. — жена Бальдура фон Шираха.

- ⁹⁵¹ Вместе с Фритцем Висхофером.
- ⁹⁵² Донауфербан (Дунайская прибрежная дорога), 1897 — одна из самых старых железных дорог в Австрии, идет от Санкт-Валентина до Кремса.
- ⁹⁵³ Вокзал Франца Иосифа, 1872 — один из пяти венских вокзалов. Единственный из вокзалов, который продолжал функционировать сразу после войны. Новое здание вокзала было построено в 1978 г. Старое снесено.
- ⁹⁵⁴ Небольшая железнодорожная станция в баварской области Шварцах.
- ⁹⁵⁵ Историческая область на юге Австрии, ныне федеральная земля Австрийской республики.
- ⁹⁵⁶ Имеется в виду замок Швертберг в окрестностях города Швертберга. Построен в XIV в. Достроен в 1608 г. Много раз менял своих владельцев. В 1911 г. его купила графская семья фон Хойос, в чьем владении он до сих пор и находится.
- ⁹⁵⁷ Каролина фон Имхоф (1859–?).
- ⁹⁵⁸ Франц Фердинанд фон Гогенберг (1937–1978) и Эрнст Георг фон Гогенберг (1944–2023).
- ⁹⁵⁹ Эрнст фон Гогенберг (1904–1954) — австрийский герцог, сын эрцгерцога Франца Фердинанда фон Эстеррайха-Эсте (1863–1914) и чешской графини Софии Хойтек (1868–1914). В 1938 г. вместе со своим братом Максимилианом (1902–1962) публично протестовал против аншлюса. Оба были заключены в Дахау. Помещены в общий барак. Работа для них была определена: чистить сортиры. Выжившие узники Дахау вспоминают, что братья держались на редкость стойко. Их жены просили за братьев у Геринга, который благоволил аристократам. Максимилиана (его жена — графиня Елизавета Бона фон Вальдбург цу Вольфегг унд Вальдзе, 1904–1993) освободили в 1939 г. Эрнста (чья жена — англичанка Мария Тереза Вуд, 1910–1985) перевели в Бухенвальд. Выпустили в 1943 г.
- ⁹⁶⁰ Франц Фердинанд фон Эстеррайх-Эсте (1863–1914) — австрийский эрцгерцог, племянник императора Франца Иосифа I. После самоубийства единственного сына императора кронпринца Рудольфа (1858–1889), — наследник престола. Правда, после морганатического брака с особой не королевской крови Франц Иосиф добился от племянника отказа от престолонаследия

своих детей от Софьи Хойтек и дал Хойтек и ее детям титул герцогов Гогенберг. Франц Фердинанд надеялся преобразовать дуальную империю Австро-Венгрии в империю триальную Австро-Венгро-Чехию, благоволил славянским народам многонациональной империи. Застрелен сербским националистом Гаврилой Принципом (1894–1918) в Сараево, главном городе Боснии и Герцеговины, аннексированной Австро-Венгрией, куда приехал с дружеским визитом. Это убийство стало спусковым крючком Первой мировой войны.

⁹⁶¹ Гитлер родился в Линце.

⁹⁶² Нем. Seehotel «Schwan» (озерный отель «Лебедь») — люксовый отель в Гмундене. Существует до сих пор.

⁹⁶³ Кёнигинвилла, или вилла Тун — загородный дом, который снимала семья Эрнста Августа. На вилле часто бывала племянница Эрнста Августа королева Виктория, отсюда и название «вилла королевы».

⁹⁶⁴ Мария Васильчикова ошибается: Эрнст Август построил замок Камберленд, а виллу Тун он в конце концов купил.

⁹⁶⁵ Ольга, принцесса Ганноверская, Великобританская и Ирландская (1884–1958), всю жизнь прожила в Гмундене.

⁹⁶⁶ Амштеттен — крупный транспортный узел в Австрии, поэтому бомбили его нещадно. Вблизи города был расположен концлагерь, узники которого работали на расчистках завалов. 13 апреля 1945 г. заключенных транспортировали в Маутхаузен. Амштеттен был взят советской армией 5 мая.

⁹⁶⁷ Бад Аусзее — австрийский горный курорт.

⁹⁶⁸ Амалия Тереза Элизабет Мария Джозефа Бенедикта фон Вильчек (в замужестве графиня Пеячевич), 1917–1985.

⁹⁶⁹ Стефания Мария Валерия Габриела Адамович де Щепин (Щепинская, урожд. графиня Пеячевич; 1910–1988) — сестра Гезы Пеячевича.

⁹⁷⁰ Антуанетта Адамович де Щепин (Щепинская, в замужестве графиня фон Вимпфен; 1910–2008) и Миклош Адамович де Щепин (Щепинский; 1936–2017). Остальных обнаружить не удалось.

⁹⁷¹ Крайслайтер — руководитель нацистской городской парторганизации. В 1945 г. крайслайтером Гмундена был Вильгельм Вольфсгрубер.

- ⁹⁷² Йозеф Нёстлингер — из семьи владельцев гмунденского люкс-отеля «Лебедь» (см. коммент. 962). Его потомок до сих пор владеет этим отелем. Йозеф Нёстлингер был бургомистром Гмундена с 1942 по 1945 г.
- ⁹⁷³ Флоридсдорф — окраинный район Вены. В 1904 г. небольшой городок Флоридсдорф с окружающими его деревнями вошел в городскую черту. В 1934 г. Флоридсдорф — место ожесточенных боев рабочих отрядов шуцбунда и правительственных войск Дольфуса. Правительственные войска применили тогда против шуцбундовцев пушки и отравляющие газы. Советские войска вошли во Флоридсдорф 15 апреля 1945 г. При всем желании советские никого не могли повесить на деревьях во Флоридсдорфе до 15 апреля. 8 апреля 1945 г. во Флоридсдорфе эсэсовцами были повешены участники венского антигитлеровского Соппротивления: Карл Бидерман (1890–1945), Альфред Хут (1918–1945) и Рудольф Рашке (1923–1945).
- ⁹⁷⁴ В Бад Ишле с 1838 г. был замок графов и князей Штаремберг — вилла Штаремберг. В описываемое время там жили Георг Адам фон Штаремберг (1904–1978), его жена Анна Агнесса фон Изенбург (в замужестве фон Штаремберг; 1904–1970) и их дети: три дочери и сын. Кроме того, в части замка с 1942 г. располагалась резиденция гауляйтера (партруководителя) и рейхсштатгальтера Верхней Австрии Августа Айгрубера (1907–1947; повешен по делу Дахау). В 1969 г. Георг Адам продал свою виллу в Бад Ишле австрийскому государству.
- ⁹⁷⁵ Мария Ирена Иоганна фон Шёнборн-Визентхайд (в замужестве фон унд цу Эльц; 1875–1957).
- ⁹⁷⁶ Бад Аусзее — горный городок, со всех сторон окруженный альпийскими лесами. Альберту Морицу фон унд цу Эльцу (1915–1998) было где спрятаться.
- ⁹⁷⁷ Виктор Сергей (Сергиус) Генрих Бруно Карл цу Эрбах-Шёнберг (1880–1967) — немецкий принц; дипломат. На дипслужбе с 1915 г. Последняя занимаемая им должность — посол в Греции с 1936 по 1941 г. После того как Греция была оккупирована, надобность в посольстве отпала. Место посла в Греции занял полномочный представитель рейха Гюнтер Альтенбург (1894–

1984). Эржбетта (Элизабет) Шечени де Сарвар-Фельсевичек (в замужестве цу Эрбах-Шёнберг; 1887–1977 — венгерская графиня.

⁹⁷⁸ Каталина (Катя) Шечени де Сарвар-Фельсевичек (в замужестве Кински фон Вхиниц унд Теттау; 1893–1968).

⁹⁷⁹ Госпиталь, расположенный в замке Ганноверов Каберленд.

⁹⁸⁰ Команда, выполняющая *Negobefehl* Гитлера. См. коммент. 907.

⁹⁸¹ Август Айгрубер (1907–1947) — один из руководителей австрийских нацистов. С 1925 г. — руководитель нацистской молодежной организации в Австрии. С 1928 г. — член нацистской партии Германии. Гауляйтером Верхней (Северной) Австрии стал с 1936 г., когда нацистская партия была запрещена и находилась в подполье. После аншлюса Австрии не только гауляйтер, но и рейхсштатгальтер (гос. наместник) Верхней (Северной) Австрии. Повешен по делу Дахау в 1947 г.

⁹⁸² Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) — 32-й президент США. Единственный президент США, который провел на этом посту больше двух сроков. Инициатор Нового курса, благодаря которому США были выведены из Великой депрессии. Наиболее последовательный и яростный враг Гитлера и нацизма. Его смерть 12 апреля 1945 г. была отпразднована в бункере Гитлера.

⁹⁸³ Неподалеку от города Бишофсхофен находился самый большой лагерь для военнопленных в Верхней (Северной) Австрии Шталаг XVIII С (317) Марка Понгау. Создан в марте 1941 г. Рассчитан на 10 000 узников. Содержалось 30 000 советских, югославских, польских, французских, итальянских военнопленных.

⁹⁸⁴ Дирндль (от нем. *Dirne* — девушка из простонародья) — квазинародный женский костюм, вошедший в моду у националистически настроенных баварских и австрийских богачей. При национал-социализме был возрожден стараниями нацистской модельерши Гертруды Пезендорфер (1895–1982). Ныне вновь входит в моду.

⁹⁸⁵ Бад Гаштайн — горнолыжный и бальнеологический курорт в Австрии. После Второй мировой войны в реквизированных

отелях Бад Гаштайна были размещены уцелевшие узники концлагеря Эбензее («дочернего» лагеря Маутхаузена).

⁹⁸⁶ Концлагерь Эбензее, 1943–1945 — создан по приказу Гитлера после того, как англичане разбомбили полигон Пенемюнде, где готовились ракеты (пресловутое «вундер-ваффе», «чудо-оружие»). Заключенные (евреи из Восточной Европы, поляки и советские военнопленные) Эбензее работали под землей, в подземных цехах; занимались тем же, чем занимались в разбомбленном Пенемюнде. Лагерь освобожден американцами 6 мая 1945 г.

⁹⁸⁷ Джордж Смит Паттон-младший (1885–1945) — американский военачальник. 80-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Ораса Лорана Мак-Брайда (1894–1962), входившая в 3-ю армию Паттона, освободила Эбензее 6 мая 1945 г.

⁹⁸⁸ Антон Ганц (1899–1973) вступил в нацистскую партию в 1931 г., в 1934 г. — в СС. Комендант лагерей Хинцерт, Тенберг, Эбензее. После войны скрывался в Австрии под чужим именем. В 1949 г. вернулся в Германию. Под своим именем работал в строительной фирме до выхода на пенсию в 1965 г. В 1972 г. против него был возбужден процесс. Приговорен к пожизненному заключению. По возрасту и состоянию здоровья выпущен на свободу. Умер в 1973 г. от рака.

⁹⁸⁹ Мать — испанская герцогиня Изабелла де Сильва и Карвайаль де Кастильехо (1880–1980); жена — русская княжна Татьяна Илларионовна Васильчикова (1915–2006).

⁹⁹⁰ В предместьях Берлина советская армия ворвалась 24 апреля 1945 г.

⁹⁹¹ Предпоследняя речь Геббельса. С последней он выступит 21 апреля 1945 г. Мария Васильчикова цитирует неточно: «Мы чувствуем фюрера в нас и вокруг нас».

⁹⁹² Атнанг-Пуххайм подвергся во время войны только одному воздушному налету, свидетелем которого и стала Мария Васильчикова 21 апреля 1945 г. Налет длился три часа. В нем приняло участие 300 самолетов, на город было сброшено 2340 бомб, погибло более 700 человек.

⁹⁹³ Фольксштурм (буквально: народная буря), 1944–1945 — отряды непрофессиональных солдат в возрасте от 18 до 60 лет, которые начали создавать по приказу Гитлера с 18 октября 1944 г. Попытка уклониться от военной службы в фольксштурме чаще всего каралась смертью. К началу 1945 г. в фольксштурм стали брать и 13–15-летних подростков. На Восточный фронт было направлено сто батальонов фольксштурма, на западный — около пятидесяти.

⁹⁹⁴ Речь идет о сорванном гестапо плане восстания в Вене частей вермахта. План восстания разработали майор вермахта Карл Соколл и советский контрразведчик Борис Владимирович Витман. План был согласован с советским командованием. Согласно этому плану, должны были быть разминированы мосты через Дунай (это было выполнено), 6 апреля части под руководством заговорщиков должны были пробить брешь в обороне Вены. 4 и 5 апреля 1945 г. гестапо арестовало всех заговорщиков за исключением Соколла и Витмана. Им удалось бежать и предупредить советское военное руководство о том, что план сорван и бреша в обороне города не будет. Тем не менее некоторые части фольксштурма и вермахта, распропагандированные людьми Соколла и Витмана, вступали в короткие стычки с эсэсовцами, разоружали их. Стычки не были особенно кровопролитными. Оказавшись меж двух огней, эсэсовцы сдавались своим и тут же переодевались, поскольку людей в эсэсовской форме убивали без суда солдаты всех союзнических армий, и советские, и английские, и американские.

⁹⁹⁵ Неподалеку от баварского высокогорного альпийского курорта Берхтесгаден, в местечке Оберзальцберг, Гитлер с 1928 г. снимал дом у женщины по фамилии Ваханфельд за 100 марок в месяц. В 1933 г. он купил этот дом за 40 000 золотых марок. Дом был реконструирован в помпезное роскошное здание. Рядом были построены виллы Геринга и Бормана. Дом стал называться Бергхоф. Гитлер подолгу и часто жил здесь, принимал иностранные делегации. Навсегда он уехал из Бергхофа (Берхтесгадена) 15 января 1945 г. Тем не менее 25 апреля 1945 г. на Бергхоф был совершен воздушный налет. В два

захода гитлеровский замок бомбили 275 британских бомбардировщиков и 98 американских.

⁹⁹⁶ Фердинанд Шёрнер (1892–1973) — немецкий генерал-фельдмаршал. Участник Первой и Второй мировых войн. Единственный из немецких генералов, кто начал службу рядовым, а закончил фельдмаршалом. Один из тех офицеров, кто подавлял нацистский Пивной путч 1923 г. в Мюнхене. К 1944 г. пользовался особым доверием Гитлера. После окружения Берлина, выполняя приказ Гитлера, начал отвод своих войск к Праге, чтобы сделать ее «вторым Берлином». Будучи окружен превосходящими силами, дал приказ к отступлению. 15 мая 1945 г. сдался в плен американцам. В конце мая передан СССР. В 1955 г. освобожден, вернулся в ФРГ. В 1957 г. осужден мюнхенским судом за совершение военных преступлений на 4,5 года. Отсидев, жил в Мюнхене.

⁹⁹⁷ Клагенфурт-ам-Вёртерзее — город на юге Австрии, административный центр федеральной земли Каринтия на берегу озера Вёртер.

⁹⁹⁸ И Эгер (ныне Хеб, Чехия) и Мариенбад (ныне Марианске-Лазне, Чехия) в апреле 1945 г. были действительно освобождены американцами. В июне 1945 г., соблюдая подписанные в Потсдаме соглашения, американские войска из этой части Чехии ушли, пришли советские войска.

⁹⁹⁹ Моосхам — замок XII в. В 1886 г. его в полуразрушенном состоянии приобрел и отреставрировал дедушка Сизи Вильчек, австро-венгерский граф и полярный исследователь (первооткрыватель архипелага Земля Франца-Иосифа) Иоганн Непомук фон Вильчек (1837–1922). Замок до сих пор во владении семьи Вильчек, впрочем, открыт для посещений.

¹⁰⁰⁰ Эсэсовец Карл Вольф не командовал всеми вооруженными силами Италии, он был посредником между американцами, англичанами и немецким командованием. Переговоры перестали быть тайными, на них присутствовали и советские военные представители. Подписывал акт о капитуляции немецких войск в Северной Италии командующий этими войсками Генрих Отто Рихард фон Фингхоф генаннт Шеель (1887–1952). После британского плена был привлечен Аденауэром к работе по созданию бундесвера.

- 1001 Граф Мария де Мерседес Йоханнес Якоб Эрвейн Карл Августин Эммеран Паулюс Антониус Йоханнес фон Непомук фон унд цу Эльц генаннт Фауст фон Штромберг (1921–2006).
- 1002 Радштадт-Тауэрн-Пасс — Радштедтер Тауэрн — римская дорога через альпийский перевал. Разумеется, с тех пор не раз обновляемая.
- 1003 Хохостервиц — один из самых древних замков в Австрийских Альпах. Известен с 860 года. Сначала им владели дворяне Астравица-Остервицы, с XVI в. замок во владении Кевенхюллеров. В таковом владении остается до сих пор. До 1961 г. в замке не было водопровода.
- 1004 Рене фон Вильчек (урожд. ван Хентьенс; 1911–1995).
- 1005 Иоганн (Ханзи) Ханс-Эрвейн Непомук Эрвейн Мария Йозеф Фердинанд Никомед Эсташ фон Вильчек (1913–1987) — старший брат и тезка Йоханнеса фон Вильчека-мл. См. коммент. 27.
- 1006 Отчего же формально? 7 мая 1945 г. в Реймсе был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии, вступивший в силу 8 мая. По требованию Сталина состоялось повторное подписание капитуляции Германии в ночь с 8 на 9 мая в берлинском пригороде Карлсхорсте.
- 1007 Будущий титул Элизабет (Сизи) фон Вильчек, ставшей женой венгерского графа Гезы Андраши (см. коммент. 894) — графиня Андраши фон Чик-Сент-Кирай и Красна-Хорка.
- 1008 Вильгельм Альфред Генрих Карл Теодор Отто Геро Мария фон унд цу Лихтенштейн, граф цу Ритберг, с 1950 по 1980 г. — граф фон Хоэнау (1922–2006) был кузеном Франца Иосифа II фон унд цу Лихтенштейна, правящего князя государства Лихтенштейн.
- 1009 Штробль-ам-Вольфгангзее — небольшой австрийский городок на берегу озера Вольфгангзее.
- 1010 Стефания Мария Роза Людвина Вальпурга Текла фон унд цу Эльц генаннт Фауст фон Штромберг (в замужестве графиня фон Харрах цу Рорау унд Таннхаузен; 1917–2011).
- 1011 Жена Гёзы Пеячевича Амалия фон Вильчек, сестра Элизабет (Сизи) фон Вильчек.
- 1012 Альфред Аппоньи де Надь-Аппоньи (1911–1989) — венгерский граф.
- 1013 Карл Мария фон Шёнбург-Хартенштейн (1901–1972).

- ¹⁰¹⁴ В Чехии у графов Шёнбург-Хартенштейн был замок Ротльхота (ныне Червена-Лхота, Чехия). Приобретен в 1835 г. Замок стоит посреди искусственного водоема. Национализирован после войны. Его хотели передать Министерству сельского хозяйства. Управляющий имением, чех Антонин Вркоч, поднял плотину водоема. Вода ушла. Замок остался стоять посреди грязной лужи. Министерство сельского хозяйства отказалось въезжать в замок. Замок стал музеем в ведении Минкульту.
- ¹⁰¹⁵ Йодль — горловое пение у многих народов, живущих в горах.
- ¹⁰¹⁶ Мария цу Фюрстенберг (урожд. Фестетикс де Толна; 1881–1953) — венгерская княгиня. Ее мать — англичанка Мари Виктория Дуглас, герцогиня Гамильтон (1850–1922).
- ¹⁰¹⁷ Фердинанд Мария Йозеф Вильгельм фон Вильчек (1893–1977) — австрийский граф.
- ¹⁰¹⁸ Тир — южнонемецкий город на Рейне.
- ¹⁰¹⁹ Вадуц — столица княжества Лихтенштейн.
- ¹⁰²⁰ Дуайт Дэвид Эйзенхауэр (1890–1969) — 34-й президент США, в описываемое время (1944–1945) главнокомандующий войсками союзников на Западном фронте.
- ¹⁰²¹ Георгий Александрович Щербатов (1897–1976).
- ¹⁰²² Александр Александрович Щербатов (1881–1915); София Сергеевна Щербатова (урожд. Васильчикова; 1879–1927).
- ¹⁰²³ Ошибка: Альфред Хорстман был арестован и умер в советском концлагере, расположенном на месте бывшего нацистского концлагеря Заксенхаузен.
- ¹⁰²⁴ Люсия (Люси) Луиза фон Ингельхайм генаннт Эхтерин фон унд цу Меспельбрунн (в замужестве фон Штюльпнагель; 1917–1958).
- ¹⁰²⁵ Рихард фон Матушка-Грайфенклау (1893–1975) — немецкий граф чешского происхождения; крупный винодел; до нацистского переворота 1933 г. — активный деятель партии католического Центра, в 1934 г. отказался принимать присягу на верность фюреру и (тем более) вступать в нацистскую партию. Уволен с госслужбы. Жил в своем рейнском имении. После войны — один из создателей в Германии партии Христианско-демократический союз. Элеонора фон Найперг (в замужестве фон Матушка-Грайфенклау; 1912–1989).

- 1026 Замок Фоллрадс и окружающее его винодельческое хозяйство до сих пор принадлежат семейству фон Матушка-Гайфенклау.
- 1027 Активно участвовал в антинацистском Сопротивлении (в заговоре 20 июля 1944 г.) дальний родственник Рихарда — Михаэль фон Матушка (1888–1944; казнен в Плётцензее).
- 1028 Маргерит Иоанна де Роан (1923–2012).
- 1029 Удалось установить только одну сестру Маргерит де Роан-Мабиль Терезу Габриелу де Роан (1924–1982).
- 1030 Ныне город Турнов (Чехия). Центр крупнейшего заповедника «Чешский рай».
- 1031 Пьер Миньяр (1612–1695) — французский художник; фаворит Людовика XIV. Король сделал его дворянином и дал звание первого художника короля.
- 1032 Жан-Марк Натье (1685–1766) — французский живописец, один из самых талантливых портретистов эпохи рококо.
- 1033 Гиацинт Риго (1659–1743) — французский живописец, мастер парадного портрета эпохи Людовика XIV.
- 1034 Куната Иоганн Игнациус Коттулинский, барон фон Коттулин (1914–2004). Маргерит де Роан удается уехать из Сихрова, и она выйдет замуж за барона фон Коттулина (Коттулинского).
- 1035 Пласи, или бывший Пласский монастырь — во время церковной реформы Иосифа II (1741–1790) бывший цистерцианский монастырь был распущен. В 1826 г. здания и угодья были переданы Клеменсу фон Меттерниху-Виннебургу, канцлеру Австрийской империи. Меттерних перестроил монастырь в дворец. Ныне — музей.
- 1036 См. коммент. 257.
- 1037 София фон Лёвенштейн-Вертайм-Розенберг (в замужестве графиня фон унд цу Эльц генаннт Фауст фон Штромберг; 1900–1982) — мать Якоба Эльца (см. коммент. 1001).
- 1038 Мария Жозефина Вильгельмина Филиппина фон Лёвенштейн-Вертайм-Розенберг (урожд. графиня фон Вхиниц унд Теттау; 1874–1946) — в замужестве княгиня.
- 1039 Ошибка памяти. На картине знаменитого американского художника Джона Сарджента (одного из последних мастеров парадного портрета) изображена одна графиня Тереза фон Клари унд Альдринген.

- ¹⁰⁴⁰ Эдвардианская эпоха с 1901 по 1910 г. — время формального правления сына королевы Виктории (1819–1901) Эдуарда VII (1841–1901), когда казалось, что все социальные (и геополитические) конфликты разрешены (или успешно разрешаются), никаких войн и революций не предвидится, элита может спокойно наслаждаться жизнью, искусством, путешествиями, модами, а у низших классов будет постепенно повышаться уровень жизни. Аналог германского золотого вильгельмовского века и русского Серебряного века.
- ¹⁰⁴¹ Лидвина (Лиди) Анна Мария Антония Андреа Вальпурга Текла фон унд цу Эльц генаннт Фауст фон Штромберг (1894–1984) — графиня, жена князя Альфонса фон Клари унд Альдрингена (1887–1978).
- ¹⁰⁴² Мария Васильчикова ошиблась: замок фон Лёвенштейнов-Вертхаймов-Розенбергов находился не в Бромбахе, а в Броннбахе. С 1151 г. — цистерцианский монастырь. В ходе Реформации был отобран у монахов. До 1802 г. находился в запустении. С 1802 по 1986 г. во владении фон Лёвенштейнов-Вертхаймов-Розенбергов, переделавших монастырь во дворец, восстановивших винодельческое и пивоваренное производство.
- ¹⁰⁴³ Йоханн Георг Маркус Эрвайн Мария Агидиус Августин фон Клари унд Альдринген (1919–2007). Умер в США.
- ¹⁰⁴⁴ Джон Леонард Пирс (1895–1959) — американский бригадный генерал (с июня 1943). Командующий 16-й танковой дивизией, принимавшей участие в боях в Южной Германии и Чехословакии. Его дивизия освобождала город Пильзень.
- ¹⁰⁴⁵ Лоренс Адольф Штейнхардт (Штейнхардт; 1892–1950) — американский экономист; дипломат. Активный участник первой предвыборной кампании Франклина Делано Рузвельта. Посол в шести странах. С 1933 по 1937 г. — в Швеции, с 1937 по 1939 г. — в Перу, с 1939 по 1941 г. — в СССР. Во время Советско-финской войны 1939–1940 гг. настойчиво рекомендовал президенту Рузвельту занять жесткую позицию по отношению к СССР. С 1942 по 2 апреля 1945 г. — посол в Турции. Пытался привлечь Турцию на сторону союзников по антигитлеровской коалиции, много сделал для спасения жизней евреев Юго-Восточной Европы. С 20 июля

1945 г. по 19 сентября 1948 г. — посол в Чехословакии. Пытался остановить сползание страны к коммунистическому перевороту 1948 г. С 1948 по 1950 г. — посол в Канаде. Погиб в авиакатастрофе.

Послесловие

- ¹⁰⁴⁶ Ханс Генрих Херварт фон Биттенфельд (1904–1999) — немецкий дипломат. С 1931 по 1939 г. — атташе немецкого посольства в Москве. Вошел в контакт с американскими дипломатами, передал им скопированные секретные протоколы к Пакту о ненападении, предусматривающие раздел Польши. С этого времени сотрудничал с американской разведкой под псевдонимом Джонни. В 1941 г. смог передать американцам (а те — СССР) сведения о готовящейся войне. В годы войны — офицер абвера (военной разведки). В качестве такового был одним из тех, кто курировал создание власовского Комитета освобождения народов России. Входил в ближний круг заговорщиков 20 июля 1944 г. После войны — видный дипломат ФРГ.
- ¹⁰⁴⁷ Книга была написана вместе с американским историком Стивеном Фредериком Старром (р. 1940). В Лондоне и Нью-Йорке она вышла под именем Джонни Херварта фон Биттенфельда. В 1982 г. переведена на немецкий под названием «Между Гитлером и Сталиным. Пережитая история современности».
- ¹⁰⁴⁸ План Маршалла (официальное название «European Recovery Program» — «Программа восстановления Европы»), 1947–1953 — план послевоенного восстановления, выдвинутый, разработанный и воплощенный в жизнь госсекретарем США Джорджем Кетлеттом Маршаллом-мл. (1880–1959). Стал лауреатом Нобелевской премии мира (1953).
- ¹⁰⁴⁹ Стоит напомнить, как именно упоминает Мария Васильчикова будущего западногерманского дипломата: «Сандро Зольмс (чиновник Министерства иностранных дел) повелевает судьбой марионеточных правительств Румынии, Болгарии и т. п.».

- ¹⁰⁵⁰ Мария фон Герсдорф покончила с собой 30 апреля 1945 г.
- ¹⁰⁵¹ Рейнхардт Гелен (1902–1979) — немецкий разведчик, совместно с абвером и СД руководил контрразведывательными и диверсионными операциями против СССР. В 1945 г. аккуратно упаковал все материалы, связанные со своей контрразведывательной деятельностью и передал их американцам, предложив свои услуги в борьбе с коммунистической угрозой и агрессивной политикой СССР. Американцы приняли это предложение. Гелен поначалу создал так называемую «организацию Гелена» (1946), позднее (в 1955) она была преобразована в BND (Bundesnachrichtendienst) Федеральную разведывательную службу ФРГ.
- ¹⁰⁵² Клаус Барби (1913–1991) — гауптштурмфюрер СС, шеф гестапо в Лионе, известен под прозвищем Лионский мясник за свою крайнюю жестокость и организацию массовых убийств. В 1947 г. осужден во Франции (смертная казнь), с помощью американской разведки бежал в Боливию, где принимал активное участие в организации карательных экспедиций против повстанцев, в частности против отряда Че Гевары. 25 января 1983 г. арестован боливийским правительством и выдан Франции. Процесс закончился в 1987 г. Барби был приговорен к пожизненному заключению. Умер в тюрьме от рака.
- ¹⁰⁵³ Бертольд Шенк фон Штауффенберг (1905–1944) — немецкий юрист, специалист по международному праву. В годы Второй мировой войны служил в штабе Военно-морского флота Германии юрисконсультom. Активный участник заговора 20 июля 1944 г. В этот день был в Бендлерблоке и пытался осуществить связь с руководством Военно-морского флота. Арестован в ночь с 20 на 21 июля. Казнен 10 августа в тюрьме Плётцензее.

Благодарю сотрудников Российской национальной библиотеки Игоря Юрьевича Шундалова и Аллу Яковлевну Лapidус за помощь в составлении комментариев.

Никита Елисеев

Содержание

Георгий Васильчиков

Предисловие 7

1940 15

1941

январь—июнь 73

1941—1943 99

1943

июль—декабрь 135

1944

1 января—18 июля 207

1944

19 июля—сентябрь 293

1945

январь—сентябрь 373

Георгий Васильчиков

Послесловие 461

Никита Елисеев

Комментарии 470

МАРИЯ ВАСИЛЬЧИКОВА

БЕРЛИНСКИЙ ДНЕВНИК
1940–1945

16+

Редактор *И. Г. Кравцова*
Корректор *Л. А. Самойлова*
Компьютерная верстка *Н. Ю. Травкин*

Подписано к печати 16.10.2024. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ №

Издательство Ивана Лимбаха
197348, Санкт-Петербург, Коломяжский проспект, 18
(бизнес-центр «Норд Хаус»)
тел.: 676-50-37, +7 (931) 001-31-08
e-mail: limbakh@limbakh.ru
www.limbakh.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14